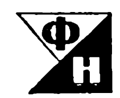
АРИСТОТЕЛЬ

СОЧИНЕНИЯ

Ф
Н

Философское Наследие

АРИСТОТЕЛЬ

СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

«МЫСЛЬ»

МОСКВА – 1978

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКТОР ВТОРОГО ТОМА
З. Н. МИКЕЛАДЗЕ

А $\frac{10501\text{-}064}{004(01)\text{-}78}$ Подписное

ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ

Он с гордостью заявлял (и с полным на то правом), что новая дисциплина (для которой у него так и не нашлось единого наименования) — его детище, что в этой области «в наличии не было ровно ничего» [1]; «мы не нашли ничего такого, что было бы сказано до нас, а должны были сами создать [ее] с большой затратой времени и сил» [2]. Прощаясь со слушателями [3], он просит их учесть это обстоятельство и «быть снисходительными к упущениям в этом учении», но вместе с тем «признательными за все изобретенное» им.

«Великая заслуга» [4] Аристотеля состоит не столько в том и даже вовсе не в том, что «ему впервые удалось систематизировать и кодифицировать приемы рассуждения, которые у его предшественников оставались неясными и несформулированными» [4], а в том, что впервые он сделал эти приемы *предметом* научных изысканий, именно приемы рассуждения как целостные образования, а не только те или иные компоненты рассуждения. Речь, разумеется, идет тут не о том, что-де до Аристотеля не было никого, кто *применял* бы изученные им или неизвестные ему и, быть может, гораздо более тонкие способы аргументации. Ведь в этой связи он сам называет (по свидетельству Секста Эмпирика и Диогена Лаэрция) имя Зенона из Элеи как «изобретателя диалектики», а также пифагорейцев, Демокрита и в особенности Сократа: «Сократ исследовал нравственные добродетели и первый пы-

[1] «О софистических опровержениях» 34, 183 b 36.
[2] Там же, 184 b 1—3.
[3] Там же, 184 b 6—8.
[4] *Н. Бурбаки.* Очерки по истории математики. М., 1963, стр. 12.

тался давать их общие определения... Сократ с полным основанием искал суть вещи, так как он стремился делать умозаключения, а начало для умозаключения — это суть вещи: ведь тогда еще не было диалектического искусства... И в самом деле, две вещи можно по справедливости приписывать Сократу — доказательства через наведение и общие определения: и то и другое касается начала знания» [5]. К именам Зенона из Элеи, Демокрита и Сократа следовало бы добавить имена блестящих математиков Теодора из Кирены, Гиппократа из Хиоса и Евдокса из Книда, выходцев из пифагорейской и платоновской школ. Все это так, но ведь в данном случае дело касается не того, кто впервые применил, а кто впервые *начал исследовать* то, что применяется в качестве приема, способа, искусства исследования. Математику, наверное, не верится, что основной (если не единственный) метод его науки, а именно доказательство, привлек впервые исследовательский взор не математика, а философа, причем такого, который, «по-видимому, не слишком обременял себя изучением математических достижений своего времени» [6].

§ 1. О ПРЕДМЕТЕ ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ

«Прежде всего следует сказать, о чем исследование и дело какой оно [науки]» [7].

Известно, что глобальное определение предмета какой-либо науки, учитывающее весь ход ее будущего развития, весь комплекс проблем, могущих оказаться в кругозоре ее занятий,— безнадежное предприятие. История логики, в особенности последнего двадцатилетия, тому свидетель. Однако почти всегда поддается усмотрению тот изначальный феномен, который в качестве проблемы, открывшейся удивленному взору его первого исследователя, породил данную науку и который навсегда останется ядром всей ее возможной

---

[5] «Метафизика» XIII 4, 1078 b 17—30.

[6] *Н. Бурбаки*. Цит. соч., стр. 12.

[7] «Первая аналитика» I 1, 24 a 10. Обычай предварять научное сообщение определением предмета и метода предлагаемого исследования, видимо, восходит к этой вводной фразе «Первой аналитики».

проблематики. Анализ изначального феномена порой приводит к расширению предмета исследования, но впоследствии также и к сужению области рассмотрения, нерасчетливо раздутой на предыдущем этапе развития. Таким образом, на каждом этапе происходит уточнение того, чем данная наука занимается. И это, пожалуй, естественно. Между тем такая неопределенность нередко приводила ученых в уныние, толкая их к полному отказу от попыток определения того, чтó ими в конце концов изучается. В подобной ситуации единственно правильным представляется применение знаменитого аристотелевского правила *середины:* будем ограничиваться указанием на изначальный феномен как предмет данной науки, но вместе с тем, отдавая дань сциентистской скрупулезности, уточнять, что при этом имеется в виду предмет в узком смысле этого слова.

В «Топике» и трактате «О софистических опровержениях» дан ответ только на вопрос «о чем исследование?», т. е. на вопрос о предмете (но не о методе, «дело какой оно науки?») нового учения: исследовать дóлжно *силлогизм,* точнее, способ, средство, искусство построения силлогизмов «о всякой предлагаемой проблеме» [8], «относительно предложенных для обсуждения проблем» [9].

В «Органоне» имеется три почти полностью совпадающих определения этого понятия [10], согласно которым силлогизм есть некоторое образование, принадлежащее роду *логосов* и описываемое следующим образом: он представляет собой *отношение необходимого следования* между данными *предположениями* и *заключением,* причем а) данные предположения полностью определяют заключение в том смысле, что заключение, чтобы ему с необходимостью следовать из посылок, не должно нуждаться ни в чем другом, кроме того, что предположено [11], б) заключение отличается от посылок.

Под «логосом» в контексте аристотелевского определения силлогизма следует, пожалуй, понимать

---

[8] «Топика» I 1, 100 а 19—20.
[9] «О софистических опровержениях» 34, 183 а 38.
[10] Там же, 1, 165 а 1—2; «Топика» I 1, 100 а 25—27; «Первая аналитика» I 1, 24 b 18—20.
[11] Там же.

рассуждение[12]. Если теперь предположить, что как-то определены отношение следования и предикат «с необходимостью», касающийся отношения следования (об этом см. ниже § 5), то станет ясным, что аристотелевское определение силлогизма есть по существу определение дедукции, дедуктивного рассуждения в самом широком смысле этого термина, и притом определение вполне корректное, если только изъять из него очевидно ненужное, хотя и понятное ограничение, гласящее (пункт б), что заключение должно отличаться от посылок.

Определение предмета и метода нового учения, сформулированное в самом начале «Первой аналитики», лаконично и предельно ясно: «Оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки»[13], демонстративной науки, или, как сказали бы мы теперь, дедуктивной науки.

В то время как в «Топике» и трактате «Об истолковании» источником, материалом для логических исследований, объектом наблюдений Стагирита служат главным образом споры, дискуссии, диспуты на произвольные темы, а результаты исследования облечены в форму рекомендаций по их успешному ведению, в «Аналитиках» интерес Аристотеля определенно смещен, хотя местами отдается дань также и старому увлечению. Схемы рассуждения, которые занимают его теперь,— это почти исключительно те, по которым «ведут доказательства и математические науки, такие, как арифметика, геометрия, оптика, и, можно сказать, все науки, исследующие причины, *почему* есть»[14], т. е. те науки, которые он причисляет к доказывающим наукам[15].

Доказательство — это силлогизм, который «строится из истинных и первых [положений] или из таких, знание о которых берет свое начало от тех или иных

---

[12] Что касается онтологического статуса *логоса*, этот термин допускает и лингвистическое (речь), и психологическое (мысль), и объективное (обстояние вещей) толкование, причем сам Аристотель прибегал к каждому из них в зависимости от того, какой аспект исследуемого явления интересовал его в данном случае. Распространенное мнение, будто Стагирит путал логическое с грамматическим, следует считать полным недоразумением.

[13] «Первая аналитика» I 1, 24 а 10—11.

[14] «Вторая аналитика» I 14, 79 а 18—21.

[15] Там же, I 2.

первых и истинных [положений]» [16], т. е. из аксиом или теорем, как принято говорить ныне. О том, «посредством чего, когда и каким образом получается всякий силлогизм... следует говорить раньше, чем о доказательстве, потому что силлогизм есть нечто более общее: ведь доказательство есть некоторого рода силлогизм, но не всякий силлогизм — доказательство» [17].

Аристотель употребляет следующие термины как синонимы: «доказательство», «доказывающий силлогизм» [18], «научный силлогизм» [19], «научное доказательство» [20]. От доказывающего силлогизма отличаются диалектический и эристический, или софистический, силлогизмы, изучением которых заняты главным образом трактаты «Топика» и «О софистических опровержениях».

Вопрос о том, каким образом строится дедуктивное рассуждение (силлогизм), и в частности доказательство, составляет, следовательно, центральную проблему логики Аристотеля. Все остальные вопросы, какими бы важными они сами по себе ни казались, сконцентрированы вокруг этой центральной проблемы, узрение которой и означало *изобретение логики* [21].

§ 2. БЫТИЕ В ВОЗМОЖНОСТИ И БЫТИЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В онтологии Аристотеля различаются две сферы, или два аспекта, сущего: бытие в возможности и бытие в действительности, осуществленности [22], или, иначе, потенциально сущее и актуально сущее.

---

[16] «Топика» I 1, 100 a 27—29.

[17] «Первая аналитика» I 4, 25 b 26—31.

[18] «Вторая аналитика» I 6, 74 b 10—11.

[19] Там же, I 2, 71 b 18.

[20] Там же, I 6, 75 a 30.

[21] «Я думаю, — писал Лейбниц, — что изобретение силлогистической формы есть одно из прекраснейших и даже важнейших открытий человеческого духа. Это своего рода универсальная математика, все значение которой еще недостаточно понято. Можно сказать, что в ней содержится искусство непогрешимости, если уметь правильно пользоваться ею» (*Лейбниц*. Новые опыты о человеческом разуме. М. — Л., 1936, стр. 423). Мнение Лейбница на предмет важности аристотелевского открытия явно не сходится с мнением его почитателя — Н. Бурбаки!

[22] «Метафизика» III 1, 996a 11; VI 2, 1026 b 1—2; IX 1, 1045 b 33—34; IX 6—7, 1048 a 31—35; 1048 b 37—1049 a 16; XI 9, 1065 b 15.

Вещи (события), если только они не невозможны[23], либо действительны «без возможности» (непреходящи, вечно актуально сущи), либо «никогда» не действительны, но только возможны (вечно потенциально сущи), либо, наконец, действительны «вместе с возможностью»[24].

Если данная вещь принадлежит к вещам последнего рода, т. е. к вещам действительным вместе с возможностью, то ее допустимо рассматривать как в аспекте бытия в возможности, так и в аспекте бытия в действительности, ибо она сама в состоянии иногда вести себя так, как если бы она принадлежала к сфере вечно потенциально сущего, но вместе с тем и так, как если бы она принадлежала к сфере вечно актуально сущего.

Для выявления различия[25] между потенциально сущим и актуально сущим Аристотель рассматривает следующую ситуацию: дана некоторая вещь («нечто», «одно и то же») и некоторая совокупность противоположных атрибутов[26], в частности некоторая пара противоречащих атрибутов, или, иначе: дано нечто (в смысле события) и пара квазиатрибутов «есть» — «не есть» или «происходит» — «не происходит». В каком из двух состояний (состоянии потенциальности или состоянии актуальности) находятся вещи (события) — это определяется характером их отношения к совокупностям противоположных атрибутов:

2.1. В возможности (потенции) одно и то же событие в одно и то же время и происходит, и не происходит; у него в одно и то же время наличествует и бытие, и не бытие[27].

2.1.1. В возможности одной и той же вещи в одно и то же время присущи противоположности[28].

---

[23] Там же, III 6, 1003 а 5; V 12, 1019 b 20—27; IX 3, 1047 а 24—26.

[24] Там же, XI 9, 1065 b 5—6; «Об истолковании» 13, 23а 23—24; «Физика» III 1, 200 b 26—27.

[25] «Метафизика» IX 1, 1045 b 33—1046 а 4.

[26] Под «атрибутом» мы разумеем свойства, состояния.

[27] «Метафизика» IX 8, 1050 b 9—12; «Об истолковании» 9, 19 а 9—14; 13, 22 b 33—35.

[28] «Метафизика» IV 5, 1009 а 35; IX 8, 1050 b 8—9; IX 9, 1051 а 5—6, 17; «Об истолковании» 13, 22 b 39—23 а 4.

«Если,— разъясняет Стагирит,— чему-то по природе присущи противоположности, а определяют его через одну из них, то ясно, что определение его не дано. Иначе окажется, что у одного и того же много определений. В самом деле, почему более [правильно] указывает тот, кто определяет через одну противоположность, чем тот, кто определяет через другую, поскольку обе одинаково возникают в нем естественным образом?» [29]. Присущи же ему противоположности постольку, поскольку оно — потенциально сущее, поскольку оно рассматривается в аспекте бытия в возможности. Таким образом, по Аристотелю, существует особое состояние вещей (событий), находясь в котором они оказываются способными обладать в одно и то же время всеми противоположными атрибутами (за исключением невозможных, т. е. таких, которые по природе не могут быть им присущи).

С другой стороны, «действительность — это существование вещи не в том смысле, в каком мы говорим о сущем в возможности... а в смысле осуществления» [30]; «в возможности одно и то же может быть вместе [обеими] противоположностями, но в действительности нет» [31]:

2.2. В действительности (энтелехии) невозможно, чтобы одно и то же событие в одно и то же время и произошло, и не произошло; невозможно, чтобы у него в одно и то же время наличествовали и бытие, и небытие, и вместе с тем необходимо, чтобы оно произошло или не произошло, было или не было [32].

2.2.1. В действительности невозможно, чтобы одному и тому же в одно и то же время были присущи противоположности, и вместе с тем необходимо, чтобы одна из них была ему присуща [32].

Пример 1. «Здесь есть затруднение (апория): как относится материя каждой вещи к противоположностям. Например, если тело в возможности здорово, а здоровью противоположна болезнь, то есть ли тело

---

[29] «Топика» VI 14, 151 a 32—36.
[30] «Метафизика» IX 6, 1048 a 31—35.
[31] Там же, IV 5, 1009 a 34—36.
[32] Там же, IV 6, 1011 b 17—18; IX 5, 1048 a 21—22; IX 9, 1051 a 10—13; XI 6, 1063 b 15—16; «Об истолковании» 9, 19 a 18—29; 14, 24 b 9.

в возможности и то и другое?»[33] Решение (в общем виде) этой апории Стагирит усматривает в различении материи и формы, бытия в возможности и бытия в действительности: «Если же, как мы это говорим, одно есть материя, другое — форма, и первое — в возможности, второе — в действительности, то, по-видимому, вопрос уже не вызывает затруднения»[34]. Например, в действительности «невозможно быть [в одно и то же время] и здоровым и больным»[35], но в возможности дело обстоит иначе: «субстрат, который бывает и здоровым, и больным... один и тот же»[36]. «То, о чем говорят, что оно способно быть здоровым, одинаково и в то же самое время способно быть больным: ведь способность быть здоровым и быть больным... [всякий раз] одна и та же»[37].

Пример 2. «Некоторые вещи существуют в потенции и в энтелехии, только не одновременно и не в одном и том же смысле (как, например, теплое в потенции энтелехиально является холодным)»[38].

Наряду с онтологической Аристотель дает также теоретико-познавательную формулировку определений бытия в возможности и бытия в действительности:

2.3. Относительно потенциально сущего вместе истинны (и тем самым вместе ложны) каждое утверждение и его отрицание; так что не необходимо, чтобы одно из них было истинным, а другое ложным[39].

2.4. Относительно актуально сущего невозможно, чтобы были вместе истинны как некоторое утверждение, так и его отрицание; необходимо, чтобы одно из них было истинным, а другое ложным[40].

Очевидно, что утверждения 2.1., 2.1.1. и 2.3., с одной стороны, и утверждения 2.2., 2.2.1. и 2.4., с другой, соответственно равнозначны следующим определениям:

2.5. Потенциально сущее — это такое сущее, которое подчинено диалектическому закону противоречивости.

---

[33] «Метафизика» VIII 5, 1044 b 29—31.

[34] Там же, VIII 6, 1045 a 23—25.

[35] Там же, IX 9, 1051 a 13.

[36] Там же, XI 9, 1065 b 30—32; «Физика» III 1, 201 b 2—3.

[37] «Метафизика» IX 9, 1051 a 7—8.

[38] «Физика» III 1, 201 a 19—22.

[39] «Об истолковании» 9, 19 a 17—20, 19 b 1—2.

[40] Там же, 9, 18 a 28—29; 12, 21 b 17—18; «Метафизика» IV 6, 1011 b 13—14; IV 8, 1012 b 8—11; XI 6, 1063 b 15—16.

2.6. Актуально сущее — это такое сущее, которое подчинено закону (невозможности) противоречия и закону исключенного третьего.

Таким образом, правомерность основного закона диалектики, в смысле Гераклита или Гегеля, не оспаривается Аристотелем, но лишь ограничивается областью потенциально сущего. Со своей стороны ограничена область действия и так называемых формально-логических законов: законы противоречия и исключенного третьего имеют силу только в сфере актуально сущего. Иначе говоря, для Аристотеля ни закон противоречивости, ни законы противоречия и исключенного третьего не суть универсальные законы всего сущего.

Вместе с тем утверждения 2.1.1. и 2.2.1. представляют собой по существу определения следующих понятий: *данная вещь потенциально обладает данным атрибутом и данная вещь актуально обладает данным атрибутом.*

Определение 1. Мы будем говорить о данной вещи, что она потенциально обладает данным атрибутом, если она обладает как этим, так и противоположными ему атрибутами (за исключением невозможных), в частности противоречащим ему атрибутом.

Определение 2. Мы будем говорить о данной вещи, что она актуально обладает данным атрибутом, если она, обладая им, не обладает ни одним из противоположных ему атрибутов, в частности не обладает противоречащим ему атрибутом.

В этих определениях понятие *обладания* — понятие неопределимое; оно нейтрально как по отношению к бытию в возможности, так и по отношению к бытию в действительности. Вопрос о том, истинно ли, что данная вещь обладает данным атрибутом, следует считать неуместным, а само выражение «данная вещь обладает данным атрибутом» — стоящим как бы «по ту сторону» истины и лжи [41].

[41] Это обстоятельство не специфично для аристотелевского подхода к онтологическому обоснованию модальностей: нейтральным понятием обладания или каким-либо эквивалентным ему понятием пользуется любая семантика модальностей, в частности та, которая существенно отличается от аристотелевской и основана на лейбницевском понятии *возможных миров*. Кстати, аристотелевская семантика тем и интересна, что она, по-видимому, может обойтись без этого, далеко не неуязвимого, понятия.

Кроме того, понятие потенциального в Определении 1 все еще не является модальностью, а используется для описания онтологической ситуации, характерной для отношения, в котором вещь находится к своим потенциям.

Для того чтобы стало возможным применение оценок «истинно», «ложно», необходимо перейти из сферы потенциально сущего в сферу актуально сущего и отсюда взглянуть на отношение, в котором вещь находится к своим потенциям. В такой переориентации, или смене установки, и заключается условие введения искомой модальности. Не трудно догадаться, что она окажется некоторым видом возможности. Назовем ее *потенциальной возможностью* или просто *потенцией.*

Между тем в определении понятия потенции как модальности Аристотель применяет в качестве исходного иное понятие возможности. Условимся именовать его *простой,* или *безусловной, возможностью*[42].

Понятия безусловной и потенциальной возможностей сопоставляются Аристотелем в главе 13 трактата «Об истолковании». Придется подробно проанализировать эту главу, так как нам кажется, что она не совсем правильно была понята исследователями логики Стагирита.

Начнем с того, к чему в заключение приходит Аристотель после детального обсуждения указанного вопроса[43]: он констатирует существование двух видов возможности, один из которых удовлетворяет соотношениям

---

[42] В трактате «Об истолковании» (9, 19 а 26; 13, 23 а 15—16) Аристотель пользуется термином «простая, или безусловная, необходимость» для выражения того понятия необходимости, которое эквивалентно «по противоречию, но в обратном порядке» (13, 22 а 34) понятию возможности, для выражения которого мы употребили термин «простая, или безусловная, возможность». Такой перенос характеристики оправдан тем, что термин «эквивалентно по противоречию, но в обратном порядке» синонимичен термину «есть дуал», применяемому в современной логической литературе для обозначения соотношения «$O_1 p \Longleftrightarrow \neg O_2 \neg p$», причем термин «эквивалентно по противоречию» обозначает соотношение «$O_1 p \Longleftrightarrow \neg O_2 p$», а термин «эквивалентно в обратном порядке» — соотношение «$O_1 p \Longleftrightarrow O_2 \neg p$», где O_1, O_2 — некоторые понятия, в частности модальные, p — некоторое предложение, $\neg$ — отрицание, $\Longleftrightarrow$ — связка «тогда и только тогда».

[43] «Об истолковании» 13, 23 а 6—18.

2.а. Условие «быть возможным» следует из условия «быть действительным»,

2.б. Условие «быть возможным» следует из условия «быть необходимым» [44],

тогда как второй не удовлетворяет ни одному из этих соотношений, удовлетворяя при этом соотношениям

2.в. Условие «быть возможным» равнозначно условию «быть не необходимым»,

2.г. Условие «быть необходимым» равнозначно условию «быть невозможным» [45],

которым со своей стороны не удовлетворяет первый вид возможности.

К этому заключению Аристотель приходит следующим путем: сперва он изучает характер поведения отрицания в отношении модальностей «быть возможным», «быть необходимым», «быть невозможным», как бы сознательно не различая при этом два вида возможности; затем он, исходя из соотношений, установленных в предварительном исследовании, доказывает несовместимость соотношения 2.б. с соотношением 2.в. Вот это знаменитое доказательство.

Пусть верно соотношение 2.б., т. е. из условия «быть необходимым» следует условие «быть возможным» (ибо если бы это было не так, то из необходимости следовало бы отрицание возможности [46], т. е. получилось бы, что необходимое невозможно (2.г.), а это нелепо). Но верно соотношение 2.в., т. е. из условия «быть возможным» следует условие «быть не необходимым», так что получилось бы, что необходимое не необходимо, а это нелепо [47].

Неразличение подразумеваемых видов возможности приводит, следовательно, к противоречию.

Между тем онтологическая картина сущего такова, что она вынуждает нас к постулированию существова-

---

[44] В символах: 2.а. $p \Longrightarrow \Diamond p$; 2.б. $\Box p \Longrightarrow \Diamond p$, где '$\Diamond$' обозначает возможность, '$\Box$' — необходимость, '$\Longrightarrow$' — связку «если —, то —».

[45] В символах : 2.в. $\Diamond p \Longleftrightarrow \neg \Box p$; 2.г. $\Box p \Longleftrightarrow \circ p$, где '$\circ$' обозначает невозможность.

[46] Очевидно, в силу следующего закона логики высказываний: $\neg (p \Longrightarrow q) \Longrightarrow (p \Longrightarrow \neg q)$.

[47] В символах: 1. $\Box p \Longrightarrow \Diamond p$ (2*. $\neg (\Box p \Longrightarrow \Diamond p)$. 3*. $\Box p \Longrightarrow \neg \Diamond p$. 4*. $\Box p \Longrightarrow \circ p$). 2. $\Diamond p \Longrightarrow \neg \Box p$. 3. $\Box p \Longrightarrow \Longrightarrow \neg \Box p$.

ния вида возможности, отличного от потенциальной возможности, допускающей, согласно Определению 1, как бытие чего-то, так и его небытие, т. е. «противолежащие друг другу [вещи]» [48]. Дело в том, что, во-первых,

2.7.1. «Не всякая возможность, [или способность], допускает противолежащие друг другу [вещи]» [48]. Пример: «Не все могущее или быть, или ходить в то же время способно и к противолежащему — в некоторых случаях это неверно» [49]. Во-вторых,

2.7.2. «Об одном говорят как о могущем потому, что оно истинно как существующее в действительности»; ведь «говорят, что... нечто может, потому что уже существует в действительности то, о чем говорят, что оно может». «Например, говорят, что кто-то может ходить, потому что он ходит» [50]. В-третьих,

2.7.3. Вид возможности, удовлетворяющий определению 2.7.2 и тем самым соотношению 2.а., правильно приписывать «безусловно необходимому», или, иначе говоря, он удовлетворяет также соотношению 2.б.

Определение 3. Назовем *простой*, или *безусловной, возможностью* вид возможности, который удовлетворяет соотношению 2.а., в частности соотношению 2.б. [51].

Аристотель, к сожалению, не позаботился об отыскании для понятия просто, или безусловно, возможного солидного онтологического фундамента, подобного тому, который был заложен им под понятие потенциально возможного. Понятие безусловно возможного так и осталось у него чисто концептуальным средством. Дальнейшее развитие модальной логики, как известно, пошло уже по этому пути вплоть до появления работ Прайора, Крипке и др.

Определение 4. Будем говорить о данной вещи, что она потенциально обладает данным атрибутом, если безусловно возможно, что она обладает как этим, так и противоположными ему атрибутами (за исключе-

---

48 «Об истолковании» 13, 23 а 5—6.

49 Там же, 13, 22 b 36—37.

50 Там же, 13, 23 а 8—10.

51 В символах: 2*.а. $p \Longrightarrow Mp$. 2*.б. $Lp \Longrightarrow Mp$, где 'M' обозначает безусловную возможность, а 'L' — безусловную необходимость.

нием невозможных), в частности противоречащим ему атрибутом [52].

Определение 1 эквивалентно Определению 4 при условии, что вещь рассматривается в аспекте бытия в возможности. В то время как в Определении 1 потенциально сущее подразумевается в качестве некоего фона рассуждения, в Определении 4 явно зафиксировано предположение о существовании особого обстояния вещей, называемого бытием в возможности. Дело в том, что утверждение «некоторые вещи... *могут* в одно и то же время принимать противолежащие друг другу [свойства]» [53] очевидно синонимично в данном контексте утверждению «*существует* обстояние вещей, в котором вещи в одно и то же время принимают противолежащие друг другу свойства». Таким образом, в Определении 4 понятие безусловной возможности использовано для выражения существования потенции как особой сферы сущего.

Из Определения 4 вытекает, что потенциальная возможность удовлетворяет соотношениям 2.в. и 2.г., так что справедливы соотношения

2.8.1. Потенциальная возможность равнозначна отрицанию необходимости, эквивалентной ей по противоречию, но в обратном порядке, т. е. равнозначна отрицанию своего дуала [54],

2.8.2. Необходимость, эквивалентная потенциальной возможности по противоречию, но в обратном порядке, равнозначна потенциальной невозможности [55].

Поэтому естественно именовать *непотенциальностью* как необходимость, дуальную к потенциальной возможности, так и потенциальную невозможность.

Нетрудно убедиться также в справедливости следующих соотношений:

2.8.3. Условие «быть потенциально возможным»

---

[52] В символах: Ep $\Longleftrightarrow$ M (p и $\neg$ p), где 'E' обозначает потенциальную возможность.

[53] «Об истолковании» 13, 23 а 3—4 (курсив мой. — *З. М.*).

[54] В символах: Ep $\Longleftrightarrow$ M (p и $\neg$ p) $\Longleftrightarrow$ $\neg$ L (p или $\neg$ p) $\Longleftrightarrow$ $\Longleftrightarrow$ $\neg$ Гp, где 'Г' обозначает необходимость, дуальную к потенциальности E.

[55] В символах: Гp $\Longleftrightarrow$ L (p или $\neg$ p) $\Longleftrightarrow$ $\neg$ M (p и $\neg$p) $\Longleftrightarrow$ $\Longleftrightarrow$ Ap, где 'A' обозначает потенциальную невозможность, т. е. $\neg$ Ep.

равнозначно условию «не быть потенциально возможным»[56],

2.8.4. Условие «быть непотенциальным» равнозначно условию «не быть непотенциальным»[57],

2.8.5. Из необходимости, дуальной к потенциальной возможности, не следует потенциальная возможность[58],

2.8.6. Из необходимости, дуальной к потенциальной возможности, не следует действительность[59],

2.8.7. «Последний вид могущего (потенциальную возможность. — *З. М.*) неправильно приписывать безусловно необходимому»[60],

2.8.8. Из безусловной необходимости следует непотенциальность, но не наоборот[61],

2.8.9. Из действительности не следует потенциальная возможность[62],

2.8.10. Из условия «быть потенциально возможным» следует как условие «быть безусловно возможным», так и условие «не быть безусловно возможным»[63],

2.8.11. Из условия «не быть безусловно необходимым» следует условие «быть непотенциальным», но не наоборот[64].

Вместе с тем Аристотель формулирует соотношения, которым удовлетворяют оба вида возможности:

2.9.1. Условие «быть возможным» равнозначно условию «быть не невозможным»,

2.9.2. Условие «не быть возможным» равнозначно условию «быть не необходимым»,

2.9.3. Условие «быть невозможным» равнозначно условию «не быть необходимым»,

2.9.4. Условие «быть необходимым» равнозначно условию «не быть невозможным» в смысле «иначе быть не может»[65],

---

[56] В символах: $Ep \Longleftrightarrow M\ (p \text{ и } \neg p) \Longleftrightarrow E \neg p$.

[57] В символах: $\Gamma p \Longleftrightarrow L\ (p \text{ или } \neg p) \Longleftrightarrow \Gamma \neg p$.

[58] В символах: $\neg\ (L\ (p \text{ или } \neg p) \Longrightarrow M\ (p \text{ и } \neg p))$.

[59] В символах: $\neg\ (L\ (p \text{ или } \neg p) \Longrightarrow p)$.

[60] «Об истолковании» 13, 23 а 15—16. В символах: $\neg\ (Lp \Longrightarrow M\ (p \text{ и } \neg p)$.

[61] В символах: $Lp \Longrightarrow L\ (p \text{ или } \neg p)$.

[62] В символах: $\neg\ (p \Longrightarrow M\ (p \text{ и } \neg p))$.

[63] В символах: 1. $M\ (p \text{ и } \neg p) \Longrightarrow Mp$. 2. $M\ (p \text{ и } \neg p) \Longrightarrow M \neg p$.

[64] В символах: $L \neg p \Longrightarrow L\ (p \text{ или } \neg p)$.

[65] «Метафизика» V 5, 1015 а 34; VI 2, 1026 b 29.

2.9.5. Условие «быть возможным» равнозначно условию «не быть не необходимым»[66].

Последнее утверждение Аристотель доказывает посредством разбора случаев[67]. Вот это доказательство.

Ясно, что условие «быть возможным» эквивалентно одному из следующих четырех условий: «быть не необходимым», «не быть необходимым», «быть необходимым» и «не быть не необходимым». Но первое из них отпадает, поскольку равнозначности условий «быть возможным» и «быть не необходимым» не удовлетворяют безусловные возможность и необходимость. Следующие два условия также должны быть отброшены, ибо соответствующим равнозначностям не удовлетворяют обе пары дуальных друг к другу понятий «возможность — необходимость»: ««Необходимо быть» и «необходимо не быть» не следуют из «могущего быть», ибо «могущее быть» допускает и «не немогущее быть» и «не необходимо быть»»[68]. «Таким образом,— заключает Стагирит,— остается сказать, что из «могущего быть» следует «не необходимо не быть»»[69].

Наряду с понятием потенциального в смысле Определения 4 Аристотель пользуется также другим, более слабым понятием потенциального: «Под «быть возможным»... я разумею то, что́ не необходимо, но если принять, что оно присуще, то из этого не следует ничего невозможного»[70]; иначе говоря, возможно (в этом смысле) то, что *не необходимо и не невозможно*, т. е. то, что́ *может «и произойти, и не произойти»*[71].

Пример: «Все, что может быть разрезано или что может ходить, может и не ходить и не быть разрезанным; основание же этого — то, что все могущее в таком смысле не всегда осуществляется, так что ему присуще и отрицание, ибо то, что способно к хождению, может и не ходить»[72]. Назовем этот вид возможности *акцидентальной возможностью*.

---

[66] В символах: 2.9.1. $\Diamond p \Leftrightarrow \neg o p$. 2.9.2. $\Diamond \neg p \Leftrightarrow \neg \Box p$. 2.9.3. $o p \Leftrightarrow \Box \neg p$. 2.9.4. $\Box p \Leftrightarrow o \neg p$. 2.9.5. $\Diamond p \Leftrightarrow \Leftrightarrow \neg \Box \neg p$.

[67] «Об истолковании» 13, 22 b 14—23 a 4.

[68] Там же, 13, 22 b 19.

[69] Там же, 13, 22 a 22—23.

[70] «Первая аналитика» I 13, 32 a 18—20.

[71] «Об истолковании» 9, 19 a 11 (курсив мой. — *З. М.*).

[72] Там же, 12, 21 b 13—16.

Определение 5. Мы будем говорить о данной вещи, что она акцидентально обладает данным атрибутом, если безусловно возможно, что она обладает им, и вместе с тем для каждого атрибута (за исключением невозможных), противоположного данному, безусловно возможно, что она обладает также и им [73].

Из Определения 5 непосредственно вытекают следующие соотношения:

2.10.1. Акцидентальная возможность равнозначна отрицанию необходимости, эквивалентной ей по противоречию, но в обратном порядке, т. е. равнозначна отрицанию своего дуала [74],

2.10.2. Необходимость, эквивалентная акцидентальной возможности по противоречию, но в обратном порядке, равнозначна акцидентальной невозможности [75].

Поэтому естественно именовать *неакцидентальностью* (неслучайностью, неприходящностью) и необходимость, дуальную к акцидентальной возможности, и акцидентальную невозможность.

Легко видеть, что соотношения 2.10.1. и 2.10.2. получаются соответственно из соотношений 2.8.1. и 2.8.2. путем замены всех вхождений термина «потенциальный» вхождением термина «акцидентальный». Поэтому справедливыми будут и соотношения 2.10.3.—2.10.11., образованные соответственно из соотношений 2.8.3.—2.8.11. посредством той же процедуры [76]. Нетрудно убедиться и в том, что соотношения 2.9.1.—2.9.5. удовлетворяются также акцидентальной возможностью.

Аристотель, казалось бы, сам порою игнорирует им же установленный факт, что «некоторые... возможности

---

[73] В символах: $Qp \Longleftrightarrow (Mp$ и $M \neg p) \Longleftrightarrow (\neg Lp$ и $\neg Up)$, где 'Q' обозначает акцидентальность, а 'U' — безусловную невозможность, т. е. '$\neg M$'.

[74] В символах: $Qp \Longleftrightarrow (Mp$ и $M \neg p) \Longleftrightarrow \neg (Lp$ или $L \neg p) \Longleftrightarrow \neg Np$, где 'N' обозначает необходимость, дуальную к акцидентальности Q.

[75] В символах: $Np \Longleftrightarrow (Lp$ или $L \neg p) \Longleftrightarrow \neg (Mp$ и $M \neg p) \Longleftrightarrow Vp$, где 'V' обозначает акцидентальную невозможность, т. е. $\neg Q$.

[76] В символах: 2.10.3. $Qp \Longleftrightarrow (Mp$ и $M \neg p) \Longleftrightarrow Q \neg p$. 2.10.4. $Np \Longleftrightarrow (Lp$ или $L \neg p) \Longleftrightarrow N \neg p$. 2.10.5. $\neg ((Lp$ или $L \neg p) \Longrightarrow (Mp$ и $M \neg p))$. 2.10.6. $\neg ((Lp$ или $L \neg p) \Longrightarrow p)$. 2.10.7. $\neg (Lp \Longrightarrow (Mp$ и $M \neg p))$. 2.10.8. $Lp \Longrightarrow (Lp$ или $L \neg p)$. 2.10.9. $\neg (p \Longrightarrow (Mp$ и $M \neg p))$. 2.10.10.: 1. $(Mp$ и $M \neg p) \Longrightarrow Mp$. 2. $(Mp$ и $M \neg p) \Longrightarrow M \neg p$. 2.10.11. $L \neg p \Longrightarrow (Lp$ или $L \neg p)$.

одноименны, ибо «могущее» не однозначно»[77]; но на деле в соответствующих контекстах он предполагает выполненными различные условия, при которых акцидентальная возможность совпадает с безусловной, неакцидентальность — с безусловной необходимостью и, наконец, при которых соотношение «возможное есть не необходимое, а не необходимое — возможное»[78], т. е. соотношение 2.в., справедливо в отношении безусловных возможности и необходимости:

2.11.1. При условии, что безусловно невозможное изъято из рассмотрения, неакцидентальность равнозначна безусловной необходимости[79],

2.11.2. При условии, что безусловно необходимое изъято из рассмотрения, безусловная возможность равнозначна акцидентальной возможности[80],

2.11.3. При условии, что акцидентально невозможное (неакцидентальное) изъято из рассмотрения, безусловная возможность равнозначна отрицанию безусловной необходимости[81].

Последнее соотношение в силу 2.9.2. или 2.9.3. эквивалентно соотношению

2.11.4. При условии, что акцидентально невозможное изъято из рассмотрения, условия «быть безусловно возможным» и «не быть безусловно возможным» совпадают[82].

Аристотель пишет: ««Могущее быть» и «могущее не быть» следуют одно из другого, ведь одно и то же может быть и не быть; в таком случае «могущее быть» и «могущее не быть» не противоречат друг другу»[83]. Или иначе: «Возможное есть не необходимое, а не необходимое — возможное. Все посылки о возможном оказываются взаимно обратимыми. Я имею в виду не обращение утвердительных посылок в отрицательные, а то, что они, имея утвердительную форму, обратимы

---

[77] «Об истолковании» 13, 23 a 6—7.

[78] «Первая аналитика» I 13, 32 a 28—29.

[79] В символах: $Mp \Longrightarrow (Np \Longleftrightarrow Lp)$, т. е. $\neg Mp$ или $(Np \Longleftrightarrow Lp)$.

[80] В символах: $\neg Lp \Longrightarrow (Mp \Longleftrightarrow Qp)$, т. е. Lp или $(Mp \Longleftrightarrow Qp)$.

[81] В символах: $Qp \Longrightarrow (Mp \Longleftrightarrow \neg Lp)$, т. е. $\neg Vp$ или $(Mp \Longleftrightarrow \neg Lp)$.

[82] В символах: $Qp \Longrightarrow (Mp \Longleftrightarrow M \neg p)$; иначе: $Qp \Longrightarrow (Lp \Longleftrightarrow L \neg p)$.

[83] «Об истолковании» 12, 21 b 35—39.

по противопоставлению друг другу (другими словами, эквивалентны в обратном порядке. — *З. М.*), как, например, «возможно присуще» — в «возможно не присуще»... В самом деле, так как возможное не необходимо, а не необходимое может и не быть присущим, то очевидно, что если А возможно присуще Б, то оно возможно и не присуще ему»[84].

Впрочем, эти высказывания Стагирита могут быть истолкованы и иначе, а именно как утверждение о том, что в отношении тех видов возможности, для которых возможность равнозначна не необходимости, условия «быть возможным» и «не быть возможным» совпадают. В самом деле, для потенциальной и акцидентальной возможностей верны соотношения 2.8.1. и 2.10.1., но вместе с тем верны также соотношения 2.8.3. и 2.10.3. При этом ясно, что оба толкования совместимы.

Остается выяснить, в каком отношении находятся потенциальная возможность и акцидентальная возможность: «Вообще у того, что деятельно не постоянно (т. е. что не вечно энергийно суще, не вечно актуально суще. — *З. М.*), возможность быть и не быть одинакова; у него возможно и то и другое, т. е. быть и не быть, *а потому* и произойти и не произойти»[85]. Таким образом, справедливо соотношение

2.12. Условие «быть акцидентально возможным» следует из условия «быть потенциально возможным»[86], и тем самым соотношение

2.13. Условие «быть непотенциальным» следует из условия «быть неакцидентальным»[87].

Понятие акцидентально возможного очевидно непригодно для различения двух сфер сущего — потенциально сущего и актуально сущего, ибо события не необходимые и не невозможные, т. е. могущие произойти и могущие не произойти,— это в точности те события, которые Стагирит именует привходящими (случай-

---

[84] «Первая аналитика» I 13, 32 а 28—38. В символах: пусть 1. $\Diamond$ p $\Longleftrightarrow \neg \Box$ p, но 2. $\neg \Box \neg$ p. Следовательно, 3. $\Diamond \neg$ p.

[85] «Об истолковании» 9, 19а 9—11 (курсив мой. — *З. М.*).

[86] В символах: Ep $\Longleftrightarrow$ M (p и $\neg$ p) $\Longrightarrow$ (Mp и M$\neg$ p) $\Longleftrightarrow$ Qp.

[87] В символах: Np $\Longleftrightarrow$ (Lp или L $\neg$ p) $\Longrightarrow$ L (p или $\neg$ p) $\Longleftrightarrow$ $\Longleftrightarrow$ Гр.

ными) событиями [88]. Последние же (поскольку они — события) лежат в области актуально сущего, хотя и не целиком: по происхождению они, полагает Аристотель, принадлежат к сфере потенциально сущего; потенциально сущее — субстрат случайных событий, источник их существования [89], что и отображено адекватным образом в следовании акцидентальности из потенциальности, сформулированном выше в виде соотношения 2.12.

Считая существование акцидентальных, а также неакцидентальных атрибутов и событий эмпирическим фактом, Аристотель явно постулирует их существование:

2.14.1. «Очевидно, что необходимо сущее имеется в действительности» [90],

2.14.2. «Необходимо должно быть нечто привходящим образом сущее» [91].

Гипотеза Аристотеля: «Быть может, необходимое и не необходимое суть начало бытия или небытия всего, а остальное дóлжно рассматривать как следствия из них» [92], причем начало и причина каждого необходимо сущего само есть необходимо сущее и начало и причина каждого не необходимо сущего само есть не необходимо сущее [93].

Следствие. «А что начала и причины у случайно сущего не такие, как у сущего самого по себе,— это ясно: иначе все существовало бы необходимым образом» [94].

Аристотель к тому же предполагает, что эта гипотеза одинаково применима как к атрибутам, так и к событиям.

Не трудно догадаться, что Гипотеза Аристотеля — не что иное, как первая в истории онтологии и логики

---

[88] «Метафизика» VI 2, 1026 b 21—1027 a 28; XI 8, 1064 b 15—1065 a 26; «Первая аналитика» I 13, 32 b 10—13; «Об истолковании» 9, 18 b 5—19 a 22.

[89] По этому поводу подробнее см. ниже § 4.

[90] «Об истолковании» 13, 23 a 21—22. Ср. также «Метафизика» VI 2, 1026 b 27—29.

[91] «Метафизика» VI 2, 1027 a 10—11. Ср. также «Об истолковании» 9, 19 a 18—22.

[92] «Об истолковании» 13, 23 a 18—20.

[93] «Метафизика» III 1, 996 a 3—4; III 4, 1000 a 5—9; VI 2—3, 1026 b 27—1027 b 16; XI 8, 1065 a 6—24.

[94] Там же, XI 8, 1065 a 6—8.

формулировка так называемого *Принципа предикации* фон Райта [95].

Признавая эмпирическим фактом также и существование различия между возможными, действительными (истинными), необходимыми, не действительными (ложными) и невозможными атрибутами и событиями, Стагирит постулирует в качестве очевидных следующие положения:

2.14.3. «Ясно, что возможность и действительность — не одно и то же» [96]. «Все могущее... не всегда осуществляется» [97],

2.14.4. Ничто вечное, непреходящее, необходимое «не существует в возможности» [98],

2.14.5. «Не все сущее необходимо есть» [99]. Просто истинное следует отличать от того, что «не просто истинно, но и необходимо» [100],

2.14.6. «Не все не-сущее необходимо не есть» [101]. «Ложное и невозможное не одно и то же» [102]. Просто ложное следует отличать от того, что «не просто ложно, но и необходимым образом ложно» [103].

Поскольку, согласно онтологическому толкованию соотношения 2.12. и Гипотезе Аристотеля, акцидентальные атрибуты и события порождены потенциально сущим, подчиняющимся диалектическому закону противоречивости, легко, по мнению Стагирита, видеть, «какие выводы следуют для тех, кто говорит, что такие (противолежащие друг другу. — *З. М.*) высказывания вместе истинны (так же и в актуально сущем. — *З. М.*), и почему они так говорят» [104]:

2.д. «Все есть привходящее» [105],

2.е. «Ничего не бывает по необходимости» [106],

---

[95] *G. H. von Wright.* An Essay in Modal Logic. Amsterdam, 1951, p. 27.

[96] «Метафизика» IX 3, 1047 a 18—19.

[97] «Об истолковании» 12, 21 b 14—15. Ср. «Метафизика» XII 6, 1071 b 12—26.

[98] «Метафизика» IX 8, 1050 b 7—8.

[99] «Об истолковании» 9, 19 a 24.

[100] «Метафизика» V 12, 1019 b 25—26.

[101] «Об истолковании» 9, 19 a 24—25.

[102] «Метафизика» IX 4, 1047 b 12—13.

[103] Там же, V 12, 1019 b 27.

[104] Там же, IV 6, 1011 b 13—15.

[105] Там же, IV 4, 1007 a 21—22.

[106] Там же, IV 5, 1010 b 27—28.

2.ж. «Все должно быть в одно и то же время и истинным и ложным»[107]. «По-видимому,— поясняет Аристотель,— учение Гераклита, что все существует и не существует, признает все истинным; напротив, по учению Анаксагора, есть нечто посредине между членами противоречия, а потому все ложно»[108].

Что касается вопроса «почему они так говорят?», Стагирит находит весьма остроумный и глубокий ответ: «Они думали, что противоречия и противоположности совместимы, поскольку они видели, что противоположности происходят из одного и того же; если, таким образом, не-сущее возникнуть не может, то, значит, вещь раньше одинаковым образом была обеими противоположностями»[109].

Не менее интересна и оценка, даваемая Аристотелем мнению о всеобъемлемости потенциально сущего, о сводимости всего сущего к бытию в возможности; к тому же она важна для выявления одного из главных источников аристотелевской концепции существования двух сфер сущего: «Так вот, тем, кто приходит к своему взгляду на основании таких соображений[110], мы скажем, что они в некотором смысле правы, в некотором ошибаются. Дело в том, что о сущем говорится двояко, так что в одном смысле возможно возникновение из не-сущего, а в другом нет, и одно и то же может вместе быть и сущим и не-сущим, но только не в одном и том же отношении. В самом деле, в возможности одно и то же может быть вместе [обеими] противоположностями, но в действительности нет»[111]. Рассматриваемое мнение в целом, однако, заслуживает самого строгого осуждения, поскольку «те, кто придерживается этого взгляда, на деле отрицают сущность и суть бытия»[112].

Неприемлемо, с другой стороны, также мнение о всеобъемлемости актуально сущего, т. е. мнение о сводимости бытия в возможности к бытию в действительности. «Нелепости,— заявляет Аристотель,—

---

[107] Там же, IV 5, 1009 a 9.
[108] Там же, IV 7, 1012 a 24—27.
[109] Там же, IV 5, 1009 a 23—26.
[110] См. предыдущую цитату.
[111] «Метафизика» IV 5, 1009 a 30—36.
[112] Там же, IV 4, 1007 a 20—21.

которые следуют отсюда для них, нетрудно усмотреть» [113], если при этом учесть постулаты 2.14.3.—2.14.6.:

2.з. «Все существует и происходит по необходимости» [114], «все совершается по необходимости» [115]. Аристотель поясняет: «Так что все существовало бы необходимым образом и из происходящего совершенно устранились бы то, чтó может случиться и так и иначе, и возможность возникать и не возникать» [116].

2.и. «Ничего не существует и не происходит случайно и как попало, и точно так же не будет ничего такого, что произойдет или не произойдет случайно» [117].

2.к. «То, что еще не произошло, не будет иметь возможность произойти» [118].

Единственный путь преодоления только что описанных односторонних (и в условиях такой односторонности несовместимых) точек зрения Стагирит, как об этом уже было сказано выше, усматривает в постулировании двух сфер сущего — потенциально сущего, подчиняющегося основному закону гераклитовской диалектики, и актуально сущего, подчиняющегося онтологическим аналогам формально-логических закона (невозможности) противоречия и закона исключенного третьего.

Определение 6. «Под *движением* я разумею осуществление сущего в возможности, как такового» [119]. Вместо термина «осуществление» Стагирит пользуется также выражениями «становится действительным» [120], «станет сущим в действительности» [120], «переходит в действительность» [120], «обнаруживается через действительность» [121].

Следствие. Движение «нельзя отнести ни к возможности сущего, ни к действительности сущего», «так что,— добавляет Аристотель,— ему (движению.— *З. М.*)

---

[113] Там же, IX 3, 1046 b 32—33.
[114] «Об истолковании» 9, 18 b 30—31.
[115] Там же, 9, 18 b 6—7.
[116] «Метафизика» XI 8, 1065 a 12—14.
[117] «Об истолковании» 9, 18 b 5—6.
[118] «Метафизика» IX 3, 1047 a 11—12.
[119] Там же, XI 9, 1065 b 16 (курсив мой. — *З. М.*). Ср. «Физика» III 1, 201 b 4—5.
[120] «Метафизика» IX 7, 1049 a 5—6, 14, 15.
[121] Там же, IX 9, 1051 a 21—22.

только и остается быть тем, что мы сказали, а именно быть осуществлением» [122].

Принцип энтелехии Аристотеля: если нечто есть в возможности, то при благоприятных условиях оно осуществляется, т. е. переходит в действительность.

Хотя и справедливо положение 2.14.3., гласящее, что не все могущее осуществляется, но «ведь не в любое время она (та или другая вещь. — *З. М.*) в возможности» [123], «ведь каждая вещь может иногда развивать энергию, иногда нет» [124] и она, например, «при отсутствии каких-либо внешних препятствий станет сущим в действительности через себя» [125].

Принцип энтелехии выражает некую открытость бытия в действительности для бытия в возможности через осуществление, становление, движение. Стало быть, Принцип энтелехии относится к универсальным принципам сущего, как такового. Надо полагать, что путем введения этого принципа Аристотель пытался «восстановить» единство сущего и тем самым решить проблему соотношения гераклитовской диалектики и «формальной логики».

Между тем, как это ни неожиданно, аристотелевское понимание модальностей оказалось основанным на гераклитовской диалектике потенциально сущего.

§ 3. ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМОЙ БИЛАТЕРАЛЬНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Дело касается понимания (подробно проанализированного нами выше) места из главы 13 трактата «Об истолковании» [126], где Аристотель, во-первых, доказывает несовместимость равнозначности условий «быть возможным» и «быть не необходимым» со следованием условия «быть возможным» из условия «быть необходимым» (т. е. несовместимость соотношений 2.в. и 2.б.) и, во-вторых, доказывает равнозначность условий «быть возможным» и «не быть не необходимым» (т. е. соотношение 2.9.5.).

---

[122] Там же, XI 9, 1066 a 18—19, 24—25.
[123] Там же, IX 7, 1049 a 1.
[124] «Физика» III 1, 201 b 7—8.
[125] «Метафизика» IX 7, 1049 a 13—14.
[126] «Об истолковании» 13, 22 b 14—28.

Историки логики считают соответствующие рассуждения Стагирита по меньшей мере неясными или даже путаными, что и сказалось, по их мнению, в крушении предпринятой им попытки построения модальной силлогистики. «Аристотелевская модальная силлогистика,— утверждает Я. Лукасевич,— почти непостижима вследствие содержащихся в ней многих дефектов и противоречий» [127]. В частности, по поводу обсуждаемой нами проблемы Я. Лукасевич пишет: «В своем сочинении «Об истолковании» Аристотель ошибочно утверждал, что возможность подразумевает отсутствие необходимости... Однако позднее он увидел, что это не может быть правильно, потому что он допускает, что необходимость содержит в себе возможность... После дальнейшего изучения проблемы Аристотель правильно констатирует, что... *если возможно, что р, то не необходимо, что не р,* однако он не исправляет своей прежней ошибки в тексте сочинения «Об истолковании». Эта поправка дана в «Первой аналитике», где отношение возможности к необходимости имеет форму эквивалентности: *...возможно, что р, если и только если не необходимо, что не р»* [128].

Несколько иначе представляет дело И. М. Бохеньский: он справедливо полагает, что обсуждаемое место из трактата «Об истолковании» имеет большое значение для понимания всего учения Аристотеля о модальностях; далее он воспроизводит аристотелевское доказательство несовместимости соотношений 2.б. и 2.в. и — в отличие от Я. Лукасевича — правильно отмечает, что возникшую апорию Стагирит решает различением двух значений «возможного», а именно унилатеральной (unilateral, einseitige) возможности и билатеральной (bilateral, zweiseitige) возможности; но вместе с тем он — в согласии с Я. Лукасевичем — считает, что Аристотель устанавливает это различие, определяя унилатеральную возможность как дуал необходимости или как отрицание невозможности, а билатеральную возможность — как «не необходимость и не невозможность»; наконец, И. М. Бохеньский высказывает мнение, что, в то время как в «Первой аналитике» Аристотель исследует билатеральную возможность, прибегая

---

[127] *Я. Лукасевич.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959, стр. 192.
[128] Там же, стр. 194—195.

к унилатеральной только в том случае, когда нет иного выхода, в трактате «Об истолковании» он занят изучением лишь унилатеральной возможности [129].

Сразу же отметим, что термины «простая, или безусловная, возможность» и «акцидентальная возможность» мы употребляли соответственно в смысле «унилатеральная возможность» и «билатеральная возможность». Теперь постараемся разобраться в высказываниях Я. Лукасевича и И. М. Бохеньского.

По И. М. Бохеньскому, унилатеральная возможность изучается Аристотелем в основном в трактате «Об истолковании», а билатеральная — в «Первой аналитике». По Я. Лукасевичу — наоборот. Нам кажется, что не правы оба историка. Достаточно просмотреть внимательно те разделы сочинений «Метафизика», «Об истолковании», «Первая аналитика», которые посвящены модальным понятиям, чтобы убедиться в том, что дело в действительности обстоит несколько по-другому: там Аристотель исследует почти исключительно потенциальную и билатеральную (акцидентальную) возможности; что же касается унилатеральной (безусловной) возможности, то она в основном применяется им только в качестве исходного понятия.

Мнение (его придерживаются оба историка), будто Стагирит определяет унилатеральную возможность как дуал необходимости, не подтверждается текстом трактата «Об истолковании». Определением этого понятия Аристотель занят не в том месте [130], на которое ссылаются Я. Лукасевич и И. М. Бохеньский, а несколько ниже [131], но там унилатеральная возможность определена как вид возможности, который удовлетворяет соотношениям «возможность следует из действительности» и «возможность следует из необходимости», т. е. соотношениям 2.а. и 2.б. [132] Что касается определения возможности как дуала необходимости, то, как об этом уже было сказано выше [133], оно, по Аристотелю, имеет силу для всех видов возможности.

---

[129] *J. M. Bocheński.* Formale Logik. Freiburg/München, 1956, S. 94—95; *его же.* Ancient Formal Logic. Amsterdam, 1957, p. 56—57.

[130] «Об истолковании» 13, 22 b 14—28.

[131] Там же, 13, 23 a 6—26.

[132] См. выше § 2, Определение 3.

[133] Там же, см. соотношение 2.9.5 и его доказательство.

Так же неверно фактически мнение И. М. Бохеньского, будто Аристотель, решая вышеупомянутую апорию, противопоставил билатеральной возможности унилатеральную, определив последнюю как отсутствие невозможности. Аристотель недвусмысленно заявляет по этому поводу: «Но и о том, и о другом правильно сказать, что оно не немогущее ходить или быть,— и о том, что уже действительно ходит, и о том, что может ходить. Последний вид могущего неправильно приписывать безусловно необходимому, первый же — правильно» [134].

При анализе обсуждаемого места из трактата «Об истолковании» Я. Лукасевич и И. М. Бохеньский опираются на, казалось бы, верное предположение, что невыполнима вообще равнозначность условий «быть не необходимым» и «не быть не необходимым». Отсюда проистекает обвинение Я. Лукасевичем Аристотеля в том, что он допустил ошибку, определив возможность как отсутствие необходимости и вместе с тем как дуал необходимости.

Между тем нетрудно показать, что ложно само это предположение. В самом деле, пусть под «возможностью» подразумевается билатеральная (акцидентальная) возможность, а под «необходимостью» — билатеральная необходимость — дуал билатеральной возможности. Тогда, согласно соотношению 2.10.3., условие «быть билатерально возможным» равнозначно условию «не быть билатерально возможным»; вместе с тем, согласно соотношению 2.10.1., условие «быть билатерально возможным» равнозначно условию «быть билатерально не необходимым» и, значит, условие «не быть билатерально возможным» равнозначно условию «не быть билатерально не необходимым»; но поскольку условия «быть билатерально возможным» и «не быть билатерально возможным» равнозначны, условия «быть билатерально не необходимым» и «не быть билатерально не необходимым» равнозначны одному и тому же условию и, следовательно, равнозначны также друг другу, что и требовалось доказать [135]. Таким образом, среди модальных понятий имеются и такие, отри-

---

[134] «Об истолковании» 13, 23 а 13—16. См. также выше § 2, соотношение 2.9.1.

[135] В символах: 1. $Qp \Leftrightarrow Q\neg p$. 2. $Qp \Leftrightarrow \neg Np$. 3. $Q\neg p \Leftrightarrow \neg N \neg p$. 4. $Qp \Leftrightarrow \neg N \neg p$. 5. $\neg Np \Leftrightarrow \neg N\neg p$.

щание которых совпадает с их дуалами. Понятие унилатеральной (безусловной) возможности, однако, не таково. Это означает, что предположение Я. Лукасевича и И. М. Бохеньского хотя и не общезначимо, но выполнимо.

Выводы:

а. Неверно утверждение о ложности соотношения «возможность подразумевает отсутствие необходимости», пока не уточнено, каким видом возможности и необходимости мы занимаемся.

б. Неверно, что унилатеральная и билатеральная возможности различимы по соотношению «условие «быть возможным» равнозначно условию «не быть не необходимым»». Следовательно:

в. Замена соотношения «из возможности следует отсутствие необходимости» соотношением ««быть возможным» равнозначно условию «не быть не необходимым»» не может свидетельствовать о переходе от понятия билатеральной возможности к понятию унилатеральной возможности.

г. Если даже ошибка Аристотеля и состояла в том, в чем она состояла по Я. Лукасевичу, и если даже возникшая апория и состояла в том, в чем она состояла по И. М. Бохеньскому, то предложенное этими авторами средство замены соотношений, о котором говорилось в предыдущем пункте, неуместно и бьет мимо цели в обоих случаях.

Известная неуверенность, которая чувствуется, вообще говоря, в весьма тонких рассуждениях Аристотеля, объясняется, по-видимому, тем, что ему не было известно положение о том, что для каждого понятия возможности имеется сопряженное с ним понятие необходимости и что каждое из них получается из другого применением приема дуализации.

§ 4. ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ TERTIUM NON DATUR ДЛЯ БУДУЩИХ ЕДИНИЧНЫХ СОБЫТИЙ

А. К постановке проблемы

В девятой главе трактата «Об истолковании» Аристотель ставит следующую проблему: верно ли, что относительно единичного и вместе с тем будущего собы-

тия всякое утверждение или отрицание истинно или ложно?[136] Верно ли, например, что относительно завтрашнего морского сражения истинно или ложно утверждение «завтра морское сражение произойдет» или отрицание «завтра морское сражение не произойдет?»

Ответ Аристотеля гласит:

4.А.1. «Не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противолежащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, что́ не есть, но может быть и[137] не быть, дело обстоит не так, как с тем, что́ есть»[138]. Например, вместе истинны и тем самым вместе ложны утверждение «завтра морское сражение произойдет» и отрицание «завтра морское сражение не произойдет», поскольку, во-первых, завтрашнее морское сражение очевидно не принадлежит к событиям сегодняшнего дня (оно не суще!), а, во-вторых, завтра морское сражение может и произойти, и не произойти.

Утверждение 4.А.1. рассматривается историками логики как указание на то обстоятельство, что «Аристотель по крайней мере один раз усомнился в его (tertium non datur. — *З. М.*) общезначимости»[139], отмежевываясь тем самым от детерминизма[140], поскольку «так называемый «закон исключенного третьего» приводит, по-видимому, к детерминизму, если допустить, что он справедлив также и для будущих случайных

---

[136] «Об истолковании» 9, 18 а 33.

[137] В греческом тексте стоит «или» — результат ошибочного толкования текста переписчиками, упустившими из виду, что такое «исправление» полностью обессмысливает противопоставление, высказываемое в цитируемом предложении; ведь утверждение «нечто может быть или не быть» либо выражает возможность справедливости закона исключенного третьего, либо, в случае толкования этого утверждения в смысле «нечто может быть или может не быть», выражает закон следования безусловной возможности из безусловной необходимости. Так что получилось бы, что Аристотель отвергает справедливость указанных законов для «того, что́ есть», т. е. для актуально сущего, что, конечно, — полное недоразумение.

[138] «Об истолковании» 9, 19 b 1—4.

[139] *J. M. Bocheński*. Formale Logik, S. 73; *его же*. Ancient Formal Logic, p. 41.

[140] *Я. Лукасевич*. Цит. соч., стр. 281, 283—284. См. также *J. Łukasiewicz*. On determinism (1923). — «Selected Works». Warszawa, 1970, p. 125.

событий, например для таких происшествий, как морское сражение или землетрясение»[141].

Между тем это, на первый взгляд вполне убедительное, толкование утверждения 4.А.1. наталкивается на одно непреодолимое препятствие: в нем отвергнута общезначимость не только закона исключенного третьего, но также и закона (невозможности) противоречия; ведь в нем говорится не только о том, что в определенных условиях вместе ложны как некоторое утверждение, так и его отрицание, но и о том, что они вместе истинны в тех же самых условиях!

Дело осложняется еще и тем, что в той же девятой главе имеется одно место, сводящее, казалось бы, на нет самое постановку проблемы справедливости закона исключенного третьего для будущих единичных событий. Сопоставим следующие два высказывания Стагирита:

4.А.2. «Относительно того, что́ есть и что́ стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным... Однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что будет. Ибо если и здесь всякое утверждение и отрицание истинно или ложно, то необходимо, чтобы все было присуще или не присуще»[142].

4.А.3. «Так что если бы дело обстояло во всякое время так, что одно из [противоречащих друг другу высказываний] истинно, то необходимо, чтобы произошло именно это; и со всем происшедшим дело всегда обстояло бы так, что оно произошло бы по необходимости... Если же эти [выводы] несостоятельны... то очевидно, что не все существует и происходит в силу необходимости»[143].

Таким образом, то, что́, казалось бы, сперва объявлено специфичным лишь для будущего, затем признается таковым также и для настоящего и прошедшего! Более того, «несостоятельность» вывода о том, что все существует и происходит в силу необходимости, подтверждается, полагает Аристотель, не только

[141] *Г. Х. Фон Райт*. Детерминизм, истина и временной параметр. — «Философские науки», 1975, № 4, стр. 108.
[142] «Об истолковании» 9, 18 а 28—35.
[143] Там же, 9, 19 а 1—18.

характером будущих единичных событий, но и характером «вообще... того, что деятельно не постоянно» [144], или того, «что́ не всегда есть или не всегда не есть» [145], т. е. того, что не вечно актуально. Между тем, согласно положениям 2.14.5. и 2.14.6. и Гипотезе Аристотеля, актуальное не исчерпывается вечно актуальным, но существуют уже актуализированные, хотя и случайные по природе события. Так что вопрос о том, что за проблема все-таки ставится Стагиритом в начале главы 9 трактата «Об истолковании», остается открытым.

Не менее «странным» кажется следующее высказывание Аристотеля:

4.А.4. «Итак, сущее, когда оно есть, необходимо есть; точно так же и не-сущее, когда его нет, необходимо не есть» [146].	4.А.5. «Однако не все сущее необходимо есть, как и не все не-сущее необходимо не есть» [147].

«Ибо,— разъясняет Стагирит,— не одно и то же [сказать], что *все* сущее, когда оно есть, необходимо есть, или сказать, что оно безусловно необходимо есть. Точно так же и относительно не-сущего» [148], т. е. не одно и то же сказать, что *все* не-сущее, когда его нет, необходимо не есть, или сказать, что оно вообще необходимо не есть.

Согласно этому разъяснению, оба утверждения из левого столбца взяты Аристотелем в интерпретации всеобщности, а именно первое из них — в качестве высказывания обо всем сущем, а второе — обо всем не-сущем. Так что оба высказывания из правого столбца представляют собой соответственно их отрицания, а вся фраза в целом — противоречивое высказывание. Историки логики обходят молчанием это обстоятельство, «щадя», по-видимому, авторитет Аристотеля. Думается, однако, что Стагирит не нуждается в снисхождении, и вообще сомнительно, чтобы обычно без-

---

[144] Там же, 9, 19 а 9.

[145] Там же, 9, 19 а 36.

[146] В символах: 1. $p \Longrightarrow Lp$. 2. $\neg p \Longrightarrow L \neg p$.

[147] В символах: 1. $\neg \forall p\, (p \Longrightarrow Lp) \Longleftrightarrow \exists p\, (p$ и $M \neg p)$. 2. $\neg \forall p\, (\neg p \Longrightarrow L \neg p) \Longleftrightarrow \exists p\, (\neg p$ и $Mp)$.

[148] «Об истолковании» 9, 19 а 23—27 (курсив мой. — *З. М*). Мы разбили одну фразу на три части, поместив первую в левом столбце, вторую — в правом, а третью — под ними.

упречно срабатывающее аналитическое чутье могло бы до такой степени подвести его. Надо поэтому полагать, что от нас, по всей вероятности, ускользает нечто существенно важное из главы 9 трактата «Об истолковании».

В связи с этим отметим одно немаловажное обстоятельство: Стагирит различает три понятия закона исключенного третьего:

4.А.6. Все необходимо есть или необходимо не есть, а также необходимо будет или необходимо не будет [149], или в теоретико-познавательной формулировке:

4.А.6*. «Из двух противолежащих друг другу утверждения и отрицания... одно необходимо должно быть истинным» [150]. Пример: «Завтра морское сражение необходимо будет, или... оно необходимо не произойдет» [151].

4.А.7. «Все необходимо есть или не есть, а также будет или не будет» [152], или в теоретико-познавательной формулировке:

4.А.7*. «Один член противоречия хотя и необходимо истинен... однако не [определенно] вот этот или вот этот» [153]. Пример: «Завтра морское сражение необходимо будет или не будет» [154].

4.А.8. «Противоречие не имеет ничего промежуточного (ведь противоречие означает именно такое противопоставление, в котором одна из обеих сторон присуща любой вещи, т. е. не имеет ничего промежуточного)» [155], или в теоретико-познавательной формулировке:

4.А.8*. «Всякое утверждение и отрицание истинно». Пример: «Нечто бело или не бело» [156].

Согласно соотношению 2.13., Определению 3 и соотношению 2.9.5., из положения 4.А.6. следует положение

---

[149] «Об истолковании» 9, 19 а 28—29: Верно «утверждать раздельно, что то или другое (бытие или небытие. — *З. М.*) необходимо». В символах: ∀ p (Lp или L ¬ p).

[150] «Об истолковании» 9, 18 b 27—29.

[151] Там же, 9, 19 а 31—32.

[152] Там же, 9, 19 а 28—29. В символах: ∀pL (p или ¬ p).

[153] Там же, 9, 19 а 36—38.

[154] Там же, 9, 19 а 30.

[155] «Метафизика» X 7, 1057 а 34—36. В символах: ∀p (p или ¬ p).

[156] «Об истолковании» 9, 18 а 34—18 b 1.

4.А.7., а из последнего — положение 4. А. 8.[157] Кроме того, по определениям неакцидентальности и непотенциальности положения 4.А.6. и 4.А.7. соответственно равнозначны положениям

4.А.6 **. Всякое сущее неакцидентально [158],

4.А.7 **. Всякое сущее непотенциально [159].

Сопоставляя положения 4.А.6. и 4.А.7., Аристотель приходит к следующему выводу:

4.А.9. «Все необходимо есть или не есть, а также будет или не будет; но нельзя утверждать раздельно, что то необходимо или другое необходимо» [160], или иначе:

4.А.9 *. Всякое сущее непотенциально, но не всякое сущее неакцидентально. Пример: «Завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет» [161].

Так что Аристотель отбрасывает положение 4.А.6., но принимает положение 4.А.7. Между тем последнее положение очевидно противоречит постулату существования области потенциально сущего!

Предварительный анализ девятой главы трактата «Об истолковании» показывает, что для адекватного понимания ее содержания необходимо найти ключ к правильной интерпретации отношений между положениями 4.А.2. и 4.А.3., между положениями 4.А.4. и 4.А.5., а также между положением 4.А.9. и постулатом существования области потенциально сущего.

Б. Условия неакцидентальности

Пусть событийный состав сущего таков, что справедливо положение

4.А.4., т. е. справедливы положения

4.Б.1. «Сущее, когда оно есть, необходимо есть»,

4.Б.1 *. «Не-сущее, когда его нет, необходимо не есть» [162].

---

[157] В символах: $\forall p\,(Lp$ или $L\neg p) \Longrightarrow \forall p L\,(p$ или $\neg p) \Longrightarrow$ $\Longrightarrow \forall p\,(p$ или $\neg p)$.

[158] $\forall p N p \Longleftrightarrow \forall p\,(Lp$ или $L\neg p)$.

[159] $\forall p \Gamma p \Longleftrightarrow \forall p L\,(p$ или $\neg p)$.

[160] «Об истолковании» 9, 19 а 28—29.

[161] Там же, 9, 19 а 30—32.

[162] Очевидно, что из 4.Б.1. следует 4.Б.1*.

Легко видеть, что эти положения вместе с положением 4.А.8., т. е. с обычным законом исключенного третьего, дают положение

4.Б.2. Пусть сущее, когда оно есть, необходимо есть; тогда если оно есть или не есть, то оно необходимо есть или необходимо не есть [163], или иначе:

4.Б.2*. В предположении 4.Б.1. из обычного закона исключенного третьего вытекает неакцидентальность всего сущего.

Выражение «все сущее безусловно необходимо есть, и все не-сущее безусловно необходимо не есть», частично неявно фигурирующее в разъяснении к 4.А.4. и 4.А.5., мы интерпретируем как положение 4.А.6., т. е. как утверждение неакцидентальности всего сущего, а выражение «все сущее, когда оно есть, необходимо есть, и все не-сущее, когда его нет, необходимо не есть», также частично неявно фигурирующее в разъяснении к 4.А.4. и 4.А.5.,— как положение 4.Б.2., очевидно совместимое с положением 4.А.5. [164]

То, что наша интерпретация адекватно отображает замысел Стагирита, подтверждается его рассуждением, непосредственно следующим за разъяснением к 4.А.4. и 4.А.5.: *«То же* следует сказать о противоречии: ...нельзя утверждать раздельно, что то необходимо или другое необходимо» [165], т. е. нельзя утверждать 4.А.6.: все сущее неакцидентально. Между тем в разъяснении к 4.А.4. и 4.А.5. отвергается всеобщая необходимость сущего. Следовательно, под всеобщей необходимостью в этом разъяснении также подразумевается неакцидентальность: ведь в обоих случаях опровергается «то же» самое!

Если тем не менее будет принято положение 4.Б.1., то, разумеется, «пропозициональная модальная логика будет разрушена» [166]. Однако Стагирита, думается, не встревожил бы подобный исход сам по себе; ведь если бы событийный состав сущего определялся на деле соотношением 4.Б.1., то модальная логика оказалась

---

[163] В символах: $(p \Rightarrow Lp) \Rightarrow ((p$ или $\neg p) \Rightarrow (Lp$ или $L\neg p))$.

[164] Заметим, что из 4.Б.2. и 2.13. следует, что в предположении обычного закона исключенного третьего эквивалентны 4.Б.1. и 4.А.6.: $(p$ или $\neg p) \Rightarrow ((p \Rightarrow Lp) \Leftrightarrow (Lp$ или $L\neg p))$.

[165] «Об истолковании» 9, 19 а 27—29 (курсив мой. — *З. М.*).

[166] *Я. Лукасевич.* Цит. соч., стр. 216. Дело в том, что в предположении $(p \Rightarrow Lp)$ попарно равнозначны p, Mp и Lp.

бы беспредметным концептуальным построением. Для Аристотеля решающим доводом служит то обстоятельство, что, согласно соотношению 2.14.2., событийный состав сущего фактически содержит случайные (акцидентальные) события, в то время как из верности соотношения 4.Б.1. очевидно вытекает несуществование таковых[167]. «Так что,— рассуждает Стагирит,— или утверждение, или отрицание необходимо должно быть истинным или (необходимо должно быть. — *Э. М.*) ложным. Значит, [если это верно], то ничего не существует и не происходит случайно и как попало, и точно так же не будет ничего такого, что произойдет или не произойдет случайно, и все совершается по необходимости»[168]. На деле же «кое-что зависит от случая... может произойти и иначе, а не так», «и нам известно многое, с чем дело обстоит именно так; например, это платье может быть разрезано...; равным образом оно может быть не разрезано»[169]. Это означает, что общезначимыми объявляются лишь два соотношения: 4.А.5. и 4.Б.2.

В. Условия непотенциальности

Отбросив положение о неакцидентальности всего сущего — наиболее сильный вариант закона исключенного третьего, Аристотель как будто принимает положение 4.А.7. — положение о необходимости закона исключенного третьего в его безусловной формулировке: «Все необходимо есть или не есть, а также будет или не будет», или, выражаясь теоретико-познавательно: «Один член противоречия хотя и необходимо истинен... однако не [определенно] вот этот или вот этот». К тому же положение 4.А.7. совместимо с постулатом 2.14.2. существования случайных событий и даже с более сильным утверждением

4.В.1. Нечто есть, но может не быть; нечто не есть, но может быть, т. е. совместимо с отрицаниями положений 4.Б.1. и 4.Б.1.*[170].

---

[167] $(p \Rightarrow Lp) \Leftrightarrow (Lp$ или $L \neg p)$ (см. примечание 164); между тем $Np \Leftrightarrow (Lp$ или $L \neg p) \Leftrightarrow \neg (Mp$ и $M \neg p) \Leftrightarrow \neg Qp$.

[168] «Об истолковании» 9, 18 b 4—7.

[169] Там же, 9, 19 a 19—22, 12—15.

[170] 1. $(p \Rightarrow Lp) \Leftrightarrow \neg (p$ и $M \neg p)$. 2. $(\neg p \Rightarrow L \neg p) \Leftrightarrow \neg (\neg p$ и $Mp)$.

Однако положение 4.А.7. очевидно противоречит главному результату главы 9 трактата «Об истолковании» — положению 4.А.1.: «Не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противолежащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным»[171] — и тем самым постулату существования потенциально сущего, но вместе с тем оно, согласно положению 2.6., общезначимо в области актуально сущего. Так что для того, чтобы оно преобразовалось в утверждение, общезначимое вообще, достаточно наложить на него подходящее условие. Таковым, конечно, является обычное tertium non datur. В качестве подходящего условия, разумеется, можно было выбрать любое соотношение, общезначимое в области актуально сущего, но невыполнимое в области потенциально сущего; мы остановились на законе исключенного третьего из-за одной характерной черты девятой главы: она целиком построена в форме извлечения следствий из предположения справедливости этого закона — следствий то приемлемых, то нелепых в зависимости от подразумеваемого при этом его варианта (варианта tertium non datur).

Все эти соображения вместе подсказывают, что положение 4.А.7., вырванное из контекста всей главы 9 трактата «Об истолковании», нельзя рассматривать как положение, принимаемое Стагиритом, и что под ним и тем самым под позитивной частью положения 4.А.9. подразумевалось им следующее условное утверждение:

4.В.2. Все, что есть или не есть, а также будет или не будет, необходимо есть или не есть, а также будет или не будет[172] — утверждение, совместимое, конечно, как с положением 4.А.1., так и с постулатом существования сферы потенциально сущего.

Г. Бытие будущих единичных событий в возможности и действительности

Рассмотрим совокупность не всегда сущих и не всегда не сущих событий. Нетрудно видеть, что она — подсовокупность совокупности акцидентальных событий,

---

[171] В символах: $\forall p \Gamma p \Longleftrightarrow \forall p L$ (p или $\neg$ p) $\Longleftrightarrow \neg \exists p M$ (p и $\neg$ p) $\Longleftrightarrow \neg \exists p E p$.

[172] В символах: (p или $\neg$ p) $\Longrightarrow L$ (p или $\neg$ p).

т. е. событий не необходимых и не невозможных, или, иначе, событий, могущих быть и могущих не быть [173]. Если из совокупности акцидентальных событий удалить события, которые вечно потенциально сущи, то очевидно совпадут обе рассматриваемые совокупности. Поскольку такое ограничение представляется вполне естественным, целесообразно переопределить понятие случайного события, положив условие «быть случайным» равнозначным условию «быть не всегда сущим и не всегда не сущим». Стагирит, впрочем, так и поступает [174].

Назовем *Методом аспектов* прием Аристотеля рассматривать одно и то же событие и в аспекте бытия в возможности, и в аспекте бытия в действительности.

Применим ли Метод аспектов к будущим единичным событиям, например к событию «завтра морское сражение произойдет»? Сегодня этого события, разумеется, еще нет, но «бытием в возможности,— говорит Стагирит,— обладает и то, чего еще нет: ведь возникает то, чего нет, но не возникает то, бытие чего невозможно» [175]. Таким образом, предлагается рассматривать сегодняшнее обстояние вещей как бытие завтрашнего обстояния вещей в возможности, например как бытие завтрашнего морского сражения в возможности. Такое рассмотрение сегодняшнего обстояния вещей по существу отличается от его рассмотрения как бытия в действительности: не одно и то же рассматривать сегодняшнее обстояние вещей как сегодняшнее, т. е. как актуальное, и рассматривать его по отношению к завтрашнему обстоянию вещей в качестве потенции последнего; любой вопрос о завтрашнем морском сражении неуместен относительно сегодняшнего обстояния вещей. Между тем сегодняшнее обстояние вещей — субстрат завтрашнего обстояния вещей в том смысле, что сегодняшнее обстояние вещей полностью предопределяет совокупность всех событий, могущих, согласно Принципу энтелехии, осуществиться

---

[173] В самом деле, если нечто не всегда есть, то его иногда нет и, следовательно, оно может не быть; если же нечто не всегда не есть, то оно иногда есть и, следовательно, оно может быть. В символах: 1. $\neg \text{В}p \Longleftrightarrow \text{И} \neg p \Longrightarrow \text{М} \neg p$. 2. $\neg \text{В} \neg p \Longleftrightarrow \text{И}p \Longrightarrow \text{М}p$, где 'В' обозначает «всегда», а 'И' — «иногда».

[174] «Об истолковании» 9, 19 a 35—36. См. также выше § 4A.

[175] «Метафизика» III 6, 1003 a 4—5.

в завтрашнем обстоянии вещей; иначе говоря, будущее представляет собой реализатор потенций, заложенных в настоящем, а настоящее — начальную стадию перехода от возможности к действительности. Например, завтрашнее морское сражение потенциально (именно потенциально, но не энтелехийно) наличествует в сегодняшнем обстоянии вещей как в субстрате. Но тогда, согласно определению 2.1., в сегодняшнем обстоянии вещей наличествует в возможности (именно в возможности, но не в действительности) и событие «завтра морское сражение произойдет», и вместе с тем событие «завтра морское сражение не произойдет». Так что относительно сегодняшнего обстояния вещей, рассматриваемого как бытие завтрашнего обстояния вещей в возможности, верно и то, что завтра произойдет морское сражение, и вместе с тем то, что оно завтра не произойдет; но тем самым неверно ни то, ни другое. В этом, и только в этом, смысле следует понимать утверждение 4.А.1.: «Не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противолежащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, чтó не есть, но может быть и не быть (т. е. с потенциально сущим. — *З. М.*), дело обстоит не так, как с тем, чтó есть (т. е. с актуально сущим. — *З. М.*)». Ведь в области потенциально сущего невыполнимы законы исключенного третьего и (невозможности) противоречия.

Предопределяя всю совокупность альтернатив, могущих реализоваться в завтрашнем обстоянии вещей, сегодняшнее обстояние вещей, согласно 4.А.9., не предопределяет реализации одной из них и тем самым не предопределяет фактического событийного состава завтрашнего обстояния вещей; ведь «один член противоречия хотя и необходимо истинен или ложен, однако не [определенно] вот этот или вот этот, а как случится»; «например, завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет» [176]. Оба события равновозможны, у них «возможность быть и не быть одинакова» [177], и поэтому невозможно предсказать

[176] «Об истолковании» 9, 19 а 36—38, 19 а 30—32.
[177] Там же, 9, 19 а 9—10.

наступление одного из них, располагая знанием лишь онтологической структуры сегодняшнего обстояния вещей и не имея под рукой каких-либо дополнительных фактических данных.

Означает ли сказанное, что будущие единичные события нельзя рассматривать в аспекте бытия в действительности? Нет, не означает, ибо естественно предполагать, что наступление будущего неизбежно, и к тому же мы способны мысленно перенестись в будущее, рассматривая его так, как если бы оно являлось актуально сущим. Но тогда, согласно определению 2.5., относительно будущего, рассматриваемого в аспекте бытия в действительности, справедливо 4.А.7., т. е. справедливо, что «все необходимо... будет или не будет», точно так же как относительно настоящего, взятого также в аспекте бытия в действительности, справедливо, что «все необходимо есть или не есть». Например, относительно завтрашнего обстояния вещей, взятого в аспекте бытия в действительности, верно, что «завтра морское сражение необходимо будет или не будет», т. е. верно либо то, что оно завтра произойдет, либо то, что оно завтра не произойдет; ведь относительно актуально сущего «утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным» [177a].

Таким образом, высказывания

а. Верно и то, что завтра произойдет морское сражение, и то, что завтра не произойдет морское сражение,

б. Верно либо то, что завтра произойдет морское сражение, либо то, что завтра не произойдет морское сражение,

не несовместимы, если только первое отнести к сегодняшнему обстоянию вещей, рассматриваемому как бытие завтрашнего обстояния вещей в возможности, а второе — к завтрашнему обстоянию вещей, рассматриваемому в аспекте бытия в действительности.

Итак, мы удостоверились в применимости Метода аспектов к будущим единичным событиям и вместе с тем в том, что в этом применении и состоит решение главной проблемы, поднятой Аристотелем в начале девятой главы трактата «Об истолковании».

[177a] Там же, 9, 18 а 28—29.

Что касается несогласованности положений 4.А.2. и 4.А.3., она имеет простое объяснение: для того чтобы проанализировать и сопоставить случайное, которое потенциально суще, со случайным, которое актуально суще, Аристотелю понадобились образцы таковых; вполне естественно, что за образцы первых он выбрал будущие единичные события, а за образцы вторых — настоящие и прошедшие события. В положении 4.А.3. утверждается, что Метод аспектов применим также и к настоящим и к прошедшим событиям.

Д. Критические замечания

а. В утверждении, что «Аристотель по крайней мере один раз (имеется в виду девятая глава трактата «Об истолковании». — *З. М.*) усомнился в его (tertium non datur. — *З. М.*) общезначимости»[178], по меньшей мере неадекватно представлен замысел Стагирита, ибо в отношении бытия в возможности он никогда не сомневался в необщезначимости этого принципа, но, что касается бытия в действительности, он, наоборот, всегда подчеркивал подвластность ему этого рода сущего.

б. Верно, что, по Аристотелю, «на сегодня нет ни необходимости, ни невозможности того, что завтра будет морское сражение,— иными словами, что предложения «Возможно, что завтра будет морское сражение» и «Возможно, что завтра не будет морского сражения» сегодня оба истинны, и это будущее событие является случайным»[179], но было бы неверно предположить, что Аристотель мог бы дать этому факту следующее объяснение: «Я считаю, что сегодня реально нет ничего: ни того, что могло бы вызвать завтра морское сражение, ни того, что могло бы его не вызвать»[180]. Он, по всей вероятности, сказал бы так: сегодня нет ничего, что могло бы предопределить действительное наступление одного из этих событий, но вместе с тем в потенции имеется все для наступления любого из них.

в. Верно, что, по мнению Аристотеля, «истина заклю-

---

[178] См. выше прим. 139.

[179] *Я. Лукасевич.* Цит. соч., стр. 219—220.

[180] Там же, стр. 219.

чается в соответствии мысли с действительностью»[181], точнее — с сущим, однако для Аристотеля сущее не исчерпывается «сегодняшней действительностью, или будущей действительностью, поскольку она предопределена причинами, существующими сегодня»[182], или прошедшей действительностью. Имеется сущее, а именно сегодняшнее обстояние вещей, рассматриваемое в качестве бытия завтрашнего обстояния вещей в возможности, которому соответствует высказывание «завтра будет морское сражение, и завтра не будет морского сражения» и относительно которого, значит, оно истинно!

§ 5. НЕОБХОДИМОЕ СЛЕДОВАНИЕ

Аристотель впервые открыл существование схем (schēmata) рассуждения, схем умозаключения и тем самым положил начало науке, названной позже формальной логикой.

Между тем формулировка схемы рассуждения, очевидно, невозможна без применения переменных. Поэтому не удивительно, что открытие схем рассуждения совпало с введением в логику (и, насколько известно, в науку вообще) переменных — обстоятельство, впрочем, хорошо известное в античности (Александр, Филопон, Аммоний[183]). «Введение в логику переменных является одним из величайших открытий Аристотеля... По-видимому, Аристотель считал свое открытие чем-то само собой разумеющимся и не требующим объяснения»[184].

Умозаключения (силлогизмы), в частности опровержения, бывают либо «кажущимися»[185], «мнимыми»[186], «опровержимыми»[187], либо «правильными»[188],

---

[181] Там же.

[182] Там же, стр. 284.

[183] См. там же, стр. 42, 43.

[184] Там же, стр. 42. Поэтому кажется довольно странным замечание Н. Бурбаки, сделанное им как бы мимоходом: «Обозначение понятий или высказываний с помощью букв... возможно, было заимствовано Аристотелем у математиков» (*Н. Бурбаки.* Цит. соч., стр. 12).

[185] «О софистических опровержениях» 1, 164 b 26.

[186] Там же, 6, 168 a 17.

[187] «Первая аналитика» II 27, 70 a 31.

[188] «О софистических опровержениях» 8, 169 b 40.

«верными» [189], «неопровержимыми» [190]: «одни умозаключения и опровержения действительные, а другие нет, но кажутся такими» [191]. Например, схема, разрешающая «на основании того, что, если есть вот это, необходимо есть то, полагать, что, если есть то, необходимо есть и вот это» [192],— это схема мнимого умозаключения; но схема «если при наличии А необходимо есть Б, то, если нет Б, необходимо нет и А» [193] — это уже схема правильного умозаключения.

5.1. Умозаключение правильное, если его заключение «вытекает с необходимостью» [194] из его посылок; в противном случае, т. е. когда «заключение не возникает... с необходимостью» [195], оно мнимое умозаключение: «ведь заключение должно вытекать из данных [посылок], так что оно должно быть выведено с необходимостью, а не только по видимости» [196], «чтобы его (заключение. — *З. М.*) необходимо признали, если признают эти [посылки], и притом *как нечто истинное, если эти [посылки] истинны*» [197].

Ясно, что утверждение 5.1. — непосредственное следствие определения силлогизма [198].

Я. Лукасевич установил [199], что выражения «необходимо», «с необходимостью», «в силу необходимости», используемые Аристотелем при формулировках схем умозаключения в качестве предиката отношений следования и выводимости, употребляются им в том же самом смысле, в каком мы употребляем ныне предикат общезначимости в отношении всей схемы (формулы). Так что утверждение 5.1. можно переформулировать следующим образом:

5.1*. Схема умозаключения общезначима, если, и только если, при истинности посылок истинно также и заключение.

---

189 Там же, 5, 168 a 12.
190 «Первая аналитика» II 27, 70 a 29—30.
191 «О софистических опровержениях» 1, 164 b 25—26.
192 Там же, 5, 167 b 2—3.
193 «Первая аналитика» II 2, 53 b 12—13.
194 Там же, II 2, 53 b 18.
195 Там же, I 4, 26 a 6—7.
196 «О софистических опровержениях» 6, 168 a 21—23.
197 «Вторая аналитика» I 6, 75 a 26—27 (курсив мой. — *З. М.*).
198 См. выше § 1.
199 *Я. Лукасевич.* Цит. соч., § 4 и § 5.

При этом предполагается, что под общезначимостью разумеют общезначимость в области актуально сущего.

Кроме того Аристотель принимает следующие положения:

5.2. «Первая единая высказывающая речь — это утверждение, затем — отрицание» [200].

5.3. «Не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность» [201].

5.4. «Всякое утверждение имеет свое отрицание» [202]. «Всякому утверждению противолежит отрицание, и всякому отрицанию — утверждение» [203].

Определение 7. «Назовем противолежащие друг другу утверждение и отрицание противоречием»[203а].

5.5. «Ложное есть не что иное, как отрицание истины» [204].

5.6. «В случае истинности утверждения ложно отрицание, а в случае истинности отрицания ложно утверждение» [205]. «Противолежащие друг другу высказывания не могут быть вместе истинными» [206]. «Невозможно, чтобы и отрицание и утверждение были ложными» [207].

5.7. Высказывающий двойное утверждение «высказывает также и каждое из этих утверждений отдельно, так что если каждое из них несостоятельно, то необходимо, чтобы несостоятельным было и это [двойное] утверждение» [208], причем «если... утверждение есть одно высказывание, состоящее из двух, то одним будет и отрицание, противолежащее этому утверждению» [209].

5.8. Если истинно или одно утверждение, или другое и «если первое невозможно, то нужно выбрать второе» [210].

Если постулировать положения 5.1.—5.8., то нетрудно вывести следующие положения:

---

[200] «Об истолковании» 5, 17 а 8—9.
[201] Там же, 4, 17 а 2—3.
[202] «Первая аналитика» I, 46, 51 b 34—35.
[203] «Об истолковании» 6, 17 а 32—33.
[203а] Там же, 6, 17а 33—34.
[204] «Метафизика» IV 8, 1012 b 8—9.
[205] Там же, IV 4, 1008 а 34—36.
[206] Там же, IV 6, 1011 b 13—14.
[207] Там же, IV 8, 1012 b 12.
[208] Там же, IV 8, 1012 а 35 — 1012 b 2.
[209] Там же, IV 4, 1008 а 6—7.
[210] «Об истолковании» 12, 21 b 22.

5.9. Заключение с необходимостью вытекает из посылок, если, и только если, в случае истинности посылок истинно и заключение.

5.10. «Если доказано, что отрицание не истинно, необходимо будет истинным утверждение. И наоборот, если отвергается истинность утверждения, то правдоподобным следует признать отрицание»[211].

5.11. «Если при наличии А необходимо есть Б, то... если А истинно, необходимо истинно и Б»[212].

5.12. «Когда два [предмета] относятся друг к другу так, что, если есть один, необходимо есть и второй, тогда, если нет второго, не будет и первого»[213].

5.13. «Если оно (нечто.— *З. М.*) не следует, то следовало бы противоречащее [ему]», или, иначе: «Если бы это было не так, то следовало бы [его] отрицание»[214].

5.14. «Опровержение — это умозаключение с выводом, противоречащим заключению [собеседника]»[215].

5.15. Из того, что из «первоначально допущенного предположения», противоречащего доказываемому (т. е. «из признания того, что́ противоречит» доказываемому), «вытекает нечто невозможное», или «бесспорно ложное», или «нелепое», следует отрицание предположенного, т. е. доказываемое[216].

5.16. «Если опровергнуто одно из... следствий, становится опровергнутым и первоначально предположенное»[217].

5.17. «Если заключение ложно, то необходимо, чтобы те [посылки], из которых состоит рассуждение, были ложными — или все, или некоторые»[218].

5.18. «Если предположить, что обе посылки суть А, а заключение есть Б, то отсюда вытекает... то, что, если А необходимо, необходимо и Б»[219].

---

[211] «Первая аналитика» II 11, 62 a 14—17.
[212] Там же, II 2, 53 b 12—14.
[213] Там же, II 4, 57 b 1—2.
[214] «Об истолковании» 13, 22 b 30, 11—12.
[215] «О софистических опровержениях» 1, 165 a 2—3.
[216] См. «Первая аналитика» I 23, 41 a 25—32, и II 14, 62 b 30—31.
[217] «Топика» II 5, 112 a 20—21.
[218] «Первая аналитика» II 4, 57 a 36—37.
[219] Там же, I 15, 34 a 22—24.

5.19. «Если Б необходимо должно быть, когда есть А, то необходимо, чтобы Б было возможно, когда А возможно» [220].

5.20. «Из ложных посылок можно выводить истинное заключение» [221]. «Необходимое можно выводить и из не необходимого, так же как истинное — из неистинного» [222].

5.21. «Из истинных посылок нельзя вывести ложное заключение» [223]. «Если же заключение истинно, то не необходимо, чтобы какая-нибудь [из посылок] или все они были истинными» [224].

Положения 5.7., 5.8., 5.10.—5.19. суть по существу формулировки схем рассуждения, причем они сформулированы Аристотелем в таких оборотах, что их можно истолковывать и как законы логики, и вместе с тем как правила вывода [225].

---

[220] Там же, I 15, 34 a 5—7. Впрочем, в конце четвертой главы девятой книги «Метафизики» (1047 b 14—30) имеется набросок доказательства положения 5.19. Набросок этот содержит, правда, немало некорректностей, однако он интересен тем, что доказательство в нем явно построено по схеме рассуждения, называемого ныне правилом введения импликации. Для того чтобы это стало осязаемым, мы выпишем лишь узловые пункты доказательства, опуская при этом промежуточные рассуждения: «Если при наличии А необходимо существует Б, то и при наличии возможности существования А необходима и возможность существования Б. В самом деле... допустим, что А возможно... Значит, и Б [возможно]. Итак, если А возможно, то и Б будет возможно». Вариант 2. «В самом деле... допустим, что Б невозможно... Необходимо, чтобы и А было невозможно... Итак, если А возможно, то и Б будет возможно».

[221] «Первая аналитика» II 2, 53 b 8.

[222] «Вторая аналитика» I 6, 75 a 3—4.

[223] «Первая аналитика» II 2, 53 b 7—8.

[224] Там же, II 4, 57 a 37—38.

[225] Более или менее адекватная полусимволическая запись этих схем выглядит так:

5.7.1. (А и Б) $\vdash$ А. 2. (А и Б) $\vdash$ Б. 3. $\neg$ А, $\neg$ Б $\vdash$ $\neg$ (А и Б).

5.8. (А или В), $\neg$ МА $\vdash$ Б.

5.10.1. Если $\vdash$ $\neg\neg$ А, то $\vdash$ А. 2. Если не $\vdash$ А, то правдоподобно, что $\vdash$ $\neg$ А.

5.11. Из того, что (А $\Longrightarrow$ Б) и А, следует Б.

5.12. (А $\Longrightarrow$ Б) $\Longrightarrow$ ($\neg$ Б $\Longrightarrow$ $\neg$ А).

5.13. $\neg$ (А $\Longrightarrow$ Б) $\Longrightarrow$ (А $\Longrightarrow$ $\neg$ Б).

5.14. (А $\Longrightarrow$ $\neg$ А) $\Longrightarrow$ $\neg$ А.

5.15. Если А $\vdash$ нелепость, то $\vdash$ $\neg$ А.

5.16. Из того, что А $\Longrightarrow$ ($Б_1$ и $Б_2$ и ... и $Б_p$) и $\neg$ Б, следует $\neg$ А.

Особого внимания заслуживает одно место из «Первой аналитики», которое как-то ускользнуло от пытливых взглядов историков логики: «Если в исследовании не упущено ничего из того, что действительно присуще предметам, мы будем в состоянии для всего, доказательство чего [вообще] имеется, таковое найти и дать; в тех же случаях, где доказательство по самой природе вещей невозможно,— показать эту [невозможность]» [226]. Это положение, относящееся к методологии дедуктивных наук, бесспорно свидетельствует о том, что Стагирит впервые увидел и сформулировал (и притом безупречно) две главнейшие методологические проблемы — проблему полноты и проблему разрешения для произвольной системы знания и вместе с тем установил, что из полноты очевидно непротиворечивой и аксиоматизируемой системы следует ее разрешимость.

Вышеприведенный список схем рассуждений представляет собой перечень почти всех основных свойств отношений следования и выводимости. Если к тому же принять во внимание, что Аристотель достаточно подробно и точно описал дедуктивное поведение таких понятий, как тождество, обладание свойством, кванторы «все» и «некоторое», включение рода в род, и что мы находим у него безупречное определение понятия доказывающей (дедуктивной) науки [227], успешно примененное им при аксиоматизации ассерторической силлогистики, то представляется более чем странной укорененность традиции квалифицировать эти фундаментальные достижения Стагирита как какие-то фрагменты соответствующих разделов современной логики (высказываний, классов или предикатов). На деле же всю совокупность этих «фрагментов» следовало бы определить как довольно цельную концепцию об общих свойствах дедукции и дедуктивных наук.

5.17. Из того, что (A_1 и A_2 и ... и A_p) $\Longrightarrow$ Б и $\neg$ Б, следует что ($\neg A_1$ или $\neg A_2$ или ... или $\neg A_p$).

5.18. L (A $\Longrightarrow$ Б) $\Longrightarrow$ (LA $\Longrightarrow$ LБ).

5.19. L (A $\Longrightarrow$ Б) $\Longrightarrow$ (MA $\Longrightarrow$ MБ).

[226] «Первая аналитика» I 30, 46 a 24—27.

[227] «Вторая аналитика» I, гл. 2.

Упомянутая традиция, по-видимому, зиждется на более давней, но не становящейся из-за этого более справедливой традиции усматривать главную заслугу Аристотеля перед наукой логики в построении им элегантного, но вместе с тем почти бесполезного здания ассерторической силлогистики, которая, впрочем, занимает менее одной десятой части объема всего «Органона».

З. Микеладзе

КАТЕГОРИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Одноименное, соименное, отыменное*]

Одноименными называются те предметы, у которых 1a
только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности (logos tes oysias) разная, как, например, dzōon означает и человека и изображение. Ведь у них только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная, ибо если указывать, что́ значит для каждого из них быть dzōon, то [в том и другом случае] будет указано особое понятие (logos).

Соименными называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, «живое существо» (dzōon) — это и человек и бык. В самом деле, и человек и бык называются общим именем «живое существо» и речь о сущности [их] одна и та же. Ведь если указывать понятие того и другого, что́ значит для каждого из них быть dzōon, то будет указано одно и то же понятие.

Наконец, отыменными называются предметы, которые получают наименование от чего-то в соответствии с его именем, отличаясь при этом окончанием слова, как, например, от «грамматики» — «грамматик», от «мужества» — «мужественный».

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Сказываемое о предмете и находящееся в предмете*]

Из того, что говорится, одно говорится в связи [1], другое — без связи. Одно в связи, например: «человек бежит», «человек побеждает»; другое без связи, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает».

Из существующего одно говорится о каком-нибудь подлежащем[2], но не находится ни в каком подлежащем, например человек; о подлежащем — отдельном человеке говорится как о человеке, но человек не находится ни в каком подлежащем; другое находится в подлежащем, но не говорится ни о каком подлежащем (я называю находящимся в подлежащем то, чтó, не будучи частью[3], не может существовать отдельно от того, в чем оно находится); например, определенное умение читать и писать находится в подлежащем — в душе, но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать. И определенное белое находится в подлежащем — в теле (ибо всякий цвет — в теле), но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном белом[4]. А иное и говорится о подлежащем, и находится в подлежащем[5], как, например, знание находится в подлежащем — в душе — и о подлежащем — умении читать и писать — говорится как о знании. Наконец, иное не находится в подлежащем и не говорится о каком-либо подлежащем, например отдельный человек и отдельная лошадь. Ни то ни другое не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. И вообще все единичное и все, что одно по числу, не говорится ни о каком подлежащем, однако ничто не мешает чему-то такому находиться в подлежащем. В самом деле, определенное умение читать и писать принадлежит к тому, чтó находится в подлежащем, ⟨но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать⟩.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Род как сказуемое. Видовые отличия]

Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все, чтó говорится о сказуемом, применимо и к подлежащему[1], например: «человек» сказывается об отдельном человеке, а «живое существо» — о «человеке»; следовательно, «живое существо» будет сказываться и об отдельном человеке: ведь отдельный человек есть и человек и живое существо[2].

У вещей, относящихся к разным и не подчиненным друг другу родам, различны и их видовые отличия, например у живого существа и у знания. Видовые отличия у живого существа — это «живущее на

суше», «двуногое», «крылатое» и «обитающее в воде», но ни одно из них не есть видовое отличие у знания: ведь одно знание отличается от другого не тем, что оно двуногое. Однако же никто не мешает, чтобы в пределах подчиненных друг другу родов видовые отличия были одними и теми же: ведь высшие роды сказываются о подчиненных им, а потому, сколько видовых отличий имеется у сказуемого, столько же будет иметься и у подлежащего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Десять категорий*]

Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать». Сущность, коротко говоря,— это, например, человек, лошадь; «сколько» — это, например, длиною в два локтя, в три локтя; «какое» — например, белое, умеющее читать и писать; «по отношению к чему-то» — например, 2a
двойное, половинное, большее; «где» — например, в Ликее, на площади; «когда» — например, вчера, в прошлом году; «находиться в каком-то положении» — например, лежит, сидит; «обладать» — например, обут, вооружен; «действовать» — например, режет, жжет; «претерпевать» — например, его режут, жгут. Каждое из перечисленного само по себе не содержит никакого утверждения; утверждение или отрицание получается сочетанием их [1]: ведь всякое утверждение или отрицание, надо полагать, или истинно, или ложно [2]; а из сказанного без какой-либо связи ничто не истинно и не ложно, например «человек», «белое», «бежит», «побеждает».

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Сущность*]

Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле,— это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат

сущности, называемые так в первичном смысле,— и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида — «живое существо». Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например «человек» и «живое существо».

Из сказанного очевидно, что у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается о подлежащем и имя и понятие; так, например, человек сказывается о подлежащем — об отдельном человеке — и о нем, конечно, сказывается имя [человека]: ведь отдельного человека назовешь человеком и определение человека будет сказываться об отдельном человеке, ведь отдельный человек есть и человек, и живое существо. Таким образом, и имя и определение будут сказываться о подлежащем[1]. Напротив, у того, что находится в подлежащем, в большинстве случаев ни имя, ни определение не сказываются о подлежащем; в некоторых же случаях ничто не мешает, чтобы имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Так, белое, находясь в теле как в подлежащем, сказывается о подлежащем (ведь тело называется белым), но понятие белого никогда не может сказываться о теле[1]. А все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Это становится ясным, если брать отдельные случаи: живое существо, например, сказывается о человеке, поэтому оно будет сказываться и об отдельном человеке; ведь если бы оно не сказывалось ни об одном из отдельных людей, оно не сказывалось бы и о человеке вообще[2]. Далее, цвет находится в теле; стало быть, и в отдельном теле. Если бы он не находился ни в одном из отдельных тел, он не находился бы и в теле вообще[3]. Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого[4].

Из вторых сущностей вид в большей мере сущность, чем род, ибо он ближе к первой сущности. В самом деле, если станут объяснять, что такое первая сущность, то ее объяснят доступнее и более подходяще,

указывая вид, чем указывая род; так, указывая отдельного человека, укажут понятнее, указывая, что он человек, нежели указывая, что он живое существо; первое более свойственно для отдельного человека, второе более обще; и, указывая отдельное дерево, мы укажем понятнее, указывая, что оно дерево, нежели указывая, что оно растение. Далее, сущностями называются прежде всего первые сущности, потому что для всего остального они подлежащие и все остальное сказывается о них или находится в них. И так же как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду, а именно: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах. Значит, еще и по этой причине вид есть в большей мере сущность, чем род. Что касается самих видов, то, поскольку они не роды, один вид не в большей мере сущность, чем другой: [твое определение] нисколько не будет более подходящим, если ты для отдельного человека укажешь «человек», чем если для отдельной лошади укажешь «лошадь». Точно так же одна первая сущность не в большей мере сущность, чем другая. Ведь отдельный человек есть сущность нисколько не в большей мере, чем отдельный бык.

Вполне естественно, что после первых сущностей из всего прочего одни только виды и роды называются вторыми сущностями: из всего, что сказывается, только они выявляют первую сущность[5]. В самом деле, если кто-нибудь станет объяснять, что такое отдельный человек, то он подходящим образом объяснит его, указывая его вид или род, притом он сделает это понятнее, указывая, что он человек, нежели что он живое существо. Какое-либо другое указание будет неподобающим, например если указывать, что он бледен или бежит или что бы то ни было подобное[6]. Потому вполне естественно, что из всего другого [помимо первых сущностей] только роды и виды называются сущностями. Далее, первые сущности, ввиду того что они подлежащие для всего другого, называются сущностями в самом основном смысле. И как первые сущ- 3a
ности относятся ко всему другому, так же ко всему остальному относятся виды и роды первых сущностей: ведь о них сказывается все остальное. В самом деле, отдельного человека можешь назвать умеющим читать

и писать; значит, так можешь назвать и человека и живое существо. И таким же образом обстоит дело и во всех других случаях.

Общая черта всякой сущности — не находиться в подлежащем. В самом деле, первая сущность не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. Что касается вторых сущностей, то из следующего очевидно, что они не находятся в подлежащем; ведь о подлежащем — об отдельном человеке говорится как о человеке, но «человек» не находится в подлежащем, ибо «человек» не находится в отдельном человеке. Точно так же о подлежащем — об отдельном человеке говорится как о живом существе, но «живое существо» не находится в отдельном человеке. И далее, если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем[1]. Что же касается вторых сущностей, то о подлежащем сказываются и их определение, и их имя: ведь определение человека применимо к отдельному человеку и определение живого существа — точно так же. Поэтому сущность не принадлежит к тому, что находится в подлежащем. Это, однако, не есть особенность сущности, ведь и видовое отличие принадлежит к тому, что не находится в подлежащем. В самом деле, о подлежащем — о человеке говорится как о живущем на суше и как о двуногом, но они не находятся в подлежащем: «двуногое» или «живущее на суше» не находится в человеке. Равным образом и определение видового отличия сказывается обо всем, к чему применимо [само] видовое отличие; например, если «живущее на суше» говорят применительно к человеку, то и определение «живущего на суше» может сказываться о нем, ведь человек есть то, что живет на суше.

И пусть нас не смущает то, что части сущностей находятся в целых как в подлежащих, чтобы нам не пришлось когда-нибудь утверждать, что эти части не сущности: ведь о том, что находится в подлежащем, было сказано, что оно находится в нем не так, как части содержатся в каком-нибудь [целом][7].

Сущностям и видовым отличиям свойственно то, что все [составленное] из них говорится соименно[8]. Все [составленные] из них сказуемые сказываются или о единичном, или о видах. Первая сущность не

составляет никакого сказуемого: ведь она не сказывается ни о каком подлежащем. Что же касается вторых сущностей, то вид сказывается о единичном, а род — и о виде, и о единичном. Точно так же и видовые отличия сказываются и о видах, и о единичном. Далее, первые сущности принимают понятие вида и рода, а вид — понятие рода. Ибо все, что говорится о сказуемом, может быть применено и к подлежащему. Таким же образом и виды и единичное принимают понятие видового отличия. Соименными же были у нас названы те предметы, у которых и имя общее, и понятие одно и то же. Поэтому все [составленное] из сущностей и из видовых отличий говорится соименно.

Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто. Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, чтó она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе»; однако это не верно. Скорее они означают некоторое качество, ведь в отличие от первых сущностей подлежащее здесь не нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа. Однако вторые сущности означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность[9]. Род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит «живое существо», охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит «человек»[10].

Сущностям свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, чтó могло бы быть противоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно. Равным образом нет ничего противоположного и человеку или живому существу. Однако это не особенность сущности; это встречается и у многого другого, например у количественного. Ведь длине в два локтя или в три локтя нет ничего противоположного, так же и десяти и [вообще] никакому количеству, разве только если сказать, что

«многое» противоположно «малочисленному» или «большое» — «малому». Во всяком случае ни одному из определенных количеств ничего не противоположно.

Сущность, надо полагать, не допускает большей и меньшей степени. Я этим не хочу сказать, что одна сущность не может быть сущностью в большей или в меньшей мере, чем другая (выше уже было сказано[11], что это так), а хочу сказать, что о каждой сущности, как таковой, не говорится как о сущности в большей или в меньшей степени. Так, например, если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей и в меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей и в меньшей степени бело, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое. [В подобных случаях] и об одном и том же можно сказать, что оно по отношению к себе бывает [в разное время] таковым в большей и в меньшей степени; например, тело, будучи белым, в настоящее время называется белым в большей степени, чем прежде, или будучи теплым — в большей и в меньшей степени теплым. Сущность же никак не называется сущностью в большей или в меньшей мере. Ведь и человек не называется в настоящее время в большей мере человеком, чем прежде. И точно так же — ничто другое из того, что́ есть сущность. Таким образом, сущность не допускает большей и меньшей степени.

Главная особенность сущности — это, надо полагать, то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности, между тем об остальном, что́ не есть сущность, сказать такое нельзя, [т. е.] что, будучи одним по числу, оно способно принимать противоположности; так, один и тождественный по числу цвет не может быть белым и черным; равным образом одно и то же действие, одно по числу, не может быть плохим и хорошим. Точно так же у всего другого, что́ не есть сущность. Сущность же, будучи одной и тождественной по числу, способна принимать противоположности; так, отдельный человек, будучи единым и одним и тем же, иногда бывает бледным, иногда смуглым, а также теплым и холодным, плохим и хорошим. У всего другого этого, по-видимому, нет,

разве что кто-нибудь возразит и скажет, что речь и мнение способны принимать противоположности. Ведь одна и та же речь кажется истинной и ложной; например, если истинна речь: «он сидит», то, когда он встанет, эта же речь будет ложной. То же самое и в отношении мнения: если правильно полагают, что такой-то человек сидит, то, когда он встанет, будет уже неправильно придерживаться этого мнения о нем. Однако если и согласиться с этим, то все же имеется различие в способе, [каким здесь и там принимаются противоположности]. В самом деле, сущности принимают противоположности, меняясь сами. Ведь, став холодной из теплой, сущность претерпела изменение (ибо она стала иной), и так же — став из бледного смуглым и из плохого хорошим. Точно так же и во всех остальных случаях сущность принимает противоположности, подвергаясь изменению; речь же и мнение, будучи сами во всех отношениях неподвижными, остаются совершенно без изменений, но из-за перемены обстоятельств для них получается противоположное; в самом деле, речь, [например], «он сидит», остается все той же, но в зависимости от происшедшей перемены 4b
обстоятельств она называется то истинной, то ложной [12]. То же можно сказать и о мнении. Так что быть способной принимать противоположности в силу собственной перемены — это особенность сущности, по крайней мере по способу, [каким она их принимает]. Если, таким образом, кто-нибудь согласился бы с тем, что речь и мнение также способны принимать противоположности, то это было бы неверно. Ведь о речи и о мнении говорится как о способных принимать противоположности не потому, что они сами принимают что-то, а потому, что в чем-то другом переменилось состояние: в зависимости от того, происходит ли это или нет, и речь называется истинной или ложной, а не из-за того, что она сама способна принимать противоположности; ведь вообще ни речь, ни мнение нисколько и ничем не приводятся в движение. Поэтому, ввиду того что в них не происходит никакой перемены, они не способны принимать противоположности. О сущности же говорится как о способной принимать противоположности потому, что она сама их принимает: она принимает болезнь и здоровье, бледность и смуглость; поскольку она сама принимает каждую из таких противо-

воположностей, о ней говорится как о способной принимать их. Вот почему особенность сущности — это то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности в силу собственной перемены. Итак, о сущности пусть будет достаточно сказанного.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Количество*]

Что касается количества, то одно раздельно, другое непрерывно[1], и одно состоит из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другое — из частей, не имеющих такого положения. Раздельны, например, число[2] и слово, непрерывны — линия, поверхность, тело[3], а кроме того, время[4] и место[5]. В самом деле, у частей числа нет никакой общей границы, где соприкасались бы его части; так, например, если пять есть часть десяти, то пять и пять не соприкасаются ни на какой общей границе, а стоят раздельно; также и три и семь не соприкасаются ни на какой общей границе. И вообще у числа нельзя указать общую границу его частей; они всегда стоят раздельно, поэтому число принадлежит к раздельным количествам[2]. И таким же образом и слово принадлежит к раздельным количествам. Что слово есть количество, это ясно: ведь оно измеряется коротким и долгим слогом. А имею я в виду слово, произносимое голосом: ведь его части не соприкасаются ни на какой общей границе, ибо нет такой общей границы, где соприкасались бы слоги, каждый из них стоит раздельно сам по себе.

5a Линия же непрерывна, ибо можно указать общую границу, где соприкасаются ее части,— точку[6], а у поверхности — линию: ведь части плоскости соприкасаются на некоторой общей границе. Таким же образом и у тела можно указать общую границу — линию или поверхность, где соприкасаются части тела[3].

Также и время и место принадлежат к таким количествам: настоящее время соприкасается с прошедшим временем и с будущим[4]. В свою очередь и место принадлежит к непрерывным количествам: ведь части тела, которые соприкасаются на некоторой общей границе, занимают определенное место; стало быть, и части места, которые занимает каждая из частей тела,

соприкасаются на той же границе, где соприкасаются и части тела. Поэтому и место, можно сказать, непрерывное количество: ведь его части соприкасаются на одной общей границе [5].

Далее, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другие — из частей, не имеющих такого положения [7]; так, части линии имеют определенное положение по отношению друг к другу: ведь каждая из них расположена где-то и можно было бы различить и указать, где каждая находится на плоскости и с какой частью из остальных она соприкасается. Точно так же имеют определенное положение и части плоскости: можно точно так же указать, где находится каждая из этих частей и какие части соприкасаются друг с другом. И равным образом — части тела и части места. У числа же нельзя было бы показать, каким образом его части имеют определенное положение по отношению друг к другу или где они находятся, а также какие части соприкасаются друг с другом. Нельзя это показать и у частей времени: ведь ни одна часть времени не неподвижна; а как может то, что не неподвижно, иметь определенное положение? Скорее можно было бы сказать, что время имеет некоторый порядок в том смысле, что одна часть времени существует раньше, а другая — позже. Точно так же обстоит дело и с числом — в том смысле, что один указывают при счете раньше, чем два, а два — раньше, чем три; и именно в этом смысле у числа имеется, пожалуй, некоторый порядок, а положение [для него] вовсе нельзя указать [8]. И точно так же произнесенное слово: ни одна часть его не неподвижна, а каждая уже сказана, и ее уже нельзя ухватить; поэтому у частей слова нет положения, раз ни одна из них не неподвижна. Итак, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение, другие — из частей, не имеющих положения.

Количеством в собственном смысле называется только то, что указано выше [9]; все остальное называется так привходящим образом [10]; в самом деле, имея в виду те, которые были указаны, мы называем количествами и остальное; так, белое называется большим, потому что поверхность большая, и действие — продолжительным, потому что оно совершается долгое время, и точно

так же движение — значительным: каждое из них называется количеством не само по себе. Так, если кто-то указывает, сколь продолжительно действие, он определит его временем, указывая, что это действие длится год или что-то в этом роде; равным образом, указывая, что белое есть некоторое количество, он определит его через поверхность: как велика поверхность, такое же по величине, скажешь ты, и белое. Так что только указанное ранее называется количеством в собственном смысле и само по себе; из всего же остального ничто не называется так само по себе, а если и называется, то привходящим образом.

Далее, количеству ничто не противоположно; когда речь идет об определенных количествах, то ясно, что нет ничего противоположного им, например длине в два или в три локтя, или той или иной поверхности, или чему-то подобному: ведь им ничто не противоположно, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» — «малому». Однако все это не количество, а скорее соотнесенное[11]; в самом деле, ни одна вещь не называется большой или малой сама по себе, а лишь поскольку ее соотносят с другим, как, например, [какую-то] гору называют малой, а просяное зерно — большим, поскольку последнее больше других зерен, а первая меньше других гор. Таким образом, имеет место соотнесение с другим: ведь если бы вещь называлась большой или малой сама по себе, то гора никогда не называлась бы малой, а просяное зерно — большим. Точно так же мы говорим, что в селении много людей, а в Афинах мало, хотя здесь их во много раз больше, чем там, и что в доме много людей, а на представлении мало, хотя их здесь гораздо больше. Далее, длина в два или в три локтя и все тому подобное означает количество, между тем «большое» или «малое» означает не количество, а скорее соотнесенное. В самом деле, большое и малое рассматриваются в отношении к другому; поэтому очевидно, что то и другое принадлежит к соотнесенному. Далее, признает ли их кто-нибудь количеством или не признает, во всяком случае нет ничего противоположного им; в самом деле, как можно назвать что-то противоположным тому, что может быть взято не само по себе, а [лишь] в соотнесении с другим? Далее, если «большое» и «малое» будут противоположностями, то

окажется, что одно и то же допускает в одно и то же время противоположности и что вещи противоположны сами себе: ведь иногда бывает, что одно и то же в одно и то же время и велико и мало, ибо по сравнению с одним оно мало, а по сравнению с другим оно же велико; поэтому одно и то же бывает в одно и то же время и большим и малым, так что оно допускает в одно и то же время противоположности. Но, надо полагать, ничто не допускает в одно и то же время противоположностей, 6a как мы это видим в отношении сущности: она, надо полагать, способна принимать противоположности, но во всяком случае ничто не бывает в одно и то же время больным и здоровым, как не бывает вместе белым и черным; и среди всего остального нет ничего, что допускало бы в одно и то же время противоположности. Иначе получается, что вещи противоположны сами себе. В самом деле, если большое противоположно малому, а одно и то же в одно и то же время велико и мало, то оно, можно сказать, противоположно само себе. Но быть противоположным самому себе — это нечто несообразное. Значит, «большое» не противоположно «малому» и «многое» — «малочисленному». Так что если даже причислять их не к соотнесенному, а к количеству, то все же они не будут иметь ничего противоположного.

Противоположность по количеству, надо полагать, имеется главным образом у места. В самом деле, «верх» считают противоположным «низу», называя место у средины «низом», так как расстояние от средины Вселенной до ее пределов самое большое [12]. По-видимому, и определение остальных противоположностей заимствуется от этих: как противоположные друг другу определяют те вещи из одного и того же рода, которые больше всего отдалены друг от друга.

[Определенное] количество, надо полагать, не допускает бо́льшую и меньшую степень, например длина в два локтя: в самом деле, одно имеет длину в два локтя не в большей степени, чем другое. Равным образом и число; одна тройка, например, ничуть не в большей мере тройка, чем другая, и одна пятерка ничуть не в большей мере пятерка, чем другая. И один промежуток времени не называется временем в большей мере, чем другой. И вообще ни об одном из перечисленных видов количества не говорится, что оно есть количество в большей или меньшей мере. Стало

быть, и количество, [так же как сущность], не допускает большей и меньшей степени.

Главная особенность количества — это то, что о нем говорят как о равном и неравном; в самом деле, о каждом из указанных количеств говорится как о равном и неравном; так, говорят, что одно тело равно или неравно [другому] и что один промежуток времени равен или неравен [другому]. Точно так же и о каждом из остальных указанных количеств можно говорить как о равном и неравном.

О прочем же, чтó не есть количество, вовсе, по-видимому, нельзя говорить как о равном или неравном; так, об одном расположении вовсе не говорят, что оно равно или неравно [другому], а скорее, что оно сходно [с другим], и о чем-то одном белом не говорят, что оно равно или неравно [другому белому], а говорят, что оно одинаково [или неодинаково] бело. Таким образом, главная особенность количества — это то, что о нем говорится как о равном и неравном.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Соотнесенное*]

Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, чтó оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому [1]; так, о большем говорят, что то, чтó оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят — большее, чем что-то; и о двойном говорят, что то, чтó оно есть, оно есть в связи с другим;
6b ведь говорят — двойное против чего-то. Так же обстоит дело и с другим им подобным. К соотнесенному принадлежит и такое, как обладание, расположение, чувственное восприятие, знание, положение. В самом деле, обо всем перечисленном говорят, что то, чтó оно есть, оно есть в связи с другим, а не что-то иное: обладание есть обладание чем-нибудь, и знание — знание о чем-нибудь, положение — положение чего-нибудь, и все остальное точно так же. Таким образом, соотнесенное — это то, о чем говорят, что то, чтó оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому, как, например, одна гора называется большой в сравнении с другой, так как ее называют большой по отношению к чему-то, и так же о сходном говорят как о сходном с чем-то, и точно так же называется соотнесенным и другое в этом роде. Далее, и

возлежание, и стояние, и сидение суть некоторые положения, а положение принадлежит к соотнесенному. С другой стороны, лежать, стоять или сидеть — все это само по себе не положения, а обо всем этом говорится как о производном от только что указанных положений.

У соотнесенного бывает и противоположность; так, например, добродетель противоположна пороку — то и другое принадлежит к соотнесенному; и точно так же знание противоположно неведению. Однако не все соотнесенное имеет противоположное себе; двойному ничто не противоположно, равно как и тройному и вообще ничему подобному им.

Соотнесенное, видимо, допускает бóльшую и меньшую степень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном и несходном в большей или в меньшей степени, так же как о равном и неравном в большей или меньшей степени, причем каждое из них есть соотнесенное: о сходном говорят как о сходном с чем-то и о неравном — как о неравном чему-то. Однако не все соотнесенное допускает бóльшую и меньшую степень: о двойном не говорится как о двойном в большей и в меньшей степени, не говорится так ни о чем другом в этом роде.

Все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны[2]; так, под рабом подразумевается раб господина, а под господином — господин раба[3]; и под двойным — двойное по отношению к половинному, а под половинным — половинное по отношению к двойному, равно как и под бóльшим — большее по отношению к меньшему, а под меньшим — меньшее по отношению к большему. Точно так же обстоит дело и в других случаях, разве что иногда будет различие в окончании слова. Так, о знании говорят, что оно знание познаваем*ого*, а о познаваемом говорят, что оно познается знани*ем*, равно как и о чувственном восприятии — что оно восприятие воспринимаем*ого*, а о воспринимаемом — что оно воспринимаемое восприяти*ем*. Однако иногда такой обоюдности нет, если то, о чем говорится в связи с другим, указано не так, как следует, а тот, кто указал это, сделал ошибку; так, например, если указано «крыло птицы», то нельзя указать наоборот: «птица крыла», так как первое — «крыло птицы» — указано не так, как следует. В самом деле, говорят о крыле птицы не поскольку она птица, а поскольку она кры-

латое [существо]: ведь крылья имеются и у многих других существ, не только у птиц. Поэтому, если указывать подходящим образом, то обоюдность возможна; так, крыло есть крыло крылатого, и крылатое есть крылатое крылом. Иногда же необходимо, пожалуй, даже придумать имена, если нет установленного имени, в отношении которого [соотнесенное] могло бы быть указано подходящим образом; так, например, если указано «кормило судна», то это указано неподходящим образом: ведь не поскольку это — судно, кормило называется его кормилом; ведь есть суда, у которых нет кормила; поэтому здесь нет обоюдности: о судне не говорят как о судне кормила. Более подходящим образом указали бы, пожалуй, если бы выразились как-нибудь так: кормило есть кормило «кормилоуправляемого» или как-нибудь иначе; [подходящего] имени нет. И обоюдность возможна, если указано подходящим образом: ведь «кормилоуправляемое» есть «кормилоуправляемое» кормилом. Точно так же обстоит дело и в других случаях; так, «голова» была бы указана более подходящим образом, если бы ее назвали «головой оглавленного», чем если бы ее назвали «головой животного»: ведь животное имеет голову не поскольку оно животное, ибо многие животные не имеют головы [4]. Для вещей, не имеющих установленных имен, легче всего, пожалуй, приобрести их, если имена, производные от исходного, давать тому, что допускает обоюдность с ними, подобно тому как выше от «крыла» было образовано «крылатое» и от «кормила»—«кормилоуправляемое».

Итак, все соотнесенные между собой [стороны], если они указываются подходящим образом, обоюдны; однако если соотнесенное указывается наугад, а не по отношению к тому, с чем оно соотнесено, то обоюдности нет. Я имею в виду, что даже у таких соотнесенных, которые, по общему признанию, обоюдны и для которых установлены имена, все же нет обоюдности, если они указываются по отношению к привходящему, а не по отношению к тому, с чем они соотнесены; например, если «раб» указан не как раб господина, а как раб человека, или двуногого существа, или чего-либо подобного, то обоюдности нет, ибо «раб» указан неподходящим образом. Если же соотнесенное указывается по отношению к тому, с чем оно соотнесено, подходящим образом, причем отбрасывается все привходящее и

оставляется только то, по отношению к чему оно было указано подходящим образом, то оно всегда будет говориться по отношению к нему; так, если «раб» говорится по отношению к господину, причем отбрасывается все то, что́ есть для господина, [как такового], привходящее (например, то, что он двуногое существо, что он способен овладевать знаниями и есть человек), и оставляется только то, что он господин,— то «раб» всегда будет говориться по отношению к нему: ведь раб называется рабом господина. Если же соотношение одной вещи с другой указывается неподходящим образом, хотя бы и отбрасывалось все остальное и оставлялось лишь то, по отношению к чему она была указана,— то она не будет говориться по отношению к нему. В самом деле, пусть «раб» будет указан как «раб человека» и «крыло» — как «крыло птицы», и пусть от человека будет отброшено то, что он господин, тогда «раб» уже не будет говориться по отношению к человеку: если нет господина, то нет и раба. Точно так же пусть от птицы будет отброшено то, что она крылатая, тогда крыло уже не будет принадлежать к соотнесенному: ведь если нет крылатого, то и крыло не будет крылом чего-то. Поэтому необходимо указывать соотношение подходящим образом. И если есть установленное имя, то указывать это легко; если же его нет, то, конечно, необходимо придумывать наименования. Если так указывать, то все соотнесенные между собой [стороны] будут, очевидно, обоюдными.

Соотнесенные между собой [стороны], надо полагать, по природе существуют вместе, и в большинстве случаев это верно; в самом деле, вместе существуют двойное и половина, и, когда есть половина, есть и двойное; равным образом, когда имеется господин, имеется и раб, и, когда имеется раб, имеется и господин, и подобно этому обстоит дело и в остальных случаях. Далее, соотнесенные между собой [стороны] устраняются вместе: ведь если нет двойного, нет и половины, и, если нет половины, нет и двойного, и точно так же в остальных подобного рода случаях. Однако не для всех соотнесенных между собой [сторон], надо полагать, правильно, что они по природе существуют вместе. Ведь познаваемое, надо полагать, существует раньше, чем знание; в самом деле, большей частью мы приобретаем знания, когда предметы их уже сущест-

вуют; лишь редко можно видеть — а может быть, таких случаев и нет,— чтобы знание возникало вместе с познаваемым. Далее, с уничтожением познаваемого прекращается и знание, между тем с прекращением знания познаваемое не уничтожается; в самом деле, если нет познаваемого, то нет и знания (ведь оно было бы в таком случае знанием ни о чем); если же нет знания, то ничто не мешает, чтобы существовало познаваемое, например квадратура круга, если только она нечто познаваемое: знания о ней еще нет, но сама она существует как познаваемое. Далее, с уничтожением всякого живого существа знания не будет, но множество предметов познания может существовать.

Подобным же образом обстоит дело и с чувственным восприятием: воспринимаемое чувствами существует, надо полагать, раньше, чем чувственное восприятие. В самом деле, с уничтожением воспринимаемого чувствами прекращается и чувственное восприятие, между тем чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемое чувствами. В самом деле, восприятия принадлежат к телу и находятся в теле. С уничтожением воспринимаемого чувствами уничтожается и тело (ведь тело есть нечто воспринимаемое чувствами), но если нет тела, то прекращается и чувственное восприятие; так что воспринимаемое чувствами устраняет вместе с собой чувственное восприятие. Между тем чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемого чувствами: с уничтожением животного прекращается чувственное восприятие, но воспринимаемое чувствами будет существовать, например тело, теплое, сладкое, горькое и все остальное воспринимаемое чувствами.

Далее, чувственное восприятие возникает вместе с тем, кто воспринимает чувствами; в самом деле, животное и чувственное восприятие появляются вместе, воспринимаемое же чувствами существует и до чувственного восприятия: ведь огонь, вода и тому подобные [элементы], из которых составляется и животное, имеются и до животного вообще, и до восприятия. Таким образом, воспринимаемое чувствами, надо полагать, существует раньше чувственного восприятия.

Можно спросить, действительно ли ни одна сущность, как полагают, не принадлежит к соотнесенному, или же для некоторых вторых сущностей это возможно.

Что касается первых сущностей, то это действительно так: ни о них как о целых, ни об отдельных их частях не говорят, что они соотнесенное. В самом деле, об отдельном человеке не говорят, что он отдельный человек чего-то, и об отдельном быке — что он отдельный бык чего-то. Точно так же и о частях: об отдельной руке не говорят, что она отдельная рука кого-то, а говорят о руке, что она рука кого-то; и об отдельной голове не говорят, что она отдельная голова кого-то, а говорят о голове, что она голова кого-то. Точно так же дело обстоит и со вторыми сущностями, по крайней мере с преобладающим большинством их; так, о [виде] «человек» не говорят, что он «человек» чего-то, и о [виде] «бык» — что он «бык» чего-то; точно как же и о бревне не говорят, что оно бревно чего-то, а говорят, что оно имущество кого-то. Таким образом, очевидно, что сущности этого рода не принадлежат к соотнесенному. Однако относительно некоторых вторых сущностей это спорно; так, о голове говорится, что она голова кого-то, и о руке — что она рука кого-то, и так же во всех подобных случаях, так что такие сущности можно было бы, по-видимому, причислить к соотнесенному. Если [данное выше] определение соотнесенного надлежащее, то или очень трудно, или невозможно показать, что ни одна сущность не есть соотнесенное. Если же это определение ненадлежащее, а соотнесенное есть то, для чего быть значит то же, что находиться в каком-то отношении к чему-нибудь, то можно, пожалуй, кое-что сказать против [соотнесенности сущности]. Правда, прежнее определение простирается на всякое соотнесенное, однако находиться в отношении к чему-нибудь — это не то же, что быть по самому существу соотнесенным с другим. А отсюда ясно, что, если кто-нибудь определенно знает нечто соотнесенное, он будет определенно знать и то, с чем оно соотнесено[5]. Это явствует и из самого соотнесенного: если знают, что вот это есть соотнесенное, а для соотнесенного быть — значит находиться в каком-то отношении к чему-нибудь, то знают также и то, к чему оно находится в таком отношении. Ведь если вообще 8b
неизвестно, к чему оно находится в том или ином отношении, то не будет известно и то, находится ли оно в каком-то отношении к чему-нибудь. И из отдельных случаев это ясно; например, если точно знают, что это

есть двойное, тотчас же знают точно и то, двойное чего оно есть; в самом деле, если не знают, что оно двойное по отношению к чему-то точно определенному, то не знают, есть ли оно вообще двойное. Таким же образом, если знают, что вот это есть лучшее, то в силу этого сразу же необходимым образом точно знают также, чего оно лучше. И знание о том, что оно лучше того, чтó хуже, не будет неопределенным знанием, иначе это оказывается лишь предположением, а не есть действительное знание, ибо еще не будут точно знать, что оно лучше того, чтó хуже: в этом случае вполне возможно, что нет ничего такого, что было бы хуже его. Так что очевидно, что если точно знают, что нечто есть соотнесенное, то необходимым образом знают точно и то, к чему оно относится. Между тем голову, руку и каждую из таких [частей тела], которые суть сущности, можно определенно знать, чтó они есть в существе своем, но знание того, к чему они относятся, отсюда не вытекает с необходимостью: чья это голова или чья это рука — этого можно не знать определенно. Поэтому такие [части тела] не принадлежат к соотнесенному. И если они не принадлежат к соотнесенному, то правильно будет сказать, что ни одна сущность не принадлежит к соотнесенному [6]. Быть может, нелегко убедительно высказываться о таких вещах, не обсудив их многократно. Но разобрать каждую из них не бесполезно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Качество*]

Качеством [1] я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то [2]. «Качество» имеет много значений. Под одним видом качества будем разуметь устойчивые и преходящие свойства. Устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что оно продолжительнее и прочнее. Таковы знания и добродетели; в самом деле, знание, надо полагать, есть нечто прочное и с трудом меняющееся, даже если постигли его в малой степени, разве только произойдет значительная перемена из-за болезни или чего-то другого в этом роде. Таким же образом и добродетель, например справедливость, благоразумие и все тому подобное, надо полагать, не легко поддается колебаниям и изменениям.

Преходящими свойствами или состояниями называются такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье и все тому подобные [состояния]. В самом деле, человек находится в том или другом состоянии и вместе с тем быстро изменяется, становясь из теплого холодным или из здорового больным, и точно так же в остальных случаях, если только 9a
какое-нибудь из этих состояний с течением времени не укоренится и не окажется неустранимым или совершенно неподверженным изменению; а такое состояние можно было бы, пожалуй, уже назвать устойчивым свойством.

Итак, очевидно, что под устойчивыми свойствами разумеют качества более продолжительные и мало-подверженные изменениям: ведь о тех, кто не вполне владеет знаниями и легко поддается изменению, не говорят, что они обладают таким-то свойством, хотя они, конечно, находятся в каком-то отношении к знанию — либо в худшем, либо в лучшем. Таким образом, устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что последнее легко поддается изменению, а первое более продолжительно и мало подвержено изменениям. Вместе с тем свойства суть состояния, однако состояния не обязательно свойства. В самом деле, те, кто обладает теми или иными свойствами, находятся в каком-то состоянии в отношении их, а те, кто находится в каком-то состоянии, не во всех случаях обладают [соответствующим] свойством.

Другой вид качества — это то, благодаря которому мы называем людей искусными в кулачном бою или искусными в беге, здоровыми или болезненными, и вообще те качества, о которых говорится как о врожденной способности или неспособности; в самом деле, каждое из них называется таким не потому, что кто-то находится в каком-то состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность или неспособность легко что-то делать или ничего не претерпевать; так, кто-то называется искусным в кулачном бою или в беге не потому, что он находится в том или ином состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность легко что-то делать, и здоровым — потому, что он имеет врожденную способность не поддаваться легко действию случайностей, а болезненным — потому, что он от природы

не способен сопротивляться действию случайностей. Точно так же обстоит дело и с твердым и мягким. Твердое называется так потому, что оно имеет способность не поддаваться легко раздроблению, а мягкое — потому, что не имеет способности к этому.

Третий вид качества — претерпеваемые свойства и состояния. Таковы, например, сладкость, горечь, терпкость и все сходное с ними; кроме того, тепло, холод, белизна и чернота. Что они качества — это очевидно: то, что́ ими наделено, называется таким-то в соответствии с ними; например, мед называется сладким, так как он наделен сладкостью, и тело называется белым, так как оно наделено[3] белизной. Точно так же обстоит дело и в остальных случаях. А претерпеваемыми свойствами они называются не потому, что то, что́ наделено ими, само что-то претерпевает или испытывает: мед называется сладким не потому, что он что-то испытал, и все тому подобное — точно так же. Равным образом и тепло и холод называются претерпеваемыми свойствами не потому, что наделенное ими что-то испытало; называются они так потому, что каждое из упомянутых качеств оказывает некоторое воздействие на [внешние] чувства. Действительно, от сладкости воздействие испытывает вкус, а от тепла — осязание, и сходным образом остальные [такого рода] качества.

Что же касается белизны, черноты и других цветов, то они называются претерпеваемыми свойствами не по той же причине, что упомянутые качества, а потому, что они сами порождены испытываемыми воздействиями. Что многие перемены в цвете происходят из-за воздействий, испытываемых [душой],— это ясно; в самом деле, кто испытал стыд — покраснел, кто испытал страх — побледнел, и так в каждом подобном случае. Поэтому если кто так же естественным образом испытал нечто подобное, то следует ожидать, что в зависимости от некоторых естественных обстоятельств у него будет такой же цвет [лица]. Действительно, то же состояние тела, которое в первом случае возникло при испытании стыда, может возникнуть и в зависимости от естественного строения тела, а потому естественным образом возникает и такой же цвет. Таким образом, те явления (symptōmata) этого рода, которые берут свое начало от тех или иных устойчивых и длительных состояний, на-

зываются претерпеваемыми свойствами. В самом деле, бледность или смуглость называются качествами (ведь нас называют такими-то благодаря им), когда они появляются не только в зависимости от естественного строения тела, но и вследствие продолжительной болезни или солнечного жара, и они [в этом случае] лишь с трудом исчезают и даже остаются на всю жизнь (ведь нас называют такими-то точно так же благодаря им). А те явления, которые возникают от чего-то легко прекращающегося и быстро исчезающего, называют состояниями, но не качествами. Дело в том, что по ним никого не называют таким-то и таким-то: ведь краснеющего от стыда не называют краснолицым, а бледнеющего от страха — бледнолицым, а скорее о них говорят, что они что-то испытали. Так что в этих случаях говорят о состояниях, а не о качествах.

Равным образом говорят о претерпеваемых свойствах и состояниях души. В самом деле, те из них, что сразу возникли при рождении от тех или иных устойчивых состояний, называются качествами, например умопомешательство, раздражительность и тому подобное, ведь по ним называют кого-то таким-то и таким-то — раздражительным или помешанным. Равным образом и те отклонения, которые не прирождены, но вследствие каких-то других обстоятельств трудноустранимы или же вообще не поддаются изменениям, суть качества, так как по ним называют людей такими-то и такими-то. А те, что возникают от чего-то быстро исчезающего, называются состояниями, например если испытывающий печаль становится более раздражительным. В самом деле, того, кто в таком состоянии становится более раздражительным, еще не называют раздражительным человеком, а скорее говорят, что он что-то испытал. Таким образом, подобные [явления] называются состояниями, а не качествами.

Четвертый вид качества — это очертания и имеющийся у каждой [вещи] внешний облик и, кроме того, прямизна и кривизна и тому подобное. В самом деле, ведь по ним в каждом случае называют что-то таким-то и таким-то, ибо вещь называют такой-то и такой-то благодаря тому, что она треугольная или четыреугольная, или благодаря тому, что она прямая или кривая, и равным образом по внешнему облику что-то называют таким-то и таким-то. Что же касается рыхлого

и плотного, шероховатого и гладкого, то кажется, будто они означают какое-то качество; однако они, видимо, не относятся к категории качества; в самом деле, каждое из них указывает, по-видимому, скорее на то или иное положение частей; а именно, нечто плотно потому, что части его очень близки друг к другу, а рыхло потому, что они находятся на некотором расстоянии друг от друга; гладко же потому, что части его лежат как бы по прямой линии, а шероховато потому, что у него одна часть выше, другая ниже.

Можно было бы, пожалуй, указать и какой-нибудь другой вид качества. Но, во всяком случае, упомянутые нами — наиболее распространенные.

Итак, качества — это те, о которых мы говорили, а такими-то и такими-то вещи называют производными от них именами или именами, образованными от них как-то иначе. В большей части случаев и даже почти во всех такими-то их называют производными именами; так, от бледности — бледным, от умения читать и писать — умеющим читать и писать, от справедливости — справедливым. И точно так же и в других случаях.

Иногда, однако, из-за того, что некоторые качества не имеют названий, наделенное ими нельзя назвать производным от них именем; например, способный к бегу или к кулачному бою, называемый так в силу своей природной способности, не называется производным от какого-либо качества именем, ибо для способностей, благодаря которым эти люди называются именно такими, нет названий в отличие от искусств, по которым кого-то называют способным к кулачному бою или к борьбе в силу их наклонностей: ведь говорят об искусстве кулачного боя и об искусстве борьбы, а тех, кто расположен к ним, называют такими-то и такими-то производным от этих искусств именем.

Иногда же хотя качество и имеет название, но то, что называется в соответствии с ним, называется не производным от него именем; так, от добродетели (aretē) — хороший (spoydaios); в самом деле, хороший называется так потому, что он обладает добродетелью, но назван он именем, не производным от добродетели. Однако это бывает не часто. Итак, такими-то и такими-то [вещи] называются в соответствии с перечисленными видами качества производными от них именами или именами, образованными от них как-то иначе,

У качества бывает и противоположность; так, справедливость противоположна несправедливости, белизна — черноте, и все остальное таким же образом, равно как и все то, что названо по ним таким-то и таким-то, например несправедливое противоположно справедливому и белое — черному. Но это имеет место не во всех случаях. В самом деле, огненно-красному, или бледно-желтому, или другим подобным цветам нет ничего противоположного, хотя они качества. Далее, если одна из двух противоположностей есть качество, то и другая будет качеством. И это становится ясным, если привлечь к рассмотрению остальные категории. Так, если справедливость противоположна несправедливости, а справедливость есть качество, то, значит, и несправедливость — качество; в самом деле, ни одна из остальных категорий не подходит к несправедливости — ни количество, ни отношение, ни «где» и вообще ничего из них, кроме качества. Точно так же обстоит дело и с остальными противоположностями у качества.

Качества допускают бо́льшую и меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом — что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое. Да и самому качественно определенному доступно приращение, ибо нечто, будучи белым, может стать еще более белым; однако не всегда так, а лишь большей частью. В самом деле, вызывает сомнение, можно ли сказать, что одна справедливость есть бо́льшая или меньшая справедливость, чем другая; и точно так же и относительно всякого другого свойства или состояния. Ведь некоторые спорят об этом: они утверждают, что, конечно, одну справедливость (или одно здоровье) никак нельзя называть большей или меньшей справедливостью (или здоровьем), нежели другую, но один человек обладает здоровьем в меньшей мере, чем другой, и справедливостью в меньшей мере, чем другой, и точно так же умением читать и писать и остальными свойствами и состояниями. Но по крайней мере то, что называется по ним, бесспорно допускает бо́льшую и меньшую степень; в самом деле, об одном говорят, что он владеющий искусством чтения и письма в большей мере, чем другой, а также что он более здоров и справедлив, и точно так же в других случаях.

Между тем «треугольное» и «четыреугольное», как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, бóльшую степень. Ведь все, что принимает определение треугольника или круга, есть треугольник или круг в одинаковой мере, а из того, что не принимает такого определения, нельзя одно называть [треугольником или кругом] в большей степени, нежели другое; в самом деле, квадрат нисколько не в большей степени круг, нежели разносторонний многоугольник, ибо ни тот ни другой не принимает определения круга. И вообще, если оба не принимают определения предлежащего [предмета], то один не может быть назван им в большей степени, нежели другой. Таким образом, не все качественно определенное допускает бóльшую и меньшую степень.

Итак, из указанных выше черт ни одна не составляет особенности качества. О сходном же и несходном говорится только в отношении качеств. В самом деле, одно сходно с другим лишь постольку, поскольку оно есть нечто качественно определенное; поэтому особенностью качества будет то, что о сходном и несходном говорится лишь в отношении его.

Не следует при этом смущаться, если кто-то скажет, что мы, имея намерение говорить о качестве, сопричисляем к нему и много соотнесенного: ведь мы говорили, что свойства и состояния принадлежат к соотнесенному. Дело в том, что почти у всех них роды, правда, суть соотнесенное, но ни одно отдельное свойство и состояние не есть соотнесенное. В самом деле, относительно знания как рода говорится, что то, чтó оно есть, оно есть в связи с другим (ведь говорят: знание чего-то); но о каждой отдельной отрасли знания не говорят, что то, чтó она есть, она есть в связи с другим; например, о грамматике не говорят, что она грамматика чего-то, и об искусстве музыки — что она музыка чего-то; разве только через род они могут быть обозначены как соотнесенное; например, грамматика называется знанием чего-то, но не грамматикой чего-то, и искусство музыки — знанием чего-то, но не музыкой чего-то. Так что отдельные отрасли знания не принадлежат к соотнесенному. Между тем мы называемся такими-то и такими-то в соответствии с отдельными отраслями знания, ведь как раз ими мы облада-

ем; в самом деле, знающими мы называемся потому, что мы обладаем каким-нибудь из отдельных знаний. Вот почему эти знания будут качествами, а именно отдельные отрасли знания, в соответствии с которыми мы иногда и называемся такими-то и такими-то, а к соотнесенному они не принадлежат. Кроме того, если бы одно и то же и оказалось и соотнесенным и качеством, то вовсе не было бы нелепо причислять его к обоим этим родам.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Остальные шесть категорий*]

Действие и претерпевание также допускают и противоположность себе, и бо́льшую и меньшую степень. В самом деле, нагревать и охлаждать, равным образом быть нагреваемым и быть охлаждаемым, испытывать радость и испытывать печаль — все это противоположно одно другому, так что они допускают противоположность себе. Они допускают также бо́льшую и меньшую степень: ведь можно нагревать что-то больше или меньше и можно быть нагреваемым больше или меньше. Следовательно, действие и претерпевание допускают бо́льшую и меньшую степень.

Итак, вот что сказано об этих категориях. Что касается [категории] «находиться в каком-то положении», то относительно нее уже было сказано[1] при рассмотрении соотнесенного, что она называется именем, производным от различного рода положения. Что же касается остальных категорий — «когда», «где» и «обладать», то ввиду полной их ясности о них говорится здесь лишь то, что было сказано вначале, а именно что обладать означает, [например], быть обутым, быть вооруженным, где — например, в Ликее, и остальное, что́ уже было сказано[2] о них.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Четыре вида противолежания*]

О представленных нами родах [категорий] сказанного достаточно. Что же касается противолежащих друг другу [вещей][1], то следует сказать, сколькими способами обычно одно противолежит другому. О противолежащих друг другу [вещах] говорится четверояко:

или как о соотнесенных между собой, или как о противоположностях, или как о лишенности и обладании, или как об утверждении и отрицании. И если вкратце сказать о каждом из них, то, например, двойное противолежит половине как соотнесенное, зло благу — как противоположности, слепота зрению — как лишенность и обладание, «он сидит» и «он не сидит» — как утверждение и отрицание.

О том, что противолежит как соотнесенное, говорится, что то, что́ оно есть, оно есть в связи с противолежащим ему или находясь в каком-то ином отношении к нему; например, о двойном — что оно, как таковое, есть двойное по отношению к половинному. И знание противолежит познаваемому как соотнесенное, и о нем говорится, что то, что́ оно есть,— это знание познаваемого; и равным образом о познаваемом говорится, что то, что́ оно есть, оно есть в связи с противолежащим ему — со знанием: ведь говорят, что познаваемое есть познаваемое чем-то — познанием.

Итак, о противолежащем как соотнесенном говорится, что то, что́ оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то [ином] отношении к другому. О противолежащих же как противоположностях[2] никак не говорят, что то, что́ они есть, они есть в связи друг с другом, а говорят, что они противоположны друг другу: ведь не говорят, что хорошее есть хорошее плохого, а говорят, что оно противоположно плохому, и не говорят, что белое есть белое черного, а говорят, что оно противоположно черному. Так что эти два рода
12a противопоставления отличаются друг от друга. И если противоположности таковы, что в том, в чем им свойственно от природы находиться или о чем они сказываются [как о подлежащем], одна из них необходимо должна наличествовать, то между этими противоположностями нет ничего посредине[3]. Если же одна из них не обязательно должна наличествовать, то между ними непременно имеется что-то посредине. Так, болезни и здоровью свойственно от природы находиться в теле живого существа, и одно из них двух — либо болезнь, либо здоровье — необходимо присуще телу живого существа. Равным образом нечетное и четное сказываются о числе, и одно из них должно быть присуще числу — либо нечетное, либо четное. И между ними нет ничего посредине — ни между болезнью и здоровь-

ем, ни между нечетным и четным. Там же, где не обязательно должна наличествовать та или другая противоположность, между ними возможно нечто посредине; например, черному и белому свойственно от природы находиться в теле, но во всяком случае одно или другое из них не обязательно должно быть присуще телу: ведь не всякое тело либо бело, либо черно [4]. Равным образом плохое и хорошее сказываются о человеке и о многом другом, но одно из них не обязательно должно быть присуще тому, о чем они сказываются: ведь не все есть либо плохое, либо хорошее. И между ними во всяком случае есть нечто посредине; например, между белым и черным — серое, бледно-желтое и другие цвета, а между плохим и хорошим — то, что не плохо и не хорошо. В некоторых случаях для находящегося посредине даются [особые] имена; например, для того, что́ между белым и черным,— серое, бледно-желтое и другие цвета; в некоторых же случаях нелегко обозначить именем находящееся посредине, а его определяют через отрицание обоих крайних, например «не хорошо и не плохо» или «не справедливо и не несправедливо».

Лишенность и обладание говорится относительно одного и того же, например зрение и слепота — относительно глаза; и вообще, в чем от природы находится [данное] свойство, относительно того можно говорить и о лишенности и об обладании. А лишенным какого-то свойства мы называем все способное принимать это свойство, когда оно совершенно не наличествует в том, в чем оно от природы должно наличествовать, и именно в то время, когда естественно обладать им [5]. В самом деле, мы называем беззубым не то, что не имеет зубов, и слепым — не то, что не имеет зрения, а то, что не имеет их, когда оно по природе должно было бы их иметь, ведь некоторые [существа] с самого рождения не имеют ни зрения, ни зубов, но их не называют ни беззубыми, ни слепыми. Однако быть лишенным чего-то и обладать свойством — это не то же самое, что лишенность и обладание свойством. Ибо свойство — это зрение, а лишенность — слепота; но обладать зрением — это не зрение, и быть слепым — это не слепота. Ведь слепота есть некоторая лишенность, быть же слепым — значит быть лишенным, но это не лишенность. Кроме того, если слепота была бы тем же, что

быть слепым, тогда то и другое сказывалось бы об одном и том же; но слепым человек называется, а слепотой человек никогда не называется. По-видимому, и они — быть лишенным и обладать свойством — противолежат друг другу как лишенность и обладание свойством. Ведь противостоят они друг другу одним и тем же образом: как слепота противолежит зрению, так и бытие слепым противолежит обладанию зрением.

12b

Равным образом и то, что подпадает под отрицание и утверждение, не есть то же, что отрицание и утверждение. Утверждение есть утвердительная речь, а отрицание — отрицательная речь, между тем ничто из подпадающего под утверждение и отрицание не есть речь. Но и о подпадающем под утверждение и о подпадающем под отрицание говорят, что они противолежат друг другу как утверждение и отрицание. Ведь и они противолежат друг другу тем же образом: как утверждение противолежит отрицанию (например, «он сидит» — «он не сидит»), так и действие, подпадающее под утверждение, противолежит действию, подпадающему под отрицание: сидение — несидению.

А что лишенность и обладание свойством противолежат друг другу не как соотнесенные,— это очевидно. Ведь относительно того или другого не говорят, что то, что́ оно есть, оно есть в связи с противолежащим ему. В самом деле, зрение не есть зрение слепоты, и также по-иному никак нельзя говорить о нем в отношении к ней. Равным образом и о слепоте нельзя сказать, что она слепота зрения; о ней, правда, говорят, что она лишенность зрения, но не говорят, что она слепота зрения. Кроме того, все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны, а потому между слепотой (если бы она принадлежала к соотнесенному) и тем, с чем ее соотносили бы, была бы обоюдность. Но такой обоюдности нет: ведь не говорят, что зрение — это зрение слепоты.

А что вещи, о которых говорится в смысле лишенности и обладания, не противолежат друг другу и как противоположности, это ясно из следующего. Из [пары] противоположностей, между которыми нет ничего посредине, та или другая из них всегда необходимо присуща тому, в чем она от природы находится или о чем она сказывается [как о подлежащем]: ведь ничего, как было сказано, нет посредине между противоположностями, одна из которых необходимо присуща

тому, что их принимает, как это бывает с болезнью и здоровьем или с нечетным и четным. Если же между противоположностями есть нечто посредине, то отнюдь не необходимо, чтобы та или другая из них была присуща всякому [способному принимать их]: ведь все способное принимать их не обязательно есть либо белое, либо черное или либо теплое, либо холодное, ибо ничто не мешает, чтобы что-то наличествовало посредине между ними. Далее, как было сказано[6], нечто посредине имеется и между теми противоположностями, та или другая из которых не обязательно должна быть присуща способному принимать их, разве только тому, чему от природы присуще что-нибудь одно, например огню присуще быть горячим и снегу — быть белым. В этих случаях определенно должно быть присуще одно из двух, и при этом — не какое попадется: ведь огонь не может быть холодным и снег — черным. Поэтому не всякому способному принимать противоположности необходимо присуща либо одна, либо другая, а лишь тому, которому от природы присуще что-то одно, и притом определенно одно, а не какое придется.

Что же касается лишенности и обладания свойством, то относительно них ни то ни другое из сказанного не верно. Дело в том, что способному принимать их не всегда необходимо присуще одно из них: то, чему по природе еще не[7] полагается иметь зрения, не называется ни слепым, ни имеющим зрение; поэтому лишенность и обладание не принадлежат к тем противоположностям, между которыми нет ничего посредине. Но не принадлежат они и к тем, у которых есть что-то посредине, ибо всякому способному принимать их одна из них необходимо должна когда-нибудь[8] быть присуща, а именно: когда чему-то уже необходимо от природы иметь зрение, тогда скажут, что оно или слепое, или имеющее зрение, и из них ему будет присуще не определенно одно, а какое придется[9]. Ведь ему не необходимо быть слепым и не необходимо быть имеющим зрение, а оно будет каким придется. Что касается тех противоположностей, у которых есть нечто посредине, то, как было сказано[10], вовсе не необходимо, чтобы всякому способному принимать их была присуща та или другая из них, а необходимо, чтобы какая-нибудь из них была присуща лишь некоторым,

и притом определенно одна. Поэтому ясно, что противолежащее по лишенности и обладанию не противолежит ни тем ни другим способом, какими противолежат противоположности.

Далее, противоположности — при наличии способного принимать их — могут переходить друг в друга[11], разве только чему-то от природы присуще что-нибудь одно, например огню быть горячим; в самом деле, и здоровое может заболеть, и белое стать черным, и холодное теплым, и точно так же из хорошего можно сделаться плохим и из плохого — хорошим. Ведь если плохого человека направлять к лучшим занятиям и беседам, он сделает хоть небольшой шаг к тому, чтобы быть лучше. Если же он однажды совершит хоть и небольшой такой шаг, он, очевидно, может или совершенно перемениться, или же достичь очень больших успехов. Ему все легче будет склоняться к добродетели, каким бы незначительным ни был первоначальный успех; поэтому естественно ему достичь большего успеха. И, постоянно продолжаясь, это в конце концов приведет его к противоположному состоянию, если ему не помешает время. Что же касается обладания и лишенности, то здесь переход друг в друга невозможен. Правда, переход от обладания к лишенности бывает, но переход от лишенности к обладанию невозможен. В самом деле, ставший слепым не может вновь прозреть, у лысого волосы вновь не появляются, а у беззубого зубы не могут вырасти вновь.

А [высказывания], противолежащие друг другу как утверждение и отрицание, явно не противолежат
13b ни одним из указанных выше способов, ибо всегда только одно из них необходимо истинно, другое ложно[12]. В самом деле, ни при противоположностях, ни при соотнесенном, ни при лишенности и обладании свойством не необходимо, чтобы одно всегда было истинно, другое — ложно. Так, здоровье и болезнь противоположны друг другу, однако ни то ни другое не истинно и не ложно. Равным образом и двойное и половинное: они противолежат друг другу как соотнесенные между собой, но ни то ни другое из них не истинно и не ложно. Точно так же не истинны и не ложны лишенность и обладание, например зрение и слепота. Да и вообще все, о чем говорится вне какой-либо связи, не истинно и не ложно. А обо всем [противолежа-

щем], указанном [здесь], говорится без связи. Правда, скорее всего нечто такое, казалось бы, бывает у противоположностей, о которых говорится в связи: ведь то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен. Но не всегда одно здесь необходимо истинно, а другое ложно. Если Сократ существует, то одно из них будет истинным, другое — ложным; а если его нет, то оба они ложны: ведь если вообще нет самого Сократа, неистинно и то, что Сократ болен, и то, что он здоров. В случае же лишенности и обладания, если вообще нет [данной вещи], ни то ни другое не истинно; если же она есть, то не всегда одно истинно, а другое ложно; в самом деле, «Сократ имеет зрение» и «Сократ слепой» противолежат друг другу как лишенность и обладание; и если он существует, то не обязательно одно истинно, а другое ложно (ибо когда ему по природе еще не свойственно иметь зрение, и то и другое ложно); а если Сократа вообще нет, то в этом случае и то и другое ложно — и то, что он имеет зрение, и то, что он слепой. Что же касается утверждения и отрицания, то существует ли [вещь] или нет — всегда одно из них будет ложным, а другое истинным. Ибо ясно, что, если Сократ существует, одно из высказываний — «Сократ болен» и «Сократ не болен» — истинно, а другое ложно, и точно так же — если Сократа нет, ибо если его нет, то [высказывание] «он болен» ложно, а [высказывание] «он не болен» истинно. Так что только в тех случаях, где одно противолежит другому как утверждение и отрицание, имеется та особенность, что одно из них всегда истинно, а другое ложно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Противоположности*]

Благу необходимо противоположно зло. Это показывает наведение в каждом отдельном случае; например, здоровью противоположна болезнь, мужеству — трусость, и одинаково в других случаях. Но злу иногда 14a
противоположно благо, иногда же зло; в самом деле, недостатку, который есть зло, противоположен избыток, который также есть зло; равным образом и умеренность, будучи благом, противоположна и первому и второму. Но такого рода противоположность можно

видеть лишь в немногих случаях, большей же частью злу противоположно благо.

Далее, если есть одна из противоположностей, то не обязательно, чтобы была и другая. Когда все здоровы, должно быть здоровье, болезнь же нет; равным образом, если все бело, должна быть белизна, чернота же нет. Далее, если то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен, а то и другое не может быть в одно и то же время присуще одному и тому же, то при наличии одной из этих противоположностей другая быть не может: в случае если Сократ здоров, Сократ не может быть болен [1].

Ясно также, что по природе противоположности относятся к тому, что тождественно или по виду, или по роду: болезнь и здоровье находятся по природе в теле животного, белизна и чернота — просто в теле, а справедливость и несправедливость — в душе человека.

С другой стороны, все противоположности необходимо принадлежат к одному и тому же роду, либо к противоположным родам, или же они сами роды [2]. В самом деле, белое и черное принадлежат к одному и тому же роду (ведь их род — цвет), справедливость и несправедливость — к противоположным родам (ведь для первой род — добродетель, для второй — порок), благо же и зло не принадлежат к какому-либо роду, а сами оказываются родами для другого.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Предшествующее и последующее*]

О том, что одно предшествует другому, [или первее другого] [1], говорится в четырех смыслах. В первом и самом основном смысле — по времени, в зависимости от которого об одном говорится как о более старом и более древнем по сравнению с другим: ведь нечто называется более старым и более древним потому, что времени прошло больше.

Во-вторых, первее то, что не допускает обратного следования бытия; например, «одно» первее «двух»: если имеется «два», то прямо следует, что имеется «одно»; но если имеется «одно», то из этого не обязательно следует, что имеется «два», так что от «одного» нет обратного следования остального. Таким образом,

первее, надо полагать, то, от чего нет обратного следования бытия.

В-третьих, о том, что первее, говорится в смысле определенного порядка, так, как в науках и речах. В доказывающих науках имеется предшествующее и последующее по порядку (ведь [геометрические] элементы по порядку предшествуют чертежам, а в искусстве чтения 14b и письма звуки речи или буквы предшествуют слогам), и одинаково в речах — а именно вступление по порядку предшествует изложению [сути дела].

Далее, [в-четвертых], помимо сказанного — лучшее и более чтимое, по-видимому, по природе первее. И обычно большинство утверждает, что люди более почитаемые и более любимые им «первее» его. Но этот смысл, пожалуй, наименее подходящий.

Итак, вот, пожалуй, в скольких смыслах говорят о том, что предшествует, [или первое]. Но помимо указанных имеется, видимо, и другое значение того, что первее, а именно: о той из вещей, допускающих обратное следование бытия, которая так или иначе составляет причину бытия другой, можно было бы по справедливости сказать, что она по природе первее. А что нечто такое есть,— это ясно: бытие человека допускает обратное следование бытия с истинной речью о человеке; в самом деле, если имеется человек, то верна речь о том, что он человек. И это обратимо: если верна речь о том, что есть человек, то человек есть[2]. Но верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной. Так что о том, что одно предшествует другому, [или первее другого], говорится в пяти смыслах.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[*Данное вместе*]

Как о данных вместе в прямом и самом основном смысле говорится о тех [вещах], которые возникают в одно и то же время: ни одна из них не есть предшествующее или последующее, а о них говорят, что они вместе по времени. А данные вместе по природе — это те [вещи], которые, правда, допускают обратное

следование бытия, но одна никоим образом не есть причина бытия другой, как, например, у двойного и половинного: они, правда, допускают обратное [следование бытия] (ведь если есть двойное, есть и половинное, и, если есть половинное, есть и двойное), но ни одно из них не есть причина бытия другого.

Данными вместе по природе называются также [виды], соподчиненные одному и тому же роду. Соподчиненными называются [виды], противопоставленные друг другу в одном и том же делении, например пернатое — живущему на суше и обитающему в воде. Все они соподчинены одному и тому же роду: ведь живое существо делится на эти [виды] — на пернатое, живущее на суше и обитающее в воде, и ни один из этих [видов] не первее [другого вида] и не есть последующее [по отношению к нему], а, надо полагать, все такого рода животные по природе вместе. И каждое из них может в свою очередь быть разделено на [под]виды, например и живущее на суше, и пернатое, и обитающее в воде. Стало быть, и те [подвиды] будут вместе по природе, которые, принадлежа к одному и тому же роду, [противопоставлены] в одном и том же делении.

Роды же всегда первее видов: они не допускают обратного [с видами] следования бытия; например, если имеется животное, обитающее в воде, то имеется живое существо, но если имеется живое существо, то не обязательно имеется животное, обитающее в воде.

Таким образом, данными вместе по природе называются те [вещи], которые, правда, допускают обратное следование бытия, но одна никоим образом не есть причина бытия другой, а также [виды], соподчиненные одному и тому же роду; в прямом же смысле — вместе те [вещи], которые возникают в одно и то же время.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[*Шесть видов движения*]

Имеется шесть видов движения — возникновение, уничтожение, увеличение, уменьшение, превращение и перемещение.

Так вот, все движения явно отличаются друг от друга. В самом деле, возникновение — это не уничтожение,

увеличение — это не уменьшение или перемещение, и точно так же в остальных случаях. Относительно же превращения имеется сомнение: не обстоит ли дело так, что то, что изменяется в качестве, необходимо изменяется через какое-нибудь из прочих движений. Но это не верно, ибо почти во всех или в большинстве случаев испытывания нами чего-то оказывается, что мы подвергаемся изменению в качестве, не участвуя ни в одном из других движений. В самом деле, то, что движется в том смысле, что оно что-то испытывает или претерпевает, не обязательно увеличивается или уменьшается, и точно так же не участвует во всех других движениях, так что превращение, можно сказать, отлично от всех других движений, ибо, если бы оно было тождественно им, изменяющееся в качестве должно было бы тотчас же увеличиваться или уменьшаться или должно было бы следовать какое-то из других движений; между тем это не обязательно. Точно так же то, что увеличивается или движется каким-нибудь иным движением, должно было бы в таком случае изменяться в качестве; однако бывает, что увеличиваются, не изменяясь в качестве; так, квадрат, если приложить к нему гномон, правда, увеличивается, но иным по качеству не становится; и точно так же в других подобных случаях. Так что, пожалуй, [все] эти движения отличаются друг от друга.

Движению вообще противоположен покой, но отдельным видам движения — отдельные виды движения: возникновению — уничтожение, увеличению — уменьшение, перемещению — пребывание на месте. В наибольшей же мере противолежит, по-видимому, [перемещению] перемещение в противоположном направлении, например движению вниз — движение вверх и движению сверху — движение снизу. А для оставшегося вида движения нелегко указать, что́ ему противоположно; ему, кажется, ничего не противоположно, если только ему не противопоставлять неизменность в качестве или же изменение в противоположное качество, подобно тому как перемещению противопоставляют пребывание на месте или перемещение в противоположном направлении, ведь превращение есть изменение в качестве. Поэтому движению касательно качества будет противолежать неизменность в качестве или изменение в противоположное качество, например

становление белым — становлению черным, ибо изменением в качестве превращаются [здесь] в противоположное.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[*Обладание*]

Что касается обладания[1], то о нем говорится во многих значениях: или как об обладании свойством и состоянием, либо каким-нибудь другим качеством (так, о нас говорят, что мы обладаем каким-то знанием и достоинством), или как об обладании количеством, например что имеют определенную величину (ведь говорят, что нечто имеет величину в три локтя или в четыре локтя), или как об обладании тем, что имеют на теле (например, платьем или хитоном), или как об обладании тем, что́ имеют на части тела (например, кольцом на руке), или как об обладании частью тела (например, рукой или ногой), или как о содержимом сосуда (например, о медимне для пшеницы или о глиняном сосуде для вина: ведь говорят, что глиняный сосуд содержит вино и медимн — пшеницу; так что обо всем этом говорится, что оно что-то содержит в себе как в сосуде), или об обладании говорится как о владении имуществом (ведь о нас говорят, что мы владеем домом или полем).

Про нас также можно сказать, что мы имеем жену, и про женщину — что она имеет мужа. Только что указанное значение обладания — наименее подходящее, ведь «иметь жену» означает не что иное, как сожительствовать.

Можно было бы, пожалуй, указать и некоторые другие значения обладания; но, полагаю, обычные значения его перечислены.

ОБ ИСТОЛКОВАНИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Язык и письмена. Истинная и ложная речь*]

16a Прежде всего следует установить, что такое имя и что такое глагол; затем — что такое отрицание и утверждение, высказывание и речь [1].

Итак, то, чтó в звукосочетаниях, — это знаки представлений в душе, а письмена — знаки того, чтó в звукосочетаниях. Подобно тому как письмена не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, чтó в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления. О последних сказано в сочинении о душе [2], ибо они предмет другого исследования.

Подобно тому как мысль то появляется в душе, не будучи истинной или ложной, то так, что она необходимо истинна или ложна, точно так же и в звукосочетаниях [3], ибо истинное и ложное имеются при связывании и разъединении. Имена же и глаголы сами по себе подобны мысли без связывания или разъединения, например «человек» или «белое»; когда ничего не прибавляется, нет ни ложного, ни истинного, хотя они и обозначают что-то: ведь и «козлоолень» что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] «быть» или «не быть» — либо вообще, либо касательно времени.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Имя*]

Итак, имя есть такое звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает.

В самом деле, в слове «Kallippos» hippos само по себе ничего не значит, не так, как в речи kallos hippos («красивая лошадь»). Однако в составных именах дело обстоит не так, как в простых, ибо в последних ни одна часть не значима, а в первых имеется все же намек на значение, хотя в отдельности [каждая часть] ничего не означает; так, например, в epaktrokelēs («судно морских разбойников») kelēs само по себе ничего не означает.

[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя.

«Не-человек» не есть имя; нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем, ⟨потому что он одинаково подходит к чему угодно — к существующему и к несуществующему⟩. «Филона» же или «Филону» и тому подобное
16b не имена, а падежи имени. Смысл их остается тем же самым, но вместе с [глаголом] «есть», или «было», или «будет» они не выражают истины или лжи, имя же [вместе с глаголом] всегда их выражает; например, «Филона есть» или «Филона не есть» не выражают ни истины, ни лжи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Глагол*]

Глагол есть [звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином. Говорю же я, что глагол обозначает еще и время; например, «здоровье» есть имя, а «[он] здоров» есть глагол, ибо это еще обозначает, что здоровье имеется в настоящем времени. Далее, глагол всегда есть знак для сказанного об ином, например о подлежащем или о том, что находится в подлежащем.

[Выражение] же «[он] не здоров» или «[он] не болен» я не называю глаголом, ибо хотя и оно обозначает еще и время и всегда присуще чему-либо, но для

этого различия нет названия; назовем его неопределенным глаголом, потому что оно одинаково подходит к чему угодно — к существующему и к несуществующему. Подобным же образом «был здоров» и «будет здоров» не глаголы, а изменения глагола по временам и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает настоящее время, а они — время до и после настоящего.

Итак, глаголы, высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают (ибо тот, кто говорит их, останавливает свою мысль, а тот, кто слушает, внимает им); однако они еще не указывают, есть ли [предмет] или нет, ибо «быть» или «не быть» не обозначения предмета, так же, когда скажешь «сущее» просто, само по себе, ибо само по себе оно ничего не значит и лишь указывает на некую связь, которую, однако, нельзя мыслить без составляемых.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Высказывающая речь*]

Речь есть такое смысловое звукосочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание; я имею в виду, например, что «человек» что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют.

Отдельный же слог [слова] «человек» не означает что-либо, точно так же как «ышь» в [слове] «мышь» ничего не означает, а есть один только звук. В составных словах каждая часть хотя и обозначает что-то, но не сама по себе, как об этом было сказано раньше [1].

Всякая речь что-то обозначает, но не как естествен- 17a
ное орудие, а, как было сказано [2], в силу соглашения [3].

Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна.

Итак, прочие [виды] речи оставлены здесь без внимания, ибо рассмотрение их более подобает искусству красноречия или стихотворному искусству [4]; к настоящему исследованию относится высказывающая речь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Утверждение и отрицание. Простое и сложное предложение*]

Первая единая высказывающая речь — это утверждение, затем — отрицание. Все остальные[1] едины в силу связанности[2]. Каждая высказывающая речь необходимо заключает в себе глагол или изменение глагола по времени, ведь и речь о человеке не есть высказывающая речь до тех пор, пока не присоединено «есть», или «был», или «будет», или нечто подобное. Поэтому «существо, живущее на суше, двуногое» есть речь единая, а не множественная, ведь речь едина не оттого, что слова произносят непосредственно друг за другом. Но объяснять это — дело другого исследования[3]. Высказывающая речь едина или когда она выражает одно, или в силу связанности. Множественны же высказывающие речи, когда выражают многое, а не одно или когда они не связаны между собой. Итак, имя или глагол назовем лишь сказыванием[4], ибо так не говорит тот, кто намерен выразить что-то словами, чтобы высказаться, все равно, вопрошает ли он или нет, а сам что-то сообщает. К речам же относится, во-первых, простое высказывание, например когда что-то чему-то [приписывается] или что-то от чего-то [отнимается], а во-вторых, составленное из простых, например сложная речь.

Итак, простое высказывание есть звукосочетание, обозначающее присущность или неприсущность чего-то с различием во времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Утверждение, отрицание, противоречие*]

Утверждение есть высказывание чего-то о чем-то. Отрицание есть высказывание, [отнимающее] что-то от чего-то. Так как присущее может быть высказано как неприсущее, а неприсущее — как присущее, также и присущее — как присущее, а неприсущее — как неприсущее[1] и это может относиться таким же образом ко времени помимо настоящего, то можно отрицать все, что кто-то утверждает, и утверждать все, что кто-то отрицает. Отсюда ясно, что всякому утверждению про-

тиволежит отрицание и всякому отрицанию — утверждение.

Назовем противолежащие друг другу утверждение и отрицание противоречием[2]. Под противолежанием же я разумею [утверждение и отрицание] одного и того же относительно одного и того же, и не в разных значениях, и все другое, что́ мы еще уточняем против нудных софистических рассуждений[3].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Противоположные и противоречащие предложения*]

Так как одни предметы — общие, а другие — единичные (общим я называю то, что может по природе сказываться о многом, а единичным — то, что не может этого; например, «человек» есть общее, а Каллий — единичное), то необходимо высказывать, присуще или не присуще что-то чему-то как общему или как единичному. Поэтому если об общем высказываются как об общем, что ему нечто присуще или не присуще, то эти высказывания будут противоположными друг другу[1]. Говоря «высказываться об общем как об общем», я разумею, например, «каждый человек бледен — ни один человек не бледен». Когда же высказываются об общем, но не как об общем, такие высказывания не противоположны друг другу, хотя выраженное в них может иногда быть противоположным. Говоря «высказываться об общем не как об общем», я разумею, например, «человек бел — человек не бел»; в самом деле, хотя «человек» есть нечто общее, но в высказывании он не рассматривается как общее[2], ибо «каждый» означает не общее, а то, что о чем-то высказывают как об общем. Но неправильно об общем сказуемом сказывать как об общем, ибо ни одно утверждение не бывает истинным, в котором об общем сказуемом сказывают как об общем, например «каждый человек есть каждое живое существо».

Итак, я говорю, что утверждение противолежит отрицанию по противоречию[3], если одно обозначает нечто как общее, а другое — то же не как общее, например: «каждый человек бледен — не каждый человек бледен», «ни один человек не бледен — есть некий бледный человек»[4]. По противоположности противолежат друг другу утверждение общего и отрицание общего[5],

например «каждый человек справедлив — ни один человек не справедлив»[6]. Вот почему противоположные [высказывания] не могут быть вместе истинными[7]. Противолежащие же [по противоречию] [высказывания] об одном и том же могут иногда быть истинными, например: «не каждый человек бледен» и «есть некий бледный человек»[8]. Итак, из противоречащих друг другу [высказываний] об общем, взятых как общие[9], одно необходимо истинно, а другое ложно[10]. Это относится и к единичным, [противоречащим друг другу] высказываниям[11], например: «Сократ бел» и «Сократ не бел». Если же высказывания об общем взяты не как общие, то не всегда одно истинно, а другое ложно, ибо в одно и то же время будет правильно говорить, что человек бледен и человек не бледен, что человек красив и человек не красив (ибо если он безобразен, он не красив, и если он становится красивым, он [еще] не красив). С первого взгляда это покажется нелепым, ибо представляется, что высказывание «человек не бледен» означает в то же время, что ни один человек не бледен; однако эти высказывания не означают одного и того же, и они не необходимо [истинны или ложны] в одно и то же время[2].

Очевидно также, что одному утверждению соответствует лишь одно отрицание, ибо отрицание должно отрицать именно то же, что утверждает утверждение, и именно относительно того же самого, все равно, единичное ли это или общее и взято ли оно как общее или не как общее. Я имею в виду, например, «Сократ бледен — Сократ не бледен». Если же отрицается относительно одного и того же нечто иное или одно и то же, но относительно чего-то иного, то отрицание не противолежит утверждению, оно будет отлично от него. Так вот, [высказыванию] «каждый человек бледен» противолежит [высказывание] «не каждый человек бледен»; [высказыванию] «некий человек бледен» — «ни один человек не бледен»; [высказыванию] «человек бледен» — «человек не бледен».

Итак, сказано, что одному утверждению противолежит по противоречию одно отрицание, и сказано, какие они, а также и то, что противоположные высказывания иные, и какие они, и что не всякое противоречие[12] истинно или ложно, и почему это так, и когда оно истинно или ложно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Единство высказывания*]

То утверждение или отрицание одно, которое обозначает одно относительно одного, все равно, общее ли оно или нет и относительно ли общего оно или нет; например, «каждый человек бледен — не каждый человек бледен»; «человек бледен — человек не бледен»; «ни один человек не бледен — некий человек бледен» — если только «бледное» имеет одно значение. Если же два предмета, которые не составляют одно, имеют одно имя, то утверждение не одно, ⟨и отрицание не одно⟩; например, если бы назвали человека и лошадь платьем, то [утверждение] «платье бело» не было бы одним, ибо это высказывание нисколько не отличалось бы от [высказывания] «человек и лошадь белы», а это высказывание нисколько не отличается от [высказываний] «человек бел» и «лошадь бела». Стало быть, если эти высказывания обозначают многое и если их больше одного, то ясно, что и первое высказывание обозначает или многое или ничего не обозначает, ибо ни один человек не есть лошадь. Поэтому и в таких высказываниях не необходимо, чтобы один [член] противоречия был истинным, а другой — ложным [1].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Высказывания о будущем*]

Итак, относительно того, что́ есть и что́ стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным [1], притом и относительно общего, взятого как общее, одно всегда истинно, а другое ложно [2], и точно так же относительно единичного, как было сказано [3]; но это не необходимо относительно общего, если оно высказано не как общее; об этом также было сказано [4]. Однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что́ будет [5]. Ибо если и здесь всякое утверждение и отрицание истинно или ложно, то необходимо, чтобы все было присуще или не присуще [6]; так что если один говорит, что это будет, а другой это же самое отрицает, то ясно, что один из них необходимо говорит правду, если только всякое утверждение и отрицание истинно или ложно [7]. Ибо в подобных случаях то и другое не будет присуще в одно и то же время [8]: ведь если верно говорить, что нечто бело

18b или что оно не бело, то оно необходимо бело или необходимо не бело; и если оно бело или не бело, то правильно было утверждать это или отрицать; если же это не так, то говорят неправду, и если говорят неправду, то это не так. Так что или утверждение, или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным. Значит, [если это верно], то ничего не существует и не происходит случайно и как попало, и точно так же не будет ничего такого, что произойдет или не произойдет случайно, и все совершается по необходимости[9], а не как попало, ибо правду говорит или тот, кто утверждает, [что то-то и то-то произойдет], или тот, кто [это] отрицает: ведь иначе оно могло бы так же произойти, как и не произойти, ибо с тем, что происходит случайно, дело может или будет обстоять так ничуть не в большей мере, чем иначе. Далее, если нечто теперь бело, то правильно было раньше утверждать, что оно будет белым, так что всегда было правильно утверждать относительно всего ставшего, что оно есть или будет; если же всегда было правильно утверждать, что нечто есть или будет, то оно не может не быть или не стать в будущем. Но невозможно (adynaton), чтобы то, что не может (hoion) не возникнуть, не возникло, и то, что не может не возникнуть, необходимо возникает; стало быть, все, что будет, возникает необходимо; значит, ничего не будет случайно и как попало. Ибо если что-то будет случайно, то оно не будет по необходимости[10]. Однако нельзя также сказать, что ни то ни другое неправильно: ни то, что что-то будет, ни то, что его не будет, ибо в таком случае, во-первых, если утверждение ложно, то отрицание не истинно, и если отрицание ложно, то выходит, что утверждение не истинно[11]. Во-вторых, если правильно сказать, что нечто бело и велико, тогда и то и другое должно быть присуще[12]; если [правильно сказать, что] это будет присуще завтра, то оно будет присуще завтра; если же [не должно быть] ни то, что нечто завтра будет, ни то, что завтра его не будет, то оно не может быть как попало, например морское сражение, ибо в таком случае морское сражение не должно было бы завтра ни произойти, ни не произойти[11].

Итак, это и другие такого рода нелепости получаются, если из двух противолежащих друг другу утверждения и отрицания, будут ли они общими высказыва-

ниями об общем или о единичном, одно необходимо должно быть истинным, а другое ложным, и если ничего не происходит как попало, а все существует и происходит по необходимости; так что не надо было бы в таком случае ни решать, ни стараться, полагая, что, если сделаем это, будет это, а если этого не сделаем, то этого не будет. Ведь ничто не мешает тому, чтобы кто-либо стал утверждать вперед на десять тысяч лет, что будет это, другой же — отрицать, а потому по необходимости будет так, что какое-нибудь из этих [предсказаний] было тогда правильным. Однако безразлично, выскажет ли кто-либо подобное противоречие или не выскажет, ибо ясно, что дело с чем-то обстоит так-то и так-то, хотя бы один не утверждал что-либо, а другой не отрицал. Ведь не потому, что утверждают или отрицают что-то, оно будет или не будет, и это верно относительно десяти тысяч лет не более, чем относительно любого времени. Так что если бы дело обстояло во всякое время так, что одно из [противоречащих друг другу высказываний] истинно, то необходимо, чтобы произошло именно это; и со всем происшедшим дело всегда обстояло бы так, что оно произошло бы по необходимости. Ибо если кто-то правильно сказал, что это будет, то оно и не может не произойти; и о происшедшем всегда было истинно сказать, что оно будет [13].

Если же эти [выводы] несостоятельны (ибо мы видим, что будущие события имеют своим истоком и решения, и некоторую деятельность и что вообще у того, что деятельно не постоянно [14], возможность быть и не быть одинакова; у него возможно и то и другое, т. е. быть и не быть, а потому и произойти, и не произойти [15]. И нам известно многое, с чем дело обстоит именно так [16]; например, это платье может быть разрезано, но его не разрежут, а оно раньше износится; равным образом оно может быть не разрезано, ибо оно не могло бы быть раньше изношено, если бы не было возможности не разрезать его. То же [следует сказать] и относительно всех других изготовлений, которые зависят от подобной возможности), то очевидно, что не все существует и происходит в силу необходимости, а кое-что зависит от случая и относительно его утверждение ничуть не более истинно, чем отрицание; а другое хотя и бывает скорее и большей частью так, чем иначе, однако может произойти и иначе, а не так [17].

Итак, сущее, когда оно есть, необходимо есть; точно так же и не-сущее, когда его нет, необходимо не есть; однако не все сущее необходимо есть, как и не все не-сущее необходимо не есть, ибо не одно и то же [сказать], что все сущее, когда оно есть, необходимо есть, или [сказать], что оно безусловно необходимо есть. Точно так же и относительно не-сущего [18]. То же следует сказать о противоречии: все необходимо есть или не есть, а также будет или не будет; но нельзя утверждать раздельно, что то необходимо или другое необходимо [19]. Я имею в виду, например, что завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет. Поэтому так как речь о чем-то так же истинна, как и это нечто [12], то ясно, что если с ним дело обстоит так, что случайное и противоположное возможно, то так же дело необходимо обстоит и с противоречием. Это бывает именно с тем, чтó не всегда есть или не всегда не есть. В этом случае один член противоречия хотя и необходимо истинен или ложен, однако не [определенно] вот этот или вот этот, а как случится, и хотя один из них, [быть может], более истинен, чем другой, но не немедля истинен или немедля ложен [20].
19b Отсюда ясно, что не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, противолежащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, чтó не есть, но может быть и не быть, дело обстоит не так, как с тем, чтó есть [21], а так, как было сказано.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Составные части предложения*]

Так как утверждение означает [сказывание] чего-то относительно чего-то, т. е. имени или не имеющего имени, а в каждом утверждении должно быть высказано нечто одно относительно одного (а что такое имя и не имеющее имени, сказано раньше [1], ибо «не-человека» я называю не именем, а неопределенным именем, ведь и неопределенное имя некоторым образом обозначает одно, точно так же как «не здоров» есть не глагол, а неопределенный глагол), то всякое утверждение и отрицание состоит или из имени и глагола, или из

неопределенного имени и неопределенного глагола. Без глагола нет никакого утверждения или отрицания, ибо «есть», или «будет», или «было», или «становится» и все тому подобное суть (согласно установленному) глаголы, так как обозначают еще и время. Так что первые утверждение и отрицание следующие: «человек есть — человек не есть»; далее: «не-человек есть — не-человек не есть»; затем: «каждый человек есть — каждый человек не есть»; «каждый не-человек есть — каждый не-человек не есть». То же самое следует сказать и относительно времени помимо [настоящего]. Когда же «есть» присоединяется как третье, тогда противопоставления могут сказываться двояко. Я имею в виду, например, «человек есть справедливый»; [здесь] «есть», говорю я, составляет третью часть высказывания как имя или как глагол, ввиду чего получаются четыре высказывания, из которых два относятся последовательно к утверждению и отрицанию как лишенности, другие же два нет. Я имею в виду, например, что «есть» может примыкать или к «справедливому», или к «несправедливому», а потому и отрицание [будет присоединено двояко]. Таким образом, получится четыре [высказывания]. Сказанное мы уразумеем из сопоставлений: «человек есть справедливый»; отрицание этого — «человек не есть справедливый», «человек есть несправедливый»; отрицание этого — «человек не есть несправедливый»[2]. Здесь «есть» и «не есть» примыкают к «справедливому» и к «несправедливому». Эти высказывания расположены так, как было указано в «Аналитиках»[3]. Точно так же и в том случае, когда утверждение касательно имени общее[4]; например, «каждый человек есть справедливый»; отрицание его — «не каждый человек есть справедливый»; «каждый человек есть несправедливый — не каждый человек есть несправедливый», только с той разницей, что [противолежащие] по диагонали высказывания не могут одинаково быть вместе истинными[5], хотя это иногда возможно[6]. Итак, эти две [пары высказываний] противолежат друг другу. Две другие [пары высказываний] имеются, когда [«есть» и «не есть»] присоединяются к «не-человеку» как к подлежащему. [Например], «не-человек есть справедливый — не-человек не есть справедливый»; «не-человек есть несправедливый — не-человек не есть несправедливый». Кроме этих, нет больше

противопоставлений, но эти последние [высказывания] стоят сами по себе, отдельно от тех, так как «не-человек» употребляют как имя. В [высказываниях], в которых «есть» не подходит, например в высказываниях [он] «здравствует», [он] «ходит», взятое таким образом слово имеет такое же значение, как если бы было добавлено «есть»; например, «каждый человек здравствует — каждый человек нездоров»; «каждый не-человек здравствует — каждый не-человек нездоров». Ведь нельзя здесь сказать «не каждый человек»; «не», отрицание, следует присоединять к «человеку», ибо «каждый» означает здесь не общее, а то, что [о подлежащем сказываются] как об общем[7], что ясно из следующего: «человек здравствует — человек нездоров»; «не-человек здравствует — не-человек нездоров». Эти [высказывания] отличаются от предыдущих тем, что они не общие. Так что «каждый» или «ни один» ничего иного не означает, как только то, что утверждение или отрицание касательно имени общее[4]; что до остального [в высказывании], то оно должно быть присоединено [без изменения].

Так как отрицание, противоположное [высказыванию] «каждое живое существо справедливо», означает, что «ни одно живое существо не справедливо», то ясно, что эти два [высказывания] никогда не могут быть вместе истинными и относиться к одному и тому же, но противолежащие им [по противоречию] могут иногда быть такими; например, «не каждое живое существо справедливо» и «какое-то живое существо справедливо»[7]. Из [высказывания] же «каждый человек несправедлив» следует [высказывание] «ни один человек не справедлив», а из [высказывания] «какой-то человек справедлив» —противолежащее [высказывание] «не каждый человек несправедлив» (ибо в этом случае какой-то человек необходимо справедлив[8]). Очевидно также, что если в единичных [высказываниях] правилен отрицательный ответ на вопрос, то правильно также и [соответствующее] утвердительное [высказывание]. Например: мудрец ли Сократ? Нет. Следовательно, Сократ есть немудрец[9]. Но в общих [высказываниях] сказанное подобным образом не правильно, а правильно отрицание. Например: каждый ли человек мудрец? Нет. Следовательно, каждый человек немудрец; это, конечно, ложно; а истинно то, что не каждый

человек мудрец. Это [высказывание] — противолежащее [по противоречию], а то — противоположное[10].

Противолежащие друг другу [по противоречию] [высказывания] касательно неопределенных имен и глаголов (например, о «не-человеке» и о «несправедливом») можно было бы считать как бы отрицанием без имени и глагола. Но это не так; отрицание всегда должно быть истинным или ложным; тот же, кто говорит «не-человек», если только он к этому ничего не добавляет, высказывает истинное или ложное столько же и даже меньше, чем тот, кто говорит «человек». А [высказывание] «каждый не-человек справедлив», так же как и противолежащее ему [по противоречию] «не каждый не-человек справедлив», не однозначно ни с одним из указанных выше [высказываний о человеке]. Но [высказывание] «каждый не-человек несправедлив» означает то же, что «ни один не-человек не справедлив»[11].

Переставленные имя и глагол обозначают одно и то же, например: «есть бледный человек», «есть человек бледный». В самом деле, если бы это было не так, то для одного и того же было бы больше одного отрицания; но было ведь показано[12], что для одного [утверждения] есть одно отрицание, ибо для [высказывания] «есть бледный человек» отрицанием будет «не есть бледный человек». Если же [высказывание] «есть человек бледный» означает не то же, что «есть бледный человек», то отрицанием его должно было бы быть или «не есть не-человек бледный», или «не есть человек бледный». Но первое есть отрицание [высказывания] «есть не-человек бледный», а второе — [высказывания] «есть бледный человек», так что было бы два отрицания для одного утверждения. Таким образом, ясно, что при перестановке имени и глагола получается одно и то же утверждение и отрицание.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Соединение и разъединение сказуемых*]

Утверждение или отрицание одного относительно многого или многого относительно одного не есть одно утверждение или отрицание, разве что когда многим выражено нечто одно. Я не называю одним то, что хотя и имеет одно имя, но составляющее его многое не есть одно; например, человек в равной степени есть и

живое существо, и двуногое, и поддающееся воспитанию, но из всего этого получается нечто единое; из «белого» же, «человека» и «ходьбы» не получается единства, так что если кто-то утверждал бы о них одно, то получилось бы не одно утверждение, а одно, правда, звукосочетание, но много утверждений; и если бы утверждали их об одном, то точно так же получилось бы не одно, а много утверждений. Итак, если диалектический вопрос[1] требует ответа — или [признания] посылки, или [признания] другого члена противоречия (ведь посылка есть один член противоречия), то не может быть один ответ на них, ибо и вопрос не один, даже если он правилен. Но об этом уже сказано в «Топике»[2]. В то же время ясно и то, что вопрос о сути вещи не есть диалектический вопрос, ибо в последнем [отвечающему] должна быть дана возможность выбора из вопроса того члена противоречия, относительно которого он желает утверждать. Но вопрошающий должен сверх того уточнить, [например], человек ли вот это или нет.

Так как из обособленных сказуемых одни, собранные вместе, утверждаются как одно целое высказывание, а другие нет, то в чем же здесь различие? Ведь о человеке правильно в отдельности сказать, что он живое существо, и в отдельности — что он двуногое, но то и другое можно утверждать как одно и точно так же можно сказать в отдельности «человек» и «бледное», но и то и другое — как одно. Однако если человек — кожевник и он хороший, то нельзя [это объединить и сказать] «хороший кожевник». Получится много нелепого, если считать, что по той причине, что каждое из двух [сказуемых] в отдельности истинно, и оба вместе должны быть истинными[3]. Относительно человека истинно и то, что он человек, и то, что он бледен, а потому и оба вместе истинны. Далее, если он бледен, то и совокупное бледно, так что получится, что бледный человек бледен, и так до бесконечности. Далее, если взять «образованный», «бледный», «идущий», то и их можно сочетать многократно до бесконечности. Далее, если Сократ есть Сократ и человек, то, [соединив, получим], что Сократ есть человек Сократ, и если есть человек и двуногий, то получится, что есть двуногий человек.

Таким образом, ясно, что сказали бы много нелепого, если бы утверждали, что подобные сочетания

возможны без оговорок. Теперь мы скажем, что́ следует здесь установить. Сказуемые и то, относительно чего они утверждаются, не составляют единства, если они сказываются привходящим образом или относительно одного и того же, или относительно друг друга. Например, человек бледен и образован, но «бледное» и «образованное» не составляют единства, ибо и то и другое есть привходящее для одного и того же. И даже если правильно назвать бледное образованным, то все же «образованное бледное» не составит единства, ибо образованное есть бледное привходящим образом, так что «образованное бледное» не составит единства. Поэтому и кожевник хорош не без оговорок, зато он двуногое живое существо без оговорок, ибо он [таков] не привходящим образом [4]. Далее, не [составляют единства] и те [сказуемые], одно из которых подразумевает другое; поэтому нельзя повторять неоднократно «бледное» или сказать о человеке, что он человек живое существо или что он двуногий человек, ибо «человек» подразумевает «живое существо» и «двуногое». Об отдельном же человеке так говорить правильно, и притом без оговорок, например: этот определенный человек есть человек, или этот определенный бледный человек есть бледный человек. Однако не всегда: когда в прибавленном содержится нечто противолежащее, из чего следует противоречие, высказывание не истинно, а ложно [5]; например, если назвать умершего человека человеком; если же [противоречие] не содержится, то высказывание истинно. Или, вернее, когда [противоречие] содержится, высказывание всегда не истинно, а когда не содержится, оно не всегда истинно; например, Гомер есть что-то, скажем поэт; значит ли, что он есть или же его нет? Ведь «есть» сказывается здесь о Гомере привходящим образом, а именно: «есть» сказывается здесь о Гомере потому, что он есть поэт, а не само по себе [6]. Так что в тех высказываниях, в которых не содержатся противоположности, если имена заменяют определениями и которые сказываются сами по себе, а не привходящим образом, будет и без оговорок правильно утверждать о том, что́ нечто есть. Что касается не-сущего, то, поскольку оно есть предмет мнения, неправильно утверждать, что оно нечто сущее, ибо мнение о нем имеется не потому, что оно есть, а потому, что его нет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Возможное, могущее быть, необходимое*]

Разъяснив это, следует теперь рассмотреть, в каком отношении друг к другу находятся отрицания и утверждения о могущем быть и не могущем быть, о возможном и не возможном, а также рассмотреть немогущее и необходимое, ибо здесь имеются некоторые затруднения. А именно, если в связной речи противолежат друг другу противоречия, которые расставлены в соответствии с [глаголами] «быть» и «не быть» (например, отрицанием [высказывания] «есть человек» будет «не есть человек», а не «есть не-человек», и отрицанием [высказывания] «есть бледный человек» — «не есть бледный человек», а не «есть не бледный человек», ибо если относительно всего правильно утверждение или отрицание, то правильно будет сказать о куске дерева, что он есть не бледный человек [1]); если это так, то и в тех высказываниях, в которых «быть» не прибавляется, то же самое выполняет то, что сказано вместо «быть» (например, отрицанием [высказывания] «человек идет» будет не [высказывание] «не-человек идет», а «человек не идет», ибо нет никакой разницы, сказать ли «человек идет» или «человек есть идущий»). Поэтому если это везде так, то и отрицанием [выражения] «могущее быть» будет «могущее не быть», а не «не могущее быть» [2]. Однако полагают, что одно и то же может и быть и не быть, ибо все, что может быть разрезано или что может ходить, может и не ходить и не быть разрезанным [3]; основание же этого — то, что все могущее в таком смысле не всегда осуществляется, так что ему присуще и отрицание, ибо то, что способно к хождению, может и не ходить, и можно не видеть то, что доступно зрению [4]. Но не могут быть истинными противолежащие друг другу высказывания об одном и том же. Стало быть, отрицанием [выражения] «могущее быть» не будет «могущее не быть» [5]. Ибо из сказанного следует или что можно в одно и то же время утверждать и отрицать одно и то же относительно одного и того же, или же что утверждения и отрицания получаются не прибавлением [к «могущему» глаголов] «быть» и «не быть». Поэтому если первое невозможно, то нужно выбрать второе; стало быть, отрицанием [выражения]

«могущее быть» будет «не могущее быть», а не «могущее не быть». То же самое можно сказать и о «возможно быть», а именно: его отрицанием также будет «не возможно быть», и сходным образом обстоит дело и с другим, [подобным этому], например с необходимым и немогущим. Ибо так же как в тех [выражениях] «быть» и «не быть» составляют прибавления, а подлежащие суть в одном случае бледное, а в другом — человек, так и здесь «быть» и «не быть» составляют как бы подлежащее, а «мочь» и «быть возможным» — прибавления, которые, так же как в тех высказываниях «быть» и «не быть» указывали истинное и ложное [6], указывают здесь то же самое относительно «могущего быть» и «не могущего быть». Итак, отрицание [выражения] «могущее не быть» есть не [выражение] «могущее быть», а «не могущее не быть», а отрицание [выражения] «могущее быть» — не [выражение] «могущее не быть», а «не могущее быть». Поэтому может казаться, что «могущее быть» и «могущее не быть» следуют одно из другого, ведь одно и то же может быть и не быть [7]; в таком случае «могущее быть» и «могущее не быть» не противоречат друг другу; но «могущее быть» и «не могущее быть» никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время, ибо они противолежат друг другу. Так же и «могущее не быть» и «не могущее не быть» никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время. Равным образом и отрицание [выражения] «необходимо быть» есть не [выражение] «необходимо не быть», а «не необходимо быть»; отрицание же [выражения] «необходимо не быть» — «не необходимо не быть». И отрицание [выражения] «немогущее быть» есть не [выражение] «немогущее не быть», а «не немогущее быть»; отрицание же [выражения] «немогущее не быть» — «не немогущее не быть». И вообще, как сказано [8], «быть» и «не быть» дóлжно полагать как подлежащие, а эти [выражения], образующие утверждение и отрицание, дóлжно соединять с [глаголами] «быть» и «не быть». И вот какие [выражения] следует считать противолежащими друг другу: «могущее — не могущее»; «возможное — не возможное»; «немогущее — не немогущее»; «необходимое — не необходимое» [9]; «истинное — не истинное».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[*Отношение между утвердительными и отрицательными высказываниями о возможном, могущем быть и необходимом*]

Следование[1] получается, если расположить [указанное выше] соответственно таким образом: из «могущего быть» следует «возможно быть», как и из «возможно быть» — «могущее быть», равно как и «не немогущее быть» и «не необходимо быть»; далее, из «могущего не быть» и «возможно не быть» следует «не необходимо не быть» и «не немогущее не быть»; из «не могущего быть» и «не возможно быть» — «необходимо не быть» и «немогущее быть», а из «не могущего не быть» и «не возможно не быть» — «необходимо быть» и «немогущее не быть»[2]. Сказанное можно наглядно представить себе из следующего перечня:

могущее быть — не могущее быть
возможно быть — не возможно быть
не немогущее быть — немогущее быть
не необходимо быть — необходимо не быть
могущее не быть — не могущее не быть
возможно не быть — не возможно не быть
не немогущее не быть — немогущее не быть
не необходимо не быть — необходимо быть[3].

Итак, немогущее хотя и следует по противоречию из возможного и могущего [быть], но в обратном порядке[4], и точно так же не немогущее — из не возможного и не могущего [быть], ибо из «могущего быть» следует отрицание «немогущего», а из отрицания — утверждение, ибо из «не могущего быть» следует «немогущее быть», ведь «немогущее быть» есть утверждение, а «не немогущее быть» — отрицание. А как дело обстоит с необходимым, — это следует рассмотреть. Ясно, конечно, что не таким же образом; здесь противоположные [высказывания] следуют одно из другого, противоречия же стоят раздельно, ибо «не необходимо быть»
22b не есть отрицание [выражения] «необходимо не быть»[5], ведь и то и другое может быть истинно относительно одного и того же, ибо то, что необходимо не есть, не необходимо есть[6]. Причина же того, что у необходимого следование не такое, как у других, состоит в том, что немогущее означает то же, что необходимое, когда оно дано противоположным ему образом; в самом деле, не-

могущее быть не значит необходимо быть, а значит необходимо не быть; немогущее не быть значит необходимо быть[7]. Итак, если в предыдущих случаях следование из «могущего быть» и «не могущего быть» было сходным, то здесь наоборот, так как необходимое и немогущее означают, как сказано[8], одно и то же только в обратном порядке[9]. Или, быть может, так нельзя установить противоречие необходимому? Ведь необходимое есть [и] могущее быть[10], ибо если бы это было не так, то следовало бы отрицание: ведь необходимо или утверждать, или отрицать[11]; так что если нечто есть не могущее быть, то оно немогущее быть; получилось бы, что «необходимо быть» означает «немогущее быть», а это нелепо[12]. Но из «могущего быть» следует «не немогущее быть», а из этого — «не необходимо быть», так что получилось бы, что «необходимо быть» значит «не необходимо быть», а это нелепо[13]. Однако «необходимо быть» и «необходимо не быть» не следуют из «могущего быть», ибо «могущее быть» допускает и «не немогущее быть», и «не необходимо быть»[14], но если одно из них истинно, то «необходимо быть» и «необходимо не быть» уже не будут истинными[15], ведь «могущее быть» и «могущее не быть» совместимы[16]; если же чему-то необходимо быть или [необходимо] не быть, то для него то и другое не будет возможно[17]. Таким образом, остается сказать, что из «могущего быть» следует «не необходимо не быть»[18], ведь это истинно и в отношении «необходимо быть»[19]. И «не необходимо не быть» противоречит тому, что следует из «не могущего быть», ибо из последнего следует «немогущее быть» и «необходимо не быть»; отрицанием последнего будет «не необходимо не быть»[20]. Таким образом, эти противоречия следуют одно из другого указанным выше способом, и если их расположить так, то не получится ничего несообразного.

Может возникнуть сомнение, следует ли «могущее быть» из «необходимо быть». Ведь если оно не следует, то следовало бы противоречие — «не могущее быть», а если отрицать, что это противоречие, то придется назвать таковым «могущее не быть»; но и то и другое ложно в отношении «необходимо быть»[21]. С другой стороны, однако, одно и то же, кажется, может быть разрезано и не разрезано, быть и не быть, так что «необходимо быть» означало бы «возможно не быть», а это

ложно[22]. Таким образом, очевидно, что не все могущее или быть, или ходить в то же время способно и к противолежащему — в некоторых случаях это неверно[23], прежде всего в тех, где возможность, [или способность], не основывается на разуме, как, например, огонь способен нагревать, а эта способность не основывается на разуме. Но одни и те же возможности, [или способно-
23a сти], основывающиеся на разуме, допускают большее, чем одно, и противоположности; не основывающиеся на разуме не всегда: ведь огонь, как сказано, не может нагревать и не нагревать, так же и все остальное, что действует постоянно. Однако некоторые вещи со способностями, не основывающимися на разуме, могут в одно и то же время принимать противолежащие друг другу [свойства][24]. Но это сказано вот ради чего: не всякая возможность, [или способность], допускает противолежащие друг другу [вещи], даже те, что относятся к одному и тому же виду.

Некоторые же возможности одноименны, ибо «могущее» не однозначно; об одном говорят как о могущем потому, что оно истинно как существующее в действительности; например, говорят, что кто-то может ходить, потому что он ходит, и вообще нечто может, потому что уже существует в действительности то, о чем говорят, что оно может[25]. О другом говорят как о могущем, [или способном], потому, что оно могло бы быть деятельным, например, что кто-то способен ходить, потому что мог бы пойти[26]. Эта способность встречается лишь в том, что движется[27], а первая — и в неподвижном. Но и о том, и о другом правильно сказать, что оно не немогущее ходить или быть,— и о том, что уже действительно ходит, и о том, что может ходить[28]. Последний вид могущего неправильно приписывать безусловно необходимому[29], первый же — правильно[30], ибо, подобно тому как общее следует из частного[31], так и из необходимо сущего следует могущее быть, однако не всякое. И быть может, необходимое и не необходимое суть начало бытия или небытия всего, а остальное дóлжно рассматривать как следствия из них[32].

Таким образом, из сказанного очевидно, что необходимо сущее имеется в действительности[33]; так что если вечное первее, то и действительность первее возможности[34]. И одно есть действительность без возмож-

ности, например первые сущности [35], другое же — действительность вместе с возможностью, оно по своей природе первее, а по времени оно последующее [36]; наконец, бывает и такое, что никогда не есть действительность, а есть только возможность [37].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[*Противоположные друг другу высказывания*]

[Спрашивается], противоположно ли утверждение отрицанию или утверждение утверждению же? Далее, противоположно ли положение, гласящее, что «каждый человек справедлив», положению «ни один человек не справедлив» или [положение] «каждый человек справедлив» — [положению] «каждый человек несправедлив»? Например, Каллий есть справедливый — Каллий не есть справедливый — Каллий есть несправедливый: которое из двух [последних] положений противоположно [первому]? Ведь если то, что́ в звукосочетаниях, следует тому, что́ в мышлении, а в мышлении имеется о противоположном противоположное мнение, например мнение, что каждый человек справедлив, противоположно мнению, что каждый человек несправедлив, то необходимо, чтобы так же обстояло дело и в утверждениях, выраженных в звукосочетаниях [1]. Если же в мышлении противоположное мнение не есть мнение о противоположном, то противоположным утверждению будет не утверждение, а указанное отрицание. Так что нужно исследовать, какое правильное мнение противоположно ложному — мнение об отрицании или же то, что мнится противоположным. Я имею в виду следующее. Мнение о благе, что оно есть благо, истинно; другое же, что оно не есть благо, ложно; третье же — что оно есть зло. Которое из этих двух последних мнений противоположно истинному? И если они одно, то на котором из них основывается противоположность? Неверно думать, что противоположные мнения определяются тем, что они мнения о противоположностях, ибо мнение о благе, что оно благо, и о зле, что оно зло, суть, пожалуй, одно и то же мнение, и притом истинное, все равно, будут ли они больше одного или одно, хотя благо

и зло противоположны. Мнения противоположны друг другу не потому, что они мнения о противоположностях, а скорее потому, что они [относятся друг к другу] противоположным образом [2]. Следовательно, если есть одно мнение о благе, что оно благо, а другое — что оно не благо, и если есть еще нечто иное, что не присуще [благу] и не может быть [ему] присуще, то ни одно из других мнений не следует принимать [за противоположное правильному] — ни то, которое считает неприсущее присущим, ни то, которое считает присущее неприсущим (ведь мнения того и другого вида — и те, которые считают неприсущее присущим, и те, которые считают присущее неприсущим,— бесчисленны), а противоположными следует считать те, которые содержат ошибку [3], а таковы те, которые зависят от того или иного возникновения, ибо всякое возникновение — из противолежащего; стало быть, отсюда и ошибки. Таким образом, если благо есть и благо, и не зло, притом первое оно есть само по себе [4], а второе — привходящим образом (ибо для блага привходяще то, что оно не зло [5]), а о каждой вещи более истинно мнение о ней, какова она сама по себе, то и более ложно мнение, [касающееся вещи самой по себе], если только и истинное [касается вещи самой по себе] [6]. Стало быть, мнение о благе, что оно не есть благо, есть ложное мнение о том, что́ присуще само по себе, а мнение о том, что оно есть зло, есть ложное мнение о привходящем. Поэтому мнение, отрицающее благо, более ложно, чем мнение о противоположном ему. Но больше всего ошибается в отношении каждой вещи тот, кто имеет мнение, противоположное [истинному], ибо противоположности в пределах одного и того же [рода] больше всего отличаются одна от другой. Поэтому если одно из двух мнений противоположно [истинному], а еще более противоположно мнение, противоречащее [ему], то ясно, что именно последнее есть противоположное мнение. Мнение же о том, что благо есть зло, есть составное мнение, ибо необходимо, пожалуй, в то же время предполагать, что благо не есть благо [7]. Далее, если и в других случаях дело должно обстоять таким же образом, то и здесь, надо полагать, сказано надлежащим образом, а именно что мнение о противоречии [есть мнение о противоположном] везде или нигде. О том же,

чему нет противоположного [8], ложно мнение, противолежащее истинному; например, тот, кто человека считает не человеком, ошибается. Стало быть, если эти два мнения противоположны друг другу, то также и другие мнения о противоречии.

Далее, одинаково относятся между собой мнения о благе, что оно благо, и о не-благе, что оно не есть благо, и кроме них [точно так же] мнение о благе, что оно не благо, и о не-благе, что оно благо. Итак, если мнение о не-благе, что оно не есть благо, истинно, то какое мнение противоположно ему? Ведь не то, согласно которому оно зло, ибо оно вместе с ним может быть истинным, а истинное никогда не противоположно истинному, ибо какое-то не-благо есть зло, так что оба мнения могут быть вместе истинными; но и мнение, что не-благо не есть зло, не противоположно [мнению, что оно не есть благо], ибо и оно [может быть] истинным, ведь и они могут быть вместе истинными. Остается, таким образом, [допустить], что мнению о не-благе, что оно не есть благо, противоположно мнение 24a
о не-благе, что оно есть благо, ибо это мнение ложно. Так что и мнение о благе, что оно не есть благо, противоположно мнению о благе, что оно благо. Очевидно также, что нет никакой разницы, если мы полагаем утверждение общим, ибо ему противоположно общее отрицание, например мнению о том, что всякое благо есть благо, противоположно мнение, что никакое благо не есть благо. Ибо мнение о благе, что оно благо, если благо берется как общее, тождественно тому, согласно которому то, чтó есть благо, есть благо, а это ничем не отличается от мнения, что всякое, какое бы оно ни было, благо есть благо, и одинаковым образом относительно не-блага.

Итак, если с мнением дело обстоит так и если со- 24b
держащиеся в звукосочетаниях утверждения и отрицания суть знаки находящихся в душе [мнений], то ясно, что [общему] утверждению противоположно общее отрицание относительно того же самого; например, [утверждению], что всякое благо есть благо или что каждый человек хорош, противоположно то, что никакое благо не есть благо или что ни один человек не хорош, и по противоречию — что не всякое благо есть благо или что не каждый человек хорош. Очевидно

также, что ни истинные мнения не могут быть противоположными друг другу, ни истинные высказывания, ибо противоположны [мнения или высказывания] о противолежащих друг другу [вещах], а относительно истинных один и тот же человек может [в одно и то же время] говорить истину, между тем противоположности не могут в одно и то же время быть присущи одному и тому же.

ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Предмет и цель всего сочинения. Определение важнейших терминов]

Прежде всего следует сказать, о чем исследование и 24a
дело какой оно [науки]: оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки[1]. Далее следует определить, что такое посылка, термин, силлогизм, а также какой силлогизм совершенный и какой — несовершенный; затем, что значит: одно целиком содержится или не содержится в другом — и что значит: что-то сказывается обо всем или не сказывается ни об одном.

Посылка есть речь, утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то. Она бывает или общей, или частной, или неопределенной[2]. Общей я называю [посылку] о присущем всем[3] или не присущем ни одному, частной — о присущем или не присущем некоторым или присущем не всем, неопределенной — о присущем или не присущем без указания того, общая ли она или частная, как, например, противоположности изучаются одной и той же наукой или удовольствие не есть благо. Отличается же доказывающая посылка от диалектической тем, что доказывающая есть принятие одного из членов противоречия (ибо тот, кто доказывает, не спрашивает [о нем], а принимает [его]), диалектическая[4] же есть вопрос относительно [того или другого члена] противоречия. Однако в образовании силлогизма они ничем не отличаются друг от друга, ибо и тот, кто доказывает, и тот, кто спрашивает, [одинаково] умозаключают, принимая, что нечто чему-то присуще или не присуще, так что силлогистическая посылка есть вообще утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то по указанному способу; и доказывающей она будет, если она истинна и получена из
первых [положений][5]; диалектическая же посылка — 24b

это для выведывающего вопрос относительно [того или другого члена] противоречия, а для умозаключающего — принятие того, что кажется, и того, что правдоподобно, как об этом сказано в «Топике» [6]. В дальнейшем будет подробно сказано [7], что такое посылка и чем отличаются друг от друга посылки силлогистическая, доказывающая и диалектическая; а пока достаточно и того, что определено сейчас.

Термином я называю то, на что распадается посылка, т. е. то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается, с присоединением [глагола] «быть» или «не быть» [8]; силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть [9]. Под [выражением] «в силу того, что положенное есть» я разумею, что это отличное вытекает благодаря этому, а под [выражением] «вытекает благодаря этому» — что для возникновения необходимости не требуется постороннего термина [10]. Совершенным я называю силлогизм, который для выявления необходимости не нуждается ни в чем другом, кроме того, что́ принято [11], несовершенным же — силлогизм, который нуждается [для этого] в чем-то одном или многом, что хотя и необходимо через данные термины, но через [данные] посылки не получено. «Одно целиком содержится в другом» означает то же, что «другое сказывается обо всем первом» [3]. А «[одно] сказывается обо всем [другом]» мы говорим, когда не может быть найдено что-либо из того, что принадлежит подлежащему, о чем другое не высказывалось бы. И точно так же, когда говорим «не сказывается ни об одном».

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Обращение посылок*]

Всякая же посылка есть посылка или о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из них в соответствии с каждым способом сказывания (prosrēsis [1]) одни утвердительные, другие отрицательные; и далее, из утвердительных и отрицательных одни — общие, другие — частные, третьи — неопределенные. Посылка о присущем, если она общеотрицательная, необходимо обратима [2] в отношении своих терминов [3]; например, если

никакое удовольствие не есть благо, то и никакое благо не есть удовольствие. [Обще]утвердительная же посылка хотя и необходимо обратима, однако не в общую, а в частную [4]; например, если всякое удовольствие есть благо, то какое-нибудь благо есть удовольствие; из частных посылок утвердительная необходимо обратима в частную же [5] (ибо если какое-нибудь удовольствие есть благо, то и какое-нибудь благо будет удовольствием), отрицательная же необходимо не обратима [6], ибо если некоторым живым существам не присуще быть человеком, то [отсюда не следует, что] какому-то человеку не присуще быть живым существом.

Итак, пусть сперва посылка АБ [7] будет общеотрицательной. Если А не присуще ни одному Б, то и Б не будет присуще ни одному А. Ибо если бы Б было присуще какому-то [А], например В, то было бы неправильно, что А не присуще ни одному Б, так как В есть какое-то Б [8]. Если же А присуще всем Б, то и Б будет присуще некоторым А, ибо если Б не было бы присуще ни одному А, то и А не было бы присуще ни одному Б; но ведь было предположено, что А присуще всем Б. Точно так же, если посылка частная. В самом деле, если А присуще некоторым Б, то и Б необходимо присуще некоторым А. Если Б не было бы присуще ни одному А, то и А не было бы присуще ни одному Б. Наконец, если А некоторым Б не присуще, то не необходимо, чтобы и Б не было присуще некоторым А, как, например, если Б есть живое существо, а А — человек: ведь не всякому живому существу присуще быть человеком, однако всякому человеку присуще быть живым существом [9].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Обращение посылок о необходимо присущем и возможно присущем*]

Точно так же будет обстоять дело с посылками о необходимо присущем, ибо общеотрицательная посылка обратима в общую же, тогда как из утвердительных посылок общая и частная обратимы в частную. В самом деле, если А необходимо не присуще ни одному Б, то и Б необходимо не присуще ни одному А. Если же Б возможно присуще некоторым А, то и А возможно присуще некоторым Б [1]. Если же А необхо-

димо присуще всем или некоторым Б, то и Б необходимо присуще некоторым А. Ибо если бы оно не было необходимо присуще, то и А не было бы необходимо присуще некоторым Б[2]. Частноотрицательная же посылка необратима по той же самой причине, о которой было сказано раньше[3].

Что касается посылок о возможно присущем, то, так как о возможном говорится в различных значениях (ибо возможным мы называем и то, что́ необходимо, и то, что́ не необходимо, и то, что́ [собственно] возможно), во всех утвердительных посылках с обращением дело будет обстоять точно так же[4]. Действительно, если А возможно присуще всем или некоторым Б, то и Б возможно присуще некоторым А, ибо если [Б] — ни одному [А][5], то и А — ни одному Б[6]; это было уже показано раньше[7]. В отрицательных же посылках дело обстоит не так: там, где под возможным разумеют или необходимо быть присущим, или не необходимо не быть присущим,— там дело обстоит точно так же. Например, если бы кто-нибудь сказал, что человек возможно не есть лошадь или что белое возможно не присуще никакой одежде. Ибо первое необходимо не присуще, второе же присуще не необходимо, и посылка обратима точно так же, [как и прежде], ибо если ни один человек возможно не есть лошадь, то и ни одна лошадь возможно не есть человек; равным образом, если белое возможно не присуще никакой одежде, то и одежда возможно не присуща ничему белому, ибо если одежда была бы необходимо присуща чему-то белому, то и белое необходимо было бы присуще некоторой одежде[8]. И это также было показано раньше[9]. Равным образом обстоит дело и с частноотрицательной посылкой[10].

Если же говорится о возможном (согласно нашему определению возможного) как об обычном и свойственном природе вещей[11], то с обращением отрицательных посылок дело будет обстоять не так: общеотрицательная посылка необратима, частноотрицательная же — обратима[12]. Это станет очевидным, когда мы будем говорить о возможном[13], теперь же помимо сказанного для нас должно быть ясно, что [положение] «нечто возможно ничему или чему-то не присуще» имеет утвердительную форму, ибо «возможно» употребляется подобно «есть»; когда «есть» употребляется в высказывании, оно всегда и непременно делает речь утвердительной;

например: «это есть не благо», или «это есть небелое», или вообще «это есть не то». И это также будет показано в дальнейшем [14]. Что касается обращения, то дело будет здесь обстоять так же, как и в других [утвердительных] посылках.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Силлогизмы по первой фигуре*]

После того как мы дали эти определения, мы укажем теперь, посредством чего, когда и каким образом получается всякий силлогизм; затем следует говорить о доказательстве [1]. О силлогизме следует говорить раньше, чем о доказательстве, потому что силлогизм есть нечто более общее: ведь доказательство есть некоторого рода силлогизм, но не всякий силлогизм — доказательство.

Итак, если три термина так относятся между собой, что последний термин целиком содержится в среднем, а средний целиком содержится в первом или вовсе не содержится в нем, то для этих крайних терминов необходимо имеется совершенный силлогизм. Средним термином я называю тот, который сам содержится в одном, в то время как в нем самом содержится другой, и который по положению оказывается средним. Крайними же я называю и тот, который содержится в другом, и тот, в котором содержится другой [2]. В самом деле, если А сказывается обо всех Б, а Б — обо всех В, то А необходимо сказывается обо всех В [3]. А что́ мы подразумеваем под «сказывается обо всех» — об этом уже было сказано [4]. Точно так же если А не сказывается ни об одном Б, а Б сказывается обо всех В, то А не будет присуще ни одному В [5]. Если же первый термин сопутствует всему среднему, а средний не присущ ни одному последнему [6], то крайние термины не составят заключения, ибо при таком [отношении терминов] ничего с необходимостью не вытекает, ведь первый термин может быть присущ и всем или не присущ ни одному последнему, так что ни частное, ни общее заключение не возникает здесь с необходимостью. А если из этих терминов ничего с необходимостью не вытекает, то нет и силлогизма. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ всему [последнему], будут: живое существо — человек — лошадь; для случая, [когда

он ему] вовсе не присущ: живое существо — человек — камень[6]. Не получится силлогизма и тогда, когда ни первый не присущ среднему, ни средний не присущ ни одному последнему[7]. Для случая, [когда первый термин] присущ всему [последнему], терминами пусть будут: знание — линия — врачебное искусство; для случая, [когда он ему] не присущ: знание — линия — единица[7]. Итак, если термины взяты в общих посылках, то ясно, когда по этой фигуре может быть построен силлогизм и когда нет; и если силлогизм получается, то термины необходимо должны находиться друг к другу в указанном отношении; и если термины находятся друг к другу в таком отношении, то силлогизм получится.

Если же один из [крайних] терминов взят в общей посылке, а другой — в частной, то, когда общее, все равно, в утвердительной или в отрицательной посылке, относится к большему крайнему, а частное, в утвердительной посылке,— к меньшему крайнему, с необходимостью получится совершенный силлогизм. Когда же общее относится к меньшему крайнему или оба термина находятся в каком-либо другом отношении, силлогизм невозможен. Бо́льшим крайним термином я называю тот, в котором содержится средний термин, меньшим же — тот, который подчинен среднему. Пусть А будет присуще всем Б, а Б — некоторым В; в таком случае если [выражение] «сказываться обо всех» понимать в указанном раньше смысле[4], то А будет необходимо присуще некоторым В[8]. Если же А не присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В, то А необходимо не присуще некоторым В[9], ведь [выражение] «не сказываться ни об одном» также было определено[10]; так что [и здесь] получится совершенный силлогизм. Точно так же, если посылка БВ неопределенная[11] и утвердительная. Ведь силлогизм здесь будет одним и тем же — берется ли БВ как неопределенное или как частное. Если же общее относится к меньшему крайнему термину, все равно, в утвердительной или в отрицательной посылке, то силлогизма не будет, все равно, будет ли неопределенная или частная посылка утвердительной или отрицательной, например если А присуще или не присуще некоторым Б, а Б присуще всем В[12]. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], будут: благо — состояние — бла-

горазумие; для случая же, [когда он ему] не присущ: благо — состояние — невежество. Далее, если Б не присуще ни одному В, между тем как А присуще или не присуще некоторым Б или присуще не всем Б, то таким образом также не получится силлогизма [13]. Пусть терминами будут: белое — лошадь — лебедь; белое — лошадь — ворон [13]. Те же термины можно взять, если АБ — посылка неопределенная. Точно так же не получится силлогизма и тогда, когда больший крайний термин оказывается в общей посылке, все равно, в утвердительной или в отрицательной, а меньший крайний — в частноотрицательной, например если А присуще всем Б, а Б не присуще некоторым В или присуще не всем В [14], ибо, чему средний термин не присущ, тому первый больший может и сопутствовать всем и не сопутствовать ничему. Пусть терминами будут приняты: живое существо — человек — белое; затем из белого, о чем не сказывается «человек», возьмем лебедя и снег. Таким образом, [термин] «живое существо» сказывается о каждом лебеде и не сказывается ни о каком снеге, и силлогизма, следовательно, не получится [14]. С другой стороны, пусть А не присуще ни одному Б, а Б не присуще некоторым В [15]; терминами же пусть будут: неодушевленное — человек — белое; далее из белого, о чем не сказывается «человек», возьмем лебедя и снег; тогда неодушевленное сказывается о всяком снеге и не сказывается ни о каком лебеде [15]. Так как [положение] «Б не присуще некоторым В» неопределенно [16], оно ведь истинно и когда Б не присуще ни одному В, и когда оно присуще не всем В [16] (потому что оно какому-то В не присуще), то, если эти термины взяты таким образом, что Б не присуще ни одному В, силлогизма не получится (об этом уже было сказано раньше [17]). Стало быть, очевидно, что при таком отношении терминов не получится силлогизма, иначе силлогизм получился бы и тогда, когда Б ни одному В не присуще. Подобным же образом это можно доказать и для того случая, когда общее взято в отрицательной посылке. Никоим образом не получится силлогизма и тогда, когда обе посылки частные [18], все равно, утвердительные они или отрицательные, или одна утвердительная, а другая отрицательная, или одна неопределенная, а другая определенная, или обе неопределенные. Терминами, общими для всех этих случаев, пусть будут:

живое существо — белое — лошадь; живое существо — белое — камень [18].

Таким образом, из сказанного очевидно, что для того, чтобы получить по этой фигуре частное заключение, термины необходимо должны находиться друг к другу в указанном отношении. При другом же отношении терминов силлогизма никоим образом не получится. Ясно также, что все силлогизмы по этой фигуре совершенные, ибо все они осуществляются через первоначально принятое; ясно также и то, что все положения доказываются посредством этой фигуры, ибо в ней доказывается, что нечто и всему присуще, и ничему не присуще, и чему-то присуще, и чему-то не присуще. Такую фигуру я называю первой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Силлогизмы по второй фигуре*]

Если же одно и то же одному всему присуще, а другому вовсе не присуще или и тому и другому всему присуще или вовсе не присуще, то такую фигуру я называю второй. Средним термином в этой фигуре я называю тот, который сказывается об обоих крайних, крайними же терминами — те, о которых высказывается средний: бо́льшим крайним — тот, который находится ближе к среднему, меньшим крайним — тот, который находится дальше от среднего. Средний же термин стоит вне крайних и по положению — первый. Совершенным силлогизм по этой фигуре не может быть никоим образом. Но силлогизм здесь возможен, все равно, взяты ли термины в общих или не в общих посылках. Если же термины взяты в общих посылках, то силлогизм получится, когда средний термин одному из крайних всему присущ, а другому вовсе не присущ, все равно, к какому из крайних относится отрицание. Иначе силлогизма никак не получится. Пусть М не сказывается ни об одном Н, но сказывается обо всех О; так как отрицательная посылка обратима, то и Н не будет присуще ни одному М; но было предположено, что М присуще всем О, а потому Н не присуще ни одному О [1], как это и было показано раньше [2]. Далее, если М присуще всем Н и не присуще ни одному О, то и О не будет присуще ни одному Н, ибо если М не присуще ни одному О, то и О не

присуще ни одному М; но было предположено, что М присуще всем Н, следовательно, О не будет присуще ни одному Н, и снова получается первая фигура. А так как отрицательная посылка обратима, то и Н не будет присуще ни одному О [3], и поэтому снова получится тот же силлогизм [4]. Это можно доказать и посредством приведения к невозможному [5]. Очевидно, что при таком отношении терминов силлогизм, правда, получится, однако несовершенный, ибо необходимость [следования] устанавливается здесь полностью на основании не только первоначально взятого, но и чего-то другого [6]. Если же М сказывается о всех Н и всех О, то силлогизма не получится [7]. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: сущность — живое существо — человек; для случая, [когда он ему] не присущ: сущность — живое существо — число. Средний термин — сущность [7]. Не получится силлогизма и тогда, когда М не сказывается ни об одном Н и ни об одном О [8]. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: линия — живое существо — человек; для случая, [когда он ему] не присущ: линия — живое существо — камень. Таким образом, очевидно, что если при терминах, взятых в общих посылках, получается силлогизм, то для этого необходимо, чтобы они находились друг к другу в таком отношении, какое мы указали вначале [9], ибо при другом их отношении необходимость не возникает.

Если же средний термин по отношению к одному из крайних, а именно к большему, взят в общей посылке, все равно, в утвердительной или в отрицательной, а к меньшему термину — в частной посылке, противолежащей общей (под противолежащей я понимаю, что если общая посылка отрицательная, то частная утвердительная; если же общая утвердительная, то частная отрицательная), то с необходимостью получится силлогизм с частноотрицательным заключением. В самом деле, если М не присуще ни одному Н, но присуще некоторым О, то Н необходимо не присуще некоторым О. А так как отрицательная посылка обратима, то и Н не будет присуще ни одному М; но ведь было предположено, что М присуще некоторым О, так что Н не будет присуще некоторым О, и получается силлогизм через первую фигуру [10]. Далее, если М при-

суще всем Н, а некоторым О не присуще, то Н необходимо не присуще некоторым О; в самом деле, если бы оно было присуще всем О, то, поскольку М сказывается обо всех Н, М необходимо было бы присуще
27b всем О. Предположено же было, что оно некоторым О не присуще [11]. И если М присуще всем Н, но не всем О, то получится силлогизм о том, что Н присуще не всем О [12]. Доказательство будет то же самое. Если же М сказывается обо всех О, но не обо всех Н, то силлогизма не получится [13]. Термины: живое существо — сущность — ворон; живое существо — белое — ворон [13]. Также не получится силлогизма, когда М не сказывается ни об одном О, но сказывается о некоторых Н [14]. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], будут: живое существо — сущность — единица, а для случая, [когда он ему] не присущ: живое существо — сущность — знание [14].

Таким образом, сказано, когда силлогизм получится и когда нет в тех случаях, если общая посылка противолежит частной. Если же посылки однородны, т. е. если обе или отрицательны или утвердительны, силлогизма никоим образом не получится. В самом деле, предположим сперва, что обе посылки отрицательные и что общее относится к большему крайнему термину, например пусть М будет не присуще ни одному Н и не присуще некоторым О. Тогда Н возможно и присуще всем О и не присуще ни одному О [15]. Терминами для случая, [когда первый термин последнему] не присущ, пусть будут: черное — снег — живое существо [15]; термины же для случая, [когда он] всему [ему] присущ, найти нельзя, если М некоторым О присуще, а некоторым не присуще [16]. Ибо если бы Н было присуще всем О, а М не присуще ни одному Н, то М не было бы присуще ни одному О, но ведь было предположено, что оно некоторым О присуще. Таким образом, действительно невозможно найти термины [17], а доказать это следует от неопределенного. А именно, так как правильно, что М не присуще некоторым О и в том случае, если оно не присуще ни одному О, а когда оно не присуще ни одному О, силлогизм не получился, то очевидно, что силлогизма не получится и в этом случае [17]. Далее, пусть будут утвердительными обе посылки, и пусть общее займет такое же по-

ложение, например М присуще всем Н и некоторым О. Тогда Н возможно и присуще всем О и не присуще ни одному О[18]. Терминами для случая, когда Н не присуще ни одному О, пусть будут: белое — лебедь — камень[19], а для случая, когда Н присуще всем О, термины нельзя найти по той же причине, что и раньше[20], а доказать это следует от неопределенного. Если же общее относится к меньшему крайнему термину и М не присуще ни одному О и не присуще некоторым Н, то Н возможно и присуще всем О и не присуще ни одному О[21]. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: белое — живое существо — ворон, а для случая, [когда он ему] не присущ: белое — камень — ворон. Если же посылки утвердительные, то для случая, [когда первый термин последнему] не присущ, терминами пусть будут: белое — живое существо — снег, а для случая, [когда он ему] присущ: белое — живое существо — лебедь[22]. Таким образом, очевидно, что силлогизма никоим образом не получится, если посылки однородны и при этом одна из них общая, а другая частная. Но силлогизма не получится и в том случае, если [средний термин] части каждого из обоих крайних присущ или не присущ, или части одного присущ, а части другого нет, или ни одному, ни другому не присущ вовсе, или присущ неопределенно. Общими же терминами для всех этих случаев пусть будут: белое — живое существо — человек; белое — живое существо — неодушевленное[23].

28a Из сказанного, таким образом, очевидно, что если термины находятся в таком отношении друг к другу, как было сказано[24], то силлогизм необходимо получится, и если силлогизм получится, то и термины необходимо находятся в таком отношении. Ясно также, что все силлогизмы по этой фигуре несовершенные (ибо все они осуществляются, когда что-то прибавляется, что́ или с необходимостью содержится в терминах, или берется по предположению, как, например, когда мы доказываем через невозможное). Ясно также, что по этой фигуре не получится утвердительного заключения и что, таким образом, все заключения здесь отрицательные, как общие, так и частные.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Силлогизмы по третьей фигуре]

Если же одному и тому же одно присуще всему, а другое вовсе не присуще или и то и другое присущи ему всему или вовсе не присущи, то такую фигуру я называю третьей. Средним термином в ней я называю тот, о котором сказываются оба крайних, крайними же — те, которые сказываются о среднем: бóльшим крайним — тот, который находится дальше от среднего, меньшим же — тот, который находится ближе к нему. При этом средний термин стоит вне крайних и по положению — последний. Совершенного силлогизма не получается и в этой фигуре, однако силлогизм возможен, все равно, будут ли [крайние] термины взяты по отношению к среднему в общих или не в общих посылках. Если же термины взяты в общих посылках, то, когда П и Р присущи всем С, тогда и П будет необходимо присуще некоторым Р. В самом деле, так как утвердительная посылка обратима, то и С будет присуще некоторым Р; поэтому так как П присуще всем С, а С — некоторым Р, то П необходимо присуще некоторым Р, и получается силлогизм через первую фигуру [1]. Это можно доказать и через невозможное [2], и выделением [3]. В самом деле, если оба термина присущи всем С, то, если взять какое-то С, например Н, ему будет присуще и П, и Р, а потому П будет присуще некоторым Р [4].

Если же Р присуще всем С, а П не присуще ни одному С, то получится силлогизм о том, что П необходимо не присуще некоторым Р [5]. Это может быть доказано тем же способом [6] посредством обращения посылки РС [7]. Это может быть доказано и через невозможное, как это было в предыдущих случаях [8]. Если же Р не присуще ни одному С, а П присуще всем С, то силлогизма не получится [9]. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: живое существо — лошадь — человек, а для случая, [когда он ему] не присущ: живое существо — неодушевленное — человек [9]. Силлогизма не получится и в том случае, когда оба термина не высказываются ни об одном С [10]. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: живое существо — лошадь — неодушевленное, а для случая,

[когда он ему] не присущ: человек — лошадь — неодушевленное. Средний термин — неодушевленное [10]. Таким образом, очевидно также и для этой фигуры, когда силлогизм в ней получится и когда нет, если [крайние] термины взяты в общих посылках. В самом деле, когда оба термина взяты в утвердительных посылках, то получится силлогизм о том, что один крайний термин присущ части другого крайнего; когда же оба они взяты в отрицательных посылках, силлогизма не получится. А когда один [из крайних терминов] 28b взят в отрицательной посылке, а другой — в утвердительной, и притом так, что больший термин оказывается в отрицательной, а меньший — в утвердительной, то получится силлогизм о том, что один из крайних терминов части другого крайнего не присущ; если же наоборот, то силлогизма не получится.

Далее, если один термин взят по отношению к среднему термину в общей посылке, другой же — в частной, и притом оба они в утвердительных посылках, то с необходимостью получится силлогизм, какой бы из крайних терминов ни был взят в общей посылке. В самом деле, если Р присуще всем С, а П — некоторым С, то П необходимо присуще некоторым Р [11]. Действительно, так как утвердительная посылка обратима, то и С будет присуще некоторым П. Поэтому так как Р присуще всем С, а С — некоторым П, то Р также будет присуще некоторым П, а отсюда и П — некоторым Р [11]. Далее, если Р присуще некоторым С, а П — всем С, то П необходимо присуще некоторым Р [12]. Доказывается это таким же образом [13]. Можно доказать это также и через невозможное или выделением, как и в предыдущих случаях [14]. Но если один термин взят в общеутвердительной посылке, а другой — в отрицательной, то силлогизм получится, если в утвердительной посылке взят меньший термин. Ибо если Р присуще всем С, а П некоторым С не присуще, то П необходимо не присуще некоторым Р [15]. Ведь если П присуще всем Р, а Р — всем С, то и П присуще всем С; но было предположено, что оно не присуще [15]. Это можно доказать также и без приведения к невозможному, если берется такое С, которому П не присуще [16]. Когда же больший термин взят в утвердительной посылке, силлогизма не получится, например если П присуще всем С, а Р некоторым С не присуще [17].

Терминами для случая, [когда первый термин] присущ всему [последнему], пусть будут: одушевленное — человек — живое существо[17]; для случая, [когда он ему] вовсе не присущ, термины нельзя найти, если Р некоторым С присуще, а некоторым нет[18], ибо если П присуще всем С, а Р — лишь некоторым С, то П будет присуще и некоторым Р. Но ведь было предположено, что оно не присуще ни одному Р[19]. Здесь следует, однако, поступить так же, как и в предыдущих случаях[20]: так как [положение] «некоторым не присуще» неопределенно, то и о том, что́ не присуще ни одному, правильно сказать, что оно некоторым не присуще. Но если оно не присуще ни одному, силлогизм не получился. Очевидно, таким образом, что, [когда берется посылка «некоторым не присуще»], силлогизма также не будет[21]. Если же один термин взят в общеотрицательной посылке, причем больший термин — в отрицательной, а меньший — в утвердительной, то силлогизм получится, ибо если П не присуще ни одному С, а Р присуще некоторым С, то П не будет присуще некоторым Р[22]. По обращении посылки РС снова получится первая фигура. Но если меньший термин взят в отрицательной посылке, то силлогизма не получится[23]. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: живое существо — человек — дикое; для случая, [когда он ему] не присущ: живое существо — знание — дикое[23]. Средним термином для обоих случаев пусть будет дикое. Равным образом не получится силлогизма, если оба термина взяты в отрицательных посылках, и притом один из них — в общей, а другой — в частной[24]. Терминами для случая, когда меньший термин по отношению к среднему взят в общей посылке, пусть будут: живое существо — знание — дикое; живое существо — человек — дикое[24]. Когда больший термин взят в общей посылке и не присущ [меньшему], терминами пусть будут: ворон — снег — белое[24]; когда [он меньшему] присущ, термины найти нельзя, если Р некоторым С присуще, а некоторым нет. В самом деле, если П присуще всем Р, а Р — лишь некоторым С, то и П будет присуще некоторым С. Но было предположено, что оно не присуще ни одному С. А доказать это следует от неопределенного[25]. Наконец, никоим образом не получится силлогизма, если каждый [крайний термин] присущ или не при-

сущ части среднего, или если один из них части его присущ, а другой нет, или если один части его присущ, а другой — не всему, или если оба [приписываются] ему неопределенно. Терминами, общими для всех этих случаев, пусть будут: живое существо — человек — белое; живое существо — неодушевленное — белое[26].

И для этой фигуры, таким образом, очевидно, когда в ней силлогизм получится и когда нет, а также, что если термины находятся друг к другу в таком отношении, как было сказано[27], то с необходимостью получится силлогизм, как и [наоборот], если получается силлогизм, то и термины необходимо находятся друг к другу именно в таком отношении. Очевидно также, что все силлогизмы по этой фигуре несовершенны (ведь все они становятся совершенными, когда что-то прибавляется) и что через эту фигуру нельзя вывести общее заключение — ни отрицательное, ни утвердительное.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[Общие замечания о всех трех фигурах силлогизма. Сведе́ние второй и третьей фигур к первой]

Ясно также, что во всех фигурах, в том случае если силлогизма не получается[1], то когда оба [крайних термина] взяты или в утвердительных, или в отрицательных посылках, ничего не получается с необходимостью[2]. Если же один из терминов взят в утвердительной посылке, а другой — в отрицательной, то, когда отрицательная посылка общая, всегда получается силлогизм об отношении меньшего крайнего термина к большему, как, например, если А присуще всем Б или некоторым Б, а Б не присуще ни одному В, то при обращении посылок В необходимо не будет присуще некоторым А. Подобным же образом обстоит дело и в других фигурах, ибо посредством обращения всегда получается силлогизм. Ясно также, что во всех фигурах получится один и тот же силлогизм, если вместо частноутвердительной посылки взять неопределенную.

Очевидно также, что все несовершенные силлогизмы становятся совершенными[3] через первую фигуру. В самом деле, все они приводятся к заключению либо через прямое доказательство, либо через невозможное. Но и тем и другим способом получается первая фигура: если силлогизмы становятся совершенными через прямое

доказательство, получается первая фигура потому, что они приводятся к заключению посредством обращения, а обращение и ведет к образованию первой фигуры. А когда доказывают через невозможное, т. е. когда допускают ложное[4], силлогизм также получается через первую фигуру, как, например[5], в последней фигуре: если А и Б присущи всем В, то [получается заключение], что А присуще некоторым Б, ибо если бы А не было присуще ни одному Б, а Б присуще всем В, то А не было бы присуще ни одному В, но ведь было предположено, что А присуще всем В. Точно так же доказывают и в других случаях.

29b И [вообще] все силлогизмы можно свести к общим силлогизмам первой фигуры[6]. Что касается силлогизмов второй фигуры, то очевидно, что они становятся совершенными через силлогизмы первой фигуры, но только не все одинаковым образом: общие силлогизмы — через обращение отрицательной посылки, частные силлогизмы, и притом оба [вида],— через приведение к невозможному. Частные силлогизмы первой фигуры осуществляются и через самих себя[7], но их можно доказать также посредством второй фигуры через приведение к невозможному. Например, если А присуще всем Б, а Б — некоторым В, то [можно доказать], что А будет присуще некоторым В, ибо если бы оно не было присуще ни одному В, но присуще всем Б, то Б не было бы присуще ни одному В,— это ведь мы знаем через вторую фигуру[8]. Подобного же рода доказательство применимо к силлогизму с отрицательным заключением. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В, то А не будет присуще некоторым В, ибо если бы оно было присуще всем В, но ни одному Б не присуще, то Б не было бы присуще ни одному В. Это и была как раз средняя фигура[9]. Так что если в средней фигуре все силлогизмы сводимы к общим силлогизмам первой фигуры, частные же силлогизмы первой фигуры — к силлогизмам средней фигуры, то очевидно, что и частные силлогизмы [первой фигуры] могут быть сведены к общим силлогизмам первой фигуры[10]. Силлогизмы же третьей фигуры, если их крайние термины взяты в общих посылках, непосредственно осуществляются при помощи указанных силлогизмов[11]. Если же их крайние термины взяты в частных посылках, то они осуществляются посредст-

вом частных силлогизмов первой фигуры[12], но эти последние могут быть сведены к указанным[13], а следовательно, к ним могут быть сведены частные силлогизмы третьей фигуры. Таким образом, очевидно, что все силлогизмы могут быть сведены к общим силлогизмам первой фигуры.

Итак, сказано, как обстоит дело с силлогизмами, показывающими присущность или неприсущность, а также каковы силлогизмы одной и той же фигуры сами по себе[14] и в каком отношении находятся друг к другу силлогизмы разных [фигур][15].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Модальность силлогизмов*]

Так как быть присущим, необходимо присущим, возможно присущим — не одно и то же (ибо многое присуще, однако не необходимо, другое же не присуще ни необходимо, ни просто, но оно *может* быть присуще), то ясно, что в каждом из этих случаев силлогизм будет разным и что термины не находятся в одинаковом отношении друг к другу: они будут то необходимо присущи, то присущи, то возможно присущи.

С необходимо присущим дело обстоит приблизительно так же, как и с [просто] присущим, так как при одинаковом положении терминов [в посылках] о присущем и необходимо присущем или не присущем силлогизм получится и не получится с тем лишь различием, что к терминам прибавляется «необходимо присуще» или «необходимо не присуще»[1]. Отрицательная посылка обратима таким же образом[2], ведь «целиком содержаться [в другом]» и «быть присущим всем» мы будем понимать одинаково[3]. И в других случаях тем же способом, т. е. посредством обращения, доказывается необходимость заключения — точно так же как в силлогизмах о присущем[4]. В средней же фигуре, когда общая посылка — утвердительная, а частная — отрицательная, и, далее, в третьей фигуре, когда общая посылка — утвердительная[5], а частная — отрицательная[6], доказательство уже не будет таким[7], а из одного термина необходимо выделить то, чему в каждом из этих случаев нечто не присуще, и относительно него построить силлогизм, ибо тогда заключение будет вытекать с необходимостью[8]; если же оно будет необхо-

димым в отношении выделенного, то оно будет необходимым также и в отношении части [того или иного термина], так как она есть то же, что и выделенное. Каждый из этих силлогизмов строится по соответствующей фигуре [8].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[Силлогизмы по первой фигуре, в которых одна из посылок — о присущем, а другая — о необходимо присущем]

Бывает и так, что получается силлогизм о необходимо присущем, если лишь одна посылка — о необходимо присущем, но не любая, а та, которая содержит больший крайний термин, например если принять, что А необходимо присуще или не присуще Б, а Б просто присуще В [1]. Ведь если взять посылки именно так, то А будет необходимо присуще или не присуще В; в самом деле, так как А необходимо присуще или не присуще всем Б, а В есть какое-то Б, то очевидно, что А будет необходимо присуще или не присуще также и В. Если посылкой о необходимо присущем будет не АБ, а БВ, то не будет заключения о необходимо присущем, ибо если бы оно было о необходимо присущем, то следовало бы, что А необходимо присуще некоторым Б, через первую и третью фигуры. Но это неправильно, ибо возможно, что Б таково, что А может быть не присуще ни одному Б [2]. Из терминов, кроме того, очевидно, что заключение не будет о необходимо присущем, например, если А есть движение, Б — живое существо, а В обозначает человека. В самом деле, человек необходимо есть живое существо, но ни живое существо, ни человек не движутся необходимо. Точно так же обстоит дело, если АБ будет отрицательной посылкой. Доказывается это таким же образом [3]. Что касается частных силлогизмов, то, если о необходимо присущем будет общая посылка, о необходимо присущем будет и заключение; если же — частная посылка, то заключение не будет о необходимо присущем, все равно, отрицательна или утвердительна общая посылка. Пусть сперва о необходимо присущем будет общая посылка и пусть А будет необходимо присуще всем Б, а Б — просто присуще некоторым В; тогда с необходимостью следует, что А необходимо присуще некоторым В, ибо [часть]

В подчинена Б и А необходимо присуще всем Б[4]. Точно так же обстоит дело с отрицательным силлогизмом, и доказывается он таким же образом. Если же о необходимо присущем будет частная посылка, то не получится заключения о необходимо присущем, ибо не получается ничего невозможного, точно так же как и в общих силлогизмах. Подобным же образом обстоит дело с [частно]отрицательным силлогизмом. Пусть терминами будут: движение — живое существо — белое[5].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[Силлогизмы по второй фигуре, в которых одна из посылок — о присущем, а другая — о необходимо присущем]

Во второй же фигуре, если о необходимо присущем будет отрицательная посылка, то о необходимо присущем будет и заключение[1]; если же утвердительная, то не получится заключения о необходимо присущем. Пусть сперва о необходимо присущем будет отрицательная посылка, и пусть А не может быть присуще ни одному Б, а просто присуще В. Так как отрицательная посылка обратима, то и Б не может быть присуще какому-либо А. Но А присуще всем В, так что Б не может быть присуще какому-либо В, ибо В подчинено А. Так же обстоит дело, если отрицание отнести к В. В самом деле, если А не может быть присуще какому-либо В, то и В не может быть присуще какому-либо А; но А присуще всем Б, а потому В не может быть присуще какому-либо Б. Действительно, снова получается первая фигура. Стало быть, и Б не может быть присуще В, так как и эта посылка обратима подобным же образом. Если же о необходимо присущем будет утвердительная посылка, то не получится заключения о необходимо присущем[2]. В самом деле, пусть А будет необходимо присуще всем Б и просто не присуще ни одному В. Если же отрицательную посылку подвергнуть обращению, то получится первая фигура. Но относительно первой фигуры было показано, что если в ней отрицательная бóльшая посылка не будет о необходимо присущем, то заключение не будет о необходимо присущем[3], так что и в этом случае не получится заключения о необходимо присущем. Далее, если

заключение — о необходимо присущем, то следует, что В необходимо не присуще некоторым А, ибо если Б необходимо не присуще ни одному В, то и В необходимо не будет присуще ни одному Б; однако Б необходимо присуще некоторым А, если только А было необходимо присуще всем Б; так что В необходимо не присуще некоторым А. Но ничто не мешает взять А таким, чтобы всем А могло быть присуще В. Кроме того, и посредством выделения терминов можно было бы доказать, что заключение здесь будет о необходимо присущем не безусловно, а [только] при указанных условиях. Пусть А, например, будет живое существо, Б — человек, В — белое, и посылки пусть будут взяты сходным образом[4]. Ведь вполне возможно, что быть живым существом не присуще ничему белому, поэтому и быть человеком не будет присуще ничему белому, однако не с необходимостью, ибо возможно, что человек окажется белым, хотя он не был бы таковым до тех пор, пока быть живым существом не присуще ничему белому. Так что при этих условиях заключение будет о необходимо присущем, вообще же — не о необходимо присущем.

Точно так же обстоит дело и с частным силлогизмом. А именно, если отрицательная посылка общая и о необходимо присущем, то и заключение будет о необходимо присущем; если же общей [и о необходимо присущем] будет утвердительная посылка, а частной [и не о необходимо присущем] — отрицательная, то не получится заключения о необходимо присущем. Итак, пусть сперва отрицательная посылка будет общей и о необходимо присущем, и пусть А не может быть присуще ни одному Б, но может быть присуще некоторым В. Так как отрицательная посылка обратима, то и Б не может быть присуще какому-либо А; но ведь А присуще некоторым В, потому и Б необходимо не будет присуще некоторым В. Предположим теперь, наоборот, что общей и о необходимо присущем будет утвердительная посылка, и пусть то, что содержит утверждение, будет отнесено к Б. Если А, таким образом, необходимо присуще всем Б и не присуще некоторым В, то очевидно, что Б не будет присуще некоторым В, но не необходимо. Доказать это можно посредством тех же терминов, что и при общих силлогизмах[5]. Наконец, и в том случае если о необходимо

присущем будет частноотрицательная посылка, то не получится заключения о необходимо присущем. Доказать это можно посредством тех же терминов[5].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[Силлогизмы по третьей фигуре, в которых одна из посылок — о присущем, а другая — о необходимо присущем]

В последней фигуре заключение будет о необходимо присущем, если [крайние] термины связаны со средним в общих посылках, причем обе посылки — утвердительные и одна из них, все равно какая,— о необходимо присущем. Если же одна из посылок — отрицательная, а другая — утвердительная, то заключение будет о необходимо присущем, когда о необходимо присущем будет отрицательная посылка; если же утвердительная, то заключения о необходимо присущем не получится. Пусть сперва обе посылки будут утвердительными, а именно пусть и А и Б будут присущи всем В, и о необходимо присущем пусть будет посылка АВ. А так как Б присуще всем В, то и В будет присуще некоторым Б, ибо обще[утвердительная] посылка при обращении становится частно[утвердительной]. Поэтому если А необходимо присуще всем В, а В — некоторым Б, то и А необходимо присуще некоторым Б, ибо Б подчинено В. Таким образом, получается первая фигура. Точно так же доказывается[1] и в том случае, если о необходимо присущем будет посылка БВ, ибо В допускает обращение с некоторым А. Поэтому если Б необходимо присуще всем В, то оно необходимо присуще и некоторым А. Далее, пусть посылка АВ будет отрицательной, а БВ — утвердительной. О необходимо же присущем пусть будет отрицательная посылка. А так как В допускает обращение с некоторыми Б и А необходимо не присуще ни одному В, то и А будет необходимо не присуще некоторым Б, ибо Б подчинено В. Но если о необходимо присущем будет утвердительная посылка, то не получится заключения о необходимо присущем. В самом деле, пусть БВ будет утвердительной посылкой о необходимо присущем, а АВ — отрицательной и не о необходимо присущем; так как утвердительная посылка обратима, то В будет необходимо присуще некоторым Б, и, следо-

вательно, если А не присуще ни одному В, а В при-
81b суще[2] некоторым Б, то А не будет присуще некоторым Б, однако не необходимо, ибо относительно первой фигуры было показано[3], что если отрицательная посылка не о необходимо присущем, то не получится заключения о необходимо присущем. Это, кроме того, стало бы очевидным через термины. В самом деле, пусть А означает благо, Б — живое существо, В — лошадь. В таком случае благо возможно не присуще ни одной лошади, но быть живым существом необходимо присуще каждой лошади, однако не необходимо, чтобы некоторое живое существо не было благим, коль скоро каждое живое существо может быть благим. Или если это невозможно, то нужно взять такие термины, как «бодрствование» или «сон», ибо этим состояниям может быть подвержено каждое живое существо.

Итак, было сказано, что заключение будет о необходимо присущем, если [крайние] термины связаны со средним в общих посылках. Если же одна посылка — общая, а другая — частная, то заключение также будет о необходимо присущем при условии, что обе посылки будут утвердительными, а общая посылка — о необходимо присущем. Доказывается это так же, как и раньше[4], ибо и частноутвердительная посылка обратима. Итак, если Б необходимо присуще всем В, а А подчинено В, то Б необходимо присуще некоторым А. Но если Б присуще некоторым А, то и А необходимо присуще некоторым Б, ибо эта посылка обратима. Точно так же обстоит дело и в том случае, если АВ есть общая посылка о необходимо присущем, ибо Б подчинено В. Если же о необходимо присущем будет частная посылка, то не получится заключения о необходимо присущем. В самом деле, пусть БВ будет частной посылкой о необходимо присущем, между тем как А присуще, но не необходимо, всем В. Если посылку БВ подвергнуть обращению, то получится первая фигура и общая посылка не будет о необходимо присущем, частное же будет. Но при таком отношении посылок не получалось заключения о необходимо присущем, а следовательно, не получится заключения о необходимо присущем и в этом случае[5]. Это очевидно, кроме того, из терминов. В самом деле, пусть А будет бодрствование, Б — двуногое, а В — живое существо. В таком случае Б необходимо присуще некоторым В, между

тем как А возможно присуще В и не необходимо присуще Б, ведь не необходимо, чтобы какое-нибудь двуногое существо спало или чтобы оно бодрствовало. Точно так же и через те же термины это может быть доказано и в случае, если АВ будет частной посылкой о необходимо присущем. Если же один из [крайних] терминов взят в утвердительной посылке, а другой — в отрицательной, притом общая посылка будет отрицательной и о необходимо присущем, то и заключение будет о необходимо присущем. Ибо если А не может быть присуще какому-либо В, а Б присуще некоторым В, то А необходимо не присуще некоторым Б. Когда же утвердительная посылка — все равно, общая или частная — будет о необходимо присущем или отрицательная посылка — частной[6], то заключения о необходимо присущем не будет. Остальная часть [доказательства] — такая же, как в предыдущих случаях[7]. Когда посылка о необходимо присущем общеутвердительная, терминами пусть будут: бодрствование — живое существо — человек, а средним термином — человек. Когда же посылка о необходимо присущем частноутвердительная, терминами пусть будут: бодрствование — живое существо — белое; в самом деле, быть живым существом необходимо присуще чему-то белому, но бодрствование возможно не присуще чему-то белому и не необходимо, чтобы оно не было присуще некоторым живым существам. Когда же посылка о необходимо присущем частноотрицательная, терминами пусть будут: двуногое — движущееся — живое существо, а средним термином — живое существо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Сравнение силлогизмов о присущем с силлогизмами о необходимо присущем*]

Таким образом, очевидно, что не может быть силлогизма о присущем, если обе посылки не о присущем, силлогизм же о необходимо присущем возможен, если хоть одна из посылок будет о необходимо присущем. Но в обоих случаях, все равно, будут ли силлогизмы утвердительными или отрицательными, одна из посылок должна быть сходной с заключением. Сходной я называю такую, которая при заключении о присущем также есть посылка о присущем, а при заключении

о необходимо присущем есть посылка о необходимо присущем. Ясно поэтому, что не будет заключения о необходимо присущем или о присущем, если одна из взятых посылок не будет о необходимо присущем или о присущем.

Относительно [силлогизма о] необходимо присущем — как он получается и чем он отличается от [силлогизма о] присущем,— относительно этого сказано, пожалуй, достаточно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[*Возможное и силлогизмы о возможно присущем*]

После этого поговорим о возможном[1] (endechomenon) — когда, как и посредством чего будет силлогизм о нем. Под «быть возможным» и «возможным» я разумею то, чтó не необходимо, но если принять, что оно присуще, то из этого не следует ничего невозможного (adynaton)[2], ведь о необходимом как о возможном мы говорим одноименно[3]. Что возможное есть именно то, что здесь о нем сказано, очевидно из противоположных друг другу отрицаний и утверждений, а именно: «не может быть присущим», «невозможно быть присущим» и «необходимо не быть присущим» — либо одно и то же, либо одно следует из другого, а потому и противолежащие им [по противоречию][4] «может быть присущим», «не невозможно быть присущим», «не необходимо не быть присущим» — либо одно и то же, либо одно следует из другого, ибо относительно чего бы то ни было можно либо утверждать, либо отрицать. Таким образом, возможное есть не необходимое, а не необходимое — возможное[5]. Все посылки о возможном оказываются взаимно обратимыми[6]. Я имею в виду не обращение утвердительных посылок в отрицательные, а то, что они, имея утвердительную форму, обратимы по противопоставлению друг другу, как, например, «возможно присуще» — в «возможно не присуще», а также «возможно присуще всем» — в «возможно не присуще ни одному» или «не всем», равно как «возможно присуще некоторым» — в «возможно не присуще некоторым»[7]. Точно так же и в других случаях[8]. В самом деле, так как возможное не необходимо, а не необходимое может и не быть присущим, то очевидно, что если А возможно присуще Б, то оно возможно и

не присуще ему, и если А возможно присуще всем Б, то оно всем Б возможно не присуще [9]. Точно так же обстоит дело и с частноутвердительными посылками. Доказывается это таким же образом [10]. Но все такие посылки суть утвердительные, а не отрицательные, ибо «быть возможным» употребляется подобно «быть», как об этом сказано раньше [11].

После того как это определено, скажем снова [12] о том, что [выражение] «быть возможным» употребляется в двояком смысле: в одном смысле возможно то, чтó обычно бывает, но не необходимо, как, например, то, что человек седеет, или полнеет, или худеет, или вообще то, чтó ему естественно присуще (ибо все это не связано с необходимостью, поскольку человек не вечно существует, но, если он существует, все это или необходимо, или обычно бывает). В другом смысле «быть возможным» означает нечто неопределенное, то, чтó может быть и так и не так, например что живое существо ходит или что в то время, как оно идет, происходит землетрясение, и вообще все происходящее случайно. Ведь по природе все это может *так* происходить не в большей мере, чем наоборот. Следовательно, посылки о каждом из этих видов возможности обратимы в противолежащие, однако не одним и тем же способом: посылка о происходящем по природе обратима в посылку о том, что присуще не необходимо (так, человек возможно и не поседеет); посылка же о неопределенном обратима в посылку о том, чтó в равной степени может быть и так и иначе [13]. О неопределенном нет ни науки, ни доказывающего силлогизма из-за отсутствия твердо установленного среднего термина. О происходящем же по природе они имеются. И о том, чтó возможно в этом смысле, рассуждения и исследования, пожалуй, бывают, о том же, чтó возможно в другом смысле, хотя и можно получить силлогизм, но обычно его не ищут.

Все это в дальнейшем будет определено точнее [14]. Теперь же скажем, как, когда и какой получится силлогизм из посылок о возможном. Но так как «это возможно присуще тому» можно понимать двояко, а именно или это тому присуще, или это тому возможно присуще [12] (ибо «А возможно присуще тому, о чем говорится Б» означает одно из двух — что оно присуще или тому, о чем Б говорится, или тому, о чем Б может

говориться; «А возможно присуще тому, о чем говорится Б» ничем не отличается от «А может быть присуще всем Б»[15]), то очевидно, что [выражение] «А возможно присуще всем Б» может иметь двоякий смысл. Прежде всего скажем о том, какой и какого рода получится силлогизм, если Б возможно присуще тому, о чем говорится В, а тому, о чем говорится Б, возможно присуще А. В таком случае обе принятые посылки будут о возможно присущем; когда же А возможно присуще тому, о чем говорится Б, одна посылка будет о присущем, а другая — о возможно присущем[16]. Таким образом, здесь, как и в других случаях, следует начинать с однородных посылок.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Силлогизмы по первой фигуре, в которых обе посылки — о возможно присущем]

Когда А возможно присуще всем Б, а Б — всем В, получится совершенный силлогизм о том, что А возможно присуще всем В. Это очевидно из определения.
83a Ведь мы сказали, что именно такой смысл[1] имеет [выражение] «быть возможно присущим всем». Равным образом если А возможно не присуще ни одному Б, а Б возможно присуще всем В, то получится заключение о том, что А возможно не присуще ни одному В, ибо «чему возможно присуще Б, тому А возможно не присуще» означает то же самое, что «не упущено ничего из того, что возможно подчинено Б». Если же А возможно присуще всем Б, а Б возможно не присуще ни одному В, то из принятых посылок не получится никакого силлогизма[2]. Но если подвергнуть превращению БВ как посылку о возможно присущем[3], то получится тот же силлогизм, что и раньше[4]. В самом деле, так как Б возможно не присуще ни одному В, то оно возможно присуще всем В; об этом было сказано раньше[5]. Поэтому если Б возможно присуще всем В, а А — всем Б, то опять-таки получится тот же самый силлогизм[4]. Подобным же образом обстоит дело, если к обеим посылкам отнести отрицание вместе с возможностью. Я имею в виду, например, такой случай, когда А возможно не присуще ни одному Б, а Б — ни одному В. Действительно, из взятых посылок не получится никакого силлогизма, но если их подверг-

нуть превращению, то снова получится тот же силлогизм, что и раньше[4]. Таким образом, очевидно, что если отрицание отнести к меньшему крайнему термину или к обеим посылкам, то или не получится силлогизма, или если получится, то не совершенный, ибо необходимость достигается [только] по превращении.

Когда же одна из взятых посылок — общая, а другая — частная, получится совершенный[6] силлогизм, если общая содержит больший крайний термин. Ибо если А возможно присуще всем Б, а Б — некоторым В, то А возможно присуще некоторым В. Это очевидно из определения [выражения] «быть возможно присущим»[7]. С другой стороны, если А возможно не присуще ни одному Б, а Б возможно присуще некоторым В, то необходимо следует, что А возможно не присуще некоторым В. Доказывается это таким же образом[8]. Если же частная посылка отрицательная, а общая — утвердительная и обе находятся в таком же отношении друг к другу, как прежде (например, если А возможно присуще всем Б, а Б возможно не присуще некоторым В), то из принятых посылок явного силлогизма не получится. Но если частную посылку подвергнуть превращению и предположить, что Б возможно присуще некоторым В[9], то получится то же самое заключение, что и раньше[10], как в силлогизмах, полученных в самом начале[11]. Если же больший крайний термин содержится в частной посылке, а меньший — в общей, то силлогизма никак не получится, все равно, будут ли обе посылки утвердительными или отрицательными, или неоднородными, или неопределенными, или частными. Ибо ничто не мешает, чтобы Б было шире А и не сказывалось о равном [по охвату]. Пусть то, чем Б шире А, будет В[12]; в этом случае невозможно ни то, чтобы А было присуще всем В, ни то, чтобы оно не было присуще ни одному В, ни то, чтобы оно было присуще или не присуще некоторым В, поскольку посылки о возможно присущем могут быть подвергнуты превращению[13] и Б возможно присуще большему, чем А. Это очевидно также из терминов. В самом деле, посылки находятся друг к другу в таком отношении и когда первый термин возможно совсем не присущ последнему, и когда он необходимо присущ всему ему. Терминами, общими для всех случаев, когда [первый термин] необходимо присущ [последнему], пусть

будут: живое существо — белое — человек; когда [он ему] не может быть присущ: живое существо — белое — одежда. Таким образом, очевидно, что при таком отношении терминов никакого силлогизма не получится, ибо всякий силлогизм имеет заключение о присущем, или необходимо присущем, или возможно присущем. А что силлогизм о присущем и необходимо присущем здесь невозможен, очевидно из того, что утвердительный силлогизм устраняется отрицательным, а отрицательный — утвердительным. Остается, следовательно, силлогизм о возможно присущем. Но и он не возможен, ибо уже было показано, что термины находятся в таком отношении и когда первый необходимо присущ всему последнему, и когда он возможно не присущ ему вовсе. Так что не может быть силлогизма и о возможно присущем, ибо необходимое, как было сказано, не есть возможное [14].

Очевидно также, что если термины взяты в общих посылках о возможно присущем, то всегда получится силлогизм по первой фигуре, все равно, будут ли посылки утвердительными или отрицательными, с той лишь разницей, что если они утвердительные, то силлогизм будет совершенным [15], а если отрицательные — несовершенным [16]. При этом возможное следует понимать не как необходимое, а согласно приведенному определению [17], что́ [18], однако, иногда упускают из виду.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[*Силлогизмы по первой фигуре, в которых одна посылка — о присущем, а другая — о возможно присущем*]

Если одна из посылок будет о присущем, а другая — о возможно присущем и посылка о возможно присущем содержит больший крайний термин, то все силлогизмы будут совершенными и о возможно присущем, согласно приведенному определению [1]; если же о возможно присущем будет посылка, содержащая меньший термин, то все силлогизмы будут несовершенными, а отрицательные силлогизмы будут не о возможно присущем, согласно определению, а о том, что нечто необходимо не присуще ни одному или присуще не всем. В самом деле, если нечто необходимо не присуще ни одному или присуще не всем, то мы мо-

жем также сказать, что оно возможно не присуще ни одному или возможно присуще не всем. Пусть А возможно присуще всем Б, а Б, предположим, присуще всем В; так как В подчинено здесь Б, а А возможно присуще всем Б, то очевидно, что А возможно присуще и всем В. Получается, таким образом, совершенный силлогизм. Точно так же если посылка АБ — отрицательная, а посылка БВ — утвердительная, причем АБ есть посылка о возможно присущем, а БВ — о присущем, то получится совершенный силлогизм о том, что А возможно не присуще ни одному В.

Таким образом, очевидно, что совершенные силлогизмы получаются тогда, когда посылка о присущем содержит меньший термин. А что при обратном отношении[2] получатся силлогизмы,— это следует доказать через невозможное. В то же время станет ясным, что эти силлогизмы несовершенны, так как доказательство не основывается на принятых посылках. Прежде всего следует сказать, что если Б необходимо должно быть, когда есть А, то необходимо, чтобы Б было возможно (dynaton), когда А возможно[3]. Пусть при таком отношении терминов то, что обозначает А, будет возможным, а то, что обозначает Б,— невозможным. В таком случае если возможное, поскольку оно возможно, может возникнуть, а невозможное, поскольку оно невозможно, не может возникнуть[4] и если в то же время А возможно, а Б невозможно, то А может возникнуть без Б, а раз возникнуть, то и быть, ибо возникшее, поскольку оно возникло, есть. Однако невозможное и возможное следует относить не только к возникновению, но и к утверждаемому как истина, и к присущности, и ко всему другому, о чем говорится как о возможном, ибо во всех этих случаях дело будет обстоять одинаково[5]. Далее, когда говорят, что Б есть, когда есть А, то это не следует понимать так, будто если А есть как нечто одно, то будет и Б. Ибо из того, что нечто одно есть, ничего с необходимостью не вытекает, а должны быть по меньшей мере два, как, например, когда две посылки находятся в таком отношении, как было указано для силлогизма. В самом деле, если В сказывается о Д, а Д — о З, то В необходимо сказывается и о З. И если каждая посылка — о возможно присущем, то и заключение будет о возможно присущем. Так что если предположить, что обе посылки

суть А, а заключение есть Б, то отсюда вытекает не только то, что, если А необходимо, необходимо и Б [6], но и то, что если А возможно, то возможно и Б.

Из этого доказательства очевидно, что если предположить нечто ложное, но не невозможное [7], то и следствием такого предположения также будет нечто ложное и не невозможное. Например, если А есть нечто ложное, однако не невозможное и если Б есть, когда есть А, то и Б [8] будет нечто ложное, однако не невозможное. В самом деле, было показано [9], что если Б есть, когда есть А, то Б также возможно, когда возможно А; а так как предполагается, что А возможно, то и Б будет возможно, ибо если бы оно было невозможно, то одно и то же было бы в одно и то же время и возможным и невозможным [10].

Определив это, предположим, что А присуще всем Б, а Б возможно присуще всем В; в таком случае необходимо следует, что А возможно присуще всем В, ибо если предположить, что оно не может быть присуще В, а Б присуще всем В, то это хотя и будет ложным, однако не невозможным. Стало быть, если А не может быть присуще всем В, а Б присуще всем В, то А не может быть присуще всем Б. Получится именно силлогизм через третью фигуру. Между тем было предположено, что А возможно присуще всем Б. Следовательно, необходимо, чтобы А было возможно присуще всем В. Ибо если предполагают ложное, но не невозможное, то вытекает невозможное. Можно показать невозможность и через первую фигуру, если принять, что Б присуще В. Ибо если Б присуще всем В, а А возможно присуще всем Б [11], то А возможно присуще и всем В. А между тем было предположено, что А не может быть присуще всем В.

[Выражение] «присуще всем» следует понимать без ограничения во времени, как, например, «в настоящее время» или «в какое-то определенное время», а следует понимать без оговорок, так как мы строим силлогизм посредством таких посылок. Если понять посылку как относящуюся к настоящему времени, то никакого силлогизма не получится, ибо ничто, конечно, не мешает, чтобы когда-нибудь всему движущемуся было присуще быть человеком, а именно если ничто другое не двигалось бы: быть движущимся возможно присуще всякой лошади, быть же человеком невозможно ни для

одной лошади. Далее, пусть первым термином будет живое существо, средним — движущееся, а последним — человек. Отношение посылок будет тем же, что и прежде, но заключение будет о необходимом, а не о возможном, ибо человек необходимо есть живое существо. Таким образом, очевидно, что общее следует понимать без оговорок, без ограничения во времени.

Далее, пусть посылка АБ будет общеотрицательной, и примем, что А не присуще ни одному Б, а Б возможно присуще всем В. При таком предположении необходимо следует, что А возможно не присуще ни одному В. В самом деле, предположим, что это невозможно и что Б присуще В так же, как и прежде[12]. Тогда А будет необходимо присуще некоторым Б; получается силлогизм через третью фигуру; однако это невозможно, а потому А возможно не присуще ни одному В, ибо если предполагают ложное, то вытекает невозможное. Итак, этот силлогизм имеет заключение не о возможно присущем в том смысле, в каком оно дано в определении, а о том, что [А] ни одному [Б] необходимо не присуще (ибо это противоречит сделанному предположению, ведь было принято, что А необходимо присуще некоторым В. Силлогизм же через невозможное есть умозаключение к противолежащему высказыванию). Далее, и из терминов очевидно, что заключение не есть о возможно присущем. В самом деле, пусть А будет ворон, Б — мыслящее существо, а то, что обозначает В,— человек. Тогда А не присуще ни одному Б, ибо ни одно мыслящее существо не есть ворон, но Б возможно присуще всем В, ибо всякому человеку может быть присуще мышление. Однако А необходимо не присуще ни одному В, и заключение, стало быть, не будет о возможно присущем. Но, с другой стороны, оно не всегда будет и о необходимо присущем. В самом деле, пусть А будет движущееся, Б — знание, а то, что обозначает В,— человек; тогда А не будет присуще ни одному Б, но Б возможно присуще всем В; и заключение не будет о необходимо присущем, ибо не необходимо, чтобы ни один человек не двигался, но и не необходимо, чтобы некоторые люди двигались. Ясно поэтому, что заключение 35a
будет о том, что ничто ничему необходимо не присуще. Впрочем, термины следует брать более подходящие.

Если же отрицание, отнесенное к меньшему крайнему термину, выражает возможность, то из принятых посылок не получится никакого силлогизма; но если посылку о возможно присущем подвергнуть превращению, то силлогизм получится, как и в предыдущих случаях [13]. В самом деле, пусть А будет присуще всем Б, а Б возможно не присуще ни одному В. Если термины находятся в таком отношении друг к другу, то не получится ничего необходимого. Но если посылку БВ подвергнуть превращению и принять, что Б возможно присуще всем В, то силлогизм получится так же, как прежде [14], ибо положение терминов такое же. Точно так же будет и в том случае, если обе посылки отрицательные, и притом так, что АБ есть посылка о том, что не присуще, а БВ означает, что Б возможно не присуще ни одному В, ибо из принятых посылок ничего необходимого не вытекает; если же посылку о возможно присущем подвергнуть превращению, то силлогизм получится. В самом деле, примем, что А не присуще ни одному Б, а Б возможно не присуще ни одному В. Из таких посылок ничего необходимого не вытекает; но если принять, что Б возможно присуще всем В, что и правильно, а посылка АБ остается той же, то опять получится тот же силлогизм [15]. Если же принять, что Б не присуще ни одному В, а не то, что оно ему [16] возможно не присуще, то никак не получится силлогизма, все равно, будет ли посылка АБ отрицательной или утвердительной. Терминами, общими для случаев, [когда первый термин] необходимо присущ [последнему], пусть будут: белое — живое существо — снег, а для случаев, [когда он] не может быть [ему] присущ: белое — живое существо — смола.

Таким образом, очевидно, что если термины взяты в общих посылках, а одна посылка будет о присущем, другая же — о возможно присущем и при этом посылка, содержащая меньший крайний термин, будет о возможно присущем, то всегда получится силлогизм, с той лишь разницей, что иногда [заключение] выводится из самих посылок, а иногда посредством превращения одной из них. А о том, когда получается то или другое и по какой причине, мы уже сказали [17]. Если же одна посылка будет общей, а другая — частной, а та, что содержит больший крайний термин, есть общая

посылка о возможно присущем, все равно, отрицательная она или утвердительная, а другая есть частная посылка о присущем, то силлогизм будет совершенным точно так же, как тогда, когда термины взяты в общих посылках. Доказывается это так же, как и раньше[18]. Но если посылка, содержащая больший крайний термин, есть общая посылка о присущем, а не о возможно присущем, другая же — частная посылка о возможно присущем, все равно, будут ли обе посылки утвердительными или отрицательными, или одна — отрицательной, а другая — утвердительной, то непременно получится несовершенный силлогизм, с той лишь разницей, что одни доказываются через невозможное, другие же — и посредством превращения посылки о возможно присущем, так же как в предыдущих случаях[19]. Силлогизм будет построен посредством превращения тогда, когда посылка, содержащая больший крайний термин, есть общая посылка о том, что присуще или не присуще, а другая есть частноотрицательная посылка о возможно присущем, например если А будет присуще или не присуще всем Б, а Б возможно не присуще некоторым В. Если БВ как посылку о возможно присущем подвергнуть превращению, то силлогизм получится. Но когда взята частная посылка о том, что не присуще, силлогизма не получится. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], будут: белое — живое существо — снег, а для случая, [когда он ему] не присущ: белое — живое существо — смола. Доказывать следует от неопределенного. Если же общая посылка содержит меньший крайний термин, а частная — больший, все равно, какая из них отрицательная или утвердительная, будет ли она о возможно присущем или о присущем, то силлогизма никак не получится, как не получится силлогизма и тогда, когда посылки будут частными или неопределенными, все равно, обе ли они о возможно присущем или о присущем, или одна о возможно присущем, а другая о присущем. Доказывается это так же, как и раньше[20]. Терминами, общими для случая, [когда первый термин] необходимо присущ [последнему], пусть будут: живое существо — белое — человек, а [когда он ему] не может быть присущ: живое существо — белое — одежда. Таким образом, очевидно, что

если общая посылка содержит больший крайний термин, то силлогизм всегда получится, если же меньший — никогда и никоим образом.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[Силлогизмы по первой фигуре, в которых одна посылка — о необходимо присущем, а другая — о возможно присущем]

Когда одна посылка выражает необходимую присущность, а другая — возможную, силлогизм получится, если термины будут в таком же отношении друг к другу, [как и раньше] [1]. При этом силлогизм будет совершенным, когда необходимость отнесена к меньшему крайнему термину. Если термины содержатся в утвердительных посылках, все равно, в общих или не в общих, выводится заключение о возможно присущем, а не о присущем. Если же одна посылка — утвердительная, а другая — отрицательная и утвердительная — о необходимо присущем, то выводится заключение о возможно присущем, а не о том, что не присуще. Но когда о необходимо присущем будет отрицательная посылка, выводится заключение и о том, что возможно не присуще, и о том, что не присуще, все равно, будут ли [крайние] термины в общих или не в общих посылках. Возможно присущее следует в заключении понимать так же, как в предыдущих случаях [2]. Силлогизма же о том, что необходимо не присуще, здесь не получится, ибо не одно и то же «не необходимо быть присущим» и «необходимо не быть присущим».

Поэтому очевидно, что если термины содержатся в утвердительных посылках, то заключения о необходимо присущем не получится. В самом деле, пусть А будет необходимо присуще всем Б, а Б — возможно присуще всем В; тогда получится несовершенный силлогизм о том, что А возможно присуще всем В. А что силлогизм несовершенный — это ясно из доказательства, которое следует здесь вести так же, как и в предыдущих случаях [3]. С другой стороны, пусть А будет возможно присуще всем Б, а Б — необходимо присуще всем В. Получится силлогизм о том, что А возможно присуще всем В, но не о том, что оно присуще. При этом силлогизм будет совершенным, а не несовершен-

ным, ибо он осуществляется непосредственно через первоначально принятые посылки. Если же посылки неоднородны, то пусть сначала отрицательная посылка будет о необходимо присущем и пусть А не может быть присуще ни одному Б, а Б возможно присуще всем В. Тогда А необходимо не присуще ни одному В. В самом деле, предположим, что А присуще всем или некоторым В. Но было принято, что А не может быть присуще ни одному Б. Так как, однако, отрицательная посылка обратима, то и Б не может быть присуще ни одному А. Но было предположено, что А присуще всем или некоторым В, а поэтому Б не может быть присуще ни одному или некоторым В. Между тем первоначально было принято, что оно возможно присуще всем В. Очевидно, однако, что здесь получится силлогизм и о том, что возможно не присуще, коль скоро [выводится заключение] о том, что не присуще. Далее, пусть утвердительная посылка будет о необходимо присущем и А пусть будет возможно не присуще ни одному Б, а Б — необходимо присуще всем В. Силлогизм получится при этом совершенный, однако не о том, что не присуще, а о том, что возможно не присуще, ибо таким именно образом взята здесь посылка, содержащая больший термин. И привести к невозможному здесь нельзя, ибо если предположить, что А присуще некоторым В, и допустить, что оно возможно не присуще ни одному Б, то отсюда не вытекает ничего невозможного. Если же отрицание отнести к меньшему крайнему термину и выражать оно будет возможность, то силлогизм получится посредством превращения[4] точно так же, как в предыдущих случаях[5]. Но когда отрицание выражает не возможность, силлогизма не получится. Не получится его и тогда, когда обе посылки отрицательные и возможность отнесена не к меньшему термину. Термины — те же самые; о том, что присуще: белое — живое существо — снег; о том, что не присуще: белое — живое существо — смола.

Так же будет обстоять дело и с частными силлогизмами. В самом деле, когда отрицательная посылка — о необходимо присущем, тогда и заключение будет о том, что не присуще; например, если А не может быть присуще ни одному Б, а Б возможно присуще некоторым В, то необходимо, чтобы А не было присуще некоторым В. Ибо если А присуще всем В и в то же

время не может быть присуще ни одному Б, то и Б не может быть присуще ни одному А. Поэтому если А присуще всем В, то Б не может быть присуще ни одному В; а между тем было предположено, что оно возможно присуще некоторым В. Но если посылка о необходимо присущем в отрицательном силлогизме частноутвердительная, как, например, посылка БВ,
36b или если таковой будет общая посылка в утвердительном силлогизме, как, например, АБ, то не получится силлогизма о присущем. Доказывается это так же, как и в предыдущих случаях[6]. Если же общая посылка — все равно, утвердительная или отрицательная — содержит меньший крайний термин и она — посылка о возможно присущем, а частная посылка о необходимо присущем содержит больший крайний термин, то силлогизма не получится. Терминами пусть будут — о необходимо присущем: живое существо — белое — человек; о том, что не может быть присуще: живое существо — белое — одежда. Когда же общая посылка — о необходимо присущем, а частная — о возможно присущем и общая при этом отрицательная, пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], будут: живое существо — белое — ворон, а для случая, [когда он ему] не присущ: живое существо — белое — смола. Если же общая посылка — утвердительная, то терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: живое существо — белое — лебедь, а для случая, [когда он ему] не может быть присущ: живое существо — белое — снег. Силлогизма не получится и в том случае, когда посылки взяты неопределенными или обе частные. Терминами, общими для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: живое существо — белое — человек, а для случая, [когда он ему] не присущ: живое существо — белое — неодушевленное. В таком случае и необходимо и невозможно, чтобы живое существо было присуще чему-то белому, а белое — чему-то неодушевленному. И точно так же обстоит дело с посылками о возможно присущем, так что эти термины пригодны для всех случаев.

Таким образом, из сказанного очевидно, что при одинаковом отношении терминов в посылках о присущем и необходимо присущем силлогизм и получается

и не получается, разве только когда посылка о присущем — отрицательная, тогда силлогизм будет о том, что возможно [не] присуще. А когда отрицательная посылка — о необходимо присущем, силлогизм будет и о том, что возможно [не] присуще, и о том, что не присуще. Ясно также и то, что все эти силлогизмы несовершенны и что они становятся совершенными посредством ранее указанных фигур.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[*Силлогизмы по второй фигуре, в которых обе посылки — о возможно присущем*]

Если во второй фигуре обе посылки — о возможно присущем, то не будет никакого силлогизма, все равно, взяты ли они как утвердительные или отрицательные, как общие или частные. Когда же одна посылка выражает присущность, а другая — возможность, причем посылка о присущем — утвердительная, никогда не получится силлогизма. Но если посылка о присущем — общеотрицательная, то всегда получится силлогизм. Точно так же и тогда, когда одна есть посылка о необходимо присущем, а другая — о возможно присущем. Однако и в этих силлогизмах следует понимать возможность, выраженную в заключениях, в том же смысле, что и раньше [1].

Прежде всего следует показать, что отрицательная посылка о возможно присущем необратима [2]. Например, если А возможно не присуще ни одному Б, то не необходимо, чтобы и Б возможно не было присуще ни одному А. В самом деле, предположим, что это так и что Б возможно не присуще ни одному А. Так как утвердительные высказывания о возможно присущем допускают превращение их в отрицательные, как в противоположные, так и в противолежащие, и Б возможно 87a
не присуще ни одному А, то очевидно, что Б также возможно присуще всем А. Но это неверно, ибо если одно возможно присуще всему другому, то не необходимо, чтобы это другое было возможно присуще первому. Следовательно, отрицательная посылка о возможно присущем необратима. Далее, ничто не мешает, чтобы, когда А возможно не присуще ни одному Б, Б

было необходимо не присуще некоторым А. Например, белое возможно не присуще ни одному человеку (ибо оно также возможно присуще [каждому человеку]), но сказать, что человек *возможно* не присущ ничему белому,— неправильно, ибо многому белому человек *необходимо* не присущ. А необходимое, как было сказано, не есть возможное[3]. Но и через невозможное нельзя доказать обратимость [этих посылок]; например, если бы кто-нибудь полагал таким образом: «Так как ложно, что Б возможно не присуще ни одному А, то будет истинным, что оно не возможно не присуще ни одному А (ибо здесь имеется утверждение и отрицание). Но если это так, то правильно, что Б необходимо присуще некоторым А, а потому и А — некоторым Б. Но это невозможно». [Однако это не так], ибо если Б не *возможно* не присуще ни одному А, то не необходимо, чтобы оно было присуще некоторым А, ведь [выражение] «не *возможно* не присуще ни одному» имеет двоякий смысл: во-первых, быть необходимо присущим некоторым, во-вторых, быть необходимо не присущим некоторым. В самом деле, о том, что *необходимо* не присуще некоторым А, неправильно было бы сказать, что оно *возможно* не присуще всем А; точно так же о том, что *необходимо* присуще некоторым, неправильно было бы сказать, что оно *возможно* присуще всем. Поэтому если бы кто-нибудь полагал, что так как В не *возможно* присуще всем Д, то оно необходимо не присуще некоторым Д,— это было бы неправильно. Ибо В присуще всем Д; но так как оно в некоторых случаях *необходимо* присуще Д[4], то мы говорим, что оно не всем Д *возможно* присуще. Таким образом, [выражению] «быть возможно присущим всем» противостоят два [выражения]: «необходимо некоторым присуще» и «необходимо некоторым не присуще». И точно так же [противостоят два выражения выражению] «возможно не присуще ни одному». Таким образом, ясно, что если «возможно присуще» и «не может быть присуще» понимать так, как мы вначале определяли[5], то следует принять [как противостоящее] не только «необходимо некоторым присуще», но и «необходимо некоторым не присуще». Если же это принять, то ничего невозможного не вытекает, и никакого силлогизма, стало быть, не полу-

чится. Таким образом, из сказанного очевидно, что отрицательная посылка [о возможно присущем] необратима.

После того как это доказано, предположим, что А возможно не присуще ни одному Б, но возможно присуще всем В. Посредством обращения силлогизма здесь не получится, ибо уже было сказано, что такая посылка необратима. Но не получится здесь силлогизма и через невозможное, ибо если принять, что Б возможно [не] присуще [не] всем В, то ничего ложного отсюда не вытекает, так как А возможно и присуще всем В, и не присуще ни одному В. Вообще же, если силлогизм здесь и получается, то ясно, что он будет о возможно присущем (ибо ни одна из его посылок не берется как посылка о [просто] присущем) и заключение его должно было бы быть либо утвердительным, либо отрицательным; но ни то ни другое не допустимо. В самом деле, если предположить, что заключение силлогизма утвердительное, то посредством [его] терминов можно доказать, что [сказываемое] не может быть присуще [предмету]. Если же предположить, что заключение отрицательное, то можно доказать, что оно не о возможно присущем, а о необходимо присущем. В самом деле, пусть А будет белое, Б — человек, а В — лошадь. В таком случае А, белое, возможно присуще всем [Б] и возможно не присуще ни одному [В]. Но Б не *возможно* присуще и не *возможно* не присуще В. Что [Б] не *возможно* присуще [В], это очевидно, ибо ни одна лошадь не есть человек, но [Б] и не *возможно* не присуще [В], так как ни одна лошадь *необходимо* не есть человек. Ведь необходимое, как было сказано, не есть возможное[3]. Следовательно, силлогизма здесь не получится. Подобным же образом доказывается, если перенести отрицание или если обе посылки взяты утвердительными или отрицательными. Доказывается это посредством тех же терминов. [Силлогизма не будет и тогда], когда одна посылка общая, а другая — частная, или обе частные, или неопределенные, или посылки изменены как-то иначе. Доказывается это всегда посредством тех же терминов. Таким образом, очевидно, что никакого силлогизма не получится, если обе посылки — о возможно присущем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[Силлогизмы по второй фигуре, в которых одна посылка — о присущем, а другая — о возможно присущем]

Если одна посылка — о присущем, а другая — о возможно присущем, и притом утвердительная посылка — о присущем, а отрицательная — о возможно присущем, то никогда не получится силлогизма, все равно, взяты ли термины в общих или в частных посылках. Доказывается это так же, [как и раньше], и посредством тех же терминов[1]. Но если утвердительная посылка — о возможно присущем, а отрицательная — о присущем, то силлогизм получится. В самом деле, допустим, что А не присуще ни одному Б и возможно присуще всем В. По обращении отрицательной посылки Б не будет присуще ни одному А, но А — возможно присуще всем В. Получается через первую фигуру силлогизм о том, что Б возможно не присуще ни одному В[2]. Подобным же образом будет обстоять дело и в том случае, если отрицание отнесено к В. Если же обе посылки — отрицательные и одна — о том, что не присуще, а другая — о том, что возможно не присуще, то из этих принятых посылок ничего не вытекает с необходимостью; но если посылку о возможно присущем подвергнуть превращению, то получится силлогизм о том, что Б возможно не присуще ни одному В, как и в предыдущих случаях[3], и снова получится первая фигура. Если же обе посылки — утвердительные, то силлогизма не будет. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: здоровье — живое существо — человек; для случая, [когда он ему] не присущ: здоровье — лошадь — человек.

Так же будет обстоять дело и с частными силлогизмами. В самом деле, когда утвердительная посылка —
38a о присущем, все равно, общая ли она или частная, никакого силлогизма не будет. Доказывается это подобным же образом и посредством тех же терминов, что и раньше[4]. Когда же посылка о присущем — отрицательная, силлогизм получится посредством обращения, как и в предыдущих случаях[5]. Далее, если обе посылки — отрицательные, а посылка о том, что не присуще, — общая, то из самих этих посылок ничего не вытекает с необходимостью. Но если посылку о возможно прису-

щем подвергнуть превращению, как в предыдущих случаях[6], то силлогизм получится. Если же посылка о присущем частноотрицательная, то силлогизма не получится, все равно, будет ли другая посылка утвердительной или отрицательной. Не получится силлогизма и в том случае, когда обе посылки — неопределенные, все равно, утвердительные ли они, или отрицательные, или частные. Доказывается это точно так же и посредством тех же терминов[4].

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[Силлогизмы по второй фигуре, в которых одна посылка — о необходимо присущем, а другая — о возможно присущем]

Если одна из посылок — о необходимо присущем, а другая — о возможно присущем, и при этом о необходимо присущем — отрицательная посылка, то получится силлогизм не только о том, что возможно не присуще, но и о том, что не присуще. Если о необходимо присущем — утвердительная посылка, то силлогизма не будет. В самом деле, предположим, что А необходимо не присуще ни одному Б и возможно присуще всем В. Если же отрицательную посылку подвергнуть обращению, то Б [необходимо] не будет присуще ни одному А. Но предположено, что А возможно присуще всем В. Таким образом, снова получается через первую фигуру силлогизм о том, что Б возможно не присуще ни одному В. Но вместе с тем ясно и то, что Б не присуще ни одному В. В самом деле, предположим, что Б присуще [некоторым В]. Следовательно, если А не может быть присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В, то А не может быть присуще некоторым В. Но ведь было принято, что А возможно присуще всем В. Таким же образом доказывается это и в том случае, если отрицание отнести к В. Далее, пусть утвердительная посылка будет о необходимо присущем, другая же — о возможно присущем, и пусть А возможно не присуще ни одному Б и необходимо присуще всем В. При таком отношении терминов никакого силлогизма не получится, ибо оказывается, что Б необходимо не присуще В. В самом деле, пусть А будет белое, то, что обозначает Б,— человек, то, что обозначает В,— лебедь; в таком случае белое необходимо присуще лебедю, но

возможно не присуще ни одному человеку, а быть человеком необходимо не присуще ни одному лебедю. Таким образом, очевидно, что не получится силлогизма о возможно присущем, ибо необходимое, как было сказано [1], не есть возможное. Но не получится силлогизма и о необходимо присущем, ибо заключение о необходимо присущем вытекает или из двух посылок о необходимо присущем, или из одной, если она отрицательная [2]. Кроме того, при таких предположениях Б может быть присуще В, ибо ничто не мешает, чтобы В было подчинено Б, а А возможно присуще всем Б и необходимо присуще В, например если В будет бодрствующий, Б — живое существо, а то, что́ обозначает А,— движение. В самом деле, бодрствующему движение необходимо присуще, а всякому живому существу — возможно присуще, причем всякое бодрствующее есть живое существо. Очевидно, таким образом, что не получится силлогизма и о том, что не присуще, поскольку при таком отношении терминов заключение будет о необходимо присущем. Не получится силлогизма и при противолежащих друг другу утверждениях. Так что здесь [вообще] не получится никакого силлогизма. Подобным же образом доказывается и в том случае, если утвердительная посылка будет переставлена. Если же посылки однородны и отрицательны, то всегда получается силлогизм посредством превращения посылки о возможно присущем, как в предыдущих случаях [3]. В самом деле, предположим, что А необходимо не присуще Б и возможно не присуще В. Если посылки подвергнуть превращению, то Б не будет присуще ни одному А, а А будет возможно присуще всем В. В таком случае получается первая фигура. Точно так же будет, если отрицание отнести к В. Если же обе посылки — утвердительные, то силлогизма не будет, ибо очевидно, что здесь не получится силлогизма ни о том, что не присуще, ни о том, что необходимо не присуще, так как здесь не взята какая-либо отрицательная посылка — ни о том, что не присуще, ни о том, что необходимо не присуще. Однако и о том, что возможно не присуще, не получится силлогизма, ибо при таком отношении терминов Б необходимо не присуще В, как, например, если предположить, что А есть белое, то, что обозначает Б,— лебедь, а В — человек. Из противолежащих утверждений заключения также не получится, так как уже было

показано [4], что Б необходимо не присуще В. Таким образом, силлогизма здесь вообще не получается.

Подобным же образом будет обстоять дело и с частными силлогизмами. А именно, когда отрицательная посылка — общая и о необходимо присущем, всегда получится силлогизм и о том, что возможно присуще, и о том, что не присуще (доказывается это посредством обращения). Когда же общей и о необходимо присущем будет утвердительная посылка, никогда силлогизма не получится, что может быть доказано таким же образом, как при общих силлогизмах, и посредством тех же терминов [5]. Не будет силлогизма и тогда, когда обе посылки — утвердительные, и это доказывается так же, как и раньше [6]. Когда же обе посылки — отрицательные, а посылка о том, что не присуще, будет общей и выражающей необходимость, то из самих принятых посылок нельзя вывести заключение о необходимо присущем; но если посылку о возможно присущем подвергнуть превращению, то заключение получится, как и в предыдущих случаях [7]. Если же обе посылки — неопределенные или частные, то силлогизма не будет. Доказывается это таким же образом и посредством тех же терминов [8].

Итак, из сказанного очевидно, что если отрицательная посылка — общая и о необходимо присущем, то всегда получается силлогизм не только о том, что возможно не присуще, но и о том, что не присуще; если же утвердительная посылка — общая и о необходимо присущем, то силлогизма никогда не получится. Очевидно также и то, что если при таком же отношении терминов посылки будут о необходимо присущем или о присущем, то силлогизм и получается и не получается. Ясно и то, что все эти силлогизмы несовершенные и что они становятся совершенными посредством ранее указанных фигур.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

[Силлогизмы по третьей фигуре, которых обе посылки — о возможно присущем]

В последней фигуре получится силлогизм и когда обе посылки будут о возможно присущем, и когда таковой будет лишь одна посылка. Когда же посылки — о возможно присущем, заключение также будет

о возможно присущем; и точно так же тогда, когда одна посылка — о возможно присущем, а другая — о присущем. Когда же одна посылка — о необходимо присущем, и притом она утвердительная, не будет никакого заключения — ни о необходимо присущем, ни о присущем. Но если она отрицательная, то получится заключение о том, что не присуще, как и в предыдущих случаях [1]. Однако и здесь возможное в заключениях следует понимать так же, как прежде [2].

Пусть сперва обе посылки будут о возможно присущем, и А и Б пусть будут возможно присущи всем В. Так как [обще]утвердительная посылка обратима в частную, а Б возможно присуще всем В, то и В возможно присуще некоторым Б. Так что если А возможно присуще всем В, а В — некоторым Б, то необходимо, чтобы и А было возможно присуще некоторым Б; получается первая фигура. И если А возможно не присуще ни одному В, а Б присуще всем В, то необходимо, чтобы и А было возможно не присуще некоторым Б; посредством обращения снова получится первая фигура. Если же обе посылки отрицательные, то из них самих ничего необходимого не вытекает; но если эти посылки подвергнуть превращению, то силлогизм получится, как и в предыдущих случаях. В самом деле, если А и Б возможно не присущи В, то при замене этих посылок посылками о возможно присущем снова получится первая фигура посредством обращения. Если же один из крайних терминов содержится в общей посылке, а другой — в частной и оба они находятся друг к другу в том же отношении, что и в посылках о присущем [3], то силлогизм и получится и не получится. В самом деле, пусть А будет возможно присуще всем В, а Б — некоторым В. Тогда посредством обращения частной посылки снова получится первая фигура, ибо если А возможно присуще всем В, а В — некоторым Б, то А возможно присуще некоторым Б. И точно так же, если БВ — общая посылка. Равным образом если посылка АВ — отрицательная, а БВ — утвердительная. И здесь посредством обращения получится первая фигура. Но если обе посылки — отрицательные, и притом одна — общая, а другая — частная, то из них самих не получится силлогизма, однако если их подвергнуть превращению, то силлогизм получится, как и
39b в предыдущих случаях [4]. Наконец, если обе посылки —

неопределенные или частные, то силлогизма не получится, ибо в этом случае А необходимо и присуще всем Б и не присуще ни одному Б. Терминами для случая, когда А присуще Б, пусть будут: живое существо — человек — белое; а для случая, когда А не присуще: лошадь — человек — белое. Средним термином пусть будет белое.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[Силлогизмы по третьей фигуре, в которых одна посылка — о присущем, а другая — о возможно присущем]

Если же одна из посылок — о присущем, а другая — о возможно присущем, то заключение будет о возможно присущем, а не о присущем. Силлогизм же получится, если термины будут находиться друг к другу в том же отношении, что и в предыдущих случаях[1]. В самом деле, пусть сперва посылки будут утвердительными и пусть А будет присуще всем В, а Б — возможно присуще всем В. Если БВ подвергнуть обращению, то получится первая фигура и заключение будет о том, что А возможно присуще некоторым Б, ибо если одна из посылок в первой фигуре — о возможно присущем, то и заключение будет о возможно присущем. Точно так же — если БВ есть посылка о присущем, а АВ — о возможно присущем. И если АВ — посылка отрицательная, а БВ — утвердительная и, кроме того, одна из посылок, все равно какая,— о присущем, то в обоих случаях заключение будет о возможно присущем, ибо здесь снова получается первая фигура, а было показано[2], что если одна из посылок в ней — о возможно присущем, то и заключение будет о возможно присущем. Но если отрицательная посылка о возможно присущем содержит меньший крайний термин или обе посылки отрицательные, то из самих принятых посылок не получится силлогизма. Если же эти посылки подвергнуть превращению, то силлогизм получится, как и в предыдущих случаях[3].

Если же одна из посылок — общая, а другая — частная и обе — утвердительные или общая посылка — отрицательная, а частная — утвердительная, то силлогизм получится таким же образом, ибо все они

осуществляются через первую фигуру. Поэтому очевидно, что силлогизм будет о возможно присущем, а не о присущем. Если же утвердительная посылка — общая, а отрицательная — частная, то доказательство ведется через невозможное. В самом деле, пусть Б будет присуще всем В, а А возможно не присуще некоторым В; тогда необходимо, чтобы А было возможно не присуще некоторым Б. Ибо если бы А было необходимо присуще всем Б, а Б, согласно предположению, присуще всем В, то А было бы необходимо присуще всем В, как это было показано раньше [4]. Но ведь было предположено, что А некоторым В возможно не присуще.

Когда же обе посылки — неопределенные или частные, силлогизма не получится. Доказывается это так же, как и в предыдущих случаях, и посредством тех же терминов [5].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[*Силлогизмы по третьей фигуре, в которых одна посылка — о необходимо присущем, а другая — о возможно присущем*]

Если же одна из посылок — о необходимо присущем, а другая — о возможно присущем и обе — утвердительные, то силлогизм будет всегда о возможно присущем; когда же одна из посылок — утвердительная, а другая — отрицательная и утвердительная будет о необходимо присущем, силлогизм будет о том, что возможно не присуще; но если о необходимо присущем будет отрицательная посылка, то силлогизм будет и о том, что возможно не присуще, и о том, что не присуще. Силлогизма же о том, что необходимо не присуще, не получится, как нет его и в других фигурах. Пусть сперва термины будут взяты в утвердительных посылках, и А пусть будет необходимо присуще всем В, а Б — возможно присуще всем В. Так как А *необходимо* присуще всем В, а В некоторым Б *возможно* присуще, то и А будет некоторым Б *возможно* присуще, а не [действительно] присуще. Так было ведь в первой фигуре [1]. Подобным же образом доказывается, если БВ есть посылка о необходимо присущем, а АВ — о возможно присущем. Далее, пусть одна посылка будет утвердительной, а другая — отрицательной, и утвердительная пусть будет о необходимо присущем, а именно: пусть А воз-

можно не присуще ни одному В, а Б необходимо присуще всем В. В этом случае снова получится первая фигура; и так как отрицательная посылка будет о возможно присущем, то очевидно, что и заключение будет о возможно присущем, ибо, когда посылки в первой фигуре находились в таком отношении друг к другу, заключение было о возможно присущем [2]. Если же отрицательная посылка — о необходимо присущем, то заключение будет и о том, что возможно некоторым не присуще, и о том, что не присуще. В самом деле, допустим, что А необходимо не присуще В, а Б возможно присуще всем В. Если утвердительную посылку БВ подвергнуть обращению, то получится первая фигура и отрицательная посылка будет о необходимо присущем. Но когда посылки находились друг к другу в таком отношении, следовало, что А некоторым В то возможно не присуще, то не присуще [3]. Так что необходимо, чтобы А было не присуще некоторым Б. Но если отрицание отнести к меньшему крайнему термину и посылка будет о возможно присущем, то при превращении посылки [в утвердительную] силлогизм получится, как и в предыдущих случаях [4]. Если же [отрицательная посылка] будет о необходимо присущем, то силлогизма не получится, ибо в таком случае [А] и необходимо присуще всем [Б], и не может быть присуще ни одному [Б]. Терминами для случая, [когда А] присуще всем [Б], пусть будут: сон — спящая лошадь — человек; а для случая, [когда оно] не присуще ни одному [Б]: сон — бодрствующая лошадь — человек.

Равным образом будет обстоять дело, если один из крайних терминов по отношению к среднему термину будет взят в общей посылке, а другой — в частной, ибо если обе посылки — утвердительные, то силлогизм будет о возможно присущем, а не о присущем; то же самое будет, когда одна из посылок — отрицательная, а другая — утвердительная, и утвердительная — о необходимо присущем. Когда же о необходимо присущем будет отрицательная посылка, заключение будет о том, что не присуще. Доказывается это одним и тем же способом, все равно, взяты ли термины в общих или в частных посылках. В самом деле, необходимо, чтобы силлогизмы становились совершенными посредством первой фигуры, поэтому и здесь, [в третьей фигуре], как

и там, [в первой фигуре], необходимо получается то же самое. Когда же общеотрицательная посылка содержит меньший крайний термин, силлогизм получится посредством превращения ее [в утвердительную], если она будет о возможно присущем; но если она о необходимо присущем, то силлогизма не получится. И доказывается это так же, как и при общих посылках, и посредством тех же терминов[5]. Итак, относительно этой фигуры очевидно, когда и каким образом получается в ней силлогизм, а также когда силлогизм бывает о возможно присущем и когда — о присущем. Ясно также, что все эти силлогизмы несовершенные и что все они становятся совершенными посредством первой фигуры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Условия построения всех силлогизмов по первой фигуре. Непосредственные и условные силлогизмы*]

Из сказанного ясно, что силлогизмы в только что рассмотренных фигурах становятся совершенными лишь посредством силлогизмов первой фигуры, имеющих общее заключение, и к ним сводятся[1]. Но что так обстоит дело со всяким вообще силлогизмом, — это сразу станет очевидным, как только будет доказано, что всякий силлогизм получается по одной из этих фигур.

Так вот, необходимо, чтобы каждое доказательство и каждый силлогизм показали, что нечто или присуще, или не присуще, притом или как общее, или как частное, и далее — или непосредственно, или исходя из предположения. Доказательство через невозможное есть часть доказательства, исходящего из предположения. Сперва мы будем говорить о прямых доказательствах, ибо после уяснения их станут очевидными и доказательства через невозможное, и вообще доказательства, исходящие из предположения.

Итак, если нужно вывести заключение о том, что А присуще или не присуще Б, то для этого необходимо принять что-то относительно чего-то. Если же относительно Б принять А, то будет принято то, что́ с самого начала [требовалось доказать]. Если же принято А относительно В, а В не принято относительно чего-либо и ничто другое не принято ни относительно В, ни относительно А, то силлогизма не получится, ибо из того, что нечто одно принято относительно другого, еще ничего

с необходимостью не вытекает. Следовательно, нужно присовокупить еще одну посылку. Таким образом, если А принято относительно чего-то другого, или что-то другое — относительно А, или нечто иное — относительно В, то ничто не мешает получить силлогизм, однако в отношении Б из принятого ничего не вытекает. Если В присуще чему-то, а это — чему-то другому, а это другое — еще чему-то иному и ничто из всего этого не связано с Б, то также не получится силлогизма об отношении к Б. Ведь мы вообще говорили [2], что никогда не получится силлогизма, принимающего одно относительно другого, если не берется что-то среднее, что через сказывания находилось бы в каком-то отношении к каждому из двух [других терминов], ибо силлогизм вообще образуется из посылок, силлогизм об этом вот — из посылок об этом же, а силлогизм об отношении вот этого к этому — посредством посылок об отношении вот этого к этому. Нельзя, однако, принять какую-либо посылку, касающуюся Б, если о нем ничего не утверждается и ничего относительно него не отрицается. Нельзя, далее, [принять посылку] об отношении А к Б, если не берется нечто общее им обоим, а [только] утверждается или отрицается нечто свойственное лишь каждому из них в отдельности. Следует поэтому брать нечто среднее между ними, что связывало бы сказывания, если только должен получиться силлогизм об отношении одного к другому. Таким образом, если необходимо принять нечто общее тому и другому, а это возможно трояким образом (а именно, или А сказывается о В, а В — о Б, или В — об обоих, или оба — о В), то получаются те фигуры, о которых мы говорили. Отсюда очевидно, что всякий силлогизм необходимо получается через какую-нибудь из этих фигур, ибо отношение остается все тем же и в том случае, если А связано с Б через большее число [промежуточных терминов]: ведь и при многих [таких терминах] фигура будет той же.

Таким образом, очевидно, что прямые доказательства ведутся посредством ранее указанных фигур. А что посредством этих же фигур ведутся также доказательства через невозможное, это ясно из следующего. А именно, все доказательства, ведущиеся через невозможное, умозаключают к ложному, а первоначально принятое они доказывают, исходя из предположения,

когда из признания того, что противоречит [первоначально принятому], вытекает нечто невозможное; например, несоизмеримость диагонали [со стороной квадрата] доказывают тем, что если признать их соизмеримость, то нечетное окажется равным четному [3]. Таким образом, то, что нечетное оказывается равным четному, выводится на основании умозаключения, а что диагональ несоизмерима [со стороной квадрата], доказывается исходя из предположения, так как из признания того, что́ противоречит [первоначально принятому], получается ложное, ведь умозаключать через невозможное, как было сказано, — значит доказывать нечто невозможное посредством первоначально допущенного предположения. Так как, следовательно, при приведении к невозможному ложный силлогизм получается прямым доказательством (а первоначально принятое доказывают исходя из предположения) и так как непосредственные силлогизмы, говорили мы раньше, строятся по тем же фигурам, то очевидно, что силлогизмы через невозможное также получаются по тем же фигурам. То же самое можно сказать и о всех других силлогизмах, исходящих из предположения, ибо во всех этих случаях силлогизм строится сообразно с допущением, заменяющим [первоначально принятое], а первоначально принятое достигается признанием или каким-нибудь другим предположением [4]. Если это правильно, то всякое доказательство и всякий силлогизм необходимо получаются посредством трех ранее указанных фигур. А если это доказано, то ясно, что всякий силлогизм становится совершенным посредством первой фигуры и может быть сведен к общим силлогизмам этой фигуры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[*Необходимость для каждого силлогизма иметь одну общую и одну утвердительную посылку*]

Далее, во всяком силлогизме один из терминов должен быть взят в утвердительной посылке и один — в общей посылке, ибо без общей посылки силлогизм или [вообще] не получится, или он не будет иметь отношение к положенному, или в нем будет постулироваться первоначально принятое. В самом деле, допустим, что должно быть доказано, что удовольствие, доставляемое

музыкой, достойно одобрения; если же полагают, что одобрения достойно удовольствие, не прибавляя [к «удовольствию»] «всякое», то силлогизма не получится. Если же признать, что некоторое удовольствие достойно одобрения, то, если [имеется в виду] другое [удовольствие, а не удовольствие, доставляемое музыкой], то это не имеет никакого отношения к положенному; а если [имеется в виду] то же самое [удовольствие], то берется первоначально [требуемое]. Еще яснее становится это при рассмотрении геометрических задач. Например, требуется доказать, что в равнобедренном треугольнике углы при основании равны [1]. Пусть линии А и Б будут проведены к срединной точке. Если принять, что угол АВ равен углу БД, не признавая при этом, что вообще [все] углы, опирающиеся на диаметр, равны между собой, и далее принять, что угол В равен углу Д, не добавляя при этом, что вообще все углы, противолежащие равным отрезкам окружности, равны между собой, и, наконец, принять, что, если от равных целых углов отнять равные же части, остаются равные между собой углы Е и З, не допуская при этом, что при отнятии равных частей от равных [величин] остаются равные [величины], то в таком случае постулируется первоначально принятое. Таким образом, очевидно, что во всяком силлогизме должна быть общая посылка, а также что общее доказывается только в том случае, если все термины взяты в общих посылках, тогда как частное может быть доказано и так, и иначе [2]. Так что если заключение общее, то и термины необходимо должны быть взяты в общих посылках. Если же термины взяты в общих посылках, то заключение может и не быть общим. Далее, ясно также, что во всяком силлогизме или обе посылки, или одна из них необходимо должны быть подобны заключению [3]. Я имею в виду не только то, что они должны быть утвердительными или отрицательными, но и то, что они должны быть о необходимо присущем, или о присущем, или о возможно присущем. Следует, однако, рассмотреть и другого рода сказывания.

Очевидно также и то, когда силлогизм вообще получится и когда нет, а также когда он возможный [4] и когда совершенный, и что если силлогизм получается, то термины должны находиться друг к другу в каком-либо из указанных выше отношени

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

[*Число терминов, посылок и заключений в силлогизме*]

Ясно также, что всякое доказательство ведется через три и не более терминов, разве только одно и то же заключение получается посредством разных [пар] посылок, как, например, [заключение] Е посредством А и Б и посредством В и Д или посредством А и Б, А, В и Д, ведь ничто не мешает, чтобы было больше средних терминов [для одних и тех же крайних]. Однако в этом случае будет не один, а много силлогизмов. Или, далее, если каждая из обеих посылок А и Б сама принимается посредством силлогизма, как, например, А посредством Д и Е, а Б, со своей стороны,— посредством З и И. Или одна посылка получается через наведение, а другая — посредством силлогизма. Но и в этом случае мы имеем много силлогизмов, ибо и заключений много, как, например, А, Б и В. Но даже если бы было не много силлогизмов, а всего один, то одно и то же заключение можно таким образом получить посредством более чем трех [терминов], но это невозможно в таких случаях, как тот, когда В [получается] посредством А и Б. В самом деле, пусть Е будет заключением из посылок А, Б, В и Д; тогда необходимо, чтобы одна находилась в таком отношении к другой, как целое к части, ведь раньше уже было показано[1], что если имеется силлогизм, то необходимо, чтобы некоторые термины находились именно в таком отношении друг к другу. Пусть так относится А к Б. Из этих посылок, следовательно, выводится какое-нибудь заключение, стало быть или Е, или одна из посылок В и Д, или какая-то другая помимо них.

Если же выводится Е, то силлогизм может получиться только из посылок А и Б. Но если В и Д относятся друг к другу как целое к части, то и из них выводится заключение — или Е, или одна из посылок А и Б, или какая-то другая помимо них. Если же выводится Е или одна из посылок А и Б, то или будет больше одного силлогизма, или же, чтó, как мы сказали[2], возможно, выводится одно и то же заключение из многих терминов. Далее, если [выводится] другое [заключение] помимо Е или одной из посылок А и Б, то получится больше силлогизмов, но не связанных между собой. Если же В не находится к Д в таком отношении,

чтобы получился силлогизм, то эти посылки взяты напрасно, разве только они взяты ради наведения, или для того, чтобы скрыть [заключение], или ради чего-то другого в этом роде[3]. Если же из А и Б получается не Е, но какое-то другое заключение, а из В и Д выводится или одна из этих двух посылок, [А и Б], или какая-то другая помимо них, то получится больше силлогизмов, но не о предположенном, ибо предположено было, что силлогизм имеет [своим заключением] Е. Наконец, если из В и Д не получается никакого заключения, то они оказываются взятыми напрасно и не получится силлогизма о первоначально принятом. Таким образом, очевидно, что всякое доказательство и всякий силлогизм возможны только посредством трех терминов.

Но если это очевидно, то ясно также и то, что [заключение силлогизма следует] из двух посылок и не больше (ибо три термина образуют две посылки), если только не прибавлять что-либо для того, чтобы сделать силлогизмы совершенными, как это было сказано вначале[4]. Отсюда очевидно, что если в силлогистическом рассуждении посылки, из которых выводится главное заключение (ведь некоторые из ранее сделанных заключений необходимо составляют посылки [для него]), нечетны по числу, то такое рассуждение или ничего не выводит, или оно умозаключает больше, чем необходимо для основного положения.

Итак, всякий силлогизм, если рассматривать силлогизмы в отношении главных посылок, будет состоять 42b
из четных по числу посылок и нечетных по числу терминов, ибо терминов всегда на единицу больше, чем посылок, а заключений будет вдвое меньше, чем посылок. Когда же заключение выводится посредством просиллогизмов или через несколько связанных друг с другом средних терминов (как, например, когда АБ выводится через В и Д), число терминов так же будет на единицу больше числа посылок (ибо, окажется ли дополнительный термин вне или среди прежних терминов, все равно в том и другом случае число промежутков[5] между терминами всегда бывает на единицу меньше, чем терминов), а число посылок равно числу таких промежутков. Однако число посылок не всегда будет четным, а число терминов — нечетным; бывает и наоборот: когда число посылок четное, число терминов нечетно; когда же число

терминов четное, число посылок нечетно, ибо вместе с термином всегда прибавляется и одна посылка, откуда бы ни прибавлялся термин. Поэтому так как [в простом силлогизме] число посылок, как мы видели, четное, число же терминов нечетное, то при одинаковом прибавлении необходимо происходит такая перемена. Заключения же не будут иметь такое [числовое] отношение ни с терминами, ни с посылками, ибо если будет прибавлен один термин, то будет увеличено также и число заключений и их будет на единицу меньше, чем было терминов, раньше взятых, ибо только с последним термином не образуется заключение, со всеми же остальными оно образуется. Например, если к А, Б и В прибавляется Д, то тотчас же прибавятся два заключения, а именно одно с А, другое с Б. Так же будет обстоять дело в других случаях [прибавления терминов], и, если [новый] термин окажется посредине, будет то же самое, ибо только для одного термина не будет построен силлогизм. И таким образом, заключений будет значительно больше, чем терминов и посылок [6].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

[Степень сложности обоснования и опровержения в каждой фигуре силлогизма]

Так как мы уже знаем, относительно чего строятся силлогизмы, а также какие заключения выводятся в каждой фигуре и сколькими способами, то для нас очевидно и то, какая проблема будет трудной и какая легкой. А именно легче [доказывать] то, чтó выводится в большем числе фигур и через большее число модусов, труднее же — то, что может быть доказано в меньшем числе фигур и через меньшее число модусов. Итак, общеутвердительное положение доказывается только по первой фигуре и через один-единственный модус [1]; [обще]отрицательное же — по первой и по средней фигуре, и притом по первой — через один-единственный модус, по средней же — через два модуса [2]; частноутвердительное — по первой и по последней фигуре, и притом по первой — через один-единственный модус, а по последней — через три модуса [3]. Частноотрицательное же положение доказывается по всем фигурам, но по первой — через один-единственный модус, по средней — через два модуса, а по последней — через три [4]. Отсюда

очевидно, что общеутвердительное положение обосновать труднее всего, а опровергнуть легче всего. Да и вообще опровергать общее легче, чем частное. Ибо общее опровергнуто, и когда [доказано], что нечто ни одному не присуще, и когда [доказано], что нечто некоторым не присуще, притом, когда нечто некоторым не присуще, это доказывается по всем фигурам; когда ни одному не присуще — по двум фигурам. Точно так же в отношении отрицательных положений. А именно, первоначально принятое опровергнуто и когда доказано, что нечто присуще всем, и когда — некоторым. А это, как мы видели, возможно по двум фигурам. Опровергать же частные положения возможно только одним способом, а именно если доказывается, что нечто всем присуще или ни одному не присуще. Но обосновать легче бывает частные положения, ибо они доказываются по большему числу фигур и через большее число модусов, [чем общие]. Вообще не следует упускать из виду, что опровергается одно через другое, а именно общее — через частное и частное — через общее, но обосновывать общее посредством частного невозможно, частное же посредством общего — можно. В то же время ясно, что опровергать [вообще] легче, чем обосновывать. 43а

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

[*Построение силлогизмов*]

Итак, из сказанного ясно, как получается всякий силлогизм, посредством какого числа терминов и посылок и в каком отношении друг к другу они должны находиться и, кроме того, какое положение доказывается по каждой фигуре, какое — в большем и какое — в меньшем числе фигур. Теперь следует сказать о том, каким образом мы для данного положения можем всегда иметь достаточно силлогизмов и каким путем мы каждый раз можем найти их начала, ибо надо, пожалуй, не только исследовать, из чего образуются силлогизмы, но и быть в состоянии их строить.

Из всего существующего иное таково, что оно не может истинно сказываться как общее о чем-либо другом, как, например, Клеон и Каллий и все единичное и чувственно воспринимаемое; но о них может сказываться остальное (ибо каждый из них есть человек и

живое существо). Иное из существующего таково, что хотя само оно о другом сказывается, но ничто другое, что [было бы] первее его, не сказывается[1]; остальное же таково, что и само сказывается о другом и другое — о нем самом, как, например, «человек» — о Каллии, а «живое существо» — о человеке. Ясно, таким образом, что иное из существующего по своей природе таково, что не может о чем-либо сказываться, ибо каждый чувственно воспринимаемый предмет, пожалуй, таков, что не может о чем-либо сказываться, разве что привходящим образом. Говорим же мы иногда, что то бледное есть Сократ, а то, что́ идет [к нам], — Каллий. Но что и при восхождении [к более общему] когда-нибудь следует остановиться, об этом мы еще скажем[2]; теперь же пусть это будет принято. Что же касается [наиболее общего], то нельзя доказать, что нечто другое о нем сказывается, разве только на основании мнения[3], но оно само может сказываться о другом. И точно так же единичное не сказывается о чем-то другом, но другое может сказываться о нем. Наконец, в отношении промежуточного между ними ясно, что возможно и то и другое, а именно и само оно сказывается о другом, и другое — о нем. Рассуждения и исследования имеют своим предметом главным образом, пожалуй, это промежуточное.

43b Посылки же о каждом предмете следует подбирать таким образом: сначала следует полагать в основу предмет, его определения и все то, что есть собственное для него; далее — то, что следует из [наличия] предмета, и с другой стороны, то, из [наличия] чего он следует, и, [наконец], то, что не может ему быть присуще. А то, чему предмет не может быть присущ, не надо брать, ибо [обще]отрицательные положения обратимы. Среди того, что следует из [наличия] предмета, необходимо различать то, что относится к его сути, то, что́ есть то или иное собственное для него, и то, что сказывается как привходящее, а из этого — то, что [приписывается ему] согласно мнению, и то, что [соответствует] истине. Ибо чем больше подобного рода [свойств] находят, тем скорее наталкиваются на заключение и, чем более истинными будут они, тем лучше доказывать. Надо при этом подбирать не то, что следует [лишь] из [наличия] отдельных случаев, а то, что следует из [наличия] предмета как целого, например не то, что сле-

дует [лишь] из [бытия] какого-то человека, а то, что следует из [бытия] всякого человека, ибо силлогизм возможен только посредством общих посылок [4]. Поэтому если посылка неопределенная, то неясно, общая ли она или нет; но если она определенная, то это очевидно. Равным образом нужно, по указанной причине, подбирать и то, из [наличия] чего как целого следует предмет. Само же то, что следует из [наличия] предмета, не надо брать как целое (я имею в виду, например, что из [бытия] человека не следует [бытие] всякого живого существа или из [наличия] искусства музыки — [наличие] всякого знания), а надо брать только то, что просто следует, так, как мы и выставляем посылки, ибо брать как целое то, что следует из [наличия] предмета, бесполезно и невозможно, например [сказать], что всякий человек есть всякое живое существо или что справедливость есть всякое благо. О том же, из [наличия] чего предмет следует, надо сказать, что оно из [наличия] всего его следует. Когда подлежащее, следствия из [наличия] которого надо найти, само объемлется чем-то другим, то не надо выбирать те, что следуют или не следуют из этого [более] общего (ибо они уже взяты [в подлежащем]. Ведь то, что следует из [бытия] живого существа, следует и из [бытия] человека, и точно так же относительно того, что не присуще), а надо брать то, что́ есть собственное для каждого [предмета], ибо имеется нечто такое, что́ помимо рода есть собственное для вида, ведь разным видам необходимо присуще то или иное собственное. И точно так же не надо [в качестве подлежащего] выбирать для общего то, из чего следует объемлемое им, например для живого существа — то, чему сопутствует человек, ибо если «человеку» сопутствует «живое существо», то оно необходимо сопутствует всему тому, чему сопутствует «человек». А оно более подходит для выбора [того, что́ свойственно] человеку. Надо брать и то, что в большинстве случаев следует из [наличия] предмета, равно и то, из [наличия] чего в большинстве случаев следует предмет. Ибо при доказательстве положений, касающихся происходящего в большинстве случаев, силлогизм также основан на посылках, из которых или все, или некоторые суть положения о происходящем в большинстве случаев, ведь заключение каждого силлогизма соответствует началам. Наконец,

не надо выбирать то, что следует из всех [крайних терминов], ибо из таких [посылок] не получится силлогизма [5], а по какой именно причине — это станет ясным в дальнейшем [6].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

[*Построение силлогизмов (продолжение)*]

Если хотят обосновать что-то относительно чего-то целого, то надо в отношении того, что́ обосновывается, смотреть, о каких подлежащих оно сказывается, а в отношении того, о чем оно должно сказываться, — что́ из него следует. Если же какое-нибудь из этих [подлежащих] окажется тождественным [с одним из сказуемых], то одно будет необходимо присуще другому [1]. Но если [надо обосновать], что нечто присуще не всем, а некоторым, то надо найти те [термины], из которых
44a следует то и другое [2], ибо если какой-нибудь из них окажется одним и тем же для обоих, то [сказуемое] необходимо будет присуще чему-то [из подлежащего]. Если же надо [обосновать], что [А] ни одному [Б] не присуще, то в отношении того, чему [А] не должно быть присуще, надо смотреть, что́ из него следует; а в отношении того, что́ должно быть не присуще, — что́ не может быть у него; или, наоборот: в отношении того, чему [А] должно быть не присуще, [надо смотреть], что же не может быть у него, а в отношении того, что́ не присуще, — что́ из него следует. И если какие-нибудь из этих [терминов] тождественны, то один не может быть присущ другому. Здесь получается силлогизм то по первой, то по средней фигуре. Наконец, если [надо обосновать], что [А] некоторым [Е] не присуще, то для [Е], которому оно не должно быть присуще, надо [найти] те [термины], из которых следует [Е], а для [А], которое не должно быть присуще,— те [термины], которые не могут быть ему присущи. Если же какой-нибудь из этих [терминов] окажется одним и тем же [для обоих], то [сказуемое] необходимо не присуще чему-то [из подлежащего]. Может быть, каждый из указанных случаев станет более ясным из следующего: пусть Б обозначает то, что следует из А; то, из чего следует А, пусть обозначает В, а то, что ему не может быть присуще,— Д. Далее, то, что присуще Е, пусть обозначает З; то, из чего следует Е, пусть обозначает Э,

а то, что ему не может быть присущим,— Ф. Итак, если некоторые В и некоторые З тождественны, то А необходимо присуще всем Е, ибо З присуще всем Е и А — всем В, а потому А присуще всем Е. Но если тождественны В и Э, то А необходимо присуще некоторым Е, ибо А следует из всех В, а Е — из всех Э. Если же тождественны З и Д, то А не будет присуще ни одному Е на основании просиллогизма. В самом деле, так как отрицательное [положение] обратимо, а З тождественно с Д, то А не будет присуще ни одному З, З же присуще всем Е. Далее, если тождественны Б и Ф, то А не присуще ни одному Е, ибо Б присуще всем А, но не присуще ни одному Е, ведь было предположено, что Б и Ф тождественны и что Ф не присуще ни одному Е. Если же тождественны Д и Э, то А не будет присуще некоторым Е, ибо оно не присуще Э, поскольку оно не присуще и Д. Но Э подчинено Е, а потому А не будет присуще некоторым Е. Наконец, если тождественными будут Б и Э, то получится силлогизм с подвергнутыми обращению посылками, а именно, Е будет присуще всем А, ведь Б присуще А и Е присуще Б (ведь было предположено, что Б тождественно с Э). С другой стороны, А не необходимо присуще всем Е, но некоторым Е оно необходимо присуще, так как общеутвердительная [посылка] обратима в частную.

Таким образом, очевидно, что при доказательстве каждого положения следует обращать внимание на указанные отношения [подлежащего и сказуемого], ибо на них основываются все силлогизмы. При этом и в отношении того, что следует из [подлежащего], и в отношении того, из чего следует [сказуемое], надлежит каждый раз обращать внимание в особенности на первое и общее, например в отношении Е — больше на КЗ, чем
только на З, в отношении А — больше на КВ, чем 44b
только на В, ибо если А присуще КЗ, то оно присуще также З и Е. Если же оно из КЗ не следует, то все же может следовать из З. Равным образом нельзя упускать из виду также то, из чего следует [А], ибо если [А] следует из первых [терминов], то оно следует также из того, чтó им подчинено; но если оно из них не следует, то все же оно может следовать из того, чтó им подчинено.

Ясно также, что исследование ведется посредством трех терминов и двух посылок и что все силлогизмы строятся через ранее указанные фигуры, ибо то, что

А присуще всем Е, доказывают, когда принято, что В и З тождественны. Это-то и будет средним термином, тогда как А и Е будут крайними терминами. Так получается первая фигура. Далее, то, что А присуще некоторым Е, доказывают, когда принято, что В и Э тождественны. А это последняя фигура, ибо средним термином будет Э. А что А не присуще ни одному Е, доказывают, когда тождественны Д и З. В этом случае получается и первая и средняя фигура: первая — потому, что А не присуще ни одному З, поскольку [обще]-отрицательная посылка обратима, тогда как З присуще всем Е; средняя же — потому, что Д не присуще ни одному А, но присуще всем Е. Наконец, то, что А не присуще некоторым Е, доказывают, когда тождественны Д и Э. А это последняя фигура. В самом деле, А не будет присуще ни одному Э, но Е будет присуще всем Э. Таким образом, очевидно, что все силлогизмы строятся через ранее указанные фигуры и что не надлежит выбирать такого [среднего термина], который следовал бы из любых [крайних терминов], ибо из таких [посылок] не получится никакого силлогизма. В самом деле, утвердительного заключения вообще нельзя получить (kataskeyadzein), если [средний термин] следует из [крайних]; но и отрицательного также нельзя получить посредством того, что следует из всех [крайних терминов], ибо [средний термин] одному должен быть присущ, а другому нет.

Очевидно также, что рассмотрение других случаев выбора [среднего термина] бесполезно для построения силлогизма, например если тождественны те [средние термины], которые следуют из каждого [крайнего], или то, из чего следует А, тождественно с тем, что не может быть присуще Е, или когда то, что не может быть присуще одному, тождественно с тем, что не может быть присуще другому, ибо из этого не получится силлогизма. Ведь если тождественны те [средние термины], которые следуют из [крайних], например Б и З, то получается средняя фигура с [двумя] утвердительными посылками. А если то, из чего следует А, тождественно с тем, что не может быть присуще Е, как, например, В и Ф, то получается первая фигура с отрицательной меньшей посылкой. Наконец, если то, что не может быть присуще одному, тождественно с тем, что не может быть присуще другому, как, напри-

мер, Д и Ф, то обе посылки будут отрицательными, притом или в первой, или в средней фигуре. Но при таких [условиях] никак нельзя построить силлогизм.

Ясно также, что в этом исследовании нужно найти те [термины], которые тождественны, а не те, которые различны или противоположны друг другу: во-первых, потому, что это исследование ведется ради среднего термина, а средним термином надо брать не различное, а тождественное; во-вторых, потому, что в тех случаях, когда силлогизм может получиться также посредством терминов, противоположных друг другу, или посредством таких, которые не могут быть присущи одному и тому же, все сводится к указанным выше модусам, например если Б и З противоположны друг другу или не могут быть присущи одному и тому же. В самом деле, если взять их, то получится заключение, что А не присуще ни одному Е. Однако оно не выводится из самих [посылок], а вытекает из указанного выше способа[3], ибо Б присуще всем А и не присуще ни одному Е, так что Б будет необходимо тождественно с некоторыми Ф. С другой стороны, если Б и Э не могут быть у одного и того же, то выводится заключение, что А не присуще некоторым Е. И таким образом получится средняя фигура, а именно Б присуще всем А и не присуще ни одному Е. Так что Б необходимо тождественно с некоторыми Ф, ибо «Б и Э не могут быть присущи одному и тому же» означает то же, что «Б тождественно с некоторыми Ф». Ведь Ф охватывает все, что не может быть присуще Е.

Очевидно, таким образом, что на основе самих этих способов рассмотрения не получается никакого силлогизма, но если Б и З противоположны друг другу, то Б необходимо будет тождественно с некоторыми Ф, и силлогизм посредством этих [терминов] получится. Поэтому бывает, что те, кто рассматривает таким образом, обращают внимание не на тот путь, который необходим, ибо упускают из виду тождество Б и Ф.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

[*Построение силлогизмов (продолжение)*]

Точно так же, как с непосредственными силлогизмами, обстоит дело и с силлогизмами, которые доказываются через приведение к невозможному, ибо и они

получаются посредством того, что следует из каждого [термина], и того, из чего он следует. Самый способ рассмотрения в обоих видах силлогизма — один и тот же. В самом деле, то, что доказывается прямо, может быть выведено и через невозможное посредством тех же терминов. И то, что доказывается через невозможное, может быть доказано и прямо, например что А не присуще ни одному Е. В самом деле, предположим, что оно некоторым Е присуще; тогда так как Б присуще всем А, а А — некоторым Е, то и Б будет присуще некоторым Е. Но ведь было предположено, что оно не присуще ни одному Е. Далее, [доказывается], что А присуще некоторым Е. Если А не присуще ни одному Е, а Е присуще всем Э, то А не будет присуще ни одному Э, но ведь было предположено, что оно присуще всем Э. Равным образом обстоит дело и с другими положениями, ибо всегда и во всех случаях доказательство через невозможное ведется исходя из того, что следует из [обоих терминов] и из чего следует каждый [из них]. И в отношении каждого положения способ исследования остается одним и тем же, желают ли умозаключать прямо или через приведение к невозможному, так как оба вида доказательства ведутся посредством одних и тех же терминов, как, например, доказывается, что если А не присуще ни одному Е, то выходит, что Б присуще некоторым Е, а это невозможно. Если же принять, что Б не присуще ни одному Е, но присуще всем А, то очевидно, что А не будет присуще ни одному Е. С другой стороны, если прямо умозаключают, что А не присуще ни одному Е, то при предположении, что оно некоторым Е присуще, будет доказано через невозможное, что оно не присуще ни одному Е. Равным образом обстоит дело и в других случаях, ибо во всех случаях необходимо взять отличный от данных терминов общий термин, к которому относится ложный силлогизм, так что если эту посылку подвергнуть превращению, а другую оставить, как она есть, то получится непосредственный силлогизм с теми же самыми терминами. Различается же непосредственный силлогизм от силлогизма через невозможное тем, что в непосредственном силлогизме обе посылки взяты истинными, тогда как в силлогизме через невозможное одна ложная.

Это станет еще более очевидным из последующего, когда мы будем говорить о невозможном[1]. Пока же должно быть нам ясно то, что, желают ли умозаключать прямо или через приведение к невозможному, искать следует одни и те же [термины]. В других силлогизмах, исходящих из предположения, как, например, по подстановке или по качеству[2], доказательство ведется посредством данных терминов, взятых не с самого начала, а по подстановке. Способ же исследования — тот же самый. При этом надлежит, однако, смотреть, сколько имеется видов силлогизмов, исходящих из предположения[3], и различить их.

Итак, каждое положение может быть доказано указанным образом. Но некоторые положения могут быть доказаны еще и иным способом, например общие положения — рассмотрением частного, притом исходя из некоторого предположения. В самом деле, если В и Э тождественны и принимается, что Е присуще только Э, то А будет присуще всем Е. С другой стороны, если Д и Э тождественны и Е сказывается только об Э, то А не будет присуще ни одному Е. Отсюда очевидно, что и этим способом нужно вести исследование. Тот же способ следует применить и к силлогизмам о необходимо и возможно присущем, ибо способ рассмотрения — тот же самый[4], и посредством терминов, расположенных в том же порядке, будет силлогизм о присущем и о возможно присущем. Возможность же следует понимать и в том смысле, что то, что не присуще, может быть присуще, ибо было показано[5], что силлогизм о возможно присущем получается также посредством таких посылок. Равным образом обстоит дело и с другими видами сказывания.

Из сказанного очевидно не только то, что этим путем можно получать все силлогизмы, но и то, что их невозможно получить никаким иным, ибо доказано, что всякий силлогизм получается по одной из указанных выше фигур, а эти фигуры не могут строиться иначе как только посредством того, что следует из [данных терминов], и того, из чего следует каждый [из них], ибо из них образуются посылки и берется средний термин, так что по какому-либо 46a другому способу получить силлогизм невозможно.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

[*Применение рассмотренного в предыдущих главах способа доказательства*]

Итак, для всех путь [доказательства] один и тот же: и в философии, и в любом искусстве, и в учении. В самом деле, в отношении каждого [из терминов] следует обратить особое внимание на то, чтó присуще, и на то, чему присуще, иметь их как можно больше и рассмотреть их посредством трех терминов: при опровергании — одним способом, при обосновании — другим; и для [достижения] истины следует исходить из [посылок], которые устанавливают, что [что-то] действительно присуще. В отношении же диалектических силлогизмов — исходить из правдоподобных посылок. Что же касается начал силлогизмов, как они относятся друг к другу и каким способом их следует искать, то об этом в общих чертах уже было сказано, а именно что не следует обращать внимание на все, что говорится [о данных терминах], и на одно и то же при обосновании и опровергании, равно как и при обосновании чего-то относительно всего или кое-чего, и при опровергании всего или кое-чего, но что следует обратить внимание на немногое и определенное. Из существующего следует выбирать [начала] каждое в отдельности, как, например, [если речь идет] о благе или о знании. Большинство [начал] каждой [науки] свойственно лишь ей. Поэтому дело опыта — доставлять начала каждого [явления]. Я имею в виду, например, что опыт в знании о небесных светилах должен доставлять начала для учения о небесных светилах, ибо лишь тогда, когда имеется достаточное число наблюдений небесных явлений, можно найти доказательства в учении о небесных светилах. Равным образом обстоит дело и во всяком другом искусстве и науке, так что лишь после того, как в отношении каждого предмета постигнуто то, что ему присуще, мы должны быть готовы прямо представить доказательства. В самом деле, если в исследовании не упущено ничего из того, что действительно присуще предметам, мы будем в состоянии для всего, доказательство чего [вообще] имеется, таковое найти и дать; в тех же случаях, где доказательство по самой природе вещей невозможно, — показать эту [невозможность].

Итак, о том, каким способом следует выбирать посылки, в общих чертах уже сказано. Подробно это нами изложено в сочинении о диалектике[1].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[*Деление, его применение и злоупотребление им*]

Легко усмотреть, что деление по родам[1] есть лишь небольшая часть указанного нами способа исследования. В самом деле, деление есть как бы бессильный силлогизм, ибо то, что должно быть доказано, оно постулирует, при этом всегда выводится что-то более общее, [чем то, что должно быть доказано]. Но как раз это и было прежде всего упущено из виду всеми теми, кто пользуется делением[2], и они пытались убеждать, будто делением можно давать доказательство о сущности и сути вещи. Поэтому они не поняли ни того, что, применяя деление, можно вывести некоторые заключения, ни того, что их можно было вывести так, как мы указали[3]. В доказательствах же, когда следует вывести заключение о присущности, средний термин, посредством которого получается силлогизм, должен быть всегда у́же, чем первый крайний термин, и сказываться 46b о нем не как общее. Деление же стремится к обратному, ибо средним термином оно берет общее. В самом деле, пусть А обозначает живое существо, Б — смертное, В — бессмертное, а Д — человека, определение которого должно быть дано. Итак, [производящий деление] принимает, что всякое живое существо или смертно, или бессмертно; это значит, что все, что есть А, есть или Б, или В. Далее, тот, кто производит деление, всегда относит человека к живым существам и таким образом принимает, что А присуще Д. Следовательно, заключение здесь о том, что всякое Д есть или Б, или В, стало быть, человек необходимо или смертен, или бессмертен. Но что живое существо смертно, это не необходимо [из этого вытекает], а постулируется. Между тем это есть как раз то, что должно было быть выведено. И далее, кто принимает, что А есть смертное живое существо, Б — имеющее ноги, В — безногое и Д — человек, тот точно так же принимает, что А содержится либо в Б, либо в В (ибо всякое смертное живое существо есть или существо, имеющее ноги, или безногое) и что А сказывается о Д (ведь было принято, что

человек есть смертное живое существо). Таким образом, с необходимостью следует [лишь] то, что человек есть живое существо, или имеющее ноги, или безногое; однако что он имеет ноги — это отсюда не вытекает с необходимостью, а принимается, между тем это было как раз то, что̀ в свою очередь требовалось доказать. И таким же образом всегда бывает, что производящие деление средним термином берут общее, а крайними терминами — то, что̀ требуется доказать, и видовые отличия. В конце концов производящие деление ничего отчетливого не говорят о том, что̀ есть человек (или что-либо другое искомое), так, чтобы это было необходимым следствием [4], ибо они идут по совершенно другому пути, не подозревая, что имеются доступные средства [доказательства]. Очевидно также, что при помощи этого способа исследования нельзя ни опровергать что-либо, ни умозаключать к чему-то привходящему, или к свойственному лишь [данному предмету], или к роду и в тех случаях, когда неизвестно, обстоит ли дело так или иначе, как, например, соизмерима ли или нет диагональ [со стороной квадрата]. Ведь если принять, что всякая длина или соизмерима, или несоизмерима, диагональ же есть длина, то можно заключить [лишь] то, что диагональ соизмерима или несоизмерима. Если же принять, что она несоизмерима, то [этим] принимается то, что̀ еще должно быть выведено силлогизмом. Стало быть, нельзя этим доказать [то, что до̀лжно доказать]. Ведь это есть как раз путь, каким нельзя доказывать. Пусть несоизмеримое или соизмеримое обозначает А, длину — Б, диагональ — В. Очевидно, таким образом, что этот способ рассмотрения годится не для всякого исследования и бесполезен даже в тех случаях, где он, казалось бы, больше всего подходит.

Из сказанного, таким образом, видно, посредством чего получаются доказательства и каким именно способом, а также на что следует обращать внимание при рассмотрении каждого отдельного положения.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

[*Подбор посылок и среднего термина*]

После всего этого следует сказать о том, каким об-
47a разом можно все силлогизмы свести к ранее указанным фигурам, ведь эта часть остается еще не рассмотренной.

В самом деле, если мы исследуем способ образования силлогизмов [1] и будем в состоянии находить их [2] и, кроме того, полученные силлогизмы сводить к ранее указанным фигурам [3], то этим первоначальное намерение будет исполнено. Тем, что сейчас должно быть сказано, будет в то же время подтверждено сказанное раньше, и станет более очевидным, что дело действительно обстоит так, ибо все истинное должно во всех отношениях быть согласно с самим собой.

Прежде всего нужно стараться получать обе посылки силлогизма (ибо легче разделить нечто на бóльшие, чем на меньшие, части [4]; а составное больше, чем те части, из которых оно составляется). Затем необходимо рассмотреть, какая посылка общая и какая частная, и если даны не обе посылки, то одну из них следует добавить. Ведь иногда выставляют общую посылку и не указывают той, которая ей подчинена, ни письменно, ни в рассуждении. Или выставляют самые посылки, но упускают из виду то, посредством чего к ним приходят, и задают об этом бесполезные вопросы. Следует поэтому смотреть, не взято ли что-то лишнее и не упущено ли нечто необходимое, и [если да, то] одно надо добавить, а другое исключить, пока не будут получены обе посылки, ибо без них нельзя свести к [форме силлогизма] доводы, о которых так ставится вопрос. В одних случаях бывает легко усмотреть недостающее, в других же это остается незамеченным и только кажется, что выводится заключение, ввиду того что из положенного нечто вытекает с необходимостью, как, например, если принять, что сущность не уничтожается через уничтожение того, что́ не есть сущность, и что через уничтожение частей уничтожается и то, что́ из них состоит. Если признать эти положения, то хотя из них следует, что часть сущности необходимо есть сущность, однако это не есть силлогизм из принятого, ибо здесь недостает посылок. Далее, [когда принимают]: если есть человек, то необходимо есть и живое существо, и если есть живое существо, то необходимо есть и сущность; [следовательно], если есть человек, то необходимо есть и сущность. Но это еще не силлогизм, ибо посылки не находятся здесь друг к другу в таком отношении, какое было указано нами. В подобного рода случаях мы потому впадаем в ошибку, что из положенного вытекает нечто необходимое, а силлогизм

также есть нечто необходимое. Однако необходимое простирается на большее, чем силлогизм, ибо хотя всякий силлогизм и есть нечто необходимое, но не все необходимое есть силлогизм. Вот почему если что-то вытекает из каких-либо положений, то не следует тотчас же пытаться свести это [к силлогизму], а нужно сперва найти две посылки, а затем их разделить на термины, взяв средним термином тот, о котором говорится в обеих посылках, ибо средний термин необходимо должен находиться в обеих посылках при всех фигурах.

47b Итак, если средний термин сказывается об одном [из крайних], а другой — о среднем или если сам он сказывается об одном, а другой что-то отрицает относительно него, то получится первая фигура. Если же средний термин об одном сказывается, а относительно другого что-то отрицает, то получится средняя фигура. Если же крайние о нем сказываются или один что-то отрицает относительно него, а другой о нем сказывается, то получится последняя фигура, ибо таково, как было сказано[5], положение среднего термина в каждой фигуре. Подобным же образом обстоит дело, если посылки необщие, ибо определение среднего термина остается тем же. Отсюда очевидно, что если в каком-либо доводе один и тот же термин не повторяется, то силлогизма не получится, ибо не взят средний термин. И так как мы знаем, какое положение выводится по какой фигуре, т. е. по какой из них выводится общее и по какой — частное, то ясно, что, [доказывая] то или иное положение, следует иметь в виду не все фигуры, а соответствующую. В отношении же того, что выводится по нескольким фигурам, мы узнаем фигуру по положению среднего термина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Ошибки из-за непонимания разницы между «присуще этому» и «присуще всему этому»*]

Итак, часто бывает, что при построении силлогизмов впадаем в ошибки из-за того, что [неправильно понято] необходимое, как об этом было сказано раньше[1], но иногда и ввиду сходства положения терминов, чтó не должно ускользать от нашего внимания. Например, если А говорится о Б, а Б — о В, могло бы

казаться, что при таком отношении терминов силлогизм возможен, однако отсюда не получается ни чего-то необходимого, ни силлогизма. В самом деле, пусть А обозначает быть всегда, Б — мыслимый Аристомен, а В — Аристомен. В таком случае будет истинным, что А присуще Б, ибо мыслимый Аристомен существует всегда, но и Б присуще В, ибо Аристомен есть мыслимый Аристомен. Однако А не присуще В, ибо Аристомен преходящ. В самом деле, силлогизм не получился при таком отношении терминов; для того чтобы получился силлогизм, следовало бы посылку АБ взять общей, однако было бы ложно предполагать, что всякий мыслимый Аристомен существует всегда, так как Аристомен преходящ. Далее, пусть В обозначает Миккала, Б — образованного Миккала, а А — «погибать завтра». В таком случае правильно высказывать Б о В, ибо Миккал есть образованный Миккал; также правильно, что А сказывается о Б, ибо образованный Миккал возможно завтра погибнет. Но неправильно высказывать А о В. Этот случай сходен с предыдущим; ибо неверно как нечто общее, что образованный Миккал завтра погибнет, но раз это не было принято, то не было и силлогизма. Эта ошибка проистекает, таким образом, из-за весьма незначительного различия, ибо мы не можем не согласиться, что утверждение «это присуще этому» почти ничем не отличается от утверждения «это присуще всему этому».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[*Ошибки, основанные на неправильном выражении терминов*]

48a Часто же мы ошибаемся и потому, что термины, содержащиеся в посылке, представлены не надлежащим образом, например если А есть здоровье, Б обозначает болезнь, а В — человека. Правильно будет сказать, что А не может быть присуще ни одному Б (ведь никакой болезни не присуще здоровье), а с другой стороны, что Б присуще каждому В (ибо каждый человек подвержен болезни). Может показаться, что отсюда следует, что ни одному человеку не может быть присуще здоровье. Дело в том, что термины даны в речи не надлежащим образом; ибо не получится силлогизма, когда вместо состояния берется то, что находится в этом состоянии, например вместо «здоровья» — «здоровое», а

вместо «болезнь» — «больное», ибо будет неправильным сказать, что больному не может быть [когда-нибудь] присуще быть здоровым. Но если это не было принято, то силлогизма не получится, разве только о допустимом, что вполне мыслимо, ибо допустимо, что ни одному человеку не присуще здоровье. Далее, в средней фигуре равным образом может получиться нечто ложное, ибо здоровье не может быть присуще никакой болезни, но возможно присуще каждому человеку, и потому допустимо, что ни одному человеку не присуща болезнь. В третьей же фигуре ложное получается в отношении допустимости, ибо и здоровье и болезнь, а также знание и незнание и вообще противоположности могут быть присущи одному и тому же, но не могут быть присущи друг другу. Это, однако, несогласно с тем, что было сказано ранее [1], а именно если одному и тому же возможно присуще несколько [вещей], то они возможно присущи и друг другу.

Таким образом, очевидно, что во всех этих случаях ошибка проистекает из-за того, что термины представлены [не надлежащим образом]; но если вместо состояния берется находящееся в этом состоянии, то ничего ложного не вытекает. Отсюда ясно, что в подобного рода посылках следует всегда вместо состояния брать то, что находится в этом состоянии, и полагать его как термин.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

[Невозможность для некоторых терминов быть выраженными отдельными словами]

Не обязательно всегда требовать, чтобы термины были выражены [одним только] словом, ибо часто встречаются сочетания слов, для которых нет [равнозначного им] имени. Поэтому силлогизм с такого рода терминами трудно бывает свести [к одной из фигур]. А иногда делают ошибку именно из-за такого рода попытки, как если бы предположили, что имеется силлогизм без средних терминов. Пусть А означает два прямых угла, Б — треугольник, а В — равнобедренный. А присуще В через Б; А же присуще Б не через что-то другое, ибо треугольник сам по себе имеет [в совокупности] два прямых угла. Так что для посылки АБ, которая хотя и может быть доказана, не будет

среднего термина [1]. Очевидно, таким образом, что средний термин не всегда следует брать как определенное нечто, но что иногда следует брать его как сочетание слов, как это имеет место и в только что приведенном примере.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

[*Грамматические формы посылок*]

Что первый термин присущ среднему, а средний — последнему, это не следует понимать в том смысле, что они всегда сказываются один о другом или что первый 48b [сказывается о] среднем таким же образом, как средний — о последнем термине. И то же самое, когда один другому не присущ. Но сколько значений имеет «быть» и «истинно говорить», столько значений должно иметь, надо полагать, «быть присущим»; [взять], например, [положение], что о противоположностях есть одна наука. Пусть А означает «есть одна наука», Б — противоположности. Тогда А присуще Б не в том смысле, что *эти* противоположности суть одна наука, а в том, что правильно будет сказать, что *о них* есть одна наука.

Иногда бывает так, что первый термин высказывается о среднем, средний же о третьем не высказывается. Например, если мудрость есть знание, а о благе есть мудрость, то заключение гласит, что есть знание о благе. Таким образом, не благо есть знание, хотя мудрость есть знание. Иногда же средний термин высказывается о третьем, а первый о среднем не высказывается. Например, если о всем, имеющем качество, или о противоположном есть знание, благо же есть и противоположное [злу], и имеющее качество, то заключение гласит, что есть знание о благе. Но ни само благо, ни все, имеющее качество, ни противоположное не есть знание, хотя благо есть нечто, имеющее качество, и противоположное. Бывает также, что ни первый не высказывается о среднем, ни средний — о третьем, тогда как первый о третьем иногда высказывается, иногда не высказывается. Например, если у того, о чем есть знание, есть род, о благе же есть знание, то заключение гласит, что у блага есть род. Здесь ни один термин не сказывается о другом. Если же то, о чем есть знание, есть род, а о благе есть знание, то заключение гласит, что благо есть род. В этом случае первый сказывается

о [меньшем] крайнем, но [в посылках термины] друг о друге не высказываются [прямо]. И точно так же надо понимать, когда взяты посылки о том, что́ не присуще. Ибо «это не присуще этому» не всегда означает «это не есть это», а иногда означает «это не для этого» или «это не принадлежит этому». Например, нет движения движения или возникновения возникновения, но есть возникновение удовольствия. Стало быть, само удовольствие не есть возникновение. Или же: имеется признак смеха, но нет признака признака, и, следовательно, смех не есть признак. Равным образом обстоит дело и в других случаях, в которых опровергается какое-либо положение в силу того, что род каким-то образом говорит против него [1]. Еще [пример]: благоприятное время не есть время нужды, ибо для бога благоприятное время существует, но для него не существует времени нужды, так как для бога нет ничего приносящего выгоду. Терминами здесь следует взять: благоприятное время — время нужды — бог; посылку же надо взять так, чтобы имя стояло в соответствующем падеже. Итак, мы говорим вообще для всех случаев вот что: термины следует всегда брать согласно названию имен, как, например, «человек», или «благо», или «противоположности», а не «человека», или «блага», или «противоположностей»; посылки же следует брать так, чтобы имя стояло в соответствующем для каждого случая падеже [2], а именно так, как, например, «равен» — «этому», или «вдвое больший» — «этого», или «бьющий», «видящий» — «это», или «человек есть живое существо» — «этот», или как-нибудь иначе может стоять имя в посылке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

[*Посылки по разным категориям*]

Выражения «это присуще этому» и «это истинно говорится об этом» следует понимать в стольких же значениях, сколько имеется различных категорий, а категории должны быть поняты или только в ограниченном смысле, или вообще, а также либо просто, либо в сочетании. Равным образом обстоит дело, когда нечто не присуще. Но это должно быть рассмотрено и определено более подробно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

[*Повторение и прибавления в посылках*]

Повторение в посылках должно быть отнесено к первому крайнему термину, а не к среднему. Я имею в виду, например, если получить силлогизм о том, что о справедливости есть знание, что она благо, то [добавление] «что она благо» или «как о благе» должно быть отнесено к первому [крайнему термину]. В самом деле, пусть А будет знание о чем-то, что оно благо, Б — благо, В — справедливость. В таком случае А правильно сказывается о Б, ибо о благе есть знание, что оно благо, но и Б правильно сказывается о В, ибо справедливость есть в существе своем благо. Так, следовательно, получается раскрытие [заключения] (analysis[1]). Если же «что оно благо» отнести к Б, то не будет раскрытия [заключения], хотя А в этом случае истинно по отношению к Б, но Б по отношению к В не истинно. В самом деле, утверждать о справедливости, что она «благо, что она благо», ложно и невразумительно. То же самое можно сказать и в том случае, если бы нужно было доказать, например, что здоровое есть предмет знания как благо, или что козлоолень [воображаем] как нечто не существующее, или что человек преходящ как нечто чувственно воспринимаемое. Во всех случаях, где дополнительно высказывается что-то, повторение следует относить к [большему] крайнему термину.

Положение терминов неодинаково, когда выводится заключение о том, что нечто присуще вообще, и когда — как определенное нечто, или в некотором отношении, или некоторым образом. Я имею в виду, например, когда доказывается, что благо есть предмет знания, и когда доказывается, что о нем есть знание, что оно благо. Но если доказывается, что благо вообще есть предмет знания, то средним термином следует взять «существующее» [вообще]. Если же нужно доказать, что нечто есть предмет знания как благо, то средним термином следует взять «нечто существующее»[2]. Пусть А означает знание, что есть нечто существующее, Б — нечто существующее, В — благо. В таком случае правильно говорится А о Б, ибо, как было сказано, о чем-то существующем есть знание, что оно есть нечто существующее. Но правильно говорится и Б о В, ибо В

означает нечто существующее. Стало быть, правильно говорится и А о В. Таким образом, о благе будет знание, что оно благо, ибо «нечто существующее», как сказано, есть отличительный признак сущности. Если же средним термином взято «существующее» и к крайнему термину будет отнесено «существующее вообще», а не «нечто существующее» [3], то будет силлогизм не о том, что о благе есть знание, что оно благо, а лишь о том, что о благе есть знание, что оно существует. Например, пусть А обозначает знание о том, что нечто существует,
49b Б — существующее, В — благо. Таким образом, очевидно, что для частных силлогизмов термины следует брать указанным образом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

[Замена одних терминов другими, более простыми]

[Иногда] следует также заменять один другим [термины], означающие одно и то же, а именно, имена заменять именами и речь речью; точно так же следует заменять одно другим имя и речь, при этом следует всегда заменять речь [отдельным] именем, ибо таким образом легче представить термины. Например, если нет никакой разницы сказать «предполагаемое не есть род для воображаемого» или «воображаемое в существе своем не предполагаемое» (ибо смысл той и другой речи один и тот же), то вместо указанной речи следует брать термины: «предполагаемое» и «воображаемое».

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

[Употребление родового слова (артикля)]

Так как высказывание «удовольствие есть [какое-то] благо» (agathon) не то же самое, что высказывание «удовольствие есть благо [вообще]» (to agathon), то эти термины нельзя брать одинаково; если силлогизм — о том, что удовольствие есть благо [вообще], то термином следует взять «благо [вообще]»; если же — о том, что удовольствие есть [какое-то] благо, то термином следует взять «[какое-то] благо». И таким же образом следует поступать и в других случаях.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

[*Толкование некоторых выражений*]

Но не одно и то же будет ни на самом деле, ни в речи, [скажем ли мы]: чему присуще Б, всему тому присуще А, или скажем: чему всему присуще Б, всему [тому] присуще и А[1], ибо ничто не мешает, чтобы Б было присуще В, однако не всем В. Например, пусть Б означает прекрасное, а В — белое. Если же чему-то белому присуще прекрасное, то правильно будет сказать, что белому присуще прекрасное, но возможно не всему белому. Таким образом, если А присуще Б, но не всему тому, о чем [сказывается] Б, то все равно, всем ли В присуще Б или только [некоторым], не необходимо не только то, чтобы А было присуще всем В, но даже то, чтобы оно вообще было ему присуще. Если же [А] присуще всему тому, о чем истинно говорится Б, то отсюда будет следовать, что А говорится обо всем том, о чем всем говорится Б. Если же А говорится обо всем, о чем может говориться Б, то ничто не мешает, чтобы Б было присуще В, но чтобы А при этом было присуще не всем В или вообще не было присуще какому-либо В. Вот почему в отношении трех терминов ясно, что «о чем говорится Б, о всем том говорится А» означает то же, что «о всех тех [предметах], о которых говорится Б, говорится также и А». И если Б говорится о всех [В], то также и А; если же [Б] говорится не о всех В, то не необходимо, чтобы А говорилось о всех [В].

Не следует, однако, думать, что из-за объяснения терминов [примерами] может получиться что-то нелепое, ибо мы не пользуемся этим для доказательства того, что [термины] суть именно вот это, а поступаем подобно геометру, когда он говорит, что такая-то линия имеет в длину одну стопу и что она прямая и не имеет ширины, хотя на самом деле она не такая[2], но этими [линиями] он пользуется не для того, чтобы из них вывести заключение. Ибо вообще, если нечто одно не относится [к другому] как целое к части, а другое к нему — как часть к целому, то ни из одного из них доказывающий ничего не докажет, так что силлогизма не получится. Примерами (to ektithesthai) же мы пользуемся точно так же, как чувственным восприятием при обучении, но не так, чтобы без них нельзя было

доказывать,— в отличие от того, как это [действительно невозможно] без [посылок], из которых состоит силлогизм.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

[*Замечание о сложном силлогизме*]

Мы не должны упускать из виду, что в одном и том же [сложном] силлогизме не все заключения получаются через одну фигуру, а одни — через одну, другие — через другую. Таким образом, ясно, что и раскрытие [заключений] должно быть произведено таким же образом. Так как не всякое положение может быть доказано во всякой фигуре, а каждое доказывается в соответствующей, то из самого заключения очевидно, по какой фигуре дóлжно вести исследование.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

[*Доказательство положений, содержащих определения*]

Если дело идет о доводах, касающихся определения, то при обсуждении одной какой-нибудь части определения термином следует брать то, на что направлен довод, а не все определение, ибо будет меньше случаев путаницы из-за пространности [терминов]. Так, если доказывают, что вода есть жидкость, пригодная для питья, то терминами следует взять «пригодное для питья» и «вода».

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

[*Раскрытие условных силлогизмов, в том числе и силлогизмов, получаемых посредством приведения к невозможному*]

Далее, что касается силлогизмов, исходящих из предположения [1], то не следует пытаться сводить их [к какой-либо из фигур], ибо на основании положенного они не могут быть сведены, ведь они не доказываются посредством силлогизма, а все они признаются в силу некоторого соглашения. Например, предположив, что если нет какой-то одной способности для противоположностей, то нет и одной науки о них, мы затем рассуждаем, что не всякая способность [осуществляет] противоположности, например здоровое и боль-

ное, ибо иначе одно и то же было бы в одно и то же время и больным и здоровым. Таким образом доказали, что нет одной способности для любой [пары] противоположностей, но не доказали, что нет о них одной науки. И тем не менее необходимо признать это, однако не на основании силлогизма, а на основании некоторого предположения. Этот [довод], следовательно, нельзя свести [к какой-либо из фигур]; [довод] же, что нет одной способности [для противоположностей], свести можно. Ибо этот [довод] был, пожалуй, силлогизмом, первый же [довод] был лишь предположением.

И подобным же образом обстоит дело и с умозаключениями через невозможное, ибо их также нельзя раскрыть. Само же приведение к невозможному раскрыть можно (так как оно доказывается посредством силлогизма). Другую же [часть рассуждения] нельзя раскрыть, ибо заключение выводится из предположения. От [силлогизмов], о которых речь шла выше, эти отличаются тем, что в тех необходимо заранее признавать [что-то], если хотят, чтобы согласились [с заключением]. Например, если доказано, что для противоположностей есть одна и та же способность, то [следует признать], что и знание о них одно и то же; здесь же соглашаются и без предварительного признания, ибо ложность [вывода] очевидна, например: если допустить, что диагональ соизмерима [со стороной квадрата], то нечетное окажется равным четному.

Имеется и еще много других заключений, которые выводятся на основании предположения, и их надлежит рассмотреть и четко обозначить. Мы позднее скажем[2]
о том, чем они отличаются друг от друга и сколькими 50b
способами они получаются. Пока же пусть будет нам очевидным то, что такого рода силлогизмы нельзя раскрыть в указанных фигурах. А по какой причине — мы уже сказали.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

[Сведéние силлогизмов одной фигуры к силлогизмам другой]

Если положения, которые доказываются по нескольким фигурам, по одной фигуре уже выведены, то силлогизм можно свести к другой фигуре, как, например, отрицательный силлогизм первой фигуры — ко второй

фигуре, а силлогизм средней фигуры — к первой. Однако это возможно не во всех, а только в некоторых случаях, что станет очевидным из последующего. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще всем В, то А не будет присуще ни одному В. Так получается первая фигура. Если же отрицательную посылку подвергнуть обращению, то получится средняя фигура, ибо Б не присуще ни одному А и присуще всем В. Равным образом будет обстоять дело, если заключение не общее, а частное, например если А не присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В; ибо, если отрицательную посылку подвергнуть обращению, получится средняя фигура.

Из силлогизмов второй фигуры общие силлогизмы можно свести к первой фигуре, из частных же силлогизмов — только один из двух видов. В самом деле, пусть А не присуще ни одному Б, но присуще всем В. Если же отрицательную посылку подвергнуть обращению, то получится первая фигура, ибо Б не будет присуще ни одному А, а А будет присуще всем В. Если же утверждение отнести к Б, а отрицание — к В, то первым термином следует взять В, ибо оно в таком случае не присуще ни одному А, но А присуще всем Б. Поэтому В не будет присуще ни одному Б; стало быть, и Б не будет присуще ни одному В, ибо [обще]-отрицательная посылка обратима. Если же силлогизм частный, а отрицание отнесено к большему крайнему термину, то силлогизм можно свести к первой фигуре, например если А не присуще ни одному Б и присуще некоторым В, ибо по обращении [обще]отрицательной посылки получится первая фигура. Действительно, Б не будет присуще ни одному А, но А будет присуще некоторым В. Но если к большему крайнему термину отнести утверждение, то раскрытие невозможно, например если А присуще всем Б и не всем В, ибо посылка АБ необратима [в общую]; если же его произвести, то не получится силлогизма.

Далее, что касается силлогизмов третьей фигуры, то не все они могут быть раскрыты в первой фигуре; силлогизмы же первой фигуры [с частными заключениями] все могут быть раскрыты в третьей фигуре. В самом деле, пусть А присуще всем Б, а Б — некоторым В. Так как частноутвердительная посылка обратима, то и В будет присуще некоторым Б. Но А было

присуще всем Б, так что получится третья фигура. И то же самое будет, если силлогизм отрицательный: ведь частноутвердительная посылка обратима, так что А не будет присуще ни одному Б, а В будет присуще некоторым Б.

Из силлогизмов же последней фигуры только один 51a не может быть раскрыт в первой фигуре, а именно когда отрицательная посылка берется не как общая. Все же остальные могут быть раскрыты. В самом деле, пусть А и Б сказываются о всех В, тогда В частично обратимо с каждым из этих крайних терминов, и, стало быть, оно будет присуще некоторым Б. Так что получится первая фигура, если А присуще всем В, а В — некоторым Б. И точно так же — если А присуще всем В, а Б — некоторым В, ибо Б обратимо с В. Но если Б присуще всем В, тогда как А — некоторым В, то первым термином следует взять Б. Ведь Б присуще всем В, а В — некоторым А, и потому Б присуще некоторым А. Но так как частная посылка обратима, то и А будет присуще некоторым Б. И если силлогизм отрицательный, а термины взяты в общих посылках, то их следует брать таким же образом. В самом деле, пусть Б присуще всем В, но А не присуще ни одному В; тогда В будет присуще некоторым Б, но А не будет присуще ни одному В, так что средним термином будет В. То же самое будет, если отрицательная посылка общая, а утвердительная — частная. В самом деле, А не будет тогда присуще ни одному В, а В будет присуще некоторым Б. Если же отрицательная посылка берется как частная, раскрытие невозможно, например если Б присуще всем В и А некоторым В не присуще, ибо если подвергнуть обращению посылку БВ, то обе посылки будут частными.

Таким образом, очевидно, что для раскрытия одной фигуры в другой[1] необходимо в обеих фигурах подвергнуть обращению ту посылку, которая содержит меньший крайний термин, ибо, как мы видели, через эту перестановку и происходит переход [одной фигуры в другую].

Из силлогизмов средней фигуры один может быть раскрыт в третьей фигуре, другой же не может. Действительно, когда общая посылка отрицательная, раскрытие возможно. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, но присуще некоторым В, то оба крайних

термина одинаково обратимы с А, так что Б не будет присуще ни одному А, но В некоторым А будет присуще. Средним термином будет, следовательно, А. Когда же А присуще всем Б, а некоторым В не присуще, раскрытие невозможно, ибо по обращении ни одна из посылок не будет общей.

Силлогизмы третьей фигуры также могут быть раскрыты в средней фигуре, если отрицательная посылка общая, например если А не присуще ни одному В, а Б присуще некоторым или всем В, ибо тогда и В не будет присуще ни одному А и будет присуще некоторым Б. Но если отрицательная посылка частная, то раскрытие невозможно, ибо частноотрицательная посылка необратима.

Таким образом, очевидно, что в этих фигурах как раз те самые силлогизмы не могут быть раскрыты, которые не могли быть раскрыты и в первой фигуре, и
51b что, когда силлогизмы [этих фигур] сводятся к первой фигуре, они могут быть выведены только через невозможное.

Итак, из сказанного очевидно, каким образом следует сводить силлогизмы, а также то, что фигуры могуть быть раскрыты одна в другой.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

[*Отрицания в доказательстве*]

При обосновании или опровергании небезразлично, считают ли имеющими одно и то же или разное значение «не быть этим» и «быть не этим», например «не быть белым» и «быть не белым». Дело в том, что они не означают одного и того же и отрицанием [выражения] «быть белым» будет не «быть не белым», а «не быть белым». Это объясняется так: «он способен ходить» относится к «он способен не ходить» точно так же, как «это бело» — к «это не бело» или «он знает благо» — к «он знает не благо». Ведь безразлично, [скажем ли мы] «он знает благо» или «он есть знающий благо», а также «он способен ходить» или «он есть способный ходить»; поэтому нет такого различия и когда говорят противолежащее: «он не способен ходить» или «он не есть способный ходить». Если же «он не есть способный ходить» означало бы то же самое, что «он есть способный не ходить», тогда то и другое

было бы присуще одному и тому же в одно и то же время (ибо один и тот же человек способен и ходить и не ходить, знать благо и не благо). Но противолежащие друг другу утверждение и отрицание не присущи одному и тому же в одно и то же время. Точно так же не одно и то же: не знать благо и знать не благо, как и быть не благом и не быть благом, ибо если из [четырех] соотносящихся друг с другом [предметов] два различаются между собой, то также и остальные два. Равным образом не одно и то же: быть неравным и не быть равным. Ибо одно, т. е. «то, что́ есть не равное», имеет определенное подлежащее, и это есть не равное, другое же не имеет его. Поэтому не все есть равное или неравное, но все есть равное или не есть равное. Далее, [сказуемые] «есть не белое дерево» и «не есть белое дерево» не могут в одно и то же время быть присущи одному и тому же, ибо если дерево есть не белое, то [все равно] оно дерево, но то, что не есть белое дерево, не обязательно есть дерево. Очевидно, таким образом, что отрицанием [положения] «[это] есть благо» не будет [положение] «[это] есть не благо». Вот почему, коль скоро относительно каждого отдельного предмета истинно или утверждение, или отрицание, то ясно, что если [последнее положение] не есть отрицание, то оно в каком-то смысле есть утверждение. Но всякое утверждение имеет свое отрицание, и, следовательно, отрицанием [положения] «это есть не благо» будет «это не есть не благо». [Термины] расположены здесь друг относительно друга таким образом: пусть А обозначает «быть благом», Б — «не быть благом», В (оно подчинено Б) — «быть не благом», Д (оно подчинено А) — «не быть не благом». Таким образом, всему будет присуще либо А, либо Б и оба вместе не могут быть присущи одному и тому же; точно так же [всему будет присуще] либо В, либо Д и оба вместе не могут быть присущи одному и тому же. Равным образом всему тому, чему присуще В, необходимо присуще и Б. В самом деле, если о чем- 52a
то правильно сказать, что оно есть не белое, то правильно также сказать, что оно не есть белое. Ибо нельзя в одно и то же время быть белым и быть не белым или быть не белым деревом и быть белым деревом; так что если утверждение не присуще, то будет присуще отрицание. Но В не всегда присуще Б, ибо

то, что́ вообще не есть дерево, не будет и не белым деревом. Наоборот же, всему тому, чему присуще А, тому присуще Д (ибо всему этому присуще либо В, либо Д. Но так как нечто не может быть в одно и то же время не белым и белым, то будет присуще Д, ибо о том, что есть белое, правильно сказать, что оно не есть не белое). Однако не всем Д [приписывается] А (ибо о том, что́ вообще не есть дерево, неправильно сказать, что оно есть А, а именно что оно есть белое дерево. Так что Д [приписывается ему] правильно, тогда как А, а именно что это есть белое дерево,— неправильно). Ясно поэтому, что А и В не могут быть присущи одному и тому же, а Б и Д могут в одно и то же время быть присущи чему-нибудь одному и тому же.

Так же обстоит дело и с отрицательными терминами по отношению к утвердительным. В самом деле, пусть А обозначает равное, Б — не равное, В — неравное и Д — не неравное.

И относительно многих вещей, одним из которых присуще то, что другим не присуще, отрицание одинаково истинно, сказать ли «все [А] не суть белые» или «каждое [А] не есть белое», но ложным будет утверждение: «каждое [А] есть не белое», или «все [А] суть не белые». Точно так же отрицанием утверждения «всякое живое существо есть белое» не будет «всякое живое существо есть не белое» (ведь оба положения ложны), а таким отрицанием будет «всякое живое существо не есть белое». Но так как ясно, что смысл высказываний «есть не белое» и «не есть белое» различен и первое есть утверждение, а второе — отрицание, то очевидно, что и способ [доказательства] того и другого будет не одним и тем же, например [для положений] «то, что́ есть живое существо, *не есть* белое или может не быть белым» и «правильно сказать, что то, что́ есть живое существо, *есть не* белое», ибо это последнее и означает быть не белым. Но для [положений] «правильно сказать, что оно есть белое» и «правильно сказать, что оно есть не белое» способ [доказательства] будет одним и тем же, ибо оба [положения] доказываются как утвердительные через первую фигуру. В самом деле, «правильно сказать» употребляется так же, как «есть», ибо отрицанием [положения] «правильно сказать, что оно есть белое» не бу-

дет «правильно сказать, что оно есть не белое», а отрицанием его будет «неправильно сказать, что оно есть белое». Поэтому, если [надо доказать положение] «правильно сказать, что все, что есть человек, образованно или не образованно», то нужно принять [положение] «все, что есть живое существо, образованно или не образованно» и таким образом доказать [требуемое]. Напротив, положение «то, что́ есть человек, не образованно» доказывается тремя ранее указанными модусами для опровергания [1].

Вообще же, когда А и Б так относятся друг к другу, что не могут вместе быть присущими одному и тому же (а всякой вещи необходимо присуще лишь одно из них), а В и Д со своей стороны относятся друг к другу точно таким же образом и А при этом следует из В, но не наоборот, тогда и Д будет следовать из Б, но не наоборот, и А и Д могут быть присущими одному и тому же, но Б и В — не могут. Итак, во-первых, что Д следует из Б — это очевидно вот из чего. Так как всякой вещи необходимо присуще или В, или Д, а тому, чему присуще Б, не может быть присуще В, ибо А содержит в себе В, а А и Б не могут быть присущи одному и тому же, то очевидно, что Д будет следовать из Б. Во-вторых, так как В необратимо с А, а всякой вещи присуще или В, или Д, то А и Д возможно присущи одному и тому же. Но Б и В не могут быть присущи одному и тому же, поскольку А сопутствует В, иначе получилось бы нечто невозможное. Очевидно поэтому, что Б необратимо с Д, так как А вместе с Д возможно присущи одному и тому же.

Иногда бывает, что при таком расположении терминов впадают в ошибку из-за того, что неправильно берут противоположности, одна из которых необходимо присуща всякой вещи, например [когда рассуждают так]: «Если А и Б не могут вместе быть присущи одному и тому же, то необходимо, чтобы тому, чему не присуще А, было присуще Б; В и Д со своей стороны относятся друг к другу точно таким же образом, и всему тому, чему присуще В, сопутствует А. Отсюда следует, что тому, чему присуще Д, необходимо присуще и Б». Однако это ложно. В самом деле, пусть отрицанием А и Б будет З, а отрицанием В и Д — Ф; в таком случае всякой вещи необходимо присуще либо А, либо З, а именно либо утверждение,

либо отрицание, а с другой стороны, либо В, либо Ф, ибо они также утверждение и отрицание. И чему присуще В, всему тому, по предположению, присуще и А; следовательно, чему присуще З, всему тому присуще Ф. Далее, так как каждой вещи присуще одно из двух, или З, или Б и точно так же или Ф, или Д, а Ф следует из З, то и Б также будет следовать из Д, что́ мы уже знаем. Таким образом, если А следует из В, то и Б следует из Д. Но это ложно, ибо при таком отношении терминов порядок их следования был как раз обратным[2]. В самом деле, не необходимо, пожалуй, чтобы всякой вещи было присуще либо А или З, либо З или Б, так как З не есть отрицание А. Ведь отрицанием «блага» будет «не благо», но «не благо» не есть то же, что «ни благо, ни не благо». Точно так же обстоит дело и с В и Д, ибо [для одного термина] было принято два отрицания.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Получение нескольких выводов из одних и тех же посылок]

Мы уже разобрали, по скольким фигурам, посредством каких и какого числа посылок, а также когда и как получается силлогизм; далее, на что следует при опровергании и обосновании обращать внимание и как 53a
надлежит исследовать данный предмет по тому или иному способу; наконец, каким путем можно установить начала для каждого [предмета]. А так как одни силлогизмы имеют общие заключения, другие — частные, то все общие силлогизмы всегда могут иметь несколько выводов; из частных же силлогизмов утвердительные всегда могут иметь несколько выводов, а отрицательные — только один. Дело в том, что остальные посылки обратимы, [частно]отрицательная же необратима; заключение же есть [высказывание] чего-то о чем-то. Вот почему остальные силлогизмы имеют больше одного заключения. Например, если доказано, что А присуще всем или некоторым Б, то и Б необходимо присуще некоторым А. Если же доказано, что А не присуще ни одному Б, то и Б не будет присуще ни одному А. Но это заключение отличается от предыдущего. Если же А некоторым В не присуще, то не необходимо, чтобы и Б не было присуще некоторым А, ибо вполне возможно, что оно присуще всем А.

Таково общее основание для всех силлогизмов — и общих, и частных. В отношении же общих силлогизмов это можно выразить иначе. А именно, обо всем, что подчинено среднему термину или [подлежащему] заключения, будет один и тот же силлогизм, если одно взять средним термином, а другое — [подлежащим] заключения. Например, если АБ есть заключение, выведенное посредством В, то обо всем том, что подчи-

нено Б или В, необходимо говорится А. В самом деле, если Д целиком содержится в Б, а Б — в А, то и Д будет содержаться в А. Далее, если Е целиком содержится в В, а В — в А, то и Е будет содержаться в А. И точно так же — если силлогизм отрицательный. Но по второй фигуре умозаключение будет только о том, что подчинено [подлежащему] заключения. Например, если А не присуще ни одному Б и присуще всем В, то заключение будет о том, что Б не присуще ни одному В. Если же Д подчинено В, то очевидно, что Б ему не присуще. Но что Б не присуще тому, что подчинено А, это из силлогизма не ясно, хотя, конечно, Б не присуще Е, если Е подчинено А. Что Б не присуще ни одному В, доказано силлогизмом, но, что Б не присуще А, было принято без доказательства, а потому заключение, что Б не присуще Е, не выводится посредством этого силлогизма. В частных силлогизмах [первой фигуры] ничего не выводится с необходимостью о том, что подчинено [подлежащему] заключения (ибо силлогизма не получается, когда [бо́льшая] посылка частная), но обо всем том, что подчинено среднему термину, заключение будет выводиться [с необходимостью], однако не посредством данного силлогизма, например если А присуще всем Б, а Б — некоторым В; ибо о том, что подчинено В, силлогизма в этом случае не будет; но о том, что подчинено Б, силлогизм будет, однако не посредством уже полученного силлогизма. Точно так же и в других фигурах[1], а именно: о том, что подчинено [подлежащему] заключения, силлогизма не будет, а о том, [что 53b подчинено среднему термину], будет, но не посредством [уже полученного] силлогизма, поскольку то, что подчинено среднему термину, и в общих силлогизмах доказывается, как мы видели, из недоказанной посылки; так что или и там не будет заключения об этом, или будет также и в этих.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Истинные заключения из ложных или смешанных посылок по первой фигуре]

Дело может обстоять так, что посылки, из которых строится силлогизм, будут обе истинными, или обе ложными, или одна из них будет истинной, а другая —

ложной, заключение же будет необходимо или истинным, или ложным. Так вот, из истинных посылок нельзя вывести ложное заключение, но из ложных посылок можно выводить истинное заключение, только не видно, почему оно истинно, а видно лишь, что оно истинно. Ибо из ложных посылок нельзя доказать, почему [заключение истинно], а по какой причине — будет сказано в последующем [1].

Итак, что из истинных [посылок] нельзя вывести ложное заключение, явствует прежде всего из следующего. Если при наличии А необходимо есть Б, то, если нет Б, необходимо нет и А. Следовательно, если А истинно, то необходимо истинно и Б; иначе окажется, что одно и то же вместе и есть и не есть, что невозможно. Однако на том основании, что А положено как один термин, нельзя полагать, что при наличии чего-то одного с необходимостью вытекает что-то [другое], ибо это невозможно. Ведь то, что вытекает с необходимостью, есть заключение, а для того, чтобы получилось заключение, требуется по меньшей мере три термина и два их сочетания, т. е. две посылки. Следовательно, если истинно, что всему тому, чему присуще Б, присуще А, и всему тому, чему присуще В, присуще Б, то чему присуще В, необходимо присуще А; и это не может быть ложно, ибо иначе одно и то же было бы вместе присуще и не присуще. Таким образом, А положено как одно, но охватывает две посылки [2]. Точно так же обстоит дело и с отрицательными силлогизмами, ибо из истинных [посылок] нельзя доказать ложное.

Но из ложных [посылок] можно вывести истинное заключение и когда обе посылки ложны, и когда только одна, однако в последнем случае не любая, а вторая, если только она целиком ложная; если же она не целиком ложная, то безразлично какая. В самом деле, пусть А будет присуще всему В и не присуще ни одному Б, как и Б — ни одному В. Это вполне возможно. Например, ни одному камню не присуще быть живым существом, равно как и быть камнем не присуще ни одному человеку. Если же принять, что А присуще всем Б, а Б — всем В, то А будет присуще всем В; так что из двух ложных посылок получится истинное заключение, ибо каждый человек есть живое существо. И так же — если заключение отрица-

тельное, ибо возможно, что ни А, ни Б не будут присущи ни одному В, но А будет присуще всем Б, например если при тех же терминах средним взять [термин] «человек». В самом деле, быть человеком или быть живым существом не присуще ни одному камню, но всякому человеку присуще быть живым существом. Так что если мы примем, что нечто не присуще ни одному тому, чему оно присуще, и присуще всему тому, чему оно не присуще, то из двух ложных посылок получится истинное заключение. Равным образом можно доказать и в том случае, если каждая из посылок будет ложной только отчасти. Если же только одна посылка ложна, то при условии, что первая, например АБ, будет целиком ложной, истинного заключения не получится. Но если БВ будет целиком ложной, то истинное заключение получится. Целиком ложной я называю посылку, противоположную [истинной], например если относительно того, что ничему не присуще, принимается, что оно присуще всему, или если относительно того, чтó присуще всему,— что оно не присуще ничему. Пусть А будет не присуще ни одному Б, а Б присуще всем В. Если примем, что посылка БВ истинная, а посылка АБ целиком ложная, т. е. А присуще всем Б, то нельзя получить истинное заключение, ибо было предположено, что А не присуще ни одному В, поскольку А не было присуще ничему тому, чему было присуще Б, а Б было присуще всем В. Равным образом, если А присуще всем Б, а Б — всем В и принимается, что посылка БВ истинная, а посылка АБ целиком ложная, т. е. А не присуще ничему тому, чему присуще Б, то заключение будет ложным, ибо А присуще всем В, поскольку всему тому, чему присуще Б, было присуще А; Б же было присуще всем В. Таким образом, очевидно, что никакого истинного заключения не получается, если первая посылка берется целиком ложной, все равно, утвердительная ли она или отрицательная, а другая берется истинной. Если же первая посылка берется не целиком ложной, то истинное заключение получится, ибо если А присуще всем В и некоторым Б, а Б присуще всем В, как, например, быть живым существом присуще каждому лебедю и чему-то белому, между тем как быть белым присуще каждому лебедю, и если принять, что А присуще всем Б, а Б — всем В, то А

будет истинно присуще всем В, ибо каждый лебедь есть живое существо. Точно так же обстоит дело, если АБ — отрицательная посылка, ибо возможно, что А присуще некоторым Б и не присуще ни одному В, а Б присуще всем В, как, например, быть живым существом присуще чему-то белому, но не присуще никакому снегу; быть же белым присуще любому снегу. Если же принять, что А не присуще ни одному Б, а Б присуще всем В, то А не будет присуще ни одному В. Если посылку АБ взять целиком истинной, а посылку БВ — целиком ложной, то заключение будет истинным, ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще всем Б и всем В, а Б тем не менее не было присуще ни одному В, как, например, в отношении видов одного и того же рода, не подчиненных один другому. В самом деле, быть живым существом присуще и лошади, и человеку, однако быть лошадью не присуще ни одному человеку. Если же принять, что А присуще всем Б, а Б — всем В, то заключение будет истинным, хотя посылка БВ целиком ложная. Равным образом обстоит дело, если посылка АБ отрицательная: ведь возможно, что А не присуще ни одному Б и ни одному В, так же как и Б — ни одному В, как, например, один род не присущ видам другого рода. Действительно, быть живым существом не присуще ни искусству музыки, ни врачебному искусству, равно как и искусство музыки не присуще врачебному искусству. Если же принять, что А не присуще ни одному Б, а Б присуще всем В, то заключение будет истинным. Точно так же, если посылка БВ ложная не целиком, а лишь отчасти, заключение будет истинным, ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще и всем Б, и всем В, а Б тем не менее было присуще лишь некоторым В, как, например, род присущ и виду и видовому отличию. В самом деле, быть живым существом присуще и каждому человеку и каждому имеющему ноги, но быть человеком присуще лишь некоторым существам, имеющим ноги, а не всем. Если же принять, что А присуще всем Б, а Б — всем В, то А будет присуще всем В, что и было истинным. Равным образом обстоит дело, если посылка АБ отрицательная. Действительно, вполне возможно, что А не присуще ни одному Б и ни одному В, а Б тем не менее присуще некоторым В, как, например, один род может быть присущ виду и видо-

вому отличию другого рода. В самом деле, быть живым существом не присуще ни рассудительности, ни умозрению, но рассудительность присуща некоторому [виду] умозрения. Если же принять, что А не присуще ни одному Б, а Б присуще всем В, то А не будет присуще ни одному В, а это и было истинным.

Частные заключения силлогизма могут быть истинными и если первая посылка целиком ложная, а вторая — истинная, и если первая посылка отчасти ложная, а вторая — истинная, а также если первая посылка истинная, а частная — ложная и, [наконец], если обе посылки ложные. В самом деле, ничто не мешает, чтобы А не было присуще ни одному Б и присуще некоторым В, а Б было присуще некоторым В, как, например, быть живым существом не присуще никакому снегу, но чему-то белому присуще, как и быть снегом присуще чему-то белому. Если же «снег» взять средним термином, а «живое существо» — первым термином и если принять, что А присуще всему Б, а В — некоторым В, то посылка АБ будет целиком ложной, посылка же БВ — истинной, и истинным будет и заключение. Равным образом обстоит дело, если посылка АБ отрицательная, ибо возможно, что А присуще всем Б, некоторым же В не присуще, а Б тем не менее некоторым В присуще, как, например, быть живым существом присуще каждому человеку, и из [наличия] чего-то белого «живое существо» не следует, между тем как быть человеком присуще чему-то белому. Так что если «человек» взят средним термином и если принять, что А не присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В, то заключение будет истинным, хотя посылка АБ целиком ложная. Далее, если посылка АБ отчасти ложная, [а посылка БВ истинная], то заключение будет истинным, ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще и некоторым Б, и некоторым В и чтобы Б было присуще некоторым В, как, например, быть живым существом присуще чему-то прекрасному и чему-то великому, а быть прекрасным — чему-то великому. Если же принять, что А присуще всем Б, а Б — некоторым В, то посылка АБ будет отчасти ложной, посылка же БВ — истинной, и истинным будет заключение. Равным образом обстоит дело, если посылка АБ отрицательная; для доказательства будут здесь те же термины и в том же располо-

жении. Далее, если посылка АБ истинная, а посылка БВ ложная, то заключение будет истинным, ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще всем Б и некоторым В, а Б не было присуще ни одному В, как, например, быть живым существом присуще каждому лебедю и чему-то черному, тогда как быть лебедем не присуще ничему черному. Поэтому если принять, что А присуще всем Б, а Б — некоторым В, то заключение будет истинным, хотя посылка БВ ложная. Равным образом обстоит дело, если посылка АБ отрицательная, ибо возможно, что А не присуще ни одному Б и не присуще некоторым В, а Б тем не менее не присуще ни одному В, как, например, один род — виду другого рода и чему-то привходящему для своих же видов. В самом деле, быть живым существом не присуще ни одному числу, но присуще чему-то белому, тогда как число не присуще ничему белому. Если же средним термином взять число и если принять, что А не присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В, то А не будет присуще некоторым В, что и было истинным, и посылка АБ будет истинной, а посылка БВ — ложной. Далее, если посылка АБ отчасти ложная, а посылка БВ также ложная, то заключение будет истинным. Ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще и некоторым Б, и некоторым В, а Б не было присуще ни одному В, как, например, если Б противоположно В и оба суть нечто привходящее для одного и того же рода. В самом деле, быть живым существом присуще чему-то белому и чему-то черному, тогда как белое не присуще ничему черному. Поэтому если принять, что А присуще всем Б, а Б — некоторым В, то заключение будет истинным. Точно так же — если посылка АБ взята как отрицательная; для доказательства будут здесь те же термины и в том же расположении. Наконец, и в том случае, если обе посылки ложные, заключение будет истинным. Ибо возможно, что А не присуще ни одному Б и присуще некоторым В, а Б тем не менее не присуще ни одному В, как, например, один род не присущ виду другого рода и присущ чему-то привходящему для своих же видов. В самом деле, быть живым существом не присуще ни одному числу и присуще чему-то белому, число же не присуще ничему белому. Если же принять, что А присуще всем Б, а Б — некоторым В, то заключение

будет истинным, хотя обе посылки ложные. Равным образом обстоит дело, если посылка АБ отрицательная. Ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще всем Б и не присуще некоторым В, а Б не было присуще ни одному В, как, например, быть живым существом присуще каждому лебедю, но не присуще чему-то черному, тогда как быть лебедем не присуще ничему черному. Поэтому если принять, что А не присуще ни
55b одному Б, а Б присуще некоторым В, то А не будет присуще некоторым В. Таким образом, заключение будет истинным, хотя посылки ложные.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Истинные заключения из ложных или смешанных посылок по второй фигуре*]

По средней же фигуре из ложных посылок можно выводить истинные заключения во всех случаях — и когда обе посылки взяты целиком ложными, ⟨и когда каждая из них отчасти ложная⟩, и когда одна из них истинная, а другая ложная (все равно, какая из них ложная), и когда обе отчасти ложные, и когда одна из них безусловно истинная, а другая отчасти ложная, и когда одна целиком ложная, а другая отчасти истинная; и это имеет место как в общих, так и в частных силлогизмах. В самом деле, если А не присуще ни одному Б и присуще всем В, как, например, если быть живым существом не присуще ни одному камню и присуще каждой лошади, и если взять посылки, противоположные этому, и принять, что А присуще всем Б и не присуще ни одному В, то из целиком ложных посылок получится истинное заключение. Точно так же — если А присуще всем Б и не присуще ни одному В, ибо получится тот же самый силлогизм. Далее, [заключение будет истинным], если одна посылка целиком ложная, а другая целиком истинная, ибо ничто не мешает, чтобы А было присуще и всем Б, и всем В, а Б тем не менее не было присуще ни одному В, как, например, род присущ видам, не подчиненным один другому. В самом деле, быть живым существом присуще и каждой лошади, и каждому человеку, однако ни один человек не есть лошадь. Если же принять, что быть живым существом одному всему присуще, другому же вовсе не присуще, то одна посылка будет

целиком ложной, другая — целиком истинной, а заключение — истинным, все равно, к какой из посылок отнесено отрицание. Точно так же — если одна посылка отчасти ложная, а другая — целиком истинная. В самом деле, возможно, что А присуще некоторым Б и всем В, а Б тем не менее не присуще ни одному В, как, например, быть живым существом присуще чему-то белому и каждому ворону, белое же не присуще ни одному ворону. Если же принять, что А не присуще ни одному Б и присуще всему В, то посылка АБ будет отчасти ложной, а посылка АВ — целиком истинной, и истинным будет заключение. И точно так же — при перестановке отрицания; доказать это можно посредством тех же терминов. То же самое — если утвердительная посылка отчасти ложная, а отрицательная — целиком истинная. В самом деле, ничто не мешает, чтобы А было присуще некоторым Б и не присуще ни одному В, а Б не было присуще ни одному В, как, например, быть живым существом присуще чему-то белому и не присуще никакой смоле, как не присуще никакой смоле и белое. Поэтому если принять, что А присуще всему Б и не присуще ни одному В, то посылка АБ будет отчасти ложной, а посылка АВ — целиком истинной, и истинным будет заключение. Истинным может быть заключение и в том случае, если обе посылки отчасти ложные. Ибо возможно, что А присуще некоторым Б и некоторым В, а Б не присуще ни одному В, как, например, быть живым существом присуще чему-то белому и чему-то черному, а белое не 56a
присуще ничему черному. Если же принять, что А присуще всем Б и не присуще ни одному В, то обе посылки будут отчасти ложными, а заключение — истинным. И точно так это доказывается и при перестановке отрицания посредством тех же терминов.

Очевидно, что то же самое будет и в частных силлогизмах. В самом деле, ничто не мешает, чтобы А было присуще всем Б и некоторым В, а Б не было присуще некоторым В, как, например, быть живым существом присуще каждому человеку и чему-то белому, тогда как быть человеком чему-то белому не присуще. Если же принять, что А не присуще ни одному Б и присуще некоторым В, то общая посылка будет целиком ложной, частная — истинной и заключение — истинным. Точно так же — если посылку АБ

взять утвердительной. В самом деле, возможно, что А не присуще ни одному Б и не присуще некоторым В, а Б не присуще некоторым В, как, например, быть живым существом не присуще ничему неодушевленному и не присуще чему-то белому. Неодушевленное же также не присуще чему-то белому. Если же принять, что А присуще всем Б и не присуще некоторым В, то общая посылка АБ будет целиком ложной, посылка АВ — истинной и заключение — истинным. Точно так же — если общую посылку взять истинной, а частную — ложной, ибо ничто не мешает, чтобы А не следовало ни из одного Б и ни из одного В, а Б тем не менее не было присуще некоторым В, как, например, «живое существо» не следует ни из [наличия] какого-либо числа, ни из [наличия] какого-либо неодушевленного, а «число» не следует из [наличия] некоторых неодушевленных предметов. Если же принять, что А не присуще ни одному Б и присуще некоторым В, то заключение и общая посылка будут истинными, а частная — ложной. То же самое — если общую посылку взять утвердительной, ибо возможно, что А присуще всему Б и всему В, а Б тем не менее не следует из некоторых В, как, например, род — из вида и видового отличия. В самом деле, «живое существо» следует из [бытия] каждого человека и каждого, имеющего ноги, тогда как «человек» следует из [наличия] не всех, имеющих ноги. Поэтому если принять, что А присуще всему Б и не присуще некоторым В, то общая посылка будет истинной, частная — ложной и заключение — истинным. Наконец, очевидно также, что из двух ложных посылок может получиться истинное заключение, если только возможно, что А присуще всему Б и [не присуще ни одному] В, а Б тем не менее из некоторых В не следует. В самом деле, если принять, что А не присуще ни одному Б и присуще некоторым В, то обе посылки будут ложными, но заключение будет истинным. Точно так же — если общая посылка утвердительная, а частная — отрицательная, ибо возможно, что А не следует ни из одного Б и следует из всех В, а Б не присуще некоторым В, как, например, «живое существо» не следует из [наличия] какого-либо знания и следует из [бытия] каждого человека, «знание» же следует из [бытия] не каждого человека. Если же

принять, что А присуще всему Б и из некоторых В не 56b следует, то посылки будут ложными, а заключение — истинным.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Истинные заключения из ложных или смешанных посылок по третьей фигуре*]

В последней фигуре также можно выводить истинное [заключение] из ложных [посылок] и когда обе [посылки] целиком ложные, и когда каждая из них отчасти ложная, и когда одна целиком истинная, а другая целиком ложная, и когда одна отчасти ложная, а другая целиком истинная и наоборот, и при многих других возможных сочетаниях посылок. В самом деле, ничто не мешает, чтобы ни А, ни Б не были присущи ни одному В, но А тем не менее было присуще некоторым Б, как, например: ни «человек», ни «существо, имеющее ноги» не следуют из [наличия] чего-либо неодушевленного, однако быть человеком присуще некоторым существам, имеющим ноги. Если же принять, что А и Б присущи всем В, то посылки будут целиком ложными, а заключение — истинным. Точно так же — если одна [посылка] отрицательная, а другая — утвердительная. Ибо возможно, что Б не присуще ни одному В, но А присуще всем В и не присуще некоторым Б, как, например, быть черным не присуще ни одному лебедю, быть же живым существом присуще каждому лебедю и быть живым существом присуще не всему черному. Так что если принять, что Б присуще всем В, тогда как А не присуще ни одному В, то А не будет присуще некоторым Б, и заключение будет истинным, хотя посылки ложные. Далее, и когда каждая [посылка] отчасти ложная, заключение будет истинным. В самом деле, ничто не мешает, чтобы и А и Б были присущи некоторым В, притом А — также некоторым Б, как, например, белое и прекрасное присущи некоторым живым существам, а белое присуще чему-то прекрасному. Если же принять, что А и Б присущи всем В, то посылки будут отчасти ложными, а заключение — истинным. Точно так же — если [посылку] АВ взять отрицательной, ибо ничто не мешает, чтобы А некоторым В не было присуще, а Б некоторым В присуще и чтобы А было присуще не всем Б,

как, например, белое не присуще некоторым живым существам, прекрасное же некоторым живым существам присуще и белое присуще не всему прекрасному. Так что если принять, что А не присуще ни одному В, а Б присуще всем В, то обе посылки будут отчасти ложными, а заключение — истинным. Точно так же — если одна [посылка] взята целиком ложной, а другая — целиком истинной. В самом деле, возможно, что А и Б следуют из всех В, но А некоторым Б не присуще, как, например, «живое существо» и «белое» следуют из [бытия] каждого лебедя, но быть живым существом присуще не всему белому. Если же при таких терминах принять, что Б присуще всему В, тогда как А вовсе не присуще В, то посылка БВ будет целиком истинной, посылка АВ — целиком ложной, а заключение — истинным. Точно так же — если [посылка] БВ ложная, а АВ — истинная. Для доказательства

57a можно взять такие термины: черное — лебедь — неодушевленное. Но и в том случае, если обе [посылки] взяты утвердительными, будет то же самое, ибо ничто не мешает, чтобы Б следовало из всех В, тогда как А вовсе не присуще В и присуще некоторым Б, как, например, каждому лебедю присуще быть живым существом, черное же не присуще ни одному лебедю, однако черное присуще некоторым живым существам. Так что если принять, что А и Б присущи всем В, то посылка БВ будет целиком истинной, посылка АВ — целиком ложной, а заключение — истинным. Точно так же — если посылку АВ взять истинной; доказывается это посредством тех же терминов. И точно так же — если одна [посылка] целиком истинная, а другая — отчасти ложная, ибо возможно, что Б присуще всем В, тогда как А присуще некоторым В и некоторым Б, как, например, быть двуногим присуще каждому человеку, быть же прекрасным — не каждому человеку и некоторым двуногим. Если же принять, что и А и Б присущи всему В, то [посылка] БВ будет целиком истинной, [посылка] АВ — отчасти ложной, а заключение — истинным. Точно так же — если [посылку] АВ взять истинной, а [посылку] БВ — отчасти ложной. Доказать это можно посредством перестановки тех же терминов. Равным образом — если одна [посылка] отрицательная, а другая — утвердительная, ибо возможно, что Б присуще всему В и

А — некоторым В и что при таком отношении терминов А присуще не всем Б. Если же принять, что Б присуще всему В и А не присуще ни одному В, то отрицательная [посылка] будет отчасти ложной, другая же — целиком истинной и истинным будет и заключение. Далее, уже было показано, что если А не присуще ни одному В, а Б присуще некоторым В, то возможно, что А не присуще некоторым Б. В таком случае очевидно, что если [посылка] АВ целиком истинная, а [посылка] БВ отчасти ложная, то заключение может быть истинным. В самом деле, если принять, что А не присуще ни одному В, а Б присуще всем В, то [посылка] АВ будет целиком истинной, а [посылка] БВ — отчасти ложной.

Очевидно также, что и в частных силлогизмах можно во всех случаях выводить истинное [заключение] из ложных [посылок]. В самом деле, следует брать те же термины, которые были взяты, когда посылки были общими, а именно: при утвердительных [заключениях] — в утвердительных [посылках], при отрицательных — в отрицательных [посылках], ибо для выставления этих терминов безразлично, примем ли мы, что нечто присуще всем, когда на самом деле оно вовсе не присуще, или примем, что оно присуще каждому, когда на самом деле оно присуще лишь некоторым. Равным образом обстоит дело и при отрицательных силлогизмах.

Итак, очевидно, что если заключение ложно, то необходимо, чтобы те [посылки], из которых состоит рассуждение, были ложными — или все, или некоторые. Если же заключение истинно, то не необходимо, чтобы какая-нибудь [из посылок] или все они были истинными; заключение одинаково может быть истинным, хотя и не необходимо, если в силлогизме ни одна [из посылок] не истинна. Причина этого в том, что, когда два [предмета] относятся друг к другу так, что, если есть один, необходимо есть и второй, тогда, если нет второго, не будет и первого; однако если второй есть, то не необходимо, чтобы был и первый. Но невозможно, чтобы одно и то же было необходимо и когда другое есть, и когда его нет. Я имею в виду, например, что невозможно, чтобы Б было необходимо велико, когда А бело, и необходимо велико, когда А не бело. В самом деле, если вот это Б необходимо

велико, когда вот это А бело, и если В необходимо не бело, когда Б велико, то В не бело, когда А бело. Далее, если два [предмета] относятся друг к другу так, что, если есть один, необходимо есть второй, то, когда этого второго нет, необходимо нет и первого, [т. е.] А. В таком случае если Б не велико, то А не может быть белым. Если же [предположить], что Б *необходимо* велико, когда А не бело, то с необходимостью вытекает, что Б велико, когда оно не велико, а это невозможно, ведь если Б не велико, то А необходимо не будет белым. Если же Б будет велико, когда А не бело, то окажется, что Б велико, когда оно не велико, как это получается посредством трех терминов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Доказательство по кругу в первой фигуре*]

Доказательство по кругу, или доказательство одной [посылки] посредством другой, состоит в том, что посредством заключения и одной [посылки], подвергнутой обращению в отношении сказуемого, выводится другая [посылка], принятая в первом силлогизме. Например, если нужно было доказать, что А присуще всем В, и это доказывалось посредством Б, а, с другой стороны, доказывали бы, что А присуще Б, принимая, что А присуще В, а В присуще Б, и что таким образом А также присуще Б, тогда как раньше принимали обратное — что Б присуще В. Или если нужно доказать, что Б присуще В, принимают, что А присуще В (это было раньше заключением) и что Б присуще А, между тем как раньше принималось обратное — что А присуще Б. Как-либо иначе нельзя доказать одну [посылку] посредством другой, ибо если берется другой средний термин, то доказательства по кругу не получится, так как в таком случае ни одна из тех же [посылок] не взята; если же средним термином взять один из принятых ранее, то необходимо, чтобы была взята только одна из [прежних посылок], ибо если взять обе, то получится то же заключение, а между тем должно быть другое заключение. При необратимых же [посылках], [содержащих эти термины], получается силлогизм с одной недоказанной посылкой, ибо посредством этих терминов нельзя доказать, что третий присущ среднему или средний — первому. На-

против, при обратимых [посылках] все они могут быть доказаны одна посредством другой, как, например, если А, Б и В переставляемы. В самом деле, пусть [посылка] АВ будет доказана посредством среднего термина Б и [посылка] АБ — посредством заключения и подвергнутой обращению посылки БВ, точно так же [посылка] БВ — посредством этого же заключения и подвергнутой обращению посылки АБ. Но посылки ВБ и БА следует еще доказать, так как мы пользовались только этими еще не доказанными [посылками]. Если же принять, что Б присуще всем В и В — всем А, то получится силлогизм об отношении Б к А. Далее, если принять, что В присуще всем А и А — всем Б, то В необходимо присуще всем Б. В обоих этих силлогизмах посылка ВА взята недоказанной, между тем как другие [посылки] уже доказаны. Так что если мы докажем и эту посылку, то все посылки будут доказаны одна посредством другой. Если же принять, что В присуще всем Б, а Б — всем А, то обе посылки взяты уже доказанными и В необходимо присуще А. Таким образом, очевидно, что только при наличии обратимых [посылок] возможно доказательство по кругу, или доказательство одной посылки посредством другой; во всех же других случаях дело обстоит так, как было сказано раньше[1]. Но и в этих случаях бывает, что для доказательства пользуются тем, что́ должно быть доказано, ибо, принимая, что В говорится об А, доказывают, что В говорится о Б, а Б — об А. Но что В говорится об А — это доказывается посредством этих посылок, так что для доказательства пользуемся заключением.

В отрицательных же силлогизмах доказательство одной [посылки] из другой происходит таким образом: пусть Б будет присуще всем В и А не присуще ни одному Б. Заключение будет о том, что А не присуще ни одному В. Если, с другой стороны, следует вывести заключение, что А не присуще ни одному Б, как это принималось раньше, то А не будет присуще ни одному В, а В будет присуще всем Б, ибо так подвергнута обращению посылка [БВ]. Если же следует вывести заключение, что Б присуще В, то [посылку] АБ уже нельзя подвергнуть обращению подобным образом (ибо это одна и та же посылка, скажем ли мы, что Б не присуще ни одному А или что А не присуще

ни одному Б), а следует принять, что тому, чему А не присуще вовсе, всему тому присуще Б. Пусть А не присуще ни одному В, что́ именно и было заключением, и примем, что, чему А не присуще вовсе, тому всему присуще Б; тогда Б необходимо присуще всем В. Таким образом, из трех [посылок] каждая стала заключением, и это значит доказывать по кругу, т. е. из принятого заключения и из одной посылки, подвергнутой обращению, выводить другую [посылку].

В частных же силлогизмах общую посылку доказать посредством других нельзя, частную же — можно. Что общую посылку нельзя доказать,— это очевидно, ибо общее доказывается через общее, заключение же здесь не общее, а доказательство до́лжно вести именно из заключения и другой посылки. Кроме того, здесь вообще не получится силлогизма при обращении посылки, ибо обе посылки делаются здесь частными. Частную же посылку доказать можно. В самом деле, допустим, что следует доказать через [средний термин] Б, что А [сказывается] о некоторых В. Если же принять, что Б присуще всем А и заключение остается неизменным, то Б будет присуще некоторым В; получается именно первая фигура со средним термином А. Если же силлогизм отрицательный, то общую посылку доказать нельзя по причине, указанной раньше[2]. Частную же посылку, если АБ подвергается такому же обращению, как и в общих силлогизмах[3], доказать можно, например Б присуще чему-то из того, части чего А не присуще, ибо иначе не получится силлогизма, так как частная посылка отрицательная.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Доказательство по кругу во второй фигуре*]

По второй же фигуре утвердительное [положение] нельзя доказать этим способом, но отрицательное — доказать можно. Утвердительное нельзя доказать потому, что не обе посылки утвердительные, ведь заключение [первого силлогизма] отрицательное, а утвердительное [положение], как мы видели, доказывается из двух утвердительных посылок. Отрицательное же [положение] доказывается таким образом: пусть А будет присуще всем Б и не присуще ни одному В; заключением будет, что Б не присуще ни одному В. Если же

принять, что Б присуще всем А <и не присуще ни одному В>, то А необходимо не присуще ни одному В. Получается как раз вторая фигура со средним термином Б. Если же [посылку] АБ взять отрицательной, а другую — утвердительной, то получится первая фигура. В самом деле, В присуще всем А, а Б не присуще ни одному В; так что Б не присуще ни одному А, стало быть, и А — ни одному Б. Таким образом, посредством заключения и одной посылки здесь не получится силлогизма, но если прибавить другую [посылку] [1], то силлогизм получится. Если же силлогизм не общий, то общая посылка не может быть доказана по той же причине, о которой мы говорили раньше [2]. Частная же [посылка] может быть доказана, когда общая [посылка] утвердительная. В самом деле, пусть А будет присуще всем Б и не всем В; заключение — БВ. Если же принять, что Б присуще всем А и не всем В, то А не будет присуще некоторым В; средний термин — Б. Если же общая посылка отрицательная, то посылку АВ нельзя доказать через обращение АБ, ибо тогда оказалось бы, что или обе посылки будут отрицательными, или одна из них, так что силлогизма не получится. Если, однако, принять, что А присуще чему-то из того, части чего Б не присуще, то можно доказать точно так же, как и в общих силлогизмах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Доказательство по кругу в третьей фигуре*]

По третьей фигуре нельзя доказать одно [положение] посредством другого, когда обе посылки взяты общими, ибо общее доказывается посредством общих [посылок], заключение же в этой фигуре всегда частное, а потому очевидно, что по этой фигуре общая посылка вообще не может быть доказана. Если же одна [посылка] общая, а другая — частная, то доказательство [по кругу] в одних случаях возможно, в других нет, а именно: оно возможно, когда обе [посылки] взяты утвердительными и меньший крайний термин содержится в общей [посылке]; когда другой крайний термин содержится в общей [посылке], доказательство невозможно. В самом деле, пусть А будет присуще всем В, а Б — некоторым В; заключение — АБ. Если же принять, что В присуще всем А, то будет,

правда, доказано, что В присуще некоторым Б, но не будет доказано, что Б присуще некоторым В. Между тем необходимо, чтобы, в случае если В присуще некоторым Б, и Б было присуще некоторым В. Однако не одно и то же, присуще ли первое второму или второе первому; здесь следует принять еще, что если одно присуще чему-то из другого, то и это другое также присуще чему-то из первого. Однако если принять это, то силлогизма уже не получится из заключения и одной посылки. Но если Б присуще всем В и А — некоторым В, то можно будет доказать [посылку] АВ, если принять, что В присуще всем Б и А — некоторым Б, ибо если В присуще всем Б и А — некоторым Б, то А необходимо присуще некоторым В; средний термин — Б. Если же одна [посылка] утвердительная, другая — отрицательная, а утвердительная — общая, то можно доказать другую. В самом деле, пусть Б присуще всем В, тогда как А некоторым В не присуще; заключением будет, что А некоторым Б не присуще. Если принять еще, что В присуще всем Б, то А необходимо не присуще некоторым В; средний термин — Б. Если же отрицательная [посылка] общая, то другая не может быть доказана, разве только в таких случаях, как в предыдущих, когда принималось, что одно присуще чему-то из того, части чего другое не присуще, как, например, если А не присуще ни одному В, а Б присуще некоторым В; заключением будет, что А не присуще некоторым Б. Если же принять, что В присуще чему-то из того, части чего А не присуще, то В необходимо присуще некоторым Б. Иным способом нельзя при обращении общей посылки доказать другую посылку, ибо силлогизма никак не получится.

Таким образом, очевидно, что в первой фигуре доказательство одной посылки посредством другой возможно через третью и первую фигуры, а именно: если заключение утвердительное — через первую фигуру; если же отрицательное — через последнюю, ибо принимается, что, чему одно вовсе не присуще, тому всему присуще другое. В средней же фигуре, если заключение общее, доказательство [одной посылки посредством другой] возможно через эту же фигуру и через первую; если же заключение частное — через эту же фигуру и через последнюю. В третьей же фи-

гуре все доказательства ведутся через эту же фигуру. Очевидно также, что в третьей и средней фигуре те силлогизмы, которые [непосредственно] не получаются через эти же фигуры, или не могут быть доказаны по кругу, или они несовершенные.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Превращение заключений, главным образом в первой фигуре*]

59b Подвергать превращению — значит образовать через изменение заключения силлогизм, в котором или [больший] крайний термин не присущ среднему, или средний не присущ меньшему. А именно, если заключение подвергается превращению и одна посылка остается неизменной, то другая необходимо отрицается; в самом деле, если бы последняя осталась, то осталось бы и заключение. Есть, однако, разница, подвергается ли заключение превращению в противолежащее [по противоречию] или в противоположное [положение], ибо при том и другом способе превращения получается не один и тот же силлогизм, как это ясно будет из дальнейшего. Под противолежащими друг другу [по противоречию] я подразумеваю «быть присущим всем» и «быть присущим не всем», а также «быть присущим некоторым» и «не быть присущим ни одному»; под противоположными друг другу — «быть присущим всем» и «не быть присущим ни одному», а также «быть присущим некоторым» и «не быть присущим некоторым»[1]. В самом деле, пусть будет доказано через средний термин Б, что А [сказывается] о В. Если же принять, что А не присуще ни одному В, но присуще всем Б, то Б не будет присуще ни одному В. Если же принять, что А не присуще ни одному В, но Б присуще всем В, то будет [следовать лишь то], что А присуще не всем Б, но не то, что оно вообще не присуще ни одному Б, так как общее, как мы видели[2], не может быть доказано через последнюю фигуру. И вообще посылка, содержащая больший крайний термин, не может быть опровергнута общей посылкой посредством превращения, ибо она всегда отрицается через третью фигуру, так как обе посылки должны быть отнесены к последнему крайнему термину. И точно так же обстоит дело, если силлогизм отрицательный. В самом

деле, пусть посредством Б будет доказано, что А не присуще ни одному В. Стало быть, если принять, что А присуще всем В и не присуще ни одному Б, то Б не будет присуще ни одному В. И если А и Б присущи всем В, то А будет присуще некоторым Б, но ведь [в первоначальной посылке] оно не было присуще ни одному Б.

Если же заключение подвергнуть превращению в [положение], противолежащее [по противоречию], то и [другие] заключения будут противолежащими и не общими, ибо одна посылка станет частной, а потому частным будет и заключение. В самом деле, пусть заключение будет утвердительным и подвергнется превращению в противолежащее; стало быть, если А присуще не всем В, но присуще всем Б, то Б будет присуще не всем В. И если А присуще не всем В, а Б — всем В, то А будет присуще не всем Б. Равным образом обстоит дело, если силлогизм отрицательный. В самом деле, если А присуще некоторым В и не присуще ни одному Б, то следовать будет лишь то, что Б не присуще некоторым В, но не то, что оно безусловно не присуще ни одному В. И если А присуще некоторым В, а Б — всем В, как это было принято вначале, то А будет присуще некоторым Б.

Что касается частных силлогизмов, то, если заключение подвергается превращению в [положение], противолежащее [по противоречию], отрицаются обе посылки; если же в противоположное — ни одна. В самом деле, если заключение по превращении остается частным, то не [только не] бывает такого отрицания, какое имеет место в общих силлогизмах, но и вообще ничего не отрицается. В самом деле, пусть будет доказано, что А [сказывается] о некоторых В. Если же принять, что А не присуще ни одному В, а Б присуще некоторым В, то А не будет присуще некоторым Б. И если принять, что А не присуще ни одному В и присуще всем Б, то Б не будет присуще ни одному В. Так что обе посылки отрицаются. Но если заключение подвергается превращению в противоположное, то не отрицается ни одна из посылок. В самом деле, если А некоторым В не присуще, а всем Б присуще, то Б будет некоторым В не присуще. Но этим еще не отрицается первоначально принятое, ибо возможно, что Б некоторым В присуще, а некоторым не присуще. Для посылки же АБ, когда

она общая, вообще не получится никакого силлогизма, ибо если А не присуще некоторым В, а Б некоторым присуще, то ни одна из посылок не будет общей. Равным образом обстоит дело, если силлогизм отрицательный, ибо если принять, что А присуще всем В, то отрицаются обе посылки; если же принять, что А некоторым В присуще,— ни одна. Доказывается это таким же образом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Превращение заключений во второй фигуре*]

Во второй фигуре невозможно посылку, содержащую больший крайний термин, отрицать посредством противоположного [положения], каким бы ни было превращение, ибо заключение всегда получится по третьей фигуре, а в ней, как мы видели, общее заключение невозможно. Другая же посылка отрицается таким же способом, каким подвергается превращению заключение. Под [выражением] «таким же способом» я понимаю: если заключение подвергается превращению в противоположное [положение], то и посылка отрицается посредством противоположного [положения]; если же в противолежащее [по противоречию] — то и посылка отрицается посредством противолежащего [положения]. В самом деле, пусть А будет присуще всем Б и не присуще ни одному В; заключением будет БВ. Если же принять, что Б присуще всем В и АБ остается, то А будет присуще всем В. Получится как раз первая фигура. Если же Б присуще всем В, тогда как А не присуще ни одному В, то А будет присуще не всем Б; получится последняя фигура. Но если БВ подвергнуть превращению в противолежащее [положение], то АБ доказывается так же, [как в предыдущем случае], тогда как АВ — через превращение в противолежащее [положение]. А именно, если Б присуще некоторым В, тогда как А не присуще ни одному В, то А не будет присуще некоторым Б. Далее, если Б присуще некоторым В, тогда как А — всем Б, то А будет присуще некоторым В, и, стало быть, получится заключение, противолежащее [посылке АВ]. Точно так же следует доказывать, если посылки находятся друг к другу в обратном отношении. Но если заключение частное, то при превращении его в противоположное

[положение] не будет отрицаться ни одна из посылок, как не бывает этого и в первой фигуре; при превращении же в противолежащее [по противоречию] отрицаются обе посылки. В самом деле, допустим, что А не присуще ни одному Б и присуще некоторым В; заключение — БВ. Если же принять, что Б присуще некоторым В и АБ остается, то заключением будет, что А не присуще некоторым В, чем, однако, не отрицается первоначально принятое. Ибо возможно, что А некоторым В присуще, а некоторым нет. Далее, если Б присуще некоторым В и А — некоторым В, то силлогизма не получится, ибо ни та ни другая из принятых посылок не общая, так что посылка АБ не отрицается. При превращении же заключения в противолежащее [по противоречию] отрицаются обе посылки. В самом деле, если Б присуще всем В, тогда как А не присуще ни одному Б, то А не присуще ни одному В. Между тем А было присуще некоторым В. Далее, если Б присуще всем В и А — некоторым В, то А присуще некоторым Б. Точно так же доказывается, если общая посылка утвердительная.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Превращение заключений в третьей фигуре*]

В третьей фигуре если заключение подвергается превращению в противоположное [положение], то ни одна из посылок любого силлогизма не отрицается, если же в противолежащее [по противоречию] — то отрицаются обе посылки, притом во всех силлогизмах. В самом деле, пусть будет доказано, что А присуще некоторым Б, средним термином пусть будет В и обе посылки пусть будут общими; если, стало быть, принять, что А некоторым Б не присуще, а Б присуще всем В, то никакого силлогизма об А и В не получится. Равным образом, если А не присуще некоторым Б, а всем В присуще, не получится никакого силлогизма о Б и В. Подобным же образом доказывается и когда посылки не общие. В самом деле, или обе посылки по превращении необходимо частные, или общее относится к меньшему крайнему термину; но в таком случае, как мы видели [1], не получается силлогизма ни по первой, ни по средней фигуре. Если же посылки подвергаются превращению в [положение], противоле-

жащее [по противоречию], то обе они отрицаются. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще всем В, то А не присуще ни одному В. С другой стороны, если А не присуще ни одному Б, но присуще всем В, то Б не будет присуще ни одному В. Точно так же — если одна посылка не общая. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще некоторым В, то А не присуще некоторым В. Если же А не присуще ни одному Б, но присуще всем В, то Б не будет присуще ни одному В. Равным образом — если заключение отрицательное. В самом деле, пусть будет доказано, что А некоторым Б не присуще, и пусть посылка БВ будет утвердительной, а АВ — отрицательной; именно так, как мы видели[2], получается силлогизм. Если же взять [положение], противоположное заключению, то силлогизма не будет, ибо если А присуще некоторым Б, а Б — всем В, то, как мы видели[3], не получается силлогизма об А и В. Точно так же — если А присуще некоторым Б, но ни одному В не присуще, то, как мы видели[4], не получается силлогизма о Б и В. Так что посылки не отрицаются. Если же взять [положение], противолежащее заключению [по противоречию], то посылки отрицаются. В самом деле, если А присуще всем Б и Б — всем В, то А будет присуще всем В. Но было ведь предположено, что оно не присуще ни одному В. Далее, если А присуще всем Б, но ни одному В не присуще, то Б не будет присуще ни одному В. Но было ведь предположено, что оно присуще всем В. Подобным же образом доказывается, если посылки не общие. В самом деле, АВ станет в таком случае общей и отрицательной, а другая посылка — частной и утвердительной. Если же А присуще всем Б, а Б — некоторым В, то следует, что А присуще некоторым В. Но было ведь предположено, что оно не присуще ни одному В. Далее, если А присуще всем Б, но не присуще ни одному В, то Б не будет присуще ни одному В. Но было ведь предположено, что оно при- 61a
суще некоторым В. Если же А присуще некоторым Б, а Б — некоторым В, то силлогизма не получится, как не получится его, если А присуще некоторым Б, но не присуще ни одному В. Так что способом, указанным выше, посылки отрицаются, другим же, только что описанным,— нет.

Итак, из сказанного очевидно, каким именно образом по превращении заключения получается в каждой фигуре силлогизм, а также когда получается заключение, противоположное посылке, и когда — противолежащее [по противоречию]. Очевидно также, что в первой фигуре эти силлогизмы получаются через среднюю и последнюю фигуры и что посылка, содержащая меньший крайний термин, всегда отрицается через среднюю фигуру, а посылка, содержащая больший крайний термин,— через последнюю; во второй же фигуре эти силлогизмы получаются через первую и последнюю фигуры и посылка, содержащая меньший крайний термин, всегда отрицается через первую фигуру; посылка, содержащая больший крайний термин,— через последнюю; наконец, в третьей фигуре эти силлогизмы получаются через первую и среднюю фигуры и посылка, содержащая больший крайний термин, всегда отрицается через первую фигуру; посылка же, содержащая меньший крайний термин,— через среднюю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[Приведение к невозможному и его отношение к превращению, главным образом по первой фигуре]

Таким образом, очевидно, чтó такое превращение, как оно происходит в каждой фигуре и какой получается при этом силлогизм. Силлогизм же через невозможное доказывается, когда принимают посылкой то, что противоречит заключению, и прибавляют к нему другую посылку. Такой силлогизм получается во всех фигурах, ибо он подобен превращению с тем лишь различием, что превращение производят, когда силлогизм уже образован и обе посылки приняты, между тем как к невозможному приводят, когда [положение], противолежащее [по противоречию], не заранее признано, а [условно взято] как очевидно истинное. Термины же в обоих [доказательствах] находятся в одинаковом отношении друг к другу и берутся одним и тем же способом. Например, если А присуще всем Б, а В — средний термин, то при предположении, что А присуще или не всем Б, или не присуще ни одному Б, но присуще всем В, что как раз было принято за истинное, В необходимо или не присуще ни одному Б, или при-

суще не всем Б, а это невозможно. А потому предположение ложно, и, стало быть, противолежащее ему положение истинно. Точно так же и в других фигурах. Ибо там, где допустимо превращение, допустим также и силлогизм через невозможное.

Итак, общеутвердительное положение доказывается через невозможное по средней и третьей фигурам, но не по первой; все другие положения — по всем фигурам. В самом деле, допустим, что А присуще не всем Б или не присуще ни одному Б, и прибавим к этому другую посылку, относящуюся к любому термину,— или что В присуще всем А, или что Б присуще всем Д. Таким именно образом получилась бы первая фигура. Однако если предположить, что А присуще не всем Б, то силлогизма не получится, к какому бы термину ни 61b
относилась другая посылка. Если же предположить, что А не присуще ни одному Б, то, когда прибавляют посылку БД, выводится нечто ложное, однако [первоначально] положенное остается недоказанным. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, а Б присуще всем Д, то А не будет присуще ни одному Д. Но пусть это будет невозможно. Стало быть, ложным будет то, что А не присуще ни одному Б. Однако если ложно, что А не присуще ни одному Б, то еще не истинно, что оно присуще всем Б. Если же прибавляется посылка ВА, то [также] не получится силлогизма, как не получится, если предположить, что А присуще не всем Б. Так что очевидно, что не может быть по первой фигуре доказано через невозможное, что [А] присуще всем [Б]. Но что оно некоторым присуще, или не присуще ни одному, или присуще не всем,— это может быть в ней доказано. В самом деле, допустим, что А не присуще ни одному Б, и примем, что Б присуще всем или некоторым В. Тогда А необходимо не присуще ни одному В или присуще не всем В. Но это невозможно (ибо пусть будет истинным и очевидным, что А присуще всем В); так что если это ложно, то А необходимо присуще некоторым Б. Если же взять другую посылку с А [как средним термином], то силлогизма не получится. Не получится его и в том случае, если предположить [положение], противоположное заключению, например что А не присуще некоторым Б. Таким образом, очевидно, что предположением следует брать нечто противолежащее заключению

[по противоречию]. Далее, предположим, что А присуще некоторым Б, и примем, что В присуще всем А. Тогда В необходимо присуще некоторым Б. Но пусть это будет невозможно, а потому предположенное ложно. Но раз это так, то истинным будет, что А не присуще ни одному Б. Точно так же — если посылку ВА взять отрицательной. Если же взять посылку с Б [как средним термином], то силлогизма не получится. А если предположить противоположное, то силлогизм, правда, получится и будет доказано невозможное, однако первоначально принятое остается недоказанным. В самом деле, предположим, что А присуще всем Б, и примем, что В присуще всем А. Тогда В необходимо присуще всем Б. Но это невозможно, а потому ложно предположение, что А присуще всем Б. Но если оно присуще не всем Б, то еще не необходимо, чтобы оно не было присуще ни одному Б. Точно так же — если другую посылку взять с Б [как средним термином]. А именно, силлогизм, правда, получится и будет доказано невозможное, однако предположение не отрицается. Так что предположением следует брать противолежащее [по противоречию]. Для того же чтобы доказать, что А присуще не всем Б, следует предположить, что оно присуще всем Б. В самом деле, если А присуще всем Б, а В — всем А, то В присуще всем Б; так что если это невозможно, то предположение ложно. Равным образом — если другую посылку взять с Б [как средним термином]. И то же самое будет, если посылка ВА отрицательная, ибо силлогизм получится и в этом случае. Но если отрицание отнести к Б, то ничего не доказывается. Если же предположить, что А присуще не всем Б, а некоторым, то будет доказано не то, что оно присуще не всем, а то, что оно не присуще ни одному. В самом деле, если А присуще некоторым Б, а В — всем А, то В будет присуще некоторым Б. Если же это невозможно, то ложно, что А присуще некоторым Б, а потому истинно, что оно не присуще ни одному Б. Однако через доказательство этого отрицается и нечто истинное, ведь было принято, что А некоторым Б присуще, а некоторым нет. Кроме того, из предположения невозможное не вытекает, иначе оно было бы ложным, так как из истинных посылок нельзя вывести ложное; здесь же предположение истинно, ибо А присуще некоторым Б. Поэтому нельзя

сделать предположение, что А присуще некоторым Б, а следует предположить, что оно присуще всем Б. Равным образом обстояло бы дело, если бы мы доказывали, что А не присуще некоторым Б. В самом деле, если «быть некоторым не присущим» и «быть присущим не всем» означает одно и то же, то и доказательство для того и другого будет одним и тем же.

Таким образом, очевидно, что во всех силлогизмах предположением следует брать не противоположное, а противолежащее [по противоречию]. Ибо так вывод будет необходимым и предположение покажется правдоподобным, ибо если относительно всего истинно либо утверждение, либо отрицание, то, в случае если доказано, что отрицание не истинно, необходимо будет истинным утверждение. И наоборот, если отвергается истинность утверждения, то правдоподобным следует признать отрицание. Но противоположное ни в одном, ни в другом случае не надлежит считать [истинным], ибо если ложно, что нечто ни одному не присуще, то еще не необходимо истинно, что оно всем присуще, как не правдоподобно и то, что если одно ложно, то другое истинно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Доказательство через приведение к невозможному по второй фигуре*]

Таким образом, очевидно, что, за исключением общеутвердительных, все остальные положения могут быть доказаны по первой фигуре через невозможное. Но по средней и последней фигурам доказуемы [через невозможное] и общеутвердительные положения. В самом деле, предположим, что А присуще не всем Б, и примем, что оно присуще всем В. Стало быть, если А присуще не всем Б и присуще всем В, то В присуще не всем Б. Но это невозможно, ибо пусть будет очевидным, что В присуще всем Б, так что предположенное ложно, и истинным, таким образом, будет, что А присуще всем Б. Если же предположить противоположное, то силлогизм, правда, получится и будет доказано невозможное, однако первоначально принятое останется недоказанным. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, но присуще всем В, то В не будет присуще ни одному Б. Но это невозможно, так что ложным будет,

что А не присуще ни одному Б. Но если это ложно, то еще не истинно, что оно присуще всем Б. Когда же А присуще некоторым Б, предположим, что А не присуще ни одному Б, но присуще всем В. Тогда В необходимо не присуще ни одному Б. Так что если это невозможно, то А необходимо присуще некоторым Б. Если же предположить, что оно некоторым Б не присуще, то получится то же самое, что и в первой фигуре [1]. Далее, предположим, что А присуще некоторым Б, но не присуще ни одному В. Тогда В необходимо не присуще некоторым Б. Но оно было присуще всем Б, так что предположенное ложно. Следовательно, А не будет присуще ни одному Б. Когда же А присуще не всем Б, предположим, что оно присуще всем Б, но не присуще ни одному
62b В. Тогда В необходимо не присуще ни одному Б. Но это невозможно, так что истинно, что А присуще не всем Б. Таким образом, очевидно, что через невозможное в средней фигуре получаются все виды силлогизмов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[Доказательство через приведение к невозможному по третьей фигуре]

Подобным же образом [ведется доказательство через невозможное] и по последней фигуре. В самом деле, допустим, что А не присуще некоторым Б, а В присуще всем Б; тогда А некоторым В не будет присуще. Если же это невозможно, то ложно, что оно некоторым Б не присуще, так что истинно, что оно присуще всем Б. Если же предположить, что А не присуще ни одному Б, то силлогизм, правда, получится и будет доказано невозможное, но первоначально принятое останется недоказанным, ибо если предположить противоположное, то получается то же самое, что и раньше [1]. Для того же чтобы доказать, что А присуще некоторым Б, нужно принять то же предположение. В самом деле, если А не присуще ни одному Б, а В присуще некоторым Б, то А будет присуще не всем В. Если же это ложно, то истинно, что А присуще некоторым Б. Когда же А не присуще ни одному Б, предположим, что оно некоторым Б присуще, и примем, что В присуще всем Б. Тогда А необходимо присуще некоторым В, но [на деле] оно не присуще ни одному В, так что ложно, что А присуще некоторым Б. Если же предположить, что А при-

суще всем Б, то первоначально принятое остается недоказанным. Для того же чтобы доказать, то А присуще не всем Б, нужно принять то же предположение. Действительно, если А присуще всем Б, а В — всем Б, то А присуще некоторым В. Но [на деле] этого не было, так что ложно, что А присуще всем Б. Но если это так, получаемых через невозможное, следует брать предположить, что оно присуще некоторым Б, то получится то же, что и в ранее указанных случаях[2].

Таким образом, очевидно, что во всех силлогизмах, получаемых через невозможное, следует брать предположением противолежащее [по противоречию]. Ясно также, что по средней фигуре этим способом можно доказывать утвердительное, а по последней — общее [заключение].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Различие между доказательством через приведение к невозможному и прямым доказательством]

Доказательство через невозможное отличается от прямого доказательства тем, что в нем принимается то, что́ хотят отрицать путем приведения к бесспорно ложному. Прямое же доказательство исходит из общепризнанных положений. И то и другое доказательство, правда, берет две общепризнанные посылки, но прямое берет посылки, из которых получается силлогизм, доказательство же через невозможное берет лишь одну такую посылку, а другую — противоречащей заключению. Далее, при прямом доказательстве не необходимо, чтобы заключение было уже известно и чтобы уже заранее было принято, что оно истинно или нет. При доказательстве же через невозможное необходимо заранее принимать, что оно не истинно. При этом безразлично, каково заключение — утвердительное или отрицательное: в обоих случаях дело обстоит одинаково. Все, что выводится прямо, может быть доказано и через невозможное, а то, что доказывается через невозможное, может быть доказано и прямо — посредством тех же терминов, 〈однако не по тем же фигурам〉. В самом деле, если силлогизм [через невозможное] получается по первой фигуре, то истинное заключение полу- 63a
чится или по средней, или по последней фигуре, а именно отрицательное — по средней, утвердительное — по последней. Если же силлогизм этот получается по

средней фигуре, то истинное заключение получится по первой фигуре для всех положений. Если же по последней фигуре, то истинное заключение получится по первой или средней фигуре, а именно утвердительное — по первой, а отрицательное — по средней. В самом деле, пусть будет доказано [через невозможное] по первой фигуре, что А не присуще ни одному Б или присуще не всем Б. Стало быть, предположением было, что А присуще некоторым Б, между тем было принято, что В присуще всем А, но не присуще ни одному Б; именно так получался силлогизм и доказывалось невозможное. Но это и есть средняя фигура, если В присуще всем А и не присуще ни одному Б. И отсюда очевидно, что А не присуще ни одному Б. Точно так же — если доказано, что А присуще не всем Б. В самом деле, предположение здесь — что А присуще всем Б, между тем было принято, что В присуще всем А и не всем Б. И точно так же — если посылку ВА взять отрицательной. В самом деле, и так получается средняя фигура. Далее, допустим, что дóлжно было доказать, что А присуще некоторым Б. Предположением было, что оно не присуще ни одному Б, между тем было принято, что Б присуще всем В и что А присуще или всем, или некоторым В; именно так получится невозможное. Но это и есть последняя фигура, если А и Б присущи всем В. И отсюда очевидно, что А необходимо присуще некоторым Б. Точно так же — если бы было принято, что Б или А присуще некоторым В.

Далее, допустим, что по средней фигуре дóлжно было доказать, что А присуще всем Б. Стало быть, предположением было, что А присуще не всем Б, между тем было принято, что А присуще всем В, а В — всем Б; именно так получится невозможное. Но это и есть первая фигура: А присуще всем В, а В — всем Б. Точно так же — если было доказано [через невозможное], что А присуще некоторым Б. В самом деле, предположением было, что А не присуще ни одному Б, между тем было принято, что А присуще всем В, а В — некоторым Б. Если же заключение отрицательное, то предположением было, что А присуще некоторым Б, между тем было принято, что А не присуще ни одному В, а В присуще всем Б, так что получается первая фигура. Точно так же — если заключение не общее, а доказано, что А не присуще некоторым Б. В самом

деле, предположением было, что А присуще всем Б, между тем было принято, что А не присуще ни одному В, а В присуще некоторым Б. Именно так получается первая фигура.

Далее, допустим, что по третьей фигуре дóлжно было доказать, что А присуще всем Б. Стало быть, предположением было, что А присуще не всем В, между тем было принято, что В присуще всем Б и А — всем В. Именно так получится невозможное. Но это и есть первая фигура. Точно так же — если доказывается, что А присуще некоторым Б, ибо предположением было, что А не присуще ни одному Б, между тем было принято, что В присуще некоторым Б и А присуще всем В. Если же заключение отрицательное, то предположением было, что А присуще некоторым Б, между тем было принято, что В не присуще ни одному А и присуще всем Б. А это и есть средняя фигура. Точно так же — если доказывается не общее, ибо предположением было, что А присуще всем Б, между тем было принято, что В не присуще ни одному А и присуще некоторым Б. А это и есть средняя фигура.

Таким образом, очевидно, что каждое положение может быть доказано посредством тех же терминов и прямо ⟨и через невозможное⟩. Точно так же силлогизмы, доказанные прямо, могут посредством тех же принятых терминов быть доказаны через невозможное, если взята [как предположение] посылка, противолежащая заключению [по противоречию]. В самом деле, [здесь] получаются силлогизмы, одинаковые с теми, которые получаются через превращение, так что мы сразу имеем и те же фигуры, через которые [доказывается] каждое отдельное [положение]. Итак, ясно, что всякое положение может быть доказано обоими способами — через невозможное и прямо. Ясно также, что нельзя один способ доказательства отделить от другого.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[*Силлогизмы из противолежащих друг другу посылок*]

По какой же фигуре можно из противолежащих друг другу посылок выводить заключение и по какой нельзя,— это станет очевидным из последующего. А противолежащими друг другу посылками по словесному

выражению я называю четыре вида: присуще всем — не присуще ни одному; присуще всем — присуще не всем; присуще некоторым — не присуще ни одному и присуще некоторым — не присуще некоторым. Но в действительности их три вида, ибо «присуще некоторым» и «не присуще некоторым» противолежат друг другу только словесно. Из перечисленного я называю противоположными общие посылки: присуще всем — не присуще ни одному, как, например, «всякое знание достойно одобрения» и «никакое знание не достойно одобрения»; все остальные я называю противолежащими [по противоречию].

Так вот, в первой фигуре не получается силлогизма из противолежащих друг другу посылок: ни утвердительного, ни отрицательного. Утвердительного не получается потому, что обе посылки должны быть утвердительными, между тем противолежащие друг другу посылки — это утверждение и отрицание. Отрицательного же не получается потому, что противолежащие друг другу посылки одно и то же относительно одного и того же утверждают и отрицают, средний же термин в первой фигуре не высказывается о двух крайних, а один [из них] относительно него что-то отрицает, тогда как сам он о другом термине сказывается; а такие посылки не противолежат друг другу.

В средней фигуре силлогизм можно получить и из противолежащих друг другу, и из противоположных друг другу посылок. В самом деле, пусть А обозначает
64a благо, а Б и В — знание. В таком случае если принять, что всякое знание достойно одобрения, а также что никакое знание не достойно одобрения, то А присуще всем Б и ни одному В, так что Б не будет присуще ни одному В. Следовательно, никакое знание не есть знание. Точно так же — если принять, что всякое знание достойно одобрения, а затем утверждать, что врачебное искусство не достойно одобрения. В таком случае А присуще всем Б, но не присуще ни одному В. Стало быть, такое-то знание не есть знание. Точно так же — если А присуще всем В и не присуще ни одному Б; [например], Б обозначает знание, В — врачебное искусство, А — догадку. В таком случае сперва принимают, что никакое знание не есть догадка, а затем утверждают, что такое-то знание есть догадка. Этот случай отличается от предыдущего тем, что здесь отно-

шение между терминами иное, так как раньше утверждение было отнесено к Б, а теперь — к В. Точно так же получается силлогизм, если одна из посылок не общая. Ибо всегда средний термин — это тот, который об одном [крайнем] высказывается отрицательно, а о другом — утвердительно. Поэтому [в средней фигуре] из противолежащих друг другу посылок может быть выведено заключение, однако не всегда и не всяким образом, а лишь тогда, когда подчиненные среднему крайние термины или тождественны, или относятся друг к другу как целое к части. Иначе же оно невозможно, ибо посылки ни в коем случае не будут ни противоположными, ни противолежащими друг другу.

В третьей фигуре утвердительного силлогизма никогда нельзя получить из противолежащих друг другу посылок по той же указанной выше причине [1], что и в первой фигуре. Отрицательный же получится, все равно, будут ли термины взяты в общих или не в общих посылках. В самом деле, пусть Б и В обозначают знание, А — врачебное искусство. Если же принимается, что всякое врачебное искусство есть знание и что никакое врачебное искусство не есть знание, то берутся [посылки]: Б присуще всем А, а В не присуще ни одному А. Так что такое-то знание не будет знанием. Равным образом получается заключение, если посылка БА берется не общей. В самом деле, если такое-то врачебное искусство есть знание, а, с другой стороны, никакое врачебное искусство не есть знание, то оказывается, что такое-то знание не есть знание. Посылки будут противоположными друг другу, если они общие, и противолежащими [по противоречию], если одна из них частная.

При этом следует обратить внимание на то, что противолежащие друг другу [положения] можно взять так, как мы сказали выше, например «всякое знание достойно одобрения», а, с другой стороны, «никакое знание или такое-то знание не достойно одобрения», и это обычно не остается незамеченным. Однако при помощи различных вопросов можно вывести силлогизмом другую посылку, [противолежащую первой], или брать ее так, как указано в «Топике» [2]. А так как утвердительные положения имеют три [вида] противопоставления, то противолежащие друг другу посылки могут быть взяты шестью способами [присущности]: или всем и ни одному, или всем и не всем, или некоторым

и ни одному. И эти посылки могут быть подвергнуты 64b превращению в отношении своих терминов. Например, А присуще всем Б и не присуще ни одному В, или, [наоборот], всем В и ни одному Б, или всем Б и не всем В. И это снова может быть подвергнуто превращению в отношении терминов. Равным образом обстоит дело и в третьей фигуре. Таким образом, очевидно, сколькими способами и по каким фигурам можно получить силлогизм из противолежащих друг другу посылок.

Очевидно также и то, что из ложных посылок, как раньше было сказано, можно выводить истинное заключение, но из противолежащих друг другу нельзя. Ибо заключение в таком случае оказывается всегда противоположным действительному положению вещей, как, например, если это есть благо, делается вывод, что оно не есть благо; или, если вот это есть живое существо,— что оно не есть живое существо. Это потому, что такое заключение получается из противоречия, а термины, лежащие в его основании, или тождественны, или один есть целое, а другой — часть. Ясно также и то, что в паралогизмах ничто не мешает, чтобы получилось противоречие сделанному предположению, как, например, когда о нечетном числе утверждают, что оно не есть нечетное, ибо из противолежащих друг другу посылок получалось заключение, противоположное [принятому]. Поэтому если взять такого рода посылки, то получится противоречие сделанному предположению. При этом следует обратить внимание, что из *одного* силлогизма так нельзя выводить заключение, противоположное принятому, например о том, что не есть благо,— что оно благо, или что-то другое в этом роде, если сразу же не взять и такого же рода посылку, как, например, «каждое живое существо бело и не бело», а затем «человек есть живое существо». Или же следует сначала взять противоречащее [положение] (например, что всякое знание есть догадка), а затем принять, что всякое врачебное искусство есть знание, но никакое врачебное искусство не есть догадка, как это бывает при опровержениях, или следует [вывести противоречащее заключение] из двух силлогизмов; так что принятые [посылки] могут быть действительно противоположны друг другу только указанным образом[3], и никаким иным.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[*Постулирование основания*]

Постулирование и принятие начала по роду своему относится к [рассуждению], не доказывающему предложенного, а это бывает различным образом, а именно: или вообще не выводится заключение, или заключают из менее известного либо одинаково неизвестного, или заключают от последующего к предшествующему [1]. Между тем доказывание должно идти от более достоверного и предшествующего. Однако ни один из перечисленных способов не есть постулирование начала. Но так как иное по своей природе познается через само себя, иное же — через другое (а именно начала познаются через самих себя, а то, что им подчинено,— через другое [2]), то когда познаваемое не через само себя пытаются доказать через него же, тогда постулируется начало. Это делается таким образом, что прямо принимают предложенное за доказанное, а можно, перейдя к чему-то другому, что по своей природе доказуемо через предложенное, доказывать через это другое первоначально принятое, как, например, если А доказывали бы через Б, Б — через В, а В по своей природе доказуемо через А. Тогда получается, что те, кто так умозаключает, доказывают А через него же. Так поступают, [например], те, кто думает, что они проводят параллельные линии. В самом деле, они, сами того не зная, [в основу доказательства] берут нечто такое, что само не может быть доказано, если линии не параллельны. Поэтому получается, что те, кто так умозаключает, утверждают, что каждая вещь существует, если она существует. Но таким образом все познавалось бы через само себя, что́ невозможно.

Итак, если неизвестно, что А присуще В, и равным образом неизвестно, что А присуще Б, и все же постулируют, что А присуще Б, то отсюда еще не ясно, постулируется ли начало, но ясно, что ничего не доказывается, ибо то, что одинаково не известно, не есть начало доказательства. Но если отношение между Б и В таково, что оба они тождественны, или ясно, что они переставляемы, или одно содержится в другом, то в этих случаях постулируют начало. В самом деле, можно было бы доказать, что А присуще Б, через указанные посылки, если они обратимы. Но в данном случае

мешает неполная обратимость [посылки ВБ], а не самый способ [доказательства]. Но если бы ее подвергли обращению, то сделали бы то, что было указано[3], и имело бы место обращение посредством трех [посылок]. Точно так же если бы было принято, что Б присуще В, и оставалось бы одинаково неизвестным, что А присуще В, то еще не постулируется начало, но и не доказывается. Но если А и Б тождественны или потому, что они переставляемы, или потому, что А следует из Б, то постулируется начало по той же самой причине. А что значит постулировать начало, это мы сказали выше[4], а именно: доказывать то, что не самоочевидно, через него же.

Если, таким образом, постулировать начало — значит доказывать то, что не самоочевидно, через него же (а это значит не доказывать), когда то, что должно быть доказано, и то, через что оно доказывается, одинаково неизвестны или потому, что тождественные [термины] присущи одному и тому же, или потому, что одно и то же присуще этим [терминам], то постулирование начала возможно и в средней и третьей фигуре тем и другим способом. В утвердительном же силлогизме оно бывает по третьей и первой фигуре, а в отрицательном силлогизме — тогда, когда тождественные термины отрицаются относительно одного и того же, притом обе посылки неодинаковы (как и в средней фигуре), ибо в отрицательных силлогизмах термины не переставляемы. Постулирование начала в доказательствах касается того, с чем дело действительно обстоит так-то и так-то, в диалектических же [доводах] — того, что основано на мнении.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[Возражение при силлогизмах, получаемых через приведение к невозможному]

Возражение, обычно выдвигаемое нами в спорах, а именно «ложное проистекает не из этого», делают прежде всего при силлогизмах, получаемых через невозможное, когда возражают против того, что доказывалось через невозможное, ибо тот, кто не возражает
65b против этого, не скажет: «не из этого», а будет утверждать, что нечто ложное проистекает из того, что было принято раньше. Не [пользуются этим возражением]

и в [прямом] доказательстве, ибо здесь не выдвигают противоречия. Далее, если что-то оспаривается прямым доказательством посредством терминов А, Б и В, то нельзя сказать, что силлогизм получился не из первоначально принятого, ибо мы тогда говорим «[ложное] проистекает не из этого», когда силлогизм и после оспаривания предположения может быть выведен не хуже. А этого не бывает в прямых доказательствах, ибо в них после оспаривания выставляемого положения не получается и относящегося к нему силлогизма. Таким образом, очевидно, что возражение «[ложное проистекает] не из этого» делается, когда силлогизм строится через невозможное, и именно тогда, когда отношение первоначально принятого предположения к невозможному таково, что невозможное получается, все равно, сделано ли это предположение или нет.

Наиболее очевидный способ [возражения] — «ложное проистекает не из принятого положения» — применяется тогда, когда силлогизм, заключающий от средних терминов к невозможному, не связан с предположением, как об этом уже было сказано в «Топике» [1]. В самом деле, это бывает тогда, когда то, что́ не есть причина, принимают за причину, например если тот, кто хочет доказать, что диагональ несоизмерима [со стороной квадрата], стал бы доказывать это доводом Зенона [2], а именно что движение невозможно, сводя к этому невозможное. Ибо это ложное [положение] ни в коем случае не связано с первоначальным высказыванием. Другой случай — это тот, когда невозможное хотя и связано с [первоначальным] предположением, однако вытекает не из него, и это может произойти и когда связь терминов берется по направлению вверх, и когда — вниз [3]; например, если принимают, что А присуще Б, Б присуще В, а В присуще Д и при этом ложно, что Б присуще Д. Ибо если бы Б оставалось присущим В и В — присущим Д и после устранения А, то ложное не вытекало бы из первоначально принятого предположения. Или, наоборот, когда связь терминов берется по направлению вверх, например если А присуще Б, Е присуще А и З присуще Е, а [вывод], что З присуще А, ложен. В самом деле, и в этом случае невозможное получится по устранении первоначально принятого предположения. Но невозможное следует ставить в связь с первоначально взятыми терминами,

ибо [только] так оно получится на основании [принятого предположения]. Например, если берется связь терминов по направлению вниз, то невозможное следует соединить с термином, который сказывается. В самом деле, если невозможно, чтобы А было присуще Д, то ложное уже не будет иметь места по устранении А. Если же берется связь по направлению вверх, то следует невозможное соединить с термином, о котором [что-то] сказывается. В самом деле, если З не может быть присуще Б, то невозможное уже не будет иметь места по устранении Б. Равным образом обстоит дело, когда силлогизмы отрицательные.

Таким образом, очевидно, что если невозможное не находится в связи с первоначально принятыми терминами, то ложное вытекает не из принятого положения. Или, быть может, и в случаях, где есть такая связь, ложное не всегда вытекает из принятого предположения? Ибо если принять, что А присуще не Б, а К и что К присуще В, а В присуще Д, то невозможное [4] осталось бы и в этом случае. Равным образом обстоит дело, когда термины берутся по направлению вверх; стало быть, так как невозможное получается [одинаково], имеет ли это место или нет, то оно может не вытекать из принятого положения. Или [выражение] «ложное все равно получается, есть ли [принятое положение] или нет», следует понимать не в том смысле, что невозможное получается, если принято нечто другое, а в том смысле, что и по устранении первоначально принятого то же невозможное выводится из остальных посылок, так как в том, что одно и то же ложное вытекает из нескольких предположений, нет, пожалуй, ничего нелепого, например: заключение, что параллельные линии пересекаются, может получиться, предположено ли, что внутренний угол больше внешнего, или что треугольник имеет больше, чем два прямых угла.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[Ложность довода при ложности посылок]

Ложный довод получается оттого, что ложно первоначально принятое, ибо всякий силлогизм строится или из двух, или из большего числа посылок. Так вот, если из двух посылок, то необходимо, чтобы одна из них или обе были ложными. Ведь из истинных посылок, как мы

видели, не получается ложного силлогизма. Если же из большего числа посылок, как, например, В доказывается через А и Б, а А и Б — через Д, Е, З и Э, то нечто в этих находящихся выше посылках ложно, и поэтому ложен и довод, ибо А и Б выводятся из этих посылок. Таким образом, из чего-то содержащегося в них вытекает и заключение, и ложное.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[*Правила спора*]

Чтобы избежать опровержений [противника], следует обращать особое внимание вот на что: когда [противник] ведет доказательство при помощи вопросов, скрывая заключение, нельзя дважды допускать один и тот же [термин] в посылках, так как мы знаем, что без среднего термина не получается силлогизма; средний же термин есть то, о чем высказываются несколько раз. А как дóлжно относительно каждого заключения следить за средним термином,— это очевидно тогда, когда знают, какое заключение доказывается по какой фигуре. Но это не может остаться не замеченным нами, так как мы знаем, каким образом следует нам отстаивать свой довод.

То, чего следует по нашему совету остерегаться, [защищаясь] при ответах,— это же следует пытаться скрывать при нападении. Это возможно, во-первых, если не [сразу] выводят заключения из просиллогизмов, но и после того, как взяты необходимые посылки, все еще утаивают заключения. Во-вторых, когда вопросы ставятся не о том, что находится ближе всего, а о том, что возможно дальше отстоит от среднего термина (amesa). Например, допустим, что следует вывести заключение, что А приписывается З, через средние термины Б, В, Д и Е. В таком случае следует спросить, присуще ли А Б, и, далее, не [сразу] о том, присуще ли Б В, а о том, присуще ли Д Е, и уже затем присуще ли Б В, и так все остальное. И если силлогизм получается посредством одного [лишь] среднего термина, 66b то с него и следует начинать, ибо таким образом [наша цель] всего более может оставаться скрытой для отвечающего.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

[*Опровержение посредством умозаключения*]

Так как мы уже знаем, когда и при каком отношении терминов получается силлогизм, то очевидно также, когда опровержение возможно, а когда нет. В самом деле, если [противник] во всем соглашается или дает ответы попеременно (например, один — в отрицательной форме, другой — в утвердительной), то опровержение возможно. Ведь силлогизм получался и при том, и при другом отношении терминов [1]. Так что если [первоначально] принятое противоположно заключению, то опровержение необходимо получится, ибо опровержение и есть умозаключение к противоречию. Но если ни с чем не соглашаются, не может быть и опровержения, ибо, как было сказано [2], не бывает силлогизма, когда все термины взяты в отрицательных посылках, а потому невозможно и опровержение. Ибо если возможно опровержение, то необходимо должен быть и силлогизм. Но если есть силлогизм, то не необходимо, чтобы было опровержение. Точно так же опровержение невозможно, если при ответе не высказывают никакого общего положения, ибо и опровержение, и силлогизм подчинены одному и тому же установлению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[*Ошибки в силлогизмах*]

Иногда бывает, что так же, как ошибаются в расстановке терминов, точно так же впадают в ошибку и во мнении о них, например когда одно и то же бывает непосредственно присуще многим и кто-то об одном из них не знает и думает, что ему оно вовсе не присуще, хотя о другом он знает. Пусть А само по себе будет присуще Б и В и точно так же Б и В присущи всем Д. Если же кто-то думает, что А присуще всем Б и Б — всем Д, но что А не присуще ни одному В, а В присуще всем Д, то относительно одного и того же у него будет об одном и том же и знание и незнание. Далее, если кто-то ошибается относительно того, чтó принадлежит к одному и тому же ряду, например если А присуще Б, Б присуще В и В присуще Д и он предполагает, что А присуще всем Б, а, с другой стороны, не присуще ни одному В, то он в одно и то же время будет знать, [что

А присуще Д], и будет предполагать, что оно ему не присуще. Не признает ли он из этого только одно, а именно что он знает то, чего он не предполагает? В самом деле, некоторым образом он знает, что А присуще В через Б, поскольку частное [знают] благодаря общему. Поэтому относительно того, чтó он некоторым образом знает, он считает, что он этого вообще не предполагает, чтó, однако, невозможно. Что касается сказанного раньше, то, если средний термин взят не из одного и того же ряда, невозможно обе посылки предположить относительно каждого из двух средних терминов, например [предположить, что] А присуще всем Б и не присуще ни одному В, а Б и В присущи всем Д. В таком случае оказывается, что первая посылка [одного силлогизма] берется противоположной [первой посылке другого силлогизма] — либо полностью, либо отчасти. В самом деле, если предполагают, что всему, чему присуще Б, присуще и А, и притом знают, что Б присуще Д, то знают также и то, что А присуще Д. 67a Так что если, с другой стороны, думают, что А не присуще ничему из того, чему присуще В, то тем самым думают, что чему-то из того, чему присуще Б, А не присуще. Но думать, что всему тому, чему присуще Б, присуще А, а, с другой стороны, что чему-то из того, чему присуще Б, А не присуще,— думать так — [значит брать посылки], противоположные друг другу либо полностью, либо отчасти. Стало быть, нельзя делать такие предположения. Напротив, ничто не мешает в отношении каждого из двух средних терминов предполагать одну посылку или в отношении одного среднего термина — обе посылки, как, например, А присуще всем Б и Б — всем Д, а, с другой стороны, А не присуще ни одному В. В этом случае ошибка подобна той, в которую мы впадаем в отношении частного, например: если А присуще всему тому, чему присуще Б, и Б — всем В, то А будет присуще всем В. Если же знают, что А присуще всему тому, чему присуще Б, то знают также, что оно присуще В. Но ничто не мешает не знать, что В есть; например, если А обозначает два прямых угла, Б — треугольник, а В — чувственно воспринимаемый треугольник; в таком случае можно предполагать, что В не есть, хотя знают, что всякий треугольник имеет [в совокупности] два прямых угла. Так что в одно и то же время одно и то же будут знать и

не знать. Ибо знание того, что всякий треугольник имеет [в совокупности] два прямых угла, не однозначно, а это значит, с одной стороны, иметь знание общего, с другой — знание частного. Так, зная общее, знают, что В имеет [в совокупности] два прямых угла, но, зная частное, этого не знают. Так что [знание здесь] не будет противоположно [незнанию]. Подобным же образом обстоит дело с высказыванием в «Меноне»[1], что учение есть воспоминание. Ибо никогда не бывает так, чтобы единичное можно было знать заранее; знание частного, как бы вновь узнаваемого, получают вместе с наведением, ибо некоторые вещи мы познаем сразу же, например что [углы данной фигуры равны в совокупности] двум прямым, как только мы узнаем, что она треугольник. И точно так же в других случаях.

Таким образом, зная общее, мы усматриваем частное, но через само знание частного мы его не знаем, так что в отношении его возможно впадать в ошибку, однако не так, чтобы иметь противоположное [знание о нем]; можно ошибиться относительно частного, обладая знанием общего. Так же обстоит дело и в случаях, указанных выше[2], ибо ошибка в отношении среднего термина не противоположна знанию, приобретенному посредством силлогизма, как и [ошибочное] предположение, касающееся каждого из средних терминов. Но тому, кто знает, что А присуще всему Б, а Б в свою очередь присуще В, ничто не мешает думать, что А не присуще В, как, например, тот, кто знает, что каждая самка мула бесплодна и что *это* есть самка мула, может думать, что она зачала. Ибо он не знает, что А присуще В, если только он обе [посылки] не рассматривает вместе. Таким образом, ясно, что ошибаются, если одно знают, а другого не знают, каково как раз и отношение знания общего к знанию частного. Ибо
67b о чувственно воспринимаемом мы помимо ощущения не имеем знания, даже если мы уже воспринимали его раньше, разве только если имеем знание общего *и* частного, но не как знание в действии. В самом деле, «иметь знание» означает троякое, а именно: иметь или общее знание, или частное, или знание в действии. Так что и ошибаться можно трояко. Таким образом, ничто не мешает относительно одного и того же и иметь знание, и впадать в ошибку, но не в противоположную [знанию]. Это случается также с тем, кто знает каж-

дую из обеих посылок в отдельности, но раньше не рассматривал [их отношения]. В самом деле, предполагая, что эта самка мула зачала, он не имеет действительного знания, но, с другой стороны, это предположение не приводит еще к ошибке, противоположной его знанию, ибо ошибочное [положение], противоположное [знанию] общего, есть [по виду] силлогизм.

Тот же, кто предполагает, что быть благом — значит быть злом, будет предполагать, что благо и зло одно и то же. В самом деле, пусть А означает «быть благом», Б — «быть злом», а В — опять «быть благом»; так как предполагают, что Б и В одно и то же, то будут также предполагать, что В есть Б, и точно так же, что Б есть А, и потому также, что В есть А. Ибо так же как в случае, когда было истинным, что, чему [приписывается] В, тому [приписывается] Б, а чему [приписывается] Б, тому [приписывается] А, было истинным и то, что А [приписывается] В, точно так же дело обстоит с «предполагать» и равным образом с «быть». Ибо если В и Б тождественны и, с другой стороны, Б и А, то тождественны должны быть также В и А. Точно так же и относительно «иметь мнение». А необходимо ли это, если признать первое [3]? Но, несомненно, ложно предположение, что быть злом — значит быть благом, разве только привходящим образом, ибо можно это предполагать в разном смысле. Но [вопрос] этот требует более тщательного рассмотрения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[*Перестановка терминов в силлогизме*]

При перестановке крайних терминов необходимо, чтобы и средний термин переставлялся с ними обоими. В самом деле, если А присуще В через [средний термин] Б и если переставляются А и В и всему, чему присуще А, присуще и В, то и Б переставляемо с А и оно присуще всему тому, чему присуще А, через средний термин В. Равным образом и В переставляемо с Б через средний термин А. Точно так же и в случаях неприсущности, как, например, если Б присуще В и А не присуще Б, то А не будет присуще и В. Если же Б переставляемо с А, то и В переставляемо с А. В самом деле, пусть Б не присуще А; стало быть, и В не присуще А, ибо было предположено, что Б присуще всем В.

И если В переставляемо с Б, то и Б переставляемо с А, ибо о чем говорится Б, о всем том говорится и В. И если В переставляемо с А ⟨и Б⟩, то и Б переставляемо с А, ибо, чему присуще Б, тому присуще и В, но, чему
68a присуще А, тому В не присуще. И только здесь начинают с [обращения] заключения, подобно тому как это имеет место и в утвердительных силлогизмах, в других же случаях не так. Далее, если А и Б переставляемы и равным образом В и Д и всему необходимо присуще либо А, либо В, то и Б и Д будут находиться в таком отношении, что всему присуще одно из них. Действительно, так как тому, чему присуще А, присуще также Б и, чему присуще В, тому присуще Д, всему же присуще А или В, но не оба вместе, то очевидно, что всему присуще также Б или Д, но не оба вместе. Например, если невозникшее есть непреходящее, а непреходящее есть невозникшее, то необходимо, чтобы возникшее было преходящим и преходящее — возникшим. Ибо здесь слагаются вместе два силлогизма. Далее, если всему присуще А, или Б и В, или Д, но присущи они не вместе и если А и В переставляемы, то переставляемы также Б и Д. Ведь если Б не присуще чему-то из того, чему присуще Д, то ясно, что этому присуще А; а если А, то и В, так как А и В переставляемы. Так что в этом случае В и Д были бы чему-то присущи вместе, а это невозможно. Если же А присуще всему Б и В и ни о чем другом не сказывается, а Б присуще всем В, то А и Б необходимо переставляемы. В самом деле, так как А говорится только о Б и В, а Б сказывается и о самом себе[1], и о В, то очевидно, что о всем том, о чем говорится А, говорится и Б, за исключением самого А[2]. Далее, если А и Б присущи всему В, а В переставляемо с Б, то А необходимо присуще всем Б. В самом деле, так как А присуще всем В, а В присуще Б через перестановку, то и А будет присуще всем Б.

Если же из двух противоположностей [А и Б] А предпочтительнее Б и точно так же Д предпочтительнее В и если А и В предпочтительнее Б и Д, то А предпочтительнее Д, ибо А в такой же мере желанно, в какой мере Б избегаемо (так как они противолежат друг другу). Равным образом — В и Д (ибо они также противолежат друг другу). Действительно, если А было бы в такой же мере предпочтительно, как и Д, то Б было бы в такой же мере избегаемо, как и В, ибо каждое из

первых одинаково противолежит каждому из вторых: избегаемое — желанному. Так что и оба были бы [в равной мере избегаемы или желанны], а именно А и В [вместе] и Б и Д [вместе]. Но так как [А и В] более желанны, [чем Б и Д], то [А] не может быть в такой же мере желанно, как [Д]. Иначе Б и Д были бы одинаково [желанны]. Если же Д было бы предпочтительнее А, то и Б было бы менее избегаемо, чем В; ибо меньшее противолежит меньшему, большее же благо и меньшее зло предпочтительнее меньшего блага и большего зла. И таким образом, Б и Д в целом были бы предпочтительнее А и В. Но [по предположению] это не так. Следовательно, А предпочтительнее Д, и В поэтому менее избегаемо, чем Б. Если поэтому для каждого любящего проявлять благосклонность (А), хотя и не пользоваться благосклонностью (В), в любви предпочтительнее, чем пользоваться благосклонностью (Д), 68b но не проявлять благосклонность (Б), то ясно, что А предпочтительнее, чем пользоваться благосклонностью. Таким образом, дружба в любви предпочтительнее чувственного влечения. Любовь, таким образом, исходит скорее от дружбы, чем от чувственного влечения. Но если больше всего от дружбы, то дружба и есть цель любви. Следовательно, чувственное влечение или вообще не есть цель, или оно есть ради дружбы. Ведь и другие влечения и искусства — точно так же [3].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Наведение* [1]]

Таким образом, очевидно, в каком отношении находятся термины при перестановке и какие из них более предпочтительны, а какие более избегаемы. Теперь нам следует сказать, что не только диалектические и доказывающие силлогизмы получаются через ранее указанные фигуры, но также силлогизмы риторические и вообще всякий способ убеждения, каким бы он ни был. Ибо мы всегда убеждаем или через силлогизм, или путем наведения.

Так вот, наведение и умозаключение путем наведения есть вывод от одного крайнего термина через другой к среднему. Например, если для АВ средний термин есть Б, то через В доказывается, что А присуще Б. Именно так осуществляем наведение. Например,

пусть А означает долго живущее, Б — не имеющее желчи, В — отдельное долго живущее существо, как-то: человек, лошадь, мул. В таком случае А присуще всему В (ибо всякое существо, не имеющее желчи, долго живет); но и Б — не имеющее желчи — присуще всем В. Если же В переставляемо с Б и средний термин Б не шире В, то А необходимо присуще Б, ибо раньше уже было показано[2], что если два каких-то [сказуемых] присущи одному и тому же [подлежащему] и с одним из них переставляется крайний термин, то переставленному термину будет присуще и другое сказуемое. При этом под В следует понимать совокупность всех единичных [случаев], ибо наведение осуществляется через все [единичные].

Такое умозаключение исходит из первой и неопосредствованной посылки, ибо там, где есть средний термин, заключение выводится через него, а там, где его нет,— через наведение. Наведение некоторым образом противолежит силлогизму, ибо последний через средний термин доказывает, что [больший] крайний термин присущ третьему; наведение же доказывает через третий термин, что [больший] крайний термин присущ среднему. По своей природе умозаключение через средний термин первее и более известно, но для нас умозаключение через наведение более наглядно[3].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[Доказательство посредством примеров]

Пример приводится, когда доказывается, что [больший] крайний термин присущ среднему через подобное третьему. При этом должно быть известно, что средний термин присущ третьему, а первый — тому, что подобно третьему. Например, пусть А обозначает зло, Б —начинать войну с соседями, В — войну афинян с фиванцами, Д — войну фиванцев с фокейцами. Итак, если мы хотим доказать, что вести войну с фиванцами есть зло, то нужно принять, что вести войну с соседями есть зло. Но это становится убедительным из [наблюдения] подобных случаев, например из того, что для фиванцев война с фокейцами есть зло. И так как война с соседями есть зло, а война с фиванцами есть война с соседями, то очевидно, что вести войну с фиванцами есть зло. Поэтому очевидно, что Б присуще В и Д (ибо

и то и другое есть ведение войны с соседями). Так же очевидно, что А присуще Д (ибо фиванцам война с фокейцами не принесла добра); а что А присуще Б,— это будет доказано через Д [1]. И точно так же доказывают и тогда, когда из нескольких подобных случаев становится достоверным отношение среднего термина к крайнему. Таким образом, очевидно, что пример показывает отношение не части к целому и не целого к части, а отношение части к части, когда и та и другая подчинены одному и тому же, но одна из них известна. От наведения пример отличается тем, что наведение доказывает присущность [большего] крайнего термина среднему из всех единичных [случаев] и не умозаключает относительно [меньшего] крайнего термина, пример же умозаключает относительно меньшего термина и доказывает не из всех [единичных случаев].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

[*Доказательство посредством отведения*]

Отведение [1] же имеет место тогда, когда ясно, что первый термин присущ среднему, но неясно, что средний присущ последнему, хотя это столь же или даже более достоверно, чем заключение; отведение имеет место и тогда, когда между последним термином и средним имеется немного посредствующих [терминов]. Ибо во всяком таком случае ближе подходят к знанию. Например, пусть А означает доступное изучению, Б — знание, В — справедливость. Итак, что знание доступно изучению,— очевидно, но есть ли добродетель знание,— это неясно. Так вот, если БВ столь же или еще более достоверно, чем АВ, то имеется отведение, ибо присовокупление АБ приближает к знанию, между тем как раньше не было знания [о том, что А присуще В].

Или, далее, отведение будет и в том случае, если для БВ имеется немного посредствующих [терминов], ибо и таким образом можно быть ближе к знанию. Например, если Д означает обращать в [равновеликий] квадрат, Е — прямолинейную фигуру, а З — круг. Если для Е и З было бы только одно посредствующее [звено], [например] что с помощью луночек круг

обращается в равновеликую прямолинейную фигуру, то мы были бы близки к знанию. Но если БВ не более достоверно, чем АВ, или если посредствующих [звеньев] не несколько, то я это доказательство не называю отведением, как не называю я его так и тогда, когда БВ не имеет посредствующего [звена], ибо такое [положение] есть знание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

[*Возражение*]

Возражение[1] есть посылка, противоположная посылке [отвергаемого силлогизма]. Возражение отличается от посылки тем, что оно может быть выдвинуто [также] в отношении части [опровергаемого положения], тогда как посылка или вообще не может быть [частной], или не может быть таковой в общих силлогизмах. Возражение выдвигается двояким образом и
69b через две фигуры: двояким образом — потому, что всякое возражение есть или общее, или частное; по двум фигурам — потому, что возражения противолежат [отвергаемой] посылке, а противолежащие друг другу [положения] выводятся только в первой и третьей фигуре. В самом деле, если полагают, что [А] присуще всем [Б], то возражением будет, что оно или не присуще ни одному [Б], или не присуще некоторым [Б]. При этом возражение «не присуще ни одному» выдвигается по первой, а «некоторым не присуще» — по последней. Например, пусть А означает «есть какая-то одна наука», Б — противоположности. В таком случае если бы выставили посылку, что о противоположностях есть одна наука, то возражением было бы, что или вообще нет одной и той же науки о противолежащих друг другу [вещах] (противоположности же противолежат друг другу), так что получилась бы первая фигура, или же что нет одной науки об известном и неизвестном, и получилась бы третья фигура. В самом деле, о В, т. е. об известном и неизвестном, правильно будет сказать, что они противоположны друг другу, но ложно, что они предмет одной и той же науки. И точно так же — когда [отвергаемая] посылка отрицательная. Ибо если бы кто-то утверждал, что противоположности не предмет одной науки, то возражением было бы, что одной и

той же наукой изучаются или все противолежащие друг другу [вещи], или некоторые противоположности, например здоровье и болезнь. В таком случае возражение, что все противолежащие друг другу [вещи] — предмет одной науки, выдвигается по первой, а что некоторые противоположности — по третьей фигуре. Вообще во всех случаях необходимо, чтобы тот, кто делает общее возражение, выдвигал нечто противоречащее тому общему, что утверждалось в посылках. Например, если полагают, что все противоположности не предмет одной и той же науки, то следует возразить, что противолежащие друг другу [вещи] — предмет одной и той же науки. Так необходимо получается первая фигура, ибо средним термином становится здесь то, что́ к первоначально утверждаемому относится как общее. А кто делает частное возражение, тот должен выдвигать то, в отношении чего [подлежащее отвергаемой] посылки есть общее, например известное и неизвестное не предмет одной и той же науки, ибо в отношении этих терминов «противоположности» суть общее. И получается третья фигура, ибо средним термином взято частное, например известное и неизвестное. Как раз по тем фигурам, по которым можно выводить заключение о противоположном, мы пытаемся выдвигать и возражения. Поэтому мы и выдвигаем их только по этим двум фигурам, так как только в них возможны силлогизмы с противолежащими друг другу заключениями, тогда как через среднюю фигуру выводить утвердительные заключения нельзя. К тому же [возражения] через среднюю фигуру нуждались бы в более пространном доказательстве, как, например, если бы отрицалось, что А присуще Б, на том основании, что В не следует из Б; это становится ясным из других посылок. Между тем возражение не должно отклоняться в сторону, а должно тут же иметь другую очевидную посылку. ⟨Поэтому и [силлогизм] из знака не возможен только по этой фигуре⟩.

Необходимо рассмотреть также и другие возражения, например возражения от противоположного, от сходного, от правдоподобного. Также следует выяснить, нельзя ли частное возражение выдвигать по первой фигуре или возражение отрицательными [посылками] — по средней. 70a

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

[*Энтимема*]

Вероятное и знак — не одно и то же: вероятное есть правдоподобная посылка, ибо то, о чем известно, что оно в большинстве случаев таким-то образом происходит или не происходит, существует или не существует, есть вероятное, например для завистников ненавидеть или для возлюбленных любить. Знак же означает доказывающую посылку — необходимую или правдоподобную, ибо то, при наличии чего вещь существует или при появлении чего она раньше или позже появляется, и есть знак появления или существования. Энтимема есть именно силлогизм из вероятного или из знака [1]. При этом знак берется трояким образом, так же как и средний термин в фигурах силлогизма: или как в первой фигуре, или как в средней, или как в третьей. Например, доказательство, что эта женщина беременна, на том основании, что у нее есть молоко, есть доказательство по первой фигуре, ибо средним термином будет здесь «иметь молоко». Пусть А обозначает быть беременной, Б — иметь молоко, В — женщина. Но что мудрецы — люди честные, потому что Питтак честен,— это доказывается по последней фигуре. Пусть А обозначает честное, Б — мудрецов, В — Питтака. В таком случае правильно сказать, что А и Б сказываются о В, но одной посылки не высказывают, потому что она известна, другую принимают. Наконец, что эта женщина беременна, потому что она бледна,— это надлежит доказать по средней фигуре. В самом деле, так как бледность сопутствует беременным и имеется и у этой женщины, то считают доказанным, что она беременна. Пусть А обозначает бледное, Б — быть беременной, В — женщину.

Если же высказана будет лишь одна посылка, то получается один только знак; если же прибавлена и другая посылка, то получается силлогизм, как, например, что Питтак щедр, ибо честолюбивые щедры, Питтак же честолюбив. Далее — что мудрецы добродетельны, ибо Питтак не только добродетелен, но и мудр. Так получаются силлогизмы [из знака]. Только силлогизм, полученный через первую фигуру, неопровержим, если он истинен (ибо [заключение] у него общее); напротив, силлогизм [из знака], полученный через послед-

нюю фигуру, опровержим, даже если заключение его истинно, ибо оно не общее, и силлогизм не относится к тому, о чем идет речь. Действительно, если Питтак честен, то из этого еще не следует с необходимостью, что и другие мудрецы честны. Наконец, силлогизм [из знака], полученный через среднюю фигуру, всегда и во всех случаях опровергаем, ибо при таком отношении терминов силлогизм никогда не получается. В самом деле, если беременная женщина бледна и если бледна и эта женщина, то отсюда еще не следует с необходимостью, что она беременна. Таким образом, во всех знаках содержится нечто истинное, но они имеют указанные различия.

Следовательно, или нужно так различать знаки и из них взять средним термином знак-показатель (знаком-показателем называют то, что дает знание, а таково преимущественно средний термин), или же следует называть знаками то, что взято крайними терминами, а то, что взято средним термином — знаком-показателем, ибо наиболее правдоподобно и более всего истинно то, что доказывается через первую фигуру.

Распознать природу живого существа на основании чего-то внешнего возможно, если признают, что естественные воздействия в одно и то же время изменяют тело и душу. В самом деле, изучающий музыку изменяет, может быть, в некотором отношении свою душу, но это воздействие не принадлежит к естественным для нас; к естественным движениям относятся такие, как гнев и чувственные вожделения. Так вот, если признать это, а также то, что такое-то свойство имеет такой-то [соответствующий] знак, и если можем принять, что каждому роду [живых существ] присуще особое свойство и [соответствующий] знак, то мы в состоянии распознавать природу [этих существ]. А именно, если какому-либо роду, [рассматриваемому как] неделимый, присуще отличительное свойство, как, например, львам — смелость, то необходимо, чтобы был и какой-то знак его. Ибо предполагают, что [тело и душа] испытывают вместе. Допустим, что таким знаком будут большие конечности, что́ может быть присуще и другим родам, однако не как целостностям. В самом деле, этот знак — отличительный в том смысле, что [соответствующее ему] свойство присуще всему роду [львов] как целому, а не в том, что оно присуще только этому

роду, как мы обычно и говорим. Таким образом и в другом роде может быть присуще это свойство: смелым может быть и человек и другое какое-нибудь живое существо; следовательно, они будут иметь и знак смелости, ибо одно свойство, как было сказано, имеет один знак. Если же это так и если мы такого рода знаки в состоянии подобрать для таких живых существ, которые имеют какое-то одно отличительное свойство (ведь всякое свойство имеет свой знак, так как оно необходимо имеет один знак), то мы в состоянии распознавать природу живых существ. Но если какой-либо род, взятый в целом, обладает двумя отличительными свойствами, как лев, например, смелостью и великодушием, то как можно будет распознать, который из двух знаков есть знак какого отличительного свойства? [Это возможно], если оба свойства присущи еще какому-то другому роду живых существ, но не как целостности, т. е. если то или иное из этих свойств присуще не всем им и некоторые из них один знак будут иметь, а другого нет. В самом деле, если один человек смел, но не великодушен и имеет какой-то один из двух знаков, то ясно, что и у льва этот знак будет знаком смелости. [Заключения] по распознаванию природы живых существ на основании чего-то внешнего возможны, таким образом, по первой фигуре, поскольку средний термин переставляем с первым крайним, шире третьего термина и с ним не переставляем. Например, пусть А означает смелость, Б — большие конечности, а В — льва. В таком случае Б присуще [не только] всему тому, чему присуще В, но еще и чему-то другому. Однако А присуще всему тому, чему присуще Б, и ничему другому, но переставляемо [с Б]. Иначе не будет одного знака для одного свойства.

ВТОРАЯ АНАЛИТИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Предварительное знание, необходимое для изучения*]

Всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение исходит из ранее имеющегося знания. 71 a
Это становится очевидным при рассмотрении всякого [обучения и учения], ведь и математические науки, и каждое из прочих искусств приобретаются именно таким способом. Подобным же образом обстоит дело и с [диалектическими] доводами, приводимыми посредством силлогизмов или наведения, ибо и то и другое поучают посредством того, что́ уже знают: в первом случае принимают [посылки] как бы от знающих, а во втором общее доказывают на основании того, что очевидно частное. Таким же образом и убеждают сведущие в красноречии — или посредством примеров, которые суть наведения, или посредством энтимем, которые суть именно силлогизмы. Иметь предварительное знание необходимо двояко, а именно: в одних случаях необходимо заранее принять, что это есть[1], в других следует уразуметь, что́ именно есть то, о чем идет речь[2], иногда же необходимо и то и другое; например, относительно того, что о чем бы то ни было истинно или утверждение, или отрицание, нужно заранее знать, что оно есть: относительно треугольника, [например],— что он то-то и то-то означает, а относительно единицы — и то и другое: и то, что́ она означает, и то, что она есть, ибо каждое из них ясно нам не одинаково. Одно можно познавать, уже имея некоторое знание, а другое — одновременно с познаванием[3], например то, что бывает подчиненным общему, о котором уже имеется знание; что всякий треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, было

известно уже раньше, но то, что эта вписанная в полуокружность фигура есть треугольник, познается вместе с проведением [линий], ибо некоторые вещи изучаются именно таким образом[4], притом последний [термин], а именно единичное, т. е. то, что не сказывается ни о каком подлежащем, не познается через средний. Однако, прежде чем умозаключать путем наведения или пользоваться силлогизмом, следует, пожалуй, признать, что в некотором смысле имеют знание, а в некотором нет. Ибо если вообще не знают, что это есть [треугольник], то как можно вообще знать, что оно имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым? Ясно, что каким-то образом это знают, потому что знают общее, но безусловно (haplōs) не знают. Иначе возникла бы та же трудность, что в «Меноне»[5], а именно либо ничему не научаются, либо научаются только тому, что уже знают. Ибо нельзя сказать, как это делают некоторые, пытающиеся устранить [эту трудность]: знаешь ли ты о каждой двойке, что она четное число, или не знаешь? Если отвечают, что знают, то показывают какую-то двойку, о которой [спрошенный] не предполагал, что она есть, а потому не знал, что она есть четное число. А устраняют [эту трудность], говоря, что знают не то, что всякая двойка есть четное число, а то, что все, о чем знают, что оно двойка, есть четное число. Однако знают то, доказательство чего имеют и [доказательство] чего приняли. Приняли же [доказательство] не только относительно всего того, о чем знают, что это треугольник или число, но вообще относительно всякого числа и всякого треугольника. Ибо ни одна посылка не берется так, чтобы она относилась только к тому числу, которое ты знаешь, или только к той прямолинейной фигуре, которую знаешь, а относится ко всякому числу или ко всякой прямолинейной фигуре. С другой стороны, ничто (как я полагаю) не мешает, чтобы некоторым образом знали изучаемое, а некоторым нет. В самом деле, нет ничего нелепого в том, что кто-то каким-то образом знает то, что́ он изучает, но нелепо было бы, если бы он уже знал это так и таким способом, как он его изучает.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Научное знание и доказательство. Условия доказательства*]

Мы полагаем, что знаем каждую вещь безусловно, а не софистически, привходящим образом, когда полагаем, что знаем причину, в силу которой она есть, что она действительно причина ее и что иначе обстоять не может. Итак, ясно, что знание есть нечто в этом роде, ибо что касается незнающих и знающих, то первые *полагают*, что так обстоит дело, а знающие и *знают*, что так обстоит дело. Поэтому невозможно, чтобы с тем, о чем есть безусловное знание, дело обстояло иначе. А есть ли еще и некоторый другой род знания, об этом мы скажем позже[1]. Здесь же скажем, что имеем знание и посредством доказательства. Под доказательством же я разумею научный силлогизм. А под научным я разумею такой силлогизм, посредством которого мы знаем благодаря тому, что мы имеем этот силлогизм. Поэтому если знание таково, как мы установили, то и доказывающее знание необходимо исходит из истинных, первых, неопосредствованных, более известных и предшествующих [посылок], т. е. из причин заключения. Ибо такими будут и начала, свойственные тому, что доказывается. В самом деле, силлогизм может быть и без них, доказательство же не может, так как [без них] не создается наука. Итак, [эти посылки] должны быть истинными, ибо нельзя иметь знание о том, чего нет, как, например, о том, что диагональ соизмерима [со стороной квадрата]. Из первых же недоказуемых посылок [доказательство должно вестись] потому, что иначе не знали бы их, не имея их доказательства. Ибо знать то, для чего имеется доказательство, и не привходящим образом — это и значит иметь доказательство. [Посылки] должны быть и причины [заключения], и более известные, и предшествующие [ему] [его] причины — потому, что мы тогда познаем предмет, когда знаем его причину; предшествующие — потому, что они причины, а ранее известные — не только в том смысле, что понимают, [что́ они означают], но и в том, что знают, что они суть. «Предшествующее» и «более известное» надо понимать двояко, ибо не одно и то же предшествующее по своей природе и предшествующее для нас, как не

72a одно и то же более известное [по природе] и более известное нам. Под предшествующим и более известным для нас я разумею то, что́ ближе к чувственному восприятию; под предшествующим и более известным безусловно — более отдаленное от него. Всего же дальше [от него] — наиболее общее, всего ближе [к нему] — единичное, и оба они противолежат друг другу. «Из первых» же означает: из свойственных [предмету] начал, ибо под первым и началом я разумею одно и то же. Начало же доказательства — это неопосредствованная посылка, а неопосредствованная — такая, которой не предшествует никакая другая. Посылка же есть одна из частей высказывания[2], в котором нечто одно [сказывается] о другом. Диалектическая посылка — такая, которая одинаково берет любой из [членов противоречия]; доказывающая же — которая один [из них] определенно берет за истинный. Высказывание же есть один из [членов] противоречия, а противоречие — такое противопоставление, которое само по себе не имеет ничего промежуточного[3]. Один член противоречия — это утверждение чего-то о чем-то, другой — отрицание чего-то относительно чего-то. Из неопосредствованных силлогистических начал тезисом[4] я называю то, которое нельзя доказать и которое тому, кто будет что-то изучать, не обязательно иметь. То [начало], которое необходимо иметь каждому, кто будет что-то изучать, я называю аксиомой[5]; некоторые такие [начала], конечно, имеются, и главным образом их мы обычно так и называем. Тезис, который принимает ту или другую часть противоречия (я имею в виду, например, «нечто есть» или «нечто не есть»), есть предположение, без этого же — определение. Определение есть именно тезис; в самом деле, занимающийся арифметикой выдвигает тезис, что единица по количеству неделима, но это не есть предположение. Ибо не одно и то же сказать, что́ есть единица, и сказать, что единица есть.

Так как основанием достоверности и знания вещи следует считать обладание таким силлогизмом, который мы называем доказательством, а этот силлогизм есть такой потому, что таковы те [посылки], из которых он состоит, то первые [посылки] — или все, или некоторые — необходимо не только знать заранее, но и знать больше [заключения], ибо то, благодаря чему

нечто присуще, всегда присуще в большей степени, чем оно, как, например, то, из-за чего мы что-то любим, больше любимо, [чем то, чтó любим]. Так что если мы через первые [посылки] знаем [заключение] и считаем [его] достоверным, то мы знаем их больше и считаем их более достоверными, [чем заключение], ибо через них мы знаем и считаем достоверным также и последующее. То, чего не знают, и то, в отношении чего мы были бы не в лучшем положении, если бы мы его знали, нельзя считать более достоверным, чем то, чтó знают. Но это и случилось бы, если бы тот, кто считает нечто достоверным через доказательство, не знал бы заранее [начал], ибо необходимо считать более достоверными начала — или все, или некоторые,— чем [выводимое из них] заключение. Тому, кто намерен приобрести знание через доказательство, следует не только больше знать начала и считать их более достоверными, чем доказываемое, но для него ничто 72b
другое не должно быть более достоверным и более известным, чем начала, противолежащие тем началам, из которых получится силлогизм с ошибкой, противоположной [доказательству], если только тот, кто безусловно знает, должен быть непоколебимым [в своем убеждении].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Опровержение ошибочных мнений о знании*]

Некоторые считают, что нет знания, так как для этого необходимо знать первые [посылки], другие же — что знание возможно, но что для всего есть доказательство[1]. Ни одно из этих мнений не истинно и не необходимо. В самом деле, те, кто предполагает, что вообще нет никакого знания, считают, что [доказательство] вело бы в бесконечность, ибо нельзя последующее знать на основании предшествующего, для которого нет первых [посылок] (в чем они правы, ибо пройти бесконечное невозможно). Если же на чем-то останавливаются и начала существуют, то они неизвестны, так как для них нет доказательства, в чем, по их мнению, только и состоит знание. Если же первые

[посылки] знать невозможно, то и вытекающее из них невозможно знать ни в безусловном, ни в собственном смысле, а лишь на основании предположения, что они имеются. Другие согласны, что знание имеется, а именно что имеется знание только через доказательство. Но ничто, мол, не мешает, чтобы для всего было доказательство, ибо доказательство можно вести по кругу, т. е. одно можно доказать из другого и обратно. Мы же утверждаем, что не всякое знание доказывающее, а знание неопосредствованных [начал] недоказуемо. И очевидно, что это необходимо так, ибо если необходимо знать предшествующие [посылки], т. е. те, из которых исходит доказательство,— останавливаются же когда-нибудь на чем-нибудь неопосредствованном,— то это неопосредствованное необходимо недоказуемо. А потому мы говорим так: есть не только наука, но и некоторое ее начало, благодаря которому нам становятся известными определения. А что по кругу вообще нельзя доказывать,— это ясно, так как доказательство следует вести из предшествующего и более известного. Ведь невозможно, чтобы одно и то же для одного и того же было в одно и то же время и предшествующим и последующим, разве только пользуются другим способом [доказательства], основывающимся на различии между предшествующим для нас и предшествующим безусловно, каким именно способом дает знание наведение. Но если это так, то не надлежащим образом было бы определено безусловное знание, а оно [понималось бы] двояко, или другой [способ] доказательства, основывающийся на более известном для нас[2], не был бы [способом] доказательства в безусловном смысле. Те же, кто признает доказательство по кругу, не только [стоят перед трудностью], о которой только что было сказано, но они и не могут сказать ничего другого, как только то, что это есть, если это есть. Но так можно легко доказать все. А что это так, становится ясным, когда берут три термина, ибо для доказательства по кругу безразлично, берут ли много или немного терминов или даже только два термина. В самом деле, когда при наличии А необходимо есть Б и при наличии Б необходимо есть В, тогда при наличии А необходимо будет и В. Стало быть, если при наличии А необходимо есть Б, а при наличии Б необходимо есть А (это-то и было
73a доказательством по кругу), то А можно ставить на

место В. Сказать же, что, если есть Б, есть А,— значит сказать, что есть В, и это потому, что, если есть А, есть В. Но В тождественно с А. Таким образом, оказывается, что тот, кто признает доказательство по кругу, не говорит ничего иного, как то лишь, что если есть А, то А есть. Но так легко доказывается все. Однако даже такое доказательство по кругу невозможно, за исключением тех случаев, когда [термины] следуют друг из друга как то или другое собственное [3]. Было же показано, что если берется только что-нибудь одно, то никогда не бывает необходимым, чтобы было что-нибудь другое (я говорю «что-нибудь одно», когда берется или один термин, или одна посылка), а вывести что-то, если только [вообще] возможно вывести заключение, можно не меньше чем из двух первых посылок. Поэтому если А следует из Б и из В, а Б и В — друг из друга и из А, то в таком случае все требуемое можно доказать одно из другого и обратно по первой фигуре, как это было показано в разделах о силлогизме [4]. Но было также показано [5], что по другим фигурам силлогизм [6] или вовсе не получается, или получается не о том, что было принято. Но взаимно необратимые [термины] никоим образом не могут быть доказаны по кругу. А поэтому, так как подобного рода [термины] мало встречаются в доказательствах, то очевидно, что неосновательно и несообразно утверждение, будто можно доказывать одно из другого и наоборот, а потому возможно доказательство всего.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[Выражения «всем», «само по себе», «общее» и «привходящее»]

Так как невозможно, чтобы с предметом безусловного знания дело обстояло иначе, [чем оно обстоит], то познанное доказывающим знанием необходимо. Доказывающее же знание — то, которое мы имеем благодаря тому, что имеем его доказательство. Следовательно, доказательство есть силлогизм из необходимых [посылок] [1]. Поэтому надо объяснить, из каких и какого рода [посылок] состоят доказательства. Но сначала определим, чтó мы разумеем под «всем», «само по себе» и «общее».

Под «[присущим] всем» я разумею то, что не может к некоторым отнестись, а к некоторым нет[2] и что не может иногда быть, иногда нет[3], например если быть живым существом присуще каждому человеку: если правильно сказать, что вот это есть человек, то будет правильно также сказать, что он живое существо. И если теперь одно истинно, то истинно теперь и другое[4]. И точно так же — [если сказать], что в каждой линии есть точка. Это подтверждается тем, что, когда спрашивают, [присуще ли это] всем, мы возражаем, что или это некоторым не присуще[5] или что оно иногда не присуще. «Само по себе» означает быть присущим в сути [вещи], как, например, линия присуща треугольнику и точка — линии (ибо они составляют сущность треугольника и линии и входят в определение, указывающее их суть). «Само по себе» есть также то, в определение чего, указывающее его суть, входит другое, чему оно само присуще, как, например, прямое и кривое присущи линии, нечетное и четное, а также первое и сложное, квадратное и неравностороннее — числу.
73b В определение всех их, указывающее их суть, входят: линия — там, число — здесь. Точно так же и в других случаях то, что таким именно образом присуще каждой [вещи], я называю самим по себе. А то, что присуще ни тем ни другим образом, я называю привходящим, как, например, образованное или белое присуще живому существу. Далее, само по себе присуще то, что не говорится о чем-то другом как о подлежащем; например, идущее есть идущее и белое [есть белое], будучи чем-то другим; сущность же, т. е. то, что́ означает определенное нечто, есть то, что́ она есть, не будучи чем-то другим. Таким образом, то, что́ не говорится о подлежащем, я называю самим по себе; то же, что́ говорится о подлежащем,— привходящим, [или случайным]. Далее, само по себе в другом еще смысле есть то, что́ благодаря самому себе присуще каждой [вещи]; а то, что́ присуще не благодаря самому себе, есть привходящее, [или случайное], например, если в то время, как кто-нибудь идет, сверкнула молния, то это случайно, ибо молния сверкнула не вследствие хождения, а это, говорим мы, произошло случайно. Если же благодаря самому себе — то само по себе, как, например, если кто-нибудь, получив ранение, умер именно от раны, ибо он умер из-за того, что ему на-

несли рану, и не случайно то, что он, получив ранение, умер. Следовательно, то, что́ по отношению к безусловно познаваемому говорится как о «самом по себе» так, что оно само присуще сказуемому или последнее — ему самому, существует и благодаря самому себе, и необходимо. Ибо не может быть, чтобы оно не было присуще или безусловно, или как одно из противолежащих друг другу [свойств], например линии присуще прямое или кривое, а числу — нечетное или четное. Ведь противоположность есть или лишенность, или противоречие в пределах одного и того же рода, как, например, в пределах чисел четное есть то, что́ не есть нечетное, поскольку одно следует из другого[6]. Поэтому если [сказываемое о подлежащем] необходимо утверждать или отрицать, то необходимо также, чтобы [сказываемое] само по себе было присуще [подлежащему].

Итак, [присуще] «всем» и «само по себе» надо определять таким именно образом. Под общим я разумею то, что́ присуще всем [предметам, принадлежащим к данному роду], и само по себе, и поскольку оно есть то, что́ оно есть[7]. Очевидно поэтому, что все, что́ есть общее, присуще вещам необходимо. «Само по себе» и «поскольку оно есть то, что́ оно есть» означают одно и то же, как, например, точка и прямая сами по себе присущи линии, ибо они присущи, поскольку линия есть линия. Точно так же треугольнику, поскольку он треугольник, присущи [в совокупности] два прямых угла, ибо и сам по себе треугольник [в совокупности] равен двум прямым. Общее же присуще тогда, когда оно может быть доказано относительно любого [из предметов данного рода] и относительно первого [из них][8]; например, иметь [в совокупности] два прямых угла присуще не всякой фигуре; хотя относительно некоторой фигуры и можно доказать, что она имеет [в совокупности] два прямых угла, однако не относительно любой фигуры; и тот, кто доказывает это, рассматривает не любую фигуру. В самом деле, четырехугольник есть фигура, однако его углы [в совокупности] не равны двум прямым. Любой же равнобедренный треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, однако не как первое, так как первее это имеет треугольник [вообще]. Стало быть, тому, относительно чего как любого первого можно доказать, что оно имеет [в совокупности] два прямых угла или

что-либо другое,— этому первому присуще общее, и 74a доказательство этого само по себе есть [доказательство] общего; доказательство же другого есть доказательство как-то по-иному, не само по себе, и доказательство общего дается не относительно равнобедренного треугольника, а простирается на большее[9].

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Ошибки в доказательстве первого общего*]

Не следует, однако, упускать из виду, что часто происходит ошибка и что доказываемое не присуще как первое общее, поскольку [только] кажется, что доказывается общее первое. В такую ошибку мы впадаем тогда, когда, кроме отдельного [вида] или отдельных [видов], нельзя брать ничего высшего, или тогда, когда это возможно, но это высшее не имеет определенного наименования для различных по виду предметов, или когда целое, относительно которого ведется доказательство, оказывается частью[1], ибо в этом случае доказательство будет относиться к тому, что принадлежит к этой части, и будет о всей [этой части], но оно не будет доказательством того первого общего. Я говорю: доказательство того первого, как такового, когда оно относится именно к первому общему. Поэтому, если бы кто-либо захотел доказать, что прямые линии не пересекаются, он мог бы подумать, что доказательство этого возможно потому, что это свойство имеется у всех прямых линий. Но это не так, поскольку доказывать следует не то, что углы равны при таких-то определенных условиях[2], а то, что они равны при любых условиях. И если бы не было другого треугольника, кроме равнобедренного, то свойство иметь [в совокупности] два прямых угла казалось бы присущим треугольнику, поскольку он равнобедренный. То же самое и [с положением о том], что члены соотношения переставляемы, будут ли они числа, линии, тела или отрезки времени. Подобно тому как доказательство иногда могло бы вестись в отдельности, точно так же можно дать одно доказательство всего; так как, однако, все они, а именно числа, длины, отрезки времени, тела, таковы, что нет какого-то единого [наименования] для них и они по виду различны между собой, то их брали каждое в отдельности.

Теперь же [доказательство] касается того, что́ есть общее [в них], ибо [данное свойство] присуще не поскольку они линии и числа, а поскольку они обладают тем, что́ предполагается присущим как общее. Если поэтому кто-либо доказывал бы о каждом [виде] треугольника в отдельности посредством одного или разного рода доказательства, что каждый треугольник имеет [в совокупности] два прямых угла, и если бы это было доказано им в отдельности относительно равностороннего, а также разностороннего и равнобедренного треугольника, то он еще не знал бы, что треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, разве только софистическим способом [3]; и не знал бы, что [это есть свойство] треугольника вообще, даже если бы не было другого [вида] треугольника помимо [указанных], ибо в таком случае он не знал бы, что треугольник, как таковой, [имеет это свойство], даже не знал бы, что каждый треугольник [имеет это свойство], разве только [он под «каждый» подразумевал бы] «по числу», но не «каждый» — «по видам», даже если не было бы никакого неизвестного ему треугольника. Итак, когда же не имеют общего знания и когда знают безусловно? Ясно именно, что если «быть треугольником» и «быть равносторонним» означало бы одно и то же, в отношении ли каждого [вида] или всех, то имели бы безусловное знание [о нем]. Если же это означает не одно и то же, а различное, а [данное свойство] присуще [равностороннему] треугольнику, поскольку он треугольник, то не имеют еще о нем общего знания. Присуще ли, однако, [это свойство] предмету, поскольку он треугольник или поскольку он равнобедренный? И когда оно в силу этого присуще как первое? И когда доказательство чего-нибудь есть доказательство общего? Ясно, что тогда, когда [данное свойство] по устранении [других] будет присуще первому. Например, равнобедренному медному треугольнику будут присущи два прямых угла, но если устранить то, что он медный и 74b
равнобедренный, то ему все же будет присуще то же свойство. Однако, [можно возразить], оно не будет присуще по устранении фигуры или границы; [да], но они не относятся к тем первым, [по устранении которых устраняется это свойство] [4]. В таком случае [по устранении] какого первого? Если [по устране-

нии] треугольника, то благодаря ему [данное свойство] присуще также и другим [треугольникам], и тогда доказательство этого есть доказательство общего[5].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Начала доказательства*]

Итак, если доказывающее знание получается из необходимых начал (ибо знание нельзя получить иначе), а то, что́ само по себе присуще предметам, присуще необходимым образом (ибо одни [сказуемые] присущи [предметам] в сути, а другим сказуемым сами [предметы] присущи в их сути [таким образом, что] из двух противолежащих друг другу [сказуемых] одно необходимо присуще), то ясно, что доказывающий силлогизм состоит из некоторых таких [посылок], ибо все присуще или необходимо, или привходящим образом; привходящее же не есть необходимое[1].

Следовательно, надлежит или сказать так, [как только что было указано], или принять за исходное то положение, что [само] доказательство есть нечто необходимое и что если что-то доказано, то невозможно, чтобы дело обстояло иначе[2]. Стало быть, силлогизм должен состоять из необходимых [посылок]. В самом деле, хотя из истинных [посылок] можно вывести заключение и не доказывая, но из необходимых [посылок] нельзя вывести заключение, не доказывая, ибо необходимость — это уже [отличительное] свойство доказательства. Подтверждением того, что доказательство исходит из необходимых [посылок], служит и то, что против тех, кто полагает, что они что-то доказывают, мы возражаем, что [заключение] не необходимо, полагаем ли мы [при этом], что дело вообще может обстоять иначе, или по крайней мере ради спора. Отсюда ясно также, что простодушны те, кто полагает, что они надлежащим образом принимают начала, если посылка правдоподобна и истинна, как это полагают софисты, утверждая, что знать — значит обладать знанием[3]. Ибо не правдоподобное есть для нас начало, а первое, принадлежащее к тому роду, о котором ведется доказательство; и не все истинное есть то, что свойственно [предмету, о котором речь]. А что силлогизм должен состоять из необходимых [посылок], — это очевидно также из следующего. Если

тот, кто, несмотря на то что доказательство возможно, не разумеет, почему [предмет] есть, то он не имеет [безусловного] знания. Допустим, что А необходимо присуще В, а Б, как средний термин, через который велось доказательство, не необходимо присуще [А и В]; в таком случае он не знает, почему [А присуще В]. Ибо это не [доказывается] через средний термин [Б], так как [Б] может и не быть, а между тем заключение необходимо. Далее, если кто-либо теперь не знает о данной вещи, хотя у него есть [какой-то] довод и он остается невредимым, в то время как вещь сохранилась, а память у него хорошая, то он и раньше не знал о ней. Но средний термин мог бы пропасть, если он не необходим. Так что, хотя [у этого человека] будет [какой-то] довод и он останется целым и невредимым, равно как и вещь сохранилась, то он все же не будет иметь знания. Следовательно, он не имел его и раньше. Если же средний термин [как причина] и не пропадал, но может пропасть, то вытекающее из него было бы [лишь] возможным и допустимым. Но при таких условиях знание невозможно.

Таким образом, если заключение необходимо, ничто не мешает, чтобы средний термин, через который велось доказательство, не был необходимым, ибо необходимое можно выводить и из не необходимого, так же как истинное — из неистинного. Но если средний термин необходим, то необходимо и заключение, так же как из истинных [посылок] всегда вытекает истинное. В самом деле, пусть А необходимо сказывается о Б и Б — о В; тогда А необходимо присуще также и В. Но если заключение не необходимо, то и средний термин не может быть необходимым. Действительно, пусть А не необходимо присуще В, но необходимо присуще Б и пусть Б необходимо присуще В. Тогда и А будет необходимо присуще В, но так не было предположено. Следовательно, так как то, что́ знают на основании доказательства, должно быть присуще необходимо, то ясно, что доказательство должно быть дано также через необходимый средний термин. Иначе нельзя знать ни то, почему [что-нибудь есть], ни то, что оно необходимо есть, а или будут полагать, что знают, [в действительности] не зная и принимая за необходимое то, что́ не необходимо, или даже не будут полагать, что знают, все равно, идет ли речь о знании

того, что нечто есть, через средние термины, или о знании того, почему оно есть, через неопосредствованные [положения].

О привходящем, о том, что́ есть не само по себе, согласно тому, как было определено[4] то, что́ есть само по себе, нет доказывающего знания, так как заключение о нем нельзя доказать с необходимостью, поскольку привходящее (в том смысле, в каком я говорю о привходящем) может и не быть присущим[1]. Но можно было, пожалуй, выразить недоумение, зачем вообще нужно спрашивать об этом, раз заключение не необходимо, ибо не имеет никакого значения, если кто-либо, поставив вопрос о первом попавшемся, затем выводит заключение. Однако ставить вопросы следует не так, чтобы заключение было необходимым через [посылки, данные в виде] вопросов, а так, чтобы его необходимо признали, если признают эти [посылки], и притом как нечто истинное, если эти [посылки] истинны.

Так как во всяком роде необходимо присуще то, что́ присуще само по себе, и поскольку оно есть [то, что́ оно есть], то очевидно, что научные доказательства бывают о том, что́ присуще само по себе, и исходят из него. Ибо привходящее не есть необходимое. Так что не необходимо [при умозаключении из привходящего] знать, почему присуще то, о чем выводится заключение (даже если бы оно всегда было, но не само по себе), каковы силлогизмы из знаков[5]. Ибо о том, что́ есть само по себе, будут [в таком случае] знать не [как о существующем] само по себе и не будут знать, почему [оно есть]. Знать же, почему нечто есть,— значит знать через причину. Вот почему средний термин должен быть сам по себе присущ третьему, а первый — среднему[6].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Недопустимость перехода доказательства из одного рода в другой*]

Нельзя, следовательно, вести доказательство, переходя из одного рода в другой, как, например, нельзя геометрическое [положение] доказать при помощи арифметики. Ибо в доказательствах имеются три [стороны]: во-первых, доказываемое, т. е. заключение,— то, что́ какому-нибудь роду присуще само по себе; во-вторых, аксиомы (аксиомы — то, на основании

чего [ведется доказательство]); в-третьих, род как подлежащее, состояния и свойства которого, сами по 75b себе присущие ему, выявляются доказательством. Поэтому [аксиомы], на основании которых ведется доказательство, могут быть одними и теми же [в нескольких науках], но в [науках], род которых различен, таких, как арифметика и геометрия, не годится арифметическое доказательство для свойств величин, если только эти величины не числа. А как это возможно в некоторых случаях, об этом будет сказано позднее[1]. Но арифметическое доказательство всегда имеет дело с тем родом, относительно которого ведется это доказательство. И так же обстоит дело и в других [науках]. Так что если доказательство должно перейти [к другому роду], то этот род должен быть или вообще тем же или в каком-то отношении тем же. Ясно, что иначе быть не может, ибо и крайние и средние термины необходимо должны принадлежать к одному и тому же роду. Если же они сами по себе не таковы, то они будут привходящими. Ввиду этого посредством геометрии нельзя доказать, что противоположности — предмет одной и той же науки или что два числа в кубе образуют одно число в кубе; и [вообще] нельзя доказать посредством одной науки [положения] другой, за исключением тех случаев, когда науки так относятся друг к другу, что одна подчинена другой, каково, например, отношение оптики к геометрии и гармонии — к арифметике. Нельзя [доказывать посредством геометрии и в том случае], если нечто присуще линиям не поскольку они линии и не поскольку оно вытекает из свойственных лишь им начал, как, например, если [доказывают, что] прямая линия есть самая красивая из линий или что она находится в противоположном к окружности положении, ибо все это присуще линиям не как свойственное лишь их роду, а как нечто общее [с другими родами].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Необходимость для силлогизмов состоять из посылок, истинных во всякое время*]

Очевидно также, что если посылки, из которых строится силлогизм, общие, то необходимо, чтобы вечным было и заключение такого рода доказательства,

т. е. доказательства в безусловном смысле. Следовательно, о преходящем не может быть ни доказательства, ни безусловного знания, а может быть лишь нечто вроде привходящего знания, ибо последнее есть знание не о самóм общем, а о присущем лишь иногда и в некотором отношении. Но если [доказательство о преходящем] именно такое, то необходимо, чтобы одна из посылок была не общей и о преходящем: о преходящем — потому, что если она об этом, то об этом же будет и заключение; не общей — потому, что одним из [предметов того или иного вида] нечто будет [присуще], другим не будет, так что нельзя вывести общее заключение, а можно лишь — для данного времени. Подобным же образом обстоит дело и с определениями, ведь определение есть или начало доказательства, или доказательство, отличающееся [от других] положением [терминов], или некоторое заключение доказательства. Что же касается доказательств и знаний о часто случающемся, как, например, о лунном затмении, то ясно, что, поскольку они таковы, они всегда [одни и те же]; поскольку же они не всегда [одни и те же], они частные. Так же как с лунным затмением, точно так же обстоит дело и с другими [явлениями этого рода].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Необходимость ведения доказательства из начал, свойственных доказываемому предмету*]

Так как очевидно, что каждая вещь может быть доказана не иначе как из свойственных ей начал, т. е. тогда, когда доказываемое присуще вещи, как таковой, то [без этих начал] нельзя это [доказываемое] знать, если даже доказательство ведется из истинных, недоказуемых и неопосредствованных [посылок], ибо доказывать тогда можно было бы и так, как Брисон доказывал квадратуру [круга], ведь такого рода положения доказывают посредством чего-то общего, чтó будет присуще и другому; потому эти положения подходят и к вещам, принадлежащим к другим [родам].
76a В таком случае данную вещь знают не как таковую, а привходящим образом, иначе доказательство не подходило бы и к другому роду.

Каждую же вещь мы тогда знаем непривходящим образом, когда мы по тому, в силу чего нечто ей присуще, познаем ее из начал, свойственных ей, как таковой. Так, например, что нечто имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, мы познаем из начал того, чему указанное присуще само по себе. Так что если то, что́ присуще вещи, присуще ей само по себе, тогда необходимо, чтобы средний термин принадлежал к тому же самому роду, [что и крайние], разве что дело будет обстоять так, как при доказательстве [положений] гармонии посредством арифметики. Такого рода [положения] хотя и доказываются одинаково, но все же различаются. В самом деле, [положение], что вещь есть, относится к иной науке (ибо данный род иной). Но [положение], почему она есть [такая-то], относится к некоторой высшей науке, предмет которой — свойства сами по себе. Таким образом, и отсюда очевидно, что каждую вещь можно доказывать не вообще, а только из свойственных ей начал. Однако начала этих [наук] содержат нечто общее им.

Но если это очевидно, то очевидно также и то, что нельзя доказать начала, свойственные каждому [роду], ибо [начала, из которых они были бы доказаны], были бы началами всего и наука о них была бы главной среди всех наук. И в самом деле: тот, кто знает что-то из высших причин, знает это в большей степени, ибо он знает из предшествующего, когда имеет знание из причин, не вызванных причинами. Так что если он знает в большей или в наибольшей степени, тогда и то знание будет знанием в большей или в наибольшей степени. Но доказательство не подходит к другому роду, разве только тогда, когда, как было сказано[1], геометрические [доказательства] подходят к [положениям] механики или оптики, а арифметическое — к [положениям] гармонии.

Трудно, однако, судить, знаем ли мы или нет, ибо трудно судить, знаем ли мы из свойственных каждой вещи начал или нет, а в этом как раз и состоит знание. Полагаем же мы, что знаем, если у нас имеется силлогизм из тех или иных истинных и первых [посылок]. Это, однако, не так; необходимо, чтобы [заключение] было однородным с первыми [посылками].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[Определение начал.
Предположение, постулат и определение]

Под началами в каждом роде я разумею то, относительно чего не может быть доказано, что оно есть. Следовательно, значение первого и того, что́ из него вытекает, принимается. То, что начала существуют, необходимо принять, прочее следует доказать. Например, что такое единица или что такое прямое и что такое треугольник следует принять; что единица и величина существуют, также следует принять, прочее — доказать [1].

Из тех [начал], которые применяются в доказывающих науках, одни свойственны лишь каждой науке в отдельности, другие общи всем; общи в смысле сходства, потому что они применимы, поскольку принадлежат к роду, относящемуся к [данной] науке. Свойственное лишь одной науке — например, то, что линия такова [2] и прямое таково; общее же — например, то, что если от равного отнять равное, то остается равное же [3]. Каждое из таких [общих положений] пригодно в той мере, в какой оно принадлежит к роду, [относящемуся к данной науке], ибо оно будет иметь ту же силу, даже если и не брать его для всего, а [в геометрии] — лишь в отношении величин, в арифметике — в отношении чисел.

Но есть начала, свойственные лишь [данной науке], которые принимаются как существующие и которые наука рассматривает как присущие сами по себе, например арифметика — единицы, а геометрия — точки и линии, ибо эти науки принимают, что они есть и что они такие-то. Относительно же свойств, самих по себе присущих им, принимают, что́ каждое из них означает; например, арифметика — что́ такое нечетное и четное, а также квадрат или куб [4], геометрия — что́ такое несоизмеримое [5], а также искривление [6] и схождение линии, но, что все это существует, доказывают посредством общих всем им начал и из того, что уже было доказано. Точно так же обстоит дело и в учении о небесных телах. В самом деле, всякая доказывающая наука имеет дело с тремя [сторонами]: то, что́ принимается как существующее (а именно род, свойства которого, присущие ему сами по себе,

исследует наука); общие всем [положения], называемые нами аксиомами, из которых как из первого ведется доказательство; третье — это [сами] свойства [вещей], значение каждого из которых принимают. Ничто, однако, не мешает иным наукам пренебрегать некоторыми [из этих сторон], как, например, не указывать, что род существует, если очевидно, что он существует (ведь не в одинаковой мере ясно, что есть число и что есть холодное и теплое), и не указывать значения свойств, если они ясны, точно так же как не рассматривают значения общих [положений], [например] чтó значит отнять равное от равного, потому что это известно. Но тем не менее по природе вещей имеются эти три [стороны]: то, относительно чего доказывается, то, чтó доказывается, и то, на основании чего доказывают.

То, что необходимо истинно через само себя и необходимо должно казаться таким, не есть ни предположение, ни постулат. Ибо доказательство касается не внешнего выражения, а внутреннего смысла[7], потому что и силлогизм не [касается внешнего выражения]. В самом деле, всегда можно выдвигать возражения против внешнего выражения, но не всегда — против внутреннего смысла. Итак, все то, что хотя и доказуемо, но сам [доказывающий] принимает не доказывая, если изучающему оно кажется правильным и он принимает его, есть предположение, притом предположение не вообще, а лишь для этого изучающего[8]. Но если это принимают, в то время как изучающий не имеет никакого мнения об этом или имеет противоположное мнение, то постулируют это. И в этом-то и различие между предположением и постулатом. Ибо постулат есть нечто противное мнению изучающего или нечто такое, что, будучи доказываемым, принимается и применяется недоказанным.

Определения же не предположения (ибо они ничего не говорят о том, существует ли вот это или нет); предположения относятся к посылкам. Определения же должны быть только поняты, и это не предположение, иначе можно было бы сказать, что и слушание есть некоторое предположение. Нет, предположения — это [высказывания], при наличии которых получается заключение благодаря тому, что они имеются. И предположения геометра не есть нечто ложное, как

это утверждали некоторые, указывая, что не следует пользоваться чем-то ложным, а геометр как раз и допускает ложное, когда про линию длиною не в одну стопу говорит, что она имеет эту длину, или про начерченную линию, которая не прямая, говорит, что она прямая. Дело в том, что геометр ничего не выводит 77a на основании вот этой линии, какую он так назвал, а выводит на основании того, что́ он ею выражает[9]. Далее, всякий постулат и всякое предположение берутся или как [высказывание] о целом, или как [высказывание] о части, определения же — ни как то, ни как другое.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Начала, общие всем наукам*]

Таким образом, не необходимо, чтобы существовали эйдосы или нечто единое помимо многого, если должно быть дано доказательство. Необходимо, однако, признать истинным, что есть единое во многом, ибо если бы этого не было, то не было бы и общего, а если бы общего не было, то не было бы и среднего термина, а следовательно, и никакого доказательства. Должно поэтому быть нечто единое и тождественное во многом не как одноименное. Что касается того, что невозможно что-либо вместе утверждать и отрицать, то этого ни одно доказательство не рассматривает, разве что когда и заключение приходится доказывать таким же образом. Доказывают же так, когда принимают, что первый термин истинен в отношении среднего, и не правильно отрицать это. Что же касается среднего термина, то безразлично, будет ли принято, что он есть и не есть. И то же самое — в отношении третьего термина. Ибо если согласились, что то́ есть [живое существо], о чем правильно сказать, что оно человек, хотя правильно и то, что и не человек [есть живое существо], то нам [достаточно] и того, что человек есть живое существо, а не неживое существо. В самом деле, правильно будет сказать, что, хотя и не-Каллий [есть живое существо], тем не менее Каллий есть живое существо, а не неживое существо. Причина же этого в том, что первый термин высказывается не только о среднем, но и о другом термине, ибо он шире [среднего]. Вот почему для заключения не важно, есть ли средний термин то, что́ он есть, и не то, что́ он есть[1]. А [положе-

ние], что относительно каждой вещи [истинно] или утверждение, или отрицание, доказывается через невозможное, и это — не всегда как общее, а лишь насколько это достаточно; достаточно же — для рода. Говоря «для рода», я имею в виду род, относительно которого ведутся доказательства, как об этом уже было сказано раньше [2].

Все науки имеют между собой нечто общее через общие им начала. Общими же я называю начала, которыми пользуются для того, чтобы из них вести доказательства, а не то, относительно чего ведется доказательство, и не то, что доказывается. А диалектика имеет дело со всеми [науками]. И такой же была бы [наука], которая попыталась бы доказать как общее общие всем [начала], как, например, что относительно каждой вещи [истинно] или утверждение, или отрицание, или, что если равное отнять от равного, остается равное же, и тому подобное. Диалектика не имеет, однако, дела ни с чем-нибудь столь определенным, ни с каким-либо одним родом. Иначе она не прибегала бы к вопросам. Доказывающий же не ставит вопросов, ибо из противолежащих друг другу [положений] не доказывается одно и то же; это было показано в разделах о силлогизме [3].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[Пользование вопросами при доказательстве. Ошибочные силлогизмы, возражения и неправильные формы умозаключений]

Если силлогистический вопрос и посылка, [составляющая один член] противоречия, одно и то же, посылки же в каждой науке есть то, из чего строится силлогизм в соответствии с каждой наукой, то возможен некий относящийся к науке вопрос, из которого получается подходящий для каждой науки силлогизм. Ясно, таким образом, что не всякий вопрос относится, [скажем], к геометрии или к врачебному искусству, и точно так же и в отношении других наук, а только те вопросы относятся [к геометрии], исходя из которых 77b
что-либо доказывается о том, чем занимается геометрия, или которые сами доказываются из тех же [начал], что и геометрия, как, например, вопросы, каса-

ющиеся оптики. И точно так же в отношении других [наук]. И ответ [на вопросы геометрии] следует давать исходя из геометрических начал и заключений, в отношении же самих начал не следует давать ответ геометру как геометру. И точно так же в отношении других наук[1]. Поэтому не следует каждому сведущему человеку ни ставить любой вопрос, ни давать ответ на любой вопрос, а ему следует ограничиваться лишь тем, что́ относится к [данной] науке. Если же таким именно образом с геометром обсуждают как с геометром, то очевидно, что обсуждают надлежащим образом, если доказывают что-нибудь исходя из тех [посылок, которые относятся к данной науке]. Иначе обсуждают ненадлежащим образом. Ясно также, что в этом случае геометра нельзя опровергнуть, разве только привходящим образом. Поэтому не следует среди несведущих в геометрии рассуждать о геометрии, ибо [среди них] незамеченным останется неверно рассуждающий. И точно так же в отношении других наук.

Но если имеются геометрические вопросы, то разве имеются негеометрические вопросы [в геометрии]? И вопросы, возникающие в каждой науке по незнанию,—по какому виду незнания они геометрические? Далее: есть ли силлогизм, построенный по незнанию, силлогизм, состоящий из противолежащих друг другу [посылок], или паралогизм, но относящийся все же к геометрии? Или он из области другого искусства? Например, в отношении геометрии вопрос музыки не есть геометрический вопрос. А мнение о том, что параллельные линии пересекаются,— относится ли оно каким-то образом к геометрии и каким-то другим образом не к геометрии? Ведь [«негеометрическое»] имеет двоякий смысл, подобно несоразмерному: с одной стороны, оно негеометрическое, потому что не содержит [ничего относящегося к геометрии], подобно тому как несоразмерное — [к соразмерности]; с другой стороны, потому, что содержит [геометрическое] в искаженном виде. И именно это незнание, исходящее из таких начал, противоположно [науке геометрии]. В математике с паралогизмом дело обстоит иначе; средний термин всегда берется двояко, а именно [больший крайний термин] высказывается обо всем среднем, а, с другой стороны, сам средний [высказывается] обо всем другом [крайнем] (однако в сказу-

емом не говорится «всякое»). В математике же [отношение среднего термина к крайним] можно как бы видеть мышлением. Но в [диалектических] рассуждениях это остается незамеченным, [например]: есть ли каждый круг (kyklos) фигура? Если же его начертить, то это ясно. А [цикл] эпических стихотворений тоже есть круг? Очевидно, что нет.

Однако, если [меньшая] посылка основана на наведении, нет надобности приводить против этого [способа доказательства] какое-либо возражение, ибо, сколь [ясно, что в науке] нет такой посылки, которая не относилась бы ко многим случаям (ибо иначе она не могла бы относиться и ко всем случаям, силлогизм ведь строится из общих [посылок]), столь же ясно, что нет и [соответствующего] возражения. Ибо посылки и возражения суть одного и того же порядка; в самом деле, приводимое возражение само может стать посылкой — или доказывающей, или диалектической.

Случается, что некоторые рассуждают не по правилам силлогизма из-за того, что принимают то, что следует из обоих [крайних терминов][2], как это делает, например, и Кеней[3], чтобы доказать, что огонь разрастается в геометрической прогрессии, потому что, как он говорит, огонь разрастается быстро и эта прогрессия так же. Но в таком случае нет силлогизма; [он будет], если [сказать так]: геометрическая прогрессия следует из наиболее быстро развивающейся прогрессии, и из [наличия] огня в его движении следует наиболее быстро развивающаяся прогрессия. Таким образом, иногда невозможно выводить заключение из принятых [посылок]; иногда же это возможно[4], но не видят [этой возможности]. Если бы было невозможно из ложных [посылок] доказывать истинное, то раскрытие было бы легким, ибо необходимо имела бы место обоюдность[5]. В самом деле, пусть А есть нечто существующее; если же оно существует, существует также то, о чем я знаю, что оно существует, например Б. Из Б я докажу, что есть А[6]. Однако больше всего такая обоюдность имеет место в математике, потому что здесь не берут [как средний термин] ничего привходящего (и этим она отличается от диалектического способа рассуждения), а берут лишь определения.

Умножается [знание] не через [новые] средние термины, а посредством добавления [крайних], например А [приписывается] Б, Б—В, а В—Д, и так далее до бесконечности. [Знание умножается] и вширь, как, например, А [сказывается] и о В, и о Е; например, есть конечное или бесконечное число, скажем А, конечное нечетное число — Б, а В — некоторое нечетное число; тогда А [сказывается] о В. И пусть Д обозначает конечное четное число, Е — некоторое четное число; тогда А [сказывается] о Е.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[*Отличие доказательства и знания о том, что данная вещь есть, от доказательства и знания о том, почему она есть*]

Знать, что *есть*, и знать, *почему* есть,— это различное знание, прежде всего в пределах одной и той же науки, и в этой науке — двояким образом: во-первых, когда силлогизм получается не через неопосредствованные [посылки] (ибо в этом случае не берется первая причина, а знать, почему нечто есть, можно, зная первую причину); во-вторых, когда силлогизм хотя и получается через неопосредствованные [посылки], однако не через причину, а через более известный из переставляемых друг с другом [терминов]. Ибо ничто не мешает, чтобы из взаимозаменяемых [терминов] более известным был иногда тот, который не есть причина, так что доказательство будет вестись через этот [термин]. Так, что планеты близки [к нам], доказывают тем, что они не мерцают. Пусть В обозначает планеты, Б — не мерцать, А — быть близким. Тогда правильно будет сказать, что Б присуще В, ибо планеты не мерцают; но и А присуще Б, ибо то, что́ не мерцает, близко [к нам], а это можно узнать через наведение или посредством чувственного восприятия. Таким образом, А необходимо присуще В. Так что было доказано, что планеты близки [к нам]. Так вот, это есть силлогизм не о том, *почему* есть, а о том, что *есть*, ибо планеты близки не потому, что они не мерцают, а они не мерцают потому, что они близки[1]. Однако можно также доказать [здесь] средний термин через больший, и тогда доказательство будет о том, *почему* есть. Так, пусть В означает планеты, Б — быть

78b близким, А — не мерцать; тогда и Б присуще В, и А (т. е. не мерцать) присуще Б. Так что и А присуще В, и силлогизм будет о том, *почему* есть, ибо была указана первая причина. Далее, что Луна шарообразна, доказывается ее прибыванием, ибо если то, что таким образом прибывает, шарообразно, а Луна прибывает таким именно образом, то очевидно, что она шарообразна. Но так получился силлогизм о том, что *есть*. Если же переставить средний термин, то получится силлогизм о том, *почему* есть, так как не из-за своего прибывания Луна шарообразна, а, [наоборот], именно потому, что она шарообразна, у нее такие прибывания. Пусть В обозначает Луну, Б — шарообразное, А — прибывание. В тех же случаях, когда средние термины не могут быть переставлены и когда то, что́ не есть причина, более известно, доказывается, что *есть*, но не *почему* есть. Точно так же и в тех случаях, когда средний термин ставится вне [крайних] [2], ибо и в этих случаях доказывается, что *есть*, а не *почему* есть, так как причина не указывается. Например, почему стена не дышит? Потому, что она не живое существо. Но ведь если бы это было причиной, почему она не дышит, то живое существо должно было бы быть причиной дыхания, так же как если отрицание [3] есть причина неприсущности, то утверждение [4] есть причина присущности; например, если несоразмерность тепла и холода есть причина нездоровья, то соразмерность их есть причина здоровья. И равным образом если утверждение есть причина присущности, то отрицание есть причина неприсущности. Но к приведенному примеру сказанное не подходит, ибо не всякое живое существо дышит. Силлогизм же о такого рода причине получается по средней фигуре. Пусть А, например, будет живое существо, Б — дыхание, В — стена. В таком случае А присуще всем Б (ибо все, что дышит, есть живое существо), но оно не присуще ни одному В, так что и Б не присуще ни одному В, и, следовательно, стена не дышит. Однако такого рода причины подобны преувеличенным высказываниям. Это ведь преувеличение, когда более отдаленное указывается как средний термин [5]; таково изречение Анахарсиса [6], что у скифов нет флейтисток, потому что у них нет виноградников.

Следовательно, в одной и той же науке силлогизм о том, что *есть*, и силлогизм о том, *почему* есть, различаются и положением средних терминов. В другом смысле «*почему* есть» и «что *есть*» отличаются друг от друга тем, что они рассматриваются в разных науках. Таковы науки, находящиеся друг к другу в таком отношении, что одна подчинена другой, как, например, оптика — геометрии, механика — стереометрии, гармония — арифметике и наблюдения небесных явлений — учению о светилах. Некоторые из этих наук почти соименны[7], как, например, учение о небесных
79a светилах бывает и математическим, и относящимся к мореходству, точно так же и гармония бывает и математической, и основанной на слуховом восприятии. В этих случаях знание того, что *есть*, основано на чувственном восприятии, знание же того, *почему* есть,— на математике. Ибо математики имеют доказательства причин и часто не знают, что [предмет] есть, подобно тому как созерцающие общее часто не знают отдельное, так как не обращают на него внимания. Таковы те науки, которые, будучи по своей сущности отличными [от математики], пользуются [ее] формами. Математика же имеет дело с формами, а не с субстратом. Ибо если геометрия и рассматривает некоторый субстрат, то во всяком случае не как субстрат. Но как оптика относится к геометрии, так относится к оптике другая наука, например та, что изучает радугу. Ибо знать, что она *есть*,— это дело рассуждающего о природе, знать же, *почему* она есть,— это дело сведущего в оптике — или как такового, или как занимающегося математикой. Со многими науками, не подчиненными друг другу, дело обстоит точно так же, как, например, между врачебным искусством и геометрией. Действительно, знать, что круглые раны заживают медленнее, это — дело врача, а знать почему — дело геометра.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Первая фигура силлогизма как наиболее подходящая для познания]

Из фигур силлогизмов первая — наиболее подходящая для науки, ибо через нее ведут доказательства и математические науки, такие, как арифметика, геометрия, оптика, и, можно сказать, все науки, иссле-

дующие причины, *почему* есть, ибо силлогизм о том, *почему* есть, получается или во всех, или во многих случаях, или больше всего именно через эту фигуру. Так что поэтому первая фигура и есть наиболее подходящая для науки, ибо для знания важнее всего исследование причины, *почему* есть. Далее, только через эту фигуру можно добиться знания о сути вещи, ибо в средней фигуре не получается утвердительного силлогизма, а между тем знание сути есть знание утвердительное. В последней же фигуре [утвердительное заключение] хотя и получается, однако не общее, между тем суть вещи есть нечто общее: ведь человек, [например], не есть лишь в каком-то отношении двуногое существо. Кроме того, первая фигура не нуждается в других фигурах, между тем как те ею подкрепляются и расширяются, пока не достигается неопосредствованное. Таким образом, очевидно, что первая фигура имеет для знания наибольшее значение.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[*Неопосредствованные отрицательные посылки*]

Подобно тому как возможно, чтобы А было нераздельно (atomōs) присуще Б [1], точно так же возможно, чтобы оно было ему нераздельно не присуще. Говорю «быть нераздельно присущим или не присущим», когда между А и Б нет среднего термина. В таком случае А будет присуще или не присуще Б не на основании чего-то другого. Поэтому если или А, или Б, или даже оба вместе целиком содержатся в другом [2], то А не может быть присуще Б как первое. В самом деле, пусть А целиком содержится в В; в таком случае, если Б вовсе не содержится в В (ибо возможно, чтобы А целиком содержалось в другом, а Б в нем не содержалось), получится силлогизм о том, что А не присуще Б, ибо если В присуще всем А, но не присуще 79b ни одному Б, то и А не присуще ни одному Б. Точно так же — если Б целиком содержится в другом, например в Д, ибо Д присуще всем Б, но А не присуще ни одному Д; так что посредством силлогизма получится, что А не присуще ни одному Б. Точно так же будет доказано, если и А и Б целиком содержатся в другом. Но что ни одно Б может и не содержаться в том, в чем содержится А, или, наоборот, ни одно А —

в том, в чем содержится Б,— это очевидно из тех рядов [терминов], которые нельзя брать один вместо другого. В самом деле, если ни один из [терминов], входящих в ряд А В Д, не сказывается ни об одном из [терминов], входящих в ряд Б Е З[3], между тем как А целиком содержится в Ф, принадлежащем к тому же ряду, то очевидно, что Б не будет содержаться в Ф, иначе эти ряды смешались бы. И точно так же — если бы Б целиком содержалось в другом. Но если ни один из этих двух [терминов А и Б] вовсе не содержится в чем-то [другом] и А не присуще Б, то оно необходимо не присуще ему нераздельно. Ибо если бы был какой-нибудь средний термин, то было бы необходимо, чтобы один из этих двух терминов целиком содержался в другом, а силлогизм получится тогда или по первой, или по средней фигуре. Если по первой, то Б будет целиком содержаться в другом (ибо посылка, содержащая Б, должна быть утвердительной); если же по средней фигуре, то любой из них может целиком содержаться в другом, так как силлогизм получится, все равно, к какой посылке отнести отрицание, но силлогизма не получится, если обе посылки отрицательные.

Таким образом, очевидно, что одно может быть не присуще другому нераздельно, и мы сказали, когда и как это возможно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[*Ошибочные заключения при неопосредствованных посылках*]

Неведение не как отсутствие знания, а как ложное знание (kata diathesin) есть ошибка, возникающая через силлогизм. Когда что-то первое присуще или не присуще, такая ошибка может произойти двояким образом, а именно когда или просто предполагают, что нечто присуще или не присуще, или когда приходят к такому предположению через силлогизм. Так вот, при простом предположении и ошибка простая; когда же предположение делается через силлогизм, бывает много ошибок. В самом деле, пусть А нераздельно не присуще ни одному Б; в таком случае если вывести заключение, что А присуще Б, приняв средним термином В, то это значило бы впасть в ошибку через силлогизм. Таким образом, возможно, что ложны обе

посылки, но и возможно, что только одна из них. В самом деле, если А не присуще ни одному В, как и В — ни одному Б, и в каждой посылке берется обратное, то обе они будут ложными. Но возможно, что В так относится к А и Б, что оно не подчинено А и не присуще Б как общее. Ибо невозможно, чтобы Б целиком содержалось в другом; ведь было уже сказано[1], что А как первое ему не присуще, но не необходимо, чтобы А было присуще всем [предметам] как общее; так что обе посылки ложны. Но можно также [только] одну из посылок принять за истинную, однако не любую, а лишь посылку АВ, ибо посылка ВБ всегда будет ложной, так как Б не находится ни в одном [роде]. Посылка же АВ может быть истинной, например если А нераздельно присуще и В и Б. В самом деле, когда одно и то же сказывается как первое о многих, ни один из них не будет содержаться в другом. При этом неважно, если [А] присуще [В] не нераздельно.

Таким образом, ошибка относительно присущности проистекает из-за этого и только так (ибо ни по одной другой фигуре не выводится [общего] заключения о присущем). Ошибка же относительно неприсущности возможна и по первой и по средней фигуре. Мы укажем прежде всего, в каких случаях проистекает ошибка по первой фигуре и в каком отношении находятся при этом посылки. Итак, ошибка возможна, когда обе посылки ложны, например если А нераздельно присуще и В и Б, ибо если принять, что А не присуще ни одному В, а В присуще всем Б, то посылки будут ложными. Ошибка возможна и тогда, когда одна из посылок ложная, все равно какая. Ибо возможно, что посылка АВ истинная, а ВБ ложная, и притом АВ истинна потому, что А присуще не всем [предметам], а ВБ ложна потому, что невозможно, чтобы В было присуще Б, когда А не присуще ни одному В, ибо тогда посылка АВ не была бы уже истинной. Между тем, если обе посылки истинны, истинным будет и заключение. Но может быть и так, что посылка ВБ истинная, в то время как другая ложная, например если Б содержится и в В, и в А; ибо тогда одно необходимо подчинено другому, так что если принять, что А не присуще ни одному В, то посылка будет ложной. Таким образом, очевидно, что силлогизм будет ложным

и тогда, когда одна посылка ложная, и тогда, когда обе ложные.

По средней фигуре невозможно, чтобы обе посылки были целиком ложными, ибо если А присуще всем Б, то нельзя будет принять, что [средний термин] одному всему присущ, а другому — вовсе нет; между тем, если вообще должен получиться силлогизм [по второй фигуре], следует взять посылки так, чтобы [средний термин] одному крайнему был присущ, а другому не присущ. Если же взятые таким образом посылки ложны, то ясно, что, если в них берется противоположное, получится как раз обратное, что, однако, невозможно. Но ничто не мешает, чтобы обе посылки были отчасти ложными, например если В присуще и некоторым А и некоторым Б, ибо если принять, что оно присуще всем А и не присуще ни одному Б, то обе посылки будут ложными, но не целиком, а лишь отчасти. И то же самое будет, если отрицание отнести к [большей] посылке. С другой стороны, возможно, что одна из посылок, все равно какая, [целиком] ложная. В самом деле, то, что́ присуще всем А, будет присуще и Б. Если же принять, что В присуще всему А, но вовсе не присуще Б, то посылка ВА будет истинной, посылка же ВБ — ложной. Далее, то, что́ не присуще ни одному Б, не будет присуще ни одному А, ибо если бы оно было присуще А, то оно было бы присуще и Б, но было предположено, что оно ему не присуще. Если же принять, что В присуще всему А, но не присуще ни одному Б, то посылка ВБ будет истинной, другая же — ложной. Точно так же — если отрицание отнести к [большей] посылке. Ибо то, что́ не присуще ни одному А, не будет также присуще ни одному Б. Если же принять, что В вовсе не присуще А, но присуще всему Б, то посылка ВА будет истинной, другая же — ложной. И далее, принять, что то, что́ присуще всем Б, не присуще ни одному А, ложно, ибо если оно присуще всем Б, то оно необходимо присуще также и некоторым А. Если же принять, что В присуще всем Б, но не присуще ни одному А, то посылка ВБ будет истинной, а посылка ВА — ложной. Таким образом, очевидно, что и тогда, когда обе посылки ложные, и тогда, когда только одна ложная, получится ошибочный силлогизм, если они посылки о нераздельно присущем.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[*Ошибочные заключения при опосредствованных посылках*]

Что же касается тех случаев, когда нечто присуще или не присуще не нераздельно, то, если ложный силлогизм получается через подходящий средний термин, обе посылки не могут быть ложными, а ложной может быть лишь посылка, содержащая больший крайний термин. (Под подходящим же средним термином я разумею такой, через который можно получить силлогизм, противоречащий [ложному].) В самом деле, пусть А будет присуще Б через средний термин В. Так как для того, чтобы получить силлогизм, необходимо, чтобы посылка ВБ была взята утвердительной, то ясно, что она всегда будет истинной, ибо она не допускает превращения. Посылка же АВ ложная, ибо после того, как она будет подвергнута превращению, получится силлогизм, противоположный [ложному]. Точно так же и когда средний термин берется из другого ряда, например когда Д и целиком содержится в А, и сказывается обо всех Б. Ибо необходимо, чтобы посылка ДБ осталась, другая же должна быть подвергнута превращению; так что ДБ всегда будет истинной, а АД — всегда ложной посылкой. И ошибка будет почти такой же, как и та, которая происходит через подходящий средний термин. Но если силлогизм получается не через подходящий средний термин, то, когда средний термин подчинен А и не присущ ни одному Б, обе посылки необходимо ложны. Ибо тогда посылки должны быть взяты [в отношении], противоположном тому, в котором они находятся, если надо получить силлогизм; если же их взять такими, то обе они будут ложными, например если А присуще всему Д, а Д не присуще ни одному Б, ибо по превращении их получится силлогизм и обе посылки будут ложными. Но если средний термин, например Д, не подчинен А, то посылка АД будет истинной, посылка ДБ — ложной. В самом деле, посылка АД истинна, потому что было предположено, что Д не содержится в А; посылка же ДБ ложна, потому что если бы она была истинной, то истинным было бы и заключение, а оно, как было предположено, ложно.

Если ошибка возникает через среднюю фигуру, то невозможно, чтобы обе посылки были целиком лож-

ными (ведь если Б подчинено А, то невозможно, чтобы [средний термин] был одному из них всему присущ, а другому не был бы присущ вовсе, как об этом уже было сказано раньше [1]). Но одна посылка может быть ложной, и притом безразлично какая. Ибо если В присуще и А и Б, то если принять, что А оно присуще, а Б не присуще, то посылка ВА будет истинной, другая — ложной. И наоборот, если принять, что В присуще Б, но не присуще ни одному А, то посылка ВБ будет истинной, другая — ложной.

Что касается содержащего ошибку отрицательного силлогизма, то уже было сказано, когда и через какие посылки получится ошибка. Если же силлогизм, [содержащий ошибку], будет утвердительным, то, когда он получается через подходящий средний термин, обе посылки не могут быть ложными, ибо посылка ВБ необходимо должна оставаться, если [вообще] получится силлогизм, как об этом уже было сказано раньше [2]. Так что посылка АВ всегда будет ложной, ибо она как раз та, которая допускает превращение. Точно так же — если средний термин берется из другого ряда, как об этом уже было сказано [3] относительно ошибки, содержащейся в отрицательном силлогизме, ибо необходимо, чтобы посылка ДБ осталась, а АД подверглась превращению, и получится та же самая ошибка, что и раньше [4]. Когда же силлогизм получается не через подходящий средний термин, то, если Д подчинено А, посылка АД будет истинной, другая — ложной, ибо возможно, что А будет присуще многим [терминам], которые не подчинены друг другу. Если же Д не подчинено А, то ясно, что посылка АД будет всегда ложной (ибо она берется утвердительной), посылка же ДБ может быть и истинной и ложной. В самом деле, ничто не мешает, чтобы А не было присуще ни одному Д, а Д было присуще всем Б, например живое существо не присуще никакому знанию, но знание присуще искусству музыки. С другой стороны, А может быть не присуще ни одному Д, а Д — ни одному Б. Таким образом, очевидно, что если средний термин не подчинен А, то ложными могут быть и обе посылки, и одна из них, безразлично какая.

Отсюда очевидно, в каких случаях и через какие [посылки] могут происходить ошибки в умозаключе-

нии как при неопосредствованных положениях, так и при таких, которые получаются через доказательство.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[*Невозможность знания без чувственного восприятия*]

Очевидно также, что если нет чувственного восприятия, то необходимо отсутствует и какое-нибудь знание, которое невозможно приобрести, если мы не научаемся либо через наведение, либо через доказательство. Доказательство же исходит из общего, наведение — из частного; однако созерцать общее нельзя без посредства наведения, ибо и так называемое отвлеченное познается через наведение, а именно если кто-либо хочет показать, что некоторые присущие каждому роду [свойства] хотя и не существуют отдельно, но [могут рассматриваться обособленно друг от друга], поскольку каждое из них есть нечто определенное. Но умозаключать путем наведения невозможно тем, кто лишен чувственного восприятия, ибо чувственное восприятие направлено на единичное, иначе ведь получить о нем знание невозможно. В самом деле, как знание [единичного] посредством общего невозможно без наведения, так и знание его через наведение невозможно без чувственного восприятия.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[*Вопрос о том, должно ли число начал доказательства быть ограниченным или нет*]

Всякий силлогизм получается посредством трех терминов. При этом один [вид] силлогизмов в состоянии доказать, что А присуще В в силу того, что оно присуще Б, а Б присуще В. Другой же [вид] — отрицательные силлогизмы — имеет одну посылку о том, что нечто одно присуще другому, а другую — о том, что нечто чему-то не присуще. Таким образом, очевидно, что таковы начала и так называемые предположения, ибо если их принимают, то с необходимостью доказывают именно так; например, что А присуще В — через Б и, далее, что А присуще Б — через другой средний термин и таким же образом — что Б при-

суще В. Но если выводят заключение исходя из мнения, т. е. только диалектически, то ясно, что следует обращать внимание лишь на то, чтобы силлогизм получался из возможно более правдоподобных посылок. Так что если в действительности среднего термина для А и Б нет, но кажется, что он имеется, то делающий через него умозаключение выводит заключение диалектически. Ради истины же дóлжно исследовать исходя из того, чтó присуще. Дело обстоит так: поскольку есть нечто, что само сказывается о другом не привходящим образом (под привходящим же я разумею, например, когда о чем-то белом иногда говорим, что оно человек, и это не то же самое, что сказать: этот человек есть белый. Ибо человек есть белый, не будучи чем-то другим; белое же есть [человек], поскольку быть белым есть для человека нечто привходящее), существует, конечно, нечто такое, чтó сказывается само по себе. Пусть В будет таким, что само оно больше уже не присуще другому, ему же Б присуще как первое, без чего-то промежуточного. Далее, таким же образом Е присуще З, а З — Б. Итак, необходимо ли здесь остановиться или можно идти дальше до бесконечности? Затем, если ничего не сказывается об А само по себе, а между тем А присуще Ф как первое и раньше — ничему промежуточному, и точно так же Ф присуще Э, а Э — Б, то необходимо ли и в этом случае остановиться или здесь можно идти дальше до бесконечности? Последний случай отличается от предыдущего тем, что [там вопрос ставился так]: если начать с чего-то такого, чтó само не присуще ничему другому, но другое ему присуще,— возможно ли идти дальше до бесконечности вверх? Здесь же [вопрос ставится так]: если начать с чего-то та-
82a кого, что само сказывается о другом, но о нем ничего не сказывается,— возможно ли идти дальше до бесконечности вниз? Далее: может ли быть бесконечно много промежуточных [терминов], в то время как крайним есть предел? Я имею в виду, например, если А присуще В, а средний термин для них Б и если для Б и А есть другие [средние термины], а для этих последних еще другие, то могут ли и эти [средние термины] идти дальше до бесконечности или не могут? Исследование этого — то же самое, что вопрос: ведутся ли доказательства до бесконечности, т. е. есть ли

доказательство всего или [термины] ограничивают друг друга?

То же самое говорю об отрицательных заключениях и посылках; например, если А не присуще ни одному Б или как первое, или так, что есть нечто промежуточное, предшествующее [Б], чему [А] не присуще (например, если этот [средний термин] есть Э, который присущ всем Б), и, с другой стороны, [А] не присуще другому термину, предшествующему [Э], например Ф, которое присуще всем Э. Ибо и в этих случаях терминов, которым [А] не присуще как предшествующим, или бесконечно много, или есть им предел.

Не так обстоит дело с обратимыми [посылками]. Ибо среди взаимозаменяемых [терминов] нет такого, о котором нечто сказывалось бы как о первом или как о последнем. В самом деле, все [термины] находятся друг к другу в одинаковом отношении, будет ли бесконечно много тех [терминов], которые сказываются об одном и том же, или бесконечно много будет их в обоих направлениях, о которых ставился вопрос, за исключением того случая, когда обращение невозможно одинаковым образом, но один [термин] есть нечто привходящее, другой же — [действительное] сказуемое.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

[Число промежуточных терминов между подлежащим и сказуемым в доказательствах утверждения]

Ясно также, что промежуточных [терминов] не может быть бесконечно много, если сказуемым есть предел и по направлению вниз, и по направлению вверх. Под направлением вверх я разумею направление к более общему, под направлением вниз — к частному. В самом деле, если А сказывается о З и промежуточных [терминов], обозначаемых как Б, было бы бесконечно много, то ясно, что в таком случае один термин, начиная с А, мог бы сказываться о другом вниз до бесконечности (ибо до того как приходят к З, промежуточных [терминов] было бы бесконечно много) и, до того как приходят к А, терминов от З вверх было бы бесконечно много. Так что если это невозможно, то невозможно также и то, чтобы промежуточных [терми-

нов] между А и З было бесконечно много. При этом не имеет значения, если говорят, что одни из терминов — А, Б, [...], З — связаны друг с другом так, что между ними нет ничего промежуточного, а другие [так] брать нельзя. Ибо какой бы термин я ни взял из Б, промежуточных терминов по направлению к А или З будет или бесконечно много, или конечное число. Поэтому безразлично, откуда начинается бесконечный [ряд промежуточных терминов] и начинается ли он сразу же или нет, ибо тех терминов, которые следуют за ним, бесконечно много.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[*Число промежуточных терминов в доказательствах отрицания*]

Очевидно также, что и в доказательстве отрицания [терминам] есть предел, поскольку в доказательстве утверждения [им] есть предел в том и другом направлении. В самом деле, предположим, что нельзя идти до бесконечности ни от последнего вверх (под последним я разумею то, что само не присуще ничему дру-
82b гому, но ему самому другое, например З, присуще), ни от первого к последнему (под первым я разумею то, что само сказывается о другом, но о нем самом ничто другое не сказывается). Если же это так, то ясно, что и при отрицании есть предел. Неприсущность доказывается трояко. А именно: или [так, что], чему присуще В, тому всему присуще Б, но ничему из того, чему присуще Б, не присуще А. Следовательно, в отношении посылки БВ и [вообще] всегда в отношении другой[1] посылки необходимо идти к неопосредствованным [положениям], ибо эта посылка утвердительная. Что же касается другой посылки, то ясно, что если [А] не присуще другому, предшествующему [Б], скажем Д, то Д должно быть присуще всем Б. И далее, если [А] не присуще другому, предшествующему Д, то это другое должно быть присуще всем Д. Поэтому раз по направлению вверх есть предел, то есть предел и по направлению к А, и будет нечто первое, чему А не присуще. Далее, [или так, что] если Б присуще всем А и не присуще ни одному В, то А не присуще ни одному В. С другой стороны, если это нужно доказывать, то ясно, что это доказательство бу-

дет дано или через указанную выше фигуру, или через эту, или через третью. О первой фигуре уже было сказано, вторая же будет [теперь] указана. Так можно доказать, например, что Д присуще всем Б, но не присуще ни одному В, если нечто необходимо присуще Б. И далее, если Д не будет присуще В, то нечто другое, что не присуще В, присуще Д. Следовательно, так как присущность имеет предел по направлению вверх, то предел имеет также неприсущность. Третий способ, как было сказано, таков: если А присуще всем Б, а В не присуще Б, то В будет присуще не всему тому, чему присуще А. Но это в свою очередь доказывается или указанными выше способами или так же, [как здесь]. Доказательство теми способами имеет предел. Если же доказывают третьим способом, то опять будет принято, что Б присуще Е, а В присуще не всем Е. И это будет затем доказываться так же. А так как было предположено, что [доказательство] имеет предел и по направлению вниз, то ясно, что оно будет иметь предел и когда В не присуще.

Очевидно также, что и тогда [доказательство] будет иметь предел, когда оно ведется не одним путем, а всеми — то по первой фигуре, то по второй или по третьей. Ведь пути [доказательства] ограниченны по числу. А ограниченное, ограниченное число раз умноженное, необходимо остается ограниченным в целом.

Таким образом, ясно, что и в [доказательстве] отрицания есть предел, поскольку есть предел в [доказательстве] присущности. А что дело обстоит у них таким именно образом, это очевидно из следующего диалектического (logikōs) рассмотрения[2].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[Невозможность в утвердительных умозаключениях, служащих для доказательства, идти до бесконечности]

В отношении же сказуемых, касающихся сути [вещи],— это ясно. Ибо если можно дать определение, или познать суть бытия [вещи], а бесконечное не может быть пройдено, то сказуемые, касающиеся сути [вещи], необходимо ограниченны. Мы говорим в общем 83a
так: можно как нечто истинное сказать, что белое идет и что вот то большое есть дерево и, с другой стороны, что дерево есть большое и что человек идет. Таким об-

разом, есть разница, сказать ли как в первом или как во втором случае. Ибо когда я говорю: белое есть дерево, тогда я говорю, что то, для чего привходяще быть белым, есть дерево, но не говорю, что белое есть субстрат дерева, ибо дерево есть дерево не потому, что оно белое, и не потому, что нечто белое, как таковое, стало деревом; так что [белое] не есть [дерево], разве только привходящим образом. Когда же я говорю, что дерево есть белое, то я не говорю, что нечто другое, для чего привходяще быть деревом, есть белое (как, например, когда я говорю, что образованный есть белый, ибо в этом случае я говорю, что человек, для которого привходяще быть образованным, есть белый), но дерево есть субстрат, как таковой, ставший белым, будучи не чем-то другим, а деревом или таким-то деревом, как таковым. Если надо установить определенное правило, то говорить так, [как в этом случае],— значит утверждать [нечто как сказуемое], говорить же так, [как в том случае],— значит или ничего не утверждать [как сказуемое], или утверждать не безусловно, а лишь привходящим образом. Такой [термин], как «белое», есть то, что́ сказывается, а такой, как «дерево»,— то, о чем что-то сказывается. Итак, примем, что то, что сказывается, всегда сказывается о том, о чем оно сказывается безусловно, но не привходящим образом, ибо [только] так доказательства действительно доказывают. Так что когда одно об одном сказывается, оно сказывается или о сути [вещи], или о качестве, или о количестве, или об отношении, или о действующем, или о претерпевающем, или о «где», или о «когда».

Далее, те [сказуемые], которые обозначают сущность, [указывают], что то, о чем они сказываются, есть то или часть того, что́ они обозначают. Но те [сказуемые], которые не обозначают сущности, а высказываются о другом как о подлежащем, которое не есть ни то, ни часть того, [что́ они обозначают], есть нечто привходящее, как, например, о человеке [сказывается] белое. Ибо человек по существу своему не есть ни белое [вообще], ни нечто белое, но он есть, конечно, живое существо, ведь человек есть живое существо по сути своей. А то, что́ не обозначает сущности, должно сказываться о каком-то подлежащем; и нет такого белого, что было бы бело, не будучи чем-то дру-

гим. А с эйдосами можно распроститься: ведь они только пустые звуки; и даже если бы они существовали, то они не имели бы никакого значения для предмета рассуждения, ибо доказательства имеют дело именно с такого рода [вещами].

Далее, если одно не есть качество другого и другое не есть качество первого и, [следовательно], не есть качество качества, то они не могут сказываться друг о друге таким образом. Но хотя о них и можно сказать нечто истинное, однако они не могут истинно сказываться друг о друге. Ведь сказывается, конечно, как бы сущность, например или род, или видовое отличие сказываемого. Но относительно этого было показано, что оно не будет бесконечным ни по направлению вниз, ни по направлению вверх, например ни [ряд]: человек есть двуногое существо, двуногое есть живое существо, а живое существо есть нечто другое, ни [ряд]: живое существо — о человеке, человек — о Каллии, Каллий — о чем-то другом, содержащемся в его сути, ибо всякую такую сущность определить можно, бесконечное же нельзя пройти мысленно; поэтому не бесконечно ни направление вверх, ни направление вниз, ведь сущность, о которой сказывалось бы бесконечно много, нельзя было бы определить. Действительно, [термины] не могут как роды сказываться друг о друге, иначе нечто было бы частью самого себя. Но ни качество, ни одна из других [категорий] не могут сказываться друг о друге, разве только привходящим образом, ибо все они присущи привходящим образом и сказываются о сущностях. Но и по направлению вверх нельзя идти до бесконечности. Ибо о каждом [предмете] сказывается то, что́ обозначает или качество, или количество, или какая-нибудь другая [из остальных категорий], или то, что́ относится к сущности, но все это ограниченно, как ограниченны и роды категорий, а именно: или качество, или количество, или отношение, или нечто действующее, или нечто претерпевающее, или «где», или «когда». Однако предполагают, что одно сказывается о другом, но что те [термины], которые не [обозначают] сути [вещи], не сказываются друг о друге, ибо все они привходящие, но одни таковы сами по себе, другие же — иным образом. Но мы говорим, что все они сказываются о каком-то подлежащем, привходящее же не есть какое-то подле-

жащее, ибо мы считаем, что нет ни одного такого рода привходящего, которое называется тем, чем оно называется, не будучи чем-то другим; оно само [сказывается] о другом, и другие [привходящие] — об ином [подлежащем]. Таким образом, нельзя будет сказать, что одно присуще другому [до бесконечности] — как по направлению вверх, так и по направлению вниз. В самом деле, то, для чего указывается привходящее, есть нечто относящееся к сущности каждой [вещи], а это не бывает бесконечным. По направлению вверх идут и относящееся к сущности и привходящее, однако и то и другое не бесконечно. Следовательно, необходимо должно быть нечто такое, о чем что-то сказывается как о первом, и об этом — нечто другое, и здесь должен быть предел, т. е. должно быть нечто, что больше уже не сказывается о другом предшествующем и о чем другое предшествующее больше не сказывается.

Таков, следовательно, один указанный здесь способ доказательства. Есть еще другой способ — когда есть доказательство того, о чем нечто сказывается как предшествующее. Нельзя лучше достигнуть того, доказательство чего имеется, чем знанием, и нельзя это знать без доказательства. Если же одно познается через другое, а мы этого другого не знаем и не можем лучше достигнуть этого, чем знанием, то мы не будем знать и то, что познается через это другое. Итак, если можно безусловно знать что-либо посредством доказательства, а не на основании каких-то [соглашений] или предположения, то необходимо, чтобы был предел промежуточным сказуемым. Ибо если бы не было им предела, а всегда было бы [сказуемое] выше принятого, то должно было бы быть доказательство всего. Так что если перебирать [мысленно] бесконечно много [сказуемых] невозможно, тогда мы не будем знать посредством доказательства то, доказательство чего имеется. Итак, если мы не можем лучше достигнуть этого, чем знанием, то нельзя иметь безусловное знание посредством доказательства, а можно его иметь [только] на основании предположения.

Таким образом, диалектически (logikōs) можно отсюда убедиться в сказанном. Аналитически [1] же можно еще более кратким путем доказывать с очевидностью,

что ни по направлению вверх, ни по направлению вниз [ряд] сказуемых не может быть бесконечным в рассматриваемых нами доказывающих науках. В самом деле, ведется доказательство того, что́ само по себе присуще вещам. Но само по себе присущее понимается двояко, а именно как то, что́ содержится в сути другого, и как то, в сути чего содержится само это другое. Например, о числе [сказывается] нечетное, которое хотя и присуще числу, но в его определении содержится само число. И точно так же в определении числа содержится множество или делимое. Но ни того ни другого [самого по себе присущего] не может быть бесконечно много, и не может быть таким то, что́ присуще так, как нечетное присуще числу, иначе в нечетном в свою очередь оказалось бы нечто другое, в [сути] которого содержалось бы нечетное, в то время как оно само присуще нечетному. Но если это так, то число будет как первое содержаться в том, что́ присуще нечетному. Таким образом, если такого рода бесконечное не может быть присуще чему-то одному, то бесконечного не будет и по направлению вверх. Но необходимо, чтобы все [неотъемлемые свойства] были присущи первому, как, например, числу, и число — им. Так что [неотъемлемые свойства и первое] должны быть обратимы друг с другом, а не выходить одно за пределы другого. Однако и то, что́ содержится в сути [вещей], не бесконечно, иначе невозможно было бы определение. Так что если все сказуемые указывают [присущее] само по себе, а то, что́ есть само по себе, не бесконечно по числу, то имеется предел по направлению вверх и, следовательно, по направлению вниз.

Но если это так, то и промежуточные [термины] между двумя [крайними] терминами также всегда ограниченны. А раз так, то ясно уже, что необходимо должны быть начала доказательств и что нет доказательства всего, вопреки утверждению некоторых (о них мы говорили вначале[2]). Ибо если имеются начала, то не все доказуемо и нельзя [в доказательстве] идти до бесконечности. Ведь если бы то или другое имело место, то это означало бы не что иное, как то, что нет никакой неопосредствованной и неделимой посылки, но что все делимо. Ибо то, что подлежит доказательству, доказывается введением термина в середину, а не прибавлением извне[3]. Так что если бы здесь можно было

идти до бесконечности, то было бы также бесконечное множество средних терминов между двумя терминами. Это, однако, невозможно, если сказуемые имеют предел по направлению вверх и вниз. А что они имеют
84b предел, это диалектически (logikõs) было доказано выше, аналитически же — теперь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Значение среднего термина в доказательстве*]

После того как это доказано, становится очевидным, что если одно и то же присуще двум, например, А присуще В и Д, в то время как одно из них о другом или вовсе не сказывается, или сказывается не во всех случаях, то [А] не всегда присуще в силу чего-то общего [этим двум]. Например, и равнобедренному, и неравностороннему треугольнику присуще иметь углы, равные [в совокупности] двум прямым в силу чего-то общего им, ибо это присуще им, поскольку они некоторая определенная фигура, а не поскольку они разные. Но не всегда дело обстоит именно так. Действительно, пусть Б будет то, в силу чего А присуще В и Д. В таком случае ясно, что и Б присуще В и Д в силу чего-то другого общего, а это общее — в силу чего-то иного. Так что между двумя [крайними] терминами оказалось бы бесконечное множество терминов, что́, однако, невозможно [1]. Следовательно, нет необходимости, чтобы всегда одно и то же было присуще многим в силу чего-то общего им, поскольку должны быть неопосредствованные посылки. Необходимо, однако, чтобы термины принадлежали к одному и тому же роду и исходили из одних и тех же нераздельных [начал], если только общее им есть нечто присущее само по себе. Ибо доказываемое, как мы видели, не должно переходить из одного рода в другой.

Очевидно также, что, когда А присуще Б, тогда, если имеется некоторый средний термин, может быть доказано, что А присуще Б. И элементы [доказательства] тождественны средним терминам, и их столько, сколько средних терминов. В самом деле, неопосредствованные посылки суть элементы [доказательства] — или все, или только общие. Если же нет никакого среднего термина, то нет уже доказательства, но путь к началам именно этот [2]. Точно так же обстоит дело,

когда А не присуще Б: если есть или средний термин, или предшествующий термин, которому А не присуще, то доказательство имеется, если же нет, то не имеется — [посылка А не присуще Б] есть начало; и элементов [доказательства] столько, сколько имеется [средних] терминов. Ибо посылки, содержащие эти [средние термины], суть начала доказательства. И подобно тому как имеются некоторые недоказуемые начала, [которыми утверждается], что вот это есть то-то и то-то и что вот это присуще тому-то и тому-то, точно так же есть некоторые недоказуемые начала, [которыми указывается], что вот это не есть то-то и то-то и что вот это не присуще тому-то и тому-то. Так что одни начала будут началами [доказательства] того, что нечто есть, другие — того, что чего-то нет[3]. Но если нужно что-то доказать, следует принять то, что́ сказывается о Б как первое. Пусть это будет В, и о нем пусть таким же образом сказывается Д. И, постоянно двигаясь таким образом все дальше, доказывающий никогда не берет извне посылки и не берет того, что́ присуще А, а постоянно уплотняет средний термин, пока не будет достигнуто нечто неделимое, т. е. единица. Единица же есть тогда, когда достигается неопосредствованное, т. е. когда имеют неопосредствованную посылку, которая одна в прямом смысле слова. И как в других [областях], так и [в доказательствах] начало есть нечто простое, но оно не везде одно и то же: в весе это будет мина, в пении — четверть тона, а в другом — другое. Так, в силлогизме единица — это неопосредствованная посылка, в доказательстве же и в науке — нус[4]. Таким образом, в утвердительных силлогизмах о присущем ни один [средний термин] не выходит за пределы [большего]. В отрицательных же силлогизмах [средний термин] не выходит за пределы того термина, который должен быть присущ, как, например, если А не присуще Б через [средний термин] В. В самом деле, если В присуще всем Б, между тем как А не присуще ни одному В, то, если нужно доказать, что А не присуще ни одному В, следует брать средний термин для А и В, и так можно всегда двигаться дальше. Если же следует доказать, что Д не присуще Е, потому что В присуще всем Д и не присуще ни одному Е, то [средний термин] никогда не выйдет за пределы Е, а Е и есть то, чему не должно быть

присуще [Д]. При третьем способе [доказательства[5] средний термин] никогда не должен выходить за пределы того, от чего и что́ следует отнять.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[*Преимущество доказательства общего перед доказательством частного*]

Так как бывают доказательства общего и частного, утверждения и отрицания, то возникает вопрос: какое из них — лучшее? Тот же вопрос встает и относительно так называемого прямого доказательства и доказательства через приведение к невозможному. Так вот, мы прежде всего рассмотрим доказательство общего и частного и, уже выяснив это, будем говорить о так называемом прямом доказательстве и о доказательстве через невозможное.

Лучшим могло бы показаться доказательство частного, если рассматривать таким образом: ведь лучше то доказательство, на основании которого мы что-то лучше знаем (ибо в этом и состоит достоинство доказательства), лучше же мы каждую вещь знаем тогда, когда знаем, какова она сама по себе, чем на основании чего-то другого; например, мы лучше знаем об образованном Кориске, когда знаем, что Кориск образован, чем когда знаем, что человек образован, и точно так же во всех других случаях. Доказательство же общего показывает, что что-то другое, а не сама вещь [имеет такое-то свойство], например равнобедренный треугольник имеет [такие-то свойства] не потому, что он равнобедренный, а потому, что он треугольник. Доказательство же частного показывает, что сама вещь [имеет это свойство]. Следовательно, если лучше то доказательство, которое показывает, что вещь сама по себе [имеет это свойство], а таково в большей мере доказательство частного, чем доказательство общего, то доказательство частного лучше. Далее, если общее не есть что-то помимо единичных вещей, доказательство же [общего] порождает мнение, будто то, относительно чего ведется доказательство, есть что-то [отдельно существующее] и что есть некая такого рода сущность (physis), присущая существующему (например, будто есть [сущность] треугольника помимо отдельных треугольников, и [сущность] фигуры — помимо отдельных фигур, и [сущность] числа — помимо от-

дельных чисел), а, с другой стороны, доказательство относительно того, чтó есть, лучше доказательства относительно того, чего нет, и доказательство, не вводящее в заблуждение, лучше доказательства, вводящего в заблуждение, доказательство же общего именно таково (ибо это доказательство ведут, идя все дальше, как при установлении соотношения, [когда доказывают], например, что то-то и то-то имеет нечто сходное, чтó не есть ни линия, ни число, ни имеющее объем, ни плоскость, а что-то помимо них); если, сле- 85b
довательно, доказательство общего есть скорее именно такое доказательство и оно в меньшей мере касается того, чтó есть, чем доказательство частного, и способно порождать ложное мнение, то доказательство общего хуже доказательства частного.

Но не относится ли первый довод в такой же мере к доказательству общего, как и к доказательству частного? В самом деле, если то, что [углы в совокупности] равны двум прямым, присуще равнобедренному треугольнику не поскольку он равнобедренный, а поскольку он треугольник, то в этом случае тот, кто знает, что равнобедренный треугольник [обладает этим свойством], знает [предмет], как таковой, меньше, чем тот, кто знает, что треугольник [обладает этим свойством]. И вообще, если [о равнобедренном треугольнике] доказывают не поскольку он треугольник, то это не будет доказательством; если же это доказывают, [поскольку он треугольник], то в этом случае тот, кто знает каждое [свойство], поскольку оно присуще [треугольнику вообще], будет лучше знать. Если, следовательно, треугольник есть более широкий [термин], [чем равнобедренный], и понятие — одно и то же, и он треугольник не одноименно, и если всякому треугольнику присуще то, что его углы равны [в совокупности] двум прямым, то треугольник имеет такие углы не поскольку он равнобедренный, а равнобедренный имеет такие углы, поскольку он треугольник. Так что тот, кто знает общее, лучше знает нечто как присущее, чем тот, кто знает частное. Следовательно, доказательство общего лучше доказательства частного. Далее, если общее есть какое-то одно понятие, а не нечто одноименное, то оно существует не в меньшей мере, чем нечто частное, и даже в большей мере, поскольку в общем содержится непреходящее, тогда как частное в большей

мере преходяще. Далее, предполагать, что [общее] есть нечто существующее помимо частного, потому что оно означает нечто единое, нет никакой необходимости — не больше, чем в отношении другого, обозначающего не сущность, а или качество, или отношение, или действие. Но если есть [такое предположение], то в этом повинно не доказательство, а тот, кто внимает [этому предположению].

Далее, если доказательство есть силлогизм, доказывающий причину, т. е. то, почему есть [данная вещь], а общее есть в большей мере причина (ибо то, чему нечто присуще само по себе, само есть причина того, что оно ему присуще, общее же есть первое и, следовательно, причина), то и доказательство общего лучше, ибо оно в большей мере касается причины, т. е. того, почему есть [данная вещь].

Далее, мы до тех пор ищем причину и тогда считаем, что знаем ее, когда [знаем], что это происходит или существует не потому, что нечто другое происходит или существует, ибо таким образом уже достигается цель и крайний предел. Например, зачем он пришел? Чтобы получить деньги, а это для того, чтобы вернуть долг; а это — чтобы не поступать несправедливо. И когда, идя так все дальше, [мы узнаем], что что-то есть уже не из-за другого и не ради другого, тогда мы говорим: ради этого как цели он пришел, или что-то существует, или происходит. И тогда мы знаем всего лучше, почему он пришел. Действительно, если таким же образом обстоит дело со всеми причинами и основаниями (ta dia ti) и если таким именно образом имеем наилучшее знание о том, что́ есть причина в смысле «ради чего», то и о других причинах мы тогда имеем наилучшее знание, когда нечто присуще уже не потому, что есть что-то другое. Следовательно, когда мы знаем, что внешние углы равны четырем прямым, потому что треугольник равнобедренный, остается еще вопрос: почему равнобедренный треугольник обладает этим свойством? [Ответ гласит]: потому что он треугольник, и это потому, что [этим свойством обладает] прямолинейная фигура. И если [мы знаем, что] такая фигура обладает этим свойством уже не из-за другого, то мы об этом имеем наилучшее знание. И тогда же [мы знаем] общее. Сле-

довательно, доказательство общего лучше [доказательства частного].

Далее: чем более частно [доказательство], тем более оно наталкивается на неопределенное, тогда как [доказательство] общего направлено на простое и предельное. Поскольку вещи неопределенны, постольку их нельзя знать, и, напротив, поскольку они определенны, постольку их можно знать. Следовательно, нечто познается в большей мере, поскольку оно общее, чем поскольку оно частное. Общее, следовательно, в большей мере доказуемо. Но доказательство того, чтó в большей мере доказуемо, есть и доказательство в большей мере, ведь соотнесенные между собой [вещи] имеют бóльшую степень одновременно. Следовательно, доказательство общего лучше, поскольку оно есть доказательство в большей мере. Далее, то, на основании чего мы знаем и это и другое, предпочтительнее того, на основании чего мы знаем только это. А тот, кто имеет [доказательство] общего, знает также и частное, но тот, кто имеет [лишь доказательство] частного, не знает [еще] общего. Так что и в этом отношении доказательство общего предпочтительнее. Далее, [можно рассуждать] и так. Доказывать более общее — значит доказывать через средний термин, который находится ближе к началу. Всего же ближе находится неопосредствованное, и это есть начало. Таким образом, если доказательство, исходящее из начала, [основательнее] доказательства, не исходящего из начала, то доказательство, в большей мере исходящее из начала, основательнее того, которое исходит из начала в меньшей мере. Но таково именно доказательство более общего. Стало быть, доказательство общего предпочтительнее. Например, если нужно доказать отношение А к Д, то пусть Б и В будут средними терминами, а выше находится Б. Так что доказательство, данное посредством Б, есть доказательство более общего.

Впрочем, некоторые из указанных доводов суть диалектические (logika). Но что доказательство общего более ценно, всего яснее видно из следующего: если мы из [двух] посылок имеем предшествующую, то в известной мере знаем также и последующую и имеем ее в возможности. Например, если мы знаем, что всякий треугольник [имеет три угла, равные в совокупности] двум прямым, то в известной мере мы знаем —

в возможности,— что и равнобедренный треугольник имеет [углы, равные в совокупности] двум прямым, хотя бы мы и не знали, что эта равнобедренная [фигура] есть треугольник. Но если кто-нибудь имеет только эту последнюю посылку, то он никоим образом не знает [еще] общего, ни в возможности, ни в действительности. И наконец, доказательство общего постигается умом, частного же — ограничено чувственным восприятием.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

[Преимущество доказательства утверждения перед доказательством отрицания]

Итак, что доказательство общего лучше доказательства частного, об этом сказано нами достаточно. А что доказательство утверждения лучше доказательства отрицания, станет ясным из следующего. При прочих равных [условиях] то доказательство должно быть лучше, которое исходит из меньшего числа постулатов, или предположений, или посылок. В самом деле, если [посылки] одинаково известны, то познание будет скорее достигнуто посредством тех, [которых меньше], а это предпочтительнее. Основание же положения, что лучше то доказательство, которое исходит из меньшего числа [посылок],— общее. В самом деле, если средние термины одинаково известны, а предшествующие более известны, то пусть одно доказательство того, что А присуще Е, будет дано через средние термины Б, В и Д, другое же доказательство того, что А присуще Е,— через З и Э. С [посылкой] же о том, что А
86b присуще Д, дело обстоит так же, как с [посылкой] о том, что А присуще Е. Однако что А присуще Д — это первее и более известно, чем то, что А присуще Е, ибо [АЕ] доказывается через [АД]; более же достоверно то, через что доказывают. Стало быть, доказательство через меньшее число [средних терминов] при прочих равных [условиях] лучше. Итак, и доказательство утверждения, и доказательство отрицания ведутся посредством трех терминов и двух посылок, но в первом случае принимается, что нечто есть, во втором же — что нечто есть и что нечто не есть. Следовательно, [доказательство отрицания] дается больше чем через один [вид посылок] и потому есть худшее доказательство.

Далее, так как было доказано, что при двух отрицательных посылках силлогизм не может получиться, а лишь одна посылка может быть отрицательной, другая же — о том, что присуще, то кроме этого надо принять следующее: при расширении доказательства число утвердительных посылок необходимо должно увеличиваться, между тем как отрицательных посылок в каждом силлогизме не может быть больше одной. В самом деле, пусть А не присуще ничему из того, чему присуще Б, но Б присуще всем В. Далее, если необходимо расширить обе посылки, то следует вставить средний термин. Пусть таким термином для АБ будет Д, а для БВ — Е. Тогда очевидно, что Е взято в утвердительной посылке, а что касается Д, то с Б оно находится в утвердительной посылке, с А, напротив, — в отрицательной, ибо Д должно быть присуще всем Б, между тем как А не присуще ни одному Д. Таким образом, получится [только] одна отрицательная посылка, а именно АД. Точно так же обстоит дело и в других силлогизмах. Действительно, в утвердительном силлогизме средний термин будет всегда с обоими [крайними] терминами в утвердительных посылках, в отрицательном же силлогизме одна из посылок должна быть отрицательной. Так что одна лишь эта посылка будет отрицательной, а другие — утвердительными. Таким образом, если то, посредством чего нечто доказывается, более известно и более достоверно, отрицательное же [заключение] доказывается посредством утвердительной посылки, между тем как утвердительное не доказывается посредством отрицательной посылки, то доказательство утверждения, будучи предшествующим, более известным и более достоверным, лучше. Далее, если начало силлогизма составляет общая неопосредствованная посылка, а общая посылка в доказательстве утверждения утвердительная, в доказательстве же отрицания — отрицательная и утвердительная посылка предшествует и более известна, чем отрицательная, ибо отрицание становится известным через утверждение и утверждение предшествует отрицанию, подобно тому как бытие предшествует небытию, [или первее его], то и начало доказательства утверждения лучше начала доказательства отрицания. Но доказательство, пользующееся лучшими началами, лучше. Наконец, доказатель-

ство утверждения ближе по природе к началу, ибо без доказательства утверждения нет и доказательства отрицания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

[*Преимущество прямого доказательства перед доказательством посредством приведения к невозможному*]

87a Так как доказательство утверждения лучше доказательства отрицания, то ясно, что оно также лучше доказательства через приведение к невозможному. Но следует знать, каково различие между ними. Так вот, пусть А не присуще ни одному Б, а Б пусть будет присуще всем В; тогда А необходимо не присуще ни одному В; если [термины] взяты таким образом, то получится прямое доказательство отрицания относительно того, что А не присуще В. Доказательство же через невозможное таково: если нужно доказать, что А не присуще Б, то дóлжно принять, что оно ему присуще и что Б также присуще В; так что отсюда следует, что А присуще В. Но пусть уже будет известно и признано, что это невозможно. Следовательно, не может быть, чтобы А было присуще Б. Итак, если признано, что Б присуще В, то А не может быть присуще Б. Таким образом, термины расположены [в обоих доказательствах] одинаково. Различие же заключается лишь в том, которая из обеих отрицательных посылок более известна — та ли, согласно которой А не присуще Б, или та, согласно которой А не присуще В. И вот, когда заключение [о том, что А не присуще В], более известно, дается доказательство через невозможное; когда же более известно отрицание в самом силлогизме, дается прямое доказательство. По природе же [положение], что А не присуще Б, предшествует [положению], что А не присуще В, ибо заключению предшествует то, из чего заключение вытекает. [Положение], что А не присуще В, есть заключение, [положение] же, что А не присуще Б, есть именно то, из чего вытекает заключение, ибо если приходится что-то опровергнуть [через невозможное], то это не [надлежащее] заключение, и те [положения], на основании которых [опровергают], не [надлежащие посылки]. Но то, из чего выводится [заключение], есть силлогизм,

в котором [одна посылка] относится [к другой] или как целое к части, или как часть к целому. Посылки же АВ и БВ не находятся друг к другу в таком отношении. Таким образом, если доказательство, исходящее из более известного и предшествующего, более ценно, а оба [вида] доказательства, исходящие из того, что нечто не есть, достаточно убедительны, но одно из них исходит из предшествующего, а другое — из последующего, то прямое доказательство отрицания безусловно лучше доказательства через невозможное. А потому ясно и то, что если доказательство утверждения лучше [доказательства отрицания], то оно также лучше доказательства через невозможное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

[*Степень точности разного знания*]

Знание и о том, что *есть*, и о том, *почему* есть, а не отдельно знание о том, что есть, более точно и первее одного лишь знания о том, почему есть. Равным образом и знание, не имеющее дела с [материальным] субстратом, точнее и первее знания, имеющего с ним дело, как, например, арифметика по сравнению с гармонией. Далее, знание, исходящее из меньшего числа [начал], точнее и первее знания, требующего некоторого добавления[1], например арифметика по сравнению с геометрией. Под требующим добавления я разумею то, что, например, единица есть сущность, не имеющая положения [в пространстве], точка же — сущность, имеющая положение [в пространстве]; это последнее и есть добавление.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

[*Единство науки*]

Одна наука, предмет которой — один род, есть наука о том, что́ слагается из первых [начал этого рода] и составляет части [его] или свойства [этих частей], присущие сами по себе. А отличаются науки друг от друга, когда их начала не выводятся ни из одних и тех же [начал], ни начала одной из [начал] дру- 87b
гой. Это обнаруживается, когда доходят до недоказуемых [положений][1], ибо последние должны [в одной и той же науке] принадлежать к тому же самому

роду, что и доказанные [положения]. Это обнаруживается и тогда, когда [положения], доказываемые из этих [начал], принадлежат к одному и тому же роду, т. е. однородны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

[*Допустимость многих доказательств одного и того же положения*]

Для одного и того же [положения] может быть и много доказательств, притом не только тогда, когда из одного и того же ряда [терминов] берется такой средний термин, который непосредственно не связан [с другими терминами], как, например, когда для А и Б [средними терминами] берутся В, Д и З, но также и тогда, когда [средний термин] берется из другого [ряда]. Например, пусть А означает изменяться, Д — двигаться, Б — радоваться и Э в свою очередь — успокаиваться. Тогда Д правильно сказывается о Б и А — о Д, ибо всякий, кто радуется, двигается, а то, что двигается, изменяется. И далее: А правильно сказывается об Э, а Э — о Б, ибо всякий радующийся успокаивается, а успокаивающийся изменяется. Так что получается силлогизм через разные средние термины, и притом не из одного и того же ряда; однако не так, чтобы ни один из двух средних терминов не мог высказываться о другом среднем, ведь оба необходимо должны быть присущи одному и тому же [третьему]. Нужно также исследовать, сколькими способами можно и по другим фигурам получить силлогизм об одном и том же.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

[*Отсутствие научного знания о случайном*]

О случайном, [или привходящем], нет знания через доказательство. Ибо случайное не есть ни то, что необходимо бывает, ни то, что бывает большей частью, а оно есть нечто такое, что происходит помимо того и другого. Между тем доказывается либо то, либо другое. В самом деле, всякий силлогизм получается из посылок или о необходимо присущем, или о том, что бывает большей частью. И если посылки — о необходимо присущем, то о необходимо присущем будет и заключение. Если же они о том, что бывает большей

частью, то таким же будет и заключение. Так что если случайное, [или привходящее], не есть ни то, что бывает большей частью, ни необходимое, то для него не может быть доказательства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[Невозможность доказательства посредством чувственного восприятия]

Но и через чувственное восприятие нет [доказывающего] знания. Ибо хотя чувственное восприятие есть восприятие определенного свойства, а не [просто] определенного нечто, однако необходимо воспринимается определенное нечто где-то и теперь. Общее же и содержащееся во всех [предметах данного вида] воспринимать чувствами невозможно, ибо оно не есть определенное нечто и существует не [только] теперь, иначе оно не было бы общим. А общим мы называем то, что́ есть всегда и везде. А так как доказательства касаются общего, общее же нельзя воспринимать чувствами, то очевидно, что через чувственное восприятие нет [доказывающего] знания. Но ясно, что, даже если бы и можно было воспринимать чувствами, что треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, мы все равно искали бы доказательство этого, а не знали бы уже это, как говорят некоторые [1]. Ибо чувствами необходимо воспринимается единичное, [доказывающее] же знание есть познание общего. Поэтому если мы, находясь на Луне, видели бы, что Земля загораживает [Солнце], то мы еще не знали бы причины затмения. Ибо мы воспринимали бы чувст- 88a
вами, что в данное время происходит затмение, но не воспринимали бы, почему оно вообще происходит, так как чувственное восприятие не имеет своим предметом общее. Однако из частого наблюдения этого мы, обнаружив общее, имели бы доказательство, ибо из многократного повторения единичного становится явным общее; а общее ценно именно потому, что оно выявляет причину. Поэтому в такого рода случаях, когда причина кроется в чем-то другом, [знание] общего более ценно, чем чувственные восприятия и мышление. Что же касается первых [начал], то о них другой разговор [2].

Таким образом, очевидно, что через чувственное восприятие невозможно знать что-либо, требующее доказательства, разве что под чувственным восприятием подразумевали бы обладание знанием через доказательство. Правда, кое-что в спорных вопросах упирается в отсутствие восприятия, ибо о некоторых вещах, если бы мы их видели, мы дальше не спрашивали бы, не потому, что мы их будто бы знаем через зрение, а потому, что мы посредством зрения как бы приобретаем общее. Например, если бы мы видели, что прозрачный камень просверлен и пропускает свет, то для нас было бы ясно также и то, почему он жжет, ибо мы видели бы это глазами отдельно в каждом единичном случае, а мышлением мы сразу бы постигли, что так бывает во всех случаях.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

[*Начала наук и их различие*]

Невозможно, чтобы для всех силлогизмов начала были одними и теми же, и это [становится ясным] прежде всего при диалектическом (logikōs) рассмотрении [1]. В самом деле, одни силлогизмы истинны, другие ложны. И хотя из ложных [посылок] можно выводить истинное заключение, однако это получается только в одном случае, например если А истинно в отношении В, а средний термин Б ложный, ибо ни А не присуще Б, ни Б не присуще В. А если снова брать средние термины для этих посылок, то [новые посылки] окажутся ложными, ибо всякое ложное заключение получается из ложных же посылок, а из истинных — истинное. Ложные же посылки отличаются от истинных. Далее, не [все] ложное выводится из одних и тех же [начал], ибо ложные [положения] — это и противоположные друг другу, и несовместимые друг с другом; например, не может справедливость быть несправедливостью или трусостью, и не может человек быть лошадью или быком, а равное — бо́льшим или меньшим. Из принятых же [положений] можно это доказать так: даже начала всех истинных [силлогизмов] не одни и те же, ибо у многих начала различны по своему роду и не подходят друг к другу, как, например, единицы не подходят к точкам, ибо первые не имеют положения [в пространстве], а последние имеют его. Между

тем необходимо, чтобы или [крайние] подходили к средним терминам — либо наверху, либо внизу, или чтобы одни [средние] находились между [крайними] терминами, а другие были вне их. Но и среди общих всем начал не может быть таких, из которых можно было бы доказать все (под общими всем я разумею такие, как [положение], что относительно всего возможно или утверждение, или отрицание), ибо роды существующего различны и одно присуще [только] количествам, другое — только качествам, и посредством них через общие им [начала] ведется доказательство. Далее, начал бывает немногим меньше, чем заключений, ибо начала суть сами посылки; [новые] же посылки получаются или прибавлением [крайнего] термина, или введением [среднего]. Кроме того, число заключений бесконечно, хотя число [средних] терминов ограниченно. Наконец, одни из начал необходимы, другие — [только] возможны.

Следовательно, при таком рассмотрении [становится ясным], что эти начала не могут быть одними и теми же или ограниченными по числу, если число заключений бесконечно. Если же кто-нибудь сказал бы както иначе, например: это начала геометрии, это начала учения о числах, а это начала врачебного искусства, то какое же это имело бы другое значение, как не то, что существуют начала [отдельных] наук? Сказать же, что начала одни и те же, потому что они тождественны самим себе, было бы смешно, ибо в таком случае все оказалось бы тождественным. Также нельзя полагать, что у всех [силлогизмов] одни и те же начала, — это означало бы, что любую [посылку] можно доказать из всех начал; это было бы чрезвычайно нелепо. В самом деле, так не может обстоять дело ни в очевидных [положениях] математики, ни при раскрытии, ибо неопосредствованные посылки суть начала, а заключение, отличное [от данного заключения], получается, если прибавить [новую] неопосредствованную посылку. Но если бы кто-нибудь сказал, что именно первые неопосредствованные посылки суть эти начала, то [следует возразить, что] в каждом отдельном роде есть одно такое начало. Если же невозможно из всякого [начала] доказать что бы то ни было (как это следовало бы) и если, с другой стороны, невозможно, чтобы [начала] были столь различны, чтобы были

различны [начала] каждой науки, то остается сказать, что начала всех [наук] однородны, но из одних начал доказывается одно, из других — другое. Очевидно, однако, что и это невозможно, ибо было уже показано[2], что начала разных по роду вещей сами различны по роду, ибо начала бывают двоякие: такие, из которых [что-то доказывается], и такие, относительно которых что-то [доказывается]. Следовательно, те, из которых [доказывается], суть общие всем начала, те же, относительно которых что-то [доказывается],— свойственные лишь отдельным [наукам], например число, величина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Различие между знанием и мнением*]

Предмет знания и знание отличаются от предмета мнения и от мнения, ибо знание направлено на общее и основывается на необходимых [положениях]; необходимое же есть то, чтó не может быть иначе. Многое же хотя и истинно и существует, но может быть и иным. Ясно поэтому, что о нем нет науки. В противном случае то, чтó может быть иначе, было бы тем, чтó не может быть иначе. Но [с такими вещами] не имеет дела ни нус (ибо под нусом я понимаю начало науки), ни недоказуемое знание, ибо последнее есть схватывание неопосредствованной посылки. Но истинны и нус, и наука, и мнение, и все то, что утверждается на их основании. Вот почему остается сказать, что мнение бывает о том, чтó хотя и истинно или ложно, но может быть и иначе. А это и есть схватывание неопосредствованной, но не необходимой посылки. И это соответствует наблюдаемому, ибо мнение есть нечто непостоянное, и такова его природа; кроме того, ни один человек не считает, что он имеет [лишь] мнение, когда считает, что дело иначе обстоять не может; он считает тогда, что знает это. Когда же он думает, что хотя дело обстоит так, но может обстоять и иначе, тогда ничто не мешает, чтобы он имел мнение, так что такие вещи будут предметом мнения, а необходимое — предмет знания.

Итак, каким образом можно об одном и том же иметь мнение и знание? И почему мнение не есть знание, раз полагают, что обо всем, что знают, можно

иметь какое-то мнение? В самом деле, и тот, кто знает, и тот, кто имеет мнение, следует через средние термины, пока оба не достигают неопосредствованных [посылок]. Так что если имеющий знание знает, то и имеющий мнение также знает, ибо можно иметь мнение о том, что *есть*, и о том, *почему* есть, а эта причина и есть средний термин. Если же будут так предполагать, что с тем, что́ не может быть иначе, дело обстоит так же, как с определениями, посредством которых ведутся доказательства, то будут уже иметь не мнение, а знание; если же [предположить], что нечто истинно, но не [предположить, что оно] присуще [предмету] по сущности и виду, то имеется мнение — а не истинное знание — и о том, что *есть*, и о том, *почему* есть, если только мнение основывается на неопосредствованных [посылках]. Если же оно не основывается на неопосредствованных [посылках], то имеется мнение лишь о том, что *есть*. С другой стороны, предмет мнения и знания один и тот же не во всех отношениях, но подобно тому, как и предмет ложного и истинного мнения может быть одним и тем же лишь в известном смысле, точно так же обстоит дело и со знанием и мнением об одном и том же. Ибо если, как некоторые утверждают [1], предмет и истинного и ложного мнения может быть одним и тем же, то в таком случае вытекают разные нелепости, в том числе и та, будто иметь ложное мнение — значит совсем не иметь мнения. Но так как «одно и то же» имеет много значений, то отождествлять ложное мнение с истинным в одном смысле возможно, а в другом нет. Нелепо, конечно, сказать, например, что мнение, будто диагональ соизмерима [со стороной квадрата], истинно. Но так как диагональ, о которой составляются [противоположные друг другу] мнения, одна и та же, то об одном и том же будут [и ложное и истинное] мнения. Однако суть бытия в том и другом случае по своему определению не будет одной и той же. В таком же смысле и предмет знания и мнения один и тот же. В самом деле, знание [рассматривает] живое существо так, что оно не может не быть живым существом, мнение же — так, что это возможно, например если первое [рассматривает] человека по самому существу, второе же хотя и [рассматривает] человека, но не по самому существу. В самом деле, [рассматривается знанием и

мнением] одно и то же, т. е. человек, но способ [рассмотрения] не один и тот же.

Из всего этого очевидно, что невозможно об одном и том же в одно и то же время иметь мнение и знание. Иначе пришлось бы принять, что одно и то же
89b может в одно и то же время и быть иным, и не быть иным, что́, однако, невозможно. У разных людей знание и мнение об одном и том же так, как было сказано, возможно. Но у одного и того человека это невозможно. Иначе пришлось бы принять, например, что человек по самому существу есть живое существо (ибо это означает невозможность быть не живым существом) и [в то же время], что он по самому существу не есть живое существо, ведь это означало бы возможность [быть не живым существом].

А как различать друг от друга остальные — мышление, нус, науку, искусство, рассудительность и мудрость, рассматривать это должны скорее: одни — учение о природе, другие — учение о нравственности [2].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[Сообразительность]

Сообразительность есть способность мгновенно найти средний термин. Например, если кто-либо видит, что Луна всегда светится против Солнца, он сразу же понимает, почему это так: а именно оттого, что ее освещает Солнце; или когда он видит, что кто-то разговаривает с богатым человеком, он догадывается, почему тот разговаривает: потому, что хочет занять денег; или догадывается, почему [два человека] дружат между собой: потому, что они враги одного и того же [третьего]. Ибо, видя крайние термины, он сразу же узнает в качестве причин средние. Пусть А обозначает светиться против Солнца, Б — освещение Солнцем, В — Луна. В таком случае Б, т. е. освещение Солнцем, присуще В, т. е. Луне; между тем А, т. е. светиться против того, что́ его освещает, присуще Б. Так что А присуще В через Б.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Четыре вида исследования*]

Виды искомого по числу равны видам знания[1]. Искомого — четыре вида: «что» (hoti), «почему» (dioti), «есть ли» (ei esti) и «что́ есть» (ti estin). В самом деле, когда вопрос касается сочетания [вещи и свойства] — вот такая ли [вещь] или такая, например затмевается ли Солнце или нет, тогда мы ищем, что [вещь] есть [такая-то]. Доказательством этого служит то, что мы перестаем искать, как только находим, что Солнце затмевается; а если бы мы с самого начала знали, что Солнце затмевается, то мы не спрашивали бы, затмевается ли оно. Когда же мы знаем, что нечто есть [такое-то], тогда мы ищем [причину], почему оно [такое-то]. Например, когда мы знаем, что происходит затмение Солнца и что Земля колеблется, тогда мы ищем [причины], почему происходит затмение и почему колеблется Земля. Их мы ищем именно так. Но о некоторых вещах мы спрашиваем по-другому, например: есть ли или нет кентавр или бог? Здесь я имею в виду, есть ли нечто или нет вообще, а не о том, [например], бело ли оно или нет. А когда мы уже знаем, что нечто есть, тогда мы спрашиваем о том, что́ именно оно есть, например: что же есть бог или что такое человек?

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Значение среднего термина в каждом исследовании*]

Итак, это есть то, что́ мы ищем и что́ мы знаем после того, как мы его нашли, и его именно столько-то. Когда мы спрашиваем, есть ли [вещь такая-то] или есть ли она вообще, то спрашиваем, есть ли для нее среднее или нет. Когда же мы узнали либо в частности, либо

вообще, что [вещь] есть [такая-то] или есть ли она, и далее спрашиваем, почему или что́ она есть, тогда мы
90a спрашиваем, что́ же именно есть среднее. Под [выражением] «что [вещь] есть» [такая-то] в частности или вообще я разумею следующее: в частности — [когда я, например, спрашиваю], на ущербе ли Луна или на прибыли, ибо в таких случаях мы спрашиваем, есть ли что-то [такое-то] или нет. Вообще же — [когда я спрашиваю], есть ли Луна или нет, или есть ли ночь или нет. Таким образом, при всех таких поисках спрашивают, есть ли среднее или что́ оно есть, ибо среднее есть причина и именно его ищут во всех таких случаях, например: затмевается ли [Луна]? Есть ли этому какая-то причина или нет? После этого, когда мы узнали, что есть какая-то причина, мы спрашиваем: что́ же именно она есть? Ибо причина того, почему нечто есть не это или это, а некоторая сущность вообще, или причина того, что нечто есть не вообще, а что-то из присущего самого по себе или привходящим образом,— причина всего этого есть среднее. Я говорю «вообще», имея в виду подлежащее, например Луну, или Землю, или Солнце, или треугольник; я говорю «что-то», имея в виду, например, затмение, равенство, неравенство, [и спрашиваю], относятся ли они к среднему или нет. Ибо во всех этих случаях очевидно, что вопрос «что́ есть» и вопрос «почему есть» — одно и то же. Что такое затмение Луны? Лишение Луны света вследствие загораживания ее Землей. Почему происходит затмение? Или: почему Луна затмевается? Потому что Луна лишается света загораживающей ее Землей. Что такое созвучие? Числовое соотношение высоких и низких [звуков]. Почему созвучны высокое и низкое? Потому что высокое и низкое находятся в некотором числовом соотношении. Могут ли быть созвучными высокое и низкое, или (что то же) есть ли [надлежащее] числовое соотношение их? Если же предположить, что оно есть, [то спрашивается]: каково же именно это соотношение?

Что это есть вопрос о среднем — это становится ясным из тех случаев, где среднее есть нечто воспринимаемое чувствами. В самом деле, мы спрашиваем, например, есть ли лунное затмение или нет тогда, когда мы не воспринимаем его чувствами. Если бы мы находились на Луне, то мы не спрашивали бы ни

о том, происходит ли затмение, ни о том, почему оно происходит, а это нам сразу было бы ясно. Ибо тогда из чувственного восприятия мы получили бы и знание общего. Ведь чувствами воспринимается, что Земля загораживает теперь Луну, а потому ясно, что Луна теперь затмевается, и отсюда получается [знание] общего.

Таким образом, знать, что́ именно есть, и знать, почему есть, означает, как сказано, одно и то же. А это [знание] касается или вещи вообще, а не чего-то из присущего, или чего-то из присущего, как, например, что углы равны двум прямым или что нечто больше или меньше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Различие между определением и доказательством*]

Итак, ясно, что во всяком исследовании ищут среднее. Но как доказывается суть [вещи], каков способ сведения [определения к доказательству], что такое определение и определение чего возможно — об этом мы скажем теперь, разрешив прежде всего некоторые сомнения относительно этого. Началом же предстоящего [исследования] пусть будет вопрос, больше всего связанный с последующими рассуждени- 90b
ями, а именно: возможно ли одно и то же и в отношении одного и того же знать и посредством определения, и посредством доказательства? Или это невозможно? Ибо определение, по-видимому, касается сути [вещи]. А суть [вещи] есть во всех случаях общее и утвердительное, между тем силлогизмы бывают и отрицательными и не общими, как, например, во второй фигуре заключения — все отрицательные, а в третьей — не общие. Далее, даже не все утвердительные [заключения] первой фигуры имеют определение, например [заключение], что всякий треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым. Основание этого [различия между определением и доказательством] — то, что знать доказываемое — значит иметь доказательство его; так что раз для таких [положений] есть доказательство, то ясно, что для них не может быть определения, иначе можно было бы иметь знание на основании [одного лишь] определения, не имея доказательства, ибо ничто не

мешает иметь [определение], не имея в то же время [доказательства]. Это достаточно подтверждается и наведением, ибо, давая определение, мы никогда не узнаем ни того, что́ присуще предмету само по себе, ни привходящего для него. Далее, если определение есть познавание некоторой сущности, то очевидно, что то, [что доказывают], не есть сущность.

Таким образом, ясно, что определение имеется не для всего того, для чего имеется доказательство. Ну, а есть ли доказательство всего того, для чего имеется определение, или нет? То же самое основание касается также и этого вопроса. Итак, об одном, поскольку оно одно, существует одно знание. Так что если знать доказываемое — значит иметь доказательство его, то отсюда вытекает нечто несообразное, так как в таком случае тот, кто имеет определение, имел бы знание без доказательства. Далее, определения суть начала доказательств, а уже раньше было показано [1], что для начал нет доказательств. В самом деле, или начала доказуемы, тогда имеются начала начал — и так до бесконечности, или первые [начала] должны быть недоказуемыми определениями.

Но если нет [одновременно] определения и доказательства для всего, то, может быть, они есть для некоторых вещей? Или это невозможно, так как доказательство не касается того, чего касается определение? Действительно, определение касается сути [вещи], т. е. ее сущности, тогда как все доказательства, очевидно, предполагают и принимают [заранее] суть [вещи], как, например, математика — что такое единица и что такое нечетное, и точно так же другие [науки]. Далее, каждое доказательство доказывает что-то о чем-то, например что нечто существует или не существует. В определении же одно о другом не сказывается, например ни живое существо — о двуногом, ни двуногое — о живом существе, и фигура не сказывается о плоскости, ибо плоскость не есть фигура и фигура не есть плоскость. Далее, суть [вещи] и то, что она *есть*, — не одно и то же. Итак, определение выражает суть [вещи], доказательство же — что это об этом сказывается или нет. Но доказательство разного — разное, разве только когда [одно доказательство относится к другому] как часть к целому. Я это говорю потому, что если доказано, что [совокупность] углов всякого

треугольника равна двум прямым, то тем самым то же доказано и относительно равнобедренного треугольника, ибо последний есть часть, а первый — целое. Но «что [вещь] *есть»* и «суть [вещи]» не находятся друг к другу в таком отношении, ибо первое не есть часть второго.

Таким образом, очевидно, что не для всего того, для чего имеется определение, есть доказательство, и не для всего того, для чего есть доказательство, имеется определение, и что вообще невозможно иметь то и другое для одного и того же. А отсюда ясно, что определение и доказательство не есть одно и то же и что одно не содержится в другом, ибо иначе в таком же отношении друг к другу находились бы предмет определения и предмет доказательства. Итак, пусть на этом закончим [предварительное] исследование о них.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[Недоказуемость сути вещи посредством силлогизма]

Касается ли силлогизм, т. е. доказательство, сути [вещи] или, как это предположено в настоящем рассуждении [1], не касается? Ведь силлогизм доказывает что-то относительно чего-то через средний термин, а суть [вещи] есть собственное (idion) [для нее] и сказывается [о ней] в сути. Но [вещь и суть ее] должны быть обратимы. В самом деле, если А есть собственное для В, то ясно, что оно есть собственное и для Б, а Б — собственное и для В, так что все они переставляемы друг с другом [2]. Но если А в сути присуще всем Б и Б как общее высказывается в сути о всех В, то А необходимо высказывается в сути о В. Если же брать [посылки], не удваивая их таким образом, то если А сказывается в сути о Б, но Б не содержится в сути того, о чем оно сказывается, не будет необходимо, чтобы А сказывалось в сути о В. Таким образом, оба [термина] должны касаться сути [вещи]; стало быть, Б также будет касаться сути В. Следовательно, если оба касаются сути или сути бытия [вещи], то еще раньше, [до заключения], содержится в среднем термине суть бытия [вещи]. И вообще, если можно, [например], доказать, что́ такое человек, то пусть В обозначает человека, а А — суть его — двуногое живое существо или что-то другое. В таком случае если выводят здесь

заключение, то необходимо, чтобы А сказывалось обо всех Б. Но для [Б] будет другое промежуточное определение, так что и оно будет означать суть человека. Таким образом, принимают то, что́ следует доказать, ибо Б также означает суть человека.

Это следует, с другой стороны, рассмотреть в отношении обеих посылок, т. е. первых и неопосредствованных, ибо тогда то, что́ мы говорим, станет особенно очевидным. Итак, те, кто доказывает посредством перестановки [терминов], что такое душа, или что такое человек, или что-либо другое из существующего, постулируют начало, например если бы кто-либо стал утверждать, что душа — это то, что́ есть причина своей собственной жизни, а это есть число, само себя движущее [3], ибо в этом случае необходимо постулируется, что душа есть в существе своем само себя движущее число как нечто с ней тождественное. Ибо если А следует из Б, а Б — из В, то отсюда не вытекает, что А есть суть бытия В , правильно будет лишь сказать, что [А говорится о В]. Не будет [А суть бытия В] и если А сказывается в существе о всех Б. Ведь и бытие живым существом сказывается о бытии человеком, так как верно, что всякое бытие человеком есть бытие живым существом, как верно и то, что каждый человек есть живое существо, однако не в том смысле, что они одно [и то же]. Следовательно, если [посылки] берутся не так, то нельзя выводить заключение, что А есть суть бытия, или сущность, В. Но если взять их так, то окажется принятым еще до [заключения], что Б есть суть бытия В. Так что доказательство дано не было, ибо было взято то, что требовалось [доказать] вначале.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Невозможность делением получить заключение и определение*]

Однако и путь через деления также не дает силлогизма, как это показано при раскрытии фигур [1]. В самом деле, никогда не бывает необходимым, чтобы вещь была именно такой-то при наличии [членов деления]; [при делении] так же не доказывают, как и при наведении, ибо [при доказательстве через силлогизм] не следует приходить к заключению путем вопроса, и заключение есть не потому, что его при-

знают, а оно необходимо, когда имеются [посылки], даже если бы отвечающий и отрицал его. [Например], живое ли существо человек или неодушевленное? И если бы принималось, что он живое существо, то заключение еще не было бы выведено. Далее: каждое живое существо обитает или на суше, или в воде. Принимается, что человек живет на суше. Но и совокупное — что человек есть живое существо, живущее на суше,— не вытекает с необходимостью из сказанного, это также принимается. Безразлично при этом, будут ли брать много [членов деления] или немного, ибо получится то же самое (поэтому те, кто так поступает, не пользуются силлогизмом даже тогда, когда можно выводить заключение при помощи силлогизма). Ибо что мешает, чтобы все [приписываемое] человеку [через деление] было истинно, однако без выявления сути его и сути его бытия? Далее, что мешает или нечто [несущественное] прибавить к тому, что относится к сущности [вещи], или от нее отнять, или [вообще] умолчать о ней [2]?

Итак, это упускают из виду. Однако, [говорят], можно избавиться от этого [недостатка], если брать все, что́ относится к сути [вещи], и делением все расположить по порядку, постулируя первое [3] и ничего не упуская. И это [приписываемое] необходимо, мол, [содержит суть бытия], если в деление включается все [относящееся к сущности] и ничего не упускается. И это необходимо, ибо нужно получить далее уже неделимое. Однако, [ответим], силлогизма [при этом] все же не будет; если это и дает некоторое знание, то другим путем. И ничего, правда, нелепого в этом нет, ибо и тот, кто пользуется наведением, пожалуй, не доказывает, но все же что-то выявляет. Однако и тот не предлагает силлогизма, кто дает определение на основе деления. В самом деле, подобно тому как при заключениях, получаемых без средних терминов, можно спросить, почему так, если говорят: раз есть то, необходимо есть и это, точно так же можно поступить и при определениях, получаемых через деление. Что такое человек? Смертное, одушевленное существо, имеющее ноги, двуногое, бескрылое. Почему 92a
же? — можно спросить при каждом новом добавлении. Скажут и, как полагают, докажут делением: потому что каждое живое существо или смертно, или бес-

смертно. Но вся такая речь в целом не есть определение. Так что даже если что-то и было бы доказано делением, то все же определение [посредством деления] не стало бы силлогизмом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Продолжение рассуждения о том, что определение не есть доказательство]

Но нельзя ли доказать, чтó есть [данная вещь] по своей сущности, исходя из некоторого предположения, а именно если принять, что суть бытия [вещи] составляют отличительные свойства, относящиеся к сути ее, и что только они относятся к сути [вещи], и что их совокупность и есть ее собственное, а оно и есть ее бытие[1]? Однако не принята ли [заранее] суть бытия [вещи] и в этом [предположении]? Ведь доказывать необходимо через средний термин. Далее, подобно тому как в силлогизме не берется [определение того], что такое силлогизм (ибо посылки, из которых состоит силлогизм, суть всегда целое или часть[2]), точно так же [определение] сути бытия не должно содержаться в силлогизме, а должно быть отдельно от данных [посылок]. Тому, кто сомневается в том, получилось ли заключение посредством силлогизма или нет, следует ответить, что да, получилось, ибо это был силлогизм. Тому же, [кто сомневается в том], получилось ли заключение о сути бытия [вещи], следует ответить, что да, получилось, ибо это, согласно нашему предположению, есть суть бытия [вещи]. Так что необходимо выводить заключение о чем-то и без [определения] того, что такое силлогизм или что такое суть бытия [вещи].

Точно так же если бы доказывали исходя из некоторого предположения, что, например, если быть злом — значит быть делимым[3], быть же противоположным — значит быть противоположным тому, чему есть нечто противоположное, а благо противоположно злу и неделимое — делимому, то быть благом — значит быть неделимым. И [этот способ доказательства негоден], ибо здесь доказывают, приняв суть бытия [вещи], а принимают ее, чтобы ее доказать. Но [доказываемое через суть бытия вещи] должно быть отличным [от нее]. Ведь и в доказательствах один [термин ска-

зывается] о другом, но они не тождественны, определение их не одно и то же, и они не переставляемы. В обоих случаях, т. е. когда доказывают посредством деления и когда силлогизм строится так, [как только что было указано], возникает одно и то же затруднение: почему человек есть двуногое живое существо, живущее на суше, а не [отдельно] — живое существо *и* живущее на суше? Ибо из принятого не вытекает никакой необходимости того, чтобы сказываемое было чем-то единым, а не так, как, например, в случае, когда один и тот же человек и образован в искусстве, и сведущ в языке.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Содержание определения*]

Итак, как же будет дающий определение доказывать сущность, или суть, [вещи]? Ведь он не будет, как это делает доказывающий, объяснять из признанных [положений], что если есть одно, то необходимо должно быть и нечто другое (ибо это было бы доказательством), и не будет он, как это делает пользующийся наведением, объяснять, исходя из отдельных очевидных случаев, что так обстоит дело и во всех случаях, потому что иначе быть не может, ибо наведение не доказывает, что́ именно есть [вещь], а показывает лишь то, что она есть или не есть. 92b Какой же другой способ остается? Нельзя ведь доказывать чувственным восприятием или пальцем.

Далее, каким образом докажут суть [вещи]? Необходимо ведь, чтобы тот, кто знает, что́ такое человек, или что-либо другое, знал также, что он есть, ибо о том, чего нет, никто не знает, что́ оно есть (но [известно только], что́ означает [данное] слово или название, как если я, например, скажу «козлоолень». Но что такое «козлоолень» — это знать невозможно). Ведь если [дающий определение] доказал бы, что́ именно есть [данная вещь] и что она *есть*, то как же он это докажет одним и тем же доводом? Ведь определение выясняет что-то одно, как и доказательство. Но что такое человек и что человек *есть* — это не одно и то же.

Далее, необходимо, говорим мы, чтобы посредством доказательства о чем бы то ни было, исключая

сущность, доказывалось, что оно есть; бытие же ни для чего не есть сущность, ибо сущее не есть род[1]. Следовательно, доказательство дается о том, что [данная вещь] есть [такая-то]; так и поступают теперь науки. В самом деле, что означает треугольник,— это геометр принимает, а что треугольник есть [такой-то], он доказывает. Так что же будет указывать дающий определение, кроме того, чтó такое треугольник? В таком случае тот, кто через определение знает, чтó именно есть [треугольник], не будет еще знать, есть ли он. Но это невозможно.

С другой стороны, очевидно, что и по рассматриваемым ныне способам определения дающие определение не доказывают, что [данная вещь] есть. Ибо если и есть нечто находящееся на равном расстоянии от середины, то [спрашивается] все же, почему то, чтó определено, *есть*? И почему оно *есть* окружность? И в самом деле, почему бы не сказать, что это есть [определение] и для желтой меди? Ведь определения не объясняют ни того, что вещь, о которой идет речь, может быть, ни того, что она есть то, определение чего, как утверждают, дают. Ведь всегда можно [при этом] спросить: по какой причине?

Таким образом, если дающий определение указывает или чтó именно есть [данная вещь], или чтó обозначает имя, то если определение совершенно не касается сути [вещи], то оно будет [лишь] речью, обозначающей то же самое, что и имя; но это нелепо, ибо, во-первых, в таком случае были бы определения и несущностей и несуществующего, ведь обозначать можно и несуществующее. Во-вторых, все речи были бы в таком случае определениями, ведь имя можно дать любой речи, так что все высказывалось бы как определения и «Илиада» была бы определением[2]. Наконец, ни одно доказательство не доказывает, что это имя означает именно вот это; стало быть, не объясняют этого и определения.

Таким образом, отсюда очевидно, что определение и силлогизм не одно и то же и что предмет силлогизма и определения не один и тот же. Кроме того, очевидно, что определение ничего не доказывает и не подтверждает, и, чтó есть [данная вещь], не может быть познано ни посредством определения, ни посредством доказательства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Выявление сути вещи посредством силлогизма*]

Однако мы должны еще раз рассмотреть, что́ из всего этого сказано надлежащим образом и что́ ненадлежащим образом, а также что́ такое определение и имеется ли каким-либо образом доказательство и определение сути [вещи], или нет их никоим образом. 93a Ибо, как мы уже сказали [1], знать, что́ именно есть [данная вещь], и знать причину [ее] бытия — одно и то же. Основание же этого состоит в том, что есть какая-то причина, а она есть или сама [вещь], или что-то другое, и если она что-то другое, то либо доказуемое, либо недоказуемое. Стало быть, если причина есть нечто другое и может быть доказана, то необходимо, чтобы она была средним термином и доказывалась по первой фигуре, ибо то, что́ [в этой фигуре] доказывается, есть общее и утвердительное. Итак, один способ есть тот, который мы сейчас исследовали, а именно: суть [вещи] доказывается посредством другой сути. Ибо для [доказательства] того, что́ именно есть [данная вещь], необходимо, чтобы средним термином было взято то, что́ именно есть [вещь], и для [доказательства] отличительных свойств [вещи] — отличительное свойство. Так что из того, что́ составляет суть бытия одной и той же вещи, одно доказывается, другое же нет [2].

А что этот способ не есть доказательство [сути вещи], об этом было сказано раньше [3]; это есть диалектический силлогизм о сути [вещи]. Но каким образом этот способ возможен, об этом мы скажем, повторяя сначала [объяснение]. В самом деле, так же как мы ищем причину чего-то, уже зная, что оно есть (причем иногда то и другое становится очевидным в одно и то же время, но невозможно причину чего-то познать раньше, чем то, что оно есть), точно так же ясно, что и суть бытия [вещи] нельзя [познать] без [знания] того, что она есть. Ибо невозможно знать, что́ именно есть [данная вещь], не зная, есть ли она. Но есть ли она — это мы знаем то привходящим образом, то тогда, когда знаем что-то о самой [вещи]. Например, мы знаем о громе, что он есть некоторый шум в облаках; о лунном затмении — что оно есть отсутствие света; о человеке — что он есть некоторое жи-

вое существо; о душе — что она есть нечто само себя движущее[4]. Если же мы о чем-нибудь знаем лишь привходящим образом, что оно есть, то это никак не относится к сути [вещи], ибо мы [достоверно] не знаем даже, что оно есть. Спрашивать же, чтó именно есть [вещь], не зная, что она есть,— значит ни о чем не спрашивать. Легче [это спрашивать], когда мы что-то знаем о ней. Поэтому в той мере, как мы знаем, что она есть, в той же мере мы способны знать также, чтó именно она есть. Итак, для тех случаев, когда мы знаем что-то о сути [вещи], пусть первым [примером] будет следующее: пусть А обозначает затмение, В — Луну, Б — загораживание Землей. В таком случае спрашивать, происходит ли затмение или нет,— значит спрашивать, есть ли Б или нет; но это то же самое, что спрашивать, имеется ли основание для затмения. И если такое основание есть, то мы говорим, что есть и затмение. Или спрашиваем: для которого из двух [членов] противоречия есть основание, [например], для того, что [треугольник] имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, или для того, что он их не имеет? Когда же мы это нашли, тогда мы в одно и то же время знаем, что *есть* и *почему* есть, в случае если это [найдено] через неопосредствованные [посылки]. Если же нет, то мы знаем только то, что *есть*, а не *почему* есть. Пусть В означает Луну, А — затмение, Б — невозможность для Луны отбрасывать при полнолунии тень, когда между ней и нами нет никакого видимого [тела]. Тогда если Б (т. е. невозможность отбрасывать тень, когда между нами [и Луной] ничего нет) присуще В и А (т. е. затмеваться) присуще Б, то ясно, что происходит лунное затмение; но пока еще неясно, почему это происходит; и точно так же знаем, что затмение есть, но сути затмения не знаем. Но если ясно, что А присуще В, то спрашивать, почему оно ему присуще,—значит спрашивать, что такое Б — загораживание ли Землей, или поворот Луны, или потухание света. Это и есть основание для другого крайнего термина, как в этом [примере — основание для] А, ибо затмение есть загораживание [Луны] Землей. Что такое гром? Потухание огня в облаках. Почему гром гремит? Потому что огонь потухает в облаках. Пусть В означает облака, А — гром, Б — потухание огня; в таком случае Б присуще

В, т. е. облакам, потому что в них потухает огонь. А, т. е. шум, присуще Б. Таким образом, Б есть основание для А — первого крайнего термина. Если же, с другой стороны, для [Б] есть другой средний термин, то это будет одно из остальных оснований для [А].

Итак, сказано, каким образом постигается и становится известной суть [вещи]. Так что о сути [ее] хотя и нет ни силлогизма, ни доказательства, но тем не менее она становится очевидной посредством силлогизма и доказательства. Таким образом, с одной стороны, без доказательства нельзя познать суть того, причина чего есть нечто другое, а, с другой стороны, для нее нет доказательства, как мы об этом и сказали при рассмотрении затруднений [5].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Случаи, когда суть вещи не может быть познана через доказательство*]

Причина одних [вещей] — в чем-то ином, причина же других — не в чем-то другом. Так что ясно, что и суть некоторых [вещей] не опосредствована, и, стало быть, она начало; а что [такие вещи] существуют и чтó они есть, — это следует предположить или разъяснять каким-либо иным способом, что как раз и делает математик, ибо он предполагает и чтó именно есть единица, и что она *есть*. Те же из [вещей], которые опосредствованы, т. е. причина сущности которых есть нечто другое, можно объяснять, как мы сказали [1], через доказательство, не доказывая их суть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Различные виды определения*]

Но так как под определением разумеют речь о сути [вещи], то очевидно, что оно есть некоторая речь, указывающая, чтó обозначает имя, или другая речь касательно имени, например, что такое треугольник. Когда мы знаем, что [треугольник] есть, мы спрашиваем, почему он есть. Но трудно так постигать [определение вещи], о которой мы не знаем, что она есть. Причина же этой трудности была уже указана раньше [1], а именно что мы даже не знаем, есть ли [дан-

ная вещь] или нет, разве только мы знаем это привходящим образом. Речь же едина в двояком смысле: или в силу связанности, как, например, «Илиада», или в силу того, что одно [высказывается] о другом непривходящим образом.

Итак, одно из определений определения — это то, о котором только что сказано; другое определение — это речь, объясняющая, почему [вещь] есть. Таким образом, первое определение хотя и обозначает нечто,
94a но не доказывает его; второе же есть как бы доказательство сути [вещи], отличающееся от доказательства положением терминов. Ведь не одно и то же, скажем ли мы: «почему гром гремит?» или «что такое гром?» В первом случае на вопрос ответят: потому, что огонь потухает в облаках; на вопрос же, что такое гром, ответят: шум потухающего огня в облаках. Так что [в обоих случаях] одна и та же речь выражена различным способом: один раз — как связное доказательство, второй раз — как определение. (Кроме того, определение грома таково: шум в облаках; но это есть заключение доказательства сути грома.) Определение же неопосредствованного[2] есть недоказываемое положение о сути.

Итак, одно определение есть недоказываемая речь о сути [вещи], другое же — силлогизм о сути [вещи], отличающийся от доказательства способом выражения[3]; третье — заключение доказательства сути [вещи]. Из сказанного, таким образом, очевидно, в каком случае и для чего есть доказательство сути и в каком случае и для чего — нет; далее, сколькими способами дается определение и каким образом оно указывает суть [вещи] и каким — нет, а также определение чего есть и чего — нет; наконец, каково его отношение к доказательству и каким образом возможны [определение и доказательство] одного и того же и каким — нет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Четыре вида причин как средних терминов*]

Мы полагаем, что знаем тогда, когда знаем причину. Причин же имеется четыре[1]. Первая — суть бытия [вещи]; вторая — то, при наличии чего необходимо есть что-то [другое]; третья — первое двигавшее; четвертая — «то, ради чего». Все эти причины обнару-

живаются через средний термин. Ибо необходимость бытия одного при наличии другого не обнаруживается, когда взята лишь одна посылка; для этого необходимы по меньшей мере две посылки, и это получается, когда обе посылки имеют один средний термин. Если же этот один [средний] взят, то заключение необходимо. Это становится ясным также из следующего: почему угол, опирающийся на полуокружность, прямой? При наличии чего он прямой? Пусть А обозначает прямой угол, Б — половину двух прямых, В — угол, опирающийся на полуокружность. Тогда причиной того, что А — прямой угол — присуще В — углу, опирающемуся на полуокружность, будет Б, ибо Б равен А, а В равен Б, так как [Б] составляет половину двух прямых. Поэтому если есть Б — половина двух прямых, то А присуще В, а это и значит, что угол, опирающийся на полуокружность, прямой. А этот [средний термин Б] есть то же самое, что суть бытия [А], так как обозначает основание для [А]. Между тем уже было показано[2], что суть бытия [вещи] как причина есть средний термин.

Почему, [например], мидяне вели войну с афинянами? Что было причиной ведения войны с афинянами? То, что афиняне вместе с эретрийцами вторглись в Сарды; именно это первое двигавшее. Пусть А обозначает войну, Б — нападать первым, В — афиняне. В таком случае Б, т. е. нападение первым, присуще В — афинянам. Однако А присуще Б, ибо идут войной на того, кто первый нанес обиду. Поэтому А присуще Б, т. е. идти войной на того, кто первый совершил нападение. А это последнее, Б, присуще В — афинянам, ибо они первые совершили нападение; стало быть, средний термин и здесь есть причина — первое движущее.

Для тех же случаев, где причина будет «то, ради чего», пример следующий: зачем он идет гулять? Чтобы быть здоровым. Для чего существует дом? Чтобы сохранить утварь. В одном случае «то, ради чего» есть здоровье, в другом — сохранение утвари. Но между вопросом, почему после обеда следует идти гулять, и вопросом, ради чего это следует делать, нет никакой разницы. Пусть В означает прогулку после обеда, Б — хорошее пищеварение, А — быть здоровым. Тогда прогулке после обеда должно быть присуще то действие,

что пища не поднимается ко входу в желудок, а это и означает быть здоровым. В самом деле, прогулке, т. е. В, присуще, по-видимому, Б — хорошее пищеварение, а А — здоровье — присуще Б. Что же есть причина того, что А присуще В, т. е. ради чего? Ради Б — ради хорошего пищеварения. Но Б есть как бы определение А, ибо А будет именно так объяснено. Почему Б присуще В? Потому что находиться в таком состоянии означает быть здоровым. Стоит только переставить определения, и каждое станет понятнее. Но [порядок] возникновения здесь — обратный тому, который бывает при движущих причинах, ибо при движущих причинах средний термин должен возникнуть раньше, здесь же возникает раньше В — крайний, между тем как то, ради чего,— последнее [по времени].

Но одно и то же может быть и ради чего-то, и по необходимости, как, например, то, что свет проникает через светильник; необходимо ведь, чтобы то, что состоит из более мелких частей, проходило через поры большего размера, если действительно становится светло благодаря тому, что [свет] проникает. Равным образом [свет] есть ради того, чтобы не спотыкаться. Итак, если вещь может через две причины быть, может ли она через две причины возникнуть? Например, если гром гремит из-за потухания огня, то необходимо, чтобы при этом происходило шипение и шум, и в то же время гром, как говорят пифагорейцы, гремит ради угрозы тем, кто находится в Тартаре, дабы они испытывали страх. Такого рода случаев очень много, в особенности у того, что возникает и существует по природе, ибо природа порождает то ради чего-нибудь, то по необходимости. Необходимость же бывает двоякого рода: одна действует согласно природе и влечению, другая — насильственно и вопреки влечению, как, например, камень по необходимости движется кверху и книзу, однако не в силу одной и той же необходимости. В отношении же того, что́ появляется по замыслу, одно никогда не появляется само собой, как, например, дом или изваяние, и не по необходимости, а ради чего-то; другое же бывает и случайно, как, например, состояние здоровья или благополучие. Больше всего [ради чего] бывает в тех случаях, когда нечто может быть и так и иначе, но возникает оно не случайно. Так что цель,

благо, ради чего что-то происходит, возникает или по природе, или искусственно. Ничто происходящее ради чего-то не возникает случайно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Причины и действия в отношении вещей существующих, существовавших и будущих*]

Одно и то же может быть причиной становящегося, ставшего и того, что будет, как и того, что существует (ибо причина есть средний термин), но для существующего оно есть существующее, для становящегося — становящееся, для ставшего — ставшее, а для того, что будет,— то, что будет. Например, почему возникло затмение Луны? Потому что Земля оказалась между [Солнцем и Луной]; возникает же оно потому, что Земля оказывается [между Солнцем и Луной]; будет оно в силу того, что Земля окажется между [Солнцем и Луной], и оно есть потому, что Земля находится между [Солнцем и Луной] [1]. Что такое лед? Примем, что это замерзшая вода. Пусть В обозначает воду, А — замерзшее, Б — причину, средний термин — полное отсутствие тепла. В таком случае Б присуще В, а А, замерзание, присуще Б. Лед же возникает, когда возникает Б; и возник он, когда возникло Б, и он возникнет, когда возникнет Б.

Следовательно, когда возникают то, что́ таким именно образом есть причина, и то, причина чего она есть, они возникают в одно и то же время, и, когда они существуют, они существуют в одно и то же время, и точно так же обстоит дело с тем, что уже возникло, и с тем, что еще будет. Что же касается [причин и действий], возникающих не в одно и то же время, то возможно ли, чтобы в непрерывное время одно, как это нам кажется, было причиной другого: причиной того, что это возникло,— нечто другое возникшее, причиной того, что это будет,— нечто другое, что́ будет, а причиной того, что это возникает,— нечто другое, что́ возникло раньше? Ведь силлогизм [2] исходит из возникшего позже. Но начало и здесь есть нечто возникшее. И так же обстоит поэтому дело и с возникающим, [или происходящим]. Но от предшествующего здесь нельзя [заключать], например, что это последующее произошло потому, что [раньше] произошло

другое. И точно так же в отношении того, что будет. В самом деле, будет ли время неопределенным или определенным, нельзя [заключать], что так как правильно сказать, что это произошло, то правильно сказать, что произошло последующее. Ибо в промежуток времени [между событиями] было бы неправильно сказать, что одно произошло потому, что уже произошло другое [3]. И то же можно сказать относительно будущего. Нельзя заключать, что если произошло одно, то будет и другое. Дело в том, что средний термин должен быть однородным [с крайними]: для происшедшего — происшедшее, для будущего — будущее, для происходящего — происходящее, для существующего — существующее. Но для происшедшего и будущего [вместе] он не может быть однородным. Кроме того, промежуток времени [между происшедшим и тем, что́ произойдет], не может быть ни неопределенным, ни определенным, ибо утверждение в этот промежуток времени будет неправильным. При этом следует рассмотреть, что́ представляет собой то связующее, благодаря которому после того, что́ возникло, возникновение присуще вещам. Не ясно ли, что происходящее не соприкасается с происшедшим, так как и происшедшее не соприкасается с происшедшим, ибо происшедшее есть предел и неделимое [4]. Подобно тому, следовательно, как точки не соприкасаются друг с другом, точно так же одно происшедшее не соприкасается с другим, ибо и точки и происшедшее неделимы [5]. Стало быть, и происходящее не соприкасается с происшедшим по той же самой причине, ибо происходящее делимо, происшедшее же неделимо. Следовательно, как линия относится к точке, так и происходящее — к происшедшему. Ибо в происходящем содержится бесконечное множество происшедшего. С большей ясностью это должно быть изложено в общих исследованиях о движении [6].

Итак, относительно того, как обстоит дело с причиной как средним, когда одно последовательно возникает из другого, объяснено достаточно. Необходимо и в этих случаях [7], чтобы средний [термин] и первый [крайний] были неопосредствованными. Например, А произошло, коль скоро произошло В, но В произошло позже, а А раньше. Началом, однако, будет В, потому что оно ближе к настоящему времени, которое и есть

начало времени[8]. Но В произошло, если произошло Д. Таким образом, если произошло Д, необходимо, чтобы произошло А. Причиной, однако, будет В, ибо, если произошло Д, необходимо, чтобы произошло В. Но если произошло В, необходимо, чтобы сначала произошло А. Но если так взять средний термин, то не придется ли где-нибудь остановиться на неопосредствованной [посылке]? Или ввиду бесконечного числа средних терминов постоянно вводить [все новые средние термины]? Ведь происшедшее, как было сказано[9], не соприкасается с происшедшим. Все же необходимо начать с неопосредствованного и с того, чтó в настоящее время есть первое. Точно так же обстоит дело в отношении того, что будет. Ведь если правильно сказать, что будет Д, то необходимо, чтобы правильно было раньше сказать, что будет А. Причина же этого — В, ибо если будет Д, то раньше будет В. Но если будет В, то раньше будет А. Однако деление и в этих случаях равным образом не имеет конца, ибо будущие события не соприкасаются друг с другом. Но и здесь также необходимо взять некоторое неопосредствованное начало. Так это и есть на самом деле. Например, чтобы возник дом, сперва следует добыть и приготовить камни. Почему так? Потому что необходимо, чтобы было построено основание, если должен быть построен дом. Но если основание должно быть построено, то необходимо, чтобы сперва были приготовлены камни. Далее, если будет дом, то равным образом сперва должны будут наличествовать камни. И доказывается это таким же образом через средний термин, ибо сперва должно быть построено основание.

Но так как в происходящем мы наблюдаем некоторое становление по кругу, то это возможно тогда, когда средний термин и крайние следуют друг из друга, ибо при таком [следовании] обращение возможно. В предшествующих разделах было показано[10], что заключения [так] обратимы, а это и есть [становление] по кругу. На деле это обнаруживается следующим образом: если земля увлажняется, то неизбежно возникают испарения; если же появились последние, то образуются облака, а если образовались облака, то может быть дождь; а если был дождь, то необходимо, чтобы земля увлажнялась. Но это то, что было вначале, и таким образом получается кругооборот; в самом деле, если

есть что-то одно из них, все равно что́, тогда есть и другое; если же есть это другое, то и третье, а если это третье, то и первое.

Итак, одни [события] суть общие (ибо они всегда и во всех случаях или находятся в таком состоянии, или так происходят), другие же происходят не всегда, а лишь в большинстве случаев; так, например, не у всех мужчин растет борода, а лишь у большинства. В такого рода случаях и среднее должно необходимо иметь место лишь большей частью. В самом деле, если А сказывается о Б как общее, а Б сказывается о В как общее, то необходимо, чтобы и А всегда и в каждом случае сказывалось о В, ибо общее означает — в каждом случае и всегда. Между тем было предположено, что [А] бывает лишь большей частью, стало быть, необходимо, чтобы и среднее, а именно Б, имело место лишь большей частью. Поэтому и для того, что́ имеет место большей частью, неопосредствованные начала суть также нечто существующее или происходящее большей частью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[Способ построения определений]

Итак, каким образом суть [вещи] представлена в [трех] терминах [силлогизма] и каким образом возможно или нет доказательство или определение ее, об этом было сказано раньше[1]. Теперь же мы скажем о том, как нужно находить то, что сказывается в сути [вещи].

Из того, что́ всегда присуще каждой отдельной [вещи], нечто простирается на большее, не выходя, однако, за пределы рода. Говорю «простирается на большее», когда нечто хотя и присуще какой-либо [вещи] как общее, тем не менее оно присуще и другой [вещи]. Например, есть нечто присущее каждой тройке, но и не тройке, как, скажем, сущее присуще тройке, но и не числу. Однако и нечетное присуще всякой тройке и простирается на большее, ибо оно присуще и пятерке, но не выходит за пределы рода, ибо пятерка есть число и ничто за пределами чисел не нечетно. Такого рода [свойства] следует, таким образом, брать до тех пор, пока не получают их как раз столько, чтобы каждое простиралось на большее, но чтобы все вместе не простирались на большее, ибо эта [совокуп-

ность свойств] необходимо есть сущность [вещи]. Например, всякой тройке присуще число, нечетное и в двояком смысле первое — и в том смысле, что она не измеряется числом, и в том смысле, что она не слагается из чисел[2]. Итак, это уже есть тройка: число нечетное первое и именно указанным образом первое. Ибо из этих же [свойств] каждое в отдельности присуще — первых два всем нечетным числам, третье же присуще также и двойке, но все вместе — ничему другому. 96b Но так как выше мы показали[3], что то, что́ сказывается в сути, есть общее (а общее есть необходимое), и так как относящееся к тройке (и ко всему другому, что берется таким же образом) принимается как [сказываемое] в сути, то тройку необходимо составляют эти [свойства]. А что они есть сущность тройки, ясно из следующего. Ведь если бы эта [совокупность свойств] не была [сутью] бытия тройки, то было бы необходимо, чтобы она была каким-то родом — или имеющим, или не имеющим названия; но [такой род] должен был бы простираться на большее, а не быть присущим только тройке, ибо должно быть предположено, что род таков, что в возможности он простирается на большее. Следовательно, если эта [совокупность] не присуща ничему другому, кроме только неделимых троек, то она [суть]бытия тройки. Ибо должно быть предположено и то, что сущность, или [суть] бытия, каждой [вещи] есть такое предельное сказывание о неделимых [видах]. Поэтому если любая другая [вещь] будет указываться таким же образом, то оно точно так же будет [выражать ее суть] бытия.

Когда исследуют какое-нибудь целое, род надо делить на первые неделимые по виду (например, число — на тройку и двойку). Затем, опираясь на это деление, попытаться дать их определения (например, прямой линии, круга, прямого угла). После этого следует установить, что это за род (например, есть ли это количество или качество); затем рассмотреть отличительные свойства [рода] исходя из первых общих [видам отличий]. В самом деле, свойства [рода], составленного из неделимых [видов], становятся очевидными из определений [этих видов], потому что определение и простое есть начало их всех и только простым [видам] эти свойства присущи сами по себе, другим же — на основании простых. Деления же по видовым

отличиям полезны для такого способа исследования. А в какой мере они доказывают, об этом было сказано раньше [4]. Полезны же они лишь для того, чтобы выводить заключения о сути [вещи]. Могло бы, правда, показаться, что [от деления] нет никакой [пользы] и что можно сразу принять все [свойства], как если бы принимали с самого начала без деления. Небезразлично, однако, сказывается ли что-то из сказываемого вначале или после, например, сказать ли: живое существо, поддающееся воспитанию, двуногое — или: двуногое живое существо, поддающееся воспитанию. Ибо если любое [определяемое] состоит из двух [частей], а «живое существо, поддающееся воспитанию» есть нечто единое и если затем из этого и из видового отличия образуется [определение] человека или чего-нибудь другого единого, то необходимо найти [эти части] при помощи деления.

Далее, только так можно ничего не пропустить из относящегося к сути [вещи]. В самом деле, если взять первый род и затем какое-либо из нижестоящих подразделений, то не все [относящееся к роду] подойдет под такое [деление]; например, не каждое живое существо имеет цельные или раздельноперые крылья, а только живое существо, имеющее крылья, ибо лишь к последнему относится это различие. Между тем первое отличие [рода] живого существа есть то, под что подходит любое живое существо. И точно так же и в отношении всех других [родов], все равно, находятся ли они вне или внутри рода [живых существ], как, например, [первое отличие] птицы есть то, под которое подходит любая птица, а рыбы — то, под которое подходит любая рыба. Итак, если поступать таким образом, то будут знать, что ничего не пропущено, иначе же неизбежно что-то будет пропущено и останется неизвестным. С другой стороны, для того чтобы давать определения и производить деление, отнюдь не надо знать все, что есть, хотя некоторые [5] утверждают, что невозможно знать отличия одной [вещи] от другой, не зная каждой [другой вещи], а без [знания] отличий нельзя знать каждую отдельную [вещь], ибо с тем, от чего [данная вещь] не отличается, она тождественна, и то, от чего она отличается,— иное по сравнению с ней. Но, во-первых, это [утверждение] ложно. Ибо не из-за всякого отличия есть иное; в самом деле, мно-

го отличий присуще [вещам] одного и того же вида, хотя эти отличия не касаются их сущности и не присущи им сами по себе. Во-вторых, если взять противолежащие друг другу [части деления] и отличие и [принять], что все подпадает под ту или другую [часть] и что искомое находится в одной из них и [таким образом] знают его, то безразлично, знают ли или не знают, о чем другом еще сказываются эти отличия. Ведь очевидно, что если, идя таким образом все дальше, прийти к тому, для чего уже нет никакого отличия, то будут иметь определение сущности. Но включение всего [рода] в деление, когда противолежащие друг другу [части деления] не имеют ничего промежуточного, не есть постулирование [начала], ибо необходимо, чтобы все, [подчиненное роду], находилось в той или иной [части], если имеется [родовое] отличие.

Но для того чтобы путем деления строить определение, нужно стараться достигнуть троякого: найти те [свойства], которые сказываются в сути [определяемой вещи]; расположить их в таком порядке, чтобы одно было на первом, [другое] — на втором месте; иметь их все. Первое из этих [условий] основывается на том, что, подобно тому как о привходящем можно вывести заключение при помощи силлогизма, что оно присуще, точно так же можно посредством рода построить [определение]. Расположение же [свойств] будет надлежащим, если берут [сначала] первое [свойство]. А первым будет то, которое следует из всех [других], но из которого все [другие] не следуют, ибо необходимо должно быть нечто такое. Если это первое найдено, то надо двигаться к нижестоящим тем же самым способом; вторым будет тогда то, что́ для остального есть первое, а третьим — первое для последующих. В самом деле, если исключить стоящее выше, то последующее будет первым для остального. Подобным же образом обстоит дело и со всеми другими [свойствами]. А что они суть все — это очевидно из того, что [сначала] берется на основе деления первое [свойство], например каждое живое существо есть вот это или это, присуще же вот это, а затем берется отличие этого целого и [показывают], что для последнего[6] нет уже никакого отличия, т. е. что сразу вместе с последним отличием это [определяемое] не отли-

чается по виду от целокупного. Ибо ясно, что здесь 97b не добавляют больше, [чем нужно] (так как все взятые [свойства] принадлежат к сути [вещи]), и ничего не упускают, ибо иначе был бы упущен или род, или видовое отличие. В самом деле, род есть первое, и он берется вместе с видовыми отличиями; видовые же отличия имеются все налицо, ибо больше никаких других отличий, кроме них, нет, иначе последнее [целое] отличалось бы по виду, а между тем было сказано, что оно не отличается [по виду].

Искать же при этом следует, обращая внимание на подобное, т. е. на неразличимое [по виду], и прежде всего на тождественное в каждом, затем в свою очередь на другое, что хотя и принадлежит к тому же роду, что и те [вещи], и само оно одного и того же вида, но отличается от тех [вещей] [по виду]. Если же для этих вещей взято то, что́ есть во всех них тождественного и точно так же и для других [видов], то относительно тех и других следует снова рассматривать, нет ли у них чего-то тождественного, пока не дойдут до одного понятия. Оно-то и будет определением вещи. Если же доходят не до одного [понятия], а до двух или больше, то ясно, что искомое имело бы не одну суть, а несколько. Я имею в виду, например, если мы хотим выяснить, что такое благородство, то следует у некоторых благородных людей, которых мы знаем, посмотреть, что́ же тождественного имеется у них всех как благородных людей; например, если Алкивиад благороден или Ахилл и Аякс, то что же тождественного у них всех? То, что они не терпят бесчестья, ибо [из-за этого] один начал войну, другой был охвачен бурным гневом, третий лишил себя жизни. Затем следует обратить внимание на других [благородных], например на Лисандра или Сократа. Если же они остаются невозмутимыми и в счастье и в несчастье, то, уловив оба [признака], я обращаю внимание на то, что́ есть тождественного в невозмутимости при превратностях судьбы и нетерпимости к бесчестью. Если же у них нет ничего [тождественного], то было бы два рода благородства.

Всякое же определение всегда общее, ибо врачеватель, [например], предлагает не то, что целебно для какого-нибудь глаза, а то, что целебно для всякого глаза или для определенного вида глаз. Но легче опре-

делить отдельное, чем общее. Поэтому следует от отдельного переходить к общему. Ибо одноименное скорее остается незаметным в общем, чем в неразличимом. И как в доказательствах необходимо выведение заключений, так и в определениях — ясность. А она будет, если на основании сказанного о каждом в отдельности дается отдельно определение того, что относится к каждому роду. Например, определяя сходное, берут не всякое сходное, а сходное по цвету и очертаниям; определяя «острое» — острое (высокое) в звуке. И таким именно образом следует идти дальше к общему им, стараясь избегать одноименного. И если при рассуждениях не следует прибегать к иносказаниям, то ясно, что нельзя ни давать определения с помощью иносказаний, ни давать определения того, что выражено иносказаниями. Иначе было бы необходимо при рассуждениях пользоваться иносказаниями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[*Решение проблем*]

Для решения проблем следует выбирать расчле- 98a
нения и деления, а выбирать следует так, чтобы в основу положить общий всем род. Например, если предмет рассмотрения — живые существа, то нужно исследовать, какие свойства присущи каждому живому существу. После того как эти свойства установлены, нужно, далее, найти, какие свойства сопутствуют всему первому из остальных. Например, если это птица, то нужно найти, какие свойства сопутствуют каждой птице. И так всегда надо находить, какие свойства сопутствуют ближайшему; ясно ведь, что в таком случае мы сразу сможем сказать, почему то, что́ сопутствует, присуще тому, что́ подчинено общему, например почему нечто присуще человеку или лошади. Пусть А обозначает живое существо, Б — то, что́ сопутствует каждому живому существу, а В, Д, Е — такие-то живые существа. Тогда ясно, почему Б присуще Д, ибо оно присуще ему через А. Точно так же оно присуще и В и Е. И то же можно всегда сказать и относительно нижестоящих [видов].

Итак, теперь мы говорим [о случаях, когда имеем дело] с распространенными именами, общими [каждому роду или виду], однако следует не только их

рассматривать, но и брать нечто другое, если оно явно присуще как общее, затем [посмотреть], из чего оно следует и что́ из него следует. Например, рогатым животным свойственно иметь сычуг и иметь только один ряд передних зубов [1]. И далее [следует смотреть], каким животным свойственно иметь рога. Ибо тогда станет ясным, почему этим животным присущи указанные [свойства], а именно: они будут им присущи потому, что они имеют рога.

Далее, другой способ состоит в том, чтобы выбирать на основании соответствия. В самом деле, нельзя найти одно и то же название для костяка сепии, позвоночника рыбы и кости, однако и из них следует нечто [общее], как если бы они были какой-то одной природы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[Тождественность и различие проблем, касающихся причин]

Иные проблемы тождественны в том, что они имеют одно и то же среднее, например что все [явления такого-то рода] суть противодействие. Некоторые из них принадлежат к одному и тому же роду, но различаются между собой, поскольку относятся к разным [предметам] или происходят по-разному, например: отчего бывает отзвук или отчего получается отражение, почему появляется радуга? Все это проблемы одного и того же рода (ибо все это — преломление) и различные по виду. Другие же проблемы различаются между собой тем, что одно среднее подчинено другому. Например, почему Нил к концу месяца течет более бурно? Потому что конец месяца бывает более ненастным. А почему конец месяца более ненастный? Потому что Луна убывает. Эти [причины] действительно находятся в таком отношении между собой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[Причины и действия в доказательстве]

В отношении причины и того, причина чего она есть, можно было бы сомневаться, [всегда] ли, когда есть вызванное причиной, есть и причина, например: если опадают листья или наступает затмение, то имеется ли причина затмения или опадания листьев, скажем, в первом случае — обладание широкими листьями,

а во втором — нахождение Земли между [Солнцем и 98b Луной]. Ибо если бы этих причин не было, то что-то другое должно было бы быть причиной всего этого. Если есть причина, то одновременно должно быть и вызванное ею, например: затмение, если Земля находится между [Солнцем и Луной], опадание листьев, если дерево имеет широкие листья. Но если это так, то причина и то, что вызвано ею, наступили бы в одно и то же время и одно было бы доказуемо через другое. Пусть А обозначает опадание листьев, Б — широкие листья, а В — виноградную лозу. В таком случае если А присуще Б (ибо все, что имеет широкие листья, сбрасывает их), а Б присуще В (ибо всякая виноградная лоза имеет широкие листья), то А присуще В, и всякая виноградная лоза сбрасывает листья. Средний же термин Б есть причина. Однако можно доказать и то, что виноградная лоза имеет широкие листья потому, что она их сбрасывает. В самом деле, пусть Д означает имеющее широкие листья, Е — сбрасывать листья, З — виноградную лозу. В таком случае Е присуще З (ибо всякая виноградная лоза сбрасывает листья), а Д присуще Е (ибо всякое растение, сбрасывающее листья, имеет широкие листья). Следовательно, всякая виноградная лоза широколиственна; причина же здесь — опадание листьев. Но если невозможно, чтобы то и другое было причиной друг друга (поскольку причина первее того, причина чего она есть), то причиной затмения будет то, что Земля находится между [Солнцем и Луной], но затмение не будет причиной того, что Земля находится между [Солнцем и Луной]. Если, таким образом, доказательство через причину есть доказательство того, *почему* есть что-то, доказательство же не через причину есть доказательство [лишь] того, что нечто *есть*, то знают только то, что Земля находится между [Солнцем и Луной], но почему — не знают. А что затмение не есть причина того, что Земля находится между [Солнцем и Луной], а, наоборот, нахождение Земли между [Солнцем и Луной] есть причина затмения,— это очевидно, ибо в определение затмения входит «нахождение Земли между [Солнцем и Луной]». Так что ясно, что через нахождение Земли между [Солнцем и Луной] приобретают знание о затмении, а не через затмение — о нахождении Земли между [Солнцем и Луной].

Но может ли нечто одно иметь больше одной причины? Да, может, если одно и то же сказывается о многих как о первых. Пусть А будет присуще Б как первому и присуще другому как первому, а именно В, а они пусть будут присущи Д и Е. В таком случае А будет присуще Д и Е. Причиной же, почему [А присуще] Д, будет Б, а причиной, почему оно присуще Е, будет В. Так что если есть причина, то необходимо должно быть и действие, но если есть действие, то не необходимо, чтобы было все то, что может быть причиной; причина, конечно, должна быть, но не каждая. А не обстоит ли дело так, что если проблема всегда общая, то не только причина есть нечто целое, но и то, причина чего она есть, есть общее? Например, опадание листьев присуще такому-то определенному целому, и если это целое имеет виды, то опадание листьев и этим видам присуще как общее — или растениям [вообще], или таким-то растениям. Так что в этих случаях и среднее должно быть равным [по охвату] и обратимым с тем, причина чего оно есть. Например, почему листья деревьев опадают? Если же от сгущения влаги, то или необходимо присуще сгущение, когда опадают листья дерева, или необходимо опадают листья дерева, когда сгущение присуще не любому [предмету], а дереву.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[*Множество причин одного действия*]

99a А возможно ли, чтобы причина одного и того же была не для всех случаев одной и той же, или это невозможно? Если нечто доказано как само по себе существующее, а не на основе знака или привходящего, то это невозможно, ибо средний термин есть определение [большего] крайнего термина. Если же не так, то это возможно. Ведь можно рассматривать как привходящее и то, причина чего нечто есть, и то, для чего есть причина, но в этом случае нет, по-видимому, проблем [для доказательства]. Иначе средний термин будет находиться в таком же положении, [как и крайние]: если они одноименны, то и средний термин будет одноименен; если они рассматриваются как принадлежащие к одному роду, то также и средний термин. Например, почему возможна перестановка [членов] соотношения? Конечно, причина этого для линий одна, а для чисел —

другая, и все же она одна и та же: поскольку имеются в виду линии — она не одна и та же, поскольку же имеет место такого-то рода возрастание — она одна и та же. И точно так же для всех [соотношений]. Но причина сходства между цветами не та, что причина сходства между фигурами, ибо сходство у них одноименно. В самом деле, [для фигур] оно состоит, пожалуй, в том, что стороны [у той и другой] соразмерны и углы равны, для цветов же — в том, что восприятие их чувством одно, или в чем-то другом в этом роде. Но для того, что́ одно и то же в смысле соразмерности, и средний термин будет одним и тем же в смысле соразмерности. Обстоит же дело так потому, что причина и то, причина чего она есть, и то, для чего она причина, сопутствуют друг другу. Если же взять каждое в отдельности, тогда то, причина чего нечто есть, будет простираться на большее; например, то, что внешние углы равны четырем прямым, относится к большему, чем к треугольнику или к четырехугольнику; оно относится одинаково ко всем [прямолинейным] фигурам, ибо все фигуры, имеющие внешние углы, равные четырем прямым, [прямолинейны]. И равным образом средний термин. А средний термин есть определение первого крайнего термина, в силу чего всякое знание опирается на определения. Например, опадание листьев одновременно сопутствует виноградной лозе и простирается на большее, оно бывает также и у фигового дерева, и простирается на большее, но не простирается за пределы всех [деревьев с широкими листьями], а простирается одинаково [в их пределах]. Если же принять первый средний термин, то это и будет определением опадания листьев, ибо этот первый термин будет средним для виноградной лозы и фигового дерева, ведь все эти деревья именно такого рода. Далее, средним термином опадания будет то, что сок сгущается, или что-то другое в этом роде. Но что же такое опадание листьев? Сгущение сока семени у черенка листа.

Для тех, кто исследует связь причины и того, причина чего она есть, можно изобразить эту связь так. Пусть А присуще всем Б, а Б — каждому [виду] Д, но простирается на большее. Тогда Б будет присуще Д как общее (под присущим как общее я разумею то, с чем предмет необратим, под первым же общим — то, с чем каждый [вид] в отдельности необратим, но все

[виды] вместе обратимы, не выходя за его пределы). Итак, причиной того, что А присуще Д, будет Б. Следовательно, А должно простираться на большее, чем Б; если не так, то почему [Б] должно быть в большей мере причина [того, что А присуще Д], чем [А причина того, что Б присуще Д]? Таким образом, если А присуще всем Е, то все [Е] будут чем-то одним, отличным от Б. Ибо если не так, то как можно было бы сказать, что всему, чему присуще Е, присуще и А, но 99b не всему, чему присуще А, присуще Е? В самом деле, почему бы не быть [для этого] некоторой причине, как [есть некоторая причина] и для того, что А присуще всем Д? Но в таком случае и эти Е были бы чем-то одним. Это одно следует рассмотреть, и пусть оно будет В. Таким образом, возможно, чтобы одно и то же имело несколько причин, но не одни и те же по виду. Например, причина долгой жизни четвероногих животных заключается в том, что у них нет желчи, причина же долгой жизни птиц — в том, что они плотного сложения, или в чем-то другом[1]. Если же не сразу доходят до нераздельного и если есть не один средний термин, а больше, то и причин будет больше.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[*Средние термины как причины*]

Какое среднее есть причина отдельного — то ли, которое ближе к общему первому, или то, которое ближе к отдельному? Ясно, что то, которое ближе всего к отдельному, причина которого оно есть. Ибо оно причина того, почему первое подчинено общему. Например, В есть причина того, почему Б присуще Д. Поэтому В есть причина того, что А присуще Д. Причина же того, что [А] присуще В, есть Б, а причина того, что [А] присуще Б, — само, [Б].

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[*Познавание начал*]

Таким образом, относительно силлогизма и доказательства ясно, что́ такое каждое из них и каким образом они получаются, и в то же время — относительно доказывающего знания, ибо оно то же самое, [что доказательство]. Каким образом начала становятся известными и какова [у людей] способность познавать

их, станет здесь ясным после того, как мы разберем некоторые трудности.

Раньше было сказано [1], что нельзя иметь о чем-нибудь знание посредством доказательства, если не знают первых неопосредствованных начал. Однако можно сомневаться, тождественно ли или нетождественно познание неопосредствованных начал [с познанием опосредствованного], и есть ли знание о том и другом или нет, или об одном есть знание, для другого же — некоторый иной род [знания], а также, появляются ли способности [познавания], не будучи врожденными, или они врожденные, но это нам неизвестно? Если бы мы их уже имели, то это было бы нелепо, ибо тогда оказалось бы, что тем, кто имеет более точные знания, чем доказательство, это было бы неизвестно. Если же мы приобретаем эти способности, не имея их раньше, то как мы можем познавать и научаться чему-нибудь, не имея предшествующего знания? Это ведь невозможно, как мы уже сказали [2] относительно доказательства. Очевидно поэтому, что нельзя иметь [эти способности от рождения] и невозможно, чтобы они появились у незнающих и не наделенных никакой [иной] способностью (hexis). Поэтому необходимо обладать некоторой способностью [познания] (dynamis), однако не такой, которая превосходила бы эти способности в отношении точности. Но такая способность, очевидно, присуща всем животным, ибо они обладают прирожденной способностью различать, которая называется чувственным восприятием. Но хотя чувственное восприятие врожденно, однако у одних животных что-то остается от воспринятого чувствами, а у других не остается. Одни животные, у которых [ничего] не остается [от воспринятого чувствами], вне чувственного восприятия или вообще не имеют знания, или не имеют [знания] того, от чего не остается [никаких запечатлений]. Другие же, когда они воспринимают чувствами, что-то удерживают в душе. Если же таких [запечатлений] много, то возникает уже некоторое различие, так что из того, что остается от воспринятого, у одних возникает некоторое понимание, а у других нет [3].

Таким образом, из чувственного восприятия возникает, как мы говорим, способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний

составляет вместе некоторый опыт[4]. Из опыта же, т. е. из всего общего, сохраняющегося в душе[5], из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве, берут свое начало искусство и наука: искусство — если дело касается создания чего-то, наука — если дело касается сущего. Таким образом, эти [приобретенные] способности не содержатся [в душе] в обособленном виде и не возникают из других способностей, в большей мере познавательных, а берут свое начало от чувственного восприятия, подобно тому как бывает в сражении, после того как строй обращен в бегство: когда один останавливается, останавливается другой, а затем и третий, пока строй не придет в первоначальный порядок. А душа такова, что может испытать нечто подобное. То, что уже раньше было сказано[6], но не ясно, мы объясним еще раз. В самом деле, если одно, не отличающееся от другого, удерживается, то появляется в душе первое общее (ибо хотя воспринимается единичное, но восприятие есть [восприятие] общего, например человека, а не человека Каллия). Снова останавливаются на этом, пока не удерживается нечто неделимое и общее, например вместо живого существа такого-то [вида] — живое существо [вообще], и далее таким же образом. Итак, ясно, что первые [начала] нам необходимо познать через наведение, ибо таким именно образом восприятие порождает общее.

Так как из состояний мысли, которыми мы постигаем истину, одни всегда истинны, а другие допускают ошибки (например, мнение и рассуждение), наука же и нус всегда истинны; так как, далее, кроме нуса, нет другого рода [познания], который превосходил бы науку точностью, начала же доказательства более известны, [чем доказательства], а всякая наука опирается на доводы, то не может быть науки о началах; а так как только нус может быть истиннее, чем наука, то он будет иметь своим предметом начала; это видно также из того, что доказательство не может быть началом доказательства, а потому и наука не может быть началом науки. Таким образом, если помимо науки не имеем никакого другого рода истинного [познания], то началом науки будет нус. И он будет началом начала, и таким же образом наука как целое относится к [своему] предмету в целом[7].

ТОПИКА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Топика, или диалектика, и ее предмет. Виды силлогизмов]

Цель этого сочинения — найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение. Прежде всего, конечно, следует сказать, чтó такое умозаключение и каковы его виды, для того чтобы понять, чтó такое диалектическое умозаключение, ибо об этом идет речь в настоящем исследовании.

Так вот, умозаключение[1] есть речь, в которой если нечто предположено, то через положенное из него с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного. Доказательство имеется тогда, когда умозаключение строится из истинных и первых [положений] или из таких, знание о которых берет свое начало от тех или иных первых и истинных [положений]. Диалектическое же умозаключение — это то, которое строится из правдоподобных [положений]. Истинные и первые [положения] — те, которые достоверны не через другие [положения], а через самих себя. Ибо о началах знания не нужно спрашивать «почему», а каждое из этих начал само по себе должно быть достоверным[2]. Правдоподобно то, что кажется правильным всем или большинству людей или мудрым — всем или большинству из них или самым известным и славным. Эристическое же умозаключение исходит из [положений], которые кажутся правдоподобными, но на деле не таковы, или оно кажется исходящим из правдоподобных либо кажущихся правдоподобными [положений]. Ведь не все правдоподобно, что кажется

таковым, и то, о чем говорят как о правдоподобном, вовсе не представляется таковым уже на первый взгляд, как это бывает у начал эристических доводов, ибо их ложность сразу же и обычно очевидна даже для людей малопонятливых. Таким образом, пусть 101a первый из указанных [видов] эристических умозаключений называется и умозаключением, другой же — эристическим умозаключением, а не [просто] умозаключением, потому что здесь только кажется, что выводится заключение, а на деле оно не выводится[3].

Далее, кроме всех указанных видов умозаключений имеются и паралогизмы, которые строятся на основании того, что́ свойственно той или иной науке, как это бывает в геометрии и в родственных ей науках. Ведь этот вид, должно быть, отличается от указанных выше умозаключений. В самом деле, тот, кто делает неправильные геометрические чертежи, не выводит заключения ни из истинных и первых, ни из правдоподобных [положений], ибо этот случай не подходит под определение [тех умозаключений]: ведь здесь не принимают того, что́ кажется правильным всем или большинству людей или мудрым — всем или большинству или самым славным из них, а составляют умозаключение из положений, хотя и свойственных науке, но не истинных, ведь паралогизм получается оттого, что, [например], полуокружность описывается не так, как нужно, или оттого, что проводят линии не так, как они должны были бы быть проведены.

Итак, дабы описать вкратце виды умозаключений, — пусть это будут именно те, которые нами указаны. О всех же перечисленных видах и тех, которые будут потом указаны, достаточно сказать здесь в общих чертах по той причине, что мы не намерены давать каждому из них подробное объяснение, а хотим их коснуться лишь бегло, считая, что для настоящего исследования совершенно достаточна возможность объяснить каждый из этих видов хоть каким-то образом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*О пользе диалектики*]

Далее, следовало бы, пожалуй, после сказанного определить, для скольких же и для каких целей полезно это исследование. Оно, очевидно, полезно для

трех целей: для упражнения, для устных бесед, для философских знаний. В самом деле, то, что оно полезно для упражнения, ясно из выше сказанного, ибо, владея указанным [нами] способом, нам легче приводить доводы против предлагаемого положения. Для устных же бесед оно полезно по той причине, что, ознакомившись с мнениями большинства людей, мы будем разговаривать с ними, исходя не из чужих, а из [их] собственных взглядов, отклоняя то, чтó нам кажется сказанным ненадлежащим образом. А для философских знаний оно полезно потому, что, когда возможно сомнение [в правильности] той или другой стороны, нам легче будет замечать в каждом отдельном случае истинное и ложное. Исследование полезно еще для [познания] первых [начал] всякой науки. Ибо исходя из начал, свойственных лишь данной науке, нельзя говорить что-нибудь о тех началах, поскольку они первые начала для всех наук. Поэтому их необходимо разбирать на основании правдоподобных положе- 101b
ний в каждом отдельном случае, а это и есть [задача], свойственная диалектике или наиболее близкая ей. Ибо, будучи способом исследования, она прокладывает путь к началам всех учений.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Об овладении диалектикой*]

Мы будем вполне владеть этим способом исследования, когда мы им овладеем так же, как в искусстве красноречия, искусстве врачевания и подобных способностях. А это значит осуществлять то из возможного, что мы предпочитаем. Ведь не любым способом искусный в красноречии будет убеждать, а врачеватель — лечить, но только тогда, когда он ничего не упускает из всего возможного, мы скажем, что он в достаточной мере владеет своим искусством.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Задачи и содержание топики. Род, определение, собственное и привходящее*]

Итак, прежде всего дóлжно рассмотреть, из чего исходит этот способ исследования. Если бы мы постигли, относительно скольких и каких [предметов]

приводятся доводы, из чего они составляются и как мы все это находим, то этого было бы достаточно для предлежащей [цели]. То, из чего составляются доводы, одинаково по числу и совпадает с тем, о чем строятся умозаключения. Ведь доводы получаются из положений, а то, относительно чего строятся умозаключения,— это проблемы. Но всякое положение и всякая проблема указывает или на собственное, или на род, или на привходящее, видовое же отличие, как относящееся к роду, нужно ставить вместе с родом. Так как одно собственное обозначает суть бытия [вещи], а другое — не обозначает, то разделим собственное на обе только что указанные части и пусть то собственное, которое обозначает суть бытия [вещи], называется определением, а прочее, согласно общему наименованию, данному им, пусть именуется «собственное». Таким образом, из сказанного ясно, почему, согласно только что сделанному различению, получается всего четыре [вида сказываемого] — или определение, или собственное, или род, или привходящее [1]. Пусть, однако, никто не подумает, что мы утверждаем, будто каждое из названного само по себе есть положение или проблема; мы лишь утверждаем, что из них получаются и проблемы, и положения. А различаются между собой проблема и положение способом выражения, а именно: если говорят: «Разве двуногое существо, живущее на суше, не есть определение человека?» или «Разве живое существо не есть род для человека?», то получается положение. Если же спрашивают: «Есть ли двуногое существо, живущее на суше, определение человека или нет?» ⟨или «Есть ли живое существо род [для человека] [или нет]»?⟩, то получается проблема [2]. И равным образом в остальных случаях. Стало быть, естественно, что положений столько, сколько проблем, ибо, меняя способ выражения, ты каждому положению можешь придать вид проблемы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[Об определении, о собственном, о роде и о привходящем]

А теперь следует сказать, что́ такое определение, что́ такое собственное, что́ такое род, что́ такое привходящее. Определение есть речь, обозначающая суть бы-

тия [вещи]. Оно заменяет имя речью или речь речью, ибо можно дать определение тому, что выражено 102a речью[1]. Но кто каким-то образом объясняет нечто одним только именем, тот, ясно, вовсе не дает определения предмета, так как каждое определение есть какая-нибудь речь; однако и такого рода [имя] дóлжно считать определительным, как, например, когда говорят, что прекрасное есть подобающее. И точно так же когда спрашивают, одно ли и то же — чувственное восприятие и знание или разное[2]. Ибо и при определении больше всего занимает нас вопрос, есть ли нечто одно и то же или разное. Пусть же все, что подвергается тому же самому способу исследования, что и определения, вообще именуется определительным. А что все сказанное здесь таково,— это ясно из него самого. Ведь если мы можем рассуждать о том, что это одно и то же или разное, то мы этим же способом в состоянии будем приводить доводы против определения. В самом деле, если мы докажем, что это не то же самое, [что и определяемое], то мы определение оспорим. Правда, для обратного это сказать нельзя, ибо для обоснования определения недостаточно сказать, что это то же самое, однако для опровергания достаточно показать, что это не то же самое.

Собственное — это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемо с ней. Например, собственное для человека — это то, что он способен научиться читать и писать. В самом деле, если [это существо] — человек, то оно способно научиться читать и писать, и, наоборот, если оно способно научиться читать и писать, оно человек. Никто, конечно, не называет собственным то, что может быть присуще другому, например спать для человека, даже если бы это некоторое время оказалось случайно присущим только ему. Если нечто подобное и называлось бы собственным, то говорилось бы о собственном не вообще, а для некоторого времени или по отношению к чему-то. Ведь находиться с правой стороны есть нечто собственное только на некоторое время, а быть двуногим можно назвать собственным лишь по отношению к чему-то, например для человека — по отношению к лошади или собаке. А что ничто из того, что может быть присуще и другому, не взаимозаме-

няемо с вещью,— это ясно. Ведь тот, кто спит, не обязательно есть человек.

Род[3] есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]. Выражение «сказываться в сути» пусть употребляется применительно к тому, что подходит для ответа на вопрос, что́ именно есть обсуждаемое, как, например, о человеке, когда спрашивают, что́ именно есть он, надлежит сказать, что он есть живое существо. Вопрос, принадлежит ли вот это к тому же самому роду, что и другое, или нет, также касается рода. В самом деле, такой вопрос подвергается тому же самому способу исследования, что и [вопрос относительно] рода. Ибо если мы в беседе высказали мнение, что живое существо есть род для человека так же, как и для быка, то мы высказали мнение, что они принадлежат к одному и тому же роду. Если же 102b мы укажем, что живое существо есть род для одного, а для другого нет, то мы выскажем мнение, что они принадлежат не к одному и тому же роду.

Привходящее[4] — это то, что́ хотя и не есть что-либо из перечисленного — ни определение, ни собственное, ни род, но присуще вещи, или то, что́ одному и тому же может быть присуще и не присуще, например быть сидящим может и быть и не быть присуще одному и тому же. Точно так же и бледность. Ибо ничто не мешает, чтобы одно и то же иногда было бледным, а иногда не бледным. Из приведенных определений привходящего второе лучше. В самом деле, когда приводят первое определение, то для того, чтобы понять его, необходимо заранее знать, что́ такое определение, и собственное, и род. Второе же есть независимое определение для познания того, что́ же есть само по себе то, о чем речь. К привходящему должны быть отнесены и сопоставления вещей между собой, каким-либо образом опирающиеся на привходящее, например что́ предпочтительнее — прекрасное или полезное или что́ приятнее — жизнь добродетельная или проводимая в наслаждениях, и тому подобные рассуждения. Ибо во всех таких [случаях] ставится вопрос: на чью долю сказываемое выпадает скорее — на долю того или же другого? Из этого же ясно, что ничто не мешает, чтобы привходящее иногда и по отношению к чему-нибудь становилось собственным. Например, быть сидящим,

будучи чем-то привходящим, станет собственным, если сидит лишь кто-то один. Если же сидит не один, то сидячее положение будет собственным по отношению к тем, кто не сидит. А потому ничто не мешает, чтобы по отношению к чему-нибудь и иногда привходящее становилось собственным. Однако вообще оно не будет собственным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Род, собственное, привходящее и их отношение к определению. Целесообразность исследования каждого из них в отдельности]

Пусть не ускользает от нашего внимания, что все сказанное о собственном, роде и привходящем можно соответственным образом применить и к определениям. Ибо если мы докажем, что нечто присуще не одному только тому, что подлежит определению (как это может быть и когда речь идет о собственном), или что указанное в определении не есть род, или что нечто из сказанного в речи не присуще (как это может быть при указании привходящего), то определение будет нами оспорено. Поэтому все то, что мы рассмотрели раньше [1], можно на основании изложенного некоторым образом отнести к определению [2]. Однако по этой причине не следует искать один общий способ исследования для всего этого. Ибо найти его не легко, а если бы его и нашли, он был бы совершенно неясным и бесполезным для настоящего исследования. Если же для каждого из указанных видов дать особый способ исследования, то на основании того, что свойственно каждому из них, будет легче излагать обсуждаемое [3]. Поэтому до́лжно различение, как это раньше было сказано [4], делать в общих чертах, а из остального следует к каждому отнести то, что больше всего ему свойственно, и указать как на относящееся к определению, к роду [и т. д.]. Впрочем, изложенное нами было, можно сказать, отнесено к каждому из них в отдельности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*О тождественном и его видах*]

Прежде всего дóлжно определить, в скольких значениях говорится «одно и то же». Если сказать в общих чертах, то «одно и то же» имеет, по-видимому, троякий смысл. Действительно, мы обычно называем тождественным то, что одно и то же по числу, или по виду, или по роду[1]. По числу одно и то же то, что имеет, правда, несколько названий, но есть одна вещь, например «одежда» и «платье»[2]. По виду же одно и то же то, что по количеству больше одного, но не различается видом, как, например, человек тождествен человеку и лошадь — лошади. Ведь называют одним и тем же по виду то, что подпадает под один и тот же вид. И точно так же одним и тем же по роду называется то, что подпадает под один и тот же род, например лошадь и человек. Может казаться, что вода из одного и того же источника называется тождественной в смысле, несколько отличном от вышеуказанных. Тем не менее и такие вещи дóлжно ставить в один и тот же ряд с теми, которые так или иначе относят к одному виду. Ибо все такие вещи кажутся сродными и сходными друг с другом. Ведь всякую воду называют тождественной по виду всякой воде благодаря некоторому сходству между ними, а вода из одного источника отличается от всякой другой разве только более сильным сходством. Поэтому мы ее не отделяем от того, чтó так или иначе относят к одному виду[3]. Более всего тождественным считается, по общему признанию, единое по числу. Но обычно и оно указывается по-разному, однако главным образом и прежде всего, когда тождественное указано через наименование или через определение, как, например, «платье» тождественно «одежде» и «двуногое, живущее на суше» — «человеку». В другом смысле оно употребляется, когда тождественное указано через собственное, как, например, «существо, способное овладевать знаниями» тождественно «человеку», а «естественным образом устремляющееся вверх» — «огню». В третьем смысле — когда тождественное указано через привходящее, например «сидящий» или «образованный» тождественен Сократу. Все это имеет в виду обозначение того, что едино по числу. А что только что сказанное истинно, это больше

всего видно, когда одно наименование заменяют другим. В самом деле, часто, веля позвать по имени кого-нибудь из сидящих, мы заменяем его имя другим обозначением, когда тот, кому велено было позвать, случайно не понимает [нас], поскольку он лучше поймет нас по чему-то привходящему [для того человека], и мы велим ему позвать к нам сидящего или разговаривающего, полагая, естественно, что и именем и привходящим мы обозначаем одного и того же.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[Доказательство того, что всякое положение касается или определения, или рода, или собственного, или привходящего]

103b Таким образом, тождественное, как сказано[1], различается трояко. Что же касается того, что доводы составляются из ранее указанных [четырех видов сказываемого], приводятся посредством их и относятся к ним, то в этом убеждаются, во-первых, при помощи наведения[2]. В самом деле, если бы рассматривали каждое положение и каждую проблему в отдельности, то оказалось бы, что они образуются или из определения, или из собственного, или из рода, или из привходящего. В этом убеждаются, во-вторых, посредством умозаключения. Действительно, необходимо, чтобы все сказываемое о чем-то было или взаимозаменяемо с вещью или нет. Если сказываемое взаимозаменяемо с вещью, то оно будет определением или собственным. А именно, если оно обозначает суть бытия [вещи], то оно определение; если же оно ее не обозначает, то оно собственное, ведь собственное, как было сказано,— это то, что хотя и взаимозаменяемо с вещью, но не обозначает сути ее бытия. Если же сказываемое не взаимозаменяемо с вещью, то оно есть или часть того, что говорится в определении подлежащего, или нет[3]. И если оно часть того, что говорится в определении, то оно будет или родом, или видовым отличием, так как определение состоит из рода и видового отличия[4]. Если же сказываемое не есть часть того, что́ говорится в определении, то ясно, что оно будет привходящим. Ибо привходящим было нами названо то, что́ не есть ни определение, ни собственное, ни род, но вещи оно присуще.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Отношение вышеуказанных четырех видов сказываемого к категориям*]

После этого следует определить, к каким родам категорий принадлежат указанные четыре [вида сказываемого]. Этих категорий десять по числу: «чтó именно есть»[1], «сколько», «какое», «по отношению к чему», «где», «когда», «находиться [в каком-то положении]», «обладать», «действовать», «претерпевать». Ведь привходящее, и род, и собственное, и определение всегда принадлежат к одной из этих категорий[2]. В самом деле, все положения, образованные посредством их, означают или суть [вещи], или количество, или качество, или какую-нибудь из остальных категорий. Ведь из них ясно, что тот, кто обозначает, чтó есть, обозначает то сущность, то количество, то качество, то какую-нибудь из остальных категорий. Ибо когда перед ним человек и он говорит, что то, чтó перед ним, есть человек или живое существо, то он разумеет, чтó есть, и указывает сущность. А когда перед ним белый цвет и он говорит, что то, чтó перед ним, есть белое или цвет, то он разумеет, чтó именно есть, и указывает качество. И точно так же если перед ним нечто длиною в один локоть и он говорит, что то, чтó перед ним,— длиною в один локоть, то он разумеет, чтó именно есть, и указывает количество. И точно так же в отношении остальных категорий. Ведь в каждом таком случае, говорят ли о самой вещи или о ее роде, обозначают, чтó именно есть вещь. Если же что-то говорится о другом, то обозначают не чтó есть, а количество, или качество, или какую-нибудь из остальных категорий. Итак, то, относительно чего и из чего составляются доводы, именно таково и его столько. А как мы его получаем и посредством чего мы его достигаем,— это дóлжно сказать теперь же.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Положение и проблема как предмет спора. Диалектические положения и проблемы*]

Итак, прежде всего пусть будет определено, что такое диалектическое положение и что такое диалектическая проблема. Ведь нельзя считать диалектическим ни любое положение, ни любую проблему. В самом

деле, ни один разумный человек не выдвинет в виде положения того, что́ никому не кажется правильным, и не выставит в виде проблемы того, что́ очевидно всем или большинству людей. Ведь последнее не вызывало бы никакого недоумения, а первого никто бы не утверждал. Диалектическое же положение есть вопрос, правдоподобный или для всех, или для большинства людей, или для мудрых — всех, либо большинства, либо самых известных из них, т. е. согласующийся с общепринятым. Ибо можно считать правдоподобным то, что полагают мудрые, если оно не противно мнению большинства людей. Диалектические положения — это также и сходные с правдоподобными, и предлагаемые как противоречащие тем, которые противоположны считающимся правдоподобными, а также мнения, согласующиеся с приобретенными искусствами. Ибо если правдоподобно, что противоположности изучаются одной и той же наукой, то правдоподобно и то, что одно и то же чувство воспринимает противоположности. И если представляется правдоподобным, что существует лишь одно по числу умение читать и писать, то правдоподобно и то, что существует одно только искусство играть на свирели, а если существует большее число [видов] умения читать и писать, то и большее число [видов] искусства играть на свирели. Ибо все это кажется сходным друг с другом и однородным. Точно так же представляются правдоподобными положения, выдвигаемые как противоречащие тем, которые противоположны правдоподобным [1]. В самом деле, если правдоподобно, что друзьям следует делать добро, то правдоподобно и то, что не следует им делать зло. Ведь противоположно первому то, что друзьям следует делать зло, а противоречащим этому будет то, что не следует им делать зло. И точно так же если друзьям следует делать добро, то врагам этого не следует делать. И это есть высказывание, противоречащее тому, что противоположно первому, ибо противоположно первому то, что врагам следует делать добро. Точно так же и в других таких случаях. Противоположное противоположному также кажется при сопоставлении правдоподобным; например, если друзьям следует делать добро, то врагам следует делать зло. Ведь могло бы казаться, что и [положение]: друзьям следует делать добро противоположно [положению]: врагам

следует делать зло. Но так ли это в действительности или нет,— об этом будет сказано там, где говорится о противоположностях[2]. Ясно также, что и мнения, согласующиеся с искусствами, составляют диалектические положения, ибо будут считать правдоподобным то, что кажется правильным людям, занимающимся этими искусствами, например во врачебном искусстве — что кажется правильным врачевателю, а в геометрии — что кажется правильным геометру. И точно так же в других случаях.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Диалектическая проблема. Тезис*]

104b Диалектическая проблема есть задача, поставленная или ради выбора и избегания, или ради [достижения] истины и ради познания, и притом или как нечто самостоятельное, или как нечто вспомогательное для какой-то другой такого рода проблемы. Проблема ставится или относительно того, о чем ни одна из сторон не имеет определенного мнения, или относительно того, о чем мудрые имеют мнение, противное мнению большинства людей, или относительно того, о чем расходятся мнения внутри каждой стороны. Действительно, рассмотрение некоторых проблем полезно для выбора или для избегания, например желательно ли удовольствие или нет. Некоторые же проблемы полезны для одного только познания, например вечен ли мир или нет. А некоторые проблемы сами по себе [бесполезны] как для той, так и для другой цели, однако содействуют разрешению некоторых из такого рода проблем, ибо многое мы хотим знать не ради самого предмета, а ради иного, дабы через него узнать что-нибудь другое. Есть и проблемы, относительно которых имеются противоположные друг другу умозаключения (ибо тогда возникает сомнение, так ли обстоит дело или не так, когда имеются убедительные доводы для обоих [противоположных умозаключений]), а также такие, которые, правда, имеют большое значение, но для доказательства которых мы не имеем доводов, полагая, что трудно указать причину, почему это так, например вечен ли мир или нет, ведь можно ставить и такого рода вопросы.

Итак, проблемы и положения пусть будут определены так, как мы сказали[1]. Тезис есть предположение сведущего в философии человека, не согласующееся с общепринятыми, например предположение, что невозможно противоречить, как утверждал Антисфен[2], или предположение, что все движется, как говорил Гераклит[3], или предположение, что сущее едино, как утверждал Мелисс[4] (ведь глупо обращать внимание на мнения, противные общепринятым мнениям, если их высказывает первый встречный). Или тезисы суть предположения, для доказательства которых у нас есть довод, противный общепринятым мнениям, например предположение, что не все, что есть, есть либо возникшее, либо вечное, как говорят софисты, так как, мол, то, что образованный в искусстве сведущ в языке, не есть ни возникшее, ни вечное[5]. Действительно, хотя кому-то это предположение не кажется правильным, но может казаться таким благодаря имеющемуся доводу.

Таким образом, и тезис есть проблема, но не каждая проблема есть тезис, потому что некоторые проблемы таковы, что у нас нет относительно них определенного мнения — ни за, ни против. А что и тезис — проблема, это ясно, ибо из сказанного необходимо вытекает, что относительно тезиса или большинство расходится во мнении с мудрыми, или внутри каждой стороны мнения расходятся, потому что тезис есть предположение, не согласующееся с общепринятым. Почти все диалектические проблемы называются теперь тезисами. Впрочем, не имеет никакого значения, как их называют, ибо мы их так различаем не потому, что желаем придумывать наименования, а для того, чтобы не остались не замеченными для нас имеющиеся 105a
между ними различия.

Не следует, однако, рассматривать всякую проблему и всякий тезис, а только такие, относительно которых возникает сомнение у того, кто нуждается в доводе, а не у того, кто подлежит наказанию или кому необходимо чувственное восприятие. Ибо те, кто сомневается, следует ли почитать богов и уважать родителей или нет, подлежат наказанию, а тем, кто сомневается, бел ли снег или нет, необходимо чувственное восприятие. Таким образом, не следует рассматривать ни то, доказательство чего под рукой, ни то, доказательство чего

слишком недоступно, ибо относительно первого не возникают сомнения, а относительно последних затруднений больше, чем нужно для упражнения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[Наведение и силлогизм как два способа доказательства диалектических положений]

После того как это определено, следует рассматривать отдельно, сколько имеется видов диалектических доводов. Один вид — это наведение, а другой — силлогизм. Что такое силлогизм, было уже сказано раньше[1]. Наведение же есть восхождение от единичного к общему[2]. Например, если кормчий, хорошо знающий свое дело,— лучший кормчий и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело,— лучший, то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области — лучший. Наведение — [способ] более убедительный и более очевидный и для чувственного восприятия более доступный и применяемый большинством людей. Силлогизм же — [способ] более неодолимый и более действенный против тех, кто склонен спорить.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[Средства для построения умозаключений]

Итак, те виды [сказываемого], относительно которых приводятся доводы и из которых они составляются, пусть различаются так, как было сказано раньше[1]. Средств[2] же, при помощи которых мы строим умозаключения, имеется четыре: первое — это принятие положений; второе — умение разбирать, в скольких значениях употребляется каждое [имя]; третье — нахождение различий, а четвертое — рассмотрение сходства. В некотором смысле последние три средства также суть положения, ибо на основании каждого из них можно составить положение, например чтó предпочтительно — прекрасное, или доставляющее удовольствие, или полезное, а также что чувственное восприятие отличается от знания тем, что при потере знания есть возможность приобрести его снова, а при потере чувственного восприятия нет такой возможности, и [точно так же положение], что здоровое относится к здоровью,

как сильное — к силе. Ведь первое из этих положений основывается на многозначности [имен], второе — на различии, а третье — на сходстве.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Первое средство для построения силлогизма — принятие положений]

Итак, положения следует выбирать столькими способами, сколько было установлено нами различий между [диалектическими] положениями, а именно следует приводить или мнения всех, или большинства людей, или мнения мудрых — всех, либо большинства, либо самых известных из них, а также мнения, [не] противные кажущимся [правдоподобными], а также мнения, согласующиеся с искусствами. Следует также выставлять в виде положений мнения, противоречащие мнениям, которые противоположны кажущимся правдоподобными, как было сказано раньше[1]. Полезно также составлять положения, выбирая не только выражающие правдоподобие, но и сходные с ними, например что одно и то же чувство воспринимает противоположности (ибо их изучает одна и та же наука), а также [положение о том], что мы видим, что-то принимая, а не испуская[2] (ибо и в других видах чувственного восприятия дело обстоит точно так же), ведь мы слышим, когда что-то принимаем, а не испускаем, и таким же образом отведываем что-то. Далее, все то, что бывает во всех или в большинстве случаев, следует брать в качестве начала и в качестве тезиса, кажущегося правильным. Ибо оно допускается теми, кто сразу не замечает, что в каком-то случае дело обстоит не так. Следует также выбирать [положения] из сочинений, а записи следует делать о каждом роде отдельно, например о благе или о живом существе, притом о всяком благе, начиная с того, что́ оно есть. Следует также помечать рядом мнения отдельных [философов], например то, что́ говорил Эмпедокл: что существует четыре элемента тел[3], ведь можно выставлять в качестве тезиса высказывания известных [философов].

Чтобы изложить в общих чертах, [укажем, что] имеется три вида положений и проблем, а именно: одни положения, касающиеся нравственности, другие — природы, третьи — построенные на рассуждении[4],

касающиеся нравственности — такие, как, например, следует ли повиноваться больше родителям или законам, если они не согласуются друг с другом. Построенные на рассуждении — такие, как, например, изучает ли одна и та же наука противоположности или нет, а касающиеся природы — такие, как, например, вечен ли мир или нет. Точно так же и проблемы [делятся на три вида]. Какие же относятся к какому [виду], указать через определение нелегко, поэтому следует стараться с каждой из них ознакомиться посредством упражнения в наведении, разбирая указанные примеры.

Для философии, конечно, эти положения следует составлять сообразно с истиной, а для мнения — диалектически. Однако все положения следует брать как можно более общими и из одного [общего] составлять много [частных] положений, например [сначала следует брать положение о том], что одна и та же наука изучает противолежащие друг другу [вещи], а затем что она изучает противоположности и соотнесенное. И таким же образом следует эти положения делить до тех пор, пока их можно делить; например, что одна и та же наука изучает благо и зло, белое и черное, холодное и теплое. И точно так же в других случаях[5].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[Второе средство для построения силлогизма — различение многозначности имен]

106a Итак, того, что сказано уже о положениях, достаточно. Что касается многозначности, то следует не только разбирать разные значения, но и стараться дать их основания, например следует указать не только то, что в одном смысле благо означает справедливость и мужество, а в другом — сильное и здоровое, но и то, что первые суть благо потому, что они определенные качества, а последние — потому, что они способствуют чему-то, а не потому, что они определенные качества. И точно так же в других случаях.

Говорится ли о чем-то многозначно по виду или в одном значении,— это дóлжно рассмотреть следующими способами. Прежде всего нужно выяснить, во многих ли значениях употребляется противоположное [данному], все равно, имеется ли расхождение по виду

или по имени. Дело в том, что некоторые противоположности различаются прямо и по имени. Например, острому противоположно: для звука — низкое, для имеющего объем — тупое[1]. Стало быть, ясно, что о противоположном острому говорится по-разному. А если об *этом* говорится по-разному, то и об остром. Ибо для каждого из них противоположное будет иным. Ведь не одно и то же острое противоположно тупому и низкому, хотя острое противоположно каждому из них. С другой стороны, низкому[2] противоположно: для звука — высокое, а для имеющего объем — легкое. Так что «низкое» многозначно, поскольку и противоположное ему многозначно. Точно так же противоположное прекрасному будет: для живого существа — безобразное, а по отношению к жилищу — негодное[3]. Так что «прекрасное» одноименно.

У некоторых же [противоположностей] нет, правда, никакого расхождения в имени, но различие в них непосредственно явствует из того, что они принадлежат к разным видам, например у яркого и тусклого[4], ибо говорят: яркий и тусклый звук и точно так же — яркий и тусклый цвет. Таким образом, у них нет расхождения в имени, но различие в них непосредственно явствует из того, что они принадлежат к разным видам. Ибо не в одном и том же смысле говорится, что свет яркий и звук яркий. Это обнаруживается и при помощи чувственного восприятия. Ибо для одного и того же по виду имеется одно и то же чувство. Яркое же у звука и яркое у цвета мы различаем не одним и тем же чувством, а одно — зрением, другое — слухом. И точно так же обстоит с острым и тупым на вкус и у имеющего объем: последнее воспринимаем осязанием, а первое — отведыванием. Таким образом, у них нет расхождения в имени — ни у них самих, ни у противоположного им, ведь тупое противоположно и тому и другому.

Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что в одном случае что-то имеет нечто противоположное себе, а в другом вовсе не имеет; например, удовольствию от питья противоположно страдание от жажды, но удовольствию от рассмотрения [теоремы], что диагональ несоизмерима со стороной [квадрата], ничего не противоположно. Так что об удовольствии говорится в различных значениях. И точно так же

разумной любви противоположна ненависть, чувственной же любви ничего не противоположно. Ясно, таким образом, что «любовь» одноименна. Далее, многозначность следует выяснять по чему-то промежуточному: не обстоит ли дело так, что у одних [противоположностей] имеется нечто промежуточное, а у других — нет или имеется и у тех и у других, но не одно и то же; например, для белого и черного цвета промежуточным будет серое, а для яркого и тусклого звука — ничего, или если и есть, то это глухое, как говорят некоторые: глухой звук — промежуточный. Так что «белое», или «яркое», одноименно, точно так же как и «черное», или «тусклое». Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что одни [противоположности] имеют много промежуточного, а другие — только одно, как, например, яркое и тусклое, а именно: у цветов много промежуточного, у звука же одно — глухое.

Кроме того, следует выяснить, не говорится ли в разных значениях о противолежащем чему-то по противоречию. Ибо если о чем-то говорится в разных значениях, то так же и о противолежащем ему говорится в разных значениях; например, «не видеть» означает разное: одно значение — быть лишенным зрения, другое — не пользоваться зрением. Если «не видеть» означает разное, то необходимо, чтобы и «видеть» означало разное, ибо каждому из двух значений «не видеть» что-то противолежит, например «быть лишенным зрения» противолежит «обладать зрением», а «не пользоваться зрением» — «пользоваться» им.

Далее следует рассмотреть [противоположности], выражающие лишенность и обладание. А именно, если об одной из них говорится в разных значениях, то так же и о другой. Например, если «воспринимать» означает разное — и в отношении души, и в отношении тела, то и «быть невосприимчивым» означает разное — и в отношении души, и в отношении тела. А что только что приведенные примеры противолежат друг другу как случаи лишенности и обладания,— это ясно, потому что живые существа от природы обладают и тем и другим видом восприятия — и в отношении души, и в отношении тела.

Далее следует обратить внимание на словоизменение[5]. А именно, если «справедливо» означает разное, то и «справедливое» означает разное. Ибо каждому

значению слова «справедливо» соответствует [такое же] значение слова «справедливое». Например, если «справедливо» означает судить о чем-то и по собственному убеждению, и должным образом, то так же и «справедливое». И точно так же, если «здоровое» означает разное, то и «здорово» означает разное[6]. Например, если «здоровое» означает способное или содействовать здоровью, или сохранять его, или быть его признаком, то и «здорово» означает способно или содействовать здоровью, или сохранять его, или быть его признаком. И точно так же в других случаях: если само слово означает разное, то и при изменении своих окончаний оно будет означать разное, а если при изменении своих окончаний оно означает разное, то и само оно так же.

Следует также обратить внимание на роды категорий применительно к имени, одни ли и те же они во всех случаях. Ибо если они не одни и те же, то названное есть нечто одноименное; например, хорошее означает в еде доставляющее удовольствие, во врачебном искусстве — способствующее здоровью, а для души — какое-то качество, например быть благоразумным, или мужественным, или справедливым. И точно так же в отношении человека оно означает какое-то качество. Иногда же оно означает время, например своевременное, ведь говорят: хорошо то, что своевременно. А часто оно означает количество, например относительно умеренного, ведь говорят также, что хорошо то, что в меру. Так что «хорошо» одноименно. Точно так же и яркое по отношению к телу означает цвет, а в звуке — ясно слышимое[7]. Примерно то же самое и в отношении острого, ибо оно точно так же не во всех случаях имеет одно и то же значение. В самом деле, «острый» (резкий) звук есть быстрый звук, как говорят сведущие в числовой гармонии[8]. Острый же угол есть угол меньше прямого, а острый нож — это остроугольный нож[9].

Следует также обратить внимание на роды тех вещей, у которых одно и то же имя: не обстоит ли дело так, что они разные и не подчинены друг другу? Например, onos[10] означает живое существо и орудие, ведь это имя имеет разный смысл, а именно: в одном случае оно означает такое-то живое существо, а в другом — такое-то орудие. Если же один род подчинен

другому, то не необходимо, чтобы понятия были разными. Например, для ворона роды́ — живое существо и птица. Стало быть, когда мы говорим, что ворон — птица, то мы также утверждаем, что он такое-то живое существо. Так что о нем сказываются оба рода. Точно так же, когда мы говорим, что ворон — двуногое живое существо, имеющее крылья, мы утверждаем, что он птица. Следовательно, и в этом случае оба рода и их понятие сказываются о вороне[11]. Однако это не бывает в тех случаях, когда один род не подчинен другому. В самом деле, когда мы говорим об орудии, мы не говорим о живом существе, а когда говорим о живом существе, мы не говорим об орудии.

Следует, однако, обратить внимание не только на предмет обсуждения, не обстоит ли дело так, что роды его различны и не подчинены друг другу, но и на противоположное ему, ибо если о противоположном предмету обсуждения говорится в различных значениях, то ясно, что так же и о нем.

Полезно также обратить внимание на определение, получаемое от сочетаний, например яркого тела и яркого звука. Ибо если убрать из них собственное, то должен остаться один и тот же смысл. Но это не бывает у одноименных вещей, например в только что 107b приведенном случае. Ибо первое есть тело, имеющее такой-то и такой-то цвет, а другое — ясно слышимый звук. Стало быть, если отделить тело и звук, то оставшееся у каждого из них не одно и то же. Напротив же, если яркое было бы однозначащим, то сказанное о каждом из них должно было бы быть одним и тем же.

Часто, однако, даже в самих определениях остается незамеченным сопутствующее одноименное. Вот почему следует обратить внимание и на определения. Например, если утверждают, что то, что́ есть признак здоровья, и то, что́ способствует здоровью, означают нечто соразмерное со здоровьем, не следует успокаиваться, а нужно разобраться, что же такое «соразмерно» в каждом случае, например означает ли это в одном случае то, что́ способствует здоровью, а в другом — то, что́ есть признак какого-то состояния.

Далее следует рассмотреть, возможно ли сравнение по [присущности] в большей или в одинаковой мере, например яркий звук и яркая одежда или острый вкус и острый (резкий) звук. Ведь нельзя говорить ни то,

что они в одинаковой мере ярки и остры, ни то, что одно ярко и остро в большей мере, чем другое. Так что «яркое» и «острое» одноименны. Ведь все соименные вещи сравнимы, так как им что-то приписывается или в одинаковой мере, или одному в большей мере, чем другому.

Так как у разных и не подчиненных друг другу родов разными будут и видовые отличия, как, например, у живого существа и знания (ведь у них видовые отличия разные), то следует обратить внимание на то, не названы ли одним и тем же именем видовые отличия разных и не подчиненных друг другу родов, например острое (резкое) для звука и для имеющего объем. Ведь звук от звука отличается «остротой» (резкостью), и точно так же — имеющее объем от имеющего объем. Так что «острое» одноименно, ибо оно есть видовое отличие разных и не подчиненных друг другу родов.

Далее следует выяснить, не имеет ли названное одним и тем же именем разные видовые отличия, например chróma[12] у тел и в пении, ибо отличие его у тел состоит в способности или рассеивать, или собирать зрение[13], а chrōma в песнях не имеет этих отличий. Так что chrōma одноименно. Ибо у одинаковых вещей — одинаковые видовые отличия.

Кроме того, так как вид не есть видовое отличие ни одной вещи, то следует обратить внимание на то, не есть ли одно из названных одним и тем же именем вид, а другое — видовое отличие, например у тел «яркое» есть вид цвета, а в звуке — видовое отличие, ибо звук от звука отличается яркостью[14].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[*Третье средство для построения силлогизма — нахождение различий в пределах одного и того же рода или у близких друг другу родов*]

Итак, многозначность следует выяснять этим и тому подобными способами. Должны быть исследованы и различия между вещами, принадлежащими к одному 108a и тому же роду. Например, чем отличается справедливость от мужества и рассудительность — от умеренности (ведь все они принадлежат к одному и тому же роду[1]). И точно так же дóлжно исследовать разли-

чия между вещами, принадлежащими к родам, расстояние между которыми не очень велико, например чем отличается чувственное восприятие от знания. Ведь у родов, расстояние между которыми велико, различия совершенно очевидны [2].

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[*Четвертое средство для построения силлогизма — нахождение сходства в вещах*]

Сходство же следует выявлять в принадлежащем к разным родам таким образом: как одно относится к одному, так и другое к другому, например как познание относится к познаваемому, так и чувственное восприятие — к чувственно воспринимаемому. И как одно находится в чем-то одном, так и другое находится в чем-то другом. Например, как зрение находится в глазу, так и ум — в душе [1], и как спокойствие — на море, так и безветрие — в воздухе [2]. Упражняться в этом следует больше всего, рассматривая то, что принадлежит к родам, расстояние между которыми велико, ибо тогда в остальных случаях нам легче будет находить сходное. Следует также рассматривать вещи, принадлежащие к одному и тому же роду, не присуще ли им всем нечто одно и то же, например человеку, лошади и собаке. Ибо поскольку им присуще нечто одно и то же, постольку они сходны между собой [3].

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[*О пользе трех последних средств, необходимых для построения диалектических силлогизмов*]

Исследовать многозначность полезно для ясности (ибо то, что́ утверждают, знают лучше, когда выявляют многозначность слов) и для построения умозаключений, касающихся самого предмета, а не его названия. Ибо если неизвестно, в скольких значениях говорится о чем-то, то возможно, что тот, кто отвечает [1], и тот, кто спрашивает [2], имеют в виду не одно и то же. Когда же выявлено, в скольких значениях говорится о чем-то, и [смысл], который приписывается утверждению, то вопрошающий [2] покажется смешным, если он приводит доводы не против данного [смысла]. Но выявление многозначности полезно и для того, чтобы не дать себя ввести в заблуждение и чтобы ввести в за-

блуждение [собеседника]. Ибо когда мы знаем, в скольких значениях говорится о чем-то, мы никак не дадим себя обмануть, а будем узнавать, против того же ли самого направлены доводы вопрошающего. Когда же мы сами ставим вопросы, мы в состоянии будем ввести в заблуждение отвечающего, если он как раз не знает, во скольких значениях говорится [о предмете спора]. Однако это возможно не во всех случаях, а только тогда, когда из того, что говорится в различных значениях, одно истинно, а другое ложно. Но этот способ не свойствен диалектике[3]. Поэтому диалектики должны всячески избегать такого рода способа, [т. е.] остерегаться рассуждать по поводу имен, разве только в том случае, когда кто-нибудь иначе рассуждать о предмете не в состоянии[4].

Нахождение же различий полезно для построения умозаключений о тождественном и различном, а также для познания сути каждой [вещи]. Что оно действительно полезно для построения умозаключений о тождественном и различном,— это ясно. Ибо когда мы найдем какое-нибудь различие между предметами [обсуждения], мы докажем, что они не тождественны. А для познания сути [вещи] нахождение различий полезно по той причине, что мы имеем обыкновение отделять надлежащую речь о сущности каждой [вещи] посредством присущих ей видовых отличий[5].

Рассмотрение же сходства [вещей] полезно для доводов, основанных на наведении, а также для умозаключений из предположений[6] и для построения определений. Для доводов, основанных на наведении, оно полезно по той причине, что полагаем, что общее следует выводить через приведение сходных единичных случаев, ибо без знания сходств нелегко делать умозаключение при помощи наведения. А для построения умозаключений из предположений оно полезно по той причине, что общепринято мнение, что, как дело обстоит с одной из сходных [вещей], так оно обстоит и с остальными. Чтобы быть, таким образом, в состоянии рассуждать по поводу какой-нибудь из этих [вещей], мы должны заранее согласиться, что, как дело обстоит с этими [вещами], так оно обстоит и с обсуждаемым. Если мы что-то доказали относительно тех [вещей], то на основании нашего предположения это будет доказано и относительно обсуждаемого. Ибо мы вели бы до-

казательство на основании нашего предположения, что, как дело обстоит с теми [вещами], так оно обстоит и с обсуждаемым. Нахождение сходства полезно и для построения определений по той причине, что если мы в состоянии сразу усмотреть, чтó именно тождественно [другому] в каждой отдельной [вещи], то при построении определения мы не будем сомневаться в том, к какому роду мы должны отнести предмет обсуждения. Ибо из общих [вещам сказуемых] родом будет то, которое больше всего сказывается в сути [вещи]. Точно так же рассмотрение сходств полезно для определения [вещей], значительно различающихся между собой, например что спокойствие на море тождественно безветрию в воздухе (ибо и то и другое означает покой) и что точка в линии — то же, что единица в числе (ибо каждая из них есть начало). Так что, указывая как род то, что обще всем, мы будем убеждены, что не даем неподобающего определения. Строящие определение имеют обыкновение поступать приблизительно так же. Ибо они утверждают, [например], что единица — начало числа, а точка — начало линии. Таким образом, ясно, что они родом полагают то, что обще и тому и другому[7].

Итак, вот каковы те средства, при помощи которых строят умозаключения. Топы же, для которых полезно сказанное, суть следующие.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Различение проблем. Способы нахождения привходящего. Предварительные замечания*]

Одни проблемы общие, а другие — частные. Общие, например, что всякое удовольствие благо и что никакое удовольствие не благо; а частные, например, что какое-то удовольствие есть благо и что какое-то удо- 109a
вольствие не есть благо. Обоим видам проблем одинаково свойственно то, что они пригодны для обоснования и опровергания общего. В самом деле, доказав, что нечто присуще всем, мы докажем, что оно присуще и некоторым[1]. И точно так же, когда мы докажем, что нечто не присуще ни одному, мы докажем, что оно присуще не всем[2]. Стало быть, прежде всего следует говорить о способах, пригодных для опровергания общего, потому что они одинаково применимы и к общим, и к частным проблемам и потому что [в споре] выставляют больше положений о том, что присуще, чем о том, что не присуще, а те, кто ведет спор, опровергают их. Труднее же всего подвергнуть обращению собственное обозначение по привходящему. Ибо [быть присущим лишь] в каком-то отношении, а не вообще — это возможно только для привходящего. Обозначения же по определению, собственному и роду необходимо допускают обращение[3]; например, если кому-нибудь присуще быть двуногим существом, живущим на суше, то по обращении будет правильно сказать, что он двуногое существо, живущее на суше. Подобным образом допускает обращение обозначение по роду. Ведь если чему-нибудь присуще быть живым существом, то оно есть живое существо. И то же самое — в отношении собственного. В самом деле, если кому-нибудь присуще быть способным научиться читать и писать, то он есть способный научиться читать и писать. Ведь ничего из

этого не может быть присуще или не присуще лишь в некотором отношении, а оно присуще или не присуще вообще. Ничто, однако, не мешает, чтобы привходящее было присуще лишь в некотором отношении, как, например, белизна или справедливость. Поэтому доказать, что кому-то присуща белизна или справедливость, недостаточно для того, чтобы доказать, что он белый или справедливый [вообще]. Ибо остается еще спорным [вопрос], не бел ли он или справедлив лишь в некотором отношении. Так что для привходящего обращение не обязательно.

До́лжно также различать ошибки, допускаемые в проблемах. Бывают всякого рода ошибки — или из-за того, что утверждается ложное, или из-за того, что отступают от установившегося способа выражения. В самом деле, те, кто утверждает ложное, делают ошибку, говоря, что чему-то присуще то, что ему не присуще. А те, кто обозначает предмет неподходящим именем, например человека — платаном, отступают от установленного наименования.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Топы для опровергания проблем, касающихся привходящего]

Итак, один топ состоит в рассмотрении того, не выдали ли за привходящее то, что присуще каким-то другим образом. Больше всего делают эту ошибку в отношении рода, например если кто-то говорит, что белому случается быть цветом. Ведь цвет не привходящее для белого; цвет есть его род. Стало быть, и тот, кто выставляет тезис, может по способу выражения дать определение [рода как привходящее], например что справедливости случается быть добродетелью [1]. Но часто и тогда, когда не дают такого определения, совершенно ясно, что род указан как привходящее, например если сказали, что белизна окрашена или что хождение движется. Дело в том, что сказываемое о виде никогда не обозначается словами, производными от рода, а все роды сказываются о своих видах соименно. Ибо виды принимают и имя рода, и понятие его. Стало быть, тот, кто сказал, что белое окрашено, указал [«окрашено»] не как род — потому что он употребил слово, производное [от слова «окраска»], не

как собственное и не как определение. Ведь определение и собственное [вещи] не присущи ничему другому, [кроме нее], а окраску имеет и многое другое, например дерево, камень, человек, лошадь. Ясно, что [«окрашено»] здесь указано как привходящее.

Другой топ состоит в рассмотрении [вещей], о которых утверждают, что нечто присуще им всем или ни одному не присуще. Однако рассматривать следует здесь [отдельные] виды, а не бесчисленные [единичные вещи], ибо тогда рассмотрение будет более правильным и коснется меньшего. Следует также рассматривать и начинать с первого, затем последовательно доходить до далее неделимого. Например, если кто-то утверждал, что одна и та же наука изучает противолежащие друг другу [вещи], то следует рассмотреть, изучает ли одна и та же наука соотнесенные между собой, противоположные друг другу и противолежащие друг другу по лишенности и обладанию и по противоречию. И если по ним еще не ясно, изучает ли одна и та же наука противолежащие друг другу [вещи], то следует их снова делить до далее неделимого, например рассмотреть, изучает ли одна и та же наука справедливость и несправедливость, или двойное и половинное, или слепоту и зрение, или бытие и небытие. Ибо если относительно какой-нибудь [из этих пар противоположностей] будет доказано, что она не изучается одной и той же наукой, то мы проблему оспорим. И точно так же — если нечто ничему не присуще. Этот топ может быть использован и для опровергания, и для обоснования. Действительно, если после произведенного деления положение оказывается [правильным] для всех или для многих случаев, нужно требовать [от собеседника], чтобы он признал положение и как общее или чтобы он сделал возражение, что в некоторых случаях это не так [2]. Ведь если он не делает ни того ни другого, то несогласие его с положением кажется нелепым.

Следующий топ состоит в том, чтобы дать определение привходящего и того, для чего оно есть привходящее, или дать определение того и другого в отдельности или одного из них, а затем выяснить, не взято ли в определении как истинное нечто неистинное. Например, если ставится вопрос, можно ли поступать не-

справедливо по отношению к богу, то следует выяснить, что такое поступать несправедливо. Ибо если это значит наносить вред преднамеренно, то ясно, что нельзя поступать несправедливо по отношению к богу, ибо богу нельзя наносить вред. И точно так же если ставится вопрос, может ли хороший человек быть завистливым, то следует выяснить, кто завистлив и что такое зависть. Ибо если зависть означает огорчение из-за очевидного преуспеяния какого-нибудь добродетельного человека, то ясно, что хороший человек не может быть завистливым, ибо в таком случае он был бы дурным человеком. И точно так же если ставится вопрос, завистлив ли [справедливо] негодующий человек, то следует выяснить, кто такой каждый из них. Ведь именно так становится совершенно очевидным, истинно ли или ложно сказанное; например, если завистлив тот, кто огорчается из-за преуспеяния хороших людей, а [справедливо] негодующий — тот, кто огорчается из-за преуспеяния дурных людей, то ясно, что [справедливо] негодующий не может быть завистливым [3]. Следует также брать определения вместо имен, содержащихся в определении, и не отступать до тех пор, пока не дойдут [4] до чего-то известного. Ибо часто, хотя дано все определение, еще не ясно искомое, но оно становится совершенно ясным, когда дают определение вместо какого-то из имен, содержащихся в определении.

Далее, следует самому образовать из проблемы положение, а затем возражать [против него], ибо возражение будет доводом против тезиса. Этот топ почти совпадает с топом, состоящим в рассмотрении [отдельных вещей], о которых утверждают, что нечто или присуще им всем, или ни одной не присуще. Однако этот топ отличается способом выражения.

Далее, следует различать, что́ до́лжно называть так, как называет большинство людей, и что́ — нет. Ибо это полезно и для обоснования, и для опровергания. Так, вещи следует называть теми именами, какими пользуется большинство людей, но [когда выясняют], какие вещи суть такого-то рода или не такого рода, то уже не нужно следовать большинству людей; например, здоровым нужно называть то, что́ содействует здоровью, как говорит большинство людей,

но способствует ли то, о чем идет речь, здоровью или нет, следует уже указать не так, как большинство людей, а как врачеватель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Топы, касающиеся многозначности слов*]

Далее, если о чем-то говорится в различных значениях, все равно, присуще ли положенное или не присуще, доказательство должно касаться одного из значений сказанного, если нельзя доказывать в отношении обоих. Этим топом следует, однако, пользоваться, когда многозначность скрыта. В самом деле, если бы многозначность не была [для собеседника] скрыта, то он возражал бы, что спорят не о том, что́ он сам подверг сомнению, а о другом. Этот топ пригоден и для обоснования, и для опровержения. Когда мы хотим что-то обосновать, мы докажем, что, взятое в одном значении, [данное] присуще, если не можем доказать, что оно присуще в том и другом значении. Когда же мы что-то опровергаем, мы докажем, что, взятое в одном значении, [данное] не присуще, если мы не можем доказать, что оно не присуще в том и другом значении. Однако опровергающему вовсе не следует рассуждать на основании договоренности, все равно, идет ли речь о том, что [данное] всем присуще, или о том, что оно не присуще ни одному. Ибо когда мы докажем, что оно не присуще ни одному, мы опровергнем, что оно всем присуще. И точно так же, когда мы докажем, что оно одному присуще, мы опровергнем, что оно ни одному не присуще [1]. Тому же, кто обосновывает что-то, следует заранее договориться [с собеседником], что если [данное] кому бы то ни было присуще, то оно всем присуще, поскольку это требование обоснованно. Ибо для того чтобы доказать, что нечто всем присуще, 110b
было бы недостаточно рассуждать по поводу одного [случая] [2]. Например, если душа человека бессмертна, то это еще не значит, что всякая душа бессмертна. Так что следует заранее договориться, что если какая бы то ни было душа бессмертна, то всякая душа бессмертна. Однако не всегда следует поступать именно так, а лишь тогда, когда мы не в состоянии привести один довод, общий для всех случаев, в отличие от геометра, [доказывающего доводом, общим для всех

случаев], что треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым и т. д.

Если же многозначность не скрыта, то следует разобрать, в скольких значениях говорится о чем-то, и опровергнуть или обосновать его [в каждом значении]. Так, если надлежащее есть полезное или прекрасное, то следует попытаться обосновать или опровергнуть относительно него то и другое, например что надлежащее есть прекрасное и полезное или что оно не есть ни прекрасное, ни полезное. Если же нельзя доказать то и другое, то следует доказать одно из них, отмечая, что одно есть надлежащее, а другое нет. То же самое рассуждение верно и для случая, если разбираемое имеет больше значений.

Далее следует рассмотреть то, что́ многозначно не как одноименное, а другим образом. Например, одна наука изучает многое или как наука о цели и о [средствах] для цели (например, врачебное искусство есть знание о содействии здоровью и о том, какой образ жизни вести), или как наука о двух целях, каковой называется одна и та же наука, изучающая противоположности (ибо одна из них есть для этой науки цель не больше, чем другая), или как наука о том, что [присуще] само по себе, и о том, что [присуще] как привходящее; например, само по себе [присуще] то, что треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, а как привходящее — что равносторонний треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, ибо в силу того, что равностороннему треугольнику случается быть треугольником, мы знаем, что он имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым. Таким образом, если ни в каком смысле невозможно, чтобы наука о многом была одной и той же, то ясно, что ей вообще невозможно быть такой; если же это в каком-то смысле возможно, то ясно, что она может быть такой. Различать же значения следует настолько, насколько это полезно. Если мы хотим, например, обосновать что-то, то следует приводить такие значения, какие допустимы, а различать следует только те, что полезны для обоснования. Если же мы хотим опровергнуть что-то, то [следует приводить такие значения], какие недопустимы, а остальные следует оставлять без внимания. Делать это следует и тогда, когда [собеседнику] остается неизвестной многознач-

ность. А касается ли вот это этого (einai tode toyde) или нет,— это следует обосновать при помощи этих же топов. Например, вот эта наука касается этого как цели, или как [средств] для цели, или как привходящего для него, или, наоборот, она не касается его ни одним из указанных способов. То же самое можно сказать и о желании и обо всем другом многозначном. В самом деле, желание вот этого касается цели (например, здоровья), или [средств] для цели (например, желание употреблять лекарства), или чего-то привходящего, как, например, любитель сладкого желает вина не потому, что оно вино, а потому, что оно сладкое, ибо он желает сладкого самого по себе, а вина — как чего-то привходящего [для сладкого]. Ведь если вино терпкое, он его не желает. Стало быть, он желает его как нечто привходящее [для сладкого]. Этот топ полезен для рассмотрения отношений. Ибо почти все такие случаи суть случаи отношений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[Другие топы. Замена менее понятного слова более понятным. Отношение между родом и видом]

Далее полезна замена одного имени другим, более понятным, например вместо «тщательное» в ответах употребить «точное» и вместо «суетливость» — «хлопотливость» [1], ибо, чем более понятным становится сказанное, тем легче спорить против тезиса. И этот топ применим для того и другого — и для обоснования, и для опровергания.

А для того чтобы показать, что одному и тому же присущи противоположности, следует обратить внимание на его род, например если мы хотим показать, что в чувственном восприятии возможны и правильность и ошибочность, а именно: чувственное воспринимание есть различение, а различать можно правильно и неправильно; стало быть, при чувственном восприятии возможны правильность и ошибочность. Таким образом, доказательство относительно вида дается здесь на основании рода [2], ведь различение есть род для чувственного восприятия, ибо воспринимающий чувствами каким-то образом различает [3]. Можно, наоборот, от вида заключать к роду, ибо то, что́ вид содержит, содержит и род [4]. Например, если бывает плохое и хорошее знание, то

бывает и плохое и хорошее состояние [ума], ведь состояние [ума] есть род для знания. Стало быть, первый из этих топов для обоснования ошибочен, а второй — верен. В самом деле, не необходимо, чтобы то, что́ род содержит, содержал и вид[5]. Ведь живое существо, [например], бывает крылатым и четвероногим, человек же нет. Однако то, что́ вид содержит, необходимо содержит и род. Действительно, если есть, [например], хороший человек, значит есть и хорошее живое существо. Для опровергания же первый топ верен, а другой ошибочен. Ведь то, что́ род не содержит, не содержит и вид[6]. Однако не необходимо, чтобы то, что́ вид не содержит, не содержал род[7].

Но так как о том, о чем сказывается род, необходимо сказывается и какой-нибудь из его видов[8] и так как все то, что обладает родом, или обозначено [словом], производным от этого рода, необходимо обладает одним из его видов или обозначено [словом], производным от одного из его видов (например, если о ком-нибудь сказывается знание, то о нем сказывается и умение читать и писать, или искусство музыки, или какой-нибудь из остальных [видов] знания; или если кто-то обладает 111b знанием или обозначен [словом], производным от «знания», то он также будет обладать умением читать и писать, или искусством музыки, или каким-нибудь из остальных [видов] знания, или обозначен [словом], производным от одного из них, например «умеющий читать и писать» или «искусный в музыке»), то, если какое-нибудь высказывание содержит нечто производное от [названия] рода, например что душа движется[9], следует рассмотреть, может ли душа двигаться по какому-нибудь из видов движения, например увеличиваться, или гибнуть, или рождаться, или двигаться согласно какому-нибудь другому виду движения. Ведь если она не движется ни по какому из видов движения[10], то ясно, что она [вообще] не движется. Этот топ применим и для того и другого — для опровергания и обоснования. В самом деле, если душа движется по одному из видов движения, то ясно, что она [вообще] движется[11], и если она не движется ни по одному из видов, то ясно, что она [вообще] не движется.

Тот, у кого нет достаточно доводов против тезиса, должен его рассматривать, исходя из определений обсуждаемого предмета — действительных или кажущих-

ся действительными, и если не при помощи одного, то при помощи многих определений. Ведь легче приводить доводы тому, кто дал определения, ибо легче приводить доводы относительно определений.

Следует также обратить внимание на обсуждаемый предмет, при существовании чего он существует или чтó необходимо существует, если он существует. Тот, кто хочет что-то обосновать, должен рассмотреть, при существовании чего будет существовать обсуждаемый предмет (ибо, если доказано, что то налицо, будет доказано и существование обсуждаемого предмета [12]). Тот же, кто хочет что-то опровергнуть, должен рассмотреть, чтó же существует, если существует обсуждаемый предмет, ибо если мы докажем, что то, что следует из обсуждаемого предмета, не существует, то мы опровергнем и обсуждаемый предмет [13].

Далее, следует обратить внимание на время, нет ли где-нибудь несогласованности, например если кто-нибудь сказал, что питающееся необходимо растет. Ведь живые существа всегда питаются, но растут они не всегда. И точно так же — если кто-нибудь сказал, что знание есть воспоминание [14], ибо воспоминание относится к прошедшему времени, а знание — также к настоящему и будущему. В самом деле, мы говорим, что знаем настоящие и будущие события (например, что будет затмение [Солнца]), а вспоминать мы можем только прошедшее.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[Применение способа софистов. Опровержение положения через опровержение его следствий]

Далее, существует софистический способ [опровержения] — подводить [собеседника] к такому [утверждению], против которого имеем достаточно доводов. Иногда это будет необходимо, иногда только покажется необходимым, иногда не покажется необходимым и не будет необходимым. А именно: это необходимо, когда отвечающий, отрицая что-то полезное для нападок на тезис, выдвигает против этого положение, а оно оказывается таким, против которого имеется достаточно доводов. И точно так же это необходимо, когда [вопрошающий] после того, как он на основе положенного 112a
придет к какому-то [заключению] через наведение,

стремится опровергнуть [это заключение], ибо, опровергая его, опровергают и положенное. Софистический способ кажется необходимым, когда то, относительно чего приводят доводы, кажется полезным и пригодным для тезиса, но [в действительности] не таково, все равно, отрицают ли то, что поддерживает положение, или [вопрошающий] после того, как он на основании тезиса сделает через правдоподобное наведение умозаключение относительно тезиса, пытается его опровергнуть. Третий случай применения софистического способа — это когда то, относительно чего приводят доводы, не необходимо и не кажется необходимым, но только посредством него удается опровергнуть отвечающего ложными[1] рассуждениями. Последнего из указанных приемов следует избегать, ибо он, по-видимому, вовсе не имеет никакого отношения к диалектике и чужд ей. Поэтому и отвечающий не должен придираться, а должен принимать бесполезное для нападок на тезис, указывая, что хотя он этого не одобряет, но тем не менее принимает. Ибо большей частью бывает, что вопрошающие испытывают больше затруднений в споре, когда с ними во всем таком соглашаются, поскольку этим они ничего не достигают.

Далее, всякий, кто сказал что-то, в некотором смысле сказал многое, так как из каждого [положения] необходимо следует многое. Например, тот, кто сказал, что это человек, сказал также, что он существо живое, и одушевленное, и двуногое, и способное мыслить и познавать. Так что если опровергнуто одно из этих следствий, становится опровергнутым и первоначально [предположенное[2]]. Однако необходимо также остерегаться заменять одно другим, более трудным. Ибо в одних случаях легче опровергать следствие, а в других — само обсуждаемое.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Топы для случая, когда предмету присуще лишь одно из противоположных друг другу свойств или состояний. Польза этимологического исследования. Выявление ошибок при смешении необходимо существующего, существующего большей частью и случайного]

Что касается того, чему необходимо присуще только одно из двух (например, человеку — болезнь или здоровье), то если относительно одного из них мы вполне

можем рассуждать, что оно присуще или не присуще, то и относительно другого. Это применимо для обоснования и для опровергания. В самом деле, если мы докажем, что одно из них присуще, то мы этим докажем, что другое не присуще [1]. А когда докажем, что первое из них не присуще, то мы этим докажем, что второе присуще [2]. Стало быть, ясно, что это полезно и для обоснования, и для опровергания.

Далее, следует приводить доводы, указывая на [первоначальный] смысл имени, так как он лучше поясняет, нежели имя в употребляемом значении. Например, eypsychos (отважный) есть не andreios (мужественный), как считают в настоящее время, а ho ey tēn psychēn echōn (тот, кто хорошо управляет душой), подобно тому как eyelpis (преисполненный надежды) означает ton agatha elpidzonta (надеющийся на хорошее). И точно так же eydaimōn (счастливый) — это тот, hoy ho daimōn spoydaios (чья судьба хороша); как говорит Ксенократ [3], счастлив тот, у кого душа добрая, ибо она гений (daimōn) каждого человека.

А так как одни вещи существуют по необходимости, другие — большей частью, а третьи — как приходится [4], то [собеседник] всегда предоставляет удобный случай для нападок, если он необходимо существующее выдает за происходящее большей частью или происходящее большей частью — за необходимо существующее, будь это само происходящее большей частью или противоположное ему. В самом деле, если [собеседник] необходимо существующее выдает за происходящее большей частью, то ясно, что он говорит, что оно не всему присуще, хотя на самом деле оно всему присуще, так что он ошибается. И точно так же — если он про то, что́ обозначается как происходящее большей частью, скажет, что оно необходимо существует, так как в таком случае он говорит, что оно всему присуще, хотя на самом деле оно не всему присуще. И точно так же — если противоположное тому, что бывает большей частью, он выдает за необходимо существующее, ведь противоположным тому, что бывает большей частью, всегда называют то, что бывает более редко. Например, если люди большей частью плохие, то хорошие люди встречаются более редко, так что [собеседник] еще больше ошибается, когда говорит, что люди по необходимости хороши. И таким же образом ошибаются, когда

случайное выдают за необходимо существующее или за происходящее большей частью. Ведь случайное не есть ни необходимо существующее, ни происходящее большей частью. А когда [собеседник] не уточнил, говорил ли он о предмете как о происходящем большей частью или как о необходимо существующем, а [на самом деле предмет] существует большей частью, то можно с ним спорить, как будто он говорил, что этот предмет необходимо существует. Например, если он, не уточнив, утверждает, что лишенные наследства суть дурные люди, то можно с ним спорить, как будто он утверждал, что они дурные по необходимости.

Далее следует выяснить, не выдают ли нечто за иное — за привходящее для самого этого нечто — из-за того, что имя разное, подобно тому как Продик[5] разделил удовольствие на радость, наслаждение и веселье; на самом же деле все они названия одного и того же — удовольствия. Следовательно, если кто-то говорит, что радости случается быть весельем, то он говорит, что она привходящее для самой себя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[Разбор противоположных друг другу положений]

А так как противоположности сочетаются шестью способами, а противоположение получается при сочетании четырьмя способами, то противоположности следует брать так, чтобы это было полезно и для опровергающего, и для обосновывающего. А что противоположности сочетаются шестью способами[1],— это ясно. А именно, каждое из противоположных [сказуемых] сочетается с каждым из противоположных [подлежащих] (и это происходит двояко, например делать друзьям добро и делать врагам зло, или, наоборот, друзьям — зло, а врагам — добро). Или если бы и то и другое сочеталось с одним, то и это происходило бы двояким образом (например, делать друзьям добро и делать друзьям зло или делать врагам добро и делать врагам зло). Или наконец, одно сочетается с тем и другим (и это также происходит двояко, например делать друзьям добро и врагам добро или делать друзьям зло и врагам зло).

113a Итак, первые два сочетания не образуют противоположения, ибо делать друзьям добро и делать врагам

зло не противоположны друг другу — ведь и то и другое желательно, они [действия] одного и того же нрава. Делать друзьям зло и делать врагам добро также не противоположны друг другу, ибо и того и другого следует избегать, они также [действия] одного и того же нрава. Ведь не думают, что избегаемое противоположно избегаемому, разве только в случае, когда об одном говорится как об избегаемом из-за чрезмерности, а о другом — из-за недостаточности. Ибо чрезмерность принадлежит, очевидно, к тому, чего следует избегать, точно так же как и недостаточность [2]. Все же остальные виды сочетания образуют противоположение. Действительно, делать друзьям добро и делать друзьям зло противоположны друг другу, ведь они исходят из противоположных нравов — одно желательно, другое нежелательно. И точно так же в остальных случаях. Ибо в каждой паре одно желательно, а другое нежелательно и одно относится к доброму нраву, а другое — к плохому. Итак, из сказанного ясно, что одному и тому же бывает противоположно больше чем одно. Действительно, «делать друзьям добро» противоположны и «делать врагам добро», и «делать друзьям зло». И точно так же, если рассматривать тем же способом, обнаружится, что каждому из остальных противоположны два. Стало быть, из противоположностей следует брать ту, которая полезна для [опровергания или обоснования] тезиса.

Далее, если нечто противоположно привходящему, то следует выяснить, не присуще ли оно тому, чему, как сказано [3], присуще привходящее. Ибо если оно присуще, тогда то не может быть присуще. Ведь невозможно, чтобы противоположности были в одно и то же время присущи одному и тому же [4].

Или следует выяснить, не сказано ли о чем-то нечто такое, что если бы оно было, то ему были бы необходимо присущи и противоположности [5], например если говорят, что идеи находятся в нас. Ибо в таком случае получилось бы, что они и движутся и покоятся и, далее, что они воспринимаемы чувствами и постигаемы умом. В самом деле, те, кто признает идеи, считают идеи покоящимися и постигаемыми умом. Однако, если они находятся в нас, они не могут быть неподвижными. Ибо если мы движемся, то необходимо двигаться вместе с нами всему, что находится в нас. Ясно также, что идеи воспринимаемы чувствами, если они действитель-

но находятся в нас. Ибо форму, находящуюся в каждой вещи, воспринимаем зрительно.

Далее, если положено привходящее, которому нечто противоположно, то надо выяснить, доступно ли [вещи] и противоположное [привходящему], так же как и само привходящее. Ведь противоположности доступны одному и тому же. Например, если бы сказали, что из [наличия] гнева следует [наличие] ненависти, то ненависть должна была бы находиться в страстной части души, ибо в ней находится гнев. Таким образом, надо выяснить, не находится ли в страстной части души и то, что противоположно [ненависти]. Ибо если любовь находится не [в страстной], а в вожделеющей части души, то из [наличия] гнева не может следовать [наличие] ненависти. И точно так же, если бы сказали, что вожделеющая часть души не имеет касательства к знанию. Ибо ей тогда было бы доступно и знание, если только ей доступно незнание; однако не представляется верным, чтобы вожделеющей части души было доступно знание. Итак, этот топ полезен, как было сказано, для опровергающего. Тому же, кто утверждает, что привходящее присуще, этот топ не полезен, но тому, кто утверждает, что привходящее *возможно* присуще, он полезен. В самом деле, когда мы докажем, что противоположное [привходящему] недоступно [вещи], нами будет доказано, что привходящее не присуще и не может быть присуще. Если же мы докажем, что ей противоположное присуще или что оно ей доступно, то нами еще не будет доказано, что и привходящее присуще, а будет только доказано, что оно возможно присуще[6].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[Четыре вида противопоставления.
Топы для использования обратного следования]

Так как имеется четыре вида противопоставления, то надо рассматривать противоречия на основании обратного следования — и при опровергании, и при обосновании, а [доводы] следует брать при помощи наведения. Например, если человек — живое существо, тогда то, чтó не есть живое существо, не есть человек. И точно так же и в других случаях. Действительно, здесь следование обратное. Ибо из бытия человеком следует

бытие живым существом, но из небытия человеком не следует небытие живым существом, а, наоборот, из небытия живым существом следует небытие человеком. Итак, во всех такого рода случаях надо это считать правильным. Например, если красивое приятно, то неприятное не красиво[1]. Если же последнее не[правильно], то и первое не[правильно][2]. И точно так же если неприятное некрасиво, то красивое приятно[3]. Стало быть, ясно, что обратное следование по противоречию годится для того и другого[4].

И при опровергании и при обосновании надо обратить внимание на противоположности, не следует ли из противоположного противоположное, или прямо, или обратно[5]. И в таких случаях надо брать [доводы] при помощи наведения, насколько это полезно. Следование прямое — например, для мужества и трусости. А именно, из одного следует добродетель, из другого — порок, и из первого следует предпочитаемое, а из второго — избегаемое. Стало быть, и у них следование прямое, ибо предпочитаемое противоположно избегаемому. И точно так же в других [подобных] случаях. Следование обратное — например, из наличия хорошего самочувствия следует наличие здоровья, но из плохого самочувствия болезнь не следует, а, наоборот, из наличия болезни следует наличие плохого самочувствия. Таким образом, ясно, что в этих случаях следование обратное. Однако обратное следование редко бывает у противоположностей, а большей частью следование здесь прямое. Стало быть, если из противоположного не следует противоположного ни прямо, ни обратно, то ясно, что у того, о чем речь, из одного не следует другое. Если же из одного следует другое у противоположностей, то и у того, о чем речь, из одного необходимо следует другое.

Подобно противоположностям надо рассмотреть и лишенность и обладание, только в случаях лишенности не бывает обратного следования, а следование всегда необходимо прямое, как, например, из наличия зрения необходимо следует наличие чувственного восприятия, а из наличия слепоты — отсутствие чувственного восприятия. Ведь чувственное восприятие противолежит отсутствию его как обладание и лишенность, ибо одно из них есть обладание, а другое — лишенность.

Точно так же как обладание и лишенность, следует рассматривать соотнесенное, ибо и здесь следование прямое. Например, если тройное есть большее в несколько раз, то треть — меньшее в столько же раз. Ведь тройное относится к трети, как то, что в несколько раз больше, к тому, что в несколько раз меньше [6]. Далее, если познание есть постижение, то познаваемое есть постигаемое, и если зрение есть чувственное восприятие, то зримое есть чувственно воспринимаемое. Возможно возражение, что следование у соотнесенного не необходимо бывает таким, как указано, ибо чувственно воспринимаемое есть познаваемое, но чувственное восприятие не есть знание. Но это возражение нельзя считать правильным, ибо многие отрицают, что есть знание о чувственно воспринимаемом. Далее, сказанное не менее полезно для [доказательства] противоположного, например для [доказательства] того, что чувственно воспринимаемое не есть познаваемое, так как и чувственное восприятие не есть знание.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[Топы, касающиеся однорядного и словоизменения, а также возникновения и уничтожения]

Далее следует обратить внимание на однорядное и словоизменение — и при опровергании, и при обосновании. Однорядными называют такие, как, например, справедливое и справедливый, [они стоят в одном ряду] со справедливостью, или мужественное и мужественный — с мужеством. Точно так же способное производить или сохранять стоит в одном ряду с тем, что́ именно оно способно производить или сохранять, например здоровое — со здоровьем и способствующее хорошему самочувствию — с хорошим самочувствием. И таким же образом дело обстоит в других [подобных] случаях. Итак, однорядным обычно называют именно такое, как перечисленное, а словоизменением — такое, как, например, справедливо, или мужественно, или здо́рово и все, о чем говорится таким же образом. Считают, что и подвергнутое словоизменению есть однорядное, как, например, «справедливо» — в одном ряду со «справедливостью», «мужественно» — с «мужеством». Но

однорядным называется все принадлежащее к одному и тому же ряду, например справедливость, справедливый, справедливое, справедливо. Таким образом, ясно, что если относительно чего-то одного из однорядного доказано, что оно хорошо и достойно похвалы, то и относительно всего остального будет доказано [то же 114b самое]. Например, если справедливость достойна похвалы, то и справедливый, и справедливое, и [поступать] справедливо также достойны похвалы. А «достойно похвалы» образуется при помощи одного и того же изменения окончания — от «достойное похвалы», как и «справедливо» — от «справедливость».

Следует обратить внимание не только на указанное, но и на отношение между противоположным [одному] и противоположным [другому]; например, благо не необходимо приятно, потому что и зло не необходимо неприятно, или если зло необходимо неприятно, то и благо необходимо приятно. И если справедливость означает знание, то несправедливость — незнание, и если [поступать] справедливо означает [поступать] со знанием дела и согласно опыту, то [поступать] несправедливо означает [поступать] с незнанием дела и по неопытности [1]. Если же последнее не[правильно], то и первое [неправильно], как и в предыдущем случае, ведь кажется, что [поступать] несправедливо означает скорее [поступать] согласно опыту, чем по неопытности. Этот топ указывался раньше в случаях следования у противоположностей [2]. Действительно, в данном случае мы только утверждаем, что из противоположного [одному] следует противоположное [другому].

Далее надо обратить внимание — и при опровергании, и при обосновании — на возникновение и уничтожение, на способное производить и уничтожать. А именно, то, возникновение чего есть что-то хорошее, само хорошо, и если оно само хорошо, то также и возникновение его. Если же возникновение вещи есть нечто плохое, то и сама она плоха. С уничтожением же дело обстоит наоборот. А именно, если уничтожение вещи хорошо, то сама вещь есть плохое, а если уничтожение вещи есть плохое, то сама она есть хорошее. Точно так же обстоит дело и с тем, что способно производить и уничтожать. Действительно, то, что производит хорошее, само хорошо, а то, что уничтожает хорошее, само плохо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Топы, касающиеся сходного и присущего в большей, в меньшей и в одинаковой мере*]

Далее следует рассматривать сходные [вещи]: не обстоит ли дело с ними сходным образом? Например, если есть одна [и та же] наука о многом, то есть и одно [и то же] мнение о многом, и если обладать зрением — значит зреть, то обладать слухом — значит слышать. И точно так же в других таких случаях — и в тех, когда сходство действительно имеется, и в тех, когда только кажется, что оно имеется. А полезен этот топ и для опровергания, и для обоснования. Действительно, если так обстоит дело с какой-нибудь одной из сходных [вещей], то так же и со всеми остальными сходными [вещами], а если с какой-нибудь из них дело обстоит не так, то и с остальными не так. Следует также выяснить, не обстоит ли дело со многими так же, как с одним. Иногда здесь бывает несогласованность. Например, если знать означает размышлять, то и много знать означает много размышлять. Однако это не верно, ибо знать можно много, не размышляя много. Следовательно, если это [предположение] не верно, то и первое — об одном — не верно, а именно что знать означает размышлять.

Далее, следует исходить из большего и меньшего. О большем и меньшем имеется четыре топа. Первый [применим], когда большее следует большему. Например, если удовольствие благо, то большее удовольствие — большее благо. И если совершать несправедливость — зло, то совершать бóльшую несправедливость — большее зло. Полезен этот топ и для обоснования, и для опровергания. В самом деле, если, как мы говорили, прирост привходящего следует приросту вещи, то ясно, что оно ее привходящее; если же прирост привходящего не следует [приросту вещи], то оно не ее привходящее. Это надо устанавливать с помощью наведения. Другой топ [применим], когда одно приписывается двум: если оно не присуще тому, чему оно в большей мере кажется присущим, то оно не присуще и тому, чему оно в меньшей мере кажется присущим; и если оно присуще тому, чему оно в меньшей мере кажется присущим, то оно присуще и тому, чему оно в большей мере кажется присущим. Опять же, когда два приписываются одному,

[применим следующий топ]: если не присуще то, что в большей мере кажется присущим, то не присуще и другое, которое в меньшей мере кажется присущим; если же присуще то, что в меньшей мере кажется присущим, то присуще также и другое, которое в большей мере кажется присущим. Далее, когда два приписываются двум, [применим следующий топ]: если одному не присуще то, что в большей мере кажется присущим ему, то и другое также не присуще другому; если же одному присуще то, что в меньшей мере кажется присущим ему, то и другое присуще другому.

Далее, из того, что присуще или кажется присущим в равной мере, следует исходить трояко, подобно тому как сказано было о трех топах относительно большего, а именно: когда нечто одно присуще или кажется присущим двум в равной мере, [применим следующий топ]: если оно одному из них не присуще, то оно не присуще и другому; если же оно одному присуще, то и другому. Когда два в равной мере присущи одному и тому же, [применим другой топ]: если одно ему не присуще, то и другое не присуще; если же одно присуще, то и другое. Таким же образом [применим третий топ], когда два в равной мере присущи двум, а именно: если одно одному не присуще, то и другое другому не присуще, а если одно одному присуще, то и другое другому присуще.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[Топы, касающиеся прибавления, а также присущего в каком-то отношении, в каком-то месте, в какое-то время и присущего просто]

Итак, из того, чтó присуще в большей мере, в меньшей и в равной мере, можно приводить доводы столькими способами, [сколько нами указано]. Но кроме того, можно исходить из прибавления[1]. Когда, например, одно, прибавленное к другому, делает последнее хорошим или белым, в то время как вначале оно не было ни хорошим, ни белым, то прибавленное есть хорошее или белое, совершенно такое же, каким оно делает целое. Если прибавленное к уже присущему делает вещь в большей мере такой, какой она была, то оно и само будет таким. И точно так же в других [подобных] случаях. Этот топ применим не для всех

случаев, а лишь для тех, где по большей части получается преобладание. Но он непригоден для опровергания. В самом деле, если прибавленное не делает целое хорошим, то еще не ясно, нехорошее ли само это прибавленное. Ведь хорошее, прибавленное к плохому, не обязательно делает целое хорошим, и белое, [прибавленное] к черному, также не обязательно делает [целое] белым.

Далее, если что-то к чему-то относится в большей или в меньшей мере, то оно присуще ему и вообще. Действительно, о том, что не хорошо (или не бело), нельзя и сказать, что оно более хорошее (или более белое) или менее хорошее (или менее белое). Ведь ни о чем плохом нельзя сказать, что оно более хорошее или менее хорошее, а можно сказать только то, что оно плохое в большей или в меньшей мере. Этот топ также не пригоден для опровергания. В самом деле, многое, о чем нельзя говорить, что оно присуще в большей или в меньшей мере, вообще-то присуще. Ведь нельзя говорить, что человек есть человек в большей или в меньшей мере, но отсюда не следует, что человек не существует [2].

Таким же образом надо рассматривать то, что присуще в каком-то отношении, когда-то и где-то, ибо если нечто возможно в каком-то отношении, то оно возможно вообще. И так же обстоит дело с тем, что возможно когда-то и где-то. В самом деле, то, что вообще невозможно, невозможно ни в каком отношении, никогда и нигде. Можно возразить, что есть люди, от природы хорошие только в каком-то отношении, например щедрые или сдержанные, в то время как от природы нет хороших людей во всех отношениях (haplōs). И точно так же нечто подверженное гибели может в какое-то время не погибнуть, хотя вообще-то оно не может не погибнуть. Точно так же где-то полезно вести такой-то и такой-то предписываемый врачевателем образ жизни, например в нездоровых местах, хотя вообще-то этот образ жизни не полезен. Далее, где-то может существовать один-единственный, но вообще-то невозможно, чтобы существовал один-единственный. Таким же образом где-то приличествует приносить в жертву отца, как, например, у трибаллов [3], но вообще это не приличествует. (Или возможно, пример этот указывает, что [это приличествует] не «где», а «некоторым». Ведь без-

различно, где они могут быть, ведь везде им приличествует приносить в жертву отца, если они трибаллы.) Далее, в какое-то время полезно принимать лекарство, например когда болеют, вообще же нет. (Или может быть, и этот пример указывает не «когда», а «находящееся в каком-то состоянии». Ведь безразлично, в какое время болеют, если только находятся в таком состоянии.) Вообще бывает то, о чем без какой-либо оговорки можно сказать, что оно, [например], приличествует или не приличествует. Ты не скажешь, например, что приличествует приносить отца в жертву, но для определенных людей это приличествует. Следовательно, это приличествует не вообще. Скажут, однако, без всякой оговорки, что приличествует почитать богов, ибо это приличествует вообще. Таким образом, о том, чтó считается без всякой оговорки приличествующим, или постыдным, или чем-то другим в этом роде, можно будет говорить, что оно таково вообще.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Топы для выяснения вопроса о том, какие предметы более желательны и лучше*]

116a Вопрос о том, которая из двух или многих вещей предпочтительнее или лучше [1], должен рассматриваться на основании следующего. Прежде всего пусть будет указано, что рассмотрению подлежат здесь не вещи, далекие друг от друга и сильно различающиеся между собой (ведь никто не сомневается в том, например, что́ предпочтительнее — счастье или богатство), а вещи, близкие друг к другу и относительно которых мы сомневаемся, какой из них отдать предпочтение, так как не видно преимущества одной перед другой. Таким образом, относительно такого рода вещей ясно, что после того, как укажут или одно, или много преимуществ одной перед другой, мысль согласится, что та из них предпочтительнее, которая имеет какое-то преимущество.

Итак, прежде всего более длительное и более прочное предпочтительнее того, что таково в меньшей степени, а также то, что предпочитает благоразумный или хороший человек или справедливый закон [2], или то, что́ люди дельные во всем предпочитают, как таковые, или то, что́ предпочитают люди, сведущие в каждой отдельной области,— или большинство из них, или все, например во врачебном (или строительном) искусстве — то, что́ предпочитают большинство врачевателей или все, или вообще то, что́ предпочитают большинство, или все, или всё, например благо, ибо все стремится к благу [3]. Однако для обсуждения должно быть принято во внимание то [из перечисленного], что́ полезно [для того или другого случая]. Вообще лучше и предпочтительнее то, что́ согласно с лучшим знанием, а для отдельного человека — то, что́ согласно с его собственным знанием.

Далее, то, что́ нечто есть в существе своем, лучше и предпочтительнее того, что не принадлежит к роду, как, например, справедливость предпочтительнее справедливого, ибо первое принадлежит к роду блага, другое же нет; кроме того, первое есть в существе своем благо, другое же нет. Ведь ни о чем, что не принадлежит к [данному] роду, не говорят, что оно в существе своем есть род. Например, бледный человек в существе своем не есть цвет. И точно так же в других случаях.

И то, что желательно ради него самого, предпочтительнее того, что желательно ради другого; например, быть здоровым предпочтительнее, чем упражняться, так как первое желательно само по себе, а другое — ради чего-то другого. И точно так же то, что желательно само по себе, предпочтительнее того, что желательно привходящим образом; например, справедливость друзей предпочтительнее справедливости врагов. В самом деле, первое желательно само по себе, второе же — как привходящее. Ведь мы желаем, чтобы [наши] враги были справедливы, по сопутствующим соображениям (kata symbebēkos) — для того, чтобы они нам не причиняли вреда. Этот [топ] — тот же, что и предыдущий, он отличается от него лишь внешне. В самом деле, справедливости друзей мы желаем ради нее самой и в том случае, если от этого не будем иметь никакой пользы, даже если бы они были в Индии. А чтобы враги были справедливы, мы желаем ради чего-то другого — чтобы они нам не причиняли вреда.

116b А то, что́ само по себе есть причина блага, предпочтительнее того, что́ есть причина его привходящим образом, как, например, добродетель предпочтительнее удачи (ибо первое само по себе есть причина блага, а второе — привходящим образом). Точно так же обстоит дело с противоположным [благу]. Действительно, того, что́ само по себе есть причина зла, следует больше избегать, чем того, что́ есть причина зла привходящим образом. Например, порок менее желателен, чем несчастный случай, ибо первое само по себе зло, а несчастный случай — привходящим образом.

И то, что вообще хорошо, предпочтительнее того, что хорошо для кого-то одного. Например, быть здоровым предпочтительнее, чем подпасть под нож врачевателя, ибо первое вообще хорошо, а второе — для кого-нибудь, кто нуждается во вмешательстве врачевателя.

И точно так же то, что хорошо от природы, предпочтительнее того, что хорошо не от природы; например, справедливость предпочтительнее справедливого, ибо первая хороша от природы, другое — приобретенное [4]. И точно так же предпочтительнее то, что присуще лучшему и более чтимому; например, присущее богу предпочтительнее присущего человеку, и присущее душе — присущего телу. И точно так же то, что́ есть собственное для лучшего, лучше того, что́ есть собственное для худшего; например, собственное для бога лучше того, что́ есть собственное для человека. Ведь по тому, что обще им обоим, их различать нельзя, а тем, что́ есть для них собственное, один превосходит другого. И точно так же лучше то, что содержится в лучшем, или в том, что первее, или в более достойном; например, здоровье лучше, чем сила и красота, ибо первое содержится во влажном и сухом, в теплом и холодном [5], словом, в первоосновах, из которых состоит живое существо, а вторые — в последующем, ибо сила — в жилах и костях, а красотой считается определенная соразмерность членов. И точно так же цель, по-видимому, предпочтительнее того, что направлено к цели, а из двух [средств] — то, которое ближе к цели. И вообще то, что служит цели жизни, предпочтительнее того, что служит для чего-то другого, как, например, то, что направлено к счастью, предпочтительнее того, что направлено к рассудительности. И точно так же возможное предпочтительнее невозможного. Далее, из двух действующих предпочтительнее то, что преследует лучшую цель. Если же речь идет о действующем и цели, то [превосходство следует определить] на основании соотношения между ними: превосходит ли одна цель другую цель больше, чем эта последняя цель превосходит то, что к ней приводит. Например, если предпочитают счастье здоровью в большей мере, чем здоровье — тому, что содействует здоровью, то в этом случае то, что приводит к счастью, выше здоровья. Ибо в какой мере счастье превосходит здоровье, в такой же мере то, что приводит к счастью, превосходит то, что содействует здоровью; здоровье же, как мы видели, превосходит то, что содействует здоровью, в меньшей мере, так что то, что приводит к счастью, превосходит то, что содействует здоровью, в большей мере, чем здоровье — то, что содействует здоровью. Таким образом,

ясно, что то, что приводит к счастью, предпочтительнее здоровья, так как оно то же самое превосходит в большей мере.

Далее, предпочтительнее то, что само по себе более прекрасно, более чтимо и более достойно похвалы; например, дружба предпочтительнее богатства, а справедливость — силы. Ибо первые сами по себе чтимы и достойны похвалы, а вторые — не сами по себе, а ради чего-то другого. В самом деле, никто не ценит богатство 117a
ради богатства, а ценят его ради чего-то другого, дружба же сама по себе ценится, даже если ничего другого мы от нее иметь не намерены.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Топы для выяснения вопроса о том, какие предметы более желательны и лучше (продолжение)*]

Далее, когда две вещи очень сходны между собой и мы не в состоянии разглядеть преимущество одной перед другой, надо выяснить, что из них следует. Ибо то, из чего следует более хорошее, предпочтительнее. А если следствия той и другой плохие, тогда предпочтительнее та, из которой следует плохое в меньшей степени. В самом деле, когда обе вещи желательны, ничто не мешает, чтобы они имели своим последствием нечто неприятное. Рассмотрение, исходящее из следования, двояко, ибо в следовании есть предшествующее и последующее; например, у учащегося незнание — предшествующее, а знание — последующее. Большей же частью лучше то, что следует позже. Стало быть, [в споре] надо брать то из следствий, которое полезно.

Далее, большее число благ предпочтительнее меньшего числа — или вообще, или тогда, когда одни находятся в других, а именно менее многочисленные — в более многочисленных. Возможно возражение в том случае, когда одно желательно ради другого, ведь тогда оба не предпочтительнее одного из них, как, например, выздоровление и здоровье не предпочтительнее [одного только] здоровья, так как мы желаем выздороветь ради здоровья. И точно так же ничто не мешает, чтобы то, что́ не есть благо, было [вместе с тем, что есть благо], предпочтительнее [одного только] блага; например, счастье вместе с чем-то другим, что́ не есть благо, предпочтительнее справедливости и мужества. Точно так

же нечто, сопровождаемое удовольствием, лучше, чем то же самое без удовольствия. Равным образом нечто, не сопровождаемое печалью, лучше, чем то же самое, сопровождаемое печалью.

И точно так же каждая вещь предпочтительнее в то время, в какое она более значима; например, жизнь без печалей в старости предпочтительнее, чем в молодости, ибо она более значима для человека в старости. Поэтому и рассудительность предпочтительнее в старости, ведь никто не выбирает предводителями молодых людей, так как не считают их рассудительными. С храбростью дело обстоит наоборот. Ведь проявление храбрости более необходимо в молодости. И точно так же с умеренностью, ведь молодые люди охвачены страстями больше, чем старые.

Предпочтительнее также то, что более полезно во всякое время или в течение более длительного времени; например, справедливость и умеренность предпочтительнее храбрости, ибо они полезны всегда, а последняя — временами. И точно так же то, при наличии чего мы не нуждаемся в другом, когда все им обладают, предпочтительнее того, при наличии чего мы все еще нуждаемся в другом, когда все им обладают, как, например, в случае со справедливостью и храбростью. В самом деле, когда все справедливы, храбрость не 117b требуется; когда же все храбры, справедливость нужна.

Далее, [следует судить о предпочтительности исходя] из уничтожения, или потери, или возникновения, или приобретения, или противоположностей. А именно, то, уничтожения чего следует избегать в большей мере, предпочтительнее. И то же в отношении потери и противоположностей. В самом деле, то, потери чего и противоположности чему следует избегать в большей мере, само предпочтительнее. С возникновением же и приобретением дело обстоит наоборот. Действительно, то, приобретение и возникновение чего предпочтительнее, само также предпочтительнее.

Другой топ: то, что ближе к хорошему, лучше и предпочтительнее [того, что дальше от него], а также то, что более сходно с хорошим; например, справедливость [ближе к благу], чем справедливый. Так же предпочтительнее то, что более сходно с лучшим, как, например, некоторые говорят, что Аякс лучше Одиссея, потому что имеет большее сходство

с Ахиллом. (Возможно возражение, что сказанное неправильно, так как ничто не мешает тому, чтобы Аякс имел большее сходство с Ахиллом не в том, в чем Ахилл самый лучший, в то время как Одиссей — человек хороший, но не сходен [с Ахиллом].) Надо также смотреть, чтобы установление сходства не доходило до смешного, например если утверждают, что обезьяна похожа на человека, в то время как лошадь не похожа. Ведь обезьяна не красивее [лошади], хотя она более похожа на человека. Далее, если из двух одно более сходно с лучшим, а другое — с худшим, то лучше будет то, что более сходно с лучшим. Но и этот топ допускает возражение, ибо ничто не мешает, чтобы первое было слегка сходно с лучшим, а второе — очень сходно с худшим, как, например, Аякс слегка похож на Ахилла, а Одиссей очень похож на Нестора. И точно так же — если нечто сходно с лучшим в том, что́ есть худшее в нем, а сходное с худшим сходно с ним в том, что́ есть лучшее в нем, как, например, лошадь похожа на осла, а обезьяна — на человека.

Другой топ: более выдающееся предпочтительнее менее выдающегося, а также более трудное, ибо нам дороже то, что достается не легко. И точно так же то, что́ есть собственное в большей мере, предпочтительнее того, что в большей мере обще [многим], так же как и то, что имеет общего с плохим в меньшей мере. Ведь то, чему не сопутствует какая-нибудь неприятность, предпочтительнее того, чему она сопутствует.

Далее, если одно вообще лучше другого, то самое лучшее в первом лучше самого лучшего во втором; например, если человек лучше лошади, то самый лучший человек лучше самой лучшей лошади. И наоборот, если самое лучшее в одном лучше самого лучшего в другом, то и вообще первое лучше второго; например, если самый лучший человек лучше самой лучшей лошади, то и вообще человек лучше лошади.

Далее, то, чем можно делиться с друзьями, предпочтительнее того, чем нельзя с ними делиться. И точно так же предпочтительнее то, что́ мы больше хотим делать для друзей, чем для первого встречного; например, поступать справедливо и делать добро лучше, чем казаться [доброжелательным], ведь мы больше желаем делать друзьям добро, чем казаться [доброжелательным], а для первых встречных — наоборот.

И то, что́ от избытка, лучше, а иногда предпочтительнее, чем то, что́ по необходимости. В самом деле, лучше жить хорошо, чем просто жить, а хорошая жизнь — от избытка, сама же жизнь — необходимость. Однако иногда лучшее не предпочтительнее, ибо если нечто лучше, то не обязательно, чтобы оно было и предпочтительнее. В самом деле, заниматься философией лучше, чем заниматься каким-то промыслом, но не предпочтительнее для того, кто нуждается в необходимом. От избытка бывает что-то тогда, когда кто-нибудь, имея необходимое, сверх того делает что-то прекрасное. Вообще говоря, необходимое, пожалуй, предпочтительнее, но то, что́ от избытка, лучше.

И точно так же то, что́ недостигаемо через другое, предпочтительнее того, что́ достигаемо и через другое, как, например, обстоит дело со справедливостью по сравнению с храбростью. И если одно желательно без другого, но другое без первого нет, [то первое предпочтительнее]. Например, власть без рассудительности не предпочтительна, но рассудительность без власти предпочтительна. И если из двух мы одно отрицаем для того, чтобы другое считалось присущим нам, то предпочтительнее то, относительно чего мы хотим, чтобы оно считалось присущим нам. Например, дабы нас считали одаренными от природы, мы отрицаем, что усиленно занимаемся.

Далее, то, отсутствие чего вызывает огорчение, предпочтительнее, если такое огорчение менее порицаемо. И так же то, отсутствие чего не вызывает огорчения, предпочтительнее, если такое отношение более порицаемо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Топы для выяснения вопроса, какие предметы более желательны и лучше (окончание)]

Далее, из двух вещей, принадлежащих к одному и тому же виду, та, которая обладает свойственным [виду] достоинством, предпочтительнее той, которая им не обладает. Если же обе обладают им, то предпочтительнее та, которая обладает им в большей мере.

Далее, если что-то одно делает хорошей вещь, к которой оно имеет отношение, а другое этого не делает, то предпочтительнее то, что́ делает (подобно тому как греющее теплее негреющего). Если же оба делают вещь

хорошей, то предпочтительнее то, что́ делает это в большей мере, или то, что́ делает хорошим лучшее и более значимое, например одно делает хорошей душу, а другое — тело.

Далее, [следует судить о предпочтительности вещи] по словоизменению, по применению вещи, по ее действиям и делам, а о [предпочтительности] последних — по вещи, ибо они сообразуются друг с другом. Например, если [действовать] справедливо предпочтительнее, чем [действовать] мужественно, то справедливость предпочтительнее мужества, и если справедливость предпочтительнее мужества, то [действовать] справедливо предпочтительнее, чем [действовать] мужественно. Примерно так же обстоит дело и в других случаях.

Далее, если в сравнении с одним и тем же одно есть 118b большее благо, а другое меньшее, то предпочтительно то, что́ есть большее благо, или если в сравнении с бо́льшим благом одно из них большее благо. Если две какие-нибудь вещи предпочтительнее чего-то третьего, то та, которая в большей мере предпочтительнее [третьего], предпочтительнее той, которая в меньшей мере предпочтительнее [этого третьего][1]. Далее, если избыток чего-то одного предпочтительнее избытка другого, то оно само предпочтительнее; например, дружба предпочтительнее денег, ибо избыток дружбы предпочтительнее избытка денег. И точно так же предпочтительно то, что́ человек охотнее приобретает для себя сам, чем через другого; например, друзья более предпочтительны, чем деньги.

Далее, [следует судить о предпочтительности] по прибавлению, а именно если нечто прибавленное к одному и тому же делает целое более предпочтительным, [чем другое прибавленное]. Следует, однако, остерегаться распространить этот топ на те случаи, когда общеобиходное (to koinon) получает от одного прибавленного пользу или какое-нибудь иное содействие, а от другого не получает пользы и содействия, например пила и серп в плотничном деле. Ведь применяемая в нем пила предпочтительнее серпа, но вообще не предпочтительнее его. Равным образом обстоит дело, когда прибавленное к меньшему делает целое бо́льшим. Таким же образом следует судить по отнятию. В самом деле, больше то, при отнятии чего от одного и того же остаток меньше, когда отнятое уменьшает остаток.

И точно так же — если одно желательно ради него самого, а другое — ради славы; например, здоровье предпочтительнее красоты. А определение того, что желательно для славы, таково: то, к чему не стремятся, если никто его не замечает. И точно так же если одно желательно и ради него самого, и ради славы, а другое — только ради чего-то одного из них, [то предпочтительнее первое]. И то, что более чтимо ради него самого, также лучше и предпочтительнее. Само по себе чтимо то, что мы больше предпочитаем ради него самого, даже если ничего другого от него иметь мы не намерены.

Далее, следует различать, в скольких смыслах говорится «предпочтительно» и «ради чего» [что-то желательно], например ради выгоды, или красоты, или удовольствия. Ведь то, что полезно для всех [этих целей] или для большинства [из них], предпочтительнее того, что полезно не таким образом. Если же одно и то же присуще чему-то одному и чему-то другому, то следует выяснить, кому из них оно присуще в большей мере, доставляет ли оно, например, больше удовольствия, красивее ли оно или полезнее. Далее, то, что делается ради лучшего, предпочтительнее; например, то, что делается ради добродетели, предпочтительнее того, что делается ради удовольствия. Равным образом обстоит дело с тем, чего следует избегать. Действительно, больше следует избегать того, что больше препятствует желаемому, например болезни следует больше избегать, чем безобразного облика, так как болезнь — большее препятствие для удовольствия и блага, чем безобразный облик.

Далее, [предпочтительность можно усмотреть] уясняя, что предмет обсуждения в одинаковой мере избегаем и желателен. В самом деле, меньше предпочитаемо то, что в одинаковой мере желаемо и избегаемо, чем то, что только желаемо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Применение топов относительно предпочтительности без сопоставления предметов*]

119a Итак, сопоставлять одно с другим следует так, как было сказано [1]. Однако эти же топы применимы для показа того, что нечто [просто] желательно или нежела-

тельно. Следует только устранить степень превосходства одного над другим. В самом деле, если более достойное более предпочтительно, то и достойное предпочтительно, и если более полезное более предпочтительно, то и полезное предпочтительно. И точно так же в отношении всего, что сопоставляется таким же образом. Ибо в некоторых случаях мы сразу утверждаем на основании сравнения одного с другим, что каждое или одно из них предпочтительно, например когда мы утверждаем, что одно хорошо от природы, а другое не от природы. Ведь ясно, что то, что хорошо от природы, предпочтительно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Распространение топов относительно большего и меньшего на большее число случаев*]

Топам же, касающимся того, что́ в большей степени, и того, что́ больше, следует придать как можно более общий вид, ибо если их берут таким именно образом, то они могут быть применены и к большему числу случаев. Действительно, некоторые из указанных топов можно сделать более общими, если несколько изменить выражение; например, то, что таково[1] от природы, таково в большей мере, чем то, что таково не от природы. И если что-то одно делает таким-то и таким-то то, что обладает им или чему оно присуще, а другое не делает этого, то таким в большей мере будет то, что делает, а не то, что не делает этого. Если же и то и другое делает нечто таким-то, то в большей мере таким будет [то, что делает его таким в большей мере].

Далее, если в сравнении с одним и тем же одно в большей мере таково, а другое — в меньшей и если одно в сравнении с таковым в большей мере таково, а другое не [в большей мере], то ясно, что первое [в каждом случае] в большей мере таково. Далее, [следует судить] исходя из прибавления, когда прибавленное к одному и тому же делает целое таковым в большей мере или когда прибавленное к тому, что́ таково в меньшей мере, делает целое таковым в большей мере. Равным образом исходя из отнятия. А именно, если после отнятия чего-то остаток в меньшей мере таков, то само оно в большей мере таково. И таковое, в меньшей мере смешиваемое с противоположным ему, в большей мере таково. Например, белее то, что́ меньше смешивается с черным.

Далее, кроме ранее указанных случаев в большей мере таково то, что в большей мере принимает собственное определение обсуждаемого предмета. Например, если определение белого — цвет, рассеивающий зрение, то более белым будет цвет, рассеивающий зрение в большей мере.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Применение указанных выше топов для решения частных проблем]

Если ставится частная, а не общая проблема, то прежде всего [следует сказать], что к ней применимы все указанные топы, годные для обоснования или опровергания общих проблем[1]. Ибо когда мы опровергаем или обосновываем общее, мы доказываем также частное. В самом деле, если нечто присуще всем, то также и некоторым, а если оно ни одному не присуще, то не присуще и некоторым[2]. Однако наиболее подходящие и общие топы — это те, что касаются противолежащего, однорядного и словоизменения. Действительно, в равной мере правдоподобны положения: «Если всякое удовольствие благо, то и всякая печаль зло» и «Если ка-
119b кое-нибудь одно удовольствие благо, то и какая-нибудь одна печаль зло»[3]. Далее, если некоторое чувство не есть способность, то и некоторая бесчувственность не есть неспособность[4]. И если нечто постигаемое познаваемо, то и некоторое постижение есть познавание. Далее, если нечто несправедливое — благо, то и нечто справедливое — зло[5]. И если нечто справедливо совершенное — зло, то и нечто несправедливо совершенное — благо[6]. И если чего-то доставляющего удовольствие (hēdy) следует избегать, то и некоторого удовольствия (hēdonē) следует избегать. Точно так же если нечто доставляющее удовольствие полезно, то и некоторое удовольствие полезно. Так же обстоит дело и со способным уничтожать, с разного рода возникновением и уничтожением. В самом деле, если нечто способное уничтожать удовольствие или знание — благо, то и некоторое удовольствие и некоторое знание, надо полагать, зло. Равным образом если некоторое уничтожение знания — благо или возникновение знания — некоторое зло, то и некоторое знание будет злом. Например, если забвение постыдных поступков, совершенных кем-то,

есть нечто хорошее, или вспоминать их нехорошо, то знание постыдных поступков, совершенных кем-то, нечто плохое. И так же обстоит дело в других случаях, ибо все эти случаи правдоподобны в равной мере [7].

Далее, можно исходить из большего, меньшего и того, что в равной мере. А именно, если нечто принадлежащее к другому роду [кажется] таким-то в большей мере, чем указываемое и, однако, ничто из этого рода не таково, то и указываемое не таково. Например, если некоторое знание [кажется] в большей мере благом, чем удовольствие, но никакое знание не есть благо, то и удовольствие не благо. И точно так же можно исходить из того, что в равной или в меньшей мере. Ибо исходя из них можно и опровергать и обосновывать, однако исходя из того, что в равной мере, можно и то и другое, а из того, что в меньшей мере, можно только обосновывать, но опровергать нельзя. В самом деле, если некоторая способность и некоторое знание [кажутся] в равной мере благом, а некоторая способность [действительно] благо, то и некоторое знание благо. И если никакая способность не благо, то и никакое знание не благо. Если же некоторая способность [кажется] благом в меньшей мере, чем знание, а некоторая способность [действительно] благо, то и некоторое знание благо; но если никакая способность не благо, то не необходимо, чтобы и никакое знание не было благом. Таким образом, ясно, что исходя из того, что в меньшей мере, можно только обосновывать.

Однако опровергать можно исходя не только из другого рода, но и из одного и того же рода, если берут то, что обладает чем-то в наибольшей мере. Например, если допустить, что некоторое знание — благо, но при этом доказали бы, что рассудительность не благо, то и никакое другое знание не будет благом, ибо и то, которое больше всего считается благом, не есть благо. Далее, следует исходить из предположения, принимая, что если нечто присуще или не присуще одному, то оно равным образом присуще или не присуще всем; например, если душа человека бессмертна, то и другие души бессмертны; если же она не бессмертна, то и другие не бессмертны. Следовательно, если полагают, что нечто чему-то присуще, то [при опровергании] надо доказать, что оно чему-то [принадлежащему к этому же роду] не присуще, ибо из предположения следует, что

в таком случае оно ни одному не присуще. Если же по-
120a лагают, что нечто чему-то не присуще, то [при опровергании] нужно доказать, что оно чему-то [принадлежащему к этому же роду] присуще, ибо и таким образом следует, что оно всем присуще. Ясно же, что при таком предположении строят общую проблему исходя из частной, ведь требуется, чтобы согласившийся с частным принял общее, после того как признано, что если нечто присуще одному, то оно в равной мере присуще всем.

Если же проблема неопределенна[8], то ее можно опровергнуть одним только способом, например если утверждают, что удовольствие — благо или не благо, и сверх этого ничего не уточняют. В самом деле, если утверждают, что какое-то удовольствие — благо, то, если намерены опровергнуть обсуждаемое, следует доказать общее [положение], что никакое удовольствие не благо[9]. И равным образом если утверждают, что какое-то удовольствие не благо, то следует доказать общее [положение], что всякое удовольствие — благо[10]. Ведь другим образом опровергнуть нельзя. Действительно, если бы мы доказывали, что некоторое удовольствие не есть благо или есть благо, то обсуждаемое еще не опровергалось бы[11]. Таким образом, ясно, что опровергать можно [в таких случаях] одним только способом, а обосновывать — двояко. В самом деле, докажем ли мы общее [положение], что всякое удовольствие — благо, или [частное], что какое-то удовольствие — благо, обсуждаемое будет доказано. Равным же образом если должно быть доказано, что какое-то удовольствие не благо, то, когда мы докажем, что никакое удовольствие не благо или что какое-то удовольствие не благо, нами будет доказано тем и другим способом — как общим, так и частным [положениями], что какое-то удовольствие не благо. Если же тезис определенный[12], то его можно опровергнуть двояким способом, например если полагают, что одному удовольствию присуще быть благом, а другому не присуще. Ведь обсуждаемое будет опровергнуто и тогда, когда будет доказано, что всякое удовольствие — благо, и тогда, когда будет доказано, что никакое удовольствие не благо. Если же утверждают, что только одно удовольствие — благо, то опровергнуть можно трояким образом. А именно, когда мы докажем, что всякое удовольствие — благо, или что

никакое удовольствие не благо, или что больше чем одно удовольствие — благо, нами будет опровергнуто обсуждаемое. Если же тезис будет еще более определенным, например если утверждают, что из всех добродетелей одна только[13] рассудительность есть знание, то он может быть опровергнут четырьмя способами, а именно: если будет доказано, что всякая добродетель есть знание, или что никакая добродетель не есть знание, или какая-нибудь другая есть знание (например, справедливость), или что сама рассудительность не есть знание, то обсуждаемое будет опровергнуто.

[При рассмотрении частных проблем] полезно, так же как и при рассмотрении общих проблем, обращать внимание на единичное, о котором утверждают, что нечто ему присуще или не присуще. Далее следует обратить внимание на роды, которые, как раньше было сказано[14], должны быть разделены на виды до тех пор, пока последние не будут неделимы. Ибо кажется ли нечто присущим всему или не присущим ничему, нужно требовать, после того как [в доказательстве] приведено много единичных [примеров], чтобы признали общее или сделали возражение, что в таком-то случае дело обстоит не так. Далее, если привходящее можно различить по виду и числу, то следует выяснить, не обстоит ли дело так, что ничего из этого не присуще. Например, если утверждают, что время не движется и не есть движение, то перечисляют, сколько есть видов движения. И если ни один из них не присущ времени, то ясно, что оно не движется и не есть движение. Точно так же мы докажем, что душа не есть число, разобрав, что всякое число есть нечетное или четное. Действительно, если душа не есть ни нечетное, ни четное, то ясно, что она не есть число[15].

Таким образом, в отношении привходящего следует приводить доводы с помощью таких именно топов и таким именно образом.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Топы, касающиеся рода]

После этого следует рассмотреть то, чтó касается рода и собственного. Они ведь элементы того, что относится к определениям, хотя те, кто ведет спор, редко подвергают их самих рассмотрению. Итак, если полагают как род нечто существующее, то прежде всего следует обратить внимание на все сродное с ним, нет ли чего-то такого, о чем [род] не сказывается, подобно тому как [это бывает при рассмотрении] привходящего. Например, если за род для удовольствия принимают благо, то следует выяснить, нет ли какого-нибудь удовольствия, которое не есть благо. Ибо если это так, то благо не род для удовольствия. Ведь род сказывается обо всем, что подчинено одному и тому же виду. Далее, следует выяснить, не сказывается ли что-то не в сути вещи, а как привходящее, например белое — как суть снега, а само собой движимое — как суть души [1]. Ведь снег в существе своем не есть белое; поэтому белое не есть род для снега; и душа в существе своем не есть само собой движимое, а для нее привходяще то, что она движется, подобно тому как часто случается живому существу ходить и бывать идущим. Далее, движимое означает, по-видимому, не суть [вещи], а нечто действующее или претерпевающее. Точно так же и белое, ибо оно показывает не то, чтó есть снег, а какой он есть. Так что ничего из этого не сказывается в сути [вещи], род же сказывается в сути [вещи] [2].

Больше всего следует здесь обратить внимание на определение привходящего и выяснить, подходит ли оно для того, что указано как род, как, например, в только что указанных [примерах]. В самом деле, ведь нечто может само себя двигать и не двигать и равным образом быть белым и не быть белым. Так что каждое

из них есть не род, а привходящее, ведь привходящим мы назвали то, что́ чему-то может быть присуще и не присуще.

Далее следует выяснить, находятся ли род и вид не в одном и том же делении[3], а один есть сущность, а другой — качество или один — соотнесенное, а другой — качество, например снег и лебедь — сущность, белое же не сущность, а качество, так что белое не есть род ни для снега, ни для лебедя. Далее, знание есть соотнесенное, а благое и прекрасное — качества. Так что благое и прекрасное не роды для знания. Ведь роды для соотнесенного сами должны быть соотнесенными, как, например, род для двойного. Действительно, многократное, будучи родом для двойного, само есть соотнесенное. Вообще говоря, род и вид должны подпадать под одно и то же деление, ибо если вид есть сущность, то и род — сущность, и если вид — некоторое качество, то и род — некоторое качество; например, если белое есть некоторое качество, то и цвет также. Равным образом и в других случаях.

Опять же следует выяснить, необходимо ли или возможно, чтобы род был причастен тому, что полагают как относящееся к роду. Определение же причастности таково: принимать понятие того, что допускает причастность[4] себе. Таким образом ясно, что виды причастны родам, роды же не причастны видам, ибо вид принимает понятие рода, род же понятия вида не принимает. Таким образом, следует выяснить, причастен ли или может ли быть причастным данный род виду, например если бы указали нечто как род для сущего и единого. Ведь тогда следовало бы, что род причастен виду, так как обо всем существующем сказывается сущее и единое, значит, и их понятие[5].

Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что данный вид истинен по отношению к чему-то, а род нет, например когда сущее или познаваемое принимают за род для воображаемого. Действительно, воображаемое может сказываться о том, что́ не существует, ибо многое из того, что́ не существует, воображаемо. А что сущее или познаваемое не сказывается о том, что́ не существует,— это ясно. Так что ни сущее, ни познаваемое не есть род для воображаемого. Ибо о чем сказывается вид, о том должен сказываться и род.

Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что то, что полагают как принадлежащее к роду, не может быть причастным ни одному из его видов, ибо невозможно, чтобы не причастное ни одному виду было причастно роду, если только это не относится к видам, находящимся в первом делении [рода], ведь они причастны только роду. Так вот, если, например, родом для удовольствия полагают движение, то следует выяснить, не обстоит ли дело так, что удовольствие не есть ни перемещение, ни превращение, ни один из остальных принятых видов движения. Ведь ясно, что если оно не будет причастно ни одному из видов движения, то не будет причастно и роду, так как необходимо, чтобы причастное роду было причастно также какому-нибудь из его видов. Так что удовольствие не может быть ни видом движения, ни одним из единичных движений, подчиненных тому или другому виду движения, ибо и единичное причастно роду и виду, например какой-нибудь отдельный человек причастен [виду] «человек» и [роду] «живое существо».

121b Далее, следует выяснить, не простирается ли то, что́ полагают как принадлежащее к роду, на большее, чем род, например воображаемое — на большее, чем сущее, ведь воображаемое есть и сущее и не-сущее, так что воображаемое не может быть видом сущего, ведь род всегда простирается на большее, чем вид[6]. С другой стороны, следует выяснить, не простираются ли вид и род на равное [по числу]; например, когда из того, наличие чего следует из наличия всего, одно полагают как вид, а другое — как род, например сущее и единое, ибо из наличия чего бы то ни было следует наличие сущего и единого, так что ни одно из них не есть род для другого, ибо они простираются на равное [по числу]. И точно так же — когда первое и начало полагают как подчиненные друг другу. Дело в том, что начало есть первое, а первое — начало, так что или оба они одно и то же, или ни одно из них не есть род для другого. Основанием (stoicheion) для всего этого служит то, что род простирается на большее, чем вид и видовое отличие, ведь и видовое отличие простирается на меньшее, чем род.

Следует также выяснить, не обстоит ли дело так, что для не отличающихся по виду вещей указанное [как род] не есть род или кажется, что оно не род.

Обосновывающий должен смотреть, чтобы указанное было родом для какой-нибудь из этих вещей, ибо для всех не отличающихся по виду вещей род один и тот же. Если, следовательно, доказано, что нечто есть род для одной из них, то ясно, что оно род для них всех, и если для одной из них нет, то ни для какой, например если бы, проводя неделимые линии, утверждали, что неразделимое есть род для них; ведь для линий, допускающих деление, указанное не есть род, хотя они и не различаются по виду [от неделимых]; дело в том, что все прямые линии не отличаются друг от друга по виду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Топы, касающиеся рода (продолжение)*]

Следует также выяснить, нет ли для данного вида какого-нибудь другого рода, который не объемлет данного рода и не подчинен ему, например если родом для справедливости полагают знание. Ведь и добродетель род для справедливости, и ни один из этих родов не объемлет другого, так что знание не может быть родом для справедливости. Ибо принято, что когда один вид подчинен двум родам, то один из них объемлет другой. Правда, в некоторых случаях это вызывает сомнение. В самом деле, некоторые считают, что рассудительность есть и добродетель и знание, хотя ни один из этих родов не объемлет другого. Однако не все согласны с тем, что рассудительность есть знание. Если же кто-нибудь согласен с тем, что сказанное истинно, то необходимо признать, что роды для одного и того же или подчинены друг другу, или оба подчинены одному и тому же [выше стоящему роду], подобно тому как дело обстоит с добродетелью и знанием. Ведь и то и другое подчинено одному и тому же роду, так как каждое из них означает обладание чем-то и состояние [ума]. Таким образом, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что ни одно из них не присуще данному роду. Ибо если ни тот ни другой не подчинены ни друг другу, ни оба одному 122a
и тому же [выше стоящему роду], то указанное не есть род.

Следует еще обращать внимание на род данного рода и всегда — на вышестоящий род: все ли они сказываются о виде, и сказываются ли они в сути его. Ведь все вышестоящие роды должны сказываться

о виде в сути его. Стало быть, если где-то есть какая-то несогласованность, то ясно, что данное не есть род. С другой стороны, следует выяснить, не причастен ли род виду — или он сам, или какой-то вышестоящий род, ибо ничто вышестоящее не причастно нижестоящему. Таким образом, опровергающий должен применять этот топ так, как было сказано. Что касается обосновывающего, то если соглашаются с тем, что указанное как род присуще виду, но сомневаются в том, присуще ли оно именно как род, ему достаточно только доказать, что какой-нибудь из вышестоящих родов сказывается о виде в сути его. В самом деле, если один из них сказывается [о виде] в сути [его], то и все роды, стоящие выше и ниже рода его, сказываются в сути [его], если только они [вообще] сказываются [о нем]. Так что и данное как род сказывается в сути [вида]. А то, что когда один род сказывается [о виде] в сути [его], тогда и все другие сказываются [о нем] в сути [его], если только они [вообще] сказываются [о виде], следует принять при помощи наведения. Если же сомневаются в том, вообще ли присуще [виду] данное как род, то недостаточно доказать, что какой-нибудь из вышестоящих родов сказывается о виде в сути его [1]. Например, если кто-нибудь указал, что перемещение есть род для ходьбы, то для доказательства, что ходьба есть перемещение, недостаточно доказать, что она есть движение, потому что существуют другие [роды] движения; помимо этого нужно еще доказать, что ходьба не причастна ни одному [роду] движения, кроме перемещения, согласно тому же делению. Ибо то, что причастно роду, необходимо причастно какому-нибудь виду, согласно первому делению [2]. Следовательно [3], если ходьба не причастна ни увеличению, ни уменьшению, ни другим [родам] движения, то ясно, что она причастна перемещению, так что перемещение и будет родом для ходьбы.

Далее, когда полагаемый вид сказывается как род, следует выяснить, сказывается ли и данный род в сути тех самых [вещей], о которых сказывается вид, а также сказываются ли подобным образом и все роды, стоящие выше этого рода. В самом деле, если где-то есть какая-то несогласованность, то ясно, что данное не есть род. Ибо если бы оно было родом, то и все роды, стоящие выше его, и оно само сказывались бы в сути тех вещей,

о которых в сути их сказывается и вид. Итак, опровергающему этот топ полезен в том случае, если род не сказывается в сути тех вещей, о которых сказывается и вид, а обосновывающему он полезен в том случае, если род сказывается в сути их. И тогда оказалось бы, 122b что род и вид сказываются об одном и том же в сути его, так что одно и то же было бы подчинено двум родам. Стало быть, эти роды необходимо должны быть подчинены друг другу. Таким образом, если доказывают, что то, что мы хотим обосновывать как род, не подчинено виду, то ясно, что вид должен быть подчинен ему, так что будет доказано, что оно род.

Следует также обратить внимание на то, подходят ли определения родов к данному виду и к тому, что причастно виду. Ведь определения родов необходимо сказываются о виде и о том, что причастно виду. Стало быть, если где-то есть какая-то несогласованность, то ясно, что данное не есть род.

Далее, следует выяснить, не дано ли видовое отличие как род, например когда утверждают, что бессмертное есть род для бога. На самом же деле бессмертное есть видовое отличие для живого существа, так как одни живые существа смертны, другие бессмертны. Таким образом, здесь налицо несомненная ошибка, ибо видовое отличие ни для чего не может быть родом. Истинность этого очевидна, ведь ни одно видовое отличие не обозначает сути вещи, а скорее обозначает какое-то качество, как, например, живущее на суше и двуногое.

Следует также выяснить, не причислили ли видовое отличие к роду как вид, например когда утверждают, что нечетное в существе своем есть число[4]. В действительности же нечетное есть видовое отличие числа, а не его вид. Видовое отличие, надо полагать, не причастно роду, ибо все, что причастно роду, есть или вид, или единичное, а видовое отличие не есть ни вид, ни единичное. Таким образом, ясно, что видовое отличие не причастно роду, так что и нечетное не может быть видом, оно есть видовое отличие, так как оно не причастно роду.

Далее, следует выяснить, не причислили ли род к виду, например когда утверждают, что соприкасание в существе своем есть непрерывность[5], или что смешение в существе своем есть соединение, или что

перемещение, по определению Платона[6], есть движение по отношению к месту. В самом же деле соприкасание не обязательно есть непрерывность, а как раз наоборот, непрерывность есть соприкасание. Ведь не все соприкасающееся есть непрерывное, но все непрерывное соприкасается. Равным образом в остальных случаях; действительно, не всякое смешение есть соединение (ведь смешение сухих вещей не есть соединение), и не всякая перемена места есть перемещение. В самом деле, ходьба не считается перемещением, так как обычно говорят о перемещении, когда речь идет о предметах, меняющих одно место на другое непроизвольно, как это бывает у неодушевленных предметов. Ясно же, что в приведенных [примерах] вид простирается на большее, чем род, а должно быть наоборот.

Далее, следует выяснить, не причислили ли видовое отличие к виду, например когда утверждают, что бессмертное в существе своем есть бог. Ведь тогда окажется, что вид будет простираться на равное [по числу] или на большее, чем видовое отличие, между тем видовое отличие всегда простирается на равное [по числу] или на большее, чем вид. Далее, следует выяснить, не причислили ли род к видовому отличию (например, когда утверждают, что цвет в существе своем есть собирающее или что число в существе своем есть нечетное), а также не указан ли род как видовое отличие, ибо можно приводить такой тезис, как, например, что смешение есть видовое отличие соединения или что перемена места есть видовое отличие перемещения. Все такие случаи следует рассматривать с помощью тех же самых топов (ибо эти топы имеют нечто общее между собой). Ведь род должен простираться на большее, чем видовое отличие, и не должен быть причастным видовому отличию. Если же род указан так, [как в приведенных примерах], тогда ни то ни другое из перечисленных [требований] не может быть исполнено, ибо [в этих примерах] род простирается на меньшее, чем видовое отличие, и причастен видовому отличию.

Опять же если ни одно видовое отличие того, что принадлежит к одному роду, не сказывается о данном виде, то и род не будет сказываться о нем; например, ни нечетное, ни четное не сказываются о душе, так что и число не сказывается о ней. Далее, [точно так

же], если вид первее по природе и вместе с собой упраздняет род; ведь кажется правильным противоположное. Далее, если [вид] отделить от того, что дано как род или как видовое отличие, например душу — от движения или мнение — от истинного и ложного[7], тогда ни то ни другое из указанного не может быть ни родом, ни видовым отличием. Ибо кажется правильным, что род и видовое отличие сопутствуют виду, пока он существует.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Топы, касающиеся рода (окончание)*]

Следует также смотреть, не причастно ли или не может ли быть причастно то, что ставят в род, тому, что противоположно этому роду, ибо тогда одно и то же было бы в одно и то же время причастно противоположностям, поскольку вид никогда нельзя отделить от рода, между тем как он оказывается причастным или может быть причастен тому, что противоположно [роду]. Далее, следует смотреть, не имеет ли вид нечто общее с тем, что никак не может быть присуще тому, что подчинено роду; например, если душа имеет нечто общее с жизнью и ни одно число не может жить, то душа не может быть видом числа.

Следует также, пользуясь указанными выше основными положениями об одноименном[1], обратить внимание на то, не одноименен ли вид с родом, ведь род и вид соименны.

Так как каждый род имеет больше одного вида, то следует смотреть, не обстоит ли дело так, что для указанного как род не может быть другого вида. В самом деле, если нет другого вида, то ясно, что указанное вообще не есть род.

Следует также смотреть, не дано ли как род обозначенное иносказательно, например что умеренность есть созвучие. Ведь каждый род сказывается о виде в собственном смысле, созвучие же сказывается об умеренности не в собственном, а в переносном смысле, ибо всякое созвучие относится к звукам.

123b Далее, следует смотреть, нет ли чего-то противоположного виду. Выяснить это можно многими способами. Во-первых, следует выяснить, не находится ли противоположное виду в том же самом роде, что и вид,

если нет ничего противоположного роду. Дело в том, что если нет ничего противоположного роду, то противоположности должны находиться в одном и том же роде [2]. [Во-вторых], если есть нечто противоположное роду, то следует выяснить, находится ли противоположное [виду] в противоположном [роде], ибо противоположное [виду] необходимо должно находиться в противоположном [роде], если только есть нечто противоположное роду. Каждый из этих случаев становится очевидным при помощи наведения. Далее, [в-третьих], следует выяснить, не обстоит ли дело так, что противоположное виду вообще не находится ни в каком роде, а само есть род, как, например, благо. Ибо если оно не находится ни в каком роде, то и противоположное ему не находится ни в каком роде, а само есть род, подобно тому как дело обстоит с благом и злом. Ибо ни то ни другое не находится в каком-либо роде, а каждое из них есть род. Далее, [в-четвертых], следует выяснить, имеют ли и род и вид нечто противоположное себе и не обстоит ли дело так, что между одним [и противоположным ему] есть нечто промежуточное, а между другим [и тем, что ему противоположно], нет. Дело в том, что если между родами есть нечто промежуточное, то и между видами, а если между видами, то и между родами, подобно тому как обстоит дело с добродетелью и пороком, а также со справедливостью и несправедливостью. Ведь каждая пара их имеет нечто промежуточное. (Возможно возражение на это, что здоровье и болезнь не имеют ничего промежуточного, хотя зло и благо имеют.) Или, [в-пятых], следует выяснить, имеют ли оба, и вид и род, нечто среднее, но не одинаковым образом, а у одного в смысле отрицания, у другого же как положительное (hypokeimenon). Ведь общепринято, что оба имеют нечто среднее одинаковым образом, как, например, дело обстоит с добродетелью и пороком, а также со справедливостью и несправедливостью. А именно, среднее у той и другой [пары] выражено через отрицание [3]. Далее, [в-шестых], если нет ничего противоположного роду, то следует выяснить, содержится ли в том же самом роде не только противоположное [виду], но и среднее. Ибо в том роде, в котором содержатся крайности, содержится и среднее, как, например, дело обстоит с белым и черным. Действительно, цвет есть род

для того и другого и для всех цветов, что посредине. (Возможно возражение, что недостаточность и чрезмерность принадлежат к одному и тому же роду, ведь и то и другое принадлежит к злу, а умеренное, будучи средним между ними, принадлежит не к злу, а к благу[4].) Следует также выяснить, [в-седьмых], не обстоит ли дело так, что род чему-то противоположен, а вид ничему. Действительно, если род чему-то противоположен, то также и вид, как, например, добродетель противоположна пороку и справедливость — несправедливости. И при рассмотрении других случаев, надо полагать, это в равной мере очевидно. (Возражение возможно в отношении здоровья и болезни. Действительно, вообще-то здоровье противоположно болезни, но какая-то определенная болезнь, вид болезни, не имеет чего-то противоположного себе, например лихорадка, воспаление глаз и всякая другая болезнь в отдельности.)

Итак, опровергающий должен рассматривать [такие случаи] столькими способами, сколько нами указано. Ибо если указанные [условия] не имеются, то ясно, что данное не есть род. Обосновывающий же должен их рассматривать трояким образом. Во-первых, принадлежит ли противоположное виду к указанному роду, когда ничего не противоположно роду. Ибо если противоположное [виду] принадлежит к этому роду, то ясно, что к нему принадлежит и обсуждаемый [вид]. Далее, принадлежит ли среднее к указанному роду. Ведь к тому роду, к которому принадлежит среднее, принадлежат и крайние. Далее, если роду нечто противоположно, то следует обратить внимание на то, принадлежит ли также противоположное [виду] к противоположному [роду]. Ибо если это так, то ясно, что и обсуждаемый [вид] принадлежит к обсуждаемому [роду].

Далее, когда речь идет о подвергаемом словоизменению и об однорядном, и опровергающий и обосновывающий должны смотреть, одинаковое ли у них следование. Ибо то, что присуще или не присуще одному из них, в то же время присуще или не присуще всем. Например, если справедливость есть какое-то знание (epistēmē), то и [поступать] справедливо — значит [поступать] со знанием дела (epistēmonōs) и справедливый человек есть знающий человек. Если это в одном из этих случаев не так, то и в остальных не так.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Топы, касающиеся сходного и соотнесенного, для установления истинности рода*]

Далее, следует обратить внимание на вещи, относящиеся между собой сходным образом. Например, приятное так же относится к удовольствию, как полезное к благу, ибо и в первом и во втором случае одно способно творить другое. Таким образом, если удовольствие есть в существе своем благо, то и приятное есть в существе своем полезное. Ведь ясно, что приятное творило бы благо, поскольку удовольствие есть благо. Точно так же обстоит дело с возникновением и уничтожением. Например, если строить означает делать, то быть построившим означает быть сделавшим, и если изучать — значит вспоминать, то быть изучавшим — значит быть вспомнившим, и если быть прекращаемым — значит быть уничтожаемым, то быть прекращенным — значит быть уничтоженным, и прекращение есть некоторый вид уничтожения. И равным образом обстоит дело с тем, чтó способно порождать или уничтожать, а также со способностями и всякого рода пользованием; и вообще следует и опровергающему и обосновывающему принять во внимание любое сходство так, как мы говорили относительно возникновения и уничтожения. В самом деле, если то, что способно уничтожать, означает то, что способно прекращать, то быть уничтожаемым — значит быть прекращаемым; и если способное порождать — значит способное созидать, то быть порождаемым — значит быть созидаемым, и порождение есть созидание. И точно так же со способностями и всякого рода пользованием. Действительно, если способность есть состояние, то быть способным — значит быть в состоянии; и если пользование чем-то есть деятельность, то пользоваться — значит быть деятельным, а быть использованным — быть содеянным.

Если же противолежащее виду есть лишенность, то можно опровергать двояко. Во-первых, когда противолежащее принадлежит к данному роду. Ведь или лишенность вообще не принадлежит к тому же самому роду, [что и вид], или не принадлежит к последнему роду. Например, если зрение принадлежит к чувственному восприятию как последнему роду, то слепота не есть чувственное восприятие. Во-вторых, когда лишен-

ность противолежит и роду и виду, но противолежащее [виду] не принадлежит к роду, который противолежит [указанному роду]; тогда и данный [вид] не принадлежит к данному [роду]. Стало быть, опровергающему следует пользоваться [этими топами] так, как только что сказано, а обосновывающему — одним способом. Ибо если противолежащий [вид] принадлежит к противолежащему [роду], то и обсуждаемый [вид] должен принадлежать [к обсуждаемому роду]; например, если слепота есть отсутствие некоторого чувства (anaisthēsia), то зрение есть некоторое чувство (aisthēsis). 124b

Далее, отрицания следует рассматривать в обратном порядке, так, как было сказано относительно привходящего [1]. Например, если приятное в существе своем благое, то неблагое не есть приятное. Действительно, если бы дело обстояло не так, то и нечто неблагое было бы приятным. Однако если благо есть род для приятного, то невозможно чему-либо неблагому быть приятным. Ведь о том, о чем род не сказывается, не сказывается и ни один из его видов. Подобным образом следует рассматривать и обосновывающему. В самом деле, если неблагое не есть приятное, то приятное есть благое, так что благо есть род для приятного.

Если же вид есть соотнесенное, то следует выяснить, есть ли и род соотнесенное. Ибо если вид принадлежит к соотнесенному, то также и род, как, например, дело обстоит с двойным и многократным, ведь каждое из них принадлежит к соотнесенному. Однако если род соотнесенное, то не необходимо, чтобы и вид был соотнесенным. В самом деле, знание принадлежит к соотнесенному, но умение читать и писать — нет (или, может быть, и ранее приведенный [пример] неправильный: ведь и добродетель есть в существе своем прекрасное и благое, но добродетель принадлежит к соотнесенному [2], благое же и прекрасное не отношения, а качества).

Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что вид и сам по себе и по своему роду указывается не в отношении одного и того же. Например, если двойное означает двойное по отношению к половинному, то и многократное должно означать многократное по отношению к половинному. Если же нет, то многократное не может быть родом для двойного.

Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что по роду своему и по всем родам рода вид указывается не в отношении одного и того же. В самом деле, если двойное есть многократное против половинного, то скажут, что оно превышает половинное и вообще будет по всем вышестоящим родам относиться к половинному. (Возможно возражение, что не необходимо, чтобы вид сам по себе и по роду своему указывался в отношении одного и того же, ведь о знании говорят в отношении познаваемого, а об обладании и состоянии — не в отношении познаваемого, а в отношении души.)

Далее, следует выяснить, требуют ли род и вид одинаковых падежей, например требуют ли они «кому» или «кого» или как-то иначе. Ведь как требует вид, так и род, подобно тому как дело обстоит с двойным и выше [его стоящими родами]. Действительно, мы говорим и двойное [против] чего-то, и многократное [против] чего-то. И равным образом со знанием. Ибо как оно есть знание чего-то, так и его роды — состояние и обладание. (Возможно возражение, что иногда это не так, ведь говорят «отличное» [от чего] и «противоположное» чему, а «иное», хотя и есть род для них, требует не «чему», а говорят: иное, чем то.)

Далее, если соотнесенное требует одинаковых падежей, то следует выяснить, требует ли одинаковых падежей и соотносимое с ним, как, например, дело обстоит с двойным и многократным. Ибо о каждом из них говорится, что оно [двойное или многократное против] чего-то, а также о соотносимом с ними, а именно, половина чего-то и малая доля чего-то. И точно так же обстоит дело со знанием и постижением, а именно: они знание и постижение чего-то и соотносимое с ними — одинаково: и познаваемое и постижимое есть познаваемое и постижимое чем-то[3]. Если же у соотносимого с тем и другим падеж не одинаковый, то ясно, что одно не есть род для другого.

Далее, следует выяснить, требуют ли вид и род равного числа [падежей] по отношению к чему-то. Ведь принято, что и тот и другой требуют одинаковых и равного числа [падежей], как, например, дело обстоит с дарением и даванием, а именно: говорят о дарении чего-то и кому-то, и о давании чего-то и кому-то, а давание есть род для дарения, ведь дарение есть дава-

ние вещи, не подлежащей возврату. В некоторых же случаях вид и род не требуют равного числа [падежей]. Так, двойное есть двойное [против] чего-то, превосходящее же — превосходящее что и чем, а большее — чего и чем, ведь все превосходящее и большее превосходит что-то и чем-то. Так что превосходящее и большее не роды для двойного, ибо не требуют равного с видом числа [падежей]. Или быть может, не во всех случаях правильно, что вид и род требуют равного числа [падежей]?

Следует также обратить внимание на то, есть ли противолежащее [данному роду] род для противолежащего [данному виду]: например, если для двойного род — многократное, то для половины — малая доля, ибо противолежащее [роду] должно быть родом для противолежащего [виду]. Итак, если кто-то считает, например, что знание в существе своем есть чувственное восприятие, то он должен также считать, что познаваемое в существе своем есть чувственно воспринимаемое; но это не так, ибо не все познаваемое воспринимается чувствами, ведь нечто постигаемое умом также есть познаваемое. Так что чувственно воспринимаемое не есть род для познаваемого. Но если оно не род, то и чувственное восприятие не род для знания.

А так как из того, что называют соотнесенным, одно необходимо находится в том или при том, с чем именно оно соотнесено, как, например, состояние, или обладание, или соразмерность (ведь все это не может быть присуще ничему другому, кроме того, с чем оно соотнесено); другое же не необходимо находится, а может находиться в том, с чем оно соотнесено (например, если познаваемое — душа, ведь ничто не мешает, чтобы душа обладала знанием самой себя, но это не необходимо, ибо возможно, что знание о ней будет находиться в другом); иное же просто не может находиться в том, с чем именно оно соотнесено (например, противоположное — в противоположном, и знание — в познаваемом, если только познаваемое не оказывается душой или человеком),— то следует выяснить, не причисляют ли такое соотнесенное к роду, который не есть соотнесенное, например не утверждают ли, что память есть удерживание знания. Ведь всякое удерживание — в удерживающем или при нем, так что и удерживание знания должно быть в знании. Следовательно, память должна

быть в знании, коль скоро оно есть удерживание знания. Но это невозможно, ибо всякая память — в душе [4]. Указанный топ распространяется и на привходящее, ибо безразлично, утверждают ли, что удерживание есть род для памяти, или говорят, что оно есть привходящее для нее; ведь если память есть каким-либо образом удерживание знания, то тот же самый довод пригоден и для этого случая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Топы для выявления ошибок при указании рода*]

Далее, следует обратить внимание на то, не относят ли состояние к деятельности или деятельность к состоянию, подобно тому как говорят, что чувственное восприятие — это движение посредством тела; ведь чувственное восприятие есть состояние, а движение — деятельность. Точно так же — если утверждают, что память есть состояние, удерживающее постигнутое. Ведь никакая память не есть состояние, скорее она деятельность.

Совершенно ошибаются и те, кто относит состояние к связанной с ним способности, например когда утверждают, что кротость — это воздержание от гнева или мужество и справедливость — воздержание от страха и корысти. Ведь мужественным и кротким называется тот, кто свободен от страстей, а воздержным — тот, кто имеет страсти, но не управляем ими. Конечно, такого рода способность сопутствует кротости и мужеству, так что если возникает страсть, то не побуждаются ею, а обуздывают ее. Однако не это есть существо мужества и кротости, а то, что вообще ничего не испытывают от такого рода страстей.

Иногда полагают как род и то, что каким-то образом сопутствует [виду], например огорчение — как род для гнева и мнение — как род для веры. И то и другое, конечно, каким-то образом сопутствует данным видам, но ни то ни другое не есть род для них. Действительно, гневающийся испытывает огорчение, но в нем огорчение возникает раньше, ибо не гнев причина огорчения, а огорчение — причина гнева. Так что гнев вообще не есть огорчение. Точно так же и вера не есть мнение. В самом деле, можно иметь мнение о чем-то и не верить в это, что невозможно, если вера действительно

есть вид мнения. Ведь не может нечто более оставаться тем же самым, если оно совершенно оставляет свой вид, подобно тому как не может одно и то же живое существо то быть человеком, то не быть человеком. Если же кто-нибудь стал бы утверждать, что имеющий мнение о чем-то необходимо и верит в это, то мнение и вера сказывались бы о равном [по числу], так что и 126a
в таком случае мнение не может быть родом [для веры], ибо род должен простираться на большее.

Следует также выяснить, находятся ли род и вид по природе своей в чем-то одном и том же, ведь, в чем находится вид, в том находится и род; например, в чем находится белое, в том находится и цвет, и в чем — умение читать и писать, в том и знание. Итак, если кто-то называет стыд страхом или гнев огорчением, то отсюда не будет следовать, что вид и род находятся в одном и том же, ведь стыд находится в разумной части души, а страх — в страстной, точно так же огорчение — в вожделеющей части (ведь в ней находится и удовольствие), а гнев — в страстной, так что страх и огорчение не роды, потому что они по природе своей не находятся там же, где находятся виды. Равным образом любовь, если она находится в вожделеющей части души, не есть никакая воля, ибо всякая воля находится в разумной части души. Этот топ полезен и при рассмотрении привходящего, ибо, в чем находится привходящее, в том находится и то, для чего оно привходящее, так что если они оказываются не в одном и том же, то ясно, что оно не привходящее для него.

Далее, следует выяснить, не причастен ли вид указываемому роду лишь в отношении чего-то, ведь считают, что род не допускает причастность себе [вида] лишь в отношении чего-то. В самом деле, человек не есть живое существо лишь в отношении чего-то, и умение читать и писать не есть знание лишь в отношении чего-то. Равным образом и в других случаях. Вот почему следует обратить внимание на то, в каких случаях нечто причастно роду лишь в отношении чего-то, например если говорят, что живое существо есть в существе своем чувственно воспринимаемое или видимое. Действительно, в отношении чего-то живое существо есть чувственно воспринимаемое или видимое, а именно: в отношении тела оно чувственно воспринимаемое или видимое, в отношении же души — нет, так что

видимое и чувственно воспринимаемое не могут быть родом для живого существа.

Иногда остаются незамеченными случаи, когда целое причисляется к части, например когда утверждают, что живое существо есть одушевленное тело. Ведь часть никоим образом не сказывается о целом, так что тело не может быть родом для живого существа, потому что оно часть живого существа.

Следует также обратить внимание на то, не считают ли способностью или способным то, что достойно порицания, или то, чего следует избегать; например, не считают ли софистом, или клеветником, или вором того, кто способен тайно отнимать чужое, [или клеветать, или приводить лжедоводы]. Ибо о каждом из них говорится, что он таков, не потому, что он *способен* совершать такого рода действия, ведь и бог и честный человек способны делать нехорошее, однако они не таковы. Дело в том, что о всех плохих людях говорят, что они таковы, на основании того, что́ они делают [плохого] по доброй воле [1]. Кроме того, всякая способность желательна, ибо даже способность к плохому желательна; поэтому мы и говорим, что и бог, и человек обладают ею, а именно что они способны делать нехорошее. Так что способность не может быть родом для чего-либо, что достойно порицания. Иначе нечто достойное порицания было бы желательно, ибо какая-то способность была бы тогда достойна порицания.

Следует также выяснить, не считают ли нечто само по себе ценное или желательное способностью, или способным, или созидающим. Ведь всякая способность и все способное или все созидающее желательны ради чего-то другого.

Следует также выяснить, не считают ли нечто, принадлежащее к двум или больше родам, принадлежащим лишь к одному из них. Ведь многое нельзя считать принадлежащим только к одному роду, например обманщика и клеветника, ибо ни тот, кто намерен, но не в состоянии делать, ни тот, кто в состоянии, но не намерен делать, не есть клеветник или обманщик, а таков тот, кто и намерен, и в состоянии делать. Так что клеветника или обманщика следует считать принадлежащими не к одному роду, а к двум.

Далее, иногда род выдают за видовое отличие и, наоборот, видовое отличие — за род, например изумле-

ние — за чрезмерность удивления и веру — за крайность, [или твердость], мнения. Но ведь чрезмерность и крайность есть не род, а видовое отличие. В самом деле, считают, что изумление есть чрезмерное удивление и вера — крайнее мнение, так что род — удивление и мнение, а чрезмерность и крайность — видовое отличие. Далее, если чрезмерность и крайность выдают за роды, то и неодушевленные предметы в состоянии верить и изумляться. Ведь крайность и чрезмерность находятся в том, чему свойственны крайность и чрезмерность. Стало быть, если изумление есть чрезмерность удивления, то изумление будет находиться в удивлении, так что удивление будет изумляться. Равным образом и вера в таком случае будет находиться во мнении, если она действительно крайность мнения, так что мнение будет верить. Кроме того, тот, кто таким образом указывает род, должен в таком случае называть крайность крайней и чрезмерность чрезмерной. Ведь вера крайня; стало быть, если вера есть крайность, то крайность крайня. Равным образом и изумление чрезмерно; стало быть, если изумление есть чрезмерность, то чрезмерность чрезмерна; однако ни то ни другое не считается правильным, совершенно так же, как знание не есть познающее и движение не есть движущееся.

Иногда так же совершенно ошибаются, причисляя состояние к тому, что́ находится в данном состоянии, как его род, например те, кто утверждает, что бессмертие есть вечная жизнь. Ведь бессмертие есть, очевидно, некоторое состояние или обстоятельство жизни. А что сказанное правильно, становится ясным, когда признают, что кто-то из смертного становится бессмертным, ведь все тогда скажут, что он не другую жизнь начал, а возникло [иное] обстоятельство или состояние той же самой жизни. Так что жизнь не есть род 127a
для бессмертия.

Далее, ошибаются, когда в качестве рода для состояния указывают то, состояние чего оно есть, например когда утверждают, что ветер есть движущийся воздух. Ведь ветер есть скорее движение воздуха. Тот же воздух остается и когда он движется, и когда он спокоен, так что ветер вообще не есть воздух. Ведь иначе и при недвижимом воздухе был бы ветер, если только остается тот же самый воздух, который будто бы

был ветром. Равным образом и в других таких случаях. Если бы даже в этом случае пришлось согласиться, что ветер есть движущийся воздух, то все же допускать это не следует ни в одном из тех случаев, в которых род указан неправильно, а допускать это следует лишь в тех, где данный род сказывается правильно. Ибо в некоторых случаях утверждают, видимо, неправильно, как, например, относительно глины и снега. А именно, говорят, что снег есть замерзшая вода, а глина — земля, смешанная с водой. Однако ни снег не вода, ни глина не земля. Так что ни то ни другое из данного не есть род для них. Ибо род всегда должен правильно сказываться о видах. Равным образом и вино не есть приведенная в брожение вода, как говорит Эмпедокл — «приведенная в брожение вода в деревянном [сосуде]»[2]. Дело в том, что вино вообще не есть вода.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Топы для выявления ошибок при указании рода (продолжение)]

Далее, следует выяснить, не обстоит ли дело так, что данное вообще ни для чего не есть род. Ведь ясно, что в этом случае оно не род и для вида, о котором речь. Это можно усмотреть из того, что причастные данному роду вещи не отличаются друг от друга по виду, например белые вещи, ведь они по виду не отличаются друг от друга. Между тем виды, к какому бы роду они ни принадлежали, различны. Так что белое не может быть родом ни для чего.

Далее, следует обратить внимание на то, не называют ли родом или видовым отличием то, что следует из всего. В самом деле, многое следует из всего; например, сущее и единое принадлежит к тому, что следует из всего. Стало быть, если сущее дано как род, то ясно, что оно должно быть родом для всего, потому что оно сказывается обо всем. Род же сказывается ни о чем другом, как только о своих видах. Так что и единое в таком случае будет видом сущего. Таким образом, выходит, что обо всем, о чем сказывается род, сказывается и вид, так как сущее и единое сказываются обо всем без исключения. Но вид должен сказываться о меньшем, [чем род]. Если же то, что следует из всего, будет названо видовым отличием, то ясно, что видовое отличие будет простираться на рав-

ное или на большее, чем род. Ибо если и род принадлежит к тому, что следует из всего, то видовое отличие будет простираться на равное [по числу]; если же род следует не из всего, то видовое отличие будет простираться на большее, чем он.

Надо также выяснить, не говорится ли о том, что 127b
дано как род, что оно находится в виде как в подлежащем (например, белое в отношении снега[1]). В таком случае ясно, что оно не может быть родом, так как род только сказывается о виде как о подлежащем.

Следует также выяснить, не обстоит ли дело так, что род и вид не соименны. Дело в том, что род сказывается обо всех [своих] видах соименно.

Далее, ошибаются, когда при наличии противоположного и виду и роду лучшую из противоположностей причисляют к худшему роду. В таком случае другой [вид] будет находиться в другом [роде], потому что противоположные [виды] находятся в противоположных родах, так что лучший [вид] будет находиться в худшем [роде], а худший [вид] — в лучшем роде. Однако полагают, что род лучшего [вида] также лучше. И так же ошибаются, когда один и тот же вид, одинаковым образом относящийся к тому и другому [роду], причисляют к худшему, а не к лучшему роду, например когда утверждают, что душа в существе своем есть движение или нечто движущееся. Ведь считают, что она одинаково есть начало покоя и начало движения, так что если покой лучше, то его и следует полагать родом.

Далее, при опровергании следует исходить из большего и меньшего, если род допускает бо́льшую степень, а вид не допускает — ни он сам, ни названное по нему; например, если добродетель допускает бо́льшую степень, то и справедливость и справедливый, ведь говорят: один человек справедливее другого. Следовательно, если данное как род допускает бо́льшую степень, а вид не допускает — ни он сам, ни названное по нему, то оно не род.

Далее, если то, что кажется [родом] в большей или в равной степени, не есть род, то ясно, что и данное не род. Этот топ больше всего полезен для таких случаев, где кажется, что о виде многое сказывается в сути его, но нельзя определить и мы не в состоянии утверждать, что́ из этого есть его род. Например, считают,

что огорчение и подозрение в пренебрежении сказываются о гневе в сути его, так как гневающийся испытывает огорчение и подозревает, что им пренебрегают. Тот же способ рассмотрения применим в случае, когда один вид сравнивают с каким-нибудь другим видом. В самом деле, если то, что кажется принадлежащим данному роду в большей или в равной степени, к этому роду не принадлежит, то ясно, что и данный вид не принадлежит к этому роду.

Таким образом, при опровергании следует применять этот топ так, как было сказано. При обосновании этот топ не пригоден, если данный род и вид допускают бóльшую степень. В самом деле, ничто не мешает, чтобы, когда оба допускают ее, один не был родом для другого. Ведь и прекрасное и белое допускают бóльшую степень, однако одно не есть род для другого. Сопоставление же родов и видов между собой полезно; например, если одно и другое в равной степени [кажутся] родами, то если одно из них действительно есть род, то также другое. Равным образом — если одно [кажется] родом в меньшей степени, а другое — в большей степени. Например, если для воздержности способность [кажется] родом в большей степени, чем добродетель, а добродетель действительно есть род, то и способность есть род. Тот же способ рассмотрения применим и к виду. В самом деле, если одно и другое в равной степени кажутся видами обсуждаемого [рода], то если одно из них действительно есть его вид, то и другое есть вид. И если кажущееся [видом] в меньшей степени есть вид, то также и кажущееся им в большей степени.

Далее, для обоснования следует смотреть, чтобы род сказывался о тех [видах], для которых он дан, в сути их, когда имеется не один данный вид, а большее число и разные. Ведь ясно, что тогда этот род действительно будет родом. Если же данный вид один, то следует выяснить, не сказывается ли род и о других видах в сути их. Ибо опять может оказаться, что он будет сказываться о большем числе видов и о разных.

Так как некоторые полагают, что и видовое отличие сказывается о видах в их сути, то следует отграничить род от видового отличия, пользуясь основными положениями, указанными ранее[2]. Во-первых, что род простирается на большее, чем видовое отличие. Во-вто-

рых, что для указания сути вещи более подходит род, чем видовое отличие. В самом деле, тот, кто говорит, что человек — живое существо, больше выявляет суть человека, чем тот, кто говорит, что он живущее на суше. И [в-третьих], что видовое отличие всегда означает качество рода, род же не означает качества видового отличия. В самом деле, кто говорит «живущее на суше», тот подразумевает такое-то живое существо, а кто говорит «живое существо», тот не подразумевает какого-то живущего на суше.

Итак, видовое отличие следует отграничить от рода таким именно образом. Но так как полагают, что [если], [например], искусный в музыке, поскольку он искусный в музыке, есть человек знающий, то искусство музыки есть определенное знание; и что если идущий из-за того, что он идет, движется, то ходьба есть определенное движение,— так как полагают, что дело обстоит именно так, то только что указанным способом следует выяснить, к какому роду хотят что-то отнести. Например, если [хотят доказать], что знание в существе своем есть убежденность, то следует выяснить, убежден ли знающий, поскольку он имеет знание. Ведь в таком случае ясно, что знание есть некоторая убежденность. Этим же способом следует рассматривать и другие такого рода случаи.

Далее, так как то, что всегда из чего-то следует, но не наоборот, трудно отличать [от рода и доказать], что оно не род, то сам [спорящий] [3], когда из одного следует другое во всех случаях, а из этого другого оно 128b следует не во всех случаях (например, из наличия безветрия следует наличие покоя, а из наличия числа — наличие делимого, обратно же нет, ведь не все делимое есть число и не всякий покой есть безветрие), может принимать за род то, что всегда следует из чего-то, в том случае если последнее не следует из первого. Если же другой выставляет его [как род], то не во всех случаях надо соглашаться с ним; можно возразить ему, что не-сущее следует из всего становящегося (ибо то, чтó становится, [еще] не есть), но не наоборот (ибо не все не-сущее становится), тем не менее не-сущее не есть род для становящегося. Ведь не-сущее вообще не имеет никаких видов.

Итак, что касается рода, то он должен быть рассмотрен так, как мы сказали.

КНИГА ПЯТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Определение собственного и виды его*]

Есть ли указанное собственное или не есть собственное, — это должно быть рассмотрено при помощи следующих [топов].

Как собственное указывается или само по себе и всегда присущее или присущее по отношению к другому и иногда. Например, собственное для человека, само по себе присущее,— это то, что он живое существо, от природы поддающееся воспитанию. Собственное по отношению к другому — это, например, собственное для души по отношению к телу: то, что она повелевает, а тело исполняет. Собственное, присущее всегда,— например для бога — то, что он бессмертное существо. Собственное, присущее иногда,— например для какого-то отдельного человека — то, что он прохаживается в гимнасии.

При указании собственного, присущего по отношению к другому, возникают или две, или четыре проблемы. А именно, когда одно и то же относительно одного утверждается, а относительно другого отрицается, возникают только две проблемы, когда, например, собственным для человека по отношению к лошади признают то, что он двуногий. Действительно, тогда можно против этого привести в качестве довода и то, что человек не двуногий, и то, что лошадь двуногая,— и тем и другим способом отвергается собственное. Когда же каждое из двух относительно одного утверждается, а относительно другого отрицается, возникают четыре проблемы, например когда собственным для человека по отношению к лошади признают то, что он двуногий, а для лошади — что она четвероногая. Действительно, тогда можно против этого привести в качестве довода и то, что человек не двуногий, и то, что он по природе четвероногий, и то, что лошадь

двуногая, и то, что она не четвероногая. Итак, каким бы из двух способов ни было это доказано, положенное оспаривается.

Собственное, присущее само по себе, есть то, что указывается для всех [предметов данного вида] и отличает их от всего другого, например для человека — что он смертное живое существо, способное овладевать знаниями. Собственное по отношению к другому — это то, что отличает не от всех других, а от чего-то определенного; например, собственное для добродетели по отношению к знанию — то, что добродетель возникает во многих [частях души], а знание — лишь в разумной части души и у тех, душа которых имеет по природе разумную часть. Собственное, всегда присущее,— это то, что истинно во всякое время и никогда не оставляет [предмет], как, например, для животного — что оно состоит из души и тела. Собственное, иногда присущее,— это то, что истинно в продолжение определенного времени и не необходимо всегда сопутствует, как, например, для отдельного человека — прохаживаться по рыночной площади.

Указать собственное, присущее по отношению к другому, значит назвать различие, имеющееся или у всех [предметов данного вида] и всегда, или в большинстве случаев и у большей части [этих предметов.] Так, например, собственное для человека по отношению к лошади, присущее всем [людям] и всегда,— это то, что он двуногий. Ведь и всегда и каждый человек двуногий, никакая же лошадь не бывает двуногой. А [различие, имеющееся] в большинстве случаев и у большей части [предметов данного вида],— это, например, собственное для разумной части души по отношению к вожделеющей части и страстной части — то, что она повелевает, а те исполняют. Действительно, не во всякое время разумная часть повелевает, а иногда и повелевают ею, и не всегда повелевают вожделеющей частью и страстной частью, а временами они повелевают, а именно когда душа человека испорчена.

Из относящегося к собственному больше всего доставляет доводы (logika) то, чтó присуще само по себе, всегда и по отношению к другому. В самом деле, при рассмотрении собственного, присущего по отношению к другому, возникает, как мы сказали раньше[1], несколько проблем, а именно возникают или две, или че-

тыре проблемы. Следовательно, и доводов относительно них бывает много. При рассмотрении собственного, присущего самого по себе и всегда, можно приводить доводы относительно многого или прослеживать его для разного времени, а именно, при рассмотрении собственного, присущего само по себе, [можно приводить доводы] относительно многого, ибо по отношению к каждой вещи [других видов] собственное [для данной вещи] должно быть присуще только ей, так что если она не отличается от всех других, то собственное дано не надлежащим образом. Собственное же, присущее всегда, нужно прослеживать для разного времени, ибо если оно не присуще теперь, или если оно не было присуще раньше, или если оно не будет присуще в будущем, то оно не будет таким собственным. Собственное, присущее иногда, мы рассматриваем только для данного времени. Следовательно, относительно него нельзя приводить много доводов. Проблема, построенная на рассуждении (logikon),— это та, доводы относительно которой бывают и многочисленными, и надлежащими.

Итак, то, что названо собственным по отношению к другому, следует рассматривать при помощи топов, касающихся привходящего, а именно следует выяснить, бывает ли оно у одного, а у другого нет. Собственное же, присущее всегда и само по себе, должно быть рассмотрено при помощи следующих топов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Топы для выяснения того, надлежащим ли образом указано собственное]

129b Прежде всего следует обратить внимание на то, дано ли собственное надлежащим образом или не надлежащим образом. Один топ для выяснения того, надлежащим ли или не надлежащим образом [указано] собственное, состоит в выяснении того, положено ли собственное не через более известное или через более известное: при опровергании — дано ли оно не через более известное, при обосновании — дано ли оно через более известное. Собственное дано не через более известное, если, во-первых, данное собственное вообще менее известно, чем то, для чего это собственное указано. В таком случае собственное действительно будет

положено не надлежащим образом, ведь мы приводим собственное ради познания. Стало быть, следует указывать собственное через более известное, ибо так можно будет что-то изучать более подходящим образом. Так как, например, тот, кто полагает как собственное для огня то, что огонь более всего сходен с душой, указывает менее известное, чем огонь,— душу (ведь мы больше знаем, что такое огонь, чем что такое душа), то «наибольшее сходство с душой» положено как собственное для огня не надлежащим образом. Собственное дано не через более известное, если, во-вторых, присущность его не более известна, [чем сам предмет]. Дело в том, что собственное не только должно быть более известно, чем предмет, но должно быть более известным и то, что оно ему присуще, ибо тот, кто не знает, присуще ли оно предмету, не знает также, присуще ли оно только ему. Так что в любом из этих случаев собственное не ясно. Например, если кто-то полагает как собственное для огня то, что душа по природе своей находится в нем как в первооснове (en hō prōtō), то он указывает менее известное, чем огонь, говоря, что в нем находится душа и что она находится в нем как в первооснове, и поэтому «то, в чем по природе своей находится душа как в первооснове» положено как собственное для огня не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственное было положено через более известное, притом через более известное тем и другим способом. В таком случае собственное действительно будет положено надлежащим образом, ведь из топов, применяемых для обоснования того, надлежащим ли образом [дано собственное], одни выявляют, что оно дано надлежащим образом только в одном отношении, а другие — вообще. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для животного — это обладание чувственным восприятием, указал собственное тем и другим способом — через более известное и как более известное, то в этом отношении «обладание чувственным восприятием» будет дано как собственное для животного надлежащим образом.

Затем следует при опровергании выяснить, не обстоит ли дело так, что какое-нибудь из имен, употребляемых для указания собственного, многозначно или что вся речь многозначна. В таком случае собственное

действительно будет положено не надлежащим образом. Если, например, воспринимать чувствами означает больше, чем одно: во-первых, обладать чувственным восприятием, во-вторых, пользоваться чувственным восприятием, то «способное по природе воспринимать чувствами» будет положено как собственное для живого существа не надлежащим образом. Поэтому не следует для обозначения собственного употреблять ни имя, ни речь, имеющие много значений, потому что многозначность делает сказанное неясным, и тот, кто намерен приводить доводы против него, находится в затруднении, в каком же смысле говорил [собеседник]. Ведь собственное указывается ради изучения. Кроме того, против тех, кто таким образом указывает собственное, необходимо имеется некоторое опровержение, когда при многозначности сказанного строят умозаключение о том, что имеет разный смысл. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы ни имя, ни вся речь не были многозначны; в этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Если, например, ни «тело», ни «наиболее легко поднимающееся вверх», ни составленное из них целое не многозначны, то в этом отношении «тело, наиболее легко поднимающееся вверх» будет положено как собственное для огня надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует обратить внимание на то, не в различных ли значениях говорится о том, для чего дается собственное, и не обстоит ли дело так, что не определено, для какого из этих значений полагают собственное. В таком случае собственное действительно будет дано не надлежащим образом. А по каким причинам — это должно быть ясно из сказанного ранее[1]. Ведь неизбежно получается то же самое. Так как, например, «знание этого» имеет много значений (во-первых, что само это обладает знанием; во-вторых, что оно применяет знание; в-третьих, что кто-то обладает знанием об этом; в-четвертых, что кто-то применяет знание об этом), то собственное для «знания этого» будет дано не надлежащим образом, если не будет определено, для какого из этих значений полагают собственное. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы то, для чего полагают собственное, указывалось не многозначно, а однозначно и просто. В этом отношении собственное действительно будет положено

надлежащим образом. Если, например, «человек» имеет только одно значение, то «живое существо, от природы поддающееся воспитанию» положено как собственное для человека надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, не повторяется ли при указании собственного одно и то же несколько раз. Ибо часто этого не замечают ни при указании собственного, ни при построении определений. В таком случае собственное положено не надлежащим образом, ибо слушателя приводит в замешательство повторение [одного и того же]. Таким образом неизбежно возникает неясность и, кроме того, кажется, что болтают. Повторение одного и того же бывает двояким образом. Во-первых, когда неоднократно повторяют одно и то же имя, например когда утверждают, что собственное для огня — это то, что он легчайшее тело среди тел (ведь два раза повторяют имя «тело»); во-вторых, когда имя заменяют речью, когда, например, указывают как собственное для земли, что она сущность, по природе больше всех тел устремляющаяся вниз, а затем «тела» заменяют [речью] «такие-то сущности» (ведь одно и то же — «тело» и «такая-то сущность»). В таком случае «сущность» будет повторена несколько раз и ни одно собственное не будет положено надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы одно и то же имя никоим образом не употреблялось больше одного раза; в этом отношении собственное будет дано надлежащим образом. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для человека — это то, что он живое существо, способное овладевать знаниями, не употреблял одно и то же имя несколько раз, то в этом отношении собственное для человека будет дано надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, не указано ли в качестве собственного нечто такое, что присуще всему. В самом деле, бесполезно будет указывать то, что не отличает [предмет] от каких-либо [других], ведь то, о чем говорится как о собственном, должно отличать [предмет] от других, точно так же как и [указанное] в определениях. Стало быть, собственное будет в таком случае положено не надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает, что собственное для знания — это постижение, неколебимое никаким доводом, поскольку оно одно, использует при указании

собственного нечто присущее всему, а именно «одно», то собственное для знания будет положено не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы не пользовались ничем общим [многому или всему], а только тем, что отличает [одно] от другого. В этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для живого существа — это обладание душой, не пользовался ничем общим [всему], то в этом отношении «обладание душой» будет положено как собственное для живого существа надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, не указали ли для одного и того же не одно собственное, а больше, не уточняя, что приведено много. В таком случае собственное действительно положено не надлежащим образом. В самом деле, подобно тому как в определениях, кроме речи, показывающей сущность вещи, не следует прибавлять ничего другого, точно так же при указании собственного помимо речи, указывающей собственное, ничего не следует прибавлять, ибо такого рода [прибавление] бывает бесполезным. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для огня — это то, что он тончайшее и легчайшее тело, привел больше одного собственного (ведь каждое из них правильно приписывается только огню), то «тончайшее и легчайшее тело» положено как собственное для огня не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы для одного и того же было указано не много, а только одно собственное. В этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для жидкого — это то, что оно тело, принимающее любые очертания, указал одно собственное, и не больше, то в этом отношении собственное для жидкого положено надлежащим образом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Топы для выяснения того, надлежащим ли образом указано собственное (продолжение)]

Далее, при опровергании следует смотреть, не принимают ли за собственное то, собственное чего должно быть дано, или нечто к нему принадлежащее. В та-

ком случае собственное действительно будет положено не надлежащим образом, ведь собственное дается ради 131a изучения. То, чтó [обозначено] через само себя, остается, конечно, в равной мере неизвестным, а нечто к нему принадлежащее есть что-то последующее, стало быть, никак не более известное[1]. Так что через их посредство невозможно что-либо изучить лучше. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для живого существа — это сущность, один из видов которой есть человек, употребил нечто принадлежащее к живому существу, то собственное будет положено не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы не употребляли как собственное ни сам предмет, ни нечто к нему принадлежащее. В этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает собственным для живого существа то, что оно состоит из души и тела, не называет ни сам предмет, ни нечто к нему принадлежащее, то в этом отношении собственное для живого существа будет дано надлежащим образом.

Точно так же следует рассматривать и другие [условия], которые не делают или делают предмет более известным. При опровергании же следует смотреть, не употребляют ли [как собственное] нечто противолежащее предмету, или вообще нечто по природе своей данное вместе[2] с ним, или нечто последующее. В таком случае собственное действительно будет положено не надлежащим образом. В самом деле, противолежащее предмету есть по природе своей нечто данное вместе с ним, а то, что по своей природе дано вместе с предметом, и последующее не делают его более известным. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для блага — это то, что оно более всего противолежит злу, употребил противолежащее благу, то собственное для блага указано не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы не употребляли как собственное ни противолежащее предмету, ни вообще нечто по природе своей данное вместе с ним, ни последующее. В этом отношении собственное действительно будет указано надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает собственным для знания надежнейшее постижение, не указывает ни противолежащее предмету, ни нечто по своей природе данное

вместе с ним, ни последующее, то в этом отношении собственное для знания будет положено надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, указывают ли как собственное не постоянно сопутствующее, а то, что иногда оказывается не собственным. В этом случае собственное действительно будет указано не надлежащим образом. Ибо тогда, с одной стороны, даже имя не обязательно было бы подходящим для предмета, которому, как мы понимаем, собственное присуще, а с другой стороны, имя не обязательно отрицалось бы относительно предмета, которому, как обнаруживается, собственное не присуще. Кроме того, при указании собственного не будет ясно, присуще ли оно, поскольку оно такое, что может и отсутствовать [у предмета]. Следовательно, собственное не будет очевидным. Так как, например, тот, кто полагает собственным для живого существа то, что оно иногда двигается или останавливается, указывает такое собственное, которое иногда оказывается не собственным, то собственное положено не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы как собственное было указано то, что необходимо присуще всегда. В этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает собственным для добродетели то, что она делает обладающего ею хорошим, указывает как собственное нечто сопутствующее ей всегда, то в этом отношении собственное для добродетели будет дано надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует выяснить, не обстоит ли дело так, что, указывая собственное для настоящего времени, не уточнили, что собственное указано для настоящего времени. В таком случае собственное действительно будет положено не надлежащим образом. В самом деле, во-первых, все необычное нуждается в дополнительном объяснении, а ведь все имеют обыкновение указывать как собственное то, что сопутствует всегда. Во-вторых, неизвестно, действительно ли хотел тот, кто не уточнял, полагать собственное [только] для настоящего времени. Не следует, таким образом, давать повод для упрека. Так как, например, тот, кто полагает собственным для какого-то человека то, что он с кем-то сидит, полагает это как собственное [только] для настоящего времени, то собственное будет

дано не надлежащим образом, если только сказали без [соответствующего] уточнения. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы тот, кто указывает собственное [лишь] для настоящего времени, уточнял, что он полагает собственное [только] для настоящего времени. В этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное какого-то человека — это то, что он в настоящее время прохаживается, указал его, сделав [соответствующее] уточнение, то собственное будет положено надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, не указали ли такое собственное, присущность которого очевидна не иначе как через чувственное восприятие. В этом случае собственное действительно будет положено не надлежащим образом. В самом деле, все чувственно воспринимаемое, будучи вне чувственного восприятия, недостоверно, ибо еще не ясно, присуще ли оно, потому что оно делается известным только через чувственное восприятие. Это будет верно относительно того, что не обязательно сопутствует всегда. Например, тот, кто полагает собственным для Солнца то, что оно самое светлое небесное тело, несущееся над Землей, употребил при [обозначении] собственного то, что становится известным через чувственное восприятие, так что собственное для Солнца будет дано не надлежащим образом. В самом деле, когда Солнце заходит, будет неизвестно, несется ли оно над Землей, потому что тогда чувственное восприятие перестает нам служить. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы как собственное было дано то, что очевидно не через чувственное восприятие, или, если оно чувственно воспринимаемо, чтобы было ясно, что оно необходимо присуще. В этом отношении собственное действительно будет положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает собственным для поверхности то, что она первая окрашивается, указывает, правда, нечто чувственно воспринимаемое — быть окрашенным, но такое, что явно присуще всегда, то в этом отношении собственное для поверхности будет дано надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, не дано ли в качестве собственного определение. В этом случае собственное действительно будет положено не надлежащим образом. В самом деле, собственное не должно

132a выражать суть бытия [вещи] [3]. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для человека — это то, что он двуногое существо, живущее на суше, указал собственное для человека, обозначающее суть его бытия, то собственное для человека будет дано не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы как собственное было дано то, что, правда, взаимозаменяемо с вещью, но не выражает сути ее бытия. В этом отношении собственное будет дано надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает собственным для человека то, что он живое существо, от природы поддающееся воспитанию, указывает, правда, нечто взаимозаменяемое [с «человеком»], однако не выражающее сути его бытия, то в этом отношении собственное для человека будет дано надлежащим образом.

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что тот, кто полагает собственное, не указывает того, что входит в суть [предмета]. Дело в том, что при [обозначении] собственного, как и при определениях, следует прежде всего указать род, а затем уже присовокупить остальное и таким образом провести разграничение. Так что собственное, положенное не так, будет дано не надлежащим образом. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для живого существа — обладание душой, не указал того, что́ входит в суть живого существа, то собственное для живого существа будет положено не надлежащим образом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы [сначала] полагали то, что входит в суть [предмета], для которого дается собственное, а затем присовокупили остальное. В этом отношении собственное действительно будет дано надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагает собственным для человека то, что он живое существо, способное овладевать знаниями, указывает собственное, полагая то, что́ входит в суть человека, то в этом отношении собственное будет положено надлежащим образом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Топы для выяснения того, есть ли вообще собственное то, что указано как собственное*]

Итак, дано ли собственное надлежащим или не надлежащим образом, это следует рассматривать при помощи этих [топов]. Есть ли указанное вообще собст-

венное или нет,— об этом надо судить на основании следующего. А именно, те топы, которые обосновывают, что собственное просто положено надлежащим образом, должны быть тождественны тем, которые вообще устанавливают собственное. Вот почему эти заключают в себе те.

Итак, прежде всего следует при опровергании посмотреть относительно каждой вещи, для которой дано собственное, не обстоит ли дело так, что оно не присуще ни одной, или неистинно в отношении ее, или оно есть собственное не для каждой из вещей [данного вида] в том смысле, в каком оно дано, ибо в этом случае не будет собственным то, что́ положено как собственное. Так как, например, неправильно говорить о геометре, что он не поддается обману доводом (ибо геометр ошибается, если рисует неправильный чертеж), то не может быть собственным для обладающего знанием не быть введенным в заблуждение доводом. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственное было истинным в отношении всего, и именно в том смысле истинным, [в каком оно указано], и тогда собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Так как, например, правильно говорится о каждом человеке — и именно поскольку он человек, — что он живое существо, способное овладевать знаниями, то собственным для человека будет то, что он живое существо, способное овладевать знаниями. Этот топ применим при опровергании, если дело обстоит так, что, относительно чего неправильно имя, относительно того правильна речь[1], и, относительно чего неправильна речь, относительно того правильно имя. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы и речь сказывалась о том, о чем сказывается имя, и чтобы и имя сказывалось о том, о чем сказывается речь.

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что, о чем сказывается имя, о том не сказывается речь, а о чем сказывается речь, о том не сказывается имя. В этом случае не будет собственным то, что положено как собственное. Если, например, правильно говорится о боге, что он живое существо, причастное знанию, но [имя] «человек» о нем не сказывается, то не будет собственным для человека то, что он живое существо, причастное знанию. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы о том, о чем

сказывается речь, сказывалось и имя, и о том, о чем сказывается имя, сказывалась и речь. В этом случае собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Если, например, о том, что имеет душу, правильно говорить, что оно живое существо, и о том, чтó есть живое существо,— что оно имеет душу, то обладание душой будет собственным для живого существа.

Далее, при опровергании следует смотреть, не дано ли подлежащее как собственное для того, о чем говорится, что оно содержится в этом подлежащем. В таком случае не будет собственным то, что положено как собственное. Так как, например, тот, кто указал огонь как собственное для тела, состоящего из мельчайших частиц, указал подлежащее как собственное для сказываемого [о подлежащем], то огонь не будет собственным для тела, состоящего из мельчайших частиц. Подлежащее не будет собственным для того, что в нем содержится, потому что одно и то же будет собственным для многих и отличающихся по виду вещей, ведь одному и тому же присущи многие видовые отличия, которые относятся только к нему, и подлежащее будет собственным для всех них, если так полагать собственное. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы указали как собственное для подлежащего то, что в нем содержится. Тогда будет собственным то, относительно чего полагают, что оно не собственное, если только оно сказывается лишь о том, для чего оно утверждается как собственное. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для земли — это то, что она самое тяжелое по виду тело, указал как собственное для подлежащего то, что говорится лишь о нем и сказывается о нем как собственное, то собственное для земли будет положено правильно.

Далее, при опровергании следует смотреть, не указывается ли собственное на основании причастности. В этом случае не будет собственным то, что положено 133a как собственное. Дело в том, что присущее по причастности принадлежит к сути бытия вещи, и таковое было бы каким-то отличием, относящимся к одному какому-то виду. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для человека — это то, что он живущее на суше двуногое, указал собственное на основании причаст-

ности, то не будет собственным для человека то, что он живущее на суше двуногое. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственное было указано не на основании причастности и чтобы оно не выражало сути бытия [вещи], хотя оно взаимозаменяемо с ней. Тогда собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Так как, например, тот, кто полагает как собственное для живого существа естественную способность к чувственному восприятию, не указывает собственного на основании причастности и не выявляет сути бытия [живого существа], хотя оно взаимозаменяемо с ним, то собственным для живого существа будет естественная способность к чувственному восприятию.

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что собственное может быть присуще не одновременно с тем, что [обозначено] именем, а или раньше, или позже его. В этом случае не будет собственным то, что положено как собственное, или никогда, или не всегда. Так как, например, хождение по рыночной площади может быть присуще кому-то и раньше и позже, чем «человек», то хождение по рыночной площади не будет собственным для человека или никогда, или не всегда. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы указанное было всегда необходимо присуще одновременно [с тем, что обозначено именем], не будучи ни определением, ни видовым отличием [его]. В этом случае собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Так как, например, то, что живое существо, способное овладевать знаниями, всегда необходимо присуще одновременно с [тем, что обозначено именем] «человек», не будучи ни определением, ни видовым отличием его, то собственным для человека будет то, что он живое существо, способное овладевать знаниями.

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что для одних и тех же вещей, поскольку они одни и те же, собственное не одно и то же. Тогда то, что положено как собственное, не будет собственным. Если, например, «казаться кому-то благом» не есть собственное для желанного, то и для предпочитаемого «казаться кому-то благом» не будет собственным, ибо желанное и предпочитаемое — одно и то же. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы для

одного и того же, поскольку оно одно и то же, собственным было одно и то же. Тогда собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Если, например, собственным для человека, поскольку он человек, называют то, что он имеет душу, состоящую из трех частей, то и собственным для смертного, поскольку он смертный, будет то, что он имеет душу, состоящую из трех частей. Этот топ применим и к привходящему, ибо одному и тому же, поскольку оно одно и то же, одно и то же должно быть присуще или не присуще.

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что у одного и того же по виду собственное не всегда одно и то же по виду. В этом случае не будет собственным для указанного [предмета] 133b то, что положено как собственное. Если, например, человек и лошадь — одно и то же по виду, но не всегда собственным для лошади будет самостоятельно останавливаться, то и для человека не всегда будет собственным самостоятельно двигаться. Ведь самостоятельно двигаться и самостоятельно останавливаться — это одно и то же по виду, ибо это привходяще и для человека, и для лошади, поскольку они живые существа. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы у одного и того же по виду и собственное было всегда одним и тем же по виду. Тогда собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Если, например, собственное для человека — быть двуногим, живущим на суше, то и собственное для птицы — быть двуногим крылатым, ибо каждая из этих [пар] одна и та же по виду, поскольку человек и птица суть виды, принадлежащие к одному и тому же роду — к роду живых существ, а двуногое, живущее на суше, и двуногое крылатое суть видовые отличия рода — живого существа. Однако этот топ ошибочен, когда одно из названных [отличий] присуще только одному какому-то виду, а другое — многим, такое, как, например, «живущее на суше четвероногое».

Так как о тождественном и о разном говорится во многих значениях, то тому, кто рассматривает их как софист, трудно указать собственное для чего-то одного и только для него. Ибо присущее тому, для чего что-то привходяще, будет присуще и привходящему, взятому вместе с тем, для чего оно привходяще; например,

то, что присуще человеку, будет присуще также бледному человеку, если человек бледный, и присущее бледному человеку будет присуще и человеку. Кто-нибудь мог бы отвергнуть не одно собственное, утверждая, что подлежащее само по себе — это одно, а другое — подлежащее вместе с привходящим, например что быть человеком — это одно, а быть бледным человеком — это другое, далее, что состояние и названное в соответствии с этим состоянием — разное. На самом деле то, что присуще состоянию, будет присуще и тому, что названо в соответствии с этим состоянием, и присущее тому, что названо в соответствии с состоянием, будет присуще и состоянию. Так как, например, знающего называют находящимся в состоянии знающего в соответствии со знанием, то собственным для знания не может быть то, что оно неколебимо никаким доводом, ибо в таком случае и знающий будет неколебим никаким доводом. Так вот, при обосновании следует сказать, что то, для чего что-то привходяще, и привходящее, взятое вместе с тем, для чего оно привходяще, вообще-то не разное, а [лишь] постольку говорится здесь другое, поскольку бытие у них разное, ибо для человека быть человеком не то же самое, что для бледного человека быть бледным человеком. Далее, следует обратить внимание на окончания слов и сказать, что знающий есть не неколебим*ое* никаким доводом, а неколебим*ый* никаким доводом, и точно так же что знание есть не неколебим*ая* никаким доводом, а неколебим*ое* никаким доводом. В самом деле, тому, кто на все возражает, надо всячески противиться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Топы для выяснения природы собственного*]

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что желающий указать присущее по природе придает выражению такой оборот, что оно обозначает всегда присущее. В этом случае то, что положено как собственное, может быть, по-видимому, поколеблено. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для человека — это то, что он двуногое, хочет, правда, указать это как присущее по природе, но этим выражением обозначает всегда присущее, то

«двуногое» не будет собственным для человека, ибо не у всякого человека две ноги. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы, когда хотят указать как собственное присущее по природе, обозначили его соответствующим выражением, ибо в этом отношении собственное не будет поколеблено. Так как, например, тот, кто указывает, что собственное для человека — это то, что он живое существо, способное овладевать знаниями, не только хочет обозначать, но и действительно обозначает этим выражением присущее по природе, то в этом отношении нельзя поколебать собственное, утверждая, будто «живое существо, способное овладевать знаниями», не есть собственное для человека.

Далее, для того, что называется таким-то через что-то другое первое или само называется таким как первое, трудно указать собственное, ибо если указывают собственное для того, что таково через что-то другое, то оно будет истинным и для первого; если же его полагают для него, то оно будет сказываться и о том, что таково через что-то другое. Например, если кто-то укажет как собственное для поверхности «быть окрашенным», то это будет правильно и для тела. И если указывают это для тела, то это сказывается и о его поверхности. Так что речь относительно чего правильна, относительно того и имя неправильно [1].

При указании некоторых собственных допускают ту или иную ошибку большей частью оттого, что не уточняют, каким образом и для чего полагают собственное; а именно, все стараются указать как собственное или присущее по природе (как для человека «двуногое»), или [действительно] присущее (так, как для какого-то человека — «иметь четыре пальца»), или присущее по виду (так, как для огня — «состоящее из мельчайших частиц»), или просто присущее (так, как для живого существа — «жизнь»), или присущее на основании другого (так, как для души — «рассудительное»), или присущее как первое (так, как для разумной части души — «рассудительное»), или присущее благодаря обладанию (так, как для знающего — «неколебимое никаким доводом», ведь он будет неколебим никаким доводом только потому, что чем-то обладает), или присущее благодаря тому, что им обладают (так, как для
134b знания — «неколебимое никаким доводом»), или прису-

щее благодаря тому, что́ допускает причастность себе (так, как для живого существа — «чувственное восприятие», ибо воспринимает чувствами и что-то другое, например человек, но он уже воспринимает чувствами как причастный [«живому существу»]), или присущее благодаря причастности (так, как для какого-то живого существа — «жизнь»). Так вот, тот, кто не добавляет «по природе», допускает ошибку, потому что возможно, что присущее по природе не наличествует у того, кому по природе оно присуще (так, как человеку иметь две ноги). Ведь, не уточняя, что указывают то, что́ наличествует у него, [допускают ошибку], потому что такое может быть ему не присуще (например, человек может иметь четыре пальца). А если не объясняют, что полагают собственное как первое или как [данное] через другое, то [допускают ошибку], ибо тогда относительно чего речь правильна, относительно того и имя неправильно, как, например, «быть окрашенным», дано ли это как собственное для поверхности или как собственное для тела. И тот, кто заранее не говорит, что он указал собственное на основании обладания или того, чем обладают, [допускает ошибку], ибо тогда оно не есть собственное, ведь, если указывают собственное на основании того, чем обладают, оно будет присуще [и] тому, кто обладает; если же на основании того, кто обладает, оно будет присуще [и] тому, чем обладают, как, например, «неколебимое никаким доводом» полагают как собственное для знания или знающего. А тот, кто не присовокупляет, что собственное присуще благодаря причастности или благодаря тому, что допускает причастность себе, [делает ошибку], ибо тогда собственное будет присуще еще некоторым другим; ведь если указывают собственное на основании того, что допускает причастность себе, оно будет присуще [и] тем, которые причастны, а если на основании того, что причастно, оно будет присуще [и] тем, которые допускают причастность себе, например если как собственное какого-то живого существа или для живого существа [вообще] полагают жизнь. А тот, кто не различает по виду, [допускает ошибку], ибо тогда собственное будет присуще только одной из вещей, принадлежащих к тому, для чего полагают собственное. Ибо превосходная степень чего-то присуща только

одному, как, например, для огня — самое легкое. Иногда же допускают ошибку и прибавляя «по виду», ибо для того, о чем говорилось, должен быть один вид, раз прибавляют «по виду». Однако в некоторых случаях это не так, как, например, у огня. Ведь имеется не один вид огня. В самом деле, раскаленный уголь, пламя и свет, каждый из которых есть огонь, различны по виду. Поэтому, когда прибавляют «по виду», помимо названного [вида] не должно быть другого вида, ибо иначе названное собственное будет одним присуще больше, другим — меньше, как, например, для огня «состоящее из мельчайших частиц». Ведь свет состоит из более мелких частиц, чем раскаленный уголь или пламя. Но это не должно быть, если и имя не сказывается в большей мере о том, речь относительно чего более правильна. Иначе о том, речь относительно чего более правильна, и имя не будет сказываться в большей мере. К тому же собственное 135a окажется одним и тем же для того, что вообще таково, и для того, что в наибольшей мере таково в том, что вообще таково, как, например, «состоящее из мельчайших частиц» для огня; в самом деле, и для света будет то же собственное, ведь свет [также] состоит из мельчайших частиц. Но если другой так указывает собственное, то против него следует привести доводы, ему же не следует давать повода для подобного возражения, а следует сразу же при полагании собственного уточнить, каким способом его полагают.

Далее, при опровергании следует смотреть, не полагали ли сам предмет как его собственное. В таком случае не будет собственным то, что положено как собственное, ибо всякий предмет выявляет бытие через себя; однако не собственное, а определение выявляет бытие [предмета]. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для прекрасного — подобающее, указал как собственное сам предмет (ибо прекрасное и подобающее — одно и то же), то «подобающее» не будет собственным для прекрасного. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы не указывали сам предмет как его собственное, а полагали нечто взаимозаменяемое с ним. В этом случае собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Так как, например, тот, кто полагал как собст-

венное для живого существа одушевленность, полагал как его собственное не само живое существо, а указал нечто взаимозаменяемое с ним, то одушевленность будет собственным для живого существа.

Далее, когда речь идет о том, что состоит из однородных частей, следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что собственное для целого не истинно для части или что собственное для части не подходит к целому в совокупности. Тогда не будет собственным то, что положено как собственное. В некоторых случаях это так и получается. А именно, когда речь идет о том, что состоит из однородных частей, указывают собственное, то имея в виду целое в совокупности, то обращая внимание на сказанное относительно части. Тогда ни в том ни в другом случае собственное не будет дано верно. Например, тот, кто, когда речь идет о целом в совокупности, говорит, что собственное для моря — самое большое количество соленой воды, полагает собственное для состоящего из однородных частей, но указывает такое, что неправильно в отношении частей (ибо какое-то определенное море не есть самое большое количество соленой воды), и потому не будет собственным для моря самое большое количество соленой воды. Если же имеют в виду часть, то тот, кто, например, полагает как собственное для воздуха то, что он годен для вдыхания, указал, правда, собственное для состоящего из однородных частиц, однако указал такое, что истинно в отношении определенной части воздуха, но что обо всем воздухе в совокупности не говорится (ведь не весь воздух в совокупности годен для вдыхания), и потому не будет собственным для воздуха то, что он годен для вдыхания. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственное было истинным в отношении каждой [части] того, что состоит из однородных частей, но чтобы оно было их собственным в силу того, [что оно собственное] для целого в совокупности. Тогда собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Если, например, в отношении всякой земли истинно, что она по природе стремится вниз, а это есть собственное и для той или иной части земли, поскольку она есть земля, то собственным для земли будет то, что она по природе стремится вниз.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Топы для выяснения того, правильно ли указано собственное*]

Далее следует исходить из противолежащих друг другу [вещей], прежде всего из противоположностей, и при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что противоположное не есть собственное для [одной из] противоположных друг другу [вещей]. Тогда и противоположное [первому] не будет собственным для [другой из этих] противоположных друг другу [вещей]. Так как, например, справедливости противоположна несправедливость, а самому лучшему — самое худшее, собственное же для справедливости не есть самое лучшее, то не будет собственным для несправедливости самое худшее. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы противоположное было собственным для [одной из] противоположных друг другу [вещей]. Тогда противоположное [первому] действительно будет собственным для [другой из этих] противоположных друг другу [вещей]. Так как, например, благу противоположно зло, а предпочитаемому — избегаемое, собственное же для блага есть предпочитаемое, то собственным для зла будет избегаемое.

Во-вторых, исходя из соотнесенного следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что соотнесенное не есть собственное для [одной из] соотнесенных между собой [вещей]. Тогда и соотнесенное [с первым] не будет собственным для [другой из этих] соотнесенных между собой [вещей]. Так как, например, о двойном говорят по отношению к половине, а о превышающем — по отношению к превышаемому, превышающее же не есть собственное для двойного, то превышаемое не будет собственным для половины. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы соотнесенное было собственным для [одной из] соотнесенных между собой [вещей]. Тогда и соотнесенное [с первым] будет собственным для [другой из этих] соотнесенных между собой [вещей]. Так как, например, двойное соотносится с половиной, а «два к одному» соотносится с «одно к двум», собственное же для двойного — это то, что оно относится как два к одному, то

собственным для половины будет то, что она относится как одно к двум.

В-третьих, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что названное по обладанию не будет собственным для обладания. В таком случае и названное по лишенности не будет собственным для лишенности. И если названное по лишенности не будет собственным для лишенности, то и названное по обладанию не будет собственным для обладания. Если, например, отсутствие чувственного восприятия не называют собственным для глухоты, то и чувственное восприятие не будет собственным для слышания. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственным для обладания было названное по обладанию. Тогда и названное по лишенности будет собственным для лишенности. И если собственным для лишенности будет названное по лишенности, то и названное по обладанию будет собственным для обладания. Если, 136a например, собственное для зрения есть ви́дение, в силу чего мы обладаем зрением, то собственным для слепоты будет не-ви́дение, в силу чего мы не обладаем зрением, хотя для нас естественно им обладать.

Далее, следует исходить из утверждений и отрицаний, прежде всего из самих сказуемых. Этот топ применим только для опровергания. Например, если утверждение или сказанное утвердительно есть собственное для предмета, то не будет собственным для него ни отрицание, ни сказанное в виде отрицания; и если собственное для него есть отрицание или сказанное в виде отрицания, то не будет собственным для него утверждение или сказанное утвердительно. Если, например, собственное для живого существа — одушевленность, то не будет собственным для живого существа неодушевленность.

Во-вторых, исходя из того, что сказывается или не сказывается, и из того, о чем оно сказывается или не сказывается, следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что утвердительное не есть собственное для утвердительного. Тогда и отрицательное не будет собственным для отрицательного. И если отрицательное не будет собственным для отрицательного, то и утвердительное не будет собственным для утвердительного. Если, например, «живое существо» не есть собственное для человека, то и «неживое» не будет

собственным для не-человека. И если очевидно, что «неживое» не есть собственное для не-человека, то и «живое существо» не будет собственным для человека. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственным для утвердительного было утвердительное, и тогда собственным для отрицательного будет отрицательное. И если собственное для отрицательного есть отрицательное, то и собственным для утвердительного будет утвердительное. Если, например, «не жить» есть собственное для неживого, то «жить» будет собственным для живого существа. И если очевидно, что собственное для живого существа — это то, что оно живет, то очевидно, что собственное для неживого — это то, что оно не живет.

В-третьих, следует исходить из самих подлежащих и при опровергании смотреть, не есть ли данное — собственное для утвердительного. Тогда то же самое не будет собственным для отрицательного. И если данное есть собственное для отрицательного, то оно не будет собственным для утвердительного. Если, например, одушевленность есть собственное для живого существа, то одушевленность не будет собственным для неживого. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы данное, если оно не собственное для утвердительного, было собственным для отрицательного. Но этот топ ошибочный, ибо утвердительное не есть собственное для отрицательного и отрицательное не есть собственное для утвердительного, ибо утвердительное вообще не присуще отрицательному, хотя отрицательное присуще утвердительному, но присуще не как собственное.

Далее, исходя из противопоставленных друг другу членов деления следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что ни один из противопоставленных друг другу членов одного деления[1] не есть собственное ни для одного из противопоставленных друг другу членов остальных делений. Тогда и положенное не будет собственным для того, для чего оно положено как собственное. Если, например, чувственно воспринимаемое живое существо не есть собственное ни для одного из других живых существ, то не будет собственным для бога то, что он умопостигаемое живое существо. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы любой из противопоставленных друг другу чле-

нов остальных делений был собственным для каждого из противопоставленных друг другу членов данного деления, тогда и остальное будет собственным для того, относительно чего полагают, что оно не собственное. Если, например, собственное для рассудительности — это то, что она сама по себе и от природы есть добродетель разумной части души, то, если рассматривать таким же образом каждую из остальных добродетелей, собственным для умеренности будет то, что она сама по себе и от природы добродетель вожделеющей части души.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Топы для выяснения того, правильно ли указано собственное (продолжение)*]

Далее, исходя из словоизменения следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что [обозначенное таким-то словом] с таким-то окончанием не есть собственное для [обозначенного другим словом] с этим же окончанием. Тогда и [обозначенное первым словом] с другим окончанием не будет собственным для [обозначенного вторым словом] с этим другим окончанием. Если, например, «прекрасно» не есть собственное для «справедливо», то и «прекрасное» не будет собственным для «справедливое». Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы [обозначенное таким-то словом] с таким-то окончанием было собственным для [обозначенного другим словом] с этим же окончанием. Тогда и [обозначенное первым словом] с другим окончанием будет собственным для [обозначенного вторым словом] с этим другим окончанием. Если, например, «двуногое, живущее на суше» есть собственное для человека, то можно сказать, что и человеку [присуще] собственное — быть двуногим, живущим на суше. Следует, однако, обратить внимание не только на само [обозначенное словом] с таким-то окончанием, но и на противолежащее ему, как уже говорилось при рассмотрении предыдущих топов[1]. И при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что одно противолежащее [обозначенному таким-то словом] с таким-то окончанием не есть собственное для другого противолежащего [обозначенному другим словом] с этим окончанием. Тогда и противолежащее

воложащее [первому, обозначенное таким-то словом] с этим же окончанием, не будет собственным для противолежащего [второму, обозначенного другим словом] с этим же окончанием. Если, например, собственное для «справедливо» не есть «хорошо», то «плохо» не будет собственным для «несправедливо». Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы одно противолежащее, [обозначенное таким-то словом] с таким-то окончанием, было собственным для другого противолежащего, [обозначенного другим словом] с этим же окончанием. Тогда и противолежащее [первому, обозначенное таким-то словом] с этим же окончанием, будет собственным для противолежащего [другому, обозначенного другим словом] с этим же окончанием. Если, например, собственное для блага — «наилучшее», то и собственное для зла — «наихудшее».

Далее, исходя из сходных отношений следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что одно находящееся в сходном отношении не есть собственное для другого находящегося в сходном отношении. Тогда и находящееся в сходном отношении с первым не будет собственным для находящегося в сходном отношении со вторым. Если, например, строитель относится к строительству дома (to poiein oikian) так же, как врачеватель к восстановлению здоровья (to poiein hygieian), восстановление же здоровья не есть собственное для врачевателя, то строительство дома не есть собственное для строителя. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы одно находящееся в сходном отношении было собственным для другого находящегося в сходном отношении, тогда и находящееся в сходном отношении с первым будет собственным для находящегося в сходном отношении со вторым. Если, например, врачеватель относится к тому, что́ содействует здоровью, так же, как учитель гимнастики — к тому, что́ содействует укреплению тела, собственное же для учителя гимнастики — содействие укреплению тела, то и собственным для врачевателя будет содействие здоровью.

Далее, исходя из одинаковых отношений, следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что находящееся в одинаковом отношении не есть в одном случае собственное для находящегося в одинаковом отношении. Тогда находящееся в одинаковом

отношении и в другом случае не будет собственным для находящегося в одинаковом отношении. Если же находящееся в одинаковом отношении есть собственное для находящегося в одинаковом отношении, то оно не будет собственным для того, относительно чего полагают, что оно собственное. Если, например, рассудительность одинаково относится к прекрасному и безобразному, поскольку она есть знание о том и другом, знание же о прекрасном не есть собственное для рассудительности, то и знание о безобразном не будет собственным для нее. Если же знание о прекрасном есть собственное для рассудительности, то знание о безобразном не будет собственным для нее, ибо невозможно, чтобы одно и то же было собственным для многих [вещей]. Для обоснования этот топ неприменим, ибо нечто одно находящееся в одинаковом [с другими] отношении сопоставляется со многими.

Далее следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что сказанное через [глагол] «быть» не есть собственное для сказанного через [глагол] «быть». Тогда и [сказанное через глагол] «преходить» не будет собственным для [сказанного через глагол] «преходить» и [сказанное через глагол] «становиться» не будет собственным для сказанного через [глагол] «становиться». Если, например, «быть живым существом» не есть собственное для человека, то не будет собственным для становления человека «становиться живым существом» или собственным для прехождения человека — «преходить как живое существо». Таким же образом следует рассматривать «быть» и «преходить», исходя из «становиться», а «быть» и «становиться» — исходя из «преходить», совершенно так же как «становиться» и «преходить» — исходя из «быть» (как только что было сказано). Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы для установленного через [глагол] «быть» собственным было установленное через [глагол] «быть». Тогда и для сказанного через [глагол] «становиться» собственным будет сказанное через [глагол] «становиться» и для сказанного через [глагол] «преходить» — данное через [глагол] «преходить». Если, например, для человека собственное — это то, что он есть смертный, то и для становления человека собственным будет то, что он становится смертным, и для прехождения человека — то, что он пре-

ходит как смертный. Таким же образом, как было 137b сказано для опровергания, следует исходя из «становиться» и «преходить» рассматривать «быть».

Далее, следует обратить внимание на идею положенного и при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что [собственное] не присуще идее или присуще не поскольку об идее говорится как о том, для чего указано собственное. Тогда не будет собственным то, что̀ положено как собственное. Если, например, самому-по-себе-человеку присущ покой не поскольку он человек, а поскольку он идея, то покой не будет собственным для человека. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы [собственное] было присуще идее, и притом присуще, поскольку об идее говорится то, относительно чего полагают, что оно не есть собственное. Тогда будет собственным то, относительно чего положено, что оно не есть собственное. Если, например, самому-по-себе-живому существу присуще то, что оно состоит из души и тела, и присуще это, поскольку оно живое существо, то собственным для живого существа будет то, что оно состоит из души и тела.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[Топы для выяснения того, правильно ли указано собственное (продолжение)]

Далее, следует при опровергании исходить из большего и меньшего. Во-первых, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что большее не есть собственное для большего. Тогда ни меньшее не будет собственным для меньшего, ни наименьшее — для наименьшего, ни наибольшее — для наибольшего, ни присущее просто — для присущего просто. Если, например, быть больше окрашенным не есть собственное для того, что есть тело в большей мере [1], то быть менее окрашенным не будет собственным для того, что есть тело в меньшей мере, и вообще быть окрашенным не будет собственным для тела. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы большее было собственным для большего, тогда и меньшее будет собственным для меньшего, наименьшее — для наименьшего, наибольшее — для наибольшего и присущее просто — для присущего просто. Если, например, для того, что́ есть живое в большей

мере, собственное есть бо́льшая степень чувственного воспринимания, то меньшая степень чувственного воспринимания будет собственным для того, что́ есть живое в меньшей мере, наибольшая степень чувственного воспринимания — для того, что́ есть живое в наибольшей мере, наименьшая степень чувственного воспринимания — для того, что́ есть живое в наименьшей мере, а просто чувственное воспринимание — для просто живого.

Следует также при опровергании обратить внимание [на большее и меньшее] исходя из просто присущего: не обстоит ли дело так, что просто присущее не есть собственное для просто присущего. Тогда не будет собственным ни большее для большего, ни меньшее для меньшего, ни наибольшее для наибольшего, ни наименьшее для наименьшего. Если, например, добродетельность не есть собственное для человека, то не будет собственным для того, кто есть человек в большей мере, бо́льшая добродетельность. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы просто присущее было собственным для просто присущего. Тогда и большее будет собственным для большего, меньшее — для меньшего, наименьшее — для наименьшего и наибольшее — для наибольшего. Если, например, собственное для огня — это то, что он по природе стремится вверх, то и для того, что́ есть огонь в большей мере, собственным будет то, что оно в большей мере стремится 138a по природе вверх. Таким же образом следует все это смотреть исходя из меньшего, наибольшего и наименьшего.

Во-вторых, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что большее не есть собственное для большего. Тогда и меньшее не будет собственным для меньшего. Если, например, чувственное воспринимание есть для живого существа в большей мере собственное, чем для человека знание, чувственное же воспринимание не есть собственное для живого существа, то знание не будет собственным для человека. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы меньшее было собственным для меньшего. Тогда и большее будет собственным для большего. Если, например, быть от природы поддающимся воспитанию есть для человека собственное в меньшей мере, чем жизнь для живого существа, быть же от природы под-

дающимся воспитанию есть собственное для человека, то жизнь будет собственным для живого существа.

В-третьих, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что то, что есть [как будто] собственное для чего-то в большей мере, не есть собственное. Тогда оно не будет собственным и для того, для чего оно в меньшей мере собственное. Но если оно собственное для первого, то для последнего оно не собственное. Если, например, быть окрашенным есть собственное больше для поверхности, чем для тела, но это не есть собственное для поверхности, то быть окрашенным не будет собственным для тела. Если же это есть собственное для поверхности, то оно не будет собственным для тела. Для обоснования этот топ неприменим, ведь невозможно, чтобы одно и то же было собственным больше чем для одного.

В-четвертых, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что то, что́ в большей мере [признается] собственным для чего-то, не есть собственное. Тогда не будет собственным и то, что́ [признается] в меньшей мере собственным для него. Если, например, для живого существа быть чувственно воспринимаемым в большей мере [признается] собственным, чем быть делимым, быть же чувственно воспринимаемым не есть собственное для живого существа, то и быть делимым не есть собственное для живого существа. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы то, что́ в меньшей мере [признается] собственным для предмета, было собственным для него. Тогда будет собственным и то, что́ [признается] в большей мере собственным для него. Если, например, чувственное восприятие есть для животного в меньшей мере собственное, чем жизнь, чувственное же восприятие есть собственное для животного, то собственным для животного будет жизнь.

Далее, исходя из одинаково присущего следует при опровергании смотреть, во-первых, не обстоит ли дело так, что то, что́ есть собственное в одинаковой мере, не есть собственное для того, для чего оно собственное в одинаковой мере. Тогда и другое, что́ есть собственное в одинаковой мере, не будет собственным для того, для чего оно собственное в одинаковой мере. Если, например, для вожделеющей части души вожделение есть собственное в такой же мере, в какой размышление

есть собственное для разумной части души, вожделение же не есть собственное для вожделеющей части души, то размышление не будет собственным для разумной части души. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы то, что́ есть собственное в одинаковой мере, было собственным для того, для чего оно собственное в одинаковой мере. Тогда и другое, что́ есть собственное в одинаковой мере, будет собственным и 138b для того, для чего оно есть собственное в одинаковой мере. Если, например, изначальная рассудительность есть для разумной части души собственное в такой же мере, в какой изначальная умеренность есть собственное для вожделеющей части души, для разумной же части души изначальная рассудительность есть собственное, то и изначальная умеренность есть собственное для вожделеющей части души.

Во-вторых, следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что то, что́ есть собственное для чего-то в такой же мере, что и другое, не есть собственное для него. Тогда и другое, что́ есть собственное в такой же мере, что и первое, не будет собственным для него. Если, например, для человека ви́дение и слышание в одинаковой мере собственное, ви́дение же не есть собственное для человека, то и слышание не будет собственным для человека. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы то, что́ есть для чего-то собственное в одинаковой мере, [что и другое], было для него собственным, тогда и другое, что́ в одинаковой мере есть собственное для него, будет собственным. Если, например, то, что вожделеющая часть принадлежит душе изначально, есть для души собственное в такой же мере, в какой собственное для нее есть то, что разумная часть принадлежит ей изначально, а то, что вожделеющая часть принадлежит душе изначально, есть собственное для души, то собственным для души будет и то, что разумная часть принадлежит ей изначально.

В-третьих, следует при опровергании смотреть, не обстоит ли дело так, что то, для чего нечто [признается] собственным в одинаковой мере, не есть собственное. Тогда оно и для другого, для чего оно [признается] собственным в одинаковой мере, не будет собственным. Если же оно собственное для одного, то оно не будет собственным для другого. Если, например, горе-

ние есть собственное для пламени в такой же мере, в какой оно собственное для раскаленного угля, в действительности же горение не есть собственное для пламени, то горение не будет собственным для раскаленного угля. При обосновании этот топ неприменим.

Топ, который исходит из находящегося в одинаковом отношении[2], отличается от того, который исходит из одинаково присущего[3], тем, что в первом случае рассматривают на основании соотношения, не принимая в соображение какую-либо присущность, во втором случае сопоставляют исходя из какой-то присущности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[Топы для выяснения того, правильно ли указано собственное (окончание)]

Далее, при опровергании следует смотреть, не обстоит ли дело так, что указав то, что́ есть собственное в возможности, указывают это собственное в возможности и для не-сущего, если возможность не может быть присуща не-сущему. Тогда положенное как собственное не есть собственное. Так, например, тот, кто сказал, что собственное для воздуха — это то, что он годен для вдыхания, указал, правда, собственное в возможности (ибо то, что годно для вдыхания, можно вдыхать), но указал это и как собственное для не-сущего, ведь воздух может быть и тогда, когда и нет такого живого существа, которое по природе способно вдыхать воздух. Однако когда нет живого существа, нет возможности вдыхать [воздух], так что, когда нет такого живого существа, которое может вдыхать, не будет собственным для воздуха то, что он годен для вдыхания.

139a Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы, указав то, что́ есть собственное в возможности, указали это собственное для сущего или для не-сущего, если возможность может быть присуща не-сущему. Тогда собственным будет то, относительно чего полагают, что оно не собственное. Кто, например, указал как собственное для сущего то, что оно может претерпевать или действовать, тот, указав собственное в возможности, указал собственное для сущего (ибо когда оно сущее,

оно и может что-то претерпевать или как-то действовать); так что собственным для сущего будет то, что оно может претерпевать или действовать.

Далее, при опровергании следует смотреть, не полагали ли собственное в превосходной степени. Тогда положенное как собственное не будет собственным. Ибо при таком указании собственного оказывается, что относительно того, относительно чего речь правильна, имя неправильно. Ведь и по исчезновении вещи выраженное этой речью все же останется, ибо чему-то из того, что еще существует, оно больше всего присуще; например, если кто-то указал как собственное для огня то, что он наилегчайшее тело. Дело в том, что и по исчезновении огня останется какое-то тело, которое будет наилегчайшим, так что собственным для огня не будет наилегчайшее тело. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы собственное полагали не в превосходной степени. Тогда собственное будет в этом отношении положено надлежащим образом. Так как, например, тот, кто полагал собственным для человека то, что он живое существо, от природы поддающееся воспитанию, указал собственное не в превосходной степени, то в этом отношении собственное будет положено надлежащим образом.

КНИГА ШЕСТАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Топы, касающиеся определения. Предварительные замечания*]

Исследование определений [1] состоит из пяти частей, а именно: [определение негодно] или [1] потому, что речь вообще неправильна для того, имя чего дано (ведь определение человека должно быть правильно для каждого человека); или [2] потому, что, хотя род имеется, предмет не был отнесен к этому роду либо отнесен не к своему роду (ибо тот, кто дает определение, должен, установив род, прибавить видовое отличие, ведь прежде всего род, надо полагать, больше всего означает в определении сущность определяемого); или [3] потому, что речь относится не только к определяемому (ведь определение должно относиться только к определяемому, как уже было сказано раньше [2]); или [4] потому, что хотя все указанные [условия] соблюдены, но не определяют и не указывают сути бытия определяемого, и, наконец, [5] помимо указанных случаев потому, что хотя определение и дается, но дается не надлежащим образом.

Итак, если не правильна речь относительно того, имя чего дано, то следует рассмотреть исходя из топов, касающихся привходящего, ибо и там все исследование состоит в выяснении того, правильно или неправильно [дано привходящее]. В самом деле, когда мы
139b рассуждаем, что привходящее присуще, мы говорим, что это правильно; когда мы рассуждаем, что оно не присуще, мы говорим, что это неправильно. Если же предмет отнесен не к своему роду или если данная речь относится не только к определяемому, то следует его рассматривать исходя из топов, касающихся рода и собственного.

Наконец, если [вообще] не дано определение или оно дано не надлежащим образом, то следует сказать,

как искать. Прежде всего надо рассмотреть, надлежащим ли образом дано определение. Ибо легче любую вещь сделать, чем сделать надлежащим образом. Поэтому ясно, что здесь чаще ошибаются, ибо последнее труднее, так что приводить доводы против оказывается здесь легче, чем когда вообще не дано определение.

Определение дается не надлежащим образом двояко: во-первых, когда пользуются неясным выражением (ведь тот, кто дает определение, должен пользоваться как можно более ясным выражением, потому что определение дается ради познания); во-вторых, когда в речи сказано больше, чем требуется, ибо все присовокупляемое в определении излишне. В свою очередь каждую из указанных ошибок можно разделить на многие части.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Топы для выяснения того, надлежащим ли образом дано определение]

Итак, первый топ, касающийся неясности, применим, когда указанное [определение] содержит одноименное, например когда говорят, что становление есть путь к сущности или что здоровье есть правильное соотношение теплого и холодного, ибо «путь» и «соотношение» одноименны. В самом деле, не ясно, какое значение этих многозначных речений имеется в виду. Точно так же — если не различают многозначное определяемое, ибо не ясно, для какого из значений дано определение. Здесь можно строить каверзы, утверждая, что речь соответствует не всему тому, определение чего дано. Такой [способ] особенно применим, когда одноименность скрыта. Можно и самому делать умозаключение, уточняя, в скольких значениях говорится то, что дано в определении. Ведь если определение ни в каком смысле не указано удовлетворительно, то ясно, что и не в том определенном смысле, который имеется в виду.

Другой топ — если [определяющее] дано иносказательно [1], например если знание названо неколебимым, или земля — кормилицей, или умеренность — созвучием. Ибо все иносказательное неясно. Можно строить каверзы и против того, кто говорит иносказательно, утверждая, будто он имел в виду прямой

смысл. Ибо тогда названное определение не соответствует, как, например, относительно умеренности, ведь всякое созвучие относится к звукам. Далее, если созвучие — род для умеренности, то одно и то же будет относиться к двум родам, не объемлющим друг друга,
140a ибо ни созвучие не объемлет добродетели, ни добродетель — созвучия.

Далее — если даются имена малоупотребительные, как, например, Платон[2] называет глаза «осеняемыми бровью», или паука «гникусом», или мозг «костным», ведь всякое непривычное слово неясно.

Некоторые вещи указываются не как одноименное, и не иносказательно, и не в прямом смысле, например «закон есть мера или подобие справедливого по природе». Такие [выражения] хуже иносказаний. Ибо иносказание делает обозначаемое некоторым образом понятным через сходство. Ведь все, кто пользуется иносказаниями, употребляют их в силу некоторого сходства. Что касается такого рода выражений, [как «закон есть мера...»], то они не делают [предмет] понятным, ибо здесь нет сходства, в силу которого закон был бы мерой или подобием, и не говорится о нем в прямом смысле обычным языком. Поэтому если говорят в прямом смысле, что закон есть мера или подобие, то говорят неправильно, ибо подобие есть то, что возникает через подражание[3], а с законом так дело не обстоит. Если же это говорится не в прямом смысле, то очевидно, что сказано неясно и хуже всякого иносказания.

Далее — если из названного [определения] неясно понятие противоположного, ибо те, кто дает определение надлежащим образом, сверх того выявляют противоположности. Или если определение, названное отдельно, не объясняет, к чему оно относится, то оно похоже на те картины древних живописцев, смысл каждой из которых без надписи понять нельзя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Топы для выяснения того, надлежащим ли образом дано определение (продолжение)]

Итак, если [определение] неясно, то надо рассматривать исходя из таких топов. Если определение содержит больше того, [что требуется], то прежде всего следует смотреть, не приведено ли то, что присуще

всем — либо вообще всему существующему, либо тому, что подпадает под тот же род, что и определяемое. В таком случае определение содержит больше того, [что требуется]. Ведь род должен отделить предмет от других [родов], а видовое отличие — от того, что относится к тому же роду. Таким образом, то, что вообще всему присуще, ни от чего не отделяет, а присущее тому, что подпадает под тот же род, не отделяет от того, что относится к тому же роду, так что такое присовокупление бесполезно.

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что присовокупленное хотя и составляет то, что свойственно лишь данной вещи, но по удалении его оставшаяся речь указывает свойственное лишь данной вещи и выражает ее сущность. Например, в определении человека добавление «способное овладевать знаниями» излишне, и по удалении его оставшаяся речь указывает свойственное лишь человеку и выражает его сущность. Вообще говоря, излишне все, по удалении чего оставшееся объясняет определяемое. Ошибку, подобную указанной, содержит и то определение души, согласно которому она есть само себя движущее число[1]. Дело в том, что уже «само себя движущее» есть душа, как определяет ее Платон[2]. Или «само себя движущее» есть, правда, собственное для души, однако по удалении «числа» не выражает ее сущности. Обстоит ли дело так или этак, выяснить трудно. Во всех подобных случаях все же следует ради пользы применять эти топы. Например, если определение слизи гласит, что она первая непереваренная влага от пищи, то [можно возразить], что первое — одно, а не многое, так что присовокупление «непереваренная» излишне, ибо по удалении его оставшаяся речь укажет свойственное лишь слизи, ведь не может быть первым и непереваренное, и что-то еще от пищи. Или слизь вообще есть не первое от пищи, а первое от непереваренного, и в таком случае следует прибавить «непереваренное», иначе речь будет неправильной, так как слизь не первое от всей [пищи].

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что нечто из содержащегося в речи присуще не всему, что подпадает под один и тот же вид, ибо такое [определение] хуже тех, в которые включают то, что присуще всему существующему. В последнем случае если

оставшаяся речь указывает свойственное лишь данной вещи, то и все сказанное в целом будет свойственно лишь ей. Ибо вообще, что бы ни прибавили к тому, что свойственно лишь данной вещи, если только это истинно, все в целом оказывается свойственным лишь данной вещи. Если же что-то из содержащегося в речи присуще не всему, что подпадает под один и тот же вид, то все сказанное в целом не может быть свойственно лишь данной вещи, потому что оно не взаимозаменяемо с ней, например, «живое существо, живущее на суше, двуногое, длиною в четыре локтя», ибо эта речь не взаимозаменяема с вещью, потому что не всем, подпадающим под тот же вид, присуще быть длиною в четыре локтя.

Опять же следует смотреть, не указано ли [в определении] одно и то же несколько раз, например если говорят, что вожделение есть стремление к приятному. Дело в том, что всякое вожделение направлено на приятное, так что и стремление к приятному есть то же самое, что вожделение, направленное на приятное. Таким образом, получается такое определение вожделения: оно есть стремление к приятному, направленное на приятное, ибо нет разницы сказать: вожделение или стремление к приятному, так что каждое из них направлено на приятное. Или, быть может, в этом нет ничего нелепого, ведь и человек есть двуногое [существо], а потому и тождественное человеку будет двуногим. Однако человеку тождественно «живое существо, живущее на суше, двуногое», так что [получается, что] живое существо, живущее на суше, двуногое, есть двуногое. Но не из-за этого получается нечто нелепое, ведь не о «живом существе, живущем на суше» сказывается «двуногое» (ибо в таком случае об одном и том же сказывалось бы «двуногое» дважды), а о «живом существе, живущем на суше, двуногом». Так что
141a лишь единожды сказывается «двуногое». И точно так же и с вожделением, а именно, не о стремлении сказывается «направленное на приятное», а обо всем в совокупности. Так что и здесь высказывание делается единожды. Нелепость, таким образом, состоит не в том, что дважды произносится одно и то же имя, а в том, что о чем-то сказывается одно и то же несколько раз, как, например, Ксенократ говорит, что рассудительность определяет и созерцает существующее.

Дело в том, что способность определять есть некая способность созерцать, так что, прибавляя «и созерцает», он говорит одно и то же дважды. Точно так же [ошибаются] и те, кто говорит, что охлаждение есть лишение естественного тепла, ведь всякое лишение есть лишение естественно присущего[3], так что излишне прибавлять «естественное», а достаточно сказать «лишение тепла», так как само «лишение» делает понятным, что говорится о естественном.

Опять же следует смотреть, не прибавляют ли к указанному общему и частное, например если кротость определяют как уступку в полезном и справедливом[4], ведь справедливое есть нечто полезное, так что оно объемлется полезным, поэтому «справедливое» здесь излишне, так что тот, кто сказал общее, прибавил частное. Так же — если врачебное искусство определяют как знание о том, чтó полезно для здоровья живого существа и человека, или закон определяют как подобие того, чтó прекрасно и справедливо от природы. Ведь справедливое есть нечто прекрасное; так что одно и то же говорится больше одного раза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[Топы, устанавливающие необходимые условия построения определений]

Итак, с помощью этих и подобных им [топов] следует смотреть, надлежащим или ненадлежащим образом [строится определение]. А указана ли и определена или нет суть бытия вещи — это надо смотреть исходя из следующих [топов].

Прежде всего надо смотреть, не обстоит ли дело так, что определение было дано не через предшествующее, [или то, что первее], и более известное. Так как определение дается ради познания того, о чем речь, познаем же мы не на основании первого попавшегося, а из предшествующего и более известного, совершенно так же, как в доказательствах (ведь именно так происходит всякое обучение и учение[1]), то очевидно, что тот, кто дает определение не через предшествующее и более известное, не определяет. Иначе будет много определений одного и того же. Ведь ясно, что тот, кто дает определение через предшествующее и более известное, определяет лучше, так что и то и

другое определения были бы определениями одного и того же. Но, надо полагать, это не так, ибо каждое существующее как то, чтó оно есть в существе своем, имеет одно бытие. Так что если будет много определений одного и того же, то бытие определяемого как таковое, выражаемое тем и другим определением, должно быть одним и тем же. Но бытие в том и другом не одно и то же, так как определения — разные. Итак,
141b ясно, что тот, кто определил не через предшествующее и более известное, не дает определения.

Так вот, определение, данное не через более известное, получается двояким образом, а именно если оно строится из более неизвестного вообще или же из более неизвестного для нас. Может быть и так и этак. Более известно вообще предшествующее по сравнению с последующим, например точка — по сравнению с линией, линия — по сравнению с поверхностью, а поверхность — по сравнению с имеющим объем [2]; точно так же единица — по сравнению с числом [3], ибо она первее и есть начало всякого числа; равным образом звук речи — по сравнению со слогом [4]. Для нас же иногда бывает наоборот, ведь больше всего под чувственное восприятие подпадает имеющее объем, поверхность — больше, чем линия, а линия — больше, чем точка. Большинство людей раньше узнает имеющее объем и поверхность, ибо их схватывает любой человек, а другое — тонкий и проницательный ум.

Да и вообще лучше пытаться познавать последующее через то, что первее, ибо это путь более подходящий для знания. Тем же, кто не может познавать таким путем, необходимо, пожалуй, объяснить через известное для них. Таковы определения точки, линии и поверхности. Ибо все они выражают предшествующее через последующее. А именно, они гласят, что точка — граница линии, линия — поверхности, поверхность — имеющего объем. Но не следует упускать из виду, что те, кто строит определения таким образом, не могут выявить суть бытия определяемого, когда более известное для нас и более известное вообще оказываются не одним и тем же, если только определяемое надлежащим образом должно быть определено через род и видовое отличие, а они принадлежат к более известному вообще и к тому, что первее вида. В самом деле, с устранением рода и видового отличия устраняет-

ся и вид, так что они первее вида. Да они и более известны, ибо, зная вид, необходимо знают и род и видовое отличие (ведь тот, кто знает человека, знает также живое существо и живущее на суше). Когда же знают род и видовое отличие, не обязательно знают и вид, так что вид менее известен. Далее, те, кто утверждает [5], что правильные определения — это те, что даются на основании известного каждому, должны — если быть последовательным — сказать, что есть много определений одного и того же, ибо одному бывает более известным одно, другому — другое, но не всем одно и то же; так что каждой вещи следовало бы давать разные определения, если только определение нужно было бы давать на основании того, что более известно каждому. Далее, одним и тем же в одно время более известно одно, в другое — другое, сначала чувственно воспринимаемое, затем, после того как они стали более изощренными,— наоборот; так что об одном и том же нельзя дать всегда одно и то же определение, если утверждать, что определение должно быть дано через более известное каждому. Таким образом, ясно, что определение следует давать не через это, а через то, что более известно вообще. Ибо только так получалось бы всегда одно и то же определение. Но, быть может, и известное вообще известно не всем, а тем, у кого хорошие умственные способности, так же как здоровое вообще — это здоровое для тех, чье тело находится в хорошем состоянии. Итак, следует придерживаться каждого такого рода [топа] и с пользой применять его в рассуждениях. Но больше всего можно, по общему признанию, оспорить определение, если оказывается, что оно не построено ни на основании более известного вообще, ни на основании того, что более известно нам.

Как мы говорили раньше [6], один способ построения определения не через более известное состоит в том, что предшествующее выражают через последующее; другой способ — когда находящееся в покое и определенное объясняют через неопределенное и находящееся в движении. Ибо находящееся в покое и определенное первее неопределенного и находящегося в движении.

Определение строится не на основании того, что первее, трояко. Во-первых, если противолежащее определяют через противолежащее, например благо — через

зло, ведь противолежащие друг другу [вещи] по природе даны одновременно. Некоторым же кажется правильным и то, что наука о противолежащих друг другу [вещах] одна и та же. Так что одно противолежащее не более известно, чем другое[7]. Не следует, однако, упускать из виду, что кое-что не может, пожалуй, быть определено иначе, например двойное без половинного и все само по себе соотнесенное. Ибо бытие у соотнесенных между собой [вещей] одно и то же и состоит в том, чтобы находиться в каком-то отношении к чему-то[8]. Так что невозможно познать одно [соотнесенное] без другого. Поэтому необходимо, чтобы в речь об одном было включено и другое. Итак, нужно знать все такого рода [топы], применять же их следует постольку, поскольку считают их подходящими.

Во-вторых, если используют само определяемое. Но это остается скрытым, когда само имя определяемого не употребляется. Например, если Солнце определяют 142b как небесное тело, видимое днем[9], ибо тот, кто говорит «день», говорит «Солнце». Для того чтобы обнаружить подобного рода [ошибки], следует имя заменить речью, например что день есть движение Солнца над Землей. В таком случае ясно, что тот, кто сказал «движение Солнца над Землей», сказал «Солнце», так что тот, кто сказал «день», сказал «Солнце».

В-третьих, если из двух противопоставленных друг другу членов деления один определяют другим, например нечетное — как то, что на единицу больше четного, ибо противопоставленные друг другу члены деления из одного и того же рода по природе одновременны, а нечетное и четное противостоят друг другу, ибо они оба — различия в числе.

Равным образом [ошибаются], если вышестоящее определяют через нижестоящее, например четное — как число, которое делится надвое, или благо — как обладание добродетелью. Ведь «надвое» взято от «двух», а два — четное число, и добродетель есть некоторое благо, так что «надвое» и «добродетель» стоят ниже «четного» и «блага». Ведь тот, кто говорит «добродетель», подразумевает «благо», так как добродетель есть некоторое благо. И точно так же, кто говорит «надвое», подразумевает «четное», так как делить на два — значит делить надвое, а два — четное число.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)*]

Построение определения не через предшествующее и более известное составляет, вообще говоря, один [ошибочный] топ, части же его указаны. Второй топ — если предмет, принадлежащий к такому-то роду, не отнесен к этому роду. Подобная ошибка бывает во всех определениях, в которых суть вещи не установлена, например определение тела как имеющего три измерения или определение человека как умеющего считать; ведь здесь не сказано, что́ есть то, что имеет три измерения, или что́ есть то, что умеет считать. Значение же рода — указывать суть вещи, и род — это то, что́ из сказанного в определении ставят на первое место.

Далее, [ошибаются], если определяемое имеет касательство ко многому, а указано не все, например если грамота определяется как умение писать подсказываемое, ибо необходимо прибавить — умение читать. В самом деле, тот, кто указывает умение писать, определяет [грамоту] ничуть не лучше того, кто указывает [лишь] умение читать, так что ни один из них не дает [надлежащего] определения, а таковое дает только тот, кто утверждает и то и другое, потому что не может быть много определений одного и того же. Таким образом, в некоторых случаях дело действительно обстоит 143a так, как было сказано, в некоторых же нет, например в тех случаях, когда [определяемое] имеет касательство к тому и другому не само по себе, как [в случае, когда утверждают], что врачебное искусство содействует здоровью и болезни. Дело в том, что к одному оно имеет касательство само по себе, а к другому — привходящим образом, ибо вообще-то врачебному искусству чуждо содействовать болезни, так что тот, кто указывает то и другое, определяет [врачебное искусство] ничуть не лучше того, кто указывает одно из них, а пожалуй, даже хуже, так как всякий, кто не есть врачеватель, может содействовать болезни.

Далее, [ошибаются], если там, где определяемое имеет касательство ко многому, из этого многого указывают не лучшее, а худшее, ведь всякое знание и всякая способность, надо полагать, направлены на лучшее.

Опять же если то, о чем шла речь, не отнесено к своему роду, то следует смотреть исходя из основных положений о родах, как уже говорилось выше [1].

Далее, [ошибаются], если при определении выходят за пределы родов, например справедливость определяют как свойство, способствующее равенству или распределяющее равное, ибо, кто так определяет, тот выходит за пределы [рода] добродетели. Таким образом, упуская род справедливости, не указывают сути ее бытия, ибо сущность каждой вещи [связана] с родом. А этот случай — тот же, что случай, когда определяемое не относят к ближайшему роду. Ибо тот, кто относит его к ближайшему роду, указывает тем самым все вышестоящие роды, так как все вышестоящие роды сказываются о нижестоящих. Так что определяемое следует отнести к ближайшему роду или присоединить к вышестоящему роду все видовые отличия, через которые определяется ближайший род. Ибо [только] так ничего не упускают [2], а для определяемого вместо имени указывается нижестоящий род. А тот, кто называет только вышестоящий род, не подразумевает нижестоящий род. В самом деле, кто говорит «растение», не подразумевает «дерево».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)]

Далее, что касается видового отличия, то таким же образом следует смотреть, названы ли и видовые отличия рода. Ибо если определение не дается посредством видовых отличий, свойственных вещи, или указано нечто такое, что никак не может быть видовым отличием чего-либо (например, живое существо или сущность), то ясно, что определение не дается, ведь они не видовые отличия ни одной вещи. Следует также смотреть, имеется ли нечто противопоставленное указанному видовому отличию, ибо если нет, то ясно, что указанное не будет видовым отличием рода, ведь каждый род разделяют противопоставленные друг другу видовые отличия, как, например, живое существо — живущее на суше, крылатое, обитающее в воде. Или следует смотреть, не обстоит ли дело так, что хотя и имеется противопоставленное ему видовое отличие, но оно не истинно относительно рода. В этом случае ясно, что ни то ни другое не будет видовым отличием рода, ибо

все противопоставленные друг другу видовые отличия истинны относительно своего рода. Точно так же следует смотреть, не обстоит ли дело так, что хотя оно и истинно относительно рода, но при присовокуплении к роду не образует какого-либо вида. Тогда ясно, что такое отличие не будет видообразующим отличием рода, ибо всякое видообразующее отличие вместе с родом образует вид. Но если противопоставленное отличие не есть видовое отличие, то не будет им и то, о котором шла речь, ибо оно ему противопоставляется.

Далее, [допускают ошибку], если род делят через отрицание, как, например, те, кто определяет линию как длину без ширины. Ведь это не означает ничего другого, как только то, что она не имеет ширины. Таким образом получается, что род причастен виду. Ибо всякая длина или не имеет ширины, или имеет ширину, потому что относительно каждого предмета правильно или утверждение, или отрицание [1], так что родом для линии будет или длина, не имеющая ширины, или длина, имеющая ширину. Длина же, не имеющая ширины, есть определение вида, но точно так же — и длина, имеющая ширину, ибо «не имеющее ширины» и «имеющее ширину» суть видовые отличия, а из видового отличия и рода состоит определение вида, так что род принял бы определение вида, и точно так же определение видового отличия, так как одно из указанных видовых отличий необходимо сказывается о роде. Указанный топ применим против тех, кто полагает, что существуют идеи, ибо если есть сама-по-себе-длина, то как можно утверждать о роде, что он имеет ширину *или* не имеет ширины? Ведь относительно всякой длины одно из них истинно, если только оно необходимо истинно относительно рода. Но это [у идеи длины] не бывает, потому что есть длины, не имеющие ширины, *и* длины, имеющие ширину; так что этот топ применим только против тех, кто утверждает, что каждый род по числу один, а это допускают те, кто признает идеи, ведь они утверждают, что сама-по-себе-длина и само-по-себе-живое существо суть роды.

В некоторых же случаях необходимо, пожалуй, пользоваться при определении и отрицанием, как, например, в случаях лишенности. Ведь быть слепым — значит не иметь зрения тогда, когда по природе его следует иметь. Но нет разницы, делить ли род через

отрицание или через такое утверждение, которому не-
144a обходимо противопоставлено отрицание, например если нечто определяют как длину, имеющую ширину, ибо имеющему ширину противопоставлено не имеющее ширины, и ничто другое, так что род опять-таки делят через отрицание.

Опять же следует смотреть, не дан ли вид как видовое отличие, как это делают, например, те, кто определяет поношение как оскорбление, сопровождаемое осмеянием, ибо осмеяние есть некоторое оскорбление, так что осмеяние не видовое отличие, а вид.

Далее, следует смотреть, не указан ли род как видовое отличие, например добродетель — как благое или хорошее свойство, ведь благое — род для добродетели. Или быть может, благое не род, а видовое отличие, если действительно правильно, что одно и то же не может принадлежать к двум родам, не объемлющим друг друга, ибо ни благо не объемлет свойства, ни свойство не объемлет блага, ведь не всякое свойство есть благо и не всякое благо — свойство, так что ни то ни другое не будет родом [для добродетели]. Таким образом, если свойство есть род для добродетели, то ясно, что благое не его род, а скорее видовое отличие. Далее, свойство показывает, что́ такое добродетель, благое же показывает не что́ есть вещь, а какова она. А ведь кажется правильным, что всякое видовое отличие означает некоторое качество.

Следует также смотреть, не означает ли данное видовое отличие не какое-то качество, а определенное нечто. Ведь кажется правильным, что видовое отличие выражает какое-то качество.

Следует также смотреть, не присуще ли видовое отличие определяемому привходящим образом, ведь ни одно видовое отличие не принадлежит к тому, что присуще привходящим образом, совершенно так же как и род, ибо не может видовое отличие чему-то быть присущим и не присущим.

Далее, следует смотреть, не сказывается ли о роде видовое отличие, или вид, или нечто подчиненное виду. В таком случае определение дано не будет, ибо ничто из только что перечисленного не может сказываться о роде, так как [сам] род простирается на большее, чем все они. С другой стороны, следует смотреть, не сказывается ли род о видовом отличии, ведь род, надо пола-

гать, сказывается не о видовом отличии, а о том, о чем сказывается видовое отличие, как, например, «живое существо» — о человеке, быке и всех прочих живущих на суше живых существах, но не о видовом отличии, которое приписывается виду: ведь если «живое существо» сказывалось бы о каждом видовом отличии, то много живых существ сказывалось бы о виде, так как о виде сказываются видовые отличия. Кроме того, все видовые отличия были бы или видами, или единичными, если только они живые существа, ибо каждое живое существо есть или вид, или единичное.

Точно так же следует обратить внимание на то, не сказывается ли о видовом отличии вид или нечто подчиненное виду, ведь это невозможно, так как видовое отличие простирается на большее, чем виды. Кроме того, видовое отличие оказывалось бы в таком случае видом, если только о нем сказывается какой-нибудь из видов, ибо если [о видовом отличии] сказывается «человек», то ясно, что это видовое отличие есть человек. С другой стороны, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что видовое отличие не первее вида, ибо видовое отличие должно быть последующим по отношению к роду, но первее вида.

Следует также смотреть, не принадлежит ли указанное видовое отличие к другому роду, который не объемлется [родом, указанным в определении], или не объемлет его, ибо кажется правильным, что одно и то же видовое отличие не может относиться к двум родам, не объемлющим друг друга [2]. Иначе получится, что один и тот же вид будет относиться к двум родам, не объемлющим друг друга, ведь каждое видовое отличие влечет за собой свой род, как, например, «живущее на суше» и «двуногое» вместе влекут за собой «живое существо». Так что каждый из родов относится к тому, к чему относится видовое отличие; поэтому ясно, что вид принадлежит к двум родам, не объемлющим один другого. Или быть может, не исключено, что одно и то же видовое отличие относится к двум родам, не объемлющим один другого, только надо присовокупить «[помимо того случая, когда] они не подчинены одному и тому же [высшему роду]». В самом деле, живое существо, живущее на суше, и крылатое живое существо суть роды, не объемлющие один другого, но видовое отличие их обоих — двуногое, так что надо присовоку-

пить «[помимо того случая, когда] оба рода не подчинены одному и тому же [высшему роду]», ведь оба они подчинены [роду] «живое существо». Ясно, однако, и то, что так как одно и то же видовое отличие может относиться к двум родам, не объемлющим один другого, то видовое отличие не обязательно влечет за собой любой свой род, а влечет за собой лишь один из этих родов, а также все роды, стоящие выше его, как, например, «двуногое» влечет за собой «живое существо крылатое» или «живое существо, живущее на суше».

Следует также смотреть, не указали ли как видовое отличие сущности нахождение в чем-то, ибо сущность отличается от сущности, надо полагать, не тем, где они находятся. Поэтому тех, кто разделяет живые существа на живущие на суше и обитающие в воде, порицают, полагая, что «живущее на суше» и «обитающее в воде» указывают, где [они находятся]. Или быть может, их неправильно порицают, ведь «обитающее в воде» указывает не «в чем-то» и не «где-то», а некоторое качество. Ибо если бы оно и находилось на суше, оно одинаково было бы обитающим в воде. И точно так же «наземное», хотя бы оно и находилось в воде, будет наземным, а не обитающим в воде. 145a Но все же, если видовое отличие означает нахождение в чем-то, то это явно будет большой ошибкой.

С другой стороны, следует смотреть, не указали ли как видовое отличие состояние, ибо всякое состояние, усиливаясь, изменяет сущность, видовое же отличие не таково, ибо, надо полагать, оно скорее сохраняет то, видовое отличие чего оно есть, и вообще невозможно чему бы то ни было быть без своего видового отличия, ведь если нет двуногого, то не будет и человека. Одним словом, то, во что превращается находящийся в таком-то состоянии, не может быть его видовым отличием. Ведь все подобные [состояния], усиливаясь, изменяют сущность. Так что, если указали как видовое отличие такого рода [состояния], то допустили ошибку. Ибо мы вообще не меняемся в отношении видового отличия.

Следует также смотреть, не указали ли видовое отличие чего-то соотнесенного без соотнесения с другим. Ведь у соотнесенного и видовые отличия суть соотнесенное, как, например, видовые отличия знания. Ведь говорят, что оно об умозрительном, о деятельности и о творчестве [3] — каждое из них указывает на отноше-

ние к чему-то, ибо умозрительное есть умозрительное относительно чего-то, творческое—относительно чего-то и так же деятельное.

Следует также смотреть, указывает ли строящий определение то, для чего по природе существует каждое соотнесенное. Ведь в одних случаях можно пользоваться каждым соотнесенным только для того, для чего оно по природе существует, а для иного нет, в других же случаях можно и для иного; например, зрением можно пользоваться только для того, чтобы видеть; банным же скребком с полой ручкой можно и воду черпать [4], но все же если кто определил бы этот скребок как орудие для черпания, то допустил бы ошибку, ибо по природе своей он существует не для этого; определение же [выражения] «для чего существует по природе» гласит: для чего бы пользовались рассудительный человек, поскольку он рассудителен, и соответствующая наука.

Или следует смотреть, не обстоит ли дело так, что, когда [определяемое] имеет касательство ко многому, [в определении] указали не первое, например рассудительность [определили] как добродетель человека или души, а не разумной части души, ведь рассудительность есть прежде всего добродетель разумной части души, ибо именно на этом основании говорят, что и душа и человек рассудительны.

Далее, допущена ошибка, если то, для чего указано определяемое состояние, или расположение, или что бы то ни было другое, не может быть их носителем, ведь всякое расположение и всякое состояние естественно возникает в том, расположение или состояние чего оно есть, как, например, знание возникает в душе, будучи состоянием души. Иногда допускают ошибку в такого рода случаях, как, например, те, кто говорит, что сон есть бессилие чувственного восприятия, сомнение — равенство противоположных друг другу доводов, а боль — насильственное распадение сросшихся частей. Дело в том, что сон не присущ чувственному восприятию, но должен был бы быть присущим, если бы он был бессилием чувственного восприятия; точно так же сомнение не присуще противоположным друг другу доводам и боль не присуща сросшимся частям, иначе чувствовали бы боль неодушевленные предметы, если для них была бы возможна боль. Таково и

определение здоровья, если здоровье есть правильное соотношение теплого и холодного. В таком случае должны быть здоровыми тепло и холод, ибо правильное соотношение каждой вещи имеется в том, правильное соотношение чего оно есть, так что и здоровье было бы присуще теплу и холоду. Кроме того, у тех, кто так определяет, бывает, что они производимое причисляют к производящему и наоборот; в самом деле, распадение сросшихся частей есть не боль, а то, что вызывает боль, точно так же не бессилие чувственного восприятия есть сон, а одно вызывает другое, ведь мы или спим из-за бессилия, или мы становимся бессильными через сон. Равным образом можно было бы считать, что сомнение вызывается равенством противоположных доводов. Ведь когда имеются доводы за и против и нам кажется, что все они говорят в пользу той и другой стороны в одинаковой мере, мы сомневаемся, какой из них держаться.

Далее, следует смотреть в отношении всякого времени, нет ли где несогласованности, например если бы кто определил бессмертное как живое существо, не подверженное теперь гибели. Ведь живое существо, не подверженное теперь гибели, было бы теперь бессмертным. Или быть может, в этом случае получается не так, ведь «неподверженное теперь гибели» двусмысленно: это означает или что оно теперь не погибло, или что оно не может теперь погибнуть, или что оно теперь таково, что никогда не сможет погибнуть. Так вот, когда мы говорим, что живое существо теперь не подвержено гибели, мы говорим, что живое существо теперь таково, что оно никогда не сможет погибнуть, а это означало бы то же самое, что оно бессмертно; так что отсюда не следует, что оно теперь бессмертно; но все же, если оказывается, что то, чтó указано в речи, присуще теперь или раньше, а то, чтó обозначено именем, не присуще, то [указанное в речи и обозначенное именем] не одно и то же. Итак, пользоваться этим топом следует так, как было сказано.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[*Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)*]

Следует также смотреть, не объясняют ли то, что определили, скорее через другое, чем через данное

определение, например если бы справедливость определили как возможность распределять поровну. Дело в том, что справедлив скорее тот, кто *намерен* распределять поровну, чем тот, кто это [только] *может*. Поэтому справедливость не есть возможность распределять поровну, иначе наиболее справедливым был бы 146a тот, кто имел бы наибольшую возможность распределять поровну.

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что предмет допускает бо́льшую степень, а данное в определении не допускает или, наоборот, данное в определении допускает, а предмет не допускает. Ведь или и то и другое должно допускать бо́льшую степень, или ни одно из них не допускает, если только данное в определении и предмет действительно одно и то же; кроме того — если и то и другое допускает бо́льшую степень, но возрастает не одновременно, например если любовь определяют как желание совокупляться: ведь тот, кто больше любит, не стремится к большему совокуплению, так что и то и другое допускает бо́льшую степень, но не одновременно, что́, конечно, должно было бы быть, если бы они были одним и тем же.

Далее, если дело касается двух [вещей], то [допускают ошибку], если к той, к которой что-то относится в большей мере, указанное в определении относится в меньшей мере, например если огонь определяют как тело, состоящее из мельчайших частиц. Дело в том, что пламя есть огонь в большей мере, чем свет, но пламя есть в меньшей мере, чем свет, тело, состоящее из мельчайших частиц. Ведь оба должны были бы быть присущими одному и тому же в большей мере, если бы они были одним и тем же. С другой стороны, [допускают ошибку], если одно одинаково присуще обеим вещам, о которых речь, а другое присуще обеим не одинаково, а одной из них в большей мере.

Далее, [допускают ошибку], если определение, относящееся к двум [вещам], дается разделительно, например если прекрасное определяют как приятное для зрения или для слуха[1], а сущее — как могущее претерпевать или действовать. В этом случае одно и то же было бы в одно и то же время прекрасным и непрекрасным и равным образом сущим и не-сущим, ибо приятное для слуха будет то же, что прекрасное, а потому неприятное для слуха — то же, что непрекрас-

ное, ибо противолежащее одному и тому же — одно и то же, прекрасному же противолежит непрекрасное, приятному для слуха — неприятное для слуха. Таким образом, ясно, что неприятное для слуха — то же, что непрекрасное. Если поэтому что-то приятно для зрения, но неприятно для слуха, то оно будет и прекрасным, и непрекрасным. И точно так же мы докажем, что одно и то же есть сущее и не-сущее.

Далее, относительно родов, видовых отличий и всего другого, даваемого в определениях, следует при замене имен речью смотреть, нет ли какой-нибудь несогласованности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)]

Если же определяемое есть соотнесенное или само по себе, или по роду, то следует смотреть, не обстоит ли дело так, что в определении не указано то, с чем определяемое соотнесено или само по себе, или по 146b роду, например если бы знание определили как неколебимое [никаким доводом] постижение, а желание — как беспечальное стремление. Дело в том, что сущность всякого соотнесенного состоит в соотношении с чем-то другим, так как для каждого соотнесенного быть значит то же, что находиться в каком-то отношении к чему-то [1]. Поэтому следовало бы сказать, что знание есть постижение того, что познается, а желание — стремление к благу. Точно так же — если грамоту определили бы как знание письменности, ибо в определении следовало бы указать или то, с чем соотносится определяемое, или же то, с чем соотносится его род. Или следует смотреть, не обстоит ли дело так, что указанное соотнесенное дано не по отношению к цели; цель же в каждом — наилучшее или то, ради чего все остальное. Поэтому следует указать или наилучшее, или конечное, например стремление не к приятному, а к удовольствию, ибо ради удовольствия мы выбираем и приятное.

Следует также смотреть, не указали ли как предмет стремления (pros ho) становление или деятельность, ведь ни то ни другое не есть цель, так как целью будет скорее быть сделанным и быть ставшим, чем становиться и делать [2]. (Или быть может, это вер-

но не во всех случаях? Ведь большинство людей желают скорее наслаждаться, чем перестать наслаждаться, так что они скорее хотели бы считать целью действование, чем законченное действие.)

Далее, следует в некоторых случаях смотреть, не обстоит ли дело так, что не указано «сколько», «какое», «где» и другие различия, например к каким и к скольким почестям стремится честолюбец, ведь к почестям стремятся все, так что негодно назвать честолюбцем того, кто стремится к почестям, а следует присовокупить указанные различия, точно так же как при определении сребролюбца — какого количества денег он добивается или при определении невоздержного — о каких удовольствиях идет речь. Ведь невоздержным называют того, кто предается не какому угодно наслаждению, а какому-то определенному наслаждению; или же если определяют ночь как тень земли, или землетрясение — как колебание земли, или облако — как сгущение воздуха, или ветер — как движение воздуха, ибо следует присовокупить, в каком количестве, какого свойства, где и в силу чего. И точно так же в других подобных случаях. Ибо тот, кто обходит молчанием то или иное различие, не говорит о сути бытия [вещи]. Так вот, нападкам следует всегда подвергать слабое место, ибо землетрясение, [например], будет не любое и не любой силы колебание земли и точно так же ветром будет не любое и не любой силы движение воздуха.

Далее, при [определении] стремлений и всего другого соответствующего им следует смотреть, не обстоит ли дело так, что не присовокупляют «кажущееся», например [говорят], что желание есть стремление к благу или вожделение есть стремление к приятному, но 147a не добавляют — к кажущемуся благу или кажущемуся приятным. Ведь для тех, кто к чему-то стремится, часто остается неизвестным, есть ли оно действительно благо или приятное. Так что оно не обязательно благо или приятное, а лишь кажущееся благо или приятное. Поэтому надо объяснять соответствующим образом. Но даже если «кажущееся» и указали, следует тем, кто признает идеи, ссылаться на эйдосы; ведь нет идей того, что кажется. А эйдос, надо полагать, соотносится с эйдосом, например само-по-себе-вожделение направлено на само-по-себе-приятное и само-по-себе-

желание — на само-по-себе-благо, и потому они не направлены ни на кажущееся благо, ни на кажущееся приятное. Ведь нелепо, чтобы была идея кажущегося блага или кажущегося приятным.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)*]

Далее, если определение касается состояния, следует обратить внимание на то, что находится в [данном] состоянии, а если оно касается того, что находится в [данном] состоянии,— на [данное] состояние. И точно так же в других подобных случаях. Например, если приятное есть в существе своем полезное, то и испытывающий приятное есть извлекающий пользу. Можно вообще сказать, что в такого рода определениях получается, что некоторым образом определяют больше чем одно. В самом деле, тот, кто определяет знание, некоторым образом определяет и неведение, и точно так же знающего и незнающего, овладение знанием и нахождение в неведении. Ибо если первое объяснено, то некоторым образом объяснено и остальное. Поэтому следует во всех такого рода случаях смотреть, чтобы не было несогласованности, пользуясь основными положениями, исходящими из противоположностей и однорядного [1].

Далее, при определении соотнесенного следует смотреть, соотнесен ли вид с чем-то из того, с чем соотнесен род; например, если постижение соотнесено с предметом постижения, то и определенное постижение соотнесено с определенным предметом постижения, и если то, что во много раз больше, соотнесено с тем, что во много раз меньше, тогда и то, что определенное число раз больше, соотнесено с тем, что определенное число раз меньше. Если так не указывают, то ясно, что ошибаются.

Следует также смотреть, есть ли определение противолежащего противолежащее определение, например есть ли определение половины определение, противолежащее определению двойного. Ведь если двойное — это то, что столько-то превышает, то половина — это то, что столько же превышаемо. Точно так же обстоит дело с противоположностями. А именно, противопо-

ложное определение противоположного будет сообразоваться с каким-то одним сочетанием противоположностей; например, если полезно то, что содействует благу, то вредно то, что содействует злу, или то, что уничтожает благо, ибо одно из них необходимо противоположно тому, что сказано вначале. Если же ни то ни другое не противоположно сказанному вначале, то ясно, что ни одно из определений, данных после, не будет определением противоположного, так что определение, данное вначале, дано неправильно. А так как в некоторых случаях одну из противоположностей называют через лишенность, например неравенство считается лишенностью равенства (ибо неравным называют то, что не равно), то ясно, что противоположность, названная по лишенности, определяется через другую, а эта другая — уже не через названное по лишенности. В таком случае следовало бы, что одно противоположное познается через другое. Итак, при определении противоположностей следует обратить внимание на такого рода ошибку; например, если кто определял бы равенство как противоположное неравенству, то он определял бы его через названное по лишенности. Тот, кто так определяет, необходимо использует само определяемое. Это становится ясным, если имя заменить речью. В самом деле, сказать «неравенство» — это все равно что сказать «лишенность равенства». Равенство, таким образом, будет противоположным лишенности равенства, так что при этом было бы использовано само определяемое[2]. Если же ни одну из противоположностей не называют по лишенности и определение дано таким же образом (например, благо есть противоположное злу), то ясно, что зло будет противоположным благу (ибо для противоположностей, указанных таким образом, одинаково должно быть дано и определение); так что опять получается, что использовали то же определяемое, ибо в определение «зла» входит «благо», так что если благо есть противоположное злу, а между злом и противоположным благу нет никакой разницы, то благо будет противоположным тому, что́ противоположно благу. Ясно, таким образом, что использовали само определяемое.

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что при определении того, что называют по лишенности,

не указали, лишенность чего она есть, например состояния, или того, что противоположно состоянию, или чего бы то ни было еще, и не присовокуплено то, в чем называемое по лишенности естественным образом возникает или вообще или в чем как в первом оно естественным образом возникает; например, если кто, сказав, что неведение есть лишенность, не говорит, что оно есть лишенность знания, или не присовокупляет, в чем оно естественным образом возникает, или, присовокупляя это, не указал, в чем как в первом оно возникает, не указал, например, что оно возникает в разумной части души, а указал, что оно возникает в человеке или в душе [вообще]. Если же то или иное из этого не сделали, то допустили ошибку. Точно так же — если о слепоте не говорят, что она есть лишенность зрения в глазу. Ибо тот, кто надлежащим образом указывает, что такое лишенность, должен указать также, лишенность чего она есть и чтó есть то, что лишено.

Следует также смотреть, не определяют ли через лишенность то, что не называемо по лишенности,— такую ошибку допускают, например, и при определении неведения, как полагают те, кто называет неведение не через отрицание. Ведь невежественным считается не то, что не обладает знанием[3], а скорее то, что полностью заблуждается. Поэтому мы не называем невежественными ни неодушевленные предметы, ни детей, так что о неведении не говорится как о лишенности знания.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)*]

Далее, следует смотреть, соответствует ли такому-то изменению окончаний имени такое же изменение окончаний слов, содержащихся в определении; например, если полезное — это способное содействовать здоровью, то полезно значит способно содействовать здоровью, а то, что уже было полезно,— это то, что уже способствовало здоровью.

Следует также смотреть, соответствует ли названное определение идее, ибо в некоторых случаях это не получается, например если определяют так, как Платон дает определение живых существ, присовокупляя

[слово] «смертное». Ведь идея не смертна, например сам-по-себе-человек, так что определение не соответствует идее. Вообще же определение того, к чему присовокупляется «действующее» или «претерпевающее», необходимо не согласовывается с идеей, ибо те, кто говорит, что существуют идеи, считают идеи неподверженными изменению и неподвижными[1]. Против них полезны и такого рода доводы.

Далее, следует смотреть, не указали ли для одноименных [предметов] одно общее им понятие. Ведь [предметы], понятие которых, соответствующее [общему им] имени, одно, соименны. Так что данное определение не есть определение ни одного из [предметов] обозначенных этим именем, если оно в одинаковой мере подходит для всего одноименного. Такая ошибка содержится в определении жизни, данном Дионисием[2], если жизнь есть движение, свойственное и сопутствующее питающемуся роду. Ведь это движение присуще животным не больше, чем растениям. О жизни, надо полагать, нельзя говорить как об одном виде: одна жизнь присуща животным, другая — растениям. Таким образом, определение можно, конечно, давать преднамеренно так, чтобы всякая жизнь была названа соименной и указана как один вид, однако ничто не мешает, чтобы тот, кто сразу усматривает одноименность и желает дать определение согласно одному [из значений], не заметил, что данное им выражение не подходит для одного лишь [значения], а обще обоим. Тем не менее, каким бы из этих способов ни определяли, допустили бы ошибку. Так как в некоторых случаях одноименность остается незамеченной, то вопрошающий должен одноименное приводить как соименное (в таком случае определение согласно одному [из значений] не подойдет для другого [значения], так что создается видимость, что определение дается неподобающим образом, ведь оно должно подходить для всего соименного), а сам отвечающий должен проводить различие [между значениями]. А так как некоторые из отвечающих или выдают соименное за одноименное, когда данное им выражение не подходит для всего, или одноименное выдают за соименное, если оно подходит для того и другого [значения], то необходимо либо заранее договориться относительно этого, либо доказать с по-

мощью просиллогизма, что что-то есть одно из них — одноименное или соименное. Скорее уступят те, кто не предвидит всех последствий. Если же не будет достигнута договоренность и кто-то объявит соименное одноименным, потому что данное выражение не подходит и для данного [значения], то следует смотреть, подходит ли выражение этого и для остального, ибо в таком случае ясно, что оно будет соименным со всем остальным, иначе для остального будет много определений: ведь для них подходят два соответствующих имени выражения — данное ранее и последующее. Если же дают определение чего-то имеющего много значений, а выражение не подходит для них всех и хотя не говорят, что оно одноименное, однако отрицают, что имя подходит для всего, потому что и выражение не подходит для всего, то следует возразить, что надо, правда, пользоваться установившимся и обычным названием и не надо менять такие названия, однако некоторые названия не следует приводить так, как приводит их большинство людей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)]

Если же дается определение чего-то составного, то, отделяя определение одной части составного [от определения другой], следует смотреть, есть ли оставшаяся часть определение оставшегося. Если нет, то ясно, что и все определение не есть определение всего [составного]; например, если бы ограниченную прямую линию определили как край плоскости, имеющей концы, середина которого заслоняет оба конца: если определение ограниченной линии — край плоскости, имеющей концы, то оставшееся должно быть определением прямой, а именно: середина которой заслоняет оба конца. Но неограниченная линия не имеет ни середины, ни концов, и все же она прямая. Так что оставшаяся часть определения не есть определение оставшейся части [составного].

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что если определяемое есть нечто сложенное, то имеет

ли данное определение равное с определяемым число членов. Равночленным определение называется тогда, когда оно заключает в себе столько же имен и глаголов, сколько их имеет составное. В таких случаях все или некоторые имена необходимо должны быть взаимозаменяемы, так как имен указано теперь отнюдь не больше, чем раньше. Тому, кто дает определение, следует имена заменить речью, лучше всего — все имена, если же нет, то большинство имен. Ведь иначе можно было бы и несоставное определять, заменив одно имя другим, например вместо «одежды» — «платье».

Далее, еще бóльшую ошибку допускают, если одни имена заменяют другими, менее понятными, например вместо «бледный человек» говорят «белявый смертный». В этом случае и не дается определение, и сказанное таким образом менее ясно.

Следует также смотреть, не обстоит ли дело так, что при замене одного имени другим последнее к тому же обозначает не то же самое, например если вместо «знания об умозрительном» сказать «постижение умозрительного», ибо постижение и знание не одно и то же, но ведь они должны означать одно и то же, если только и целое одно и то же, ведь «умозрительное» одинаково содержится в обоих выражениях, а остальное — разное.

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что, заменяя одно имя другим, заменили не видовое отличие, а род, как в только что приведенном [примере], а именно: «умозрительное» менее известно, чем «знание». Ведь одно есть род, а другое — видовое отличие; самое же известное из всего — род. Вот почему следовало бы заменить не род, а видовое отличие, так как оно менее известно. (Или быть может, упрек этот не серьезный? Ведь ничто не мешает, чтобы более понятным именем было указано видовое отличие, а не род. Если дело обстоит так, то ясно, что следует заменить имя рода, а не видового отличия.) Но если заменить не имя именем, а имя речью, то ясно, что скорее должно быть дано определение видового отличия, чем определение рода, так как определение дается ради познания, а видовое отличие менее известно, чем род.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)*]

Если же дали определение видового отличия, то следует смотреть, не есть ли оно определение и чего-то другого. Если, например, сказали, что нечетное число есть число, имеющее середину, то следует еще определить, в каком смысле оно имеет середину, ибо «число» одинаково содержится в той и другой части речи, а «нечетное» заменено речью. Между тем середину имеет и линия, и тело, а они не нечетны. Так что указанное не будет определением нечетного. Если же «имеющее середину» многозначно[1], то следует уточнить, в каком смысле оно имеет середину. Поэтому здесь возможен будет упрек или умозаключение о том, что определение не дано.

Опять же следует смотреть, не обстоит ли дело так, что определяемое принадлежит к существующему, а содержащееся в определении — к несуществующему, например если белое определяется как цвет, смешанный 149b с огнем, ведь невозможно, чтобы нетелесное было смешано с телесным, так что не может существовать цвет, смешанный с огнем, а белое существует.

Далее, те, кто при определении соотнесенного не уточняет, с чем оно соотносится, а включает [в определение] нечто большее, ошибаются или полностью, или отчасти, например если назовут врачебное искусство знанием о сущем. В самом деле, если врачебное искусство не есть знание ни о чем сущем, то ошибаются полностью; если же оно есть знание об одном сущем, а о другом нет, то ошибаются отчасти. Ибо оно необходимо должно быть знанием обо всем сущем, если только утверждают, что оно знание о сущем само по себе, а не привходящим образом. Так же обстоит дело и с другими членами соотношения. Ведь все познаваемое соотносится со знанием. Равным образом обстоит дело и с другим [соотнесенным], так как всякое соотнесенное обратимо [с тем, с чем оно соотнесено]. Далее, если тот, кто указывает нечто не как сущее само по себе, а как привходящее, и указывает правильно, то он соотносит каждое соотнесенное не с чем-то одним, а со многим. Ведь ничто не мешает, чтобы одно и то же было и сущим, и белым, и благим; так что тот, кто

указывает [как соотнесенное] то или другое из перечисленного, указывает правильно, если только тот, кто указывает это как привходящее, указывает правильно. Далее, невозможно, чтобы подобное определение относилось только к указанному. Ведь не только врачебное искусство, но и другие знания соотносятся с сущим, так что каждое знание есть знание о сущем. Ясно поэтому, что такое определение не есть определение какого-либо знания, ибо определение должно относиться только к чему-то одному, а не быть общим [для многих].

Иногда же определяют не вещь [вообще], а вещь, находящуюся в хорошем состоянии или в совершенном виде. Таково определение, которое дают ритору или вору, если ритора определяют как способного в каждом случае находить убедительные [доводы] и ничего не упускать[2], вора же — как того, кто берет тайком. Ясно, что каждый из них, будучи таким, есть: один — искусный ритор, другой — искусный вор. Ибо вор [вообще] не тот, кто берет тайком, а тот, кто хочет брать тайком.

Опять же следует смотреть, не указали ли то, что предпочитаемо ради него самого, как способствующее чему-то, или как добивающееся чего-то, или так или иначе предпочитаемо ради чего-то другого, например справедливость — как охраняющую законы или мудрость — как способствующую счастью. Ведь то, что способствует или охраняет, принадлежит к предпочитаемому ради другого. Или быть может, ничто не мешает, чтобы то, что предпочитаемо ради него самого, было предпочитаемо и ради другого. Но, конечно, не меньше ошибся тот, кто таким образом определил то, что предпочитаемо ради него самого, ибо наилучшее у каждой вещи есть то, что больше всего содержится в ее сущности, а то, что предпочитаемо ради него самого, лучше, чем предпочитаемое ради другого. Так что и определение должно обозначать скорее именно это.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (продолжение)]

Следует также смотреть, не обстоит ли дело так, 150a
что тот, кто дает определение чего-то, определяет его

как «вот эти», или как «состоящее из этих», или как «вот это с этим». Ибо если его определяют как «вот эти», то может оказаться, что оно присуще обоим и не присуще ни одному, например если справедливость определяли бы как умеренность и мужество. Ведь если имеются двое, каждый из которых обладает одним из этих свойств, то оба [вместе] будут справедливы и ни один из них не будет справедлив, так как оба [вместе] обладают, правда, справедливостью, но ни один из них отдельно ею не обладает. Если же сказанное еще не очень нелепо, потому что в иных случаях бывает нечто такое (ведь ничто не мешает, чтобы двое имели сто драхм, но ни один из них в отдельности не имел их), то совершенно нелепым кажется по крайней мере присущность им противоположностей. А это получится, если один из них умерен и труслив, а другой — мужествен и необуздан. В таком случае и тот и другой будут справедливы и не справедливы. Ведь если справедливость есть умеренность и мужество, то несправедливость — трусость и необузданность. И вообще все доводы в пользу того, что части и целое не одно и то же [1], приложимы к только что сказанному. Ведь тот, кто так определяет, считает, по-видимому, что части и целое одно и то же. Более всего подходят эти доводы, если речь идет о том, что явно составлено из частей, как, например, дом и тому подобное. Ведь ясно, что если имеются части, то ничто не мешает, чтобы целого [еще] не было, так что части и целое не одно и то же.

Если же утверждали, что определяемое есть не эти [вещи], а состоящее из них, то прежде всего следует смотреть, не обстоит ли дело так, что из указанных [вещей] не может естественным образом возникнуть нечто единое. Ведь некоторые [вещи] находятся в таком отношении друг к другу, что ничто [единое] не может из них возникнуть, как, например, линия и число. Далее следует смотреть, не обстоит ли дело так, что определяемое, правда, возникает естественным образом в чем-то едином как в первом, но то, из чего, как утверждали, состоит определяемое, возникает не из чего-то единого как первого, а одно — из одного, другое — из другого. Тогда ясно, что определяемое не состоит из них. В самом деле, в чем находятся части, в том необходимо находится и целое, так

что, [если определение правильно], целое находится не в чем-то едином как первом, а во многом. Если же и части и целое находятся в чем-то едином как первом, то следует смотреть, не обстоит ли дело так, что они находятся не в одном и том же, а целое — в одном, части — в другом. Опять же следует смотреть, не уничтожаются ли вместе с целым и части. Ибо должно происходить наоборот: после того как уничтожатся части, должно уничтожиться целое; если же уничтожается целое, не обязательно, чтобы были уничтожены и части. Или быть может, целое хорошо или плохо, а части — ни то ни другое; или, наоборот, части хороши или плохи, а целое — ни хорошо ни плохо; ведь из того, что не есть ни то ни другое, не может возникнуть что-то хорошее или плохое, так же как из плохого или хорошего — то, 150b
чтó не есть ни то ни другое. Или быть может, одно есть хорошее в большей мере, чем другое — плохое, а составленное из них есть не в большей мере хорошее, чем плохое, например если определяют, что бесстыдство состоит из мужества и ложного мнения, ведь мужество в большей мере хорошее, чем ложное мнение — плохое. Поэтому и составленное из них должно было бы следовать большей мере и быть или вообще хорошим, или в большей мере хорошим, чем плохим. Или быть может, это не обязательно, разве только когда то и другое хорошо или плохо само по себе. Ведь многое из того, что способствует хорошему, само по себе не хорошее, а нечто смешанное. Или наоборот, то и другое в отдельности, правда, хорошее, но при смешении — плохое или то, чтó не есть ни хорошее, ни плохое. Только что сказанное становится совершенно очевидным на примере того, чтó полезно или вредно для здоровья. В самом деле, некоторые лекарства таковы, что каждое из них хорошо, но если дать их в смешанном виде, то вредны.

Опять же следует смотреть, не обстоит ли дело так, что целое, состоящее из лучшего и худшего, не хуже, чем лучшее, но лучше, чем худшее. (Или быть может, это не обязательно, разве только когда составные части сами по себе хороши, но ничто не мешает, чтобы целое оказалось не хорошим, как в только что приведенном [примере].)

Далее, следует смотреть, не соименно ли целое с одной из частей. Это не должно быть, как это не мо-

жет быть у слогов, ибо слог не соименен ни с одним из звуков речи, из которых он состоит.

Далее, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что не указан способ сложения, ибо для познания чего-то недостаточно сказать, что оно состоит из того-то и того-то, ибо сущность каждой составной [вещи] не в том, что она состоит из того-то и того-то, а в том, каким образом она состоит из каждого из них, как, например, у дома. Ведь не любым способом сложенные [материалы] составляют дом [2].

Если же [определяемое] дано как «вот это с этим», то прежде всего следует сказать, что «вот это с этим» означает то же, что «вот эти» или «состоит из вот этих». В самом деле, тот, кто говорит «мед с водой», говорит «мед и вода» или «из меда и воды». Так что если соглашаются, что любое из [только что] перечисленного есть то же, что «вот это с этим», то подобает сказать то же самое, что было сказано раньше о них [3]. Кроме того, уточняя, в каких смыслах говорится «одно с другим», следует смотреть, не обстоит ли дело так, что ни один смысл [выражения] «вот это с этим» не подходит. Например, если говорят «одно с другим» в смысле в «каком-то одном и том же носителе» (так, как справедливость и мужество в душе), или «в одном и том же месте», или «в одно и то же время», а сказанное о них ни в одном таком смысле неправильно, то ясно, что данное определение не будет определением чего-либо из этого, так как ни один смысл [выражения] «вот это с этим» не подходит. Если же из различенных [значений «вот это с этим»] правильно то, что каждое из них присуще в одно и то же время, то следует смотреть, не может ли быть, что оба они относятся не к одному и тому же, например если определили бы мужество как решимость с правильным рассуждением. Ведь можно обладать решимостью грабить, но иметь правильное рассуждение о том, что полезно для здоровья. Однако еще не мужествен тот, кто в одно и то же время имеет вот эту [решимость] с этим [правильным рассуждением]. Но нет мужества даже в том случае, если то и другое относится к одному и тому же, например к врачеванию, ведь ничто не мешает обладать решимостью и правильным рассуждением относительно врачевания, но тем не менее обладающему и тем и другим не быть

мужественным. Ибо ни то ни другое не должно относиться ни к разному, ни к одному и тому же случайному, а должно относиться к цели мужества, например к преодолению опасностей войны или к другой цели, более важной, чем эта.

Кое-что из данного таким образом [как определение] ни в коем случае не подходит под указанное деление, например если гнев определяют как огорчение *с* предположением о пренебрежительном к себе отношении со стороны других. Ведь этим хотят показать, что огорчение возникает *из-за* такого рода предположения. Но возникнуть «из-за этого» не то же, что «с этим», ни в одном из указанных значений.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Топы, устанавливающие условия правильности построения определений (окончание)]

Далее, если соединение одного с другим назвать целым, как, например, соединение души с телом — живым существом, то прежде всего следует смотреть, не обстоит ли дело так, что не сказано, какое это соединение, например если, определяя плоть или кости, утверждали бы, что они соединение огня, земли и воздуха [1]. Ибо недостаточно сказать, что они соединение, но нужно еще уточнить, какое это соединение. Ведь плоть возникает не при любом соединении этих элементов, а когда они соединены таким-то определенным образом, кости же — таким-то. И вообще, по-видимому, ни одно из них не тождественно соединению, ведь всякому соединению противоположно разложение, но ни одному из них ничего не противоположно. Кроме того, если одинаково вероятно, что все составное есть соединение или никакое составное не есть соединение, каждое же живое существо, будучи составным, не есть соединение, то и все прочее составное не будет соединением.

Далее, если чему-то по природе присущи противоположности, а определяют его через одну из них, то ясно, что определение его не дано. Иначе окажется, что у одного и того же много определений. В самом деле, почему более [правильно] указывает тот, кто определяет через одну противоположность, чем тот, кто определяет через другую, поскольку обе одинаково

возникают в нем естественным образом? Именно та-
151b ково определение души, если она сущность, способная овладевать знаниями, ведь она в равной мере подвержена и неведению.

Если нет доводов против всего определения в целом, потому что целое неизвестно, то надо найти доводы против какой-то части, если она известна и если кажется, что она дана не надлежащим образом. Ведь если часть опровергнута, то опровергнуто и все определение. Неясные определения следует рассматривать таким образом, чтобы [вместе с отвечающим] исправить их и привести их в связь с чем-то ясным, дабы иметь доводы против них. Ведь отвечающему необходимо в таком случае либо признать принятое вопрошающим, либо самому объяснить, что же в конце концов то, что выражено определением. Далее, подобно тому как в экклесии обычно предлагают на утверждение [новый] закон и отменяют прежний, если тот, который предлагают, лучше, точно так же следует поступать с определениями и самому предлагать другое определение. Ибо если кажется, что оно лучше и в большей мере выявляет определяемое, то ясно, что [ранее] положенное будет оспорено, так как для одного и того же нет больше одного определения.

Для всех же определений особенно важно положение о том, что следует точно определять для себя обсуждаемое или вновь принимать определение, указанное надлежащим образом. Ибо необходимо, как бы разглядывая образец, усматривать в определении [собеседника] упущения и излишне добавленное, чтобы иметь больше доводов против него.

Итак, о [топах], касающихся определений, сказано достаточно.

КНИГА СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Топы, касающиеся установления тождества*]

Следует также смотреть исходя из словоизменения, из однорядного и из противолежащих друг другу [вещей], тождественно ли нечто чему-то или отлично от него — тождественно ли в самом прямом из перечисленных выше значений тождественного (тождественным же в самом прямом смысле я назвал[1] то, что по числу одно). В самом деле, если справедливость — то же, что мужество, то справедливый — то же, что мужественный, и справедливо — то же, что мужественно. То же самое и в отношении противолежащего. А именно если вот эти [вещи] тождественны друг другу, то противолежащие им [вещи] — в любом из названных видов противопоставления — также тождественны друг другу. Нет никакой разницы, берут ли противолежащее одному из тождественного или другому, поскольку и то и другое одно и то же. С другой стороны, судить о тождественном следует исходя из созидающего и уничтожающего, возникновения и уничтожения и вообще из находящегося к тому и другому в одинаковом отношении. У всего, что тождественно без оговорок, тождественны и возникновение и уничтожение его и то, что создает и уничтожает его.

Если же об одной из двух [тождественных вещей] говорится что-то больше всего, то следует смотреть, не говорится ли это и о другой в том же отношении больше всего, как, например, Ксенократ доказывает, что счастливая жизнь и добродетельная жизнь тождественны, так как из всех образов жизни больше всего предпочитают добродетельную и счастливую жизнь, ибо то, что предпочитают больше всего, и наибольшее — одно. То же самое можно сказать и о всем другом подобном этому. Однако и то и другое, названное

наибольшим и больше всего предпочитаемым, должно быть одним по числу, иначе тождественность не доказана. В самом деле, если самые храбрые из эллинов — пелопоннесцы и лакедемоняне, то не обязательно, чтобы пелопоннесцы были тождественны лакедемонянам, так как имеется не один по числу пелопоннесец и не один лакедемонянин, а необходимо, чтобы одно было объемлемо другим, так же как лакедемоняне пелопоннесцами; иначе окажется, что один из них лучше других, если только одни не объемлются другими. В самом деле, пелопоннесцы необходимо должны быть лучше лакедемонян, если одни не объемлются другими, ибо они лучше всех остальных. Точно так же и лакедемоняне необходимо должны быть лучше пелопоннесцев, ибо и они лучше всех остальных. Так что получается, что они лучше друг друга. Таким образом, ясно, что названное лучшим и наибольшим должно быть одним по числу, если надлежит доказать тождественность. Поэтому и Ксенократ не доказывает [тождественность], ибо жизнь счастливая и жизнь добродетельная не одно по числу [2], так что не обязательно, чтобы они были тождественны на том основании, что обе более всего предпочитаемы; одно должно быть подчинено другому.

Далее, следует смотреть, тождественно ли одно тому, чему тождественно и другое, ибо если оба не тождественны одному и тому же, то ясно, что они не тождественны и друг другу [3].

Далее, следует [судить о тождественности двух] исходя из того, что им сопутствует, и из того, чему они сами сопутствуют. В самом деле, то, что одному сопутствует, должно сопутствовать и другому, [ему тождественному] [4], и, чему одно из них сопутствует, тому и другое должно сопутствовать [5]. Если же здесь есть какая-то несогласованность, то ясно, что они не тождественны друг другу [6].

Следует также смотреть, не обстоит ли дело так, что оба принадлежат не к одному роду категорий, а одно являет собой качество, а другое — количество или отношение, и, далее, не обстоит ли дело так, что
152b род у обоих не один и тот же, а у одного, [например], благо, у другого — зло или у одного — добродетель, а у другого — знание или же род хотя и один и тот же, однако не одни и те же видовые отличия сказываются

о том и другом, а об одном говорится, что оно знание об умозрительном, а о другом — что оно знание о деятельности. И точно так же в других случаях.

Далее, следует исходить из большего — не обстоит ли дело так, что одно допускает бóльшую степень, а другое нет или оба, правда, допускают, но не в одно и то же время, как, например, кто больше любит, не желает большего совокупления, а потому любовь и желание совокупления не одно и то же.

Точно так же следует исходить из прибавления — не обстоит ли дело так, что прибавление каждого из двух к одному и тому же не делает целое тождественным[7] или при отнятии одного и того же от каждого из них остаток разный[8], например если бы сказали, что двойное половины и многократное половины — одно и то же. Ведь если отнять от каждого половину, то остаток у обоих должен был бы быть одним и тем же, но это не так, ибо двойное и многократное не означают одно и то же.

Следует смотреть не только то, не вытекает ли непосредственно из тезиса[9] нечто несообразное[10], но и то, не может ли из предположения возникать несообразное, точно так, как у тех, кто утверждает, что пустое и наполненное воздухом — одно и то же. Ведь ясно, что, когда воздух выходит, пустота не уменьшается, а увеличивается, в то время как наполненного воздухом уже нет. Так что если при каком-то предположении — ложном ли или истинном (это не имеет значения) — одно опровергается, а другое нет, то они не одно и то же[11].

Вообще говоря, исходя из того, что так или иначе сказывается о том и о другом, и из того, о чем они сами сказываются, следует смотреть, нет ли где какой-нибудь несогласованности. Ведь то, что сказывается об одном, должно сказываться и о другом, а о чем сказывается одно, о том должно сказываться и другое[12].

Далее, так как о тождественном говорится в различных значениях, то следует смотреть, не тождественно ли то и другое и в каком-то ином смысле. Ведь тождественное по виду или по роду не должно или не может быть одним и тем же по числу. Мы же рассматриваем, тождественны ли они в этом смысле или нет.

Наконец, следует смотреть, может ли быть одно без другого. Ведь если может, то они не будут одним и тем же [13].

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Топы, касающиеся установления тождества при обсуждении определений]

Итак, топов, касающихся тождественного, столько. Из сказанного также ясно, что все касающиеся тождественного топы, годные для опровергания, могут быть применены к определению, как было сказано раньше [1]. В самом деле, если имя и речь выражают не одно и то же, то ясно, что данная речь не будет определением. Но ни один из топов, годных для обоснования [тождественности], неприменим к определению. Ведь для обоснования определения недостаточно доказать, что то, что содержится в речи, и то, что содержится в имени,— одно и то же [2]; определение должно соблюдать все остальные предписания [3].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Топы, касающиеся построения определений через умозаключение]

Итак, пытаться оспорить определение следует всегда таким именно образом и с помощью этих [топов]. Если же мы хотим обосновать определение, то прежде всего следует знать, что никто или немногие из рассуждающих получают определение через умозаключения, а все принимают определение за начало, например те, кто занимается геометрией, учением о числах или другими подобными учениями. Далее, следует знать, что, конечно, дело другого исследования [1] — точно объяснить, что такое определение и как дóлжно определять; но теперь для настоящей цели достаточно сказать лишь то, что об определении и сути бытия [вещи] можно получить умозаключение, и если определение есть речь, выражающая суть бытия вещи [2], и единственно лишь сказываемое в определении должно сказываться в сути вещи (а в сути вещи сказываются роды и видовые отличия), то очевидно, что если в сути вещи сказываются лишь род и видовое отличие, то содержащая их речь необходимо бу-

дет определением, ибо другого определения быть не может, так как ничто другое не сказывается в сути вещи.

Итак, очевидно, что умозаключение[3] об определении может получиться. А исходя из каких [топов] следует строить определение,— это разъяснено более подробно в других сочинениях[4]. Для данного исследования полезны эти же топы[5]. А именно, надо обратить внимание на противоположности и на остальные противолежащие друг другу [вещи] и исследовать определения в целом и по частям. Ведь если определение, противолежащее [данному], есть [определение] противолежащего, то и указанное необходимо есть [определение] обсуждаемого. Но так как имеется несколько сочетаний противоположностей, из противоположностей следует брать ту, противоположное определение которой наиболее очевидно. Итак, определение в целом надо рассматривать так, как сказано, части же его — следующим образом. Прежде всего необходимо убедиться, что данный род указан правильно. Если же противоположное принадлежит к противоположному [роду], а обсуждаемое к этому же [роду] не принадлежит, то ясно, что оно будет принадлежать к противоположному [роду], так как противоположности необходимо принадлежат к одному и тому же [роду] или к родам, противоположным друг другу. Мы полагаем также, что противоположные видовые отличия сказываются о противоположностях так, как о белом и черном, ведь одно рассеивает зрение, а другое собирает[6]. Так что если о противоположном сказываются противоположные видовые отличия, то ясно, что об обсуждаемом [предмете] сказываются указанные [видовые отличия]. Так что если род и видовые отличия указаны правильно, то ясно, что указанное будет определением. Или быть может, не обязательно, чтобы противоположные друг другу видовые отличия сказывались о противоположностях, если противоположности не принадлежат к одному и тому же роду. Что касается [вещей], роды которых противоположны друг другу, то ничто не мешает, чтобы для них было названо одно и то же видовое отличие, как, например, для справедливости и несправедливости: ведь первая есть добродетель *души*, а вторая — порок *души*. Так что «душй» у того и другого говорится как видовое отличие, так как су-

ществуют еще добродетель и порок тела. Во всяком случае правильно то, что у противоположностей имеются или противоположные, или одни и те же видовые отличия. Поэтому если о противоположном сказываются противоположные [видовые отличия], а о данном нет, то ясно, что указанное [видовое отличие] будет сказываться о нем. Вообще же говоря, так как определение состоит из рода и видовых отличий, то, если определение противоположного очевидно, очевидным будет и определение обсуждаемого [предмета]. В самом деле, так как противоположное принадлежит к тому же роду или к противоположному ему и равным образом о противоположностях сказываются или противоположные видовые отличия, или те же самые, то ясно, что об обсуждаемом [предмете] должен сказываться либо тот же род, что и о противоположном, тогда видовые отличия суть противоположные — или все, или же некоторые, а остальные — одни и те же, либо же, наоборот, видовые отличия — одни и те же, а роды — противоположные друг другу, либо же оба — и роды и видовые отличия — противоположные друг другу[7]. Ведь невозможно, чтобы и роды и видовые отличия были тождественными, иначе было бы одно и то же определение для противоположностей.

Далее, надо исходить из словоизменения и однорядного, ибо роды необходимо следуют родам и определения — определениям; например, если забвение есть утрата знания, то забывать будет означать утрачивать знание и быть уже забытым — быть уже утратившим знание. Если что-нибудь одно из перечисленного признали, то необходимо признать и остальное. Точно так же, если гибель есть разложение сущности, то погибать — значит разлагаться сущности и «губительным образом» означает «разлагающе», или если гибельное означает разлагающее сущность, то и гибель есть разложение сущности. Точно так же в остальных случаях, так что если принято что-нибудь одно, то дóлжно признать и все остальное.

Равным образом следует [обосновать определение] исходя из [вещей], находящихся в одинаковом отношении одна к другой. В самом деле, если здоровое содействует здоровью, то и крепкое содействует крепости тела и полезное содействует благу. Ведь
154a каждое из перечисленного находится в одинаковом

отношении к своей цели, так что если одно из них имеет своим определением «содействие цели», то и для каждого из остальных будет такое определение.

Далее, следует исходить из большего и одинакового столькими способами, сколькими можно обосновывать, сопоставляя две [вещи] с двумя [другими]. Например, если одно есть в большей мере определение другого, чем третье есть определение четвертого, а то, что в меньшей мере [признается] определением, есть определение, то определением будет и то, что в большей мере [признается] определением. И если одно есть определение другого в той же мере, в какой третье есть определение четвертого, то если одно есть определение другого, то и остальное есть определение остального. Если одно определение сопоставляется с двумя [вещами] или два определения — с одной, то рассмотрение, исходящее из большего, непригодно. Дело в том, что не может быть одно определение для двух [вещей] или два определения для одной и той же.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Краткое перечисление важнейших топов, касающихся определения*]

Наиболее же удобны те топы, которые только что приведены, и те, которые исходят из однорядного и из словоизменения. Вот почему их следует больше всего усвоить и иметь под рукой, ибо они применимы для большинства случаев; а из прочих топов особенно следует усвоить те, что распространяемы на все [1], ибо они самые действенные из всех остальных, например что необходимо обращать внимание на единичное и исследовать виды — подходит ли к ним определение, так как вид соименен [с принадлежащими к нему единичными]. Это, как утверждалось раньше [2], полезно против тех, кто утверждает, что есть идеи. Кроме того, следует смотреть, не названо ли имя иносказательно и не сказывалось ли что-то о самом себе как нечто иное. И если еще какой-нибудь топ распространяем на многое и действен, то следует им пользоваться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[Сопоставление степеней трудности обоснования и опровергания определения, собственного, рода и привходящего]

Из того, что будет сказано после этого, станет очевидным, что определение труднее обосновывать, чем опровергать. В самом деле, усмотреть определение и получить путем вопросов такого рода положения нелегко, например усмотреть, что в данном определении одно есть род, а другое — видовое отличие и что в сути [вещи] сказываются род и видовые отличия. А без них нельзя получить умозаключение об определении[1]. Ибо если в сути вещи сказывается еще что-то другое, то неясно, есть ли указанное определение определение вещи, или им будет иное, так как определение есть речь, выражающая суть бытия [вещи]. А что обосновывать труднее, чем опровергать, ясно также из следующего: легче умозаключать одно, чем многое. Так вот, при оспаривании достаточно рассуждать против чего-то одного (ибо, опровергая что-то одно, мы оспариваем определение), при обосновании же необходимо все привести в согласие [и показать], что все содержащееся в определении присуще. Далее, при обосновании следует делать общее умозаключение, ибо определение должно сказываться обо всем, о чем сказывается имя, и, кроме того, быть взаимозаменяемым с ним, если данному определению надлежит быть отличительным [для предмета]. При опровергании же нет необходимости доказывать общее, достаточно показать, что [определение] неверно для чего-то из того, что подпадает под [данное] имя. Если же следует опровергнуть общее [положение], то и в этом случае для опровергания взаимозаменяемость необязательна. При опровергании общего достаточно показать, что о чем-то из того, о чем сказывается имя, речь не сказывается. Однако не необходимо показывать обратное — что о том, о чем сказывается речь, имя не сказывается. Кроме того, определение оспаривается и в том случае, если оно присуще всему тому, что подпадает под [данное] имя, но не только этому.

Точно так же обстоит дело с собственным и родом. А именно, их легче опровергнуть, чем обосновать.

В отношении собственного это видно из сказанного. В самом деле, в большинстве случаев собственное дается в сочетании [с другим][2], так что опровергнуть его можно, оспаривая нечто одно. При обосновании же все необходимо вывести посредством умозаключения. Но почти все остальное, что относится к определению, подходит и для собственного, ибо, во-первых, при обосновании следует показать, что оно присуще всему тому, что подпадает под [данное] имя, между тем как при опровергании достаточно показать, что чему-то одному оно не присуще; во-вторых, если собственное присуще всему, [что подпадает под данное имя], но не только ему, оно опровергается таким же образом, как это сказано об определении[3]. А относительно рода [это очевидно из того], что обосновать его необходимо [лишь] одним способом, показывая, что он присущ всему, [что подпадает под данное имя], между тем как опровергать можно двояко, ибо если показали, что он ничему [из этого] не присущ или что он чему-то [из этого] не присущ, то указанное вначале оспаривается. Кроме того, при обосновании недостаточно показать, что род присущ, надо еще показать, что он присущ как род. При опровергании же достаточно показать, что он чему-то не присущ или не присущ ничему, [что подпадает под данное имя]. Поэтому и полагают, что, так же как и во всем остальном легче разрушать, чем создавать, так и здесь легче опровергать, чем обосновывать.

Что же касается привходящего, то общее привходящее легче опровергать, чем обосновывать. В самом деле, при обосновании следует показать, что оно всему присуще, между тем как при опровергании достаточно показать, что оно одному не присуще. Частное же привходящее, наоборот, легче обосновывать, чем опровергать. Дело в том, что при обосновании достаточно показать, что оно чему-то присуще, при опровергании же следует показать, что оно ничему не присуще.

Очевидно также и то, что из всех [видов сказывания] легче всего опровергнуть определение, ибо в нем больше всего данных, поскольку многое было указано, и, чем больше их, тем быстрее получается умозаключение [против данного определения], ведь естественно, что там, где много дается, скорее

ошибаются, чем там, где немного. Кроме того, доводы против определения можно приводить и через другие [виды сказывания]. Ведь если определение относится не только к [данной] вещи, или данный род не ее род, или что-то из содержащегося в определении ей не присуще, то определение оказывается оспоренным. Против остальных же [видов сказывания] нельзя ни приводить доводы, почерпнутые из [топов] относительно определения, ни использовать все прочее, ибо только то, что относится к привходящему, одинаково распространимо на все [виды сказывания], ведь каждый из них должен быть присущ вещи. Если же род присущ не как собственное, то род еще не будет оспорен. Точно так же и собственное не обязательно должно быть присуще вещи как род, равным образом и привходящее не обязательно должно быть ей присуще как род или как собственное, а должно быть ей только присуще. Так что нельзя извлекать доводы из одного против другого, разве только у определения. Таким образом, ясно, что из всех [видов сказывания] легче всего оспорить определение, а обосновать его труднее всего. Ибо здесь должно быть выведено посредством умозаключения все, [что необходимо для остальных видов сказывания] (а именно: что все указанное присуще; что то, что дано, есть род; что определение относится только к данной вещи), и, кроме того, еще то, что определение выражает суть бытия [вещи], и это должно быть сделано надлежащим образом.

Из всех остальных [видов сказывания] больше всего таково, [как определение], собственное. Ибо его легче оспорить, так как оно обычно состоит из многого; обосновать же его труднее всего, потому что для этого нужно многое привести в согласие и, кроме того, доказать, что оно присуще только [данной] вещи и взаимозаменяемо с ней.

Легче же всего обосновать привходящее. В самом деле, в других [видах сказывания] надо показать, что они не только присущи, но что они присущи таким-то образом; в отношении же привходящего достаточно показать, что оно только присуще. Опровергать же привходящее труднее всего, потому что оно содержит меньше всего данных, ибо помимо того, что оно присуще, привходящее не показывает, каким образом

оно присуще. Так что другие [виды сказывания] можно оспорить двояко — показав или что они не присущи, или что они не так присущи. Привходящее же нельзя оспорить иначе как показав, что оно не присуще.

Итак, топы, при помощи которых можно приводить доводы относительно каждой проблемы, почти полностью перечислены.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[*Общие топы для возражающего против тезиса и для защищающего его*]

155b После этого следует поговорить о том, в каком порядке и как надо задавать вопросы. Тот, кто собирается задавать вопросы, должен, во-первых, найти тот топ, исходя из которого следует приводить доводы; во-вторых, он мысленно должен самому себе ставить вопросы и установить их порядок и, наконец, в-третьих, задавать их уже другому [1].

Пока дело идет о нахождении [подходящего] топа, исследование одинаково у философа [2] и у диалектика. Но установить, в каком порядке и как задавать вопросы,— это задача одного лишь диалектика, ибо все это обращено к другому лицу; философа же, т. е. ведущего исследование для себя, это нисколько не занимает, лишь бы были истинны и известны [посылки], посредством которых делается умозаключение, хотя бы отвечающий и не соглашался с ним, поскольку они близки к [положенному] вначале и он предвидит то, что из них воспоследует; скорее философ будет стараться, чтобы положения были возможно более известны и близки к началам], ибо из них получаются научные умозаключения [3].

Итак, откуда следует брать топы — об этом сказано раньше [4]. О порядке же и о постановке вопросов следует говорить, различив те посылки, которые должны быть взяты помимо необходимых. Необходимыми же называются те, посредством которых получается умозаключение. Тех, которые берутся помимо необходимых [5], имеется четыре [вида], а именно: или для наведения, чтобы было признано общее; или для того, чтобы придать больший вес доводу; или с тем, чтобы скрыть заключение; или для того, чтобы сделать более четким довод. Кроме них, не следует брать ни одной посылки, только посредством них надо пытаться рас-

ширять [довод] и задавать вопросы. А [посылки], которые берут, чтобы скрыть выводы, нужны лишь ради спора. Но так как все это дело обращено против другого лица, то следует пользоваться и ими.

Итак, необходимые посылки, посредством которых строится умозаключение, не следует выставлять сразу же, а следует откладывать их, выдвигая нечто по возможности высшее, выдвигая, например, как исходное не положение, что противоположности изучаются одной и той же наукой, если хотят это принять, а положение, что одна и та же наука изучает противолежащие друг другу [вещи]. Но если это признают, то можно также умозаключать, что и наука о противоположностях одна и та же, так как противоположное есть противолежащее. Если же [собеседник] этого не принимает, то это следует подкрепить посредством наведения, выдвигая частные противоположности, ибо необходимые посылки следует брать либо через силлогизм, либо через наведение или одни посредством наведения, другие — посредством силлогизма. А очень ясные следует выдвигать [сразу же], ибо при откладывании [посылок] и наведении вывод, который должен вытекать [из посылок], всегда менее ясен. Впро- 156a
чем, надо быть готовым полезные[6] посылки выдвигать сразу же, если кто не в состоянии подкрепить их указанным выше способом. Посылки помимо указанных следует брать ради необходимых. Каждой надо пользоваться следующим образом. Посредством наведения надо заключать от единичного к общему и от известного к неизвестному. Более известно — или вообще, или для большинства людей — то, что основывается на чувственном восприятии. Тот, кто хочет скрыть [вывод], должен предварительно умозаключать к посылкам (притом к возможно большему числу их), посредством которых должен получиться силлогизм о [положенном] вначале; это бывает, если умозаключают не только к необходимым, но и к некоторым полезным для них посылкам[7]. Кроме того, не следует [заранее] объявлять заключение, а его необходимо выводить из всего совокупного[8]. Ибо таким образом заключение[9] будет дальше всего от первоначального тезиса. Вообще говоря, тот, кто выведывает скрытно, должен спрашивать так, чтобы после того, как им были поставлены вопросы, касающиеся всего довода,

и вывод им назван, [собеседнику] осталось еще раз разузнать, почему так. Этого больше всего достигают названным выше способом [10]. Ибо если указывают лишь последнее заключение, то неясно, как оно получилось, так как отвечающий не может предугадать, из каких [посылок] оно вытекает, если предыдущие силлогизмы не расчленены. Меньше же всего расчленен силлогизм заключения, если мы полагаем не посылки этого заключения, а те, посредством которых получается [предыдущий] силлогизм [7].

Полезно также брать те положения, из которых исходят силлогизмы, не непрерывно, а попеременно — то для одного заключения, то для другого, ибо если приводят подобающие положения одно за другим, то яснее становится то, что из них вытекает [7].

Следует также при помощи определения найти, где это возможно, общую посылку, но не для самого [предмета обсуждения], а для однорядного с ним. Ибо [отвечающие] вводят себя в заблуждение, когда определение взято лишь для однорядного, полагая, что этим они еще не признали общее, например если нужно, чтобы согласились с тем, что тот, кто гневается, стремится отомстить за кажущееся пренебрежение к нему, и согласились бы, что гнев есть стремление отомстить за кажущееся пренебрежение [со стороны другого]. Ведь ясно, что, признавая это, мы имели бы то общее, которое нам и нужно. Но если [общая посылка] предлагается для самого́ выдвинутого положения, то часто получается, что отвечающий дает отрицательный ответ, потому что он скорее имеет возражение, касающееся выдвинутого положения, например что гневающийся не стремится к мести. Ведь мы гневаемся [иногда] на родителей, но не стремимся к мести. Быть может, это возражение неправильно. Ибо некоторые усматривают достаточно сильную месть уже в том, что им причиняют одно лишь огорчение или заставляют их раскаиваться. Тем не менее подобное воз-
156b ражение в какой-то мере убедительно, поскольку отрицание выдвигаемого положения не кажется безосновательным. Но против определения гнева не столь же легко найти возражение.

Далее, положения следует выдвигать так, будто их выдвигают не ради самого [предмета обсуждения], а ради чего-то другого. Ведь в отношении того, что

пригодно против тезиса, [отвечающий] настороже. И вообще следует сказать, что [вопрошающему] необходимо оставить по возможности неясным, хочет ли он принять выдвигаемое положение или противолежащее ему[11]. Ибо когда неясно, что́ именно пригодно против положения, [отвечающие] скорее призна́ют то, что им самим кажется правильным.

Далее, следует выведывать на основании сходства, ибо это убедительно и лучше скрывает общее; например, так же как знание и незнание противоположностей одно и то же, так и чувственное восприятие противоположностей одно и то же; или, наоборот, так как чувственное восприятие [противоположностей] одно и то же, то и знание [их] одно и то же. Хотя этот [прием] сходен с наведением, однако не тождествен ему: в наведении общее принимается на основании единичного, а при указании сходства не получается общее, охватывающее все случаи сходства[12].

Следует[13] также иногда делать возражение самому себе, ибо отвечающие ни в чем не подозревают того, кто, как им кажется, приводит доводы подобающим образом. Полезно также присовокуплять [в споре], что сказанное хорошо известно и общепринято. Ведь те, у кого нет возражений, опасаются колебать привычное. В то же время самим следует остерегаться колебать его, поскольку сами пользуются им. Далее, не следует проявлять особое усердие [в обосновании чего-то], хотя вообще это полезно. Ведь тем, кто проявляет особое усердие, противятся больше. Кроме того, следует выдвигать свои положения как бы в сопоставлении, ибо то, что выдвигается ради другого и полезно не для самого [предмета обсуждения], принимают охотнее. Далее, следует выдвигать не то, что должно быть принято, а то, из чего оно необходимо вытекает, ибо [отвечающий] скорее согласится с последним, так как из него не столь ясно его следствие; а если принято то, [из чего оно вытекает], будет принято и оно. Наконец, следует задавать вопросы о том, относительно чего больше всего желают, чтобы оно было принято, ведь больше всего [отвечающий] отрицает первое, потому что большинство вопрошающих утверждает прежде всего то, к чему они больше всего проявляют рвение. Однако против некоторых полезно выдвигать прежде всего такие положения. Ибо при-

дирчивые люди согласятся скорее всего с первыми положениями, если им не совсем ясны те выводы, которые из них следуют, к концу же [спора] они уже придираются. Точно так же поступают те, кто считает себя ловким в ответах: согласившись с первыми положениями, они в конце прибегают к хитросплетениям, будто из положенного вывод не следует; однако они необдуманно выражают свое согласие, будучи уверены в своей опытности и полагая, что ни в чем их нельзя упрекнуть. Далее, полезно быть многословным 157a и подобно тем, кто делает неправильные чертежи, вставлять совершенно ненужное для довода, ибо, когда говорят много, не ясно, в чем кроется ошибка. Вот почему вопрошающие иногда остаются неуязвимыми, незаметно добавляя то, с чем не согласились бы, если бы оно было выдвинуто как отдельное положение.

Итак, для сокрытия [своих намерений] следует пользоваться указанными приемами, а для украшения[14] [довода] — наведением и делением однородного. А что такое наведение — это ясно, деление же таково, как, например, [в высказывании], что одна наука лучше другой либо потому, что она более строгая, либо потому, что она наука о более ценном[15], или что из наук одни — об умозрительном, другие — о деятельности, третьи — о творчестве[16]. В самом деле, каждое такое деление помогает украсить довод, однако для вывода оно не необходимо.

Для ясности же следует приводить примеры и сравнения. Примеры должны быть подходящими и взяты из того, что нам известно, как приводит их Гомер, а не так, как Херилл[17]. Ибо таким именно образом выдвигаемое станет яснее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[Силлогизм и наведение в диалектических рассуждениях]

В словопрениях следует пользоваться силлогизмом скорее против диалектиков, чем против толпы, наведением же, наоборот,— скорее против толпы. Об этом, однако, было сказано уже раньше[1]. В одних случаях пользующийся наведением может прийти к общему, задавая вопросы, в других же случаях это нелегко, потому что не у всего сходного одно общее имя. А ко-

гда нужно найти общее, тогда говорят: так обстоит дело во всех таких случаях. Труднее всего определить, какие из приводимых случаев таковы, а какие нет. И кроме этого в разговорах часто вводят в заблуждение друг друга — одни выдают несходное за сходное, другие же, оспаривая,— сходное за несходное. Поэтому следует во всех таких случаях пытаться придумать имя, чтобы отвечающий не мог оспаривать, что о приводимом говорится не как о сходном, а вопрошающему не приходилось бы ложно утверждать, что то, о чем говорится, сходно, так как относительно многого из того, о чем говорится не как о сходном, кажется, что о нем говорится как о сходном.

Когда же после того, как наведением указано много случаев, общее [собеседником] не признается, тогда будет справедливо требовать [от него] возражения. Если же мы сами не говорим, в каких случаях это так, то несправедливо требовать [от собеседника], чтобы он указал, в каких случаях это не так. Ибо сначала [вопрошающий] должен доказать путем наведения, тогда только можно требовать возражения[2]. Следует также требовать, чтобы возражения приводили не против самого́ выдвинутого положения, разве только речь идет о чем-то единственном в своем роде, как, например, из всех четных чисел двойка — единственное первое число. Ибо тот, кто выдвигает возражения, дол- 157b
жен приводить их против другого или говорить, что единственно лишь это таково[3]. Тем, кто выдвигает возражение против общего, но приводит возражение, не касаясь самого предмета, а ссылаясь на одноименное, [утверждая], например, что кто-то может иметь не свой цвет, не свою ногу и не свою руку (ведь живописец может иметь не свой цвет и повар — не свою ногу), следует в подобных случаях задавать вопросы, проводя деление, ибо, пока остается незамеченной одноименность, кажется, что против положения возражают правильно. Если же возражающий препятствует решению вопроса тем, что в своем возражении не ссылается на одноименность, а касается самого предмета, следует, отбрасывая то, против чего сделано возражение, остальное представить в виде общего [положения], пока не будет получено то, что полезно, например когда речь идет о забывчивости и забвении. А именно, с утверждением, что утративший знание забыл его, не согла-

шаются на том основании, что, когда вещь совершенно изменилась, знание о ней утрачено, но сама она не забыта. Поэтому следует говорить об оставшемся, отбрасывая то, против чего сделано возражение, например следует сказать, что если кто-то, хотя вещь и осталась, утратил знание о ней, то он ее забыл[4]. Точно так же следует поступать по отношению к возражающим против утверждения, что большему благу противолежит большее зло. А именно, они приводят возражение, что здоровью, которое есть меньшее благо, чем хорошее самочувствие, противолежит большее зло, ибо болезнь большее зло, чем плохое самочувствие. Потому и в этом случае следует отбросить то, против чего делается возражение, ибо после того, как это отбросили, скорее согласятся, например, что большему благу противолежит большее зло, если только одно не влечет за собой другое, как, скажем, хорошее самочувствие — здоровье. И делать это следует не только когда возражают, но и когда без возражения отрицают [положение], потому что предвидят такое [возражение]. Ибо после того как отбросили то, против чего делается возражение, [собеседнику] придется согласиться, потому что он не видит, где же в том, что остается, дело обстоит не так. Если же он не согласится, то после того, как от него потребуют возражения, он не сможет привести его. Речь здесь идет о таких положениях, которые в чем-то ложны, а в чем-то истинны. Если от них отбросить [ложное], то оставшееся будет истинно. Если положение подкрепляется многими отдельными случаями, а возражение не приводится, то надо требовать согласия. Положение же, которое именно так подкрепляется многими отдельными случаями и против которого нет возражения, есть диалектическое положение.

Когда же можно строить умозаключение об одном и том же без [приведения] к невозможному и через невозможное, для доказывающего, а не для спорящего безразлично, умозаключать ли тем или иным способом. Спорящий же против другого не должен строить умозаключение через невозможное, ибо с тем, кто умозаключает без [приведения] к невозможному, спорить нельзя; когда же умозаключают через невозмож-
158a ное, а ложность [утверждения] не очень ясна, можно отрицать [его] невозможность, так что вопрошающие не достигают того, чего хотят.

Следует[5] выдвигать в виде положений то, с чем во многих случаях дело обстоит так и против чего не имеется возражения — или вообще или такого, которое нелегко усмотреть. Ибо те, кто не в состоянии усматривать, в каких случаях дело обстоит не так, принимают [утверждаемое] как истинное.

Не следует представлять заключение в виде вопроса. Иначе при отрицании [вопроса отвечающим] покажется, что умозаключение не было сделано. Ведь часто отрицают положение, даже если его не представляют в виде вопроса, а приводят его как [необходимое] следствие. И те[6], кто не усматривает следствий, вытекающих из положенного, не считают опровергнутым того, кто так отрицает. Поэтому, когда [заключение] представляют в виде вопроса, не утверждая при этом, что оно вытекает как [необходимое] следствие, а его отрицают, тогда уж безусловно кажется, что умозаключение не получилось.

Не всякое общее положение есть, видимо, диалектическое положение, например [положение], что такое человек или в скольких значениях говорится о благе. Ведь диалектическое положение — это такое, на которое можно отвечать да или нет. На только что указанные положения так ответить нельзя. Поэтому такие вопросы не диалектические, если только сам вопрошающий не проведет различия или деления и не спросит, например, не говорят ли о благе в таком-то и таком-то значении. Ведь на такие вопросы не трудно дать утвердительный или отрицательный ответ. Поэтому такого рода положения следует выдвигать именно в таком виде. Когда сам [вопрошающий] проводит различие, а [собеседник] никак не соглашается с выдвинутым положением, вот тогда, конечно, справедливо требовать от него ответа на вопрос, в скольких значениях говорится о благе.

Тот, кто долго выставляет одно положение в виде вопросов, плохо расспрашивает. Ибо если тот, кого спрашивают, отвечает на вопросы, то ясно, что задают много вопросов или часто одни и те же; так что или будут пустословить, или не получится умозаключения. Ведь всякое умозаключение состоит из немногих посылок. Если же [спрошенный] не дает ответа на вопросы, то следует или порицать это, или отказаться [от беседы].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[Легкость и трудность обоснования и опровергания положений]

Против некоторых предположений[1] приводить доводы трудно, защищать же их легко, а таковы первые[2] и последние по природе. В самом деле, первые нуждаются в определении[3], последние же получаются при помощи многих [положений], если хотят получить их от первых непрерывной цепью доводов, или эпихиремы будут казаться софистическими. Ведь невозможно что-то доказать, если не начинать с подобающих начал и не связывать их непрерывной цепью с последними. Отвечающие же не требуют определений и не обращают на них внимания, когда вопрошающий дает определение. Но если не становится очевидным, что же такое предмет обсуждения, приводить против него доводы нелегко; особенно это бывает, когда речь идет о началах, ибо остальное доказывается через них, они же не могут быть доказаны через другое, но каждое из них необходимо узнать при помощи определения[3].

Трудно приводить доводы и против того, что весьма близко к началу, ибо против него нельзя приводить много доводов, поскольку между ним и началом мало посредствующих [звеньев], при помощи которых надо доказать последующее. Из всех же определений труднее всего оспариваемы те, что используют такие имена, которые, во-первых, неясны — или вообще, или как имеющие много значений — и относительно которых, во-вторых, неизвестно, употребляет ли их дающий определение в прямом или в переносном смысле. А ведь поскольку имена неясны, спорить о них нельзя; поскольку же неизвестно, неясны ли они в силу того, что их употребляют в переносном смысле, они не допускают порицания.

Вообще относительно всякой трудпооспариваемой проблемы следует предполагать, что или она нуждается в определении, или она выражена неоднозначно, или иносказательно, или она близка к началам, или нам неясно прежде всего именно то, чем из перечисленного вызвана трудность. Когда причина трудности очевидна, то ясно, что следует или дать определение, или различить значения, или привести посред-

ствующие посылки, так как при их помощи доказываются последние.

Когда определение дано не надлежащим образом, нелегко рассуждать относительно многих положений и оспаривать их, например относительно того, противоположно ли одному одно или многое. Если же противоположности определены подобающим образом, то легко разобрать, может ли у одного и того же быть много противоположностей или нет. И точно так же обстоит дело в других случаях, где требуется определение. По-видимому, и в математике кое-что не может быть легко изображено из-за упущений в определении, например [положение], что линия, пересекающая [параллелограмм] параллельно одной из его сторон, делит линию и площадь в равной пропорции. Если же привести определение, сказанное сразу станет очевидным. А именно, площади и линии подвергаются уменьшению в одной и той же пропорции (antanairesis). А это и есть определение одного и того же соотношения (logos). Вообще [в математике] легче всего доказать элементы, если определения установлены, например что такое линия и что такое круг, только доводов против этих элементов можно приводить немного, потому что у них немного посредствующих [звеньев]. Если же определения начал не установлены, то приводить доводы против них затруднительно, а быть может, и вообще невозможно. Так же как с этими [математическими положениями], обстоит дело и с теми, кото- 159a
рые применяются в [диалектических] рассуждениях.

Не следует, однако, упускать из виду, что, когда тезис трудно оспаривать, это вызвано одной из указанных причин. Когда же против аксиомы, т. е. посылки, рассуждать труднее, чем против тезиса, может возникнуть сомнение, следует ли согласиться с такими [положениями] или нет. Если же не соглашаются с ними, а считают нужным рассуждать и по поводу этого, то требуют [от собеседника] большего, чем было положено вначале. Если же соглашаются, то будут верить на основании менее достоверного. Итак, если проблему не надо делать более трудной, то следует принимать такие положения[4]; если же надо умозаключать через более известное, то принимать их не следует. Или быть может, тому, кто изучает, не следует их принимать, если они не более известны, а упражняющемуся сле-

дует их принять, если только они кажутся истинными. Так что очевидно, что нельзя одинаково требовать от вопрошающего и от обучающего, чтобы они приняли такие положения.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Цель и задача отвечающего*]

Как и в каком порядке следует спрашивать, об этом сказано, пожалуй, достаточно. Что касается того, как отвечать, то прежде всего следует выяснить, что́ необходимо делать для того, чтобы отвечать надлежащим образом, так же как и спрашивать надлежащим образом. Вопрошающий должен так вести речь, чтобы заставить отвечающего говорить самое неправдоподобное, необходимо вытекающее из тезиса. Отвечающий же должен так вести речь, чтобы несообразное или противное общепринятому казалось получающимся не по его вине, а из-за тезиса. А полагать как первое то, что́ не до́лжно полагать, и защищать положенное не подобающим образом [1]—это, пожалуй, уже другая ошибка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[*Топы для отвечающего*]

А так как нет определенных [топов] для тех, кто рассуждает ради упражнения и приобретения навыка: ведь у тех, кто обучает или учится, у тех, кто спорит ради спора [1], и у тех, которые беседуют друг с другом ради исследования [истины], цели не одни и те же (а именно, обучающимся следует всегда соглашаться с тем, что кажется истинным, ведь никто и не намерен учить чему-то ложному; из тех, кто спорит ради спора, вопрошающий должен непременно создать видимость, будто он делает то, [что нужно], а отвечающий — будто он не испытывает затруднений. Что касается диалектических бесед, в которых рассуждают не ради спора, а ради приобретения навыка или исследования [истины], то еще никто не разобрал, к чему должен стремиться в них отвечающий, с чем согласиться и с чем не соглашаться для того, чтобы надлежащим или ненадлежащим образом защищать тезис) — так как, стало быть, у нас нет для них [топов], оставленных нам предшественниками, то мы должны попытаться сказать кое-что сами [2].

Итак, необходимо, чтобы отвечающий поддерживал обсуждение после того, как он выдвинул либо правдоподобный, либо неправдоподобный тезис, либо такой, который не правдоподобен и не неправдоподобен, либо правдоподобный или неправдоподобный безусловно или в определенном отношении, например для того-то 159b и того-то — или для самого себя, или для другого. Безразлично, однако, в каком отношении тезис правдоподобен или неправдоподобен, ведь способ отвечать надлежащим образом и соглашаться или не соглашаться со спрошенным — один и тот же. Если же тезис неправдоподобен, то вывод [вопрошающего] необходимо должен получиться правдоподобным; если же тезис правдоподобен, то вывод должен получиться неправдоподобным, ибо вопрошающий всегда делает вывод, противолежащий тезису[3]. Если же положенное не правдоподобно и не неправдоподобно, то и вывод будет таким же. Но так как тот, кто строит умозаключение надлежащим образом, доказывает выставленное, исходя из более правдоподобного и более известного, то очевидно, что, если положенное вообще неправдоподобно, отвечающий не должен соглашаться ни с тем, что кажется безусловно неправдоподобным, ни с тем, что кажется менее правдоподобным, чем вывод [вопрошающего]. Ибо если тезис неправдоподобен, то вывод [вопрошающего] правдоподобен, так что все принятое [отвечающим] должно быть правдоподобным, причем более правдоподобным, чем предложенное [вопрошающим], если надлежит умозаключать от более известного к менее известному. Так что если что-то из спрошенного не таково, то отвечающему не следует его принимать. Если же тезис безусловно правдоподобен, то ясно, что вывод [вопрошающего] безусловно неправдоподобен. Поэтому [отвечающему] следует принимать все, что кажется правильным, а из кажущегося неправильным — то, что менее неправдоподобно, чем вывод [вопрошающего]. Тогда, надо полагать, обсуждение проходило подходящим образом. Точно так же следует поступать, если тезис не неправдоподобен и не правдоподобен, и в этом случае [отвечающему] следует соглашаться со всем кажущимся [правдоподобным], а из того, что кажется неправильным,— с тем, что более правдоподобно, чем вывод [вопрошающего]. Ибо таким образом доводы окажутся более правдоподобны-

ми. Если же положенное безусловно правдоподобно или безусловно неправдоподобно, то [положения собеседника] следует сопоставлять с тем, что кажется безусловно правильным. Если же положенное правдоподобно или неправдоподобно не безусловно, а для отвечающего, то кажущееся правильным или не кажущееся правильным следует принимать или не принимать по собственному суждению. Если же отвечающий придерживается мнения другого, то ясно, что он должен что бы то ни было признать или отрицать, обращая внимание на его образ мыслей. Поэтому и те, кто приводит чужие мнения, например что благо и зло одно и то же, как говорит Гераклит[4], не соглашаются, что в одно и то же время у одного и того же противоположности не наличествуют, не соглашаются не потому, что это кажется им неправильным, а потому, что так следует говорить согласно Гераклиту. Это делают и те, которые заимствуют тезисы друг у друга: они судят так, как утверждал бы тот, кто выдвинул такой тезис.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Топы для дающего ответ на разного рода вопросы*]

Итак, очевидно, к чему должен стремиться отвечающий, если положенное правдоподобно безусловно или для кого-нибудь. А так как все спрошенное необходимо правдоподобно, или неправдоподобно, или же не правдоподобно и не неправдоподобно и так как оно необходимо относится к доводу или не относится к доводу, то, если оно кажется [отвечающему] правильным, но к доводу не относится, следует соглашаться, утверждая, что оно кажется правильным; если же спрошенное кажется неправильным и не относится к доводу, то следует, правда, соглашаться, но, дабы не показаться простодушным, заметить, что оно кажется неправильным. Если же спрошенное относится к доводу и кажется правильным, то [отвечающему] следует сказать, что оно, правда, кажется правильным, но оно слишком близко к предположенному вначале и что с принятием его отвергается [ныне] положенное. Если же спрошенное к доводу имеет отношение, но слишком неправдоподобно, то [отвечающий] должен сказать, что если принять его, то вывод из него, правда, следует, но

что выдвигаемое положение слишком просто. Если же спрошенное не неправдоподобно и не правдоподобно, то если оно нисколько не относится к доводу, то следует соглашаться, ничего не уточняя; если же оно к доводу относится, то следует заметить, что с принятием его отвергается предположенное вначале, ибо таким образом будет казаться, что отвечающий испытывает затруднение не по своей вине, если он то или другое принимает, предусматривая [вытекающее из него]; а вопрошающий построит умозаключение, если все, что более правдоподобно, чем вывод, принимается [отвечающим]. А те, кто пытается умозаключать из посылок более неправдоподобных, чем вывод, умозаключают явно не надлежащим образом [1]. Поэтому с такими посылками вопрошающих не следует соглашаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[Топы для дающего ответ на неясные и двусмысленные вопросы и возражения]

Точно так же следует противиться и там, где говорят неясно и употребляют многозначные выражения. В самом деле, так как отвечающему, когда он чего-то не понимает, дозволено сказать «я не понимаю» [1] и так как при употреблении [собеседником] многозначных выражений не обязательно соглашаться или отрицать [его положения], то совершенно очевидно, что, если сказанное [собеседником] неясно, отвечающему следует прежде всего сказать без колебания, что он не понимает. Ибо часто, когда с чем-то соглашаются, отвечая на неясный вопрос, впадают в затруднительное положение. Если сказанное хотя и понятно, но многозначно, то, в случае если оно во всех значениях истинно или ложно, отвечающему следует просто соглашаться или отрицать; если же оно в одном значении ложно, а в другом истинно, то он должен заметить, что сказанное многозначно и что оно в одном значении ложно, в другом истинно. Ибо если он станет различать позже, то будет неясно, заметил ли он и вначале двусмысленность. Если же он раньше не видел этой двусмысленности, а согласился [со спрошенным], имея в виду одно из его значений, то следует сказать [вопрошающему], который ведет [разговор], имея в виду другое значение, что он согласился, имея в виду

не это, а другое значение. Ибо если одним и тем же именем или одной и той же речью объемлется многое, то легко возникает двусмысленность; если же спрошенное ясно и просто, то следует отвечать «да» или «нет».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Топы для отвечающего при доказательстве через наведение*]

Так как всякая посылка умозаключения или есть одна из тех посылок, из которых [непосредственно] выводится заключение, или взята ради одной из этих посылок (когда она берется ради другой, это явствует из того, что спрашивают о многих подобных друг другу случаях, ведь большей частью общее получается через наведение и через сходство), то [отвечающий] должен все единичное принимать, если оно истинно и правдоподобно, против общего же ему следует пытаться возражать. Ведь мешать кому-то приводить довод, не делая возражения, действительного или мнимого,— значит придираться. Поэтому если, несмотря на много очевидного, отвергают общее, не выдвигая возражений, то ясно, что придираются. А если кто не в состоянии выдвигать встречные доводы и доказать, что довод неправилен, то еще больше кажется, что придираются. И все же этого недостаточно, ибо против [установившихся] мнений у нас много доводов, раскрыть которые трудно, такие, как довод Зенона, что нельзя двигаться и что нельзя пройти ристалище[1]. Но это не значит, что из-за этого не следует выдвигать доводы, противолежащие таким [доводам]. Если, таким образом, не соглашаются, не выдвигая ни возражений, ни встречных доводов, то ясно, что придираются. Ибо придираться в рассуждениях — значит давать ответ, идущий вразрез с указанными выше способами и делающий невозможным умозаключение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[*Некоторые общие топы для отвечающего*]

Защищать же тезис и определение [отвечающий] должен, заранее подготовив для себя доводы против них, ведь ясно, что надо противиться тому, на основе чего вопрошающие хотят оспорить положенное.

Следует, однако, остерегаться защищать неправдоподобное предположение. А неправдоподобным оно может быть в двух случаях: во-первых, когда утверждают нечто такое, из чего вытекают нелепости, например, если говорят[1], что все движется или ничего не движется; во-вторых, когда утверждают то, что внушает худшие нравы и противоречит желаниям [людей], например что наслаждение есть благо и что причинять другим зло лучше, чем самому терпеть зло. И те, кто это утверждает, вызывают отвращение не как защищающие такие положения ради спора, а как высказывающие их как свое правильное мнение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[*Способы раскрытия отвечающим ложных доводов*]

А те доводы, которые приводят к ложному, следует раскрыть, оспаривая то, из-за чего получилось ложное. Ибо доводы эти раскрыты, когда оспорено не любое [положение], даже не в том случае, если оспариваемое ложно; ведь довод может содержать много ложного, например если полагают, что тот, кто сидит, пишет и что Сократ сидит, а отсюда выводят[1], что Сократ пишет. Так вот, если и оспорить, что Сократ сидит, то тем не менее довод не раскрыт, хотя это утверждение ложно[2]; но не из-за него ложен довод. Ведь если кто случайно сидит, но не пишет, то в отношении его это раскрытие уже не подходит, так что не это должно быть оспорено, а то, что тот, кто сидит, пишет, ибо не всякий сидящий пишет[3]. Таким образом, полностью раскрыл [довод] тот, кто оспорил то, из-за чего получается ложное. А знает, как раскрыть довод, тот, кто знает, из-за чего он ложен, как это бывает, когда рисуют неправильный чертеж, ибо здесь недостаточно делать возражение, даже если опровергаемое ложно, а следует доказать, почему оно ложно, ибо [только] таким образом было бы очевидно, делают ли возражение, предугадывая [ошибку] или нет.

Имеется четыре способа препятствовать выведению 161a
заключения, а именно: опровергая то, из-за чего получается ложное; или выдвигая возражение против вопрошающего (ведь часто [этим заключение] не раскрыто, однако тот, кто расспрашивает, не может идти дальше); в-третьих, выдвигая возражение против того,

о чем спрашивают (ведь бывает, что из-за того, что вопросы заданы плохо, на основе этих вопросов желаемое не достигается; между тем если что-то присовокупить, то заключение получится. Если, таким образом, вопрошающий уже не в состоянии довести [свой довод] до конца, то следует возражение направить против него; если же он в состоянии — то против того, о чем спрашивают); в-четвертых, наконец, самое слабое возражение — рассчитанное на время. А именно, некоторые делают такие возражения, что для разбора их требуется больше времени, чем имеется для [данной] беседы.

Итак, как мы говорили, бывают четыре вида возражений. Но только первый из них есть раскрытие [заключения]; остальные же [лишь] некоторым образом препятствуют и затрудняют выведение заключения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[Выявление причин ошибочности или недостаточности довода, необходимое для отвечающего при порицании довода]

Порицание довода не одно и то же, когда довод рассматривается сам по себе и когда приводится в виде вопросов. В самом деле, часто спрошенный приводит довод не надлежащим образом потому, что не соглашается с тем, на основании чего можно было бы хорошо рассуждать против его тезиса. Ибо не во власти одной только стороны надлежащим образом доводить до конца общее дело. Поэтому иногда необходимо подвергать нападкам говорящего, а не его тезис [1], когда отвечающий умышленно утверждает противоположное тому, что говорит вопрошающий. Поэтому те, кто придирается, делают беседы не диалектическими, а имеющими целью спор ради спора. Кроме того, так как такие рассуждения происходят ради упражнения и приобретения навыков, а не для обучения, то ясно, что следует умозаключать не только к истинному, но и к ложному и не всегда из истинных [посылок], а иногда и из ложных [2]. Ведь часто, когда полагают истинное, рассуждающему необходимо опровергнуть его; поэтому следует выдвигать ложные посылки. Иногда же, когда полагают ложное, следует опровергать его посредством ложных посылок, ведь ничто не мешает, чтобы кому-то несуществующее казалось более достовер-

ным, чем истинное, так что, если он приводит довод на основе того, что ему кажется достоверным, он будет скорее убежденным, чем извлекшим пользу [от этого]. Если же направлять его по иному пути надлежащим образом, то это следует делать при помощи диалектики, а не эристики, так же как геометр — при помощи геометрии, все равно истинно или ложно то, что выводится в заключении. Какие же умозаключения диалектические,— это было указано раньше[3]. А так как плохой сотоварищ тот, кто мешает общему делу, то ясно, что так же бывает и при приведении доводов, ибо в них обсуждаемое есть нечто общее, разве только в словесных состязаниях [это не так]. В последнем случае обе стороны не могут достичь одной и той же цели, ведь больше одного победителя быть не может. Безразлично, однако, получается ли такое [рассуждение] 161b из-за ответов или из-за вопросов. Ибо тот, кто спрашивает эристически, так же плохо рассуждает, как и тот, кто, отвечая, не соглашается с очевидным и не отвечает на то, что хочет узнать вопрошающий. Итак, из сказанного ясно, что нельзя одинаково порицать и довод сам по себе, и вопрошающего. Ведь вполне возможно, чтобы довод был плохим, а вопрошающий спорил против отвечающего как нельзя лучше. Ведь против тех, кто придирчив, невозможно, пожалуй, прямо строить такие умозаключения, как хотелось бы, а можно строить лишь такие, какие допустимы.

Так как трудно определить, когда люди принимают противоположные друг другу [положения] и когда — взятые вначале (ибо часто, говоря про себя, говорят одно, а затем другое, нечто ему противоположное, т.е. соглашаются потом с тем, что сначала отрицали. Поэтому, будучи спрошены, [отвечающие] часто признают противоположное тому, что говорили вначале), то доводы [в таком случае] необходимо оказываются плохими. Виноват здесь отвечающий, который с одними [положениями] не соглашается, а с другими такого же рода [положениями] соглашается. Поэтому ясно, что не следует одинаково порицать вопрошающих и их доводы.

Есть пять видов порицания довода самого по себе. Первый — когда из посылок ничего не следует — ни предложенное, ни что-либо вообще, поскольку ложно или неправдоподобно все, либо бóльшая часть того, из чего выводится заключение, и заключение не полу-

чается ни тогда, когда что-то из этого устранено, ни тогда, когда что-то присовокуплено, ни тогда, когда одно устранено, а другое присовокуплено. Второй вид порицания — если из таких [посылок] и так, как только что было сказано, не получается умозаключения против тезиса. Третий вид — если умозаключение [против тезиса] получается, когда что-то присовокуплено, но совокупленное хуже вопрошаемого и менее правдоподобно, чем заключение. Далее, [в-четвертых], если умозаключение получается, когда что-то устраняется, ибо иногда [вопрошающий] берет больше, чем необходимо, так что умозаключение получается не благодаря этому. Наконец, [в-пятых],— если [доказательство ведется] из более неправдоподобных и менее достоверных [посылок], чем заключение, или из истинных, но требующих больше усилий для доказательства, чем проблема.

Нельзя, однако, требовать, чтобы умозаключения были для всех проблем одинаково правдоподобны и убедительны, ибо одни из искомых [проблем] по природе своей более легкие, другие же более трудные, так что если заключали из возможно более правдоподобных [посылок], то рассуждали надлежащим образом. Очевидно поэтому, что порицание довода неодинаковое, когда оно направлено против поставленной проблемы и когда — [против довода] самого по себе. Ибо вполне возможно, чтобы довод сам по себе был достоин порицания, а в отношении проблемы — достоин похвалы или, наоборот, сам по себе — достоин похвалы, в отношении же проблемы — достоин порицания, а именно когда легко умозаключать исходя из многих правдоподобных и истинных [посылок]. Иногда довод, приводимый через умозаключение, хуже довода, приводимого без умозаключения,— когда он выводится из нелепых [посылок], хотя сама проблема не такова, между тем как довод, приводимый без умозаключения, нуждается еще в таких, которые правдоподобны и истинны, но не основывается на том, что еще должно быть совокуплено. А те доводы, которыми заключают к истинному через ложное, не заслуживают порицания, ибо хотя ложное всегда необходимо выводится через ложное, но истинное иногда может быть выведено и через ложное — это видно из «Аналитик» [2].

Когда приведенный довод есть доказательство чего-то, тогда, в случае если [доказывается] нечто другое, совершенно не относящееся к заключению, [которое должно быть выведено], умозаключения об этом не будет; если же оно кажется умозаключением, то это софизм, а не доказательство. Философема же — это доказывающее умозаключение, эпихирема— диалектическое умозаключение, софизм— эристическое умозаключение, а апорема — диалектическое умозаключение к противоречию.

Если же нечто доказано из двух [посылок], кажущихся правильными, но не в одинаковой мере, то ничто не мешает, чтобы доказанное казалось более правильным, чем каждая из них. Но если одна [посылка] кажется правильной, а другая не кажется ни правильной, ни неправильной или если одна кажется правильной, а другая неправильной, то и [заключение], если они [кажутся правильными и неправильными] в одинаковой мере, может в одинаковой мере [казаться правильным и неправильным]. Если же одна из них кажется в большей мере [правильной или неправильной], чем другая, то [заключение] следует той, которая кажется в большей мере [правильной или неправильной].

Некоторая ошибка имеется в умозаключениях, когда доказывают через большее число [посылок], хотя можно было бы доказать через меньшее число [посылок], содержащихся в доводе, например если бы [для доказательства того], что одно мнение есть мнение в большей мере, чем другое, постулировали, что все, что [таково] само по себе, в наибольшей мере [таково]; имеется же действительно предмет мнения самого по себе, а потому он в большей мере [таков], чем отдельные [предметы мнения]. Если то, о чем говорится, в большей мере [таково], тогда и то, что относится к нему, в большей мере [таково]. Однако есть верное само-по-себе-мнение, которое будет более основательным, чем отдельные [мнения]. Но ведь постулировали, что имеется верное само-по-себе-мнение и что все, что [таково] само по себе, в наибольшей мере [таково]. А потому это мнение есть наиболее основательное. В чем же порочность [этого рассуждения]? Не в том ли, что остается скрытым, на каком основании приводится довод?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[*Условия достоверности и ясности довода*]

Довод ясен в том случае — и это самый распространенный способ,— если заключают так, что нет надобности в дальнейших вопросах. Другой способ — и он очень часто применяется,— когда взяты [такие посылки], из которых с необходимостью [следует заключение], но которые сами выводятся через заключения. 162b Третий — если опускают [лишь] весьма правдоподобные [посылки] [1].

Ложным же довод называется в четырех смыслах: во-первых, когда кажется, что выводят через умозаключение, а на самом деле не выводят; такой силлогизм называется эристическим; во-вторых, когда, правда, выводят через умозаключение, однако оно не относится к обсуждаемому (что бывает больше всего в [доказательствах] через приведение к невозможному [2]); в-третьих, когда, правда, умозаключение относится к обсуждаемому, но строится не соответствующим [предмету] способом; это бывает, когда, [например], довод, не имеющий отношения к врачебному искусству, кажется имеющим к нему отношение, или негеометрический — геометрическим, или недиалектический — диалектическим, каким бы ни было то, что получается,— ложным или истинным; в-четвертых, когда умозаключают посредством ложных [посылок]; в этом случае заключение будет иногда ложным, иногда истинным, ибо ложное всегда выводится через ложное, истинное же может быть выведено и из неистинного, как уже было сказано раньше [3].

Итак, ложный довод есть скорее ошибка того, кто его приводит, чем ошибка самого довода, причем даже не всегда ошибка того, кто его приводит, а лишь тогда, когда ему остается незамеченным, [что он исходит из ложных посылок], так как для себя мы довод, [исходящий из ложных посылок], предпочитаем многим истинным доводам, если он на основе того, что кажется в высшей степени правдоподобным, отвергает нечто истинное. Ибо, будучи таким, он есть доказательство того, что другие [положения] истинны, ведь в таком случае что-то из положенного безусловно должно быть не [истинным], а потому он будет доказательством этого. Если же истинное выводится через

ложное и слишком неправдоподобное, то это хуже многих умозаключений к ложному. Ведь такое доказательство может заключать и к ложному. Отсюда ясно, что при рассмотрении довода самого по себе надо выяснить, во-первых, приводится ли он через умозаключение[4]; во-вторых, заключает ли он к истинному или ложному; в-третьих, из каких [посылок], ибо если из ложных, но правдоподобных, то он диалектический довод; если же из истинных, но неправдоподобных, то он негодный довод[5]. А если [посылки] и ложные, и чрезвычайно неправдоподобные, то ясно, что он негодный — или вообще, или в отношении [обсуждаемого] предмета.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[Постулирование основания]

Как вопрошающий постулирует положенное вначале и противоположное ему[1], указано в «Аналитиках»[2], поскольку имеется в виду истина. Как он постулирует положенное вначале, когда речь идет о мнении, следует сказать теперь.

Итак, постулируют положенное вначале, по-видимому, пятью способами. Самый очевидный и первый — когда постулируют то, что должно быть доказано. Когда указывается сам предмет [доказательства],— это трудно скрыть; это остается скрытым скорее при соименных [предметах] и там, где имя и речь обозначают одно и то же. Во-вторых, когда то, что должно быть доказано как частное, постулируют как общее, например если дóлжно доказать, что о противоположностях имеется одна наука, а постулируют, что вообще имеется одна наука о противолежащих друг другу [вещах]. Ибо то, что должно быть доказано само по себе, видимо, постулируют вместе со многим другим. В-третьих, если предложенное, которое дóлжно доказать как общее, постулируют как частное; например, если предложено, что есть одна наука о всех противоположностях, постулируют, что есть одна наука о некоторых определенных [противоположностях][3]. Ибо и здесь, видимо, постулируют отдельно само по себе то, что должно быть доказано вместе со многим [другим]. В-четвертых, если постулируют положение по частям; например, если дóлжно доказать, что врачебное

искусство имеет своим предметом здоровое и больное, постулируют каждое из них отдельно. Или в-пятых, если постулируют одно из двух необходимо следующих друг из друга [положений], например если постулируют, что сторона [квадрата] несоизмерима с диагональю, а дóлжно доказать, что диагональ несоизмерима со стороной [квадрата].

Столькими же способами постулируют то, чтó противоположно положенному вначале, а именно: во-первых, если постулируют противолежащие друг другу утверждение и отрицание; во-вторых, если постулируют противоположности по противопоставлению, например что одно и то же — благо и зло; в-третьих, если, выставив общее положение, постулируют противоречащее ему частное, например если, приняв, что есть одна наука о противоположностях, постулируют, что наука о здоровом и наука о больном — разные науки, или, наоборот, постулировав это положение, пытаются принять для общего противоречащее ему положение. Далее, если постулируют противоположное тому, чтó с необходимостью вытекает из положенных [посылок], и, наконец, если само противолежащее, правда, не принимают, но постулируют два таких [положения], из которых последует противолежащее противоречие. Принятие противоположных друг другу [положений] отличается от постулирования положенного вначале тем, что последнее есть ошибка в отношении заключения (ведь именно его имеют в виду, когда говорят о постулировании положенного вначале), при [принятии] же противоположных друг другу [положений] [ошибка] заключается в том, что, выдвинутые в качестве посылок, они находятся в некотором отношении [противоположности] друг к другу.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Топы, касающиеся усовершенствования в искусстве диалектики]

Для упражнения в приведении таких доводов и для обучения им надо прежде всего приучаться к превращению [заключений]. В самом деле, именно таким образом у нас будет больше средств для обсуждения того, о чем речь, и при немногих [положениях] будем хорошо знать много доводов. Произвести превраще-

ние — значит измененным [в противоположное] заключением вместе с остальными посылками опровергнуть одно из данных [положений]. Ведь если заключение не [истинно], то необходимо опровергается одна из посылок, если только при полагании всех [посылок] необходимо должно быть заключение[1]. Относительно каждого тезиса следует рассмотреть доводы за и против, и, как только они найдены, надо стараться сразу раскрыть их. Именно таким образом удастся в одно и то же время научиться задавать вопросы и давать ответы. И если нет кого-либо другого, [с кем можно было бы рассуждать], то следует упражняться самостоятельно. Надо также выбирать доводы, касающиеся того же тезиса, и сопоставлять их. Ведь это большое подспорье для отстаивания [своих положений] и хорошее средство для опровержения, когда имеют много доводов за и против. Тогда [собеседнику] приходится остерегаться противоположных [положений]. Немаловажное средство для познавания и философского понимания — это быть в состоянии в одно и то же время усматривать и усмотреть и то, что вытекает из признания предположения, и то, что вытекает из отрицания его. Тогда остается лишь выбрать правильное из них. Но для этого необходим природный дар. И это действительно природный дар — быть способным надлежащим образом выбирать истинное и избегать ложного. И именно даровитые люди умеют хорошо это делать, ибо, правильно благоволя или противясь тому, что предлагают, они правильно судят о том, что́ есть наилучшее.

Для наиболее часто встречающихся в беседах проблем следует хорошо знать доводы, в особенности для основных положений[2]. Ведь часто отвечающие при приведении их с досады отказываются [от своих положений]. Далее, следует располагать многими определениями, притом иметь под рукой общепринятые и первые из них, ибо при помощи их получаются умозаключения. Следует стараться владеть и доводами, на которые чаще всего наталкиваются [в рассуждениях]. Ведь так же как в геометрии полезно хорошо усвоить ее элементы, а в искусстве счисления знание таблицы умножения чисел первого десятка очень важно для умения умножать другие числа, так и при приведении доводов важно иметь наготове начала и знать

наизусть посылки, ибо, так же как в искусстве запоминания одни лишь установленные топы сразу же вызывают в памяти суть дела, точно так же и топы [в рассуждениях] способствуют большему умению выводить заключения, поскольку обращают внимание на ограниченное число [посылок]. Общую же посылку следует сохранять в памяти скорее, чем довод, ведь достаточно трудно располагать многими началами и предположениями.

Далее, надо приучиться к тому, чтобы из одного довода [собеседника] делать множество доводов как можно более скрыто. Это удается, если как можно дольше уклоняться от всего связанного с тем, о чем рассуждение. Для этого [приема] подходят наиболее общие доводы, например [довод], что нет одной науки о многом, ибо в таком виде он распространяется и на 164a соотнесенное, и на противоположности, и на однорядное.

Следует также, удерживая в памяти доводы [собеседника], обращать их в общие, хотя бы он их и высказал как частное, ибо и таким образом можно будет один довод превратить во многие. (Подобным же образом обстоит дело с энтимемами в искусстве красноречия [3].) Что касается своих умозаключений, то следует всячески избегать строить их общими. И всегда следует обращать внимание на доводы, не рассуждают ли о том, что обще многим. Ведь все частные [заключения] также выводят из общего, и доказательство частного содержит в себе общее, потому что без общего нельзя делать никакое заключение [4].

Упражняться же в наведении следует с молодыми, а в построении силлогизмов — с опытными. От тех, кто искусно строит силлогизм, надо стараться заимствовать посылки, а от тех, кто искусно умозаключает путем наведения,— сопоставления. Ибо каждый опытен в своей области. Вообще надо упражнением в рассуждениях добиться того, чтобы легко получить или силлогизм о чем-нибудь, или раскрытие, или посылку, или возражение, или [установить], правильно ли ставят вопросы или неправильно (либо сам [упражняющийся], либо другой), и отчего получилось то или другое. Ведь посредством всего этого приобретается 164b способность [к диалектике], и ради этой способности упражняются, и больше всего — в умении пользоваться

посылками и возражениями, ибо диалектик, коротко говоря,— это тот, кто умеет выдвигать посылки и делать возражения. А выдвигать положения — значит делать из многого одно (ибо то, на что направлен довод, следует брать как нечто одно), возражать же — значит делать из одного многое, ибо возражающий либо проводит различие, либо оспаривает, с чем-то из выдвигаемого соглашаясь, а с чем-то нет.

Не следует, однако, вступать в словопрения с каждым или упражняться с первым встречным. Ибо против некоторых доводы обязательно получаются негодными. В самом деле, против того, кто старается во что бы то ни стало казаться неуязвимым, справедливо, конечно, во что бы то ни стало строить умозаключения, но это дело неблагопристойное. Поэтому не следует вступать в общение с первым встречным без разбора, ведь обязательно получится негодное обсуждение. Ведь и те, для кого главное — упражнение [в диалектике], не могут удерживаться от того, чтобы не спорить ради спора.

Следует также иметь готовые доводы для таких проблем, при обсуждении которых мы, располагая весьма немногими [доводами], [все же] в состоянии будем использовать их в большинстве случаев. Это общие доводы, и их весьма трудно добыть из непосредственно наблюдаемого.

О СОФИСТИЧЕСКИХ ОПРОВЕРЖЕНИЯХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[Цель и содержание сочинения. Софисты и софистические силлогизмы]

Итак, мы говорим о софистических опровержениях, 164a т. е. о тех, которые хотя и кажутся опровержениями, но суть паралогизмы, а не опровержения, и начинаем, естественно, с первых.

Что одни [опровержения] суть умозаключения, а другие [1], не будучи ими, лишь кажутся таковыми,— это очевидно. В самом деле, так же как это бывает в других областях в силу некоторого сходства, так и при приведении доводов. Ведь поведение одних людей действительно безукоризненное, у других это только кажется, поскольку они принимают важный вид и ведут себя исправно, как подобает членам филы. И одни красивы своей красотой, а другие только кажутся кра- 164b сивыми, потому что прихорашиваются. Точно так же обстоит дело и с неодушевленными предметами. А именно, одни из них действительно серебро или золото, а другие нет, но кажутся таковыми чувственному восприятию. Так, вещи свинцово-серебристого цвета и вещи из олова кажутся серебряными, а вещи цвета желчи — золотыми. Таким же образом и одни умозаключения и опровержения действительные, а другие нет, но кажутся такими [2] по неопытности. Ибо неопытные смотрят как бы находясь на большом расстоянии. Умозаключение же исходит из определенных положений таким образом, что оно через положенное 165a с необходимостью высказывает нечто отличное от положенного [3]. А опровержение — это умозаключение с выводом, противоречащим заключению [собеседника]. Некоторые опровержения не осуществляют этого, но кажутся осуществляющими это, по многим

причинам, из которых самый удобный и распространенный топ — исходящий из имен [4]. В самом деле, так как нельзя при рассуждениях приносить самые вещи, а вместо вещей мы пользуемся как их знаками именами [5], то мы полагаем, что то, что происходит с именами, происходит и с вещами, как это происходит со счетными камешками для тех, кто ведет счет. Но соответствия здесь нет, ибо число имен и слов ограниченно, а количество вещей неограниченно [6]. Поэтому одно и то же слово и одно имя неизбежно обозначают многое. Значит, так же как в приведенном примере сведущие вводят в заблуждение тех, кто не умеет обращаться со счетными камешками, так и при приведении доводов неправильно умозаключают те, кто не знает значений слов,— и когда сами рассуждают, и когда слушают других. По этой причине и по другим причинам, о которых речь впереди, имеются умозаключения и опровержения, которые только кажутся таковыми, не будучи ими. А так как некоторые заботятся больше о том, чтобы слыть мудрыми, чем быть мудрыми и не слыть ими (ведь софистика — это мнимая мудрость, а не действительная, и софист — это тот, кто ищет корысти от мнимой, а не действительной мудрости [7]), то ясно, что для них важно скорее казаться исполняющими дело мудрого, чем действительно исполнить его, но при этом не казаться исполняющими его. Дело же знающего — каждый раз, сопоставляя одно с другим, говорить правду относительно того, что́ он знает, и уметь уличать лжеца. А это означает, с одной стороны, уметь высказывать свои доводы, а с другой — выслушивать другие. Поэтому те, кто хочет прибегать к софизмам, должны исследовать род указанных [нами] доводов. Ибо это полезно [для их цели], так как такое умение позволяет казаться мудрым, к чему они как раз и стремятся.

Таким образом, ясно, что имеется такой род доводов и что те, кого мы называем софистами, добиваются такого умения. Сколько же имеется видов софистических доводов, из чего слагается это умение, из скольких частей состоит настоящее исследование и обо всем остальном, что способствует этому искусству,— об этом и пойдет теперь речь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[*Четыре рода доводов*]

Имеется четыре рода доводов в беседах — поучительные, диалектические, испытующие и эристические. Поучительные заключают исходя из собственных начал 165b соответствующей науки[1], а не из мнений отвечающего (ведь тот, кто учится, должен доверяться). Диалектические — те, которые заключают от правдоподобного к одному из членов противоречия. Испытующие — те, что заключают от [положений], которые отвечающий считает правильными и которые необходимо знать тому, кто притязает на обладание знанием (а каким образом — указано в другом месте[2]). Эристические — те, что заключают или кажутся заключающими от [мнений], кажущихся правдоподобными, но не действительно правдоподобных. Что касается доказывающих доводов, то о них сказано в «Аналитиках», о диалектических же и испытующих — в других сочинениях[3], а о препирательских, т. е. эристических, речь пойдет теперь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[*Пять целей софистов в спорах*]

Прежде всего следует уяснить, сколько целей преследуют те, кто рассуждает лишь ради спора и желания одолеть. Таких целей пять: опровержение; ложное; несогласующееся с общепринятым; погрешность в речи и, пятое, принуждение собеседника к пустословию, т. е. к частому повторению одного и того же. Или же [софисты] добиваются каждой из этих целей не на деле, а хотя бы по видимости. Больше всего они намерены создать видимость того, что они опровергают; второе — показать, [что собеседник говорит] неправду; третье — привести его к тому, что не согласуется с общепринятым; четвертое — заставить его делать погрешности в речи, т. е. своими доводами заставить отвечающего говорить неправильно подобно чужестранцу; наконец, заставить его говорить часто одно и то же.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[*Шесть видов софистических опровержений, основанных на неправильном употреблении словесных выражений*]

Имеется два способа [софистического] опровержения: одни опровержения — от оборотов речи, другие — не от оборотов речи. Способов создать на основании оборотов речи видимость опровержения имеется шесть: одноименность [1], двусмысленность [2], соединение [3], разъединение [4], ударение или произношение [5] и форма выражения [6]. Правильность этого [перечисления] (хотя можно было бы указать другой способ) подтверждается наведением или силлогизмом, а также тем, что [лишь] столькими способами можем мы одними и теми же именами и выражениями (logoi) обозначать разное. На одноименности основываются такие доводы, как, например, что «те, кто знает, manthanoysin (учатся), ведь учителя грамоты manthanoysin (понимают), излагая изустно свои знания». Дело в том, что manthanein многозначно: оно означает «понимать, применяя знание», и «приобретать знание». Или далее, что «зло есть благо, ибо ta deonta (то, чтó должно быть) есть благо, а зло deonta (должно быть)». Дело в том, что deonta имеет два значения: «неизбежное» — чтó часто бывает и со злом (ведь некоторое зло неизбежно), и о благе мы также говорим как о «долженствующем». Далее, что «один и тот же человек сидит и стоит, болен и здоров. Ведь именно тот, кто встал, стоит, и
166a именно тот, кто выздоровел, здоров. Встал же сидящий и выздоровел больной». В самом же деле то, что больной то или иное делает или претерпевает, означает не одно [и то же], а речь идет иногда о том, кто *теперь* болен [или сидит], а иногда о том, кто *раньше* болел [или сидел]. Однако [можно сказать двояко]: выздоравливал тот, кто болен (kamnōn), и выздоравливал больной (ho kamnōn), а здоров не тот, кто болен, а больной, который не теперь [болен], а раньше [болел] [7]. На двусмысленности основываются такие доводы: «Желание врагов захватить» или «Если *знает* это, то знает ли *это?*» Ведь последнее выражение может означать, что кто-то знает это и что само это знает. Или: « Если *видит* это, то видит ли *это*? Видит же [кто-то] столб. Следовательно, видит столб [8].

Или: «Значит, говоришь ты «есть» — говоришь ли ты — *это* есть? Но ты говоришь, что [это] есть камень. Стало быть, ты говоришь, что ты камень»[9]. Или: «Говорит ли молчащий (sigōnta legein)?» В самом же деле sigōnta legein означает двоякое: что говорящий молчит и что молчит то, о чем он говорит[10].

Имеется, таким образом, три способа [рассуждать] на основании одноименности и двусмысленности: один — когда выражение или имя означает многое, например aetos и kyōn[11]; другой — когда мы привыкли говорить таким именно образом, а третий — когда в сочетании имя означает не одно, а многое, отдельно же — только одно, например «знание букв», а именно: каждое в отдельности — «знание» и «буквы» — означает как раз нечто одно, а оба вместе больше чем одно: или сами буквы имеют знание, или кто-то другой знает буквы[8].

Итак, на этих способах основываются двусмысленность и одноименность. На соединении же основываются такие [доводы], как, например, «сидящий способен ходить» и «непишущий — писать». Ведь значение не одно и то же, высказывают ли отдельно или вместе, что сидящий способен ходить <и непишущий — писать>, и точно так же [во втором примере], если соединяют эти слова и говорят «непишущий пишет». Ведь это означает, что он обладает способностью писать, будучи непишущим. Если же не соединяют, то это означает, что и когда он не пишет, он обладает способностью писать. Или [пример]: «Он учится теперь грамоте, если только он учится тому, чтó он знает»[12]. Далее: «Чтó в состоянии нести только одно, в состоянии нести многое»[13].

На разъединении основываются такие доводы, как: «Пять — это два и три; значит, пять есть нечетное и четное»[14]. Или: «Большее есть равное, ибо оно столько же и еще что-то сверх этого». В самом же деле не всегда одна и та же речь, будучи разъединенной, имеет то же значение, что и тогда, когда она соединена, например: «egō s' ethēka doylon ont' eleytheron»[15] или «pentēkont' andrōn hekaton lipe dios Achilleys»[16].

На основании ударения или произношения нелегко 166b
в устных беседах выдвигать доводы, скорее в писаниях и стихотворениях. Так, например, некоторые

исправляли Гомера, защищая его от упрека, что нелепы его слова «Дерево, которое (hoy) гниет от дождя»[17]. Они решают это с помощью произношения, говоря, что [у Гомера] не hoy, а oy (не) со знаком острого ударения. И точно так же — относительно сновидения Агамемнона, что не сам Зевс сказал «Мы позволяем (didomen) ему славу стяжать», а велел сновидению позволять (didonai) это[18]. Таковы доводы, основывающиеся на произношении или ударении.

Доводы основываются на форме выражения, когда то, что́ не одно и то же, излагают одинаково, например мужской род — как женский род, или женский род — как мужской, или средний род — либо как мужской, либо как женский род, или же качество — как количество, или количество — как качество, или действующее — как претерпевающее, или состояние — как действие и так далее, согласно проведенному ранее различению [категорий][19]. Ведь то, что не принадлежит к действиям, можно в речи обозначать как действие: например, по форме выражения «здравствовать» (hygiainein) одинаково с «резать» или «строить», хотя первое указывает на некоторое качество и состояние, а последнее — на какое-то действие. Точно так же и в других таких случаях.

Итак, опровержения от оборотов речи исходят из этих топов. Паралогизмов не от оборотов речи имеется семь [видов]: первый — от привходящего[20]; второй — такие, в которых говорится о [присущем] вообще или же не вообще, а в каком-то отношении, в каком-то месте, в какое-то время и по отношению к чему-то[21]; третий — от незнания [сути] опровержения[22]; четвертый — от следования[23]; пятый — от принятия положенного вначале[24]; шестой — такие, в которых то, что́ не есть причина, выдается за причину[25]; седьмой — такие, в которых многие вопросы сводят к одному вопросу[26].

ГЛАВА ПЯТАЯ

[Семь видов софистических опровержений, независимых от словесных выражений]

Итак, паралогизмы от привходящего получаются, когда утверждают, что все присущее вещи присуще и тому, что привходяще для нее[1]. В самом же деле, хотя одной и той же [вещи] привходяще многое, не обяза-

тельно, чтобы все это было присуще всему тому, что сказывается [о ней] и о чем оно сказывается. Например, «если Кориск не то же, что «человек», то он не то же, что он сам, так как он человек». Или: «Если Кориск не то же, что Сократ, а Сократ — человек, то,— говорят они,— признается, что Кориск не то же, что человек»; ведь привходяще то, что тот, от которого, как было сказано, отличен [Кориск], есть человек[2].

Паралогизмы от сказанного [о чем-то как о присущем] вообще или в каком-то отношении и не в собственном смысле получаются, когда сказанное ограничительно берется как сказанное вообще[3], например «если не-сущее есть воображаемое, то не-сущее *есть*». В самом же деле не одно и то же быть чем-то и быть вообще. Или наоборот, что «сущее не есть сущее, если оно не есть что-то из существующего, например если оно не есть человек». Но дело в том, что не одно и то же не быть чем-то и не быть вообще. Но [людям] кажется, что это одно и то же из-за большого сходства выражения и из-за того, что различие между «быть чем-то» и «быть» и между «не быть чем-то» и «не быть» кажется незначительным. И точно так же обстоит дело с [паралогизмами] от сказанного [о чем-то как о присущем] в каком-то отношении и вообще. Например, «если индиец, будучи весь смуглый, имеет белые зубы, то он белый и не белый»[4]. Или если он и то и другое в каком-то отношении, то ему, мол, вместе присущи противоположности. В некоторых случаях такие [уловки] легко усмотреть всякому; например, если тот, с кем соглашаются, что эфиоп черен, спрашивает, белые ли зубы у эфиопа. Если же [признают], что эфиоп в этом отношении бел, то вопрошающий, заключая, что эфиоп черен и бел[4], полагает, что, доведя до конца постановку вопроса, он рассуждал посредством умозаключения. В некоторых же случаях [такие уловки] остаются незамеченными, а именно в тех случаях, когда о чем-то говорится [как о присущем] в каком-то отношении, а кажется, что следует также [присущее] вообще, и когда нелегко усмотреть, чтó из этого считать правильным. Это бывает в тех случаях, когда противолежащие друг другу [свойства] одинаково присущи. Ибо тогда кажется, что надо согласиться, что или и то и другое может сказываться вообще, или

что ни одно из них не может сказываться. Например, если нечто наполовину бело и наполовину черно, то [спрашивается], белое ли оно или черное?

Иные паралогизмы возникают из-за того, что точно не обозначили, чтó такое умозаключение и чтó такое опровержение, и из-за наличия изъяна в [их] определении[5]. Ибо [правильное] опровержение есть нечто противоречащее одному и тому же — не имени, а предмету, а если имени, то не соименному, а тождественному; такое опровержение исходит из согласованных [посылок] и следует [из них] с необходимостью (не включая положенного вначале) в том же отношении, в отношении того же, одинаковым образом и для того же времени, [что и положение опровергаемого]. Вводить в заблуждение относительно чего-то можно таким же образом. Некоторые же, упуская что-то из только что указанных [условий], опровергают лишь по видимости, например [доказывая], что одно и то же есть двойное и не двойное, так как два есть двойное против единицы, но не двойное против числа три. Или если [утверждают], что одно и то же есть двойное и не двойное против одного и того же, однако не в одном и том же отношении, ибо оно двойное по длине, но по ширине не двойное. Или если [утверждают], что [нечто есть что-то одно] в отношении одного и того же и в одном и том же отношении и одинаковым образом, но не для одного и того же времени; ввиду этого опровержение — мнимое. Впрочем, такое опровержение можно причислить и к опровержениям от оборотов речи[6].

Паралогизмы от принятия положенного вначале получаются так же и столькими же способами, сколькими способами возможно постулировать из начала. Видимость опровержения получается здесь из-за неспособности отчетливо видеть, чтó есть одно и то же и чтó — разное.

167b Опровержение от следования[7] получается оттого, что полагают, будто возможно обратное следование, а именно когда на основании того, что, если есть вот это, необходимо есть то, полагают, что, если есть то, необходимо есть и вот это[8]. Отсюда и ошибки во мнениях, опирающихся на чувственное восприятие. В самом деле, часто принимают желчь за мед, потому что желтый цвет связывают с медом. Равным образом мы полагаем, что раз земля становится влажной от дождя,

то, если земля влажная, значит, шел дождь. Однако это не необходимо. И в искусстве красноречия доказательства от признака основываются на следовании. Ведь, желая доказать, [например], что кто-то есть прелюбодей, делают этот вывод из того, что он щеголь или что его видели шатающимся ночью. Но это бывает со многими, однако обвинять их [в прелюбодеянии] нельзя. Равным образом — и в рассуждениях через умозаключения. Так, довод Мелисса о том, что Вселенная беспредельна [9], исходит из того, что Вселенная есть невозникшее (ведь из не-сущего ничего не может возникнуть), а возникшее имело начало. Поэтому раз Вселенная не возникла, то она не имеет начала, стало быть, она беспредельна. Однако это не следует с необходимостью, ибо если все возникшее имеет начало, то это не значит, что все, что́ имеет начало, возникло, так же как из того, что у больного лихорадкой жар, не следует, что все, у кого жар, болеют лихорадкой.

Опровержения от принятия за причину того, что́ не есть причина [10], имеются, когда то, что́ не есть причина, присовокупляется так, как будто на его основании получается опровержение. Это бывает в умозаключениях через невозможное. Ибо в них необходимо оспорить что-то из положенного. Поэтому если к вопросам, необходимым для невозможного заключения, причисляют то, что́ не есть причина, то часто кажется, что опровержение получилось на его основании, например [в положении], что душа и жизнь не одно и то же. А именно, если возникновение противоположно уничтожению, то и определенного рода возникновение противоположно определенного рода уничтожению. Смерть же есть определенное уничтожение и противоположна жизни. Стало быть, жизнь есть возникновение и жить — значит возникать. Но это невозможно, значит, душа и жизнь не одно и то же. Однако этот вывод не получен через умозаключение [11]. В самом деле, невозможное получается и в том случае, если не отождествляют жизнь и душу, а принимают лишь, что жизнь противоположна смерти, которая есть уничтожение, и что возникновение противоположно уничтожению. Такие доводы приводятся через умозаключение не вообще, а только в отношении обсуждаемого. Часто нечто такое не в меньшей мере остается незамеченным самими вопрошающими.

Таковы доводы от следования и от [принятия за причину] того, что́ не есть причина. Доводы же от соединения двух вопросов в один встречаются, когда не замечают, что задается больше чем один вопрос, и дают один ответ [12], как если бы был задан один вопрос. 168a В некоторых же случаях сразу видно, что задают больше чем один вопрос, и потому не следует давать на них один ответ, например [когда спрашивают], «земля — это море или небо?». А в некоторых случаях это не так легко видно, и, считая, что это один вопрос, или не дают ответа на вопрос, или подвергаются мнимому опровержению. Например: «Человек ли этот и тот? Да. Значит, если бьют этого и того, то бьют одного человека, а не двух человек». Или еще: «Если из этих вещей одни хороши, другие не хороши, то все ли они хороши или не хороши?» Какой бы ответ ни дали, можно, видимо, делать мнимое опровержение или ложное [утверждение]. Ведь сказать, что нечто из нехорошего хорошо или нечто из хорошего нехорошо, неправильно [13]. Однако иногда, если что-то прибавить, опровержение может стать верным, например если кто-то признает, что одно и многие одинаково называются белыми, или обнаженными, или слепыми. Ибо если слепое — это то, что не имеет зрения, хотя ему естественно его иметь, то и слепыми будут те, что не имеют зрения, хотя им естественно его иметь. Поэтому, [говорит софист], когда одно [животное] имеет зрение, а другое нет, оба будут или зрячими, или слепыми; а это невозможно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[*Паралогизмы противоречат правилам опровержения*]

Мнимые умозаключения и опровержения следует разделять таким именно образом или же всех их следует свести к незнанию [сути] опровержения, считая это началом, ибо все виды [софистических опровержений] можно свести к [тому или иному нарушению] определения опровержения [1]. Прежде всего следует смотреть, не обстоит ли дело так, что они не основаны на правильном умозаключении. Ведь заключение должно вытекать из данных [посылок], так что оно должно следовать (legein) с необходимостью, а не только по видимости. Затем [следует смотреть], соот-

ветствуют ли они частям определения. Ведь из паралогизмов от оборотов речи одни основываются на двояком значении, каковы одноименность, [двусмысленная] речь и сходство по форме выражения (ведь принято обозначать все как определенное нечто). А соединение, разъединение и произношение или ударение [вводят в заблуждение] потому, что речь не одна и та же или имя разное, а ведь имя должно быть одним и тем же, как и сам предмет один и тот же, если хотят, чтобы было опровержение или умозаключение. Например, если речь идет о плаще, то умозаключать надо не о покрывале, а о плаще, ибо хотя положение о покрывале правильно, но не выведено через умозаключение: для того, кто спрашивает, почему так, необходим еще вопрос, означает ли это одно и то же.

Паралогизмы же от привходящего становятся очевидными, когда дается определение умозаключения. Ведь то же определение должно быть и для опровержения, разве что прибавляется «противоречие», ибо опровержение есть умозаключение к противоречию. Поэтому если нет умозаключения о привходящем, то не получается и опровержения. В самом деле, если при наличии одного и другого необходимо существует третье, а третье бело, то не необходимо, чтобы это «бело» вытекало из умозаключения[2]. И если треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, и ему случается быть фигурой, или первым, или началом, то он имеет [такие] углы не потому, что он есть фигура, или начало, или первое. Ведь доказательство касается треугольника не поскольку он фигура или первое, а поскольку он треугольник[3]. И точно так же в других случаях. Так что если опровержение есть некоторое умозаключение, то не может быть опровержения на основании привходящего. Тем не менее несведущие выдвигают опровержения и против знатоков своего дела, и против сведущих вообще. Ибо они строят умозаключения против знающих на основании привходящего. И те, кто не в состоянии проводить здесь различия, или соглашаются, когда их спрашивают, или, не соглашаясь, думают, что согласились.

Паралогизмы от сказанного [о чем-то как о присущем] в каком-то отношении или вообще получаются потому, что утверждение и отрицание касаются не одного и того же. В самом деле, отрицанием «в каком-то

отношении бело» будет «в каком-то отношении не бело», а отрицанием «вообще бело» будет «вообще не бело». Поэтому если [отвечающий], соглашаясь с тем, что нечто в каком-то отношении бело, принимает это как сказанное безотносительно, то [вопрошающий] не опровергает, а только кажется, что он опровергает, потому что [отвечающий] не знает, что такое опровержение.

Наиболее очевидные паралогизмы из всех — указанные ранее [4], как нарушающие определение опровержения, почему они и названы так. Ибо здесь возникает видимость [опровержения] из-за упущения в определении его. И если различать паралогизмы так, как мы различали, то упущение в определении опровержения следует признать общим им всем.

Паралогизмы от принятия [положенного] вначале и от признания того, чтó не есть причина, за причину также обнаруживаются с помощью определения. Ведь заключение должно следовать потому, что [посылки] таковы [5], и именно это не нашло себе места среди того, чтó не есть причина; с другой же стороны, заключение должно следовать без того, чтобы быть включенным в то, что [положено] вначале, и именно этого условия нет у паралогизмов от постулирования из начала.

Паралогизмы от следования составляют часть паралогизмов от привходящего. Ибо следствие есть нечто привходящее [6] и отличается от привходящего [лишь] тем, что привходящее можно брать только для чего-то одного (например, [когда утверждают], что желтое и мед или белое и лебедь — одно и то же [7]), а следствие всегда относится ко многому. Ведь мы полагаем, что [предметы], тождественные одному и тому же, тождественны между собой. Поэтому получается опровержение от следования. Однако это верно не во всяком случае, например когда [тождественность] привходящая. Ведь снег и лебедь тождественны лишь в том смысле, что они белое [8]. Или же принимают, как в доводе Мелисса, что быть возникшим и иметь начало — одно и то же или что одно и то же — стать равным и принять одну и ту же величину [9]. А именно, на том основании, что возникшее имеет начало, Мелисс полагает, что то, чтó имеет начало, возникло, как будто оба — возникшее и ограниченное — одно и то же потому, что имеют начало. И точно так же в отношении становя-

щегося равным [считают, что] если [вещи], принимающие одну и ту же величину, становятся равными между собой, то и [вещи], становящиеся равными, принимают одну и ту же величину [10]. Так что здесь используют следование. А так как опровержение от привходящего кроется в незнании [сути] опровержения, то очевидно, что так же и опровержение от следования. Но это надлежит рассмотреть и иначе [11].

А паралогизмы от принятия многих вопросов за один кроются в том, что мы неправильно расчленяем основание посылки. Ведь посылка есть [высказывание] чего-то одного о чем-то одном. Определение же одного отдельного предмета и предмета вообще — одно и то же, например определение человека [вообще] и одного отдельного человека [12]. И точно так же в других случаях. Если, таким образом, отдельная посылка — это та, которая утверждает нечто одно о чем-то одном, то и посылка вообще будет такого рода вопросом [13]. Но так как умозаключение состоит из посылок, а опровержение есть умозаключение, то и опровержение должно состоять из посылок. Поэтому если посылка есть [высказывание] чего-то одного о чем-то одном, то очевидно, что и указанный паралогизм кроется в незнании того, чтó есть опровержение. Ибо лишь кажется посылкой то, чтó не есть посылка. Если поэтому дан ответ как на один вопрос, то опровержение будет; если же не дан, а только кажется, что дан ответ, то опровержение мнимое. Итак, все виды [паралогизмов] относятся к незнанию [сути] опровержения: те, что от оборотов речи,— потому, что противоречие мнимое, а ведь именно противоречие есть отличительная черта опровержения, а остальные основаны на [нарушении] определения силлогизма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[Причины, почему такие паралогизмы вводят в заблуждение]

Паралогизмы от одноименности и [двусмысленной] речи вводят в заблуждение из-за неспособности разбирать различные значения того, что говорится (ведь кое-что действительно нелегко разобрать, например [значения] единого, сущего, тождественного), а от соединения и разъединения — из-за мнения, будто нет

никакой разницы, дается ли слово в сочетании или обособленно, как это действительно бывает в большинстве случаев. И точно так же обстоит дело с паралогизмами от произношения или ударения. Ибо ослабление или усиление голоса при произношении слова, надо полагать, никогда или большей частью не меняет его смысла. Паралогизмы же от формы выражения вводят в заблуждение из-за сходства выражений. Ибо трудно разобрать, что́ говорится в одинаковом смысле, а что́ — в разном. Ведь тот, кто способен это разбирать, близок, пожалуй, к усмотрению истины. Больше же всего побуждает к согласию [с обманом] то, что все, о чем что-то сказывается, мы считаем определенным нечто и воспринимаем как что-то одно[1]. Ведь кажется, что «определенное нечто» и «сущее» больше всего сопутствуют единому и сущности. Вот почему и этот вид паралогизмов следует причислять к основанным на [двусмысленности] выражения, во-первых, потому, что получается большее заблуждение, когда мы рассматриваем что-то вместе с другими, нежели когда рассматриваем его самостоятельно (ведь рассмотрение чего-то вместе с кем-то другим происходит через посредство слов, а самостоятельное рассмотрение — ничуть не хуже — посредством самого предмета); во-вторых, потому, что бывает, что и самостоятельно заблуждаются, когда рас-
169b смотрение направлено на слово; в-третьих, заблуждение возникает из-за сходства, а сходство — из-за способа выражения[2]. Паралогизмы от привходящего вводят в заблуждение ввиду неспособности отличать тождественное от разного, единое — от многого и разбираться в том, что не во всех случаях привходящее для сказываемого [о предмете] есть привходящее для самого предмета. Точно так же и паралогизмы от следования. Ведь следствие есть часть привходящего[3]. Далее, во многих случаях кажется и считается [верным], что если нечто одно не отделено от чего-то другого, то и последнее нельзя отделить от первого. В паралогизмах, основанных на упущении в определении [опровержения], равно как и от сказанного [о чем-то как о присущем] в каком-то отношении и вообще, заблуждение возникает из-за незначительности [различия], ибо, полагая, что «какое-то», в «каком-то отношении», «каким-то образом», «теперь» ничего не добавляют к содержанию, мы признаем [положение] за общее. Точно так же и

в паралогизмах от принятия [положенного] вначале, от принятия того, чтó не есть причина, за причину и от принятия многих вопросов за один: во всех них заблуждение возникает из-за незначительности [различия], ибо по указанной причине мы точно не знаем ни что такое посылка, ни что такое умозаключение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[*Основания софистических опровержений*]

Так как мы знаем, на основании чего получаются мнимые умозаключения, то мы знаем и то, на основании чего получаются софистические умозаключения и опровержения. Я называю софистическим опровержением и умозаключением не только мнимое, не действительное умозаключение и мнимое, не действительное опровержение, но и хотя и действительные, однако лишь кажущиеся относящимися к делу. Это те, которые опровергают, не касаясь предмета [обсуждения], и не выявляют незнание [отвечающего], а ведь это, как было сказано, есть дело искусства испытывания. Искусство же испытывания есть часть диалектики, а оно умеет выводить ложные заключения, потому что [отвечающий] по незнанию соглашается с доводом. Софистические же опровержения, даже если и доказывают через умозаключение противоречащее [утверждениям отвечающего], не делают ясным, невежествен ли [собеседник], ибо [софисты] такими доводами ставят ловушку даже знающему [1].

А что мы знаем эти опровержения, используя тот же самый путь исследования,— это ясно. Ибо [топы], исходя из которых слушателям кажется, что заключение получено при помощи вопросов, служат основанием того, что и отвечающий так считает; поэтому через них — или всех, или некоторых — получаются ложные умозаключения. Ибо с тем, с чем кто-то намерен согласиться, не будучи спрошенным, он согласился бы, будучи спрошенным, разве что в иных случаях бывает, что, как только ставят вопрос, который еще требуется [для вывода], обнаруживают ложность, например в умозаключениях от оборотов речи и от погрешности в речи. Поэтому если ложные умозаключения к противоречию основываются на мнимом опровержении, то ясно, что заключения к ложному получаются на том же

основании, что и мнимое опровержение. А мнимое опровержение основывается на том, что [опущены] отдельные части правильного опровержения, ибо, если 170a обойдена какая-то отдельная часть, получается мнимое опровержение, например основывающееся на том, что [заключение] не вытекает из довода (т. е. приводящее к невозможному), принимающее два вопроса за один вопреки посылке или основывающееся на подмене присущего самого по себе привходящим и — как часть этого опровержения — на следовании; далее, опровержение, касающееся слова, а не сути дела; далее, те, которые, вместо того чтобы брать противоречие как общее и в одном и том же отношении, относительно одного и того же и одинаковым образом, нарушают или одно, или все эти [требования]; наконец, опровержение, постулирующее [положенное] вначале вопреки [правилу] — не включать его в [доказательство]. Итак, мы знаем, на каких основаниях получаются паралогизмы, ибо, кроме этих, вряд ли может быть еще, и все исходят из указанных [топов].

Софистическое опровержение есть опровержение не вообще, а обращенное против определенного лица, и точно так же — софистическое умозаключение. Если опровержение от одноименности не добьется признания, что имя имеет одно значение, а от сходства по форме выражения — что речь идет только о чем-то определенном, и в остальных случаях точно так же,— то не будет ни опровержения, ни умозаключения — ни вообще, ни против отвечающего. Если же они добились согласия последнего, то против него, правда, они будут опровержениями или умозаключениями, но не вообще, ибо они добились признания не того, что [на деле] имеет одно значение, а того, что [лишь] кажется имеющим одно значение, притом признания [только] со стороны определенного лица.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[Опровержения, опирающиеся на содержание отдельных наук, не относятся к искусству спора]

Без знания каждой [относящейся к делу] вещи не следует пытаться выяснять, сколькими способами опровергают те, кто строит опровержение. Но это не отно-

сится ни к одному искусству, ибо знания, пожалуй, беспредельны, а потому ясно, что и доказательств — бесчисленное множество. Имеются и правильные опровержения. Ибо сколько бы ни было доказательств, можно опровергать того, кто утверждает противоречащее истине. Например, если кто-то утверждал, что диагональ соизмерима [со стороной квадрата], то можно его опровергнуть, доказывая, что она несоизмерима. Так что во всем надо быть сведущим. Ведь одни опровержения будут основаны на началах геометрии и на выводах из них, другие — на началах врачебного искусства, третьи — на началах других наук. Однако и область ложных опровержений беспредельна. Ибо в каждом искусстве есть свои ложные умозаключения, например в геометрии — геометрические, во врачебном искусстве — врачебные. Под умозаключением в каком-либо искусстве я разумею такое, которое исходит из начал этого искусства. Ясно поэтому, что следует брать топы не для всех опровержений, а только для тех, что основываются на диалектике, ибо они общи всякому искусству и всякой способности. Рассматривать опровержение в какой-нибудь отрасли знания — кажется ли только, что оно опровержение, не будучи им, и если оно действительно опровержение, то почему оно таково,— это дело сведущего [в данной отрасли знания]. Рассматривать же опровержение исходя из общих [топов], не относящихся к какому-либо отдельному искусству,— это дело диалектиков. Ведь если мы знаем, на основании чего выводятся правдоподобные умозаключения о чем бы то ни было, то мы знаем также, на основании чего строятся [правдоподобные] опровержения. Ведь опровержение — это умозаключение к противоречию, так что одно или два умозаключения к противоречию есть опровержение. Таким образом, мы знаем, на скольких [топах] основываются такого рода опровержения. А если мы это знаем, то мы знаем и способ их раскрытия. Ибо возражения против них и есть их раскрытие. Мы знаем также, на основании скольких [топов] возникают мнимые опровержения — мнимые не для любого [отвечающего], а именно для искусных в диалектике. Ибо число [топов] неопределенно, если иметь в виду, на основании скольких первому встречному кажется, [что имеется опровержение]. Таким образом, очевидно, что быть в состоянии

охватить, сколькими [топами] на основании общих всем [начал] получаются действительное или мнимое опровержение, диалектическое или мнимо диалектическое, или испытующее опровержение,— это дело диалектика.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[Неправомерное деление паралогизмов на касающиеся слова и на касающиеся смысла]

Нет различия между доводами, о котором говорят иные, будто одни из них касаются слова, а другие — смысла[1]. Ведь нелепо полагать, будто доводы, касающиеся слова, и доводы, касающиеся смысла, разные, а не одни и те же. Ведь что значит «не касается смысла», как не то, что употребляют слово не в том значении, с каким спрошенный согласился и в каком, как он полагает, его спросили. Это и значит касаться слова. А касаться смысла — значит употреблять слово в том значении, какое имел в виду [отвечающий], когда дал свое согласие. Если же в том случае, когда слово имеет много значений, вопрошающий и спрошенный полагают, что оно имеет одно значение (например, сущее и единое имеют, несомненно, много значений, но отвечающий [отвечает], и вопрошающий, ⟨а именно Зенон⟩, спрашивает, полагая, что они имеют лишь одно значение, и приводится довод, что все едино[2]), то разве это рассуждение будет вестись относительно слова, а не относительно смысла, который спрошенный [вкладывает в слово]? Если же кто-то [из них] полагает, что слово имеет много значений, то ясно, что довод не касается смысла. Ибо «касательно слова» и «касательно смысла» относятся, во-первых, к доводам, в которых слово имеет больше одного значения; во-вторых, к любому доводу. Ибо «касательно смысла» зависит не от довода, а от того, как отвечающий понимает то, с чем он согласился. В-третьих, все доводы могут касаться слова. Ведь «касаться слова» означает здесь «не касаться смысла». Ведь если не все [доводы касаются слова и смысла], то должны быть некие иные, которые не касались бы ни слова, ни смысла. Те, однако, утверждают, что все [доводы относятся к тому или другому виду], и разъясняют, что все доводы касаются или слова, или смысла, других же нет. Однако

[лишь] некоторые из умозаключений от многозначности [имен] зависят от слова. Ведь нелепо утверждать, как было сказано, будто все [доводы] от оборотов речи касаются [лишь] слова. Имеются же некоторые паралогизмы, получающиеся не оттого, что отвечающий таким-то определенным образом мыслит о них, а оттого, что в самом доводе есть такой вопрос, который содержит многозначное слово.

А вообще нелепо рассуждать об опровержении раньше, чем об умозаключении. Ведь опровержение есть умозаключение, поэтому необходимо говорить об умозаключении раньше, чем о ложном опровержении, ведь такое опровержение есть мнимое умозаключение к противоречию. Поэтому причина [ложности] кроется или в умозаключении, или в противоречии (ведь противоречие должно быть присовокуплено), а иногда и в том и в другом, если опровержение мнимое. В [софизме] «sigōnta legein» («молчащий говорит») [ложность кроется] в противоречии, а не в умозаключении, а в [софизме] «можно давать то, чего не имеют» — в том и в другом, в [софизме] же «стихотворное сочинение Гомера — фигура, потому что оно составляет круг (kyklos) [3]» — в умозаключении. Довод же, в котором нет ложности ни в том, ни в другом, есть правильное умозаключение.

А чтобы вернуться к тому [4], от чего речь [отклонилась], [можно было бы спросить], касаются ли математические доводы смысла или нет? И если кому-то кажется, что «треугольник» означает многое, и он согласился, что треугольник имеет углы, равные [в совокупности] двум прямым, не как фигура, относительно которой это заключают, то рассуждал ли [вопрошающий], касаясь смысла, [который отвечающий вложил в слово «треугольник»], или нет?

Далее, если слово имеет, правда, много значений, но [отвечающий] их не замечает и не предполагает, то разве [вопрошающий] не рассуждал касательно смысла? Или как еще до́лжно спрашивать, если не так, чтобы того, кто согласился с различением, могли затем спросить, [например], «возможно ли или нет, чтобы молчащий говорил, или в каком-то смысле нет, а в каком-то да?». Если [отвечающий] отверг эту возможность в любом смысле, а вопрошающий рассуждал, [доказывая, что это возможно], то разве он не рассуждал

касательно смысла? И однако же, считают, что довод относится к тому, чтó основано на имени. Таким образом, нет какого-то отдельного рода доводов, которые касались бы [только] смысла, но некоторые доводы касаются [лишь] имени, причем таковы не все мнимые опровержения, не говоря уже о [правильных] опровержениях. Ведь имеются мнимые опровержения не от оборотов речи, например от привходящего и [некоторые] другие.

Если же требуют, чтобы проводили различие и сказали: «Под sigōnta legein я разумею то одно, то другое», то это, во-первых, нелепое требование (ибо иногда вопрос не кажется содержащим многозначность, и невозможно различать то, о чем не полагают, что оно многозначно); во-вторых, что же это такое, если не наставление. Ведь в таком случае [вопрошающий] должен объяснить положение вещей [отвечающему], который не рассматривал, не знает и не предполагает, что [вопрос] имеет еще другой смысл. Да, впрочем, что же мешает проводить различие в тех случаях, где нет двоякого смысла? [Например], «равны ли двойкам единицы в четверке? [Да]. Но двойки содержатся [в четверке] то так, то иначе»[5]. Или: «Наука о противоположностях одна или нет? [Одна]. Но известное и неизвестное — противоположности». Так что тот, кто выдвигает такое требование, не знает, по-видимому, что наставлять — это одно, а рассуждать — другое и что тот, кто наставляет, должен не ставить вопросы, а сам объяснять, между тем как тот, кто рассуждает,— ставить вопросы.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[*Диалектика, испытывание, эристика и софистика*]

Требовать [от отвечающего] утверждения или отрицания — это дело не доказывающего, а испытующего. Ибо искусство испытывания есть некоторого рода диалектика и обращено не к тому, кто знает, а к тому, кто не знает, но выдает себя за знающего. Поэтому тот, кто на самом деле исследует общие [всем начала], есть диалектик, а тот, кто делает это лишь по видимости,— софист. Эристическое и софистическое умозаключение — это, во-первых, мнимое умозаключение относительно того, чем занимается диалектика как

искусство испытывания, даже если заключение истинно, ибо оно обманчиво в отношении причины [1]. Это, во-вторых, такие паралогизмы, которые, не соответствуя способу исследования данного [предмета], кажутся построенными по правилам [соответствующего] искусства. Ведь неправильные геометрические чержети не эристические (ибо проистекающие из них паралогизмы касаются предмета [геометрического] искусства). И то же самое в случае, если это неправильный чертеж, касающийся чего-то истинного, например [чертеж] Гиппократа [2], т. е. построение квадрата при помощи луночек. Способ же, каким Брисон [3] превращал круг в квадрат, если даже круг был бы превращен в квадрат, есть софистический способ, потому что он не соответствует предмету [геометрического искусства]. Так что эристический довод — это, во-первых, мнимое умозаключение о такого рода вещах и, во-вторых, умозаключение, лишь по видимости соответствующее предмету [данного искусства], хотя бы оно и было [правильно построенным] умозаключением. Ибо оно лишь по видимости соответствует предмету [данного искусства], а потому оно ложный и нечестный довод. Ибо так же как в состязании борцов нечестность приобретает определенный вид и есть борьба нечестными средствами, так и эристика в споре есть борьба нечестными средствами. Ибо как там, намереваясь победить во что бы то ни стало, хватаются за любые средства, так и здесь поступают те, кто склонен к препирательствам. Поэтому те, кто так поступает [только] ради победы, считаются людьми, склонными к препирательствам и любящими спорить, а те, кто так поступает ради славы в погоне за наживой,— софисты. Ибо софистика, как мы уже сказали [4], есть искусство наживы с помощью мнимой мудрости, а потому софисты стремятся к мнимым доказательствам. И любящие спорить, и софисты применяют одни и те же доводы, но не с одной и той же целью. И один и тот же довод будет софистическим и эристическим, но не для одного и того же: эристический — ради мнимой победы, софистический — ради мнимой мудрости. И в самом деле, софистика есть мнимая, а не действительная мудрость. Эристик относится к диалектику в некотором смысле так, как делающий неправильные чертежи — к геометру. В самом деле, он ложно умозаключает, исходя из тех же [начал], что и

диалектик, а делающий неправильные чертежи — [из тех же начал], что и геометр. Но делающий неправильные чертежи не занимается эристикой, потому что он делает неправильные чертежи, исходя из начал и 172a заключений, относящихся к искусству [геометрии], между тем как эристик, хотя и исходит из начал, относящихся к диалектике, однако в остальном он явно эристик. Так, например, построение квадрата при помощи луночек не есть эристическое построение, но способ Брисона эристический. Первое применимо только в геометрии, так как исходит из ее собственных начал, а второе рассчитано на толпу, которая не знает, что́ в каждом случае возможно и что́ невозможно, ибо для нее [доказательство Брисона] подходит. Или же [эристический способ], каким Антифонт превращал круг в квадрат [5], или, если кто отрицал бы на основе довода Зенона [против движения] [6], что совершать прогулку лучше после обеда, то это был бы не врачебный довод, ибо он исходит из общих [оснований]. Если же эристик относился бы к диалектику во всех отношениях так же, как делающий неправильные чертежи к геометру, то касательно них не было бы эристического [довода]. Но диалектик не занимается определенной областью, ничего не доказывает и не таков, каков тот, кто занимается общим [7]. Ведь не все принадлежит к одной определенной области, а если бы принадлежало, то вещи не могли бы подпадать под одни и те же начала [8]. Поэтому ни одно искусство, доказывающее природу чего-то, не есть искусство ставить вопросы. Ведь нельзя согласиться с любым из обоих членов [противоречия], ибо умозаключение получается не из обоих. Диалектика же есть искусство ставить наводящие вопросы. Если бы она доказывала, то она не ставила бы вопросов, если не относительно всего, то по крайней мере относительно первоначал и начал, свойственных [каждой области]. Ведь если [собеседник] не признает их, то диалектика уже не будет обладать тем, на основе чего можно было бы рассуждать против его возражения. Но диалектика есть и искусство испытывания. Конечно, искусство испытывания не такое искусство, как геометрия, им может владеть и незнающий. Ведь и тот, кто не знает предмета, в состоянии подвергнуть испытанию [другого] незнающего, если только последний соглашается [на

это], не исходя из того, что́ он знает, или из присущего лишь [данному предмету], а исходя из следствий, которые таковы, что тот, кто их знает, вполне может не знать [данное] искусство, но, кто *их* не знает, тот уж обязательно не знает этого искусства. Так что очевидно, что искусство испытывания не есть знание о чем-либо определенном. Поэтому оно занимается всем, ибо все искусства пользуются некоторыми общими [началами]. Поэтому все, даже несведущие, некоторым образом пользуются диалектикой и искусством испытывания. Ведь все берутся до какой-то степени судить о тех, кто выдает себя за знатока. А для этого они используют общие [всем искусствам начала], которые они все же знают, хотя они, видимо, отнюдь не говорят по существу дела. Вот почему все выдвигают возражения, а именно неумело пользуются тем, умелое применение чего есть диалектика, а искусный в диалектике — тот, кто подвергает испытанию при помощи искусства умозаключения. А так как этих [начал] много и касаются они всего, но они не составляют особой природы и особого рода, а подобны отрицаниям, другие же [начала] не таковы, а присущи лишь [какой-то одной области] [9], то на основе тех можно подвергать испытанию все, и это есть некоторое искусство, однако не такое, как доказывающие искусства. Именно поэтому с искусным в эристике дело обстоит не совсем так, как с делающим неправильные чертежи, ибо искусный в эристике ложно умозаключает, исходя не из начал определенной области, а имеет дело со всякой областью.

Таковы способы софистических опровержений. Не трудно понять, что дело диалектики — исследовать их и быть в состоянии применять их. Ведь именно способы обращения с посылками и содержит все это исследование.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[Вторая и третья цель софистов.
Принуждение к ложным и неправдоподобным утверждениям]

О мнимых опровержениях уже сказано. Что касается показа того, что [собеседник говорит] ложное, и приведения его речи к неправдоподобному (а именно это есть второе намерение софистики), то они

удаются лучше всего, если, во-первых, как-то [незаметно] выведывать [у собеседника нужное] и [умело] ставить вопросы. А для достижения этого пригодны вопросы, не направленные на определенный предмет. Ведь те, кто говорит наобум, скорее ошибаются. А говорят наобум, когда не имеют перед собой ничего определенного. И когда ставят много вопросов, хотя бы то, против чего рассуждают, было чем-то определенным, и требуют [от отвечающего], чтобы он высказал свое мнение, этим создают себе удобный случай привести его к неправдоподобному или ложному, и если спрошенный отвечает на какой-нибудь из этих вопросов утвердительно или отрицательно,— заставить его утверждать то, против чего имеется много доводов. Однако в настоящее время этим можно наносить вред меньше, чем раньше. Ибо [теперь отвечающие] требуют [указать], какое отношение имеет вопрос к [положенному] вначале. Основное [средство], при помощи которого можно добиться того, чтобы [собеседник утверждал] что-то ложное или неправдоподобное,— это не спрашивать сразу относительно какого-либо тезиса, а сказать, что спрашивают лишь из желания учиться. Такое рассмотрение создает простор для нападок.

Для того чтобы показать, что [собеседник утверждает] ложное, имеется [следующий] собственно софистический топ — заставить его утверждать то, против чего имеется множество доводов. Это можно делать надлежащим или ненадлежащим образом, как было сказано раньше [1].

Далее, для того чтобы [заставить собеседника] говорить не согласующееся с общепринятым, следует смотреть, какого рода [философии] придерживается он, а затем спрашивать о том, что́ придерживающиеся этого рода [философии] говорят противно мнению большинства. В каждой [философии] имеется нечто такое. Основное же [средство] здесь — брать тезисы каждого рода [философии] в виде посылок. Подобающее же раскрытие их достигается доказательством того, что неправдоподобное вытекает не из довода. А именно этого как раз всегда желает спорящий.

Далее, следует [приводить доводы] из [скрытых] желаний и открыто высказываемых мнений. Ведь не одно и то же желают и говорят, а говорят самые прекрасные слова, желают же лишь то, что представля-

ется выгодным; например, говорят, что лучше с честью умереть, чем жить в удовольствиях, или что жить в нужде и бедности, но честно лучше, чем жить в богатстве, 173a но не благопристойно, а желают как раз обратного. Поэтому следует того, кто говорит сообразно со своими желаниями, заставлять высказывать открытые мнения, а того, кто говорит в согласии с открыто высказываемыми мнениями,— сообразно с его утаенными желаниями. Ибо и в том и в другом случае он вынужден будет говорить не согласующееся с общепринятым, ведь ему придется утверждать противоположное или открытым или скрытым мнениям.

Самый распространенный топ заставить говорить не согласующееся с общепринятым, какой применяет Калликл в сочинении «Горгий» [2] и который все древние считали удачным,— это сопоставлять то, что согласно природе, с установленным, ибо, говорят, природа и установление противоположны друг другу, и справедливость, [например], хороша по установлению, а согласно природе нехороша. Поэтому следует тому, кто говорит исходя из согласного с природой, возражать исходя из установленного, а того, кто говорит исходя из установленного, подводить к [доводам], исходящим из согласного с природой. Ибо и в том и в другом случае они вынуждены будут говорить не согласующееся с общепринятым. Древние же считали, что согласное с природой истинно, а большинству людей правильным кажется установленное. Таким образом, ясно, что они, так же как те, кто теперь ведет спор, пытались или опровергнуть отвечающего, или заставить его говорить не согласующееся с общепринятым.

Некоторые вопросы таковы, что ответ на них неправдоподобен в обоих случаях, например вопрос, кого следует слушаться — мудрых или отца, или чтó следует делать — полезное или справедливое, или чтó предпочтительнее — терпеть несправедливость или причинять вред [другому] [3]. Так вот, следует заставить собеседника утверждать то, чтó противно мнению большинства и мудрых. А именно, если кто-то говорит так, как те, кто занимается рассуждениями, то следует заставить его утверждать то, что противно мнению большинства, а если он говорит как большинство — то, что противно мнению мудрых. Говорят ведь последние,

что счастливый обязательно справедлив, а для большинства неправдоподобно, чтобы властелин не был счастливым[4]. Впрочем, доводить до такого рода неправдоподобного — это то же самое, что заставлять говорить противоречащее согласному с природой и установленному, ведь установленное — это мнение большинства, а мудрые говорят, исходя из согласного с природой и согласно истине.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[*Четвертая цель софистов — принуждение к пустословию*]

Не согласующегося с общепринятым следует, пожалуй, добиваться исходя из этих топов. Что касается того, чтобы заставить [собеседника] пустословить, то мы уже сказали, что́ мы подразумеваем под пустословием[1]. Так вот, все следующие доводы [софистов] имеют своей целью добиться этого. Если нет разницы называть ли имя или говорить речь, то «двойное» и «двойное половины» — одно и то же; если, стало быть, «двойное» есть «двойное половины», то оно будет «двойное половины половины». А если вместо «двойного» взять «двойное половины», то будет трижды сказано: «двойное половины половины половины». Или вопрос: имеется ли влечение к удовольствию? Но влечение есть стремление к удовольствию; значит, влечение есть стремление к удовольствию к удовольствию[2].

173b Все такие доводы касаются соотнесенного, когда не только роды [вещей], но и сами [вещи] указываются как соотнесенное и относятся к одному и тому же. Например, стремление есть стремление к чему-то, влечение — влечение к чему-то, а двойное есть двойное чего-то, а именно двойное половины. Такого рода доводы касаются и [вещей], которые вовсе не соотнесены между собой, но в определении которых дополнительно указывается то, состояния, свойства и т. п. чего они есть,— то, что́ сказывается о них; например, нечетное есть число, имеющее середину[3]. Но есть число нечетное, значит, оно есть число число, имеющее середину. И если курносое есть вогнутость носа, а имеется курносый нос, то, значит, он есть нос нос вогнутый[4].

Иногда [только] кажется, что эти софизмы заставляют [собеседника пустословить], хотя в действитель-

ности они этого не делают, потому что еще не спрашивают: двойное, взятое само по себе, означает ли оно то же самое, [что присовокупляет вопрошающий], или другое? Вывод же высказывают сразу. Но ввиду того что имя — то же, кажется, что оно и означает одно и то же.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[Пятая цель софистов — принуждение к погрешностям в речи]

Какие могут быть погрешности в речи — об этом сказано раньше[1]. [Возможны три случая]: или действительно делают ошибку в речи, или только кажется, что делают ошибку, хотя и не делают, или делают ошибку, но кажется, что не делают, как, например, Протагор говорил, что mēnis (злоба) и pēlēx (каска) — мужского рода. Кто mēnis называет oylomenēn (пагубной), тот, по Протагору, ошибается, хотя остальным это не кажется так, а кто называет ее oylomenon (пагубным), тот, видимо, допускает ошибку, хотя, [по Протагору], он ошибки не делает. Таким образом, ясно, что можно этого добиться даже некоторым искусством. Поэтому многие доводы, не делающие заключения о погрешности в речи, кажутся делающими такое заключение, так же как это бывает при опровержениях.

Почти все мнимые погрешности в речи возникают из-за «tode» («вот это»), а именно когда окончание слова указывает не на мужской и не на женский род, а на средний. «Этот» означает мужской род, «эта» — женский род, а «это» хотя обычно и означает средний род, но часто указывает и на мужской, и на женский род; например, [спрашивают], кто [или что] это. Каллиопа, дерево, Кориск. У имен мужского и женского рода все падежи разные, а у имен среднего рода — одни разные, другие нет. Часто, когда дано «это», заключают так, как будто было сказано «этот». И точно так же в других случаях принимают один падеж за другой. Паралогизм же возникает из-за того, что toyto («это») обще многим падежам. В самом деле, toyto («это») означает то hoytos («этот»), то toyton («этот» или «этого»). А должно оно означать попеременно то hoytos («этот») вместе с [глаголом] esti («есть»), то

toyton («этого») вместе с [глаголом] einai («быть»), например esti Koriskos, einai Koriskon. И точно так же с именами женского рода, а также с наименованиями, которые хотя и обозначают утварь, но имеют падежные окончания женского или мужского рода. Ибо слова, оканчивающиеся на o и n, суть лишь среднего рода, например xylon (дерево), schoinion (веревка), а те, что оканчиваются не так, суть мужского и женского рода, иные из которых относятся к утвари, например askos (кожаный мешок) — слово мужского рода, а klinē (ложе) — женского рода. Поэтому и у них [глаголы] esti и einai создадут различие. Между прочим, погрешность в речи некоторым образом сходна с опровержениями, основывающимися на том, что несходное указывают как сходное. Так же как в опровержениях это происходит в отношении предметов, так и при погрешностях в речи — в отношении имен. Ведь «человек», [например], и «бледное» — это и предмет и имя.

Таким образом, очевидно, что к погрешности в речи следует пытаться заключать исходя из указанных падежных окончаний.

Итак, таковы перечисленные виды, разновидности и способы приведения доводов ради спора. И так же как в диалектических [рассуждениях], здесь немаловажно для сокрытия [своей цели] как-то упорядочить все связанное с постановкой вопросов. Вот почему следует сразу после сказанного говорить прежде всего об этом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[Способы, какими следует избегать софистических установок вопрошающему и отвечающему]

Итак, первое [средство] для опровержения — это пространность [речи], ведь трудно одновременно обозреть многое. Для достижения такой пространности [речи] следует пользоваться указанными выше основными [топами] [1]. Второе — быстрота [речи]. Ибо тот, кто не успевает, менее предусмотрителен. Третье — возбуждение гнева и подзадоривание, ибо те, кто приведен в замешательство, менее способны защищаться. Основные [средства] возбудить гнев [у отвечающего] — делать так, чтобы ему стало ясно, что хотят

поступать [с ним] несправедливо и совершенно беззастенчиво. Четвертое — ставить вопросы вперемежку, когда имеют много доводов или против одного и того же, или за и против. В таком случае [отвечающему] приходится в одно и то же время держаться начеку или в отношении многих [доводов], или в отношении противоположных друг другу [доводов]. И вообще все названные раньше [топы] относительно искусства скрывать [свою основную мысль] полезны и для доводов, приводимых ради спора. Ибо искусство скрывать [свою основную мысль] применяется ради того, чтобы остаться неуличенным, а оставаться неуличенным хотят ради того, чтобы вводить в заблуждение.

Тем, кто отвергает все, что, по их мнению, подкрепляет довод [собеседника], следует ставить вопросы через отрицание, как будто хотят обратное, или же ставить вопросы, требующие одинаково утвердительного и отрицательного ответа. Ведь если неясно, чего [вопрошающий] хочет достигнуть, то [отвечающий] меньше досадует. Если, когда речь идет о частном, [отвечающий] соглашается с отдельными случаями, то вопрошающий, умозаключая путем наведения, часто должен не ставить вопрос об общем, а использовать его так, как если бы оно было уже признано. Ибо иногда и сами [отвечающие] полагают, что они согласились с этим, равно как и слушателям это кажется так ввиду упоминания о наведении, полагая, что вопросы [относительно отдельных случаев] были поставлены не зря. В тех случаях, когда общее не обозначено [особым] именем, следует для своей цели использовать сходство. Ведь сходство часто остается незамеченным. А для того чтобы добиться согласия с посылкой, необходимо расспрашивать, сопоставляя 174b ее с противоположным ей. Например, если добиваются согласия с тем, что слушаться отца следует во всем, то надо спросить, следует ли во всем слушаться родителей или ни в чем их не слушаться. Или если [добиваются согласия с тем, что родителей надо слушаться] часто во многом, то надо спросить, следует ли им уступать во многом или в немногом. Если только необходимо [повиноваться родителям], то кажется, что уступать им следует скорее во многом, [чем в немногом], ибо, когда противоположности ставят рядом друг

с другом, они кажутся людям меньшими и бо́льшими, худшими и лучшими.

Весьма охотно и часто вопрошающий создает видимость, что [собеседник] опровергнут, применяя в высшей степени нечестный софистический прием: не делая никакого умозаключения, он в конце не ставит вопроса, а утверждает в виде заключения, как будто строил силлогизм, что, стало быть, с тем-то и тем-то дело так не обстоит.

Еще один софистический [прием] при утверждении не согласующегося с общепринятым — требовать, чтобы, когда предположенное вначале кажется правильным, [отвечающий] высказал свое мнение об этом, и вопрос о таких [положениях] ставить так: «полагаешь ли ты...» Ведь если вопрос касается здесь посылок умозаключения, то необходимо, чтобы или получилось опровержение, или было высказано мнение, не согласующееся с общепринятым: опровержение, если [собеседник] соглашается, неправдоподобное — если он и не согласен, и не говорит, что ему это кажется правильным, и нечто подобное опровержению — если он с этим не соглашается, но признает, что это общепринято.

Далее, так же как в [рассуждениях] тех, кто искусен в красноречии, так и в опровергающих [рассуждениях] следует одинаково обращать внимание на положения [собеседника], находящиеся в противоречии или с [другими] его высказываниями, или с высказываниями тех, чьи слова и поступки он признает надлежащими, а также тех, которые кажутся такими или подобны им, или с высказываниями большинства или всех людей. И так же как отвечающие, когда их опровергают, часто объявляют двусмысленным то, на основе чего их собираются опровергать, так и вопрошающие должны иногда использовать это [средство] против тех, кто им возражает, чтобы, если так-то бывает, а так-то нет, сказать, что они поняли это в последнем смысле, как это делает Клеофонт в «Мандробуле» [2]. Следует также, отклоняясь от довода, пресекать дальнейшие нападки [собеседника], а отвечающий, чувствуя заранее [возражения противника], должен [их] упреждать словесными доводами. Следует иногда приводить доводы не против сказанного, а против иного, принимая сказанное, если не имеют доводов против

положенного [собеседником]. Именно это сделал Ликофрон, когда ему было предложено прославлять лиру[3]. Что касается тех, кто требует умозаключения к чему-то определенному, то против них (поскольку полагают, что надо указать причину, [почему уклоняются от сказанного вначале], а избежать общих [утверждений] легче в опровержениях) следует говорить лишь противоречащее — отрицать то, чтó [отвечающий] утверждал, и утверждать то, что тот отрицал, но не следует говорить, [например], что наука о противоположностях одна и та же или не одна и та же; не следует, наконец, спрашивать о заключении в форме положения, а кое о чем [вообще] не следует спрашивать, а следует обращаться с ним так, как будто оно нечто признанное.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[*Польза от раскрытия софистических опровержений*]

Итак, сказано, на основании каких [топов] следует задавать вопросы и как их ставить в препирательских беседах. После этого следует сказать об ответах, о том, как и чтó надо раскрывать и чем полезны такого рода рассуждения. 175a

Так вот, полезны они для философии по двум причинам: во-первых, поскольку они получаются большей частью на основании словесных выражений, благодаря им можно лучше различать, в скольких значениях говорится о чем бы то ни было и какие сходства и отличия бывают у вещей и их имен. Во-вторых, они полезны для самостоятельного исследования. Ведь тот, кого другие легко вводят в заблуждение, но этого не замечает, может часто испытывать это от самого себя. В-третьих, наконец, они полезны еще для славы — [благодаря их умелому применению] считаются искусными и опытными во всем. Ведь если кто-то участвует в рассуждениях и порицает доводы, не будучи в состоянии указать, в чем их слабость, то это вызывает подозрение в том, что он придирчив не ради [нахождения] истины, а из неопытности.

А как отвечающие должны выступать против такого рода доводов, — это очевидно, если только мы правильно указали раньше[1] то, на основании каких [топов] строятся паралогизмы, и в достаточной мере

разобрали, какие ловушки ставит в вопросах [собеседник]. Однако, внимая доводам [других], усматривать и вскрывать их негодность — это не то же самое, что уметь быстро нападать на того, кого спрашивают. То, чтó мы знаем, часто в измененном виде становится нам неизвестным. Далее, так же как в других областях бóльшая быстрота и бóльшая медленность зависят скорее от опыта, приобретенного упражнениями, точно так же и в рассуждениях; так что если нам что-то ясно, но нам не хватает опыта, мы часто упускаем удобные случаи. Это происходит почти так же, как с геометрическими фигурами, а именно: после того как мы расчленили эти фигуры, мы порой не в состоянии сложить их опять. И так же в [софистических] опровержениях: зная, на чем основывается связность довода, мы затрудняемся разобрать его.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

[Раскрытие софистических опровержений]

Итак, во-первых, так же как иногда — говорим мы — следует предпочитать правдоподобное умозаключение истинному, так и правдоподобное раскрытие [софистического опровержения] следует иногда предпочитать истинному. И вообще против занимающихся эристикой следует бороться не как с людьми, которые действительно опровергают, а как с такими, которые опровергают лишь по видимости. Ведь мы во всяком случае отрицаем, что они [правильно] умозаключают; поэтому следует принимать надлежащие меры для того, чтобы не было этой видимости. В самом деле, если [истинное] опровержение есть не основанное на одноименности противоречие, исходящее из определенных [посылок], то нет никакой надобности разбирать его в отношении двусмысленности и одноименности. Ибо [тот, кто их использует], не строит умозаключения. Ведь единственное, ради чего еще необходим такой разбор, — это [показать], что умозаключение кажется имеющим подобие опровержения. Стало быть, следует быть настороже не в отношении [действительного] опровержения, а в отношении мнимого опровержения, так как двусмысленные вопросы и основанные на од-
175b ноименности и все другие такого рода сбивающие с толку [приемы] сводят на нет истинное опроверже-

ние и делают неясным, кто опровергнут, а кто не опровергнут. А именно, так как после того, как заключение сделано, [отвечающий] может в конце сказать, что [вопрошающий] отрицал вовсе не то, что он утверждал, а ставил вопросы двусмысленно, хотя бы оба имели в виду одно и то же, то не ясно, опровергнут ли он. Ибо не ясно, говорит ли он теперь правду. Если бы при постановке вопроса разобрали одноименное или двусмысленное, то было бы совершенно ясно, что имело место [софистическое] опровержение. И получилось бы то, чего эристики раньше добивались больше, а теперь меньше,— чтобы спрошенный отвечал «да» или «нет». Теперь же ввиду того, что те, кто расспрашивает, ставят вопросы не надлежащим образом, спрошенный необходимо должен что-то добавить в своем ответе, устраняя негодность посылки, так как если [вопрошающий] подобающим образом разобрал [все значения], то отвечающему необходимо сказать лишь «да» или «нет».

Если бы считали [довод], основанный на одноименности, опровержением, то отвечающий вряд ли избежал бы возможности быть каким-то образом опровергнутым. Ведь когда речь идет о видимых [вещах], он должен то отрицать имя, которое он называл, то назвать имя, которое он отрицал. Меры же предосторожности, предпринимаемые некоторыми, ни к чему не приводят. А именно, они не говорят: Кориск образован и необразован, а говорят: *этот* Кориск образован и *этот* Кориск необразован. На самом же деле смысл будет одним и тем же, говорят ли: Кориск необразован (или образован) — или: этот Кориск необразован (или образован). [Отвечающий] как раз утверждает и отрицает это в одно и то же время. Но, быть может, [Кориск и этот Кориск] не означают одно и то же, ведь и имя [Кориск] не означало одно и то же? Так в чем же разница? Если же об одном просто говорят «Кориск», а к другому прибавляют «какой-то» или «этот», то это нелепо, ибо это прибавление можно отнести к одному ничуть не в большей мере, чем к другому, и нет никакой разницы, к кому из них прибавляют «этот».

Так как, однако, не ясно, опровергнут ли тот, кто не выявил двусмысленности, или не опровергнут (а в рассуждениях такой разбор допустим), то очевидно, что тот, кто не выявил [двусмысленности], а просто

соглашается с посылкой, ошибается. Так что хотя бы сам [отвечающий] и не был опровергнут, во всяком случае похоже на то, что его довод опровергнут. Однако часто бывает, что тот, кто видит двусмысленность, медлит с ее разбором из-за сметливости тех, кто выдвигает такие [двусмысленные] посылки,— медлит, чтобы не казаться придирчивым ко всему. Далее, когда не подозревают, что довод основывается на двусмысленности, часто сталкиваются с мнением, не согласующимся с общепринятым. Так что поскольку разбор [двусмысленности] допустим, не следует медлить с этим, как было сказано раньше [1].

Если же [вопрошающий] не делает из двух вопросов один, то не получится паралогизма на основании одноименности и двусмысленности, а получится или [истинное] опровержение, или не получится никакого опровержения. Ведь какая разница между вопросом, 176a образованны ли Каллий и Фемистокл, и тем же вопросом, когда оба, будучи разными, имеют одно имя? Ведь если [имя] выражает больше чем одно, то [ясно], что задали не один вопрос, а больше. Поэтому если неправильно требовать одного прямого ответа на два вопроса, то очевидно, что не подобает давать прямой ответ на какой-либо двусмысленный вопрос, даже в том случае, если [ответ] правилен (как это требуют некоторые) для всех [значений]. Ведь это то же самое, как если бы спросили, дома ли Кориск и Каллий или нет — все равно, находятся ли оба дома или не находятся. Ведь и в том и в другом случае имеется больше чем одна посылка. В самом деле, если ответ и правилен, то по этой причине вопрос не станет одним, ведь можно и на тысячу разных вопросов правильно ответить просто [одним] «да» или «нет». Но все же не следует давать на них один ответ. Ведь этим сводят на нет всякое обсуждение. Это похоже на то, как если бы разные [вещи] назвали одним и тем же именем. Поэтому, раз не следует давать один ответ на два вопроса, то очевидно, что и при одноименности не надо говорить «да» или «нет». Ведь тот, кто так сказал, не ответил, а что-то высказал. Однако в некотором смысле этого добиваются в рассуждениях, потому что остается незамеченным то, что отсюда вытекает.

Итак, как мы уже сказали [2], так как некоторые опровержения, не будучи ими, кажутся таковыми, то

таким же образом имеются раскрытия, которые, не будучи ими на деле, кажутся таковыми. О них-то мы и утверждаем, что в отношении доводов, приводимых ради спора, и при возражении против имеющего двоякий смысл следует иногда делать такие [мнимые раскрытия] скорее, чем действительные. А на вопросы, кажущиеся истинными, следует отвечать, говоря: «допустим», ибо в этом случае меньше всего получится ложное опровержение. Если же [отвечающий] вынужден говорить нечто не согласующееся с общепринятым, то лучше всего ему присовокупить: «кажется». Ибо в этом случае будет казаться, что не получается ни опровержение, ни нечто не согласующееся с общепринятым. А так как ясно, каким образом получается постулирование [положенного] вначале, и так как полагают, что [утверждения], близкие [к выводу собеседника], следует непременно оспорить и что с некоторыми из них не следует соглашаться, поскольку [собеседник] постулирует [положенное] вначале, то, когда [вопрошающий] утверждает нечто такое, что, правда, необходимо вытекает из тезиса, но ложно или неправдоподобно, следует сказать, что это то же, [что содержится в тезисе]. Ведь то, что необходимо вытекает из тезиса, есть, надо полагать, часть его[3]. Далее, когда общее не охвачено [определенным] именем, а указано через сравнение, [отвечающий] должен сказать, что оно взято не в том смысле, с каким он согласился, и не в том, в каком оно было выдвинуто. Ведь часто опровержение получается именно на основе этого.

А кто лишен возможности пользоваться этими [топами], должен применить нечто другое — заявить, что доказательство велось не надлежащим образом, выступая против [собеседника], сообразуясь с указанным[4] определением [умозаключения и опровержения].

Когда имена употребляются в собственном смысле, необходимо или давать прямой ответ, или отвечать, проводя различие. А что касается того, что́ мы предположили как нечто подразумеваемое, например того, о чем спрашивают не отчетливо, а куце, то на основании его получается опровержение. Например, «есть 176b ли то, что принадлежит Афинам, имущество Афин? Да (и точно так же в других случаях). Но ведь человек принадлежит к живым существам? Да. Значит, человек — имущество живых существ». Мы же говорим,

что человек принадлежит к живым существам потому, что он есть живое существо, и Лисандр принадлежит к спартанцам, потому что он есть спартанец. Таким образом, ясно, что там, где посылка выражена неотчетливо, нельзя соглашаться прямо.

Когда относительно двух вещей полагают, что, если существует одна из них, необходимо существует и другая, но если существует эта другая, не необходимо, чтобы существовала первая[5], тогда тот, кого спрашивают, какая из них [существует], должен признать меньшее, ибо труднее умозаключать из большего числа [посылок]. Если же доказывают [положение] тем, что одному из двух что-то противоположно, другому нет, то, если довод правильный, следует сказать, что и другому что-то противоположно, но имя ему не установлено.

Так как из мнений большинства одни таковы, что если [отвечающий] их не признает, то утверждают, что он ошибается, а другие не таковы, например спорные мнения (в самом деле, тленна или бессмертна душа живых существ,— это для большинства вопрос нерешенный), когда, стало быть, не известно, какой ответ обычно дают на поставленный вопрос — как изречения ли (изречениями называются и правильные мнения, и общие высказывания) или как [такие положения] вроде: диагональ несоизмерима [со стороной квадрата], об истинности чего мнения расходятся,— то [во всех таких случаях] лучше всего говорить иносказательно, ведь когда не известно, на какой стороне истина, не возникает подозрения в том, что сочиняют софизмы, а когда мнения [о чем-то] расходятся, не подозревают, что говорят неправду. Ибо иносказательность делает речь не поддающейся опровержению.

Наконец, когда [отвечающий] предвидит вопросы, ему следует упреждать [возражения собеседника] словесными доводами. Ибо так можно лучше всего помешать выведыванию.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

[*Правильное раскрытие софистических опровержений*]

А так как правильное раскрытие есть выявление ложных умозаключений — из какого вопроса вытекает ложное,— а о ложном умозаключении говорится в дво-

яком смысле (а именно, или в том случае, если умозаключают ложное, или в том случае, если кажется, что есть умозаключение, хотя [на деле] умозаключения нет), то только что указанное раскрытие и раскрытие мнимого умозаключения есть исправление, обнаруживающее, из-за какого вопроса создалась видимость умозаключения. Отсюда следует, что доводы, приводимые при помощи умозаключений, раскрываются их опровержением, а мнимые доводы — различением. А так как в свою очередь одни доводы, приводимые при помощи умозаключений, имеют правильное заключение, а другие — ложное, то доводы, ложные по своему заключению, можно раскрывать двояко, а именно опровергая одну из посылок или доказывая, что заключение неверно. Доводы же, ложные по своим посылкам, можно раскрыть, только опровергая одну из этих по- 177a
сылок, ведь заключение — правильное. Поэтому, когда хотят раскрыть [софистический] довод, следует прежде всего смотреть, приведен ли он при помощи умозаключения или без него, затем, правильно ли заключение или ложно, чтобы раскрывать или проводя различие, или опровергая [посылку], притом опровергая одним или другим из указанных способов [1]. Однако одно дело, когда довод раскрывает спрошенный, и совсем другое дело — неспрошенный. Ведь предугадать [вопросы] трудно, а обдумать на досуге легче.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

[Раскрытие уловок,
основанных на неправильном употреблении оборотов речи.
Одноименность и двусмысленность]

Итак, из [софистических] опровержений от одноименности и двусмысленности у одних какая-то из посылок имеет больше одного значения, а у других заключение многозначно; например в [софизме] sigōnta legein [1] заключение имеет двоякий смысл, в [софизме] «тот, кто знает, не со-знает» одна из посылок содержит двусмысленность [2]. А имеющее двоякий смысл иногда истинно, иногда неистинно — оно означает то сущее, то не-сущее.

Когда многозначность содержится в заключении, опровержения не получается, если не присовокупить еще противоречие, например в [софизме] «вйдение

слепого», ибо без противоречия здесь не было опровержения. Когда многозначность содержится в посылках, [отвечающему] нет необходимости заранее отрицать двоякий смысл. Ведь довод не имеет своей целью этот двоякий смысл, а основывается на нем. Поэтому следует с самого начала отвечать на двусмысленность имени или речи утверждением, что «в одном смысле это так, в другом нет», как, например, sigōnta legein — что в одном смысле это возможно, в другом нет или ta deonta (должное) — что одно из должного следует исполнять, а другое нет, ибо «должное» многозначно. Если же двусмысленность осталась [вначале] незамеченной, следует это исправить, делая в конце добавление к вопросу; [например, на вопрос], может ли sigōnta legein (молчащий говорить), [следует ответить]: нет, но [можно говорить] tonde sigōnta (об этом молчащем). И точно так же следует поступать, когда двусмысленность содержится в посылках. [Например]: итак, то, чтó знают, не со-знают? Да, но не те, кто знает таким-то образом. Ведь не одно и то же не сознавать и не знать таким-то образом. И вообще, даже если [вопрошающий] прямо строит умозаключение, следует противиться ему, утверждая, что сказанное им отрицало не суть дела, а имя, так что опровержения нет.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на неправильном соединении или разъединении слов]

Очевидно также, каким именно образом следует раскрывать [софистические] опровержения от разъединения и соединения [слов]. Если речь в разъединенном и соединенном виде имеет разный смысл, то следует говорить противоположное заключению [софиста]. А все доводы от соединения или разъединения таковы: тем ли человек был избит[1], чем избитым его видишь? Или: тем ли ты его видел, чем он был избит? Подобные [доводы] имеют что-то от вопросов, содержащих двусмысленность, но они основаны на [непра-
177b вильном] соединении. Ибо основанное на разъединении не содержит двоякого смысла, так как при разъединении получается не одна и та же речь, если

только, [например], ὅρος и ὄρος своим произношением не означают разное [2]. Но в письменном виде они одно и то же имя, поскольку они состоят из одних и тех же букв и написаны одинаковым образом, хотя уже проставлены отличительные знаки. В устной же речи они не одно и то же. Так что основанное на разъединении не содержит двоякого смысла. Очевидно, однако, и то, что не все [софистические] опровержения основываются на двояком смысле, вопреки утверждению некоторых.

Итак, отвечающему следует разъединять [слова, содержащиеся в вопросе]. Ведь не одно и то же сказать, [например], «видеть глазами избиваемого» и «видеть избиваемого глазами». Таково и рассуждение Эвтидема: «Видишь ли ныне находящиеся в Пирее триеры, будучи в Сицилии?» [3] Или еще: «Может ли хороший, будучи кожевником, быть плохим? [Нет]. Но кто-то, будучи хорошим кожевником, может быть плохим [4]. Стало быть, хороший кожевник — плохой [кожевник]». Или: «Хорошо ли изучение того, что́ знать хорошо? [Да]. Но знание плохого хорошо; стало быть, плохое есть хороший предмет изучения». Однако плохое есть и плохое, и предмет изучения, так что плохое есть плохой предмет изучения, ⟨но знание плохого хорошо⟩. Или: «Истинно ли теперь то, что ты родился? [Да]. Значит, ты родился теперь». А не означает ли это другое, когда разъединяют [эти слова]? Ведь правильно теперь *говорить*, что ты родился, а не то, что ты *теперь* родился. Или: «Можешь ли ты делать *так* и *то, как* ты можешь и *что* ты можешь? [Да]. Но, не играя на кифаре, ты имеешь возможность играть на кифаре. Значит, ты мог бы играть на кифаре, не играя на кифаре». А не обстоит ли дело так, что ты не имеешь возможности играть на кифаре, когда не играешь на кифаре, а когда ты этого не делаешь, ты можешь это делать?

Некоторые раскрывают этот [софизм] и иначе. А именно, если [отвечающий] признал, что человек делает так, как он может делать, то, утверждают они, отсюда не следует, что играют на кифаре, не играя на ней, ибо этим не признали, что сделают всяким способом, каким можно делать. Ведь не одно и то же делать так, как можно, и делать всяким способом, каким можно. Однако очевидно, что они это раскрывают

ненадлежащим образом. В самом деле, раскрытие доводов, основанных на одном и том же, также одно и то же, а это раскрытие подходит не для всех такого рода доводов и не для любого способа задавать вопросы, а направлено лишь против вопрошающего, а не против его довода.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[*Раскрытие софистических опровержений, основанных на неправильном произношении*]

[Софистических] доводов, основанных на произношении или ударении, нет ни в письменном виде, ни в устной речи, разве что в немногих случаях; например такой довод: «Есть ли то, где ты останавливаешься (hoy katalyeis), дом? Да. А разве «не останавливаешься» (oy katalyeis) не есть отрицание [глагола] «останавливаешься»? Да, есть. Но ты сказал, что то, где ты останавливаешься (hoy katalyeis), есть дом. Значит, дом есть отрицание». Как надо раскрыть такие [уловки],— это, конечно, ясно. Ведь не одно и то же означает сказанное с тонким придыханием и сказанное с густым придыханием.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[*Раскрытие уловок, основанных на неправильном отождествлении нетождественного*]

Ясно также, как надо выступать против [доводов], основанных на том, что о нетождественном говорится одинаково, ведь мы знаем [все] роды категорий. А именно, [предположим, что] спрошенный согласился, что нечто обозначающее суть вещи ей не присуще. Другой же показал, что присуще нечто соотнесенное или количественное, но что́ по способу выражения кажется обозначающим суть; например в следующем доводе: «Может ли одно и то же в одно и то же время делать и быть сделавшим? Нет. Но ведь может в одно и то же время видеть и быть увидевшим одно и то же в отношении одного и того же». Или: «Есть ли некоторое претерпевание некоторое действие? Нет, но [по-гречески] «режется» (temnetai), «горит» (kaietai) и «воспринимает» (aisthanetai) выражены

одинаково, и все они обозначают некоторое претерпевание. С другой стороны, «говорить», «бегать», «видеть» выражены одинаково друг с другом. Но ведь видеть (to horan) — значит воспринимать (aisthanesthai) что-то, так что «видеть» есть в одно и то же время и некоторое претерпевание, и некоторое действие». Если же в том примере кто-то согласился, что не может одно и то же в одно и то же время делать и быть сделавшим, и при этом утверждает, что можно [в одно и то же время] видеть и быть увиденным, то он еще не опровергнут, если говорит, что видеть — это не какое-то действие, а претерпевание. Ибо [для опровержения] требуется еще вопрос относительно этого. Между тем слушатель считает, что [спрошенный] признал это, поскольку он признал, что «разрезать» означает некоторое действие, а «быть разрезавшим» означает «быть сделавшим», и так же все другое, о чем говорится одинаково с этим, ибо остальное сам слушатель присовокупляет как то, что говорится одинаково с этим. Однако кое-что говорится, конечно, не одинаково, а только кажется так из-за способа выражения. Здесь происходит то же, что в случаях одноименности. В самом деле, при одноименности [отвечающий], который не знает [всех значений] слов, полагает, что [вопрошающий] отрицает суть дела, которую он утверждал, а не имя. Поэтому [для опровержения] требуется еще вопрос: говорят ли одноименное, имея в виду лишь одно [значение]? Если это признают, то опровержение будет иметь место.

С этими доводами сходны следующие. Потеряли ли то, что, [однажды] имея, затем уже не имеют? Ведь кто потерял лишь одну игральную кость, уже не будет иметь десять игральных костей. А не обстоит ли дело так, что потеряли *то, что* не имеют, но имели раньше? Но не обязательно, чтобы было потеряно *столько же*, сколько или сколь много [имели, но теперь] не имеют. Поэтому, после того как спросили, *что* имели, заключение делается о *количестве*, ибо десять есть количество. Если бы, таким образом, с самого начала спросили, столько ли потеряли, сколько имели раньше, а теперь не имеют, то никто бы не согласился, а ответили бы, что потеряли они столько же, или часть этого. Или [утверждают], что можно дать то, чего не имеют, ведь не имеют одну только игральную кость [1]. А не обстоит

ли дело так, что [тот, кто дал одну только кость], дал не то, чего он не имел, а *как* он не имел, а именно одну [игральную кость]? Ведь это «только» означает не «вот это», не «такое», не «столько», а лишь отноше-
178b ние к чему-то другому, например «не вместе с другим». Это точно так же, как если бы спросили, можно ли дать то, чего не имеют, и после того, как получили бы отрицательный ответ, спросили бы, можно ли скоро что-то дать, не имея скоро, и после того, как получили бы утвердительный ответ, заключили бы, что можно дать то, чего не имеют. Впрочем, очевидно, что здесь сделали не[правильное] умозаключение. В самом деле, «скоро» означает дать не это, а вот так-то, и можно нечто дать таким образом, каким его не имеют, например можно, имея что-то с удовольствием, дать его без удовольствия.

Сходны [с этими уловками] и все такого рода [уловки]: можно ли ударить рукой, которой не имеют, или видеть глазом, которого не имеют? Ведь имеют не одну только [руку и не один только глаз]. Так вот, некоторые раскрывают [такие уловки], говоря, что тот, кто имеет больше чем один глаз или что бы то ни было другое одно, имеет и один только глаз. Другие [раскрывают эти уловки], говоря, что то, что́ имеют, имеют так, как его получили, а именно: один дал одну только костяшку, а другой, говорят они, имеет от него одну только костяшку. Другие сразу отклоняют этот вопрос, говоря, что можно иметь то, что не получили, например получать сладкое вино, а иметь кислое вино, поскольку оно при получении испортилось. Но во всех этих случаях, как мы сказали и раньше [2], раскрытие направлено не против довода, а против человека. Ведь если бы оно было [настоящим] раскрытием, то тот, кто соглашается с противолежащим, не мог бы раскрыть [софистический вывод], точно так же как и при других [уловках]; например, если раскрытие состоит в том, что спрошенное признается отчасти истинным, отчасти нет, то [вопрошающий] делает [правильное] заключение, если соглашаются [с вопросом] без оговорок. Если же заключение не сделано, то не будет и раскрытия. В несколько ранее указанных [уловках], говорим мы, не будет умозаключения и в том случае, если [отвечающий] соглашается со всем.

Далее, к таким доводам относятся и следующие: «Писал ли кто-то то, что написано? [Да]. Но то, что написано, что ты сидишь,— это теперь ложная речь. Однако она была истинна, когда это писали. Значит, в одно и то же время писали ложное и истинное». Ложность же или истинность речи или мнения указывает не «вот это», а «такое-то», ведь то же соображение относится и к мнению. Равным образом [такая уловка]: «Есть ли то, что́ учащийся учит, то, что́ он учит? [Да]. Но ведь медленное он учит быстро». Однако [вопрошающий] сказал не о том, что́ учащийся учит, а о том, *как* он учит. Или: «Топчут ли ногами то, что́ проходят? [Да]. Но кто-то проходит целый день; [значит, он топчет ногами день]». Однако [вопрошающий] сказал не о том, что́ проходят, а о том, *когда* проходят. Равным образом когда говорят: «Я пью чашу», то имеют в виду не то, что́ пьют, а то, из чего пьют. Или: «Разве не знают то, что́ знают или потому, что этому учились, или потому, что сами дошли до этого? Однако то из знаний, которое приобрели отчасти учением, отчасти самостоятельно, не есть ни один из этих двух [видов знания]». Или быть может, имеют в виду каждое в отдельности, а не все вместе. Или: «Есть некий третий человек помимо само-по-себе-человека и отдельных людей»[3]. На самом же деле «человек» и все то, что обще [многим], означает не определенное нечто, а некоторое качество, или количество, или соотнесенное и тому подобное. Это точно так же, как в том случае, когда спрашивают, одно ли и то же или разное Кориск и образованный Кориск. Ведь одно означает определенное нечто, а другое — определенное качество. Так что нельзя отвлечь последнее [от первого]. Однако не отвлечение создает «третьего человека», а признание того, что он есть именно определенное нечто[4]. Дело в том, что человек, как таковой, не есть определенное нечто, как Каллий, и будет ничуть не лучше, если скажут, что отвлеченное есть не определенное нечто, как таковое, а качество, как таковое. Ведь «то, что помимо многих» будет чем-то одним, например «человек». Таким образом, очевидно, что нельзя соглашаться с тем, что сказываемое как общее [многим] есть определенное нечто, а следует утверждать, что оно означает или качество, или соотнесенное, или количество и тому подобное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Общие замечания о раскрытии софистических опровержений, основанных на неправильном употреблении оборотов речи*]

Вообще же раскрытие [софистических] доводов от оборотов речи всегда должно опираться на противолежащее тому, на чем основывается довод. Например, если довод основывается на соединении, то раскрытие состоит в разъединении, а если он основывается на разъединении, то раскрытие состоит в соединении. Далее, если довод основывается на произношении [слога] с тонким придыханием, то раскрытие — на густом придыхании; если довод — на густом придыхании, то раскрытие — на тонком придыхании. Если же довод основывается на одноименности, то раскрывать надо, указывая противолежащее имя; например, если случается так, что утверждают, что нечто неодушевленно, после того как это отрицали, то следует показать, что оно одушевленное. Если же [отвечающий] сказал «неодушевленное», а [вопрошающий] умозаключил, что оно одушевленное, то следует сказать, что оно неодушевленное. И точно так же в случаях двусмысленности. Если же [довод] основывается на сходстве [выражений], то раскрытием будет противолежащее. [Например, на вопрос], можно ли дать то, чего не имеют, следует ответить, что дать можно не *то*, чего не имеют, а *как* его не имеют, например одну только игральную кость. Или [на вопрос], разве не знают то, что́ знают или потому, что этому учились, или потому, что сами дошли до этого, [следует ответить: да], но не все, что знают, [приобретено или только учением, или только самостоятельно]. Или [на вопрос], топчут ли ногами то, что проходят, [следует ответить: да], но это не относится ко времени [прохождения]. И точно так же в других случаях.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[*Раскрытие паралогизмов, основанных на неправильном употреблении привходящего*]

Раскрытие всех [паралогизмов] от привходящего — одно и то же. А именно, так как неопределенно, когда надо говорить о вещи то, что присуще привходящему, и в одних случаях это кажется правильным и утверж-

дается, а в других случаях необходимость этого отрицают, то, когда заключение сделано, следует для всех случаев одинаково сказать, что это не необходимо. С другой стороны, следует [каждый раз] приводить примеры. Все следующие [паралогизмы] — от привходящего: «Знаешь ли ты, что́ я намерен тебя спросить?», «Узнаешь ли ты того, кто приближается или кто закутан?», «Есть ли изваяние твое произведение?», «Есть ли этот пес твой отец?» [1], «Есть ли немногое, умноженное немного раз, немногое?». В самом деле, во всех этих [примерах] очевидно, что то, что правильно для привходящего, не обязательно правильно и для самой вещи. Только тому, надо полагать, что́ неразличимо и едино по сущности, все [сказуемые] присущи одинаково. Для блага же не одно и то же быть благом и намереваться спросить о нем. И для приближающегося или закутанного не одно и то же быть приближающимся или быть Кориском. Так что если я знаю Кориска, но не узнаю приближающегося, то это не значит, что я одного и того же и знаю и не знаю. И если нечто — мое и оно произведение, то это не значит, что оно мое произведение, а значит лишь, что оно мое имущество, моя вещь или еще что-то в этом роде. И точно так же в других случаях.

Некоторые же раскрывают [эти уловки], разделяя вопрос. Они утверждают, что одну и ту же вещь можно знать и не знать, но не в одном и том же отношении. Поэтому, не узнавая приближающегося и зная Кориска, знают и не знают, говорят они, одно и то же, но не в одном и том же отношении. Но, во-первых, как мы уже сказали [2], для доводов, исходящих из одного и того же, способ исправления должен быть одним и тем же. А этого не будет, если одно и то же положение берется не относительно [глагола] «узнать», а относительно [глаголов] «быть» или «находиться в каком-то состоянии», как [в примере]: «Есть ли этот [пес] отец? [Да]. Но он твой. [Значит, он твой отец]». Если же в некоторых случаях это правильно и одно и то же можно знать и не знать, то все равно названное [раскрытие] нисколько здесь не подходит. Ничто ведь не мешает, чтобы один и тот же довод имел много пороков, однако выявление не всякой порочности есть раскрытие. Ведь можно показать, что умозаключение неправильно, но в силу чего — не показать, напри-

мер довод Зенона о том, что ничто не может быть приведено в движение. Поэтому если пытаются заключать, что это возможно, то не попадают в цель, хотя бы и строили тысячу умозаключений. Ибо это не раскрытие. Дело в том, что, как было сказано, раскрытие есть выявление ложного умозаключения, показывающее, в силу чего оно ложно. Поэтому если [собеседник] не сделал умозаключения или же пытался [ложным путем] заключать к чему-то — истинному ли или ложному, то обнаружение этого [недостатка] и есть раскрытие. Конечно, вполне возможно, чтобы в некоторых случаях и такое раскрытие, [о каком говорят некоторые], оказалось удачным, но по крайней мере в указанных [уловках] это, надо полагать, не так. Ведь о Кориске знают, что он Кориск, и о приближающемся — что он приближается. Но может казаться правильным, что об одном и том же знают и не знают; например, можно знать, что Кориск бледный, но не знать, что он образованный. Так, конечно, можно об одном и том же знать и не знать, однако не в одном и том же отношении. А о приближающемся и Кориске знают, что [первый] есть приближающийся и что [второй] — Кориск.

Таким же образом, как те, о которых мы говорили, не попадают в цель и те, кто раскрывает, утверждая, что всякое число мало. Ибо если, несмотря на то что умозаключения не делают, утверждают, что правильно умозаключили (так как всякое [число] велико и мало), то в цель не попадают.

Некоторые же раскрывают такие умозаключения, как, например, что отец, или сын, или раб — твой, указывая на двоякий смысл этих умозаключений. Однако очевидно, что если опровержение кажется основанным
081a на многозначности [слов], то имя или речь должны употребляться в прямом смысле в отношении многого. Кто, однако, говорит, что этот [мальчик] есть ребенок этого [человека], употребляет эти слова не в прямом смысле, если [последний] есть хозяин ребенка, а соединение [слов] основывается на [неправильном использовании] привходящего. «Твое ли это? Да. Но это ребенок. [Да]. Значит, этот ребенок твой». Однако он не твой ребенок: то, что он твой и ребенок — это нечто привходящее.

И [точно так же в уловке, при помощи которой заключают, что] есть некоторое благо [среди] зла (tōn kakōn), так как рассудительность есть знание зла (tōn kakōn). Но [выражение] «это этого» (toyto toytōn) не многозначно, а означает [лишь] принадлежность [одного другому]. Однако даже если это выражение было бы многозначным (ведь говорят же «человек есть [в числе] живых существ (tōn dzōōn)», хотя он не есть их принадлежность) и даже если нечто так относили бы к злу, как «нечто чего-то» (hōs tinos), потому что оно есть [среди] зла (tōn kakōn), а [в действительности] оно не есть [среди] зла, то [все равно] это [софистическое опровержение] основывается, видимо, на [смешении] [присущего] каким-то образом и [присущего] вообще. Впрочем, благо может, пожалуй, быть благом [среди] зла в двояком смысле, но не в указанном доводе, а скорее в таком, как: «Есть ли хороший раб плохого [господина]?» А может быть, и в этом [примере] нет двоякого смысла. Ведь если он хороший и есть его [раб], то это не значит, что он вместе «его хороший». Равным образом и утверждение, что человек есть tōn dzōōn, не многозначно. Ведь если мы порою обозначаем что-то, отсекая [какую-то часть], то от этого многозначность не возникает. Ведь и произнося половину стиха (например, «воспевай, о богиня, гнев» [3]), мы указываем — «дай мне Илиаду».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

[*Раскрытие софистических опровержений, основанных на смешении безотносительного и относительного*]

[Софистические доводы], основанные на том, что о чем-то [присущем] в собственном смысле утверждают как [о присущем] в каком-то отношении, или где-то, или каким-то образом, или в отношении чего-то, но не вообще, дóлжно раскрывать, исследуя заключение в сопоставлении с противоречащим ему и выясняя, может ли его касаться что-то из перечисленного, ибо противоположности и противолежащие друг другу [вещи], утверждение и отрицание не могут быть присущи одному и тому же вообще, однако ничто не мешает, чтобы каждое из них было присуще ему в каком-то отношении, или в отношении чего-то, или некоторым образом или же одно из них — в каком-то отношении,

а другое — вообще. Поэтому если одно [присуще] вообще, а другое — лишь в каком-то отношении, то нет еще опровержения. И это дóлжно исследовать в заключении, сопоставляя его с тем, что ему противоречит.

Все такого рода доводы таковы: «Может ли не-сущее быть? [Нет]. Но ведь не-сущее *есть* что-то». Точно так же и сущего не будет, ведь оно не будет чем-то из существующего. [Или]: «Можно ли в одно и то же время клясться верно и ложно?», «Может ли один и тот же в одно и то же время верить и не верить одному и тому же?» Но разве быть чем-то и быть [вообще] одно и то же? Ведь если не-сущее что-то есть, то это не значит, что оно есть вообще. И если кто-то верно клянется вот этим или вот таким-то образом, то не обязательно, чтобы он вообще клялся верно. Ведь кто, например, клялся, что он даст ложную клятву, верно клялся только в отношении ложной клятвы, но не клялся верно [вообще]. И тот, кто не верит, не верит не вообще, а во что-то. Таково же соображение относительно [высказывания], что один и тот же в одно и то же время говорит неправду и правду. Но из-за того, что нелегко заметить, прилагается ли «вообще» к [выражению] «говорить правду» или к [выражению] «говорить неправду», [раскрыть софизм] кажется трудным. Однако ничто не мешает, чтобы один и тот же вообще-то говорил неправду, а в каком-то отношении и о чем-то говорил правду или чтобы в чем-то он был правдив, а вообще-то неправдив[1]. Точно так же обстоит дело и с [присущим] в отношении чего-то, где-то и когда-то. А именно, все такого рода доводы основываются на этом: [например], «есть ли здоровье или богатство благо? Но для безрассудного и неправильно пользующегося ими они не благо. Значит, они и благо и не благо». Или: «Лучше ли быть здоровым, чем быть могущественным в полисе? [Да]. Но иногда это не лучше. Значит, для одного и того же одно и то же и благо и не благо». Но что же мешает, чтобы нечто, будучи вообще благом, для того-то и того-то не было благом или хотя и для него благом, но не теперь и не здесь. Или: «То, чего не желает рассудительный,— зло ли это? [Да]. Но он не желает терять благо; значит, благо есть зло». Однако сказать, что благо есть зло и что терять благо есть зло,— это

не одно и то же. Точно так же [следует раскрывать] довод относительно вора. А именно, если вор есть зло, то это не значит, что брать [его] — зло. Ведь [тот, кто желает взять вора], желает не зла, а блага. Ибо брать [вора] есть благо. Так же и болезнь — зло, но не избавляться от болезни. Или: «Разве не более предпочитаемо справедливое, чем несправедливое, и [поступать] справедливо, чем [поступать] несправедливо? [Да]. Однако быть несправедливо осужденным на смерть предпочтительнее, [чем быть осужденным на смерть] справедливо». [Или]: «Справедливо ли каждому иметь что-то свое? [Да]. Но ведь то, что [судья] судит согласно своему мнению, хотя бы оно и было ложным, имеет законную силу. Значит, одно и то же справедливо и несправедливо». Или: «Кого следует осуждать: того, кто говорит справедливое, или того, кто говорит несправедливое? Но ведь справедливо, чтобы тот, с кем поступили несправедливо, имел возможность говорить о том, что он претерпел; а это как раз и было несправедливое». Дело, однако, в том, что если предпочтительно претерпевать что-то несправедливо, то это не значит, что [поступать] несправедливо более предпочитаемо, чем [поступать] справедливо, а вообще [поступать] справедливо более предпочитаемо, хотя ничто не мешает, чтобы в определенном случае [поступать] несправедливо было более предпочитаемо, чем [поступать] справедливо. И иметь свое справедливо, а иметь чужое несправедливо. Однако никто не мешает, чтобы этот приговор был справедливым, например если он был вынесен согласно мнению судьи. Ведь если нечто справедливо в определенном случае и вот таким образом, то это не значит, что оно вообще справедливо. Точно так же ничто не мешает говорить о несправедливом справедливо. Ведь если *говорить* [о том-то и том-то] справедливо, то не обязательно, чтобы *оно* было справедливо, точно так же как если о чем-то *говорить* полезно, то это не значит, что *оно* полезно. И то же можно сказать и о справедливом. Так что если сказанное несправедливо, то это не значит, что тем самым одерживает верх тот, кто говорит несправедливое. Ибо он говорит то, что́ *говорить* справедливо, но что́ вообще несправедливо и что́ претерпевать несправедливо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

[*Раскрытие паралогизмов, основанных на незнании опровержений*]

181a Против тех [опровержений], которые получаются вразрез с определением опровержения, дóлжно выступать, как намечено раньше [1], исследуя заключение в сопоставлении с противоречащим ему, касается ли оно того же самого, [что и тезис], и в том же отношении, в отношении того же, таким же образом и применительно к тому же времени. Если задают вопрос еще вначале, то не следует признавать как невозможное то, что одно и то же есть двойное и не двойное, а следует согласиться [с такой возможностью], но не таким образом, чтобы на основе того, что признано, можно было делать опровержение. Все следующие доводы основываются на такого рода [приеме]: «Знает ли вещь тот, кто знает, что то-то есть то-то? И кто не знает — точно так же? Но ведь тот, кто знает, что Кориск есть Кориск, может не знать, что он образованный, так что он одно и то же знает и не знает». Или: «Больше ли имеющего в длину три локтя то, что имеет в длину четыре локтя? [Да]. Но ведь может имеющее в длину три локтя стать имеющим в длину четыре локтя? [Да]. Но большее больше меньшего? [Да]. Значит, нечто больше и меньше самого себя».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

[*Отношение к постулированию положенного вначале*]

Что касается опровержений от постулирования и принятия [положенного] вначале, то, если [ошибка эта сразу] ясна, не следует соглашаться [с положением] расспрашивающего, хотя бы оно было правдоподобным, а следует говорить истину. Если [ошибка] остается [вначале] незамеченной, то, используя порочность таких доводов, следует это незнание обратить против спрашивающего, [упрекая его в том], что он неправильно рассуждал, так как опровержение дóлжно делать без [положенного] вначале. Далее [следует сказать], что согласились [с положением собеседника] не для того, чтобы оно было использовано [последним], а для того, чтобы умозаключать к противоположному ему, иначе, чем это делается в ложных опровержениях.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

[*Раскрытие софистических опровержений, основанных на неправильном выведении следствий*]

А что касается [доводов], исходящих из следствия, то надо показать, что [ошибка кроется] в самом доводе. Следование того, чтó следует, может быть двояким. А именно, во-первых, как общее следует из частного, например «живое существо» — из «человека» [1]. В этом случае полагают, что если одно сопутствует другому, то и другое — первому. Или [во-вторых], по противопоставлению, а именно если одно следует из другого, то и противолежащее [первому] — из противолежащего [второму] [2]. На этом основывается и довод Мелисса, а именно: раз возникшее имеет начало, то, надо полагать, невозникшее не имеет начала. Поэтому если Вселенная есть невозникшее, то она беспредельна [по длительности]. Но это не так, ибо следование здесь обратное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

[*Раскрытие софистических опровержений, основанных на присовокуплении к доказательству того, чтó не имеет отношения к предмету обсуждения*]

Что касается [опровержений], умозаключающих от присовокупления, следует смотреть, не обстоит ли дело так, что и по устранении [присовокупленного] невозможное тем не менее вытекает, а затем следует выявить это и сказать, что согласились [с присовокупленным] не потому, что оно кажется правильным, а для того, чтобы [собеседник использовал его] в своем доводе, но для довода оно нисколько не было использовано.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

[*Раскрытие софистических опровержений, основанных на принятии многих вопросов за один*]

Против [паралогизмов] от сведéния многих вопросов к одному следует сразу же, с самого начала [эти вопросы] разграничить. Ведь вопрос один, если на него можно дать [лишь] один ответ. Поэтому не следует утверждать или отрицать многое относительно одного или одно относительно многого, а надо утверждать или отрицать [лишь] одно относительно одного. Так

вот, подобно тому как у двух различных [вещей], 181b имеющих одно имя, бывает, что нечто то обеим присуще, то ни одной не присуще, а потому, хотя вопрос и неодносложный, нет никакой беды, если дают на него односложный ответ, точно так же обстоит дело и здесь. Таким образом, когда многое присуще одному или одно — многому, никакого внутреннего противоречия не следует для тех, кто дал простой [ответ] и допустил ту же ошибку. Когда же нечто одному присуще, другому нет или о многом говорится многое, а то и другое в одном смысле тому и другому присуще, в другом же смысле не присуще, тогда надо быть осмотрительным, как в следующих доводах. Если одно — благо, другое — зло, [то на вопрос, оба ли благо или зло, следует ответить], что правильно сказать, что они благо и зло или, наоборот, они не есть ни благо, ни зло (ибо каждое из них не есть то и другое), так что они одинаково суть и благо и зло и не суть ни благо, ни зло. И если каждая [вещь] тождественна самой себе и отлична от другой, то, так как [обе вещи] тождественны не другим, а самим себе и отличны от самих себя, одни и те же [вещи] отличны от себя и тождественны себе. Далее, если благо становится злом, а зло есть благо, то они должны стать двумя [вещами]. И из двух неравных [величин] каждая равна самой себе, так что они и равны и не равны сами себе.

Эти [опровержения] поддаются и другого рода раскрытию, так как и «оба» и «все» имеют больше одного значения. Стало быть, [в этих доводах] получается, что утверждают и отрицают только имя, а не одну и ту же [вещь], а это, как мы видели, не есть опровержение. Впрочем, очевидно, что когда не ставится один вопрос о многом, а относительно одного утверждается или отрицается одно, то невозможное не получится.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на принуждении противника к повторению одного и того же]

Что касается [паралогизмов], заставляющих говорить неоднократно одно и то же, то очевидно, что не следует соглашаться, что указанное как соотнесенное,

взятое отдельно само по себе, что-то означает, например двойное — вместо двойного половины, потому что представляется ясным, [что одно подразумевается в другом]. Ведь и «десять» имеется в «десять без одного», и «делать» — в «не делать», и вообще утверждение — в отрицании. Но это все же не значит, что если говорят «это не бело», то тем самым говорят «оно бело». Но «двойное» [само по себе], пожалуй, ничего не означает, так же как и «половина». А если [каждое из них что-то] означает, то все же не то же самое, [что в сочетании], и не связное целое. И определенного вида знание, как, например, врачебное знание, в существе своем не есть знание как общее. Ведь последнее, как было сказано, есть знание познаваемого. Когда же имеют дело со сказуемыми, которые разъясняются через [подлежащие], следует сказать, что отдельно и в речи разъясняемое означает не одно и то же. В самом деле, вогнутость как нечто общее указывает в курносом и кривоногом на одно и то же, но как присовокупленное оно вполне может означать разное — одно для носа, другое для ноги: в первом случае оно 182a
означает курносое, во втором — кривоногое. И нет никакой разницы, говорят ли «курносый нос» или «вогнутый нос». Далее, не следует соглашаться с подобными выражениями как обозначающими нечто прямо. Ибо в таком случае они ложны, ведь курносость не есть вогнутый нос, а нечто относящееся к носу как свойство его. Поэтому нет ничего нелепого [в утверждении], что курносый нос есть нос, обладающий вогнутостью носа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

[Раскрытие софистических опровержений, основанных на использовании погрешностей в речи]

Что касается погрешностей в речи, то мы уже говорили раньше [1], от чего они по видимости происходят. А как их надо раскрывать,— это должно быть очевидно из самих [софистических] доводов. Все следующие [доводы] имеют намерение обосновать [через слово] «это». «То, что называешь верно, это также и *есть* верно? [Да]. Но ты называешь что-то каменной глыбой; значит, оно есть камен*ной* глы*бой*». Но когда называешь каменную глыбу, ты называешь не э*той*, а

эт*у*. Если бы, таким образом, спросили: ту, которую ты называешь верно, есть ли она *эту*, то говорили бы неправильно, так же как и в том случае, если бы спросили: тот, которого ты называешь, есть ли он она? Если же называют дерево или вообще все, что не есть женского или мужского рода, то это не имеет значения, потому что не получится погрешности в речи, если то, о чем ты говоришь, что оно есть, есть это. Ты говоришь про *это* дерево, и оно есть *это* дерево. Но «камень» и «этот» имеют форму мужского рода. А если бы спросили: есть ли «этот» «эта»? [Нет]. И потом снова: как же, разве «этот» не Кориск? А затем сказали бы: значит, «этот» есть «эта»,— то в этом случае погрешность в речи не была бы выведена через умозаключение, даже если Кориск означал бы то же, что «эта», но отвечающий не согласился бы; об этом следовало бы еще задать вопрос. И если это не так и [отвечающий] не согласился с этим, то погрешность в речи не была выведена через умозаключение — ни на самом деле, ни против спрошенного. Точно так же в указанном выше [примере] «каменная глыба» должна означать «эта». Если же это не так и не согласились с этим, то заключение не следует выводить, хотя оно кажется [верным] оттого, что несходное окончание слова кажется сходным. [Или еще пример]: «Правильно ли говорят, что она есть то, за что ты ее выдаешь? [Да]. Но ты выдаешь ее за битву; значит, она есть битв*у*». Или быть может, не обязательно [делать такой вывод], если «она» значит не «битву», а «битва», «эту» же означает «битву». И точно так же если то, что ты выдаешь за этого, есть этот, а ты выдаешь его за Клеона, то разве это значит, что он есть Клеон*а*? Нет, он не есть Клеона. Ибо было сказано: за что я его выдаю, *этот* он и есть, а не *этого*. Ведь так ставить вопрос [— есть ли он этого?] — было бы неправильно. [Или:] «Знаешь ли это? [Да]. А это есть каменная глыба; значит, ты знаешь каменн*ая* глыб*а*». Однако «это» [в высказывании] «знаешь ли это» не то же самое «это», чтó [в высказывании] «это есть каменная глыба». В первом оно означает «эту», а во втором — «эта». [Или:] «Знаешь ли ты то, знание чего ты имеешь? [Да]. Но ты имеешь знание каменной глыбы; значит, ты знаешь каменн*ой* глыб*ы*». Однако же когда ты говоришь «этой», разумеешь «каменной глыбы», а

когда «эту» — «каменную глыбу», а согласились [лишь] с тем, что знание чего ты имеешь, ты знаешь, но не «этой», а «эту», а потому не «каменной глыбы», а «каменную глыбу».

Итак, что такого рода доводы выводят погрешность в речи через умозаключение не на деле, а только по видимости, и почему по видимости, и как надо выступать против них,— это из сказанного очевидно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[*Степень трудности раскрытия софистических опровержений разных видов*]

Следует также принимать во внимание, что из всех [софистических] доводов одни легче, другие труднее усмотреть, на каком основании и чем они вводят в заблуждение слушателя, хотя часто последние тождественны первым. Ведь одними и теми же следует называть доводы, которые строятся на одном и том же основании. Но один и тот же довод может одним казаться основанным на словесном выражении, другим — на привходящем, третьим — на чем-то еще, так как каждый довод не одинаково ясен из-за того, что [термины в нем] имеют и переносный смысл. Поэтому [в паралогизмах] от одноименности, которая кажется самым бесхитростным способом строить паралогизмы, одни ясны даже первому встречному (ведь почти все забавные высказывания основываются на словесных выражениях, например: «мужчина нес по лестнице diphron (колесницу — стул)»; [или:] «Куда stellesthe (отправляетесь — приглашаете)? К парусам»; [или:] «Какая из двух коров телится emprosthen (прежде — спереди)? Никакая, а обе сзади»; [или:] «Есть ли Борей (бог северных ветров — северный ветер) katharos (чистый — невинный)? Нисколько, ибо он умерщвил [стужей] пьяного нищего»; [или:] «Эварх (имя и покорный) ли это? Нисколько, это Аполлонид»[1], и подобным образом почти все остальные [уловки]); а другие остаются, по-видимому, не замеченными даже самым опытным. Доказательством этого служит то, что часто спорят о словах, например во всех ли случаях сущее и единое означают одно и то же или разное. Одни считают правильным, что сущее и единое означают одно и то же, другие раскрывают довод Зенона

и Парменида[2], утверждая, что о едином и сущем говорится во многих значениях. И точно так же в паралогизмах от привходящего и всех других [неправильностей, независимых от оборотов речи, одни доводы] уразуметь легче, а другие — труднее. И не одинаково легко относительно всех постичь, к какому роду они принадлежат и есть ли они [действительные] опровержения или нет.

Изощренный довод — это тот, который приводит в наибольшее затруднение, ибо он больше всех других делает [спрошенного] уязвимым. А затруднение здесь двоякое: когда доводы приводятся через умозаключение, не знают, какую из посылок следует опровергнуть, а когда приводятся эристические доводы, не знают, как [собеседник] выразит выдвигаемое положение. Поэтому, чем более изощрены доводы, приводимые через умозаключение, тем больше приходится искать. А довод, приводимый через умозаключение, более всего изощрен, если он, исходя из весьма правдоподобных [посылок], опровергает весьма правдоподобное [положение]. В самом деле, когда довод один, тогда при превращении по противоречию он будет иметь все умозаключения одинаковыми, ибо исходя из правдоподобных [посылок] он всегда оспаривает одинаково правдоподобное [заключение]; поэтому необходимо возникает затруднение. Таким образом, наиболее изощрен такой довод, который делает заключение, равное [по правдоподобию] посылкам. На втором месте [по изощренности] — тот довод, все [посылки] которого одинаково [правдоподобны], ибо он приводит в одинаковое затруднение — какую же из посылок следует оспорить. А трудность состоит в том, что какую-то [посылку] оспорить надо, но которую из них — это не ясно. Из эристических доводов наиболее изощрен прежде всего тот, относительно которого сразу неясно, приведен ли он через умозаключение или нет и следует ли его раскрывать на основании [изобличения] ложного или на основании различения. На втором месте [по изощренности] находится тот из остальных [эристических доводов], относительно которого хотя и ясно, что [раскрыть его следует] на основании различения или оспаривания, но не видно, через оспаривание или различение какой из посылок следует раскрывать и следует ли это оспаривание или

различение соотносить с заключением или с какой-нибудь из посылок.

Порою же довод, приводимый без [подобающего] умозаключения, бесхитростен, если посылки совершенно неправдоподобны или ложны. Иногда же не стоит пренебрегать таким доводом, ибо, когда недостает одной из таких посылок, относительно которых и посредством которых приводится довод, тогда бесхитростно и умозаключение, которое не добавило этой посылки и не вывело [подобающего] заключения; когда же опущено нечто постороннее, тогда никак не следует пренебрегать доводом: он подходящий, но вопрошающий ставил вопросы не надлежащим образом.

Так же как раскрытие [софистического опровержения] обращено то против довода, то против вопрошающего и против способа, каким задают вопросы, а иногда не обращено ни против того, ни против другого, точно так же [софист] может спрашивать и умозаключать и против тезиса, и против отвечающего и в отношении времени, когда раскрытие требует больше времени, чем это позволяют данные обстоятельства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[Заключение. Общий вывод об учении о софистических опровержениях и о всей топике]

Итак, о том, на скольких и на каких основаниях получаются паралогизмы в рассуждениях, как мы должны изобличать ложное и заставлять говорить не согласующееся с общепринятым, из чего следует погрешность в речи [1], как надо ставить вопросы и в каком порядке следует их ставить, для чего полезны все такого рода доводы, как вообще следует отвечать и как надо раскрывать доводы и погрешности в речи [1],— обо всем этом было сказано нами. Остается еще напомнить первоначальное намерение, коротко сказать об этом и завершить исследование.

Итак, мы замыслили найти некоторое средство строить умозаключения относительно предложенных для обсуждения проблем на основе наиболее правдоподобных из имеющихся [посылок]. Ибо это и есть дело диалектики, как таковой, и искусства испытывания.
А так как из-за сходства с софистикой у диалектики 183b

прибавляется еще и задача — уметь подвергать испытанию [рассуждения собеседника] не только диалектически, но и наподобие сведущего, то целью исследования было не только выполнение названной задачи, а именно умение выслушивать чужие доводы, но и умение, защищая свои доводы, таким же образом отстаивать тезис при помощи как можно более правдоподобных [посылок]. О том, что послужило поводом к этому, мы уже говорили[2]. По этой же причине Сократ ставил вопросы, но не давал ответов, ибо признавал, что он [их] не знает. В предыдущих же [книгах «Топики»] было показано, для скольких и в каких случаях [этот способ исследования] применим и откуда мы добываем в достаточной мере [топы], как надо задавать вопросы и в каком порядке, а также как отвечать и раскрывать умозаключения [вопрошающего]. Было также показано и все остальное, что относится к этому способу исследования доводов. И кроме того, как уже было сказано раньше[3], мы подробно перебирали паралогизмы. Таким образом, очевидно, что мы подобающим образом достигли своей цели. Однако не следует нам забывать обстоятельства создания этого исследования. Из всего, что изобретено [людьми], одно заимствовано от других, ранее занимавшихся этим, а затем постепенно совершенствовалось их преемниками, другое из вновь изобретенного, как правило, с самого начала преуспевало мало, тем не менее оно гораздо ценнее того, что из него выросло. Ибо, как говорят, начало чего бы то ни было есть, пожалуй, важнейшая часть, а потому и самая трудная. Ибо чем сильнее оно по своей возможности, тем меньше оно по размаху и потому труднее всего постичь. Но если начало найдено, то остальное уже легче добавлять и приумножать. Именно так это получилось с искусством красноречия и почти со всеми другими искусствами. В самом деле, те, кто изобрел то или другое начало [искусства красноречия], продвинулись крайне мало. А те, кто ныне пользуется доброй славой, будучи преемниками многих продвигавшихся, как бы сменяя друг друга, приумножали таким именно образом: Тисий — после первых [изобретателей], Фрасимах — после Тисия, Теодор[4] — после него, и так многие внесли не малую долю [в преуспеяние] искусства красноречия, а потому нечего удивляться определенной пол-

ноте этого искусства. Что касается настоящего учения, то дело обстояло не так, что частью оно было заранее разработано, а частью нет: в наличии не было ровно ничего. Обучение эристическим доводам за плату было сходно с учением Горгия [5]. Ибо одни предлагали [ученикам] заучивать риторические речи, другие — речи, в которых умело ставятся вопросы, речи, которые, как они полагали, чаще всего подходят для приведения доводов за и против. Поэтому обучение ими учеников 184a
было быстрым, но неумелым. Ибо они полагали, что можно обучать, передавая ученикам не [само] искусство, а то, что получено искусством, точно так же как если бы кто обещал передать знание того, как избавляться от боли в ногах, и после этого не обучал кожевенному ремеслу и способу, каким можно изготовлять такую обувь, а [вместо этого] предложил целый набор всевозможной обуви. Это, конечно, принесло бы пользу, но не содействовало бы обучению искусству. И в искусстве красноречия имелось многое и давно сказанное. Что же касается учения об умозаключениях, то мы не нашли ничего такого, что было бы 184b
сказано до нас, а должны были сами создать его с большой затратой времени и сил. Если же вам, рассматривающим это учение, созданное вначале при таких обстоятельствах, оно кажется вполне удовлетворительным по сравнению с другими учениями, расширявшимися на основе предания, то остается сказать, что вам, слушателям, следует быть снисходительными к упущениям в этом учении, а за все изобретенное нами — глубоко признательными.

ПРИМЕЧАНИЯ *

Первые шесть трактатов из Corpus Aristotelicum представляют собой сохранившиеся логические сочинения Стагирита, названные составителем Корпуса [1] Андроником Родосским (I в. до н. э.) «орудными книгами» (organika biblia), а позднее — по-видимому, византийскими логиками — «Органоном».

В настоящее время считается установленным, что (1) все трактаты (кроме, быть может, отдельных глав и вставок, а также трактата «Категории», который, однако, не выходит из рамок логико-онтологических представлений Аристотеля) подлинны; (2) все они — частично авторские записи к лекциям, частично же лекционные записи, составленные его слушателями, но просмотренные, исправленные и дополненные Стагиритом; (3) все они не раз переделывались с учетом новых результатов, полученных автором по данному вопросу: уточнялись формулировки, добавлялись новые примеры, включались новые главы; (4) в каждом из трактатов (за исключением «Категорий») имеется ссылка на какой-либо из остальных трактатов.

Логические трактаты Аристотеля, разумеется, создавались в разное время, и поэтому естественно встает вопрос об их относительной хронологии. Этому вопросу посвящено немало глубоких и тонких исследований. Вместе с тем не следует упускать из виду только что отмеченное наличие в трактатах взаимных ссылок, вынуждающее нас рассматривать их так, как если бы они были написаны в одно и то же время.

В этом отношении особенно интересна проблема определения места и значения «Топики» (т. е. учения Аристотеля о диалектике) в системе его логических представлений. Историки логики полагают, что это весьма своеобразное произведение (в особенности книги II—VII) создавалось в духовной атмосфере платоновской Академии. Для подтверждения этого мнения проводились скрупулезные исследования, сравнивающие «Топику» с диалогами Платона, и в результате было на деле выявлено достаточно силь-

---

* Примечания составлены З. Н. Микеладзе. При составлении их использованы примечания У. Д. Росса (1949) к обеим «Аналитикам» и примечания К. Берки к чешскому переводу «Топики» (1975). Общие примечания к отдельным произведениям «Органона» составлены И. С. Нарским и П. И. Стяжкиным.

[1] По свидетельству Страбона («География», 13, 54) и Плутарха («Сравнительные жизнеописания» II, «Сулла», XXVI).

ное терминологическое, фразеологическое и тематическое сходство и даже совпадения. Не удивительно поэтому, что влияние Платона на Аристотеля периода «Топики» признается безоговорочно почти всеми историками логики. Вместе с тем отмечалось наличие в «Топике» чисто аристотелевского ядра. Все это наводило на мысль о том, что в это сочинение Аристотеля непременно должны были вкрасться какие-то неувязки, проистекающие от соединения несовместимых образов мышления. И все же в пользу подобной догадки не был найден ни один более или менее убедительный довод.

Сравним «Топику» с диалогами Платона, в особенности с диалогами, имеющими подлинно диалогическую форму. В последних собеседники, следуя определенным правилам игры в вопросы и ответы, обсуждают различные аспекты той или иной ценности (поэтического, этического, эстетического или иного характера) обычно с целью найти ее адекватное определение. Совершенно иной характер имеет «Топика». Предметом ее изучения является не какая-либо из ценностей указанного рода, а само диалогическое обсуждение, наличествующее в сочинениях, имеющих литературную форму диалогов Платона. Сама диалектика Платона есть предмет «Топики». В ней излагается методология (метатеория) диалектики Платона, подобно тому как во «Второй аналитике» — методология (метатеория) доказывающих (дедуктивных) наук, таких, как арифметика или геометрия. Допуская вольность речи, можно сказать, что в «Топике» излагается методология диалогов Платона. Эта методологическая направленность мысли в «Топике» резко отличается от вещностной (объектной) направленности мысли в диалогах Платона. Методологию наряду с логикой следует бесспорно считать изобретением Стагирита!

Таким образом, в «Топике» изучаются диалоги Платона как образцы диалектических (или, вернее, диалогических) рассуждений. Но если это так, то нет ничего удивительного в том, что она изобилует платоновской терминологией, фразеологией, тематикой, и вряд ли следовало говорить лишь на этом основании о влиянии Платона на Аристотеля! Резюмируя, мы можем сказать, что аристотелевское ядро «Топики» заключается в ее методологичности.

Каждый диалог (в том числе и диалоги Платона), в котором воплощено какое-либо диалектическое рассуждение, согласно «Топике», состоит из следующих пяти основных компонентов: (1) главной проблемы ($П_0$); (2) четырех органонов (см. прим. 5 к гл. 14, прим. 14 к гл. 15, прим. 2 к гл. 16 и прим. 3 к гл. 17 кн. I «Топики»), представляющих собой в основном набор дефиниторных средств, но содержащих также определенный прием сопоставления с главной проблемой некоторого конечного множества проблем, упорядоченного отношением эротетического следования [2] и имеющего главную проблему в качестве наибольшего элемента, т. е. элемента, который следует эротетически из каждого элемента ($О_0$); (3) набора правил дедуктивного и неде-

---

[2] Т. е. отношением логического следования между вопросами в рамках некоторой естественной логики вопросов (эротетической логики).

дуктивного выводов (C_o); (4) стратегии, выбранной вопрошающим (H_o), и (5) стратегии, выбранной отвечающим (A_o), причем как органоны, так и правила вывода согласованы с двумя интенсиональными принципами разбиения сказуемых на (а) категории и (б) предикабилии.

Каждая пятикомпонентная диалогическая система $Д_o = < П_o, O_o, C_o, H_o, A_o >$, удовлетворяющая указанным двум интенсиональным принципам, стало быть, соответствует некоторому диалогу из числа всевозможных диалогов типа платоновских[3]. Каждая диалогическая система представляет собой как бы свернутый платоновский диалог.

Пусть с главной проблемой $П_o$ сопоставлено органонами частично упорядоченное множество проблем $\{П_1, ..., П_k\}$, где $П_к = П_o$. Нетрудно увидеть, что каждая из поддиалогических систем $Д_i = <П_i, O_i, C_i, H_i, A_i >$, где $1 \leqslant i \leqslant к$, соответствует некоторому поддиалогу данного диалога $Д_o$. При этом будем предполагать, что органоны O_i сопоставляют с проблемой $П_i$ все те проблемы, принадлежащие множеству $\{П_1, ..., П_k\}$, из которых эротетически следует проблема $П_i$. Очевидно, что поддиалоги данного диалога упорядочены в точном соответствии с упорядочением их первых компонентов, т. е. их главных проблем.

Рассмотрим теперь одно естественное обобщение понятия поддиалогической системы. С этой целью заменим в ней конкретную проблему $П_i$ т. н. проблемной схемой $П_i^{cx}$. Разницу между проблемой и проблемной схемой разъяснит нам следующий пример из «Топики»: «Нет ли для данного вида какого-нибудь другого рода, который не объемлет данного рода и не подчинен ему?» (121 b 24—26). — Это проблемная схема. «Например, если родом для справедливости полагают знание» (121 b 26), то спрашивается, нет ли для справедливости какого-нибудь другого рода, который не объемлет знания и не подчинен знанию? Эта проблема — один из примеров данной проблемной схемы. Проблема, значит, получается из данной проблемной схемы заменой переменных терминов, таких, как «вид», «род», конкретными общими терминами, такими, как «справедливость», «знание» и т. п. Так что каждой проблемной схеме отвечает целое множество проблем, являющихся ее примерами. Если теперь заменить в поддиалогической системе $Д_i = < П_i, O_i, C_i, H_i, A_i >$ проблему $П_i$ проблемной схемой $П_i^{cx}$, то получим схему $Д_i^{cx} = < П_i^{cx}, O_i, C_i, H_i, A_i >$ поддиалогической системы $Д_i$. Подобные схемы поддиалогических систем являются основными орудиями Аристотеля в методологическом исследовании диалогов Платона (т. е. платоновской диалектики). Схемы поддиалогических систем суть методологические единицы (методологемы) аристотелевской методологии платоновской диалектики. Аристотель называет их топами (topoi). Топ (topos) — не что иное, как методологема $Д_i^{cx} = < П_i^{cx}$,

---

[3] Не обязательно, конечно, реализованных.

O_i, C_i, H_i, A_i >! Правда, при формулировке топа Стагирит обычно опускает указание на последние три компонента, однако они всегда подразумеваются. Кроме того, в одном случае (см. кн. III) топами объявлены сами поддиалогические системы, а не их схемы, однако в гл. 5 той же книги все же дано нужное уточнение.

Таким образом, «Топика» наряду со «Второй аналитикой» — методологическое исследование с особым предметом и специфическими методами, и нет никакого основания рассматривать ее как пройденный этап в эволюции логико-методологического учения Стагирита, — в эволюции, вершину которой якобы составляют «Аналитики».

Вопрос о том, как соотносятся предметы изучения «Второй аналитики» и «Топики», т. е. как соотносятся аподиктика и диалектика, был глубоко продуман самим Аристотелем, и примечательно, что его соображения по этому поводу изложены именно на стыке «Второй аналитики» (гл. 19 кн. II) и «Топики» (гл. 1—2 кн. I): поскольку начала науки недоказуемы («Вторая аналитика», 100 b 10—14), то спрашивается, «каким образом начала становятся известными и какова способность познавать их» (там же, 99 b 17—18), не есть ли знание «первых неопосредствованных начал» (там же, 99 b 21) «некоторый иной род [знания]» (там же, 99 b 24—25), чем «знание посредством доказательства»? (там же, 99 b 20). Чтобы ответить на этот вопрос, Аристотель исследует гносеологический пласт в генезисе искусства, поскольку дело касается создания вещей, и науки, поскольку дело касается существующего (там же, 100 a 8—9). При этом он выделяет следующие семь этапов этого процесса: 1) *чувственное восприятие* (там же, 99 b 35), являющееся уже некоторой формой «удерживания» общего (там же, 100 a 17); 2) *память* (и связанное с ней «некоторое понимание») (там же, 100 a 1—3), удерживающая общее более стабильно (там же, 100 a 15 — b 3); 3) *опыт* (т. е. все общее, сохраняющееся в душе, или все то, что содержится как тождественное во всех вещах), который возникает из «большого числа воспоминаний» (там же, 100 a 4—8) посредством индукции (там же, 100 b 4); 4) *искусства* и *науки*: «из опыта же... берут свое начало искусства и науки» (там же, 100 a 6—8), что́ касается, конечно, их содержания (состава), в частности содержания (состава) науки, а не ее начал и дедуктивного строения; 5) *наиболее правдоподобные мнения*: опыт выкристаллизовывается в виде наиболее правдоподобных мнений, и таковыми являются мнения всех или большинства людей или мнения мудрецов («Топика», 100 b 21—23, 104 a 8—10). — Особый интерес составляют мнения о вопросах спорных, неразрешенных и, быть может, неразрешимых (см. «О софистических опровержениях», 176 b 15—17), к которым относятся апории первой философии и начала доказывающих (дедуктивных) наук. О них, как правило, имеются противоположные и вместе с тем одинаково правдоподобные мнения. Какому из них отдавать предпочтение? Какое из них выбрать в качестве начала данной науки? Очевидно, что на эти вопросы нельзя ответить, апеллируя снова к опыту или доказательству. По Аристотелю, существует единственный способ, с помощью которого можно приблизиться к решению таких задач, и на нем основан шестой этап рассматриваемого процесса: 6) *диалектическое (диалогическое) обсуждение* каждого из мнений упомянутого характера, оценивающее данное мнение по следствиям, вытекаю-

щим из него, и принимающее или отвергающее его; 7) *нус* (ум, умозрение): диалогическое обсуждение нередко оканчивается безрезультатно, но только благодаря ему удается нам иногда возвыситься до того рода познания, перед которым (и только перед которым) открыты высшие истины. Этот род познания есть ум, умозрение («Вторая аналитика», 100 b 5—17. См. также прим. 4 к гл. 23 «Второй аналитики» I).

Несколько слов о месте и значении остальных трактатов в логико-методологическом учении Аристотеля.

В «Категориях» изложены онтологические предпосылки логики и методологии эмпирических и дедуктивных наук, а также диалектических рассуждений. Тем самым становится понятным характер связи этого трактата с «Метафизикой». Грубо говоря, в него включено почти все то из первой философии, что, согласно Стагириту, необходимо для онтологического обоснования логики и методологии. В частности, учение о категориях сформулировано там в качестве определенного интенсионального принципа.

В трактате «Об истолковании» изучаются семиотические основы (синтаксис с элементами семантики) ассерторической и модальной силлогистик. В частности, сформулирована Гипотеза Аристотеля (см. наше предисловие) в качестве интенсионального принципа, лежащего в основе модальной силлогистики.

В «Первой аналитике» построены аксиоматизированные системы (1) ассерторической силлогистики, свободной от каких-либо интенсиональных принципов и являющейся, стало быть, чисто экстенсиональной системой, и (2) модальной силлогистики, опирающейся на Гипотезу Аристотеля и являющейся, значит, интенсиональной системой. Кроме того, в «Первой аналитике» описаны некоторые недедуктивные способы рассуждения: индукция, доказательство от примера, энтимема и отведение.

Во «Второй аналитике» излагаются основы методологии доказывающих (дедуктивных) наук, основы теории доказательства и теории дефиниции. Следует отметить, что теория дефиниции предполагает в качестве интенсионального принципа Аристотелево учение о предикабилиях, изложенное в «Топике».

КАТЕГОРИИ

Katēgoriai. — Трактат «Категории» по уже давно сложившейся традиции помещают в «Органоне» первым.

О порядке, а тем более о точном времени написания отдельных логических трудов Аристотеля могут быть высказаны лишь предположения. Но можно с уверенностью сказать, что они были созданы прежде «Физики» и основных философских сочинений Стагирита — «Метафизики» и «О душе». Весьма вероятен, по мнению В. Виндельбанда, В. Ф. Асмуса и др., «двухэтапный» порядок создания логических произведений Аристотеля: еще до возвращения в 335 г. до н. э. в Афины была написана, видимо, сначала (как доказывал У. Д. Росс) «Топика», I, III, VII и особенно VIII книги которой возникли, по мнению Брандиса (*Chr.*

Brandis. Über die Reihenfolge der Bücher des aristotelischen Organons. Berlin, 1833) и А. С. Ахманова («Логическое учение Аристотеля». М., 1960), позже ее основного текста. Затем возникли «Категории». В этих работах еще отсутствует теория силлогизмов, в том числе модальных, а также буквенные обозначения логических переменных (см. *W. D. Ross.* The Discovery of the Syllogism. — «The Philosophical Review», 1939, vol. 48, p. 251—272). И. М. Бохеньский, беря в качестве критериев наличие т. н. аналитического силлогизма, употребление логических переменных, степень развития формальной техники анализа и доказательства, наличие проблематики модальной логики, делит логические сочинения Стагирита на три периода и высказывается в пользу такого порядка написания трудов: «Топика»; «О софистических опровержениях»; «Категории»; «Об истолковании»; II книга «Второй аналитики»; I книга «Первой аналитики» (за исключением глав 8—22) и I книга «Второй аналитики»; главы 8—22 I книги «Первой аналитики» и II книга «Первой аналитики» (см. *J. M. Bocheński.* Formale Logik. Freiburg/München, 1956, S. 49—50).

Первые комментарии к логическим трудам Аристотеля составили его ученик и друг Теофраст (умер в 288 г. до н. э.), дополнявший своего учителя в вопросах о гипотетических умозаключениях (он разработал теорию разделительных умозаключений) и о модальности суждений, а затем Эвдем, т. е. еще в школе перипатетиков, а также стоики Афинодор и Корнут. Активным комментированием трудов Аристотеля по логике занимались основатель александрийской школы неоплатонизма Аммоний Саккас (II—III вв. н. э.) и основатель сирийской школы Ямвлих (IV в. н. э.), деятельность которых в этом плане была продолжена их учениками.

В числе ранних комментаторов «Категорий» должны быть названы: римский стоик Корнут (I в. н. э.), греческий математик и астроном Адраст Афродисийский (II в.), сирийско-римский неоплатоник Порфирий из Тира (вторая половина III в. н. э.), александрийский неоплатоник Элий (IV—V вв.), греческий грамматист и математик Аммоний Гермий (V—VI вв.), афинский философ Симпликий (ум. в 549 г.). Корнут подчеркивал параллелизм между категориями Аристотеля и грамматическими элементами греческого языка. В написанном ок. 258 г. «Введении к «Категориям» Аристотеля» Порфирий, основательно изучивший комментарии Адраста Афродисийского, намечает строго иерархическую схему классификации категорий, представленную затем в виде «древа» (arbor Porphyriana). Порфирий составил также «Толкование «Категорий» Аристотеля» в диалогической форме («In Aristotelis categorias expositio». Gr., Parisiis, 1543). Тексты Порфирия послужили одним из отправных элементов в формировании средневековой проблематики о природе общих понятий (universalia). Порфириевы комментарии специально изучались А. Буссе (1887), К. Прехтером (1921), А. Л. Субботиным (1967).

Комментарии Элия ранее ошибочно приписывались Давиду Анахту (см. «Eliae in Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias commentaria». Ed. A. Busse, Berolini, 1900). Симпликий предпринял попытку интерпретировать «действие» и «претерпевание» как частный случай категории «отношение» (см. «Commentaria in Aristotelem graeca, edita consilio et auctoritate Academiae

litterarum regiae Borussicae. 23 tt. in 51 partibus» (CAG). Berolini, 1882—1909, VIII).

В средние века и в эпоху Ренессанса «Категории» комментировались огромным количеством авторов, и одним из первых в их ряду следует назвать преподавателя в Оксфорде Симона из Фавершэма (конец XIII в.). У. Оккам (XIV в.) сводит десятку Стагиритовых категорий к трем: субстанции, качеству и отношению, и рассматривает их в составе терминов первичной интенции (*Guilelmus de Ockham*. Quaestiones... in IV Sententiarum libros. Lugduni, 1495, I, q. 8). На схоластиков определенно повлияла аристотелевская идея о различении первичных и вторичных субстанций (первых и вторых сущностей).

В «Логике Пор-Ройяля» А. Арно и П. Николя (Париж, 1662) аристотелевский перечень категорий несколько сокращен (до семи) и существенно модифицирован в следующий список: «разум», «материя», «величина», «расположение», «фигура», «движение», «покой», что̀ в какой-то мере отражает отличие Декартовой методологии от Аристотелевой.

В Новое время «Категории» неоднократно издавались на основных европейских языках.

Проблематика «Категорий» продолжает оставаться в кругу интересов современной нам формальной логики. Для примера отметим, что Е. К. Войшвилло в своей монографии «Понятие» (1967) первичную субстанцию в понимании Аристотеля ставит в соответствие с «термом», а вторичную субстанцию — с «предикатным выражением» (указ. соч., стр. 17). Гносеологический анализ категориального учения Аристотеля в «Категориях» и «Топике» имеется в сочинениях В. Ф. Асмуса (см., в частности: «Античная философия». М., 1976, гл. V, § 9). Полезные анализы «Категорий» содержатся в ряде трудов, посвященных философии Аристотеля в целом. Отметим среди них: *W. D. Ross*. Aristotle. London, 1930; *J. M. Le Blond*. Logique et Méthode chez Aristote. Paris, 1939; *L. Robin*. Aristote. Paris, 1944; *A. E. Taylor*. Aristotle. London, 1943.

И. С. Нарский и *Н. И. Стяжкин*

На русский язык «Категории» были переведены М. Н. Касторским (1859) и А. В. Кубицким (1939). При подготовке настоящего издания за основу взят перевод А. В. Кубицкого.

Глава вторая

[1] Выражение «то, что говорится в связи» употребляется Аристотелем в том же значении, что и «высказывающая речь», «высказывание» в трактате «Об истолковании» (см. 17 а 2, 20). — *53*.

[2] «Подлежащее» (hypokeimenon) обозначает здесь не грамматическое подлежащее, а реальное под-лежащее (см. «Вторая аналитика», 83 а 6—7, 26, 31), каковым может быть только сущность (oysia). Высказывания «то белое есть Сократ» («Первая аналитика», 43 а 35), «белое есть дерево» («Вторая аналитика», 83 а 6) не являются высказываниями в подлинном смысле этого слова: говорить так — значит либо ничего не сказывать, либо

сказывать не безусловно, а лишь привходящим образом («Вторая аналитика», 83 а 15—17). Высказывания же «Сократ бел», «дерево бело» — подлинные высказывания, ибо их грамматические подлежащие обозначают реальные под-лежащие, а именно Сократа, дерево (см. «Вторая аналитика», 83 а 4—11). «Белое» принадлежит к тем объектам, которые сказываются о чем-либо, а Сократ и дерево — к тем, о которых сказывается что-либо. Поэтому естественно предположить, что «то, что сказывается, всегда сказывается о том, о чем оно сказывается безусловно, но не привходящим образом» («Вторая аналитика», 83 а 19—20). Стало быть, хотя грамматическим подлежащим высказывания «то белое есть Сократ» является «то белое», его под-лежащее есть Сократ. Фразу «в высказываниях «то белое есть Сократ», «белое есть дерево» нечто сказывается привходящим образом» не следует понимать в том смысле, что Сократ и дерево суть привходящие свойства белого. В ней утверждается, что грамматически вполне корректные высказывания «то белое есть Сократ», «белое есть дерево» онтологически и тем самым логически некорректны. Именно это обстоятельство имеет в виду Аристотель, когда полагает, что первые сущности (единичные вещи) не сказываются ни о чем, разве только привходящим образом (см. 1 b 3—6; «Первая аналитика», 43 а 32—36). — *54*.

[3] Т. е. частью его (подлежащего) определения. См. «Метафизика», 1023 b 23—25; «Физика», 210 а 18—20. Поскольку нечто есть часть определения некоторого подлежащего, можно сказать, что оно содержится в его определении. Допуская вольность речи, можно также сказать, что оно содержится (enyparchei) в подлежащем: содержится, но не находится. См. 3 а 32; «Метафизика», 1038 b 15—34.—*54*.

[4] Сравним два высказывания: «Сократ бел» и «Сократ — человек». Белое находится в теле Сократа. Именно поэтому мы и называем его белым, т. е. имя белого — «белое» — сказывается о Сократе. Однако само белое и, стало быть, его понятие, его определение («цвет, рассеивающий зрение», см. «Топика», 119 а 30; «Метафизика», 1057 b 8—9) не сказываются о Сократе. Ведь Сократ не есть цвет, рассеивающий зрение, и вообще не есть цвет. Определение белого не является частью определения Сократа. С другой стороны, человек не находится в Сократе в том смысле, в каком белое (и вообще какое-либо качество) находится в нем. Определение же человека («двуногое существо, живущее на суше») или некоторые части его определения («двуногое существо», «существо, живущее на суше», см. 3 а 17—28) сказываются о Сократе. — *54*.

[5] Условия «нечто говорится (не говорится) о подлежащем и находится (не находится) в подлежащем» не подразумевают, что дело касается одного и того же подлежащего. Эти условия удовлетворяются и в том случае, если одно и то же нечто говорится (не говорится) об одном подлежащем, а находится (не находится) в другом. — *54*.

Глава третья

[1] Это утверждение можно записать символически двояко в зависимости от природы подлежащего: 1. Подлежащее есть какая-то первая сущность, скажем с: А (с) $\Longrightarrow$ [Ба А $\Longrightarrow$ Б (с)].

2. Подлежащее есть нечто отличное от первых сущностей и, стало быть, есть некоторое общее, обозначенное, скажем, общим термином «С»: АаС $\Longrightarrow$ [БаА $\Longrightarrow$ БаС]. — *54*.

[2] Символически: А (с), БаА $\vdash$ Б (с). — *54*.

Глава четвертая

[1] Ибо тогда что-то говорится в связи. См. прим. 1 к гл. 2. — *55*.

[2] Ср. «Об истолковании», 17 а 2—3. — *55*.

Глава пятая

[1] См. прим. 4 к гл. 2. — *56*.

[2] Символически: $\neg$ (Ес) [А (с) и с $\in$ Б] $\Longrightarrow$ АеБ. — *56*.

[3] Символически: $\neg$ (Ес) [А in с и с $\in$ Б] $\Longrightarrow$ $\neg$ (А in Б).—*56*.

[4] Ср. «Метафизика», 1040 b 26—27. — *56*.

[5] Вторые сущности дают ответ на вопрос «что именно есть это?», поставленный касательно первых сущностей. См. 2 b 8—14; «Топика», 103 b 29—31. — *57*.

[6] Не-сущности не дают ответа на вопрос «что именно есть это?», поставленный касательно первых сущностей. Например, «Каллий бледен», «Каллий бежит» не дают ответа на вопрос «что именно есть Каллий?». — *57*.

[7] См. прим. 3 к гл. 2. — *58*.

[8] Единичное (первая сущность, скажем А) и вид (скажем, Б) принимают (1.1) имя рода (например, «живое существо» есть общее имя для Сократа и человека), (1.2) имена видовых отличий (например, «двуногое» и «живущее на суше» — общие имена для Сократа и человека), (2) определение рода и определения видовых отличий (например, истинны следующие высказывания: «Сократ есть двуногое существо, живущее на суше» и «Человек есть двуногое существо, живущее на суше»). Следовательно, согласно определению соименности (1 а 6—7), А и Б соименны. — *58*.

[9] Вторые сущности суть сущностные качества первых сущностей и, как таковые, отличаются от их привходящих качеств. — *59*.

[10] Дана объемная интерпретация общих терминов. — *59*.

[11] См. 2 b 7, 15—22. — *60*.

[12] Истинность и ложность суть квазиатрибуты высказываний. — *61*.

Глава шестая

[1] Количество, именуемое в «Категориях» раздельным (дискретным), квалифицируется в «Метафизике» как не непрерывно делимое, или как счислимое (счетное), и называется множеством. Количество, именуемое в «Категориях» непрерывным, квалифицируется в «Метафизике» как непрерывно делимое, или как измеримое, и называется величиной. Ср. «Метафизика», 1068 b 26—

1069 a 14; «Начала Евклида», коммент. 6 и 7 к кн. VII (стр. 263—264). — *62.*

[2] Подразумевается целое положительное число, за исключением единицы. Ср. «Метафизика», 1039 a 12; «Начала Евклида», коммент. 1, 2 (стр. 257—259), 4 (стр. 261), 6 (стр. 263) и 9 (стр. 265) к кн. VII. — *62.*

[3] Ср. «Метафизика», 1020 a 11—14. — *62.*

[4] Chronos. Ср. «Метафизика», 1071 b 6—10. Определение времени как вида количества не противоречит объявлению понятия «когда» категорией (1 b 26; 2 a 2; 11 b 10). «Когда» — это промежуток времени (см. «Физика», 218 a), и оно сказывается о каждой сущности, которая пребывает в нем: «нечто произошло вчера», «нечто произошло в прошлом году». В комментируемой главе время рассматривается «поскольку оно непрерывно» («Физика», 220 b 2), поскольку оно вид непрерывной величины. В качестве же категории время рассматривается «поскольку оно является числом» («Физика», 220 b 3) и, стало быть, есть множество, составленное из единиц, каковым применительно ко времени является «теперь» («Физика», 221 a 14—15). Можно сказать, что Аристотель различает математическое понятие времени как непрерывной величины и физическое понятие времени как атрибута сущности. — *62.*

[5] Topos. Определения места, данные в «Категориях» (5 a 9—13), «Метафизике» (1092 a 17—21) и «Физике» (208 b 27—28, 210 b 34 — 211 a 3, 212 a 6), как будто противоречат друг другу. Однако это кажущееся противоречие. В «Категориях» под местом тела понимается место *геометрического* тела, очевидно совпадающее с самим геометрическим телом. В «Физике» под местом тела понимается место, занимаемое *физическим* телом. Наконец, в «Метафизике» утверждается, что физическое понятие места неприменимо к геометрическим телам: последние не находятся в местах в том же смысле, в котором физические тела находятся в местах. Ср. «Начала Евклида», коммент. 13 к кн. VII, стр. 268—270. — *62.*

[6] См. «Метафизика», 1069 a 12—14. — *62.*

[7] Первые два вида количества различаются между собой тем, что у одного части находятся друг возле друга (одновременность), а у другого — друг после друга (временной порядок). Эти понятия не следует смешивать с понятиями «данное вместе» (см. гл. 13) и «то, что первее (предшествующее) и последующее» (см. гл. 12), ибо в последнем случае имеется в виду (временнáя или вневременнáя) упорядоченность некоторой совокупности самостоятельных сущностей, а в первом — подобная же упорядоченность частей некоторого единого объекта. — *63.*

[8] См. «Начала Евклида», коммент. 4, 5 к кн. VII, стр. 261—263. — *63.*

[9] А именно делимые объекты, т. е. множества или величины. См. прим. 1 — *63.*

[10] Т. е. все объекты, которые не подпадают под категорию количества; количественные определения сказываются о них только через другие объекты, являющиеся количествами в собственном смысле. — *63.*

[11] Ср. «Метафизика», 1088 a 21—22. — *64.*

[12] См. «О небе», 268 b 21—22. — *65.*

Глава седьмая

[1] Соотнесенное — это любой член произвольного бинарного отношения с фиксированным вторым членом. Тем самым исходное отношение преобразовано в свойство, носителем которого и является соотнесенное. Например, числа a и b суть соотнесенные между собой касательно отношения «больше», если справедливо, что $a \in \{x: x > b\}$, или $b \in \{y: a > y\}$. Или иначе: пусть a больше b. Выберем в качестве соотнесенного a. Тогда высказывание «a больше b» нужно переписать так: «a есть то, что больше b», где «то, что больше b» есть свойство, которым обладает число a. Ср. 11 b 24—33; «Топика», 142 a 28—29. — *66*.

[2] Ср. «Топика», 149 b 12. — *67*.

[3] Ср. *Платон*. Парменид, 133 c — e. — *67*.

[4] См. «Историю животных» и «О частях животных». — *68*.

[5] Ср. «Топика», 142 a 30—31. — *71*.

[6] Ср. «Метафизика», 1088 a 22—30; «Никомахова этика», 1096 a 20—22. — *72*.

Глава восьмая

[1] Poiotēta — например белизна, справедливость. См. «Метафизика» V, 14; *Платон*. Теэтет, 156 d — e; 182 a — b. — *72*.

[2] «Такими-то» (poioi), например белыми, справедливыми. Аристотель различает качество как таковое (poiotēs) и его конкретную реализацию (poion), причем poioi отыменны от poiotēta: белое от белизны, справедливое — от справедливости. См. 9 a 15—16, 32—33; 10 a 13—14, 16, a 27 — b 11. — *72*.

[3] Т. е., говоря иначе: белизна находится в теле. См. 14 a 16—19. Если данным poiotēs наделена вещь, то имя соответствующего poion сказывается об этой вещи. См. прим. 4 к гл. 2. — *74*.

Глава девятая

[1] См. 6 b 11—14, а также 1 b 27; 2 a 2. — *79*.

[2] См. 2 a 1—2, а также гл. 15. — *79*.

Глава десятая

[1] Ср. «Метафизика», 1018 a 20 — b 8. — *79*.

[2] Ср. «Топика», 109 b 18; II, 8; V, 6; «Метафизика», 1055 a 38; 1057 a 36—37. — *80*.

[3] Символически: [[A $\Longleftrightarrow$ ⫬ B] и для всех C [AaC либо BaC]] $\Longrightarrow$ $\Longrightarrow$[⫬ B $\Longleftrightarrow$ $\neg$ B]. Ср. «Об истолковании», 6, 7. — *80*.

[4] Белое $\Longleftrightarrow$ ⫬ черное, однако неверно, что белое $\Longleftrightarrow$ $\neg$ черное. — *81*.

[5] Явно сформулирована идея осмысленности данного свойства для всех элементов данного класса, т. е. его определенности в данном классе объектов: данное свойство определено (осмыслено) в данном классе объектов, если даже существует элемент этого класса, не обладающий этим свойством. — *81*.

[6] См. 12 a 10—25. — *83*.

[7] Описывается особое состояние вещи, когда она является чистой потенцией в отношении противоположных привходящих свойств: $\neg L$ (p или $\neg$p) $\Longleftrightarrow$ M (p и $\neg$p). — *83*.

[8] Когда-нибудь потенция перейдет в актуальность и в вещи будет реализовано одно из противоположных привходящих свойств. См. прим. 7. — *83*.

[9] Реализация вещью именно данного привходящего свойства, но не противоположного ему не предопределена. Противоположные привходящие свойства равновозможны: M (p и $\neg$p) $\Longrightarrow$ (Mp и M $\neg$p). См. прим. 7, 8. — *83*.

[10] См. 12 a 10—25; 12 b 35—41. — *83*.

[11] См. прим. 7—9. — *84*.

[12] Символически: L (p либо $\neg$ p). — *84*.

Глава одиннадцатая

[1] Символически: p $\Longrightarrow \neg\neg$ p. — *86*.

[2] Ср. 6 a 17—18; «Вторая аналитика», 73 b 21—22; «Топика», 153 a 35—36. — *86*.

Глава двенадцатая

[1] Ср. «Метафизика», V, 11; «Физика», 260 b 17—19; 261 a 14. — *86*.

[2] «p» истинно тогда и только тогда, когда p. — *87*.

Глава пятнадцатая

[1] См. «Метафизика», V, 23. — *90*.

ОБ ИСТОЛКОВАНИИ

Peri hermenēias. — Русское название этого трактата представляет собой кальку с латинского его заголовка «De interpretatione», предложенного в «Этимологиях» средневекового энциклопедиста Исидора Севильского (VI—VII вв.). Оно лишь приблизительно соответствует исходному греческому названию труда. Западноевропейские исследователи большей частью называют этот трактат «Герменевтикой».

В числе наиболее известных ранних комментаторов «Об истолковании» следует упомянуть несторианина из Эдессы Проба (V в. н. э.), Аммония Гермия, его ученика Иоанна Филопона (ум. в 30-х гг. VI в.), неоплатоника Стефана Александрийского (VII в.). Перевод «Герменевтики» на сирийский язык, выполненный Пробом, является одним из самых ранних дошедших до нас текстов этого сочинения. Оригинал этого перевода хранится в Британском музее (см. *A. Baumstark*. Aristoteles bei den Syrern. Leipzig, 1900). Аммоний Гермий в своем комментарии соединяет принятие теории предложений Стагирита с критикой теории имен мегарика Диодора Крона (CAG IV, 5). Влияние Аммония чувствуется в комментариях Иоанна Филопона. Из всех многочисленных комментариев Стефана Александрийского к «Орга-

нону» до нас дошел лишь его комментарий к «Герменевтике» (CAG XVIII, 3).

В средние века и эпоху Возрождения «Об истолковании» комментировался многократно. Генетический источник трактата «Краткий свод основ логики» Петра Испанского (XIII в.) усматривался некоторыми комментаторами (И. де Вердеа, 1487) именно в содержании «Герменевтики».

Грегор из Коница (XVI в.) справедливо возводил к «Герменевтике» логическое содержание схоластических трактатов «О распределении» и «О синкатегорематических терминах» (см. *C. Prantl.* Geschichte der Logik im Abendlande. Bd. IV. Leipzig, 1870, S. 284). Грегор возводил к ней и схоластический трактат о суппозициях (типах контекстуальных значений общих терминов). Как известно, трактаты о синкатегоремах подготавливали почву для становления теории логических союзов и кванторов, а трактаты о суппозициях лежали на линии развития, приведшей к оформлению логико-семиотических представлений, так что исходным пунктом этих двух важных учений мы с полным правом можем считать именно работу «Об истолковании».

Интерес в эпоху Возрождения к тексту «Об истолковании», дававшему богатый простор для логико-грамматических изысканий, был подчеркнут новым его переводом на латинский язык, который был предпринят итальянцем Агостино Нифо (1473—1538/45).

Влияние идей «Об истолковании» можно обнаружить в логико-грамматических текстах янсенистов из Пор-Ройяля. В Новое время был предпринят ряд изданий трактата на живых национальных языках.

Начиная со статьи *G. E. M. Anscombe.* Aristotle and the Sea-Battle в журнале «Mind» (1956), а также *J. Hintikka.* The Once and Future Sea Fight: Aristotle's Discussion of Future Contingents in «De Interpretatione», IX в журнале «Philosophical Review» (1964) развернулась оживленная дискуссия вокруг вопроса о соотношении этого сочинения Аристотеля и новейших модальных логик. Обширная библиография этих споров дана в книге: *J. Hintikka.* Time and Necessity. Studies in Aristotle's Theory of Modality. Oxford, 1973. Ср. *Г. Х. фон Райт* (фон Вригт). Детерминизм, истина и временной параметр. — «Философские науки», 1975, № 4, стр. 119. Во вступительной статье к настоящему тому сочинений Аристотеля данная проблематика обсуждается по существу.

И. С. Нарский и Н. И. Стяжкин

На русский язык трактат «Об истолковании» был переведен Э. Л. Радловым в 1891 г. При подготовке настоящего издания этот перевод был заново сверен и подвергнут значительной переработке.

Глава первая

[1] См. «Категории», 2—4; «Метафизика» IV, 4; «Поэтика», 20. — *93.*

[2] «О душе», 418 a 3—6; 424 a 17—24; 430 b 1; 431 b 20—23, 29. — *93.*

[3] Истинной или ложной может быть, строго говоря, только мысль, но, допуская вольность речи, можно говорить об истинности или ложности звукосочетаний, являющихся знаками мыслей. Ср. «Поэтика», 1456 a 36—37; «Метафизика», 1012 a 2—5; 1027 b 25—29; «Физика», 263 b 13—23; *Платон*. Софист, 259 e — 264 b ; Теэтет, 187 b — 190 a. — *93*.

Глава четвертая

[1] См. 16 a 22—27. — *95*.

[2] См. 16 a 19, 27. — *95*.

[3] Это утверждение направлено против Платона. См. «Кратил», 387 d; 388 bcd; 430 c; 433 b — 434 b. Ср. 16 a 26—29. — *95*.

[4] См. «Поэтика», 1456 b 11. — *95*.

Глава пятая

[1] А именно сложные предложения (см. 17 a 21—22), а также составные слова (имена); см. 16 a 22—26; 16 b 32—33. — *96*.

[2] Имеются в виду служебные (синкатегорематические) слова (в частности, союзы), посредством которых составляются словосочетания и сложные предложения. Ср. «Поэтика», 1457 a 4—6. — *96*.

[3] См. «Метафизика» VII, 12; VIII, 6. — *96*.

[4] Phasis употребляется здесь в смысле предиката самого по себе. — *96*.

Глава шестая

[1] См. «Метафизика», 1011 b 26—27. — *96*.

[2] Противоречие определено как конъюнкция (p и $\neg$ p). — *97*.

[3] А именно закон противоречия и закон исключенного третьего. См. «Метафизика» IV, 3—7. — *97*.

Глава седьмая

[1] Противоположны друг другу высказывания вида АаБ и АеБ. — *97*.

[2] Неквантифицированные («неопределенные», по терминологии Аристотеля) высказывания интерпретируются Стагиритом как частные высказывания, например высказывание «человек бел» — как «некоторый человек бел» и высказывание «человек не бел» — как «некоторый человек не бел». Ср. «Первая аналитика», 24 a 19—22; 26 a 28—30; см. прим. 11 к гл. 4 «Первой аналитики» I. Высказывания «некоторый человек бел» и «некоторый человек не бел» не противоположны друг другу в том смысле, что они могут быть вместе истинными. Высказывания же «некоторый человек есть живое существо» и «некоторый человек не есть живое существо» противоположны, хотя и имеют форму частных высказываний, ибо противоположны их содержания, противоположно «выраженное в них». — *97*.

[3] Высказывание p противолежит по противоречию высказыванию q тогда и только тогда, когда p $\Longleftrightarrow$ $\neg$ q. — *97*.

[4] «АаБ» противолежит по противоречию «$\neg$ АаБ», т. е. «АоБ», а «АеБ» противолежит по противоречию «АiБ». — *97*.

[5] Высказывание p об общем противолежит по противоположности высказыванию q об общем тогда и только тогда, когда q есть оппозиционное отрицание p, т. е. когда p $\Longleftrightarrow$ ⫤ q. — *97*.

[6] «АаБ» противолежит по противоположности «АеБ»: АаБ $\Longleftrightarrow$ $\Longleftrightarrow$ ⫤ АеБ. — *98*.

[7] «АаБ» и «АеБ» не могут быть вместе истинными, ибо в обоих высказываниях «А» сказывается о Б как об общем, однако «противоположным образом» (23 b 6—7): к термину «Б» в высказывании «АаБ» применено выражение «о каждом», а в высказывании «АеБ» — выражение «ни об одном». — *98*.

[8] Высказывание АоБ, противолежащее по противоречию высказыванию АаБ, и высказывание АiБ, противолежащее по противоречию высказыванию АеБ, могут быть вместе истинными. См. прим. 2. — *98*.

[9] Точнее: из противолежащих друг другу высказываний, одно из которых есть высказывание об общем как об общем, а второе — высказывание, противоречащее первому. — *98*.

[10] Если p $\Longleftrightarrow$ $\neg$ q, то либо p истинно и q ложно, либо p ложно и q истинно. — *98*.

[11] P(a) истинно тогда и только тогда, когда $\neg$ P(a) ложно. — *98*.

[12] Точнее: противолежащее. — *98*.

Глава восьмая

[1] См. 17 b 37—18 a 12. — *99*.

Глава девятая

[1] Настоящие и прошедшие события принадлежат к актуально сущему. Поэтому в отношении их справедлив закон исключенного третьего. — *99*.

[2] Ибо «общее следует брать вообще, без ограничения во времени» (см. «Первая аналитика», 34 b 17—18). Ср. 16 a 18. — *99*.

[3] См. 17 b 26—29. — *99*.

[4] См. 17 b 7—8, 24—25. Если p есть высказывание об общем не как об общем, то в отношении его справедливо соотношение: M (p и ⫤ p). — *99*.

[5] Т. е. с будущим единичным событием, рассматриваемым в аспекте настоящего как бытие его в возможности (см. наше предисловие): если «p» есть высказывание о будущем единичном и, стало быть, случайном событии, то в указанном аспекте вместе истинны «p» и «$\neg$ p» (аналогично высказыванию об общем не как об общем. См. прим. 4). — *99*.

[6] Если бы высказывания о будущих единичных событиях, рассматриваемых в аспекте настоящего как бытие их в возможности, подчинялись закону исключенного третьего, т. е. если бы уже в потенции одно из противоречащих событий такого рода было необходимым, а другое невозможным, то это означало бы, что слабый закон исключенного третьего (p или $\neg$ p) эквивален-

тен сильному: (L p или L ¬ p) и, стало быть, не существуют события, наступление которых равновозможно, т. е. события, для которых верно соотношение: (MFp и MF ¬ p), и, значит, нет случайных (в частности, будущих единичных) событий. — *99.*

[7] Если справедлив сильный закон исключенного третьего (Lp или L ¬ p) для всех p (в т. ч. для высказываний о будущих единичных событиях), то, если один говорит «Fp», а другой — «¬ Fp», то один из них необходимо прав, а другой необходимо не прав. — *99.*

[8] Предполагается, что бывают и иные случаи, т. е. случаи, не подобные случаям, когда и p, и ¬ p «не будут присущи в одно и то же время», и, стало быть, бывают случаи, когда и p, и ¬ p присущи в одно и то же время. См. прим. 5. — *99.*

[9] Сильный закон исключенного третьего истолковывается Аристотелем как утверждение, что все совершается по необходимости. — *100.*

[10] (MFp и M¬Fp) ⟺ ¬ (LFp или L ¬ Fp). — *100.*

[11] При условии, что справедлив сильный закон исключенного третьего, не будет верным не только то, что вместе истинны Fp и ¬ Fp, но и то, что они вместе ложны: (¬ Fp и ¬ ¬ Fp). Ср. прим. 10. — *100.*

[12] «p» истинно тогда и только тогда, когда p. — *100.*

[13] Здесь заканчивается извлечение следствий из допущения верности сильного закона исключенного третьего. — *101.*

[14] Т. е. что не вечно актуально и, стало быть, случайно. — *101.*

[15] Наступление неактуальных случайных событий равновозможно, т. е. они удовлетворяют соотношению (Mp и M ¬ p), в частности соотношению (MFp и M¬Fp). Ср. прим. 8. — *101.*

[16] Существование случайных событий — эмпирический факт. — *101.*

[17] См. прим. 5, 8, 15. — *101.*

[18] Отрывок 19 a 23—27 следует понимать как единую фразу, в которой утверждается следующее: если (p ⟹ L p), то (L p или L ¬ p), и если (¬ p ⟹ L ¬ p), то (L p или L ¬ p). Однако неверно (L p или L ¬ p). Следовательно, неверны (p ⟹ L p) и (¬ p ⟹ L ¬ p). Так что существуют p такие, что (p и M ¬ p) и (¬ p и Mp). — *102.*

[19] В области актуально сущего справедлив строгий закон исключенного третьего L (p или ¬ p), в частности L (Fp или ¬ Fp), но необщезначим сильный закон исключенного третьего (Lp или L ¬ p), в частности (L Fp или L ¬ Fp): можно утверждать необходимость нераздельно, но нельзя утверждать ее раздельно. — *102.*

[20] Ср. прим. 7—9 к гл. 10 «Категорий». — *102.*

[21] Т. е. с потенциально сущим дело обстоит не так, как с актуально сущим. — *102.*

Глава десятая

[1] См. 16 a 30—32; 16 b 12—15; 16 a 19—21. — *102.*

[2] Поскольку эти четыре высказывания относятся к неопределенным высказываниям (см. прим. 2 к гл. 7), то все они могут быть вместе истинными. — *103.*

[3] См. «Первая аналитика» I, 46, где Аристотель обсуждает следующий вопрос: равнозначны ли, например, сказуемые «есть справедливый» и «не есть несправедливый», а также «не есть справедливый» и «есть несправедливый»? Аристотелевское решение этого вопроса таково: (1) если не зафиксирован «универсум рассуждения», то ответ отрицателен и справедливы лишь односторонние следования: «есть справедливый» влечет «не есть несправедливый», а «есть несправедливый» влечет «не есть справедливый». Обратного же следования нет, ибо то, что не есть несправедливое (справедливое), быть может, таково, что о нем бессмысленно говорить, что оно есть справедливое (несправедливое). (2) Если же зафиксирован «универсум рассуждения», то «есть справедливый» и «не есть несправедливый» равнозначны, а также равнозначны «не есть справедливый» и «есть несправедливый». — *103.*

[4] Т. е. когда утверждение квантифицировано. — *103.*

[5] Т. е. не могут быть равнозначными. — *103.*

[6] В отличие от неопределенных высказываний (см. прим. 2) квантифицированные высказывания образуют т. н. логический квадрат, который для высказываний рассматриваемых видов выглядит так:

АаБ	АоБ
не-АаБ	не-АоБ,

где диагонали изображают отношение подчинения. — *103.*

[7] См. прим. 8 к гл. 7. — *104.*

[8] Символически: (1) не-АаБ $\Rightarrow$ АеБ. (2) АiБ $\Rightarrow$ не-АоБ. — *104.*

[9] Символически: $\neg$ P(a) $\Rightarrow$ не P(a). — *104.*

[10] Символически: (1) неверно: $\neg$ АаБ $\Rightarrow$ не-АаБ. (2) Верно: $\neg$ АаБ $\Rightarrow$ АоБ. — *105.*

[11] Символически: (1) $\neg$ Аа не-Б $\Leftrightarrow$ Ао не-Б. (2) не-Аа не-Б $\Leftrightarrow$ Ае не-Б. — *105.*

[12] См. 17 b 38—39. — *105.*

Глава одиннадцатая

[1] См. «Топика» I, 10, 11. — *106.*

[2] См. «Топика» VIII, 7; «О софистических опровержениях», 30, а также 175 b 39 — 176 a 18. — *106.*

[3] Пусть вещи $a_1, a_2, \ldots, a_K$ принадлежат к роду K, а $P_1, P_2, \ldots, P_K$ суть свойства в K. (1) Если по меньшей мере одно из $P_1, P_2, \ldots, P_K$ есть привходящее свойство в классе K, то неверно, что $P_1(a_1)$, $P_2(a_2)$, $P_K(a_K) \models$ Ex[$P_1(x)$ и $P_2(x)$ и ... и $P_K(x)$]. — *106.*

[4] См. прим. 3. — (2) Если каждое из $P_1, P_2, \ldots, P_K$ сказывается о сути вещей из рода K, то верно, что $P_1(a_1)$, $P_2(a_2)$, $P_K(a_K) \models$ Ax[$P_1(x)$ и $P_2(x)$ и и $P_K(x)$]. — *107.*

[5] См. прим. 3 и 4. — (3) Если каждое из высказываний $P_1(a)$, $P_2(a)$, $P_K(a)$ грамматически правильно построенное высказывание, то верно, что $P_1(a)$, $P_2(a)$, ..., $P_K(a) \models$ [$P_1(a)$ и $P_2(a)$ и и $P_K(a)$], причем, для того чтобы результирующая конъюнкция была

непротиворечивой, необходимо, чтобы каждый конъюнкт был непротиворечивым высказыванием. — *107*.

[6] В высказываниях вида «а есть Р» глагол «есть» не означает «существует». Поэтому из истинности высказывания «а есть Р» не следует ни то, что вещь а существует, ни то, что она не существует. — *107*.

Глава двенадцатая

[1] См. прим. 3 к гл. 10. — *108*.

[2] (1) Неверно: $\neg Mp \Leftrightarrow M\neg p$. (2) Верно: $\neg Mp \Leftrightarrow Up$. — *108*.

[3] Существуют р такие, для которых верно (Mp и $M\neg p$). См. прим. 5, 8, 15, 16 к гл. 9. — *108*.

[4] $M(p$ и $\neg p) \Longrightarrow (Mp$ и $M\neg p)$. См. наше предисловие, а также прим. 5 к гл. 9 и прим. 7—9 к гл. 10 «Категорий». — *108*.

[5] Поскольку в актуально сущем невыполнимо соотношение (p и $\neg p$), но вместе с тем выполнимо соотношение (Mp и $M\neg p$), очевидно, что $M\neg p$ не есть отрицание высказывания Mp. См. прим. 3. — *108*.

[6] Модальные понятия истолкованы как предикаты от копулы. — *109*.

[7] (Mp и $M\neg p) \Longrightarrow (Mp \Leftrightarrow M\neg p)$. Ср. «Первая аналитика», 32 а 21—40. — *109*.

[8] См. 21 b 26—32, а также прим. 6. — *109*.

[9] Суммируем результаты, полученные в гл. 12:

	модальность	отрицание	
12.9.1	$\Diamond$	$\neg\Diamond$	
12.9.2	o	$\neg$o	
12.9.3	$\Box$	$\neg\Box$	
12.9.4	$\Diamond\neg$	$\neg\Diamond\neg$	(21b 33—34)
12.9.5	$\Box\neg$	$\neg\Box\neg$	(22a 5)
12.9.6	o$\neg$	$\neg$o$\neg$	(22a 7—8). — *109*.

Глава тринадцатая

[1] «Следование» нужно здесь понимать как «эквивалентное следование». — *110*.

[2] Для дальнейшего обсуждения выставлены следующие соотношения, каждое из которых отвечает некоторому интуитивному смыслу, вкладываемому в соответствующее модальное слово:

13.2.1. $\Diamond \Leftrightarrow \neg$o
13.2.2. $\Diamond \Leftrightarrow \neg\Box$
13.2.3. $\Diamond\neg \Leftrightarrow \neg\Box\neg$
13.2.4. $\Diamond\neg \Leftrightarrow \neg$o$\neg$
13.2.5. $\neg\Diamond \Leftrightarrow \Box\neg$
13.2.6. $\neg\Diamond \Leftrightarrow$ o
13.2.7. $\neg\Diamond\neg \Leftrightarrow \Box$
13.2.8. $\neg\Diamond\neg \Leftrightarrow$ o$\neg$. — *110*.

[3] Соотношение 13.2. (см. прим. 2) вынуждает к признанию следующих модальностей отрицаниями друг друга:

	модальность	отрицание
13.3.1	$\neg \Diamond$	$\Diamond$
13.3.2	$\neg \circ$	$\circ$
13.3.3	$\neg \Box$	$\Box \neg$
13.3.4	$\neg \Diamond \neg$	$\Diamond \neg$
13.3.5	$\neg \circ \neg$	$\circ \neg$
13.3.6	$\neg \Box \neg$	$\Box$

Эти соотношения, за исключением 3.3. и 3.6., согласованы с соотношениями 12.9. (см. прим. 9 к гл. 12), причем соотношения 3.3. и 3.6., очевидно, эквивалентны и являются следствиями также эквивалентных соотношений 13.2.2. и 13.2.3. при условии, что принимается соотношение 13.2.7. (или какое-либо соотношение, эквивалентное последнему, например: $\Diamond \neg \Longleftrightarrow \neg \Box$).

Соотношение ($\neg \Box$ p $\Longleftrightarrow \neg \Box \neg$ p), являющееся следствием соотношений 13.2.2. и 13.2.3., эквивалентно соотношению ($\Diamond \neg$ p $\Longleftrightarrow \Diamond$ p), являющемуся следствием соотношения ($\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p) (ср. прим. 7 к гл. 12), выражающего суть случайных событий (см. прим. 15 к гл. 9).

Аристотель, с одной стороны, полагает, что соотношения 12.9. безусловно верны. С другой стороны, он пытается оправдать интуицию, лежащую в основе соотношений 2.2. и 2.3. и, стало быть, соотношений 3.3. и 3.6. Эту трудность Аристотель преодолевает путем различения двух видов возможности, обсуждая ее в виде задачи определения отрицания необходимости и вопроса об общезначимости соотношения ($\Box$ p $\Longrightarrow \Diamond$ p). — *110.*

[4] «Но в обратном порядке», ибо, в то время как в выражении 13.2.1. отрицание стоит перед словом «невозможно», в выражении 13.2.6. оно стоит перед словом «возможно», причем «следует по противоречию» означает «есть отрицание». — *110.*

[5] Отбрасывается 3.3. и тем самым 3.6. — *110.*

[6] Принимается: $\Box \neg$ p $\Longrightarrow \neg \Box$ p. — *110.*

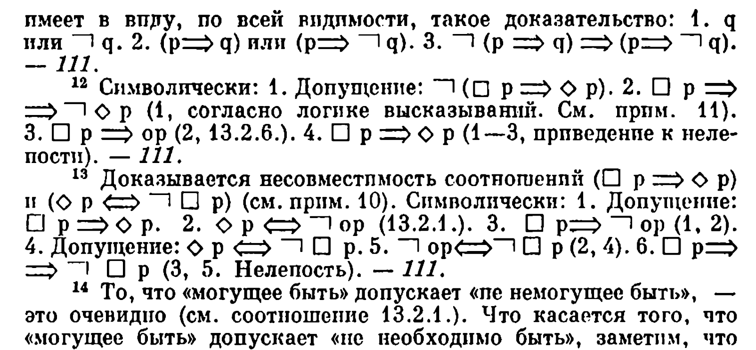
[7] Неверно: оp $\Longrightarrow \Box$ p. Однако верны: (1) оp $\Longleftrightarrow \Box \neg$ p, (2) о $\neg$ p $\Longleftrightarrow \Box$ p. — *111.*

[8] См. 22 b 4—5. — *111.*

[9] В отрывке 22 a 38 — b 10 противопоставлены, с одной стороны, возможность и невозможность, а с другой — необходимость и невозможность, причем возможность и невозможность противолежат друг другу по противоречию (т. е. являются контрадикторными отрицаниями друг друга), и поэтому в выражениях 13.2.1. и 13.2.6. отрицание стоит перед модальными словами (см. прим. 4), а необходимость и невозможность противолежат друг другу по противоположности (т. е. являются оппозиционными отрицаниями друг друга), и поэтому в выражениях 7.(1). и 7.(2). отрицание стоит перед высказываниями (см. прим. 7). — *111.*

[10] Дело в том, что если из необходимости следует возможность, то неверно, что возможность есть отрицание необходимости. Таким образом, найдено интуитивно приемлемое соотношение, которое тем не менее несовместимо с соотношением 13.2.2. — *111.*

[11] Закон исключенного третьего влечет следующий закон логики высказываний: $\neg$ (p $\Longrightarrow$ q) $\Longrightarrow$ (p $\Longrightarrow \neg$ q). Аристотель

имеет в виду, по всей видимости, такое доказательство: 1. q или $\neg$ q. 2. (p $\Rightarrow$ q) или (p $\Rightarrow \neg$ q). 3. $\neg$ (p $\Rightarrow$ q) $\Rightarrow$ (p $\Rightarrow \neg$ q). — *111*.

[12] Символически: 1. Допущение: $\neg (\Box p \Rightarrow \Diamond p)$. 2. $\Box p \Rightarrow \neg \Diamond p$ (1, согласно логике высказываний. См. прим. 11). 3. $\Box$ p $\Rightarrow$ op (2, 13.2.6.). 4. $\Box p \Rightarrow \Diamond p$ (1—3, приведение к нелепости). — *111*.

[13] Доказывается несовместимость соотношений ($\Box p \Rightarrow \Diamond p$) и ($\Diamond p \Leftrightarrow \neg \Box p$) (см. прим. 10). Символически: 1. Допущение: $\Box p \Rightarrow \Diamond p$. 2. $\Diamond p \Leftrightarrow \neg$ op (13.2.1.). 3. $\Box p \Rightarrow \neg$ op (1, 2). 4. Допущение: $\Diamond p \Leftrightarrow \neg \Box p$. 5. $\neg$ op $\Leftrightarrow \neg \Box$ p (2, 4). 6. $\Box p \Rightarrow \neg \Box p$ (3, 5. Нелепость). — *111*.

[14] То, что «могущее быть» допускает «не немогущее быть», — это очевидно (см. соотношение 13.2.1.). Что касается того, что «могущее быть» допускает «не необходимо быть», заметим, что Аристотель в «Первой аналитике» (32 a 18—20) определяет возможное в собственном смысле как «не немогущее и не необходимое», т. е. как «могущее быть и могущее не быть» (см. прим. 3, а также прим. 2 к гл. 12.). — *111*.

[15] Если истинно «$\neg$ op», то ложно «$\Box \neg$ p», и если истинно «$\neg \Box$ p», то ложно «$\Box$ p». — *111*.

[16] К отрывку 22 b 17—21: (1) ложность соотношения ($\Diamond p \Rightarrow \Box \neg p$) очевидна (ср. соотношение 13.2.5.). (2) Ложность соотношения ($\Diamond p \Rightarrow \Box p$) доказывается в предположении верности соотношения ($\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p): 1. Допущение: $\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p. 2. $\Diamond p \Leftrightarrow \Diamond \neg p$ (1, см. прим. 7 к гл. 12). 3. $\neg \Diamond p \Leftrightarrow \neg \Diamond \neg p$ (2). 4. $\neg \Diamond p \Leftrightarrow \Box \neg p$ (13.2.5.). 5. $\neg \Diamond \neg p \Leftrightarrow \Box \neg p$ (3, 4). 6. $\neg \Diamond p \Leftrightarrow \Box p$ (5). 7. $\neg (\Diamond p \Rightarrow \Box p)$ (6). — *111*.

[17] Символически: ($\Box$ p или $\Box \neg$ p) $\Rightarrow \neg$ ($\neg$ op и $\neg \Box$ p), т. е. ($\Box$ p или $\Box \neg$ p) $\Rightarrow \neg$ ($\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p). Ср. прим. 14. — *111*.

[18] Поскольку отбрасываются соотношения (1) $\Diamond p \Leftrightarrow \Box p$ (см. прим. 16), (2) $\Diamond p \Leftrightarrow \neg \Box p$ (см. прим. 13) и (3) $\Diamond p \Leftrightarrow \Box \neg p$ (см. прим. 16), «остается, таким образом, сказать, что» (4) $\Diamond p \Leftrightarrow \neg \Box \neg p$. — *111*.

[19] А именно $\Box p \Rightarrow \neg \Box \neg p$ (и тем самым отбрасывается 13.3.6.). — *111*.

[20] Из соотношений 13.2.5. и 13.2.6. вытекает, что «не необходимо не быть» противоречит «немогущему быть». — *111*.

[21] (1) $\neg (\Box p \Rightarrow \neg \Diamond p)$. (2) $\neg (\Box p \Rightarrow \Diamond \neg p)$. Следовательно, верно (3) $\Box p \Rightarrow \Diamond p$. — *111*.

[22] В предположении справедливости соотношения ($\Box p \Rightarrow \Diamond p$) доказывается необщезначимость соотношения ($\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p): 1. Допущение: $\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p. 2. $\Diamond p \Leftrightarrow \Diamond \neg p$ (1). 3. $\Box p \Rightarrow \Diamond p$ (предположение). 4. $\Box p \Rightarrow \Diamond \neg p$ (3,2.) в противоречии с 21. (2). (см. прим. 21). — *112*.

[23] Не для каждого p справедливо ($\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p), ибо «необходимо сущее имеется в действительности» (23 a 21—22). — *112*.

[24] Ср. прим. 5 к гл. 9. — *112*.

[25] Вводится понятие могущего, удовлетворяющего условию (p $\Rightarrow \Diamond$ p). — *112*.

[26] Вводится понятие могущего, удовлетворяющего условию ($\Diamond$ p и $\Diamond \neg$ p). — *112*.

[27] См. «Метафизика», 1065 b 16. — *112*.

[28] Для обоих видов могущего справедливо соотношение 13.2.1. — *112*.

[29] Безусловная необходимость — это необходимость, являющаяся оппозитом (дуалом) возможности, удовлетворяющей условию (p ⟹ ◇p). — *112*.

[30] Могущее, удовлетворяющее условию (◇p и ◇¬p), не удовлетворяет условию (□p ⟹ ◇p). Могущее, удовлетворяющее условию (p ⟹ ◇p), удовлетворяет также условию (□p ⟹ ◇p). — *112*.

[31] A ⊆ Б тогда и только тогда, когда для любого X [X ⊆ A ⟹ X ⊆ Б]. Ср. прим. 15 к гл. 13 «Первой аналитики» I. — *112*.

[32] Сформулирована Гипотеза Аристотеля, эквивалентная Принципу фон Райта (см. наше предисловие): Ap [либо (□p или □¬p), либо (¬◇p и ¬□p)]. — *112*.

[33] Ep (□p или ¬□p). — *112*.

[34] (□p ⟹ p) и (p ⟹ ◇p). — *112*.

[35] Ср. «Метафизика», 1050 b 3—19. — *113*.

[36] Ср. «Метафизика», 1049 b 10—1050 a 23. — *113*.

[37] Ср. «Метафизика», 1048 b 9—17. — *113*.

Глава четырнадцатая

[1] Выставлено требование адекватности выражения мысли в языке. — *113*.

[2] Обозначим через «(A)» мнение об A, через «(Б)» — мнение о Б. Если (A) противоположно (Б), то A = Б. — *114*.

[3] Имеется неограниченное число таких мнений, в то время как существует только одно мнение, противоположное данному. См. 17 a 27—28, а также прим. 3 к гл. 10. — *114*.

[4] Сказываемое само по себе есть частный случай сказываемого безусловно. См. «Вторая аналитика», 83 a 16, 20. — *114*.

[5] Не злом может быть все, что угодно. См. прим. 3. — *114*.

[6] Высказывание «p» более истинно, чем высказывание «q», тогда и только тогда, когда высказывание «¬q» менее ложно, чем высказывание «¬p». Термины «более (менее) истинно», «более (менее) ложно» употреблены здесь, говоря языком Стагирита, не безусловно, а привходящим образом (не в прямом, а в переносном смысле), ибо аристотелевское определение истинного и ложного (см. «Метафизика», 1011 b 26—27) делает неуместным рассматривание степеней истинности и ложности. Когда высказывание «A есть C» истинно, то истинно оно просто, независимо от того, каков модально-онтологический статус атрибута C. — *114*.

[7] «A не есть A» есть необходимое условие для «A есть ¬A» (ср. прим. 3 к гл. 10). — *114*.

[8] A именно у сущностей и у качеств (см. «Категории», 3 b 24—25 и 5 b 11). — *115*.

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ АНАЛИТИКИ

Analytika protera. Analytika hystera. — В античности наиболее известные комментарии к «Аналитикам» составили перипатетик Александр Афродисийский (II—III вв. н.э.), Фемистий Пафлагонский (IV в. н. э.), Филопон (CAG XII, 2), Проб, Аммоний Гермий (CAG IV, 6). Комментарии Александра Афродисийского

имеют ту отличительную особенность, что в них стоическая пропозициональная логика зачастую трактуется как своего рода метасистема по отношению к аристотелевским силлогистическим дедукциям. В своей экспликации учения Стагирита о силлогизме Я. Лукасевич в 1951 г. во многих случаях принимал во внимание разъяснения Александра Афродисийского (см. *Я. Лукасевич.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959).

Фемистий Пафлагонский составил парафраз «Второй аналитики» (CAG V, 1) в духе отделения аристотелизма от платонистских напластований. В комментариях Иоанна Филопона — возможно, впервые — появляются идеографические средства (незамкнутые дуги) для иллюстрации силлогистических закономерностей (*I. Philoponus.* Commentarii in Aristotelis analytica priora, graece. Venetiis, 1536). Для комментариев его ко «Второй аналитике» характерна тенденция преодолевать логико-гносеологические трудности за счет семиотико-грамматических дистинкций (*см. R. Vaucourt.* Les derniers commentateurs alexandrins d'Aristote. Lille, 1941). Комментарии Проба сыграли важную роль в облегчении процесса проникновения и распространения идей аристотелевских «Аналитик» на Востоке. Аммоний выдвигает важную идею классификации силлогизмов на категорические, гипотетические и получающиеся посредством присоединения (kata proslēpsin) к одной из посылок дополнительного предложения (Ammonii in Aristotelis Analyticorum Priorum librum I commentarium. Ed. M. Wallies. Berolini, 1899, S. IX).

В Западной Европе «Аналитики» стали известны в XII в., когда был опубликован перевод их на латинский язык, выполненный Яковом из Венеции в 1128 г. (см. *L. Minio-Paluello.* Jacobus Veneticus Grecus, Canonist and Translator of Aristotle. — «Traditio», v. 8 (1952), p. 265—304).

В XIII в. западноевропейские ученые смогли ознакомиться также с латинскими переводами комментариев арабоязычных авторов к «Аналитикам», в том числе с очень важными комментариями Ибн-Рушда в переводе Майкла Скота (1190 — ок. 1235). Скрупулезные толкования аристотелевских текстов составили наиболее авторитетные схоластики. Первые две главы «Второй аналитики» комментировал Фома Аквинский («Opera omnia». Antwerpiae, 1612). Иоанн Дунс Скот (*Joannes Duns Scotus.* Quaestiones super Analytic. Pr. I. In: «Opera omnia». Lugduni, 1639) в своих комментариях рассматривает силлогизм как разновидность формального следования. Он открывает логический закон «Ex falso quodlibet», согласно которому имеет место импликация: $p \rightarrow (\bar{p} \rightarrow q)$. Альберт Больштедтский (*Albertus Magnus.* Commentaria in IV libros logicae Aristotelis. Coloniae, 149?) далек от переоценки «познавательной силы» силлогистических умозаключений, он прямо указывает на неприложимость силлогизма к рассуждениям в связи с конкретными биологическими изысканиями.

Присоединение в промежутке 1136—1141 гг. материала «Второй аналитики» к тогдашнему содержанию логики явилось поворотным пунктом в развитии схоластической «диалектики», приведшим к оформлению т. н. новой логики (logica nova), отличавшейся, если можно так выразиться, эпистемологизацией силлогистики.

В эпоху Ренессанса ценные комментарии к «Аналитикам» были выполнены А. Нифо (*Augustinus Niphus*. Commentaria in libr. Pr. Analyticorum. Neap., 1526; Commentaria in libr. Poster. Analyticorum. Parisiis, 1540) и Джакомо Дзабареллой (XVI в.) (*Zabarela Jacobus*. Opera logica. Coloniae, 1579), который пытался вычитать во «Второй аналитике» элементы индуктивной логики в форме анализа двух видов демонстрации от последующего к предыдущему, а именно: рассуждения от следствий или знаков к причинам и выводы от чувственного индивидуального к рациональному общему (см. также *А. О. Маковельский*. История логики. М., 1967, стр. 303—304). Усиление внимания в эпоху Возрождения к проблеме метода следует поставить в несомненную связь с комментариями А. Нифо и Д. Дзабареллы (см. *M. Kneale* and *W. Kneale*. Development of Logic. Oxford, 1962, p. 306—307). Другим фактором, повлиявшим на становление эмпирической логики в эту эпоху, можно считать комментарии ко «Второй аналитике» Ибн-Рушда, с которыми в Парижском университете познакомились уже в 1230 г. (см. *R. De Vaux*. La première entrée d'Averroès chez les latins. —«Revue des sciences philos. et theolog.», t. 22 (1933), p. 193—345).

Дальнейшая история освоения содержания «Аналитик», в частности первой, была во многом определена изданием Юлия Пация (1550—1625/6): *J. B. Pacius*. Aristotelis Stagiritae, peripateticorum principis, Organum (1584), где использованы отличные от кругов фигуры для силлогистических идеограмм. Для комментариев Пация характерно широкое использование топологически-мнемонических средств (наподобие т. н. логического квадрата).

В Новое время «Аналитики» неоднократно издавались на основных европейских языках. Разбору их посвящена обширнейшая литература.

Приводим краткую библиографию современных экспликаций и интерпретаций аристотелевской силлогистики: *D. Hilbert* und *W. Ackermann*. Grundzüge der theoretischen Logik. Berlin, 1928 (см. *Д. Гильберт* и *В. Аккерман*. Основы теоретической логики. М., 1947, стр. 73—80); *F. Solmsen*. Die Entwicklung der aristotelischen Logik und Rhetorik. Berlin, 1929; *A. Becker*. Die aristotelische Theorie der Möglichkeitsschlüsse. Münster, 1932; *J. Słupecki*. Uwagi o sylogistyce Arystotelesa. — «Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska». Lublin, v. 1, n. 3, sectio F (1946), p. 187—191; *J. Słupecki*. Z badań nad sylogistyką Arystotelesa. — «Travaux de la Société des Sciences et des Lettres de Wrocław», sér. B, N 9. Wrocław (1948); *A. Wedberg*. The Aristotelian Theory of Classes. — «Ajatus» (Helsinki), vol. 15 (1949), p. 299—314; *J. Łukasiewicz*. Aristotle's Syllogistic from the Standpoint of Modern Formal Logic. Oxford, 1951; *В. А. Беляев*. Логика Аристотеля. Киев, 1953; *K. Härtig*. Über die Struktur der klassischen Syllogistik. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität. Halle—Wittenberg. Math. Nat. Reihe», 1953, Bd. 2, S. 165—189; *M. Sanchez-Mazas*. The Theory of the Syllogism Developed in Algebraic Form. — «Theoria», 1954, v. 2, N 7—8, p. 95—109; *J. M. Bocheński*. Formale Logik. Freiburg/München, 1956; *J. C. Shepherdson*. On the Interpretation of Aristotelian Syllogistic. — «Journal of Symbolic Logic», 1956, v. 21, N 2, p. 137—147; *J. A. Farris*. The Gergonne Relations. — «Journal of

Symbolic Logic», 1955, v. 20, N 3, p. 207—231; *Ivo Thomas*. A Generalization of Preceding Paper. — «Journal of Symbolic Logic», 1956, v. 21, N 1; *P. Lorenzen*. Über die Syllogismen als Relationenmultiplikationen. — «Archiv für mathematische Logik und Grundlagenforschung», 1957, Bd. 3, N 3—4, S. 112—116; *G. Patzig*. Die aristotelische Syllogistik. Göttingen, 1959; *А. С. Ахманов*. Логическое учение Аристотеля. М., 1960; *А. Л. Субботин*. Теория силлогистики в современной формальной логике. М., 1965; *А. О. Маковельский*. История логики. М., 1967, стр. 89—169; *Н. И. Стяжкин*. Формирование математической логики. М., 1967, стр. 34—60; «Ancient Logic and its Modern Interpretations. Proceedings of Buffalo Symposium on Modernist Interpretations of Ancient Logic. Ed. by J. Corcoran. Dordrecht — Boston, 1974 (экспликация Дж. Коркораном аристотелевской силлогистики критически рассмотрена и частично обобщена в работе В. А. Гладыревской «Некоторые вопросы реконструкции аристотелевской силлогистики Я. Лукасевичем». М., 1977). Обзор некоторых современных интерпретаций аристотелевской силлогистики см. в работе: *П. С. Попов* и *Н. И. Стяжкин*. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974, стр. 80—88. За дальнейшими библиографическими данными, касающимися формализации Стагиритовой силлогистики средствами современной математической логики, отсылаем к ценной работе: *A. Church*. A Bibliography of Symbolic Logic. — «Journal of Symbolic Logic», v. 1, N 3. Библиографические сведения об экспликациях аристотелевской силлогистики с позиций логики гносеологического типа можно получить в трудах М. Шваба (*M. Schwab*. Bibliographie d'Aristote. Paris, 1896) и Г. Боница (*H. Bonitz*. Index Aristotelicus. Berlin, 1870). Примером попытки экспликации аристотелевской силлогистики средствами диалектической логики может служить книга Д. В. Джохадзе «Основные этапы развития античной философии». М., 1977 (см. раздел «Элементы диалектики в теории умозаключения»). Ср. «История античной диалектики». М., 1972, стр. 201—218. В. Ф. Асмус в своей книге «Античная философия» относится к проблеме диалектики в аристотелевской силлогистике более сдержанно.

Полного обзора экспликаций силлогистики Стагирита под углом зрения математической, традиционной и диалектической логик пока не существует. Ликвидация этого пробела представляется нам актуальной задачей советских историков логики.

Охарактеризуем кратко основные идеи некоторых современных экспликаций аристотелевской силлогистики.

Д. Гильберт и В. Аккерман (1928) постарались выразить силлогистику Стагирита на языке комбинированного исчисления высказываний и одноместных предикатов. В их записи функтор a выразим посредством $|\bar{X} \vee Y|$, функтор e — $|\bar{X} \vee \bar{Y}|$, функтор o — $\overline{|\bar{X} \vee Y|}$, функтор i — $\overline{|\bar{X} \vee \bar{Y}|}$, где заключение выражения в вертикальные скобки означает, что оно имеет силу для всех предметов. Начертания $|\bar{x}|$ и $\overline{|x|}$ рассматриваются как существенно различные. Первое означает: «все предметы суть не-x», а второе — «неверно, будто все предметы суть x». Сокращение числа правильных модусов с 19 до 15 в связи с отбрасыванием Darapti, Bramantip, Felapton и Fesapo при подходе Д. Гильберта и В. Аккермана объясняется разницей в понимании смысла об-

щего высказывания (по сравнению с Аристотелем), а также тем, что предметная область силлогистики у Стагирита конституируется не из индивидов, а из универсалий (наподобие «животности», «разумности», «прямоугольности» и т. д.), комбинируемых с помощью a, e, i и o.

Ф. Сольмсен (1929) скрупулезно проследил, как в различных по времени изложениях силлогистики у самого Стагирита постепенно отступали на задний план платонистские моменты за счет усиления формально-аксиоматических элементов.

А. Беккер (1932) попытался взглянуть на модальную силлогистику Аристотеля сквозь призму филологического анализа, приведшего, в частности, к установлению двусмысленности в употреблении термина «endechomenon» у Стагирита и, следовательно, к осознанию того, что возможны различные формальные системы для экспликации аристотелевской модальной силлогистики.

Е. Слупецкий (1946; 1948) показал, что число неразрешимых предложений относительно аксиоматической теории принятия и отбрасывания тезисов аристотелевской силлогистики не является конечным. Он доказал также, что силлогистическая теория отбрасывания должна быть дополнена следующим правилом: если α и β суть простые отрицательные выражения аристотелевской силлогистики, а γ — элементарное выражение, то в таком случае при отбрасывании импликаций $\alpha \rightarrow \gamma$ и $\beta \rightarrow \gamma$ должна также отбрасываться и импликация $\alpha \rightarrow (\beta \rightarrow \gamma)$.

А. Ведберг (1949) полагает, что для формализации ассерторической силлогистики Стагирита достаточен язык теории классов. В. А. Беляев (1953) настаивал на положении о неадекватности алгебраических формализмов ядру концептуального содержания Стагиритовой силлогистики, аргументируя в основном филологическими соображениями. К В. А. Беляеву впоследствии примкнули А. С. Ахманов (1960) и А. О. Маковельский (1967).

К. Хертиг (1953) трактует силлогистику Стагирита как разновидность абстрактной системы. М. Санчес-Мазас (1954) уточняет отдельные детали формализации силлогистики при подходе Гильберта и Аккермана. И. М. Бохеньский (1956) вносит весьма важные коррективы в схемы Ф. Сольмсена и А. Беккера.

Дж. Шепердсон (1956) строит такую интерпретацию системы Стагирита, при которой базисными элементами являются функтор a и операция взятия дополнения к термину. На этом пути ему удалось вложить силлогистику Аристотеля в импликативную структуру с дополнением.

Дж. Феррис (1955) и Иво Томас (1956) используют для экспликации язык отношений, разработанных Ж. Д. Жергонном. Как фактически показал Иво Томас, перевод силлогистики с языка Лукасевича (1951), который погрузил силлогистику Аристотеля в классическое исчисление высказываний, производя некоторое расширение последнего и аксиоматизируя его на основе импликации и отрицания, на язык Ферриса не представляет принципиальных трудностей, так что обе эти системы являются лишь разными способами изложения силлогистики Аристотеля.

П. Лоренцен (1957) показал, что аристотелевская силлогистика может быть истолкована как теория матрицы умножения в полугруппе: {a, ă, i, e, o, ŏ, T}, где ă есть обратный функтор для a, ŏ — для o и где T есть знак универсального отношения.

Г. Патциг (1959) вопреки А. Ведбергу пытается эксплицировать отличие аристотелевской силлогистики от исчисления классов с помощью следующих трех аксиом:

(1) $\forall x \exists y\ (yax\ \&\ \overline{xay})$

(2) $\forall x \exists y\ (xay\ \&\ \overline{yax})$

(3) $\forall x \exists y\ (yex)$.

Аксиома (1) элиминирует единичный и пустой классы; аксиома (2) устраняет универсальный класс; аксиома (3) постулирует существование попарно несовместимых терминов.

А. Л. Субботин (1965) квалифицирует аристотелевскую силлогистику как пример нижней полуструктуры с нулем в смысле современной алгебры.

В. А. Смирнов и П. Стросон (Strawson) (1967) осуществляют погружение аристотелевской силлогистики в исчисление предикатов.

Сущностью подхода Дж. Коркорана (1974) является истолкование силлогизмов не как импликаций, а как утверждений о выводимости заключения из посылок. На основании содержания гл. 46 кн. I «Первой аналитики» Коркоран, в частности, отводит от Аристотеля упрек Лукасевича, будто он игнорировал отрицательные термины. По Коркорану, реконструкция силлогистики Стагирита выглядит односторонней в том смысле, что исходит только из синтаксических соображений и не учитывает семантических аспектов. И вообще все существующие поныне реконструкции Стагиритовой силлогистики (в последнее время имеется живой интерес к пробам такой реконструкции средствами конструктивной и модальной логик) в той или иной мере либо несколько ее деформируют, либо оставляют за пределами формализации некоторые фрагменты ее содержания. Хотя, с другой стороны, такой результат есть следствие (и он же более или менее это следствие исправляет) того, что истолкования силлогистики Аристотеля как современных нам аксиоматизированных систем проясняют ее неясности и несовершенства, как, например, неполнота набора аксиом, которыми de facto оперировал Стагирит.

В наши дни можно считать, что скептическое и даже иногда нигилистическое отношение к значимости для Нового времени силлогистики Аристотеля, активно утверждавшееся великими новаторами XVII в. и вновь вспыхнувшее к началу XX в. в связи с крупными успехами математической (символической) логики, ушло в прошлое. «Аристотелев «Органон» есть и поныне самое прекрасное и поучительное введение в логику, которое когда-либо было кем-то написано» (*H. Scholz*. Geschichte der Logik. Berlin, 1931, S. 27). В логике повседневного мышления традиционная силлогистика ассерторических суждений не потеряла своего значения и, может быть, не утратит его полностью никогда.

И. С. Нарский и *Н. И. Стяжкин*

Первый русский перевод «Первой аналитики» был осуществлен Н. Н. Ланге (1891—1894). Обе «Аналитики» были изданы в переводе Б. А. Фохта (*Аристотель*. Аналитика первая и вторая. М., 1952). В настоящем издании публикуется перевод Фохта, заново сверенный с греческим текстом по изданию У. Д. Росса (1964).

ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА

Книга первая

Глава первая

[1] См. «Вторая аналитика» I, 2; «Метафизика», 1005 b 2—8. — *119.*

[2] См. «Об истолковании», 7. — *119.*

[3] В «Аналитиках» выражения «А присуще Б», «А сказывается о Б», «А говорится о Б», «Б есть А», «Б содержится в А», «Б принадлежит А», «Б подчинено А» употребляются Аристотелем как синонимичные. — *119.*

[4] Ср. «Топика», 101 b 32—33. — *119.*

[5] См. «Вторая аналитика» I, гл. 2, 11, 32; II, 19; «Метафизика», 1013 a 16, 18—19, b 20. — *119.*

[6] «Топика», 100 a 27—30, 104 a 8. — *120.*

[7] «Вторая аналитика» I, гл. 4—12. — *120.*

[8] Ср. «Об истолковании», 16 a 17—18, b 29—30, 21 b 27. — *120.*

[9] Ср. «Топика», 100 a 25—27; «О софистических опровержениях», 165 a 1—2. — *120.*

[10] «Не требуется постороннего термина» — вполне допустимая вольность речи в силлогистике (вместо «не требуется посторонней посылки»), ибо (42 b 13—14) «вместе с термином прибавляется и одна посылка». — *120.*

[11] Различие между определениями силлогизма и совершенного силлогизма выражено с помощью фраз «для *возникновения* необходимости» и «для *выявления* необходимости». Любой правильный силлогизм наделен силлогистической необходимостью, но только в совершенном силлогизме это свойство выражено очевидным образом, явно. Ср. 33 a 31. — *120.*

Глава вторая

[1] Дословно: «смотря по тому, что прибавлено». — *120.*

[2] Antistrephein — это преобразование посылки АхБ в посылку ВуГ такую, что пара терминов ВГ есть (быть может, пустая) перестановка пары АБ, а х и у — произвольные (и, значит, не обязательно различные), но согласованные способы сказывания в том смысле, что они либо оба ассерторичны, либо оба модальны. В настоящем переводе термины «обращение», «перестановка» зарезервированы для случая, когда ВГ = БА. Для случая, когда ВГ = АБ, использован термин «превращение». Выражение «посылка АБ обратима» означает: существуют х, у, В и Г такие, что соотношение «АхБ $\Longrightarrow$ ВуГ» есть закон силлогистики. — *120.*

[3] АеБ $\Longrightarrow$ БеА. — *120.*

[4] АаБ $\Longrightarrow$ БіА. — *121.*

[5] АіБ $\Longrightarrow$ БіА. — *121.*

[6] Не существует ассерторического способа сказывания х такого, чтобы имело место: АоБ $\Longrightarrow$ БхА. — *121.*

[7] Запись вида «АБ» используется для обозначения посылки с неспецифицированным способом сказывания, т. е. «АБ» означает то же самое, что «АхБ». — *121.*

[8] Доказательство обратимости общеотрицательной посылки (см. прим. 3) посредством приведения к невозможному с применением эктезиса (см. прим. 3 к гл. 6): 1. Допущение: неверно БеА. 2. БiА (1, по определению). 3. В = Б ⌒ А (2, эктезис). 4. В ⊆ А и В ⊆ Б (3, по определению). 5. В ≠ 0 (2, по определению). 6. АiБ (4, 5, по определению). 7. Неверно АеБ (6, по определению) в противоречии с предположением доказываемого утверждения. — *121.*

[9] Обратимость частноутвердительной посылки (см. прим. 6) опровергается с помощью построения контрпримеров. Правда, Аристотель приводит лишь один контрпример, а именно (живое существо, человек) верифицирующий посылку АоБ и фальсифицирующий заключение БоА и a fortiori — заключение БеА; что же касается контрпримера относительно заключений БаА и БiА, то его построение Аристотель предоставляет читателю. Типичным аристотелевским контрпримером, пригодным для обоих случаев, была бы пара (живое существо, камень). — *121.*

Глава третья

[1] Доказательство обратимости общеотрицательной посылки о необходимо присущем предполагает обратимость частноутвердительной посылки о возможно присущем. — *121.*

[2] Доказательство обратимости общеутвердительной посылки о необходимо присущем предполагает обратимость общеотрицательной посылки о возможно присущем и справедливость закона подчинения для общеутвердительной посылки о необходимо присущем. — *122.*

[3] См. 25 а 10—12, а также прим. 6 к гл. 2. — *122.*

[4] Как и в соответствующих ассерторических посылках. — *122.*

[5] Следует читать: «ибо если Б необходимо не присуще ни одному А». — *122.*

[6] Следует читать: «то и А было бы необходимо не присуще ни одному Б». — *122.*

[7] См. 25 а 29—32, а также прим. 1. Так что доказательство обратимости частноутвердительной посылки о возможно присущем со своей стороны опирается на закон обратимости общеотрицательной посылки о необходимо присущем. Однако в этой взаимной ссылке вряд ли следует усматривать круг в рассуждении. Скорее всего Аристотелю хотелось показать дедуктивную эквивалентность рассматриваемых законов. — *122.*

[8] На примере фактически дано доказательство e^M-обратимости с использованием i^L-обратимости. — *122.*

[9] См. 25 а 32—34. — *122.*

[10] o^M необратима так же, как и o и o^L. — *122.*

[11] Имеется в виду «собственно возможное» в смысле «не необходимое, но не невозможное» (см. 32 а 18—20). Ср. «Об истолковании», 9, 13. — *122.*

[12] Неверно: $Ae^TБ \Longrightarrow Бe^TA$. Вместе с тем Аристотель принимает: $Ao^TБ \Longrightarrow Бo^TA$. — *122.*

[13] См. 36 а 35—37 а 31, а также 32 а 29—32 b 1. — *122.*

[14] См. гл. 46. Ср. «Об истолковании», 12. — *123.*

Глава четвертая

[1] Во «Второй аналитике». — *123.*

[2] Эти определения следует понимать как определение расположения терминов в первой фигуре. — *123.*

[3] Barbara. — *123.*

[4] См. 24 b 28—30. — *123.*

[5] Celarent. — *123.*

[6] аех отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, человек, лошадь). (2) Для x = a или i: (живое существо, человек, камень). — *123.*

[7] еех отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (знание, линия, врачебное искусство). (2) Для x = a или i: (знание, линия, единица). — *124.*

[8] Darii. — *124.*

[9] Ferio. — *124.*

[10] См. 24 b 30. — *124.*

[11] Неопределенные посылки, т. е. посылки вида «Б присуще В» или «Б не присуще В», рассматриваются в «Аналитиках» как равнозначные частным посылкам. — *124.*

[12] iах и оах отбрасываются при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (благо, состояние, благоразумие). (2) Для x = a или i: (благо, состояние, невежество). — *124.*

[13] iех и оех отбрасываются при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (белое, лошадь, лебедь). (2) Для x = a или i: (белое, лошадь, ворон). — *125.*

[14] аох отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или a: (живое существо, человек, белое). (2) Для x = o: (живое существо, человек, лебедь). (3) Для x = i: (живое существо, человек, снег). — *125.*

[15] еох отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = a или e: (неодушевленное, человек, белое). (2) Для x = i: (неодушевленное, человек, лебедь). (3) Для x = o: (неодушевленное, человек, снег). — *125.*

[16] Неопределенность частноотрицательной посылки состоит в том, что она следует как из общеотрицательной посылки, так и из конъюнкции частноотрицательной и частноутвердительной посылок. «Присуще не всем» означает здесь именно такую конъюнкцию: «присуще некоторым и не присуще некоторым». Ср. 27 b 20—23, 27—28; 28 b 28—31; 29 a 6; 35 a 11. В указанном смысле неопределенна также и частноутвердительная посылка, ибо она следует как из общеутвердительной посылки, так и из конъюнкции частноутвердительной и частноотрицательной посылок. — *125.*

[17] См. 26 a 2—9. — *125.*

[18] iiх, ioх, oiх и ooх отбрасываются при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, белое, лошадь). (2) Для x = a или i: (живое существо, белое, камень). — *125.*

Глава пятая

[1] Cesare сводится к Celarent посредством е-обращения. — *126.*

[2] См. 25 b 40—26 a 2. — *126.*

[3] Camestres сводится к Celarent двукратным применением е-обращения. — *127.*

[4] Что и при сведéнии Cesare, т. е. получится Celarent. — *127.*

[5] Доказательство Cesare: 1. Предположение: МеН и МаО. 2. Допущение: ложно НеО. 3. HiO (2, по определению). 4. МеН (по предположению). 5. МоН (4, 3, Ferio) в противоречии с посылкой МаО.

Доказательство Camestres: 1. Предположение: МаН и МеО. 2. Допущение: ложно НеО. 3. HiO (2, по определению). 4. МаН (по предположению). 5. MiO (4, 3, Darii) в противоречии с посылкой МеО. — *127.*

[6] Подразумевается посторонний термин (см. 24 b 21—22) или неявно предполагаемая посылка, содержащая этот термин. Ср. прим. 10 к гл. 1. — *127.*

[7] aax отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (сущность, живое существо, человек). (2) Для x = a или i: (сущность, живое существо, число). — *127.*

[8] eex отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (линия, живое существо, человек). (2) Для x = a или i: (линия, живое существо, камень). — *127.*

[9] См. 27 a 3—5. — *127.*

[10] Festino сводится к Ferio посредством е-обращения. — *127.*

[11] Baroco сводится к Barbara через приведение к невозможному. — *128.*

[12] Другая формулировка Baroco. «Присуще не всем» означает здесь «не присуще некоторым». — *128.*

[13] oax отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, сущность, ворон). (2) Для x = a или i: (живое существо, белое, ворон). — *128.*

[14] iex отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, сущность, единица). (2) Для x = a или i: (живое существо, сущность, знание). — *128.*

[15] eox отбрасывается. Контрпример для x = a или i: (черное, снег, живое существо). В качестве контрпримера для x = e или o можно было бы взять тройку (линия, живое существо, человек), используемую Аристотелем для отбрасывания модуса с общеотрицательными посылками (см. прим. 8). — *128.*

[16] Если, стало быть, посылка МоО взята как неопределенная (см. прим. 16 к гл. 4). — *128.*

[17] Доказана невозможность построения контрпримера при неопределенности МоО. — *128.*

[18] Коль скоро из посылок вида ее ничего не следует силлогистически, то a fortiori ничего не будет следовать из посылок вида eo (см. 26 b 14—21). — *129.*

[19] aix отбрасывается. Контрпример для x = a или i: (белое, лебедь, камень). В качестве контрпримера для x = e или o можно взять тройку (сущность, живое существо, человек), используемую для отбрасывания модуса с общеутвердительными посылками (см. прим. 7). — *129.*

[20] См. 27 b 20—23, а также прим. 16—18. — *129.*

[21] oex отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (белое, живое существо, ворон). (2) Для x = a или i: (белое, камень, ворон). — *129.*

[22] iax отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = a или i: (белое, живое существо, снег). (2) Для x = e или o: (белое, живое существо, лебедь). — *129.*

[23] iix, oox, iox и oix отбрасываются при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (белое, живое существо, человек). (2) Для x = a или i: (белое, живое существо, неодушевленное). См. прим. 12, а также прим. 11 к гл. 4. — *129.*

[24] См. 27 a 3 — 5, 26 — 32. — *129.*

Глава шестая

[1] Darapti сводится к Darii посредством a-обращения. — *130.*

[2] Доказательство: 1. Предположение: ПaC и PaC. 2. Допущение: ложно ПiP. 3. ПeP (2, по определению). 4. PaC (по предположению). 5. PiC (4, a-подчинение). 6. ПoC (3, 5, Ferio) в противоречии с посылкой ПaC. — *130.*

[3] Ekthesthai. Аристотель употребляет этот термин для обозначения либо эктетического доказательства, либо главного шага в эктетическом доказательстве, заключающегося во взятии части (удовлетворяющей определенному условию) рода, обозначенного каким-либо из трех терминов доказываемого силлогизма. — *130.*

[4] Эктетическое доказательство Darapti: 1. Предположение: ПaC и PaC. 2. Эктезис: H $\subseteq$ C. 3. ПaH и PaH (2, 1). 4. ПiP (3). — *130.*

[5] Felapton. — *130.*

[6] См. 28 a 19—26. — *130.*

[7] Т. е. посылки PaC. — *130.*

[8] См. 27 a 14—15, a 38 — b 1; 28 a 22—23. — *130.*

[9] aex отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, лошадь, человек). (2) Для x = a или i: (живое существо, неодушевленное, человек). — *130.*

[10] eex отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, лошадь, неодушевленное). (2) Для x = a или i: (человек, лошадь, неодушевленное). — *130.*

[11] Disamis сводится к Darii посредством i-обращения. — *131.*

[12] Datisi. — *131.*

[13] Как Disamis. См. прим. 11. — *131.*

[14] Т. е. через невозможное, как в случаях Darapti (28 a 22—23) и Felapton (28 a 29—30), или выделением, как в случае Darapti (28 a 22—26). — *131.*

[15] Bocardo сводится к Barbara через приведение к невозможному. — *131.*

[16] Эктетическое доказательство Bocardo: 1. Предположение: ПoC и PaC. 2. Эктезис: H $\subseteq$ C и ПeH. 3. PaH (1, 2). 4. ПeH и PaH (2, 3). 5. ПoP (4, Felapton). — *131.*

[17] aox отбрасывается. Контрпример для x = e или o: (одушевленное, человек, живое существо). В качестве контрпримера для x = a или i можно взять тройку (живое существо, неодушевленное, человек), используемую для отбрасывания aex (см. прим. 9). — *131.*

[18] Если, стало быть, посылка PoC взята как неопределенная (см. прим. 16 к гл. 4). — *132.*

[19] Доказана невозможность построения контрпримера при неопределенности посылки PoC. — *132.*

[20] См. 26 b 14—20; 27 b 20—23, 26—28. — *132.*

[21] Коль скоро из посылок вида ae ничего не следует силлогистически (см. 28 a 30—31), то a fortiori ничего не будет следовать и из посылок вида ao. — *132.*

[22] Ferison сводится к Ferio посредством i-обращения. — *132.*

[23] iex отбрасывается при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, человек, дикое). (2) Для x = a или i: (живое существо, знание, дикое). — *132.*

[24] oex и eox отбрасываются. Контрпримеры к oex: (1) для x = a или i: (живое существо, знание, дикое). (2) Для x = e или o: (живое существо, человек, дикое). Контрпримеры к eox: (1) для x = a или i: (ворон, снег, белое). (2) Для x = e или o можно взять тройку (живое существо, лощадь, неодушевленное), используемую для отбрасывания eex (см. прим. 10). — *132.*

[25] См. прим. 18—21. — *132.*

[26] iix, oox, iox, oix отбрасываются при помощи контрпримеров: (1) для x = e или o: (живое существо, человек, белое). (2) Для x = a или i: (живое существо, неодушевленное, белое). См. прим. 12 к гл. 5 и прим. 11 к гл. 4. — *133.*

[27] См. 28 a 17—19, 26—28; 28 b 8, 11, 17, 31—33. — *133.*

Глава седьмая

[1] Т. е. не получается заключения об отношении большего термина к меньшему. — *133.*

[2] Т. е. не получается заключения ни об отношении большего термина к меньшему, ни об отношении меньшего к большему. — *133.*

[3] Дословно: завершаются (teleioyntai). — *133.*

[4] В смысле «противоречащее заключению». — *134.*

[5] В качестве примера дается доказательство Darapti через приведение к невозможному, сводящее его к Celarent. Прямое доказательство сводит его к Darii (см. 28 a 18—22). — *134.*

[6] Аристотель пользуется двумя понятиями совершенности силлогизма. Требованию совершенности в строгом смысле удовлетворяют одни только правильные модусы первой фигуры с общими заключениями, т. е. Barbara и Celarent. Требованию же совершенности в нестрогом смысле удовлетворяют остальные правильные модусы первой фигуры, и только они. — *134.*

[7] Ибо они совершенны, хотя и в нестрогом смысле (см. прим. 6). — *134.*

[8] Darii сводится к Camestres. — *134.*

[9] Ferio сводится к Cesare. — *134.*

[10] Для этого достаточно в доказательства Darii и Ferio, сводящие их соответственно к Camestres и Cesare, вставить подходящим образом доказательства последних, сводящие их к Celarent (см. прим. 1, 3 к гл. 5). — *134.*

[11] А именно Darapti при помощи Celarent (см. 28 a 22—23) и Felapton при помощи Barbara (см. 28 a 29—30). — *134.*

[12] А именно Disamis посредством Darii (см. 28 b 7—11), Datisi посредством Darii (28 a 11—14), Ferison посредством Ferio (28 b 33—35). Однако это неверно в отношении Bocardo,

который не сводим ни к Darii, ни к Ferio средствами, дозволенными в силлогистике (ср. 28 а 16—20). — *135.*

[13] Т. е. к модусам первой фигуры с общими заключениями. — *135.*

[14] См. гл. 4—6. — *135.*

[15] См. гл. 7. — *135.*

Глава восьмая

[1] Таким образом, аподиктические аналоги правильных модусов первой фигуры объявлены совершенными силлогизмами. — *135.*

[2] Т. е. обратима, когда посылка общая, и необратима, когда посылка частная (см. 25 а 5—7, 12—13). — *135.*

[3] См. 24 b 26—30. — *135.*

[4] Таким образом, аподиктические аналоги правильных модусов второй и третьей фигур (за исключением Ba^{L}ro^{L}co^{L} и Bo^{L}ca^{L}rdo^{L}) сводимы к совершенным (см. прим. 1) посредством обращения. — *135.*

[5] Ba^{L}ro^{L}co^{L}. — *135.*

[6] Bo^{L}ca^{L}rdo^{L}. — *135.*

[7] Т. е. доказательством через приведение к невозможному (см. прим. 11 к гл. 5 и прим. 15 к гл. 6), ибо допущение, противоречащее аподиктическому заключению, было бы проблематическим высказыванием, обращаться с которым мы пока не умеем. — *135.*

[8] Эктетические доказательства. Ba^{L}ro^{L}co^{L}: 1. Предположение: Ma^{L}H и Mo^{L}O. 2. Эктезис: Э $\subseteq$ О и Me^{L}Э. 3. Ma^{L}H и Me^{L}Э (1, 2). 4. He^{L}Э (3, Ca^{L}me^{L}stre^{L}s). 5. Ho^{L}O (4, 2). Bo^{L}ca^{L}rdo^{L}: 1. Предположение: По^{L}С и Pa^{L}C. 2. Эктезис: Э $\subseteq$ С и Пе^{L} Э. 3. Pa^{L}Э (2, 1). 4. Пе^{L}Э и Pa^{L}Э (2, 3). 5. По^{L}P (4, Fe^{L}la^{L}pto^{L}n). — *135.*

Глава девятая

[1] По не вполне ясным для нас соображениям Аристотель рассматривает ассерторическую меньшую посылку в интерпретации необходимости (т. е. рассматривает БхВ как равнозначную Бх^{L}В, для любого х), а ассерторическую бóльшую посылку — либо в интерпретации контрарной акцидентальности, если она к тому же общая (т. е. рассматривает АхБ как равнозначную Ах^{T}Б, для х = а или е), либо в интерпретации субконтрарной акцидентальности, если она к тому же частная (т. е. рассматривает АхБ как равнозначную Ах^{K}Б, для х = о или i). Этим и объясняется, что силлогизмы первой фигуры, в которых бóльшая посылка аподиктическая, а меньшая ассерторическая, дают аподиктическое заключение, но силлогизмы той же фигуры, в которых бóльшая посылка ассерторическая, а меньшая аподиктическая, не дают аподиктического заключения. — *136.*

[2] Ибо, когда атрибут А контрарно акцидентален по отношению к роду Б, т. е. когда имеет место Аа^{T}Б, или, что то же самое, (Аа^{M}Б и Ае^{M}Б), но вместе с тем фактически выполняется для рода Б (что и зафиксировано в ассерторической посылке АаБ), тогда имеем (АаБ и Аа^{M}Б и Ае^{M}Б). Но эта конъюнкция равнозначна конъюнкции (АаБ и Ае^{M}Б). Аристотель, стало быть, доказывает, что из посылок (АаБ, Ае^{M}Б, Ба^{L}В) не следует заключение Аа^{L}В. — *136.*

[3] Учитывая, что в качестве посылок в действительности имеем (АеБ, Аа^{M}Б, Ба^{L}В). — *136.*

[4] Эктетическое доказательство Da^{L}rii^{L}: 1. Предположение: Аа^{L}Б и БiВ. 2. Эктезис: Н $\subseteq$ В и БаН. 3. Аа^{L}Н (1, 2, Ba^{L}-rbara^{L}). 4. Аi^{L}В (3). — *137.*

[5] Из посылок «ни одно живое существо не движется» и «нечто белое необходимо есть живое существо» не следует заключение «нечто белое необходимо не движется». — *137.*

Глава десятая

[1] Подразумеваются силлогизмы с общими посылками, ибо посылки вида ао^{L} не влекут аподиктического заключения (см. 31 а 15—17). — *137.*

[2] Подразумеваются Ca^{L}mestre^{L}s и Cesa^{L}re^{L}. Первый из них обсуждается в 30 b 20—40. О втором Аристотель не говорит ничего, по всей видимости, потому, что его легко свести к отбрасываемому модусу Cela^{L}re^{L}nt (см. 30 а 32—33) посредством обращения. — *137.*

[3] См. 30 а 32—33. — *137.*

[4] А именно как ае (см. 30 b 20—21). — *138.*

[5] См. 30 b 33—38. — *138.*

Глава одиннадцатая

[1] Доказательство Dara^{L}pti^{L}: 1. Предположение: АаВ и Ба^{L}В. 2. АаВ (по предположению). 3. ВiА (2, а-обращение). 4. Ба^{L}В и ВiА (1, 3). 5. Бi^{L}А (4, Da^{L}rii^{L}). 6. Аi^{L}Б (5, i^{L}-обращение). — *139.*

[2] Подразумевается: необходимо присуще. — *140.*

[3] См. 30 а 15—17. — *140.*

[4] См. 31 а 31—33; 31 а 24—30. — *140.*

[5] См. 30 а 35—37; 30 b 2—5. — *140.*

[6] Следует читать: частной и аподиктической. Ср. 32 а 4—5. — *141.*

[7] См. 31 а 37 — b 10; 31 b 31—33. — *141.*

Глава тринадцатая

[1] Ср. 25 а 37 — b 19. — *142.*

[2] Определена акцидентальная возможность как «не необходимость и не невозможность». При этом в зависимости от того

интерпретируется «не» как взятие контрадикторного (противоречащего) или оппозиционного (противоположного), получаются определения различных видов акцидентальности. — *142.*

3 См. 25 а 38. — *142.*

4 Т. е. контрадикторные им. — *142.*

5 Под возможностью здесь подразумевается акцидентальность (см. прим. 2) и, стало быть, под необходимостью — модальность, являющаяся дуалом акцидентальности. Заметим, что контрадикторное отрицание контрадикторной акцидентальности совпадает с ее контрадикторным дуалом, а оппозиционное отрицание контрарной (соответственно субконтрарной) акцидентальности совпадает с ее оппозиционным дуалом: «быть не возможным» равнозначно «быть необходимым», т. е. «быть возможным» равнозначно «быть не необходимым». — *142.*

6 Имеется в виду взаимная превращаемость (см. прим. 2 к гл. 2). — *142.*

7 Символически: 1. Aa^{T}Б $\Longleftrightarrow$ Ae^{T}Б. 2. Aa^{T}Б $\Longrightarrow$ Ao^{K}Б. 3. Ai^{K}Б $\Longleftrightarrow$ Ao^{K}Б. — *142.*

8 Символически: 4. Aa^{T}Б $\Longrightarrow$ Ai^{K}Б. 5. Ae^{T}Б $\Longrightarrow$ Ai^{K}Б. 6. Ae^{T}Б $\Longrightarrow$ Ao^{K}Б. В случае же контрадикторной акцидентальности справедливы следующие соотношения: 7. Aa^{Q}Б $\Longleftrightarrow$ Ao^{Q}Б. 8. Ae^{Q}Б $\Longleftrightarrow$ Ai^{Q}Б. — *142.*

9 Доказательство соотношения 2. Aa^{T}Б $\Longrightarrow$ Ao^{K}Б (см. прим. 7): 1. Предположение: Aa^{T}Б. 2. ⫤ Aa^{П}Б (1, по определению). 3. ⫤ (Aa^{L}Б или Ae^{L}Б) (2, по определению). 4. ⫤ Aa^{L}Б и ⫤ Ae^{L}Б (3). 5. Ae^{M}Б и Aa^{M}Б (4, по определению). 6. Ao^{M}Б и Ai^{M}Б (5, e^{M}-подчинение и a^{M}-подчинение). 7. Ao^{K}Б (6, по определению). — *143.*

10 Доказательство соотношения 3. Ai^{K}Б $\Longleftrightarrow$ Ao^{K}Б (см. прим. 7): 1. Предположение: Ai^{K}Б. 2. ⫤ Ai^{Д}Б (1, по определению). 3. ⫤ (Ai^{L}Б или Ao^{L}Б) (2, по определению). 4. ⫤ Ai^{L}Б и ⫤ Ao^{L}Б (3). 5. Ao^{M}Б и Ai^{M}Б (4, по определению). 6. Ao^{K}Б (5, по определению). — *143.*

11 См. 25 b 21—24. — *143.*

12 См. 25 b 14—15. Ср. «Об истолковании», 23 а 6—26. — *143.*

13 Способ 1. Mp $\Longrightarrow \neg$ Lp ($\Longleftrightarrow$ M $\neg$ p). Способ 2. Tp $\Longrightarrow$ (Mp и M ⫤ p). — *143.*

14 См. 43 b 32—36; «Вторая аналитика», 75b 33—36; 87 b 19—27, 96 а 8—19. — *143.*

15 «А присуще тому, чему присуще Б» означает «А присуще всем Б», ибо «X $\subseteq$ Б $\Longrightarrow$ X $\subseteq$ A, для всех X» означает «Б $\subseteq$ A». Подразумеваемое применение квантора общности по всем «тому, чему», т. е. по всем X, сформулировано явно несколько ниже (33 а 3—5): «чему... присуще Б, тому А... присуще» означает то же самое, что «*не упущено ничего из того, что...* подчинено Б». Мы опустили в сопоставляемых выражениях модальные слова, чтобы подчеркнуть важность рассматриваемой равнозначности для силлогистических посылок любого вида. — Аристотель вносит в выражения вида «А присуще тому, чему присуще Б» модальные слова двумя способами: (1) «А возможно присуще тому,

чему присуще Б» и (2) «А возможно присуще тому, чему возможно присуще Б». — *144*.

[16] Аристотель постулирует, что посылки вида «А возможно присуще тому, чему присуще Б» ассерторичны и, значит, эквивалентны посылкам вида «А присуще всему Б», но посылки вида «А возможно присуще тому, чему возможно присуще Б» равнозначны посылкам вида «А возможно присуще всем Б». См. прим. 15. — *144*.

Глава четырнадцатая

[1] См. 32 b 25—32, а также прим. 15 к гл. 13. — *144*.

[2] Ибо из посылок вида ae в первой фигуре ничего не следует силлогистически. См. 26 a 2—4. — *144*.

[3] Т. е. заменить $Бe^{T}В$ посылкой $Бa^{T}В$. См. 32 a 29 — b 1. — *144*.

[4] Как в 32 b 38—40. — *144*.

[5] См. 32 a 34. — *144*.

[6] В противоречии с 33 a 27—34. «Совершенный», по всей видимости, позднейшая вставка. — *145*.

[7] См. 32 a 18—20 и прим. 2 к гл. 13. — *145*.

[8] Т. е. очевидно из определения выражения «быть возможно присущим всем». См. прим. 7. — *145*.

[9] Т. е. заменить $Бo^{K}В$ посылкой $Бi^{K}В$. См. прим. 10 к гл. 13. — *145*.

[10] Как в 33 a 24. — *145*.

[11] Т. е. как посылки вида $a^{T}e^{T}$ дают то же самое заключение, что и посылки вида $a^{T}a^{T}$. См. 33 a 5—12. — *145*.

[12] Рассматривается случай: $А \subseteq Б$ и $А \neq Б$ и $В = Б - А$. — *145*.

[13] См. 32 a 29—32 b 1, а также прим. 3 и 9. — *145*.

[14] См. 32 a 19. — *146*.

[15] См. 32 b 38—33 a 1. — *146*.

[16] См. 33 a 12—17. — *146*.

[17] См. 32 a 18—20. — *146*.

[18] Т. е. различие между акцидентальностью и возможностью. — *146*.

Глава пятнадцатая

[1] См. 32 a 18—20. — *146*.

[2] Т. е. когда бóльшая посылка ассерторична, а меньшая проблематична. — *147*.

[3] $L(А \Rightarrow Б) \Rightarrow (MА \Rightarrow MБ)$, где «А» и «Б» — пропозициональные буквы. Ср. «Метафизика», 1047 b 14—30. — *147*.

[4] (1) $UA \Rightarrow \neg MFA$. (2) $MA \Rightarrow MFA$, где «F» — оператор будущего времени. — *147*.

[5] Допускается как онтологическое, так и логическое применение модальных понятий, причем в последнем случае и к высказываниям (de dicto), и к копуле, а в первом — и к событиям, и к вещам (de re). — *147*.

[6] $L(А \Rightarrow Б) \Rightarrow (LА \Rightarrow LБ)$. — *148*.

[7] Т. е. не несовместимое с данной посылкой. «Нечто ложное» не означает здесь «нечто фактически ложное». — *148.*

[8] Неявно предполагается строгое следование: «Б необходимо есть, когда есть А». Ср. 34 а 5—7. — *148.*

[9] См. 34 а 5—15. — *148.*

[10] Символически: 1. Предположение: МА и L(А $\Longrightarrow$ Б). 2. L (А$\Longrightarrow$Б) $\Longrightarrow$ (МА$\Longrightarrow$ МБ) (очевидное утверждение). 3. МА$\Longrightarrow$ $\Longrightarrow$ МБ (1, 2). 4. МБ (1, 3). 5. Допущение: UБ. 6. МБ (4). 7. UБ и МБ (5, 6). 8. $\neg$ UБ. — *148.*

[11] Предполагается верность соотношения: «Если А присуще всем Б, то А возможно присуще всем Б», т. е. р $\Longrightarrow$ Мр. — *148.*

[12] См. 34 а 36—37. — *149.*

[13] См. 33 а 7—8. — *150.*

[14] См. 34 а 34 — b 2. — *150.*

[15] См. 34 b 19—35 а 2. — *150.*

[16] Т. е. ни одному В. — *150.*

[17] См. 34 а 34 — b 2; 34 b 19—35 а 2; 35 а 3—10; 35 а 11—20. — *150.*

[18] См. 33 b 33—40. — *151.*

[19] Как в 35 а 3—20. — *151.*

[20] См. 33 а 34 — b 14. — *151.*

Глава шестнадцатая

[1] Как в гл. 15. — *152.*

[2] Как в 33 b 30—31; 34 b 27—28. — *152.*

[3] Как в 34 а 34 — b 2. — *152.*

[4] Ср. 32 а 29 — b 1. — *153.*

[5] Как в 35 а 3—11. — *153.*

[6] Как в 35 b 38—36 а 2; 36 а 17—25. — *154.*

Глава семнадцатая

[1] См. 33 b 29—30; 34 b 27—31. — *155.*

[2] См. 25 b 17; 32 а 29—32 b 1, а также прим. 12 к гл. 3. — *155.*

[3] См. 32 а 18—20, 28, 36; 33 b 17. — *156.*

[4] Подразумевается «всем Д». — *156.*

[5] См. 32 а 18—20. — *156.*

Глава восемнадцатая

[1] Как в 37 b 3—10. — *158.*

[2] См. 34 b 19—31. — *158.*

[3] Как в 37 b 24—28. — *158.*

[4] Ссылка на примеры из 37 b 36—38. — *158.*

[5] Как в 37 b 24—28. — *158.*

[6] Как в 37 b 32—33. — *159.*

Глава девятнадцатая

[1] См. 37 а 8—9 и прим. 3 к гл. 17. — *160.*

[2] См. 30 b 18—40. — *160.*

[3] Как в 32 a 29 — b 1; 36 a 7—17. — *160*.

[4] В 38 b 19—20 посредством построения контрпримера. — *161*.

[5] Как в 38 a 30 — b 5. — *161*.

[6] Как в 38 b 13—23. — *161*.

[7] Как в 38 b 25—27. — *161*.

[8] Ссылка на примеры из 38 a 30 — b 5. — *161*.

Глава двадцатая

[1] Как в 38 a 13—16. — *162*.

[2] Как в 33 b 29—33, т. е. как в соответствующих комбинациях посылок во второй фигуре. — *162*.

[3] Т. е. в ассерторических посылках: 28 b 5 — 29 a 6. — *162*.

[4] Как в 39 a 23—28, 36—38. — *162*.

Глава двадцать первая

[1] В гл. 20 при проблематичности обеих посылок или при проблематичности одной и ассерторичности второй. — *163*.

[2] В 33 b 25—31. — *163*.

[3] Как в 39 a 26—28. — *163*.

[4] См. 30 a 17—23. — *164*.

[5] См. 39 b 2—6. — *164*.

Глава двадцать вторая

[1] См. 36 a 40 — b 2. — *164*.

[2] См. 36 a 39 — b 2. — *165*.

[3] См. 36 a 34—39. — *165*.

[4] См. 32 a 29 — b 1. — *165*.

[5] См. 40 a 35—38. — *166*.

Глава двадцать третья

[1] См. 29 b 1—25. — *166*.

[2] См. гл. 4—6. — *167*.

[3] См. «Начала Евклида» X, 5 (а также коммент. 10, стр. 367), лемма 27, и VII, 22 и 27. — *168*.

[4] Если $\vdash$ P(X) $\Longrightarrow$ p и $\vdash$ P(A), то $\vdash$ p, где «p» — первоначально принятое, «P(X) $\Longrightarrow$ p» — предположение, а «P(A)» — результат подстановки «A» вместо «X» в «P(X)». Ср. 45 b 15—19; 67 a 21; 69 a 24—29; «Вторая аналитика», 71 a 29, а также *Платон*. Менон, 86 e —87 c. — *168*.

Глава двадцать четвертая

[1] См. «Начала Евклида», коммент. 23 к кн. III, стр. 345—346. — *169*.

[2] Т. е. по меньшей мере при одной общей посылке. — *169*.

[3] Тем не менее в гл. 16, 19, 22 допускаются ассерторические заключения из аподиктической и проблематической посылок. — *169*.

[4] Dynatos употреблен здесь, видимо, в смысле atelēs (несовершенный). — *169*.

Глава двадцать пятая

[1] См. 40 b 30—41 a 20. — *170*.

[2] См. 42 a 6—7. — *170*.

[3] См. «Топика», 155 b 20—24. — *171*.

[4] В 24 b 22—26. — *171*.

[5] Ta diastēmata tōn horōn. — *171*.

[6] Число заключений равно половине произведения n (n — 1), где n — число посылок. — *172*.

Глава двадцать шестая

[1] Через Barbara. См. 25 b 37—39. — *172*.

[2] Через Celarent (см. 25 b 40—26 a 2), или через Cesare (см. 27 a 5—9), или через Camestres (см. 27 a 9—12). — *172*.

[3] Через Darii (см. 26 a 23—25), или через Darapti (см. 28 a 18—26), или через Disamis (см. 28 b 7—11), или через Datisi (см. 28 b 11—15). — *172*.

[4] Через Ferio (см. 26 a 25—30), или через Festino (см. 27 a 32—36), или через Baroco (см. 27 a 36 — b 3), или через Felapton (см. 28 a 26—30), или через Bocardo (см. 28 b 15—21), или через Ferison (см. 28 b 31—35). — *172*.

Глава двадцать седьмая

[1] Имеются в виду категории. — *174*.

[2] См. «Вторая аналитика» I, гл. 19—22. — *174*.

[3] См. «Метафизика», 992 b 18—19. — *174*.

[4] См. гл. 24. — *175*.

[5] Ибо если средним термином будет атрибут, присущий всем вещам и, стало быть, вещам, представленным данными крайними терминами, то получим две утвердительные посылки во второй фигуре, из которых ничего не следует силлогистически. — *176*.

[6] См. 44 b 20—24. — *176*.

Глава двадцать восьмая

[1] Требуется доказать, что А присуще всем Б. Возьмем два множества: а. Множество всех подлежащих сказуемого А: $\{X: AaX\}$. б. Множество всех сказуемых подлежащего Б: $\{Y: YaБ\}$. Пусть пересечение этих множеств будет не пустым, а В пусть будет его элементом: $В = X = Y$, для некоторых X и Y. Тем самым мы нашли средний термин. Остается построить силлогизм: $(AaB \text{ и } BaБ) \Longrightarrow AaБ$. Этим способом легко описать все случаи, рассматриваемые ниже. — *176*.

[2] Подлежащее и сказуемое заключения. — *176*.

[3] См. 44 a 12—15. — *179*.

Глава двадцать девятая

[1] Т. е. о приведении к невозможному. См. «Первая аналитика» II, гл. 11—14. — *181.*

[2] Очевидно, частный случай доказательства по подстановке, или замене (kata metalēpsin). См. прим. 4 к гл. 23. — *181.*

[3] См. гл. 23, 44. — *181.*

[4] См. 44 а 12—22. — *181.*

[5] См. гл. 14—22, а также 32 b 25—36. — *181.*

Глава тридцатая

[1] В «Топике» I, 14. — *183.*

Глава тридцать первая

[1] См. *Платон.* Софист, 219 а — 237 а; Политик, 258 b — 267 с. — *183.*

[2] Последователи Платона. — *183.*

[3] См. гл. 4—30. — *183.*

[4] Ср. «Вторая аналитика», 91 b 24—27. — *184.*

Глава тридцать вторая

[1] См. гл. 2—26. — *185.*

[2] См. гл. 27—30. — *185.*

[3] См. гл. 45. — *185.*

[4] Посылка составляет бóльшую часть силлогизма, чем термин. — *185.*

[5] В 25 b 32—35; 26 b 34—38; 28 а 10—14. — *186.*

Глава тридцать третья

[1] В 47 а 31—35. — *186.*

Глава тридцать четвертая

[1] В 39 а 14—19. — *188.*

Глава тридцать пятая

[1] Ср. «Метафизика», 1051 а 24—26. — *189.*

Глава тридцать шестая

[1] Стало быть, рассуждение ведется по второй фигуре. — *190.*

[2] Ср. «О софистических опровержениях», 173 b 40; 182 а 18. — *190.*

Глава тридцать восьмая

[1] Analyein употребляется Аристотелем в двух значениях: а. В значении (как в данном месте) анализа рассуждений. Название «Аналитики» соответствует этому значению. б. В значении сведе́ния одних силлогизмов к другим (см., например, 47 а 2—5). — *191*.

[2] Сужение сказуемого требует соответствующего сужения среднего термина. — *191*.

[3] По правилу, сформулированному в 49 а 25—26. — *192*.

Глава сорок первая

[1] См. прим. 15 к гл. 13. — *193*.

[2] См. «Вторая аналитика», 76 b 39—77 а 1; «Метафизика», 1078 а 19—21. — *193*.

Глава сорок четвертая

[1] См. гл. 23. — *194*.

[2] Если судить по сохранившимся трудам Аристотеля, то он этого обещания не выполнил. — *195*.

Глава сорок пятая

[1] Имеются в виду первая и третья фигуры. — *197*.

Глава сорок шестая

[1] А именно Celarent, Cesare и Camestres. — *201*.

[2] См. 52 b 4—8. — *202*.

Книга вторая

Глава первая

[1] За исключением Camestres, Baroco, Disamis и Bocardo. — *204*.

Глава вторая

[1] В 57 а 40 — b 17. — *205*.

[2] Эта буква «А» та же, что «А» в 53 b 12—14, но не в 53 b 21—22. — *205*.

Глава пятая

[1] В 57 b 32—35. — *217*.

[2] В 58 а 38 — b 2. — *218*.

[3] См. 58 а 26—32. — *218*.

Глава шестая

[1] А именно посылку «если Б не присуще ни одному А, то А не присуще ни одному Б». Ср. 59 а 12—13. — *219*.
[2] В 58 а 38 — b 2. — *219*.

Глава восьмая

[1] Ср. «Об истолковании», 17 b 16—22. — *221*.
[2] См. 29 а 16—18. — *221*.

Глава десятая

[1] См. 26 а 17—21; 27 b 4—8, 28—39. — *224*.
[2] См. 28 а 26—30; 28 b 15—21, 31—35. — *225*.
[3] См. 26 а 30—36. — *225*.
[4] См. 27 b 6—8. — *225*.

Глава двенадцатая

[1] См. 61 b 17—18. — *230*.

Глава тринадцатая

[1] См. 61 b 1—8; 62 а 28—32. — *230*.
[2] См. 61 b 39—62 а 8. — *231*.

Глава пятнадцатая

[1] См. 63 b 33—35. — *235*.
[2] «Топика» VIII, 1. — *235*.
[3] См. 63 b 22—28; 63 b 40—64 b 6. — *236*.

Глава шестнадцатая

[1] Ср. «Вторая аналитика», 71 b 22. — *237*.
[2] Через начала. — *237*.
[3] См. 65 а 1—4. — *238*.
[4] См. 64 b 34—38. — *238*.

Глава семнадцатая

[1] См. «О софистических опровержениях», 167 b 21—36. — *239*.
[2] См. «Физика», 233 а 21—23; 239 b 5—240 а 18; 263 а 4—11. — *239*.
[3] *Вверх* — от частного к общему, *вниз* — от общего к частному. — *239*.
[4] А именно что А присуще Д. — *240*.

Глава двадцатая

[1] И когда обе посылки утвердительные, и когда одна утвердительная, а другая отрицательная. — *242.*

[2] См. 41 b 6. — *242.*

Глава двадцать первая

[1] См. *Платон.* Менон, 81 b — 86 b. — *244.*

[2] См. 66 b 20—30. — *244.*

[3] Т. е. необходимо ли признать, что можно иметь противоположные мнения, если признать, что зло и добро — одно и то же. — *245.*

Глава двадцать вторая

[1] Явная формулировка т. н. закона тождества: БаБ. — *246.*

[2] Ибо вид не сказывается о роде. Ср. «Категории», 2 b 21—22. — *246.*

[3] Ср. «Никомахова этика» I, 1. — *247.*

Глава двадцать третья

[1] Индукция (epagōgē). — *247.*

[2] См. 68 a 21—25. — *248.*

[3] Ср. «Топика», 105 a 16; «Метафизика», 1029 b 3—11. — *248.*

Глава двадцать четвертая

[1] В общем виде доказательство посредством примеров можно описать следующим образом: пусть известно о В (третий термин) и о Д (подобный третьему), что Б (средний термин) присуще В и Д, а также, что А (первый термин) присуще Д. Тогда мы рассуждаем так: поскольку А присуще Д и Б присуще Д, то А присуще Б, но ведь Б присуще В, следовательно, А присуще В. — *249.*

Глава двадцать пятая

[1] Отведение (apagōgē) в аристотелевском смысле есть переход от одного доказываемого положения к другому, более ясному или легче доказуемому. — *249.*

Глава двадцать шестая

[1] Enstasis. Enistasthai означает стать на путь рассуждения оппонента, блокируя его посредством отклонения одной из его посылок, не дожидаясь построения им силлогизма, а затем предложить свой контрсиллогизм. Ср. «Риторика», 1402 a 31; 1403 a 26; 1418 b 6; «Топика», 160 a 39 — b 10, 160 b 36. — *250.*

Глава двадцать седьмая

[1] Энтимема в аристотелевском значении существенно отличается от энтимемы в понимании традиционной формальной логики, хотя об опущении очевидной посылки говорит и Аристотель (см. ниже 70 а 19—20). Аристотелеву энтимему можно описать следующим образом: «Если А обычно присуще Б, а Б присуще В, то А вероятно присуще В». Ср. «Риторика», 1402 b 13; 1356 b 2—7; 1357 а 34 — b 1. — *252*.

ВТОРАЯ АНАЛИТИКА

Книга первая

Глава первая

[1] (1) В отношении рода (универсума рассуждения), относящегося к данной науке, надо предварительно знать, что существует по меньшей мере одна вещь, принадлежащая ему (76 b 11—13, 17—18). (2) В отношении вещи надо предварительно знать, что она существует и принадлежит универсуму рассуждения, а именно знать либо посредством чувственного восприятия (если она эмпирический объект), либо посредством построения (если она абстрактный объект). В обоих случаях речь идет, очевидно, о констатации существования некоторого объекта, называемой в дальнейшем предположением (72 а 20). (3) Наконец, в отношении исходных положений надо предварительно знать, что они истинны («что они суть») (71 b 33). — *257*.

[2] Т. е. заранее принять определение. Ср. 72 а 21; 76 а 32—33. — *257*.

[3] Т. е. познается либо построением, либо восприятием. — *257*.

[4] Т. е. посредством построения. — *258*.

[5] *Платон*. Менон, 80d. — *258*.

Глава вторая

[1] См. 72 b 18—22; 76 а 16—22; 100 b 5—17. — *259*.

[2] Т. е. либо утверждение, либо отрицание. — *260*.

[3] Ср. «Об истолковании», 17 а 33—34 и прим. 2 к гл. 6 этого трактата. — *260*.

[4] «Тезис» употребляется здесь как общее имя для предположений (72 а 20) и определений (72 а 21), более или менее соответствующих евклидовским постулатам и определениям (см. коммент. 1 (стр. 221—224) и 18 (стр. 237—241) к кн. I «Начал Евклида»). — *260*.

[5] Вместо термина «аксиома» Аристотель употребляет часто такие выражения, как «общие начала» (76 а 38; 77 а 27; 88 а 28), «общие мнения» («Метафизика», 996 b 28), более или менее соответствующие евклидовским «общим понятиям» (см. коммент. 24 (стр. 244—246) к кн. I «Начал Евклида»). — *260*.

Глава третья

[1] *Некоторые* — Антисфен; *другие* — сторонники Ксенократа. Ср. «Метафизика», 1005 b 2—5; 1006 a 5—7; 1011 a 8—13; 1012 a 20—21. — *261.*

[2] Имеется в виду индукция. — *262.*

[3] Ср. 92 а 8 и «Топика», 102 а 18. — *263.*

[4] См. «Первая аналитика» II, 5. — *263.*

[5] См. «Первая аналитика» II, 6, 7. — *263.*

[6] По кругу. — *263.*

Глава четвертая

[1] Под «необходимыми посылками» Аристотель, стало быть, разумеет «истинные, первые, неопосредствованные, более известные и предшествующие посылки, т. е. причины заключения» (71 b 21—22). — *263.*

[2] Символически: АаБ $\Longleftrightarrow \neg$ Exy [x $\in$ Б и y $\in$ Б и А (x) и $\neg$А (y)]. — *264.*

[3] См. 34 b 17—18; «Об истолковании», 16 а 18. — *264.*

[4] Символически: АаБ $\Longleftrightarrow$ Ax [x $\in$ Б $\Longrightarrow$ x $\in$ A]. — *264.*

[5] Символически: $\neg$ АаБ $\Longleftrightarrow$ Ex [x $\in$ Б и $\neg$ A (x)]. — *264.*

[6] Из того, что число не есть нечетное, следует, что оно есть четное. — *265.*

[7] Т. е. поскольку оно рассматривается как лишь принадлежащее данному роду (универсуму рассуждения). Например, равносторонность не присуща треугольнику, поскольку он треугольник, но свойство «иметь углы, равные в сумме двум прямым» присуще ему, поскольку он треугольник. См. «Вторая аналитика» I, 5. — *265.*

[8] Т. е. относительно самого рода (универсума рассуждения) как «первого общего» (74 а 5). — *265.*

[9] А именно на род треугольников. — *266.*

Глава пятая

[1] См. 74 а 13—16. — *266.*

[2] А именно при условии, что прямые перпендикулярны к прямой, падающей на них. Ср. «Начала Евклида» I, предложение 28. — *266.*

[3] Т. е. допускающим вывод «все треугольники обладают данным свойством» из высказываний «им обладает равносторонний треугольник», «им обладает разносторонний треугольник», «им обладает равнобедренный треугольник» — вывод, вообще говоря, не корректный, если предварительно не доказано, что не существует «другого вида треугольника, помимо указанных». — *267.*

[4] Ибо в рассматриваемом случае «универсум рассуждения» — это не множество геометрических фигур, а множество треугольников. — *267.*

[5] Описанный в гл. 5 способ «доказательства относительно первого общего» есть не что иное, как то, что в современной логике называется правилом введения квантора общности (правилом обобщения). — *268.*

Глава шестая

[1] «Все присуще или необходимо, или привходящим образом» (Гипотеза Аристотеля. См. наше предисловие, а также прим. 32 к гл. 13 трактата «Об истолковании»): либо (Lp или $L \neg p$), либо (Mp и $M \neg p$), причем «привходящее» означает то же, что «возможное в собственном смысле», т. е. «не невозможное и не необходимое» («Первая аналитика», 32 a 18—20). — «Привходящее не есть необходимое»: $\neg (Mp$ и $M \neg p) \Longleftrightarrow (Lp$ или $L \neg p)$. — *268.*

[2] $[L (p \Longrightarrow q)$ и $Lp] \Longrightarrow Lq$. — *268.*

[3] См. *Платон.* Эвтидем, 277 b. — *268.*

[4] См. 73 a 37 — b 3; 74 b 8—10. — *270.*

[5] См. 70 a 7 — b 6 и прим. 1 к гл. 27 «Первой аналитики» II. — *270.*

[6] Речь идет о доказательстве по первой фигуре. — *270.*

Глава седьмая

[1] См. 76 a 9—15, 23—25; 78 b 34—79 a 16. Ср. «Категории», 5 a 38 — b 10 и прим. 4, 5 к гл. 6 этого трактата, а также «Метафизика», 1020 a 14—32. — *271.*

Глава девятая

[1] См. 75 b 14—17; 76 a 9—15. — *273.*

Глава десятая

[1] См. «Начала Евклида» I, определения 4, 20, а также коммент. 1 (стр. 221—224) и 4 (стр. 225—229); «Начала Евклида» VII, определение 1 и коммент. 1 (стр. 257—259). — *274.*

[2] См. «Начала Евклида» I, определение 2 и коммент. 3 (стр. 225). — *274.*

[3] См. «Начала Евклида» I, общие понятия, аксиома 3 и коммент. 24 (стр. 244—246). — *274.*

[4] «Начала Евклида» VII, определения 6, 7, 19, 20. — *274.*

[5] «Начала Евклида» X, определения первые, определение 1 и коммент. 3, 4 (стр. 359—361). — *274.*

[6] См. «Физика», 228 b 24; «Начала Евклида» III, предложение 20. — *274.*

[7] Ср. *Платон.* Теэтет, 189 e. — *275.*

[8] Это понятие предположения, очевидно, отличается от понятия предположения, упоминаемого в 72 a 18—20, где предположения причислены к неопосредствованным силлогистическим началам, т. е. недоказуемым принципам, науки. — *275.*

[9] Ср. 76 b 24—27, 49 b 35—37; «Метафизика» 1078 a 19—21. — *276.*

Глава одиннадцатая

[1] К отрывку 77 a 11—21. Чтобы заключение имело вид высказывания «В есть А и не есть не-А», бо́льшая посылка должна иметь вид высказывания «Б есть А и не есть не-А».

При этом безразлично, будет ли меньшая посылка иметь вид высказывания «В есть Б» или «В есть Б и не-Б» (что́ касается среднего термина) или «В есть Б» или «В и не-В суть Б» (что́ касается меньшего термина): в каждом из указанных видов меньшей посылки имеется вхождение конъюнкта вида «В есть Б», дающего вместе с большей посылкой искомое заключение. Второй же конъюнкт фактически не участвует в выводе. — Таким образом, Аристотель явно ссылается на следующее свойство отношения выводимости: если Г ⊢ А, то Д, Г ⊢ А, для любого Д. — *276*.

[2] См. 75 a 42 — b 2, 76 a 42 — b 2, 12—13. — *277*.

[3] См. 57 a 36 — b 17. — *277*.

Глава двенадцатая

[1] Ср. 77 a 29—31 и «Метафизика», 1005 a 9—31. — *278*.

[2] И, стало быть, извлекают силлогистическое заключение из двух утвердительных посылок по отбрасываемому модусу aa второй фигуры. — *279*.

[3] Литературный персонаж. Аристотель, по всей вероятности, имеет в виду своего современника — комического поэта Антифана — *279*.

[4] А именно когда бо́льшая посылка обратима. — *279*.

[5] Истинность (ложность) заключения при истинности (ложности) посылок. — *279*.

[6] $[(A \Longleftrightarrow B)$ и $B] \Longrightarrow A$, где «A» и «B», очевидно, пропозициональные буквы. — *279*.

Глава тринадцатая

[1] См. «О небе», 290 a 17—24. — *280*.

[2] Имеется в виду вторая фигура. — *281*.

[3] В смысле отсутствия определенного условия. — *281*.

[4] В смысле наличия определенного условия. — *281*.

[5] Аристотель говорит о (средних) терминах вместо того, чтобы говорить о посылках. Однако это вполне допустимая вольность речи в силлогистике. См. прим. 10 к гл. 1 «Первой аналитики» I. — *281*.

[6] См. *Геродот*. История (Мельпомена, 76, 77). — *281*.

[7] См. «Категории», 1 a 6—7. — *282*.

Глава пятнадцатая

[1] См. 72 b 18—22. — *283*.

[2] *В другом* — в смысле «в различных [родах]». — *283*.

[3] Имеются в виду непересекающиеся роды. — *284*.

Глава шестнадцатая

[1] См. 79 b 1—4. — *285*.

Глава семнадцатая

[1] См. 80 a 27—33. — *288.*
[2] См. 80 b 17—26. — *288.*
[3] 80 b 26—32. — *288.*
[4] См. 81 a 19—20. — *288.*

Глава двадцать первая

[1] Меньшей. — *292.*
[2] Диалектическое рассмотрение основано на принципах, применяемых к рассуждениям любой природы, аналитическое же рассмотрение учитывает особый характер доказывающих наук, в предложениях которых сказуемые приписываются подлежащим безусловно, само по себе. Ср. 84 a 7—12. — *293.*

Глава двадцать вторая

[1] См. прим. 2 к гл. 21. — *296.*
[2] См. 72 b 6—7. — *297.*
[3] В отличие от задачи «умножения знаний» (78 a 14—21). — *297.*

Глава двадцать третья

[1] См. гл. 19—22. — *298.*
[2] Ср. «Никомахова этика», 1095 a 32; *Платон.* Государство, 510 b — 511 c. — *298.*
[3] Ср. «Об истолковании», 23 a 18—20, а также прим. 32 к гл. 13 этого трактата. — *299.*
[4] Начала науки недоказуемы. Поэтому они не могут стать предметом самóй доказывающей науки. Они могут быть предметом лишь умозрения, интеллектуальной интуиции. Только нус (ум) способен «схватывать» неопосредствованные начала. Но это возможно только благодаря тому, что сам ум и есть начало (единица) науки, изначальная истина, ибо ум и его предмет — одно и то же. См. 88 b 35—89 a 1; 100 b 5—17; «Метафизика», 1072 b 18—21; 1075 a 3—5; «О душе», 410 b 13—14; 430 b 27—28. — *299.*
[5] Имеется в виду доказательство общеотрицательных высказываний посредством Cesare во второй фигуре. См. 42 b 32; 79 b 16—20. — *300.*

Глава двадцать седьмая

[1] Здесь фактически сформулировано понятие существенного расширения дедуктивной теории (науки). — *307.*

Глава двадцать восьмая

[1] Здесь фактически сформулировано условие независимости двух дедуктивных теорий (наук). — *307.*

Глава тридцать первая

[1] Протагор, отождествлявший знание с чувственным восприятием. Ср. *Платон.* Теэтет, 151 e. — *309.*

[2] См. «Вторая аналитика» II, 19, в частности 100 b 12. — *309.*

Глава тридцать вторая

[1] См. прим. 2 к гл. 21. — *310.*

[2] См. гл. 7. — *312.*

Глава тридцать третья

[1] К ним Аристотель причисляет Протагора («Метафизика», 1009 a 6), Анаксагора (там же, 1009 a 27, b 25), Демокрита (там же, 1009 a 27, b 11, 15), Эмпедокла (1009 b 15), Гераклита (1012 a 24, 34), Кратила (1010 a 12). — *313.*

[2] См. «О душе» III, 4—7; «Никомахова этика» VI, 3—5, 7. — *314.*

Книга вторая

Глава первая

[1] Аналог принципа, следуя которому выявляются категории. См. «Первая аналитика» I, 37; «Метафизика», 1017 a 22—27. — *315.*

Глава третья

[1] См. 72 b 18—25; 84 a 29 — b 2. — *318.*

Глава четвертая

[1] А именно в гл. 3. — *319.*

[2] И значит, А, Б и В — равнообъемные термины. — *319.*

[3] Утверждение Ксенократа. См. *Плутарх.* Moralia, 1012 D. Ср. «О душе», 404 b 29—30; 408 b 32—33. — *320.*

Глава пятая

[1] См. «Первая аналитика» I, 31, а также 96 b 27—97 b 6. — *320.*

[2] Именно поскольку оно не относится к ее сущности. — *321.*

[3] Т. е. ближайшее видовое отличие. — *321.*

Глава шестая

[1] Ср. «Топика», 153 a 7—22. — *322.*

[2] В первой фигуре — единственно совершенной фигуре — бо́льшая посылка относится к меньшей как целое к части, поскольку подлежащее меньшей посылки подчинено подлежащему большей. — *322.*

[3] Точка зрения Спевсиппа. — *322.*

Глава седьмая

[1] См. «Метафизика», 998 b 22—27; 1045 b 6. — *324.*

[2] Ср. «Метафизика», 1030 a 7; 1045 a 12—14. — *324.*

Глава восьмая

[1] См. 90 a 14—15. — *325.*

[2] Ибо оно принимается за основание доказательства. См. 93 a 30—33. — *325.*

[3] См. гл. 4. — *325.*

[4] См. «О душе», 404 a 21—24; *Платон.* Федр, 245 c — 246 a; Законы, 895 e — 896 a. Ср. 91 a 37 — b 1. — *326.*

[5] См. гл. 2 и 3. — *327.*

Глава девятая

[1] См. гл. 8. — *327.*

Глава десятая

[1] См. 93 a 18—27. — *327.*

[2] См. 93 b 21—25. — *328.*

[3] Т. е. «положением терминов» (94 a 2). — *328.*

Глава одиннадцатая

[1] См. «Физика» II; «Метафизика», 1013 a 24 — b 16, 17—21; 1041 a 27—30; 1044 a 32 — b 1. — *328.*

[2] См. 93 a 7—8. — *329.*

Глава двенадцатая

[1] См. 93 a 30—34, b 7. — *331.*

[2] В котором средний термин обозначает не причину, а то, причиной чего она является. — *331.*

[3] Нельзя заключать от причины к тому, причиной чего она является. — *332.*

[4] Ср. «Физика», 236 a 5—7. — *332.*

[5] Ср. «Категории», 5 a 23—32. — *332.*

[6] См. «Физика» IV, 10—14 и VI. — *332.*

[7] Когда средний термин обозначает не причину, а то, причиной чего она является. — *332.*

[8] См. «Физика», 218 a 6 — 220 a 26; 233 b 33 — 234 b 9. — *333*.
[9] См. 95 b 3—6. — *333*.
[10] См. 73 a 6—20. Ср. «Первая аналитика» II, 5. — *333*.

Глава тринадцатая

[1] См. гл. 8 и 9. — *334*.
[2] Тройка не есть ни сумма, ни произведение двух чисел, ибо «единица еще не число». См. коммент. 1, 2 (стр. 257—259) и 4 (стр. 261) к кн. VII «Начал Евклида». Ср. «Метафизика», 1039 a 12. — *335*.
[3] См. 73 a 34—37; b 25—28. — *335*.
[4] См. гл. 5 и «Первая аналитика» I, 31. — *336*.
[5] Спевсипп. — *336*.
[6] Для единичного. — *337*.

Глава четырнадцатая

[1] См. «О частях животных», 663 b 31 — 664 a 3; 674 a 22 — b 15. — *340*.

Глава семнадцатая

[1] См. «О частях животных», 677 a 31—32. — *344*.

Глава девятнадцатая

[1] См. «Вторая аналитика» I, 2. — *345*.
[2] См. 71 a 1—11. — *345*.
[3] См. «Метафизика», 980 b 21—25. — *345*.
[4] См. «Метафизика», 980 b 29 — 981 a 1. — *346*.
[5] Ср. *Платон*. Федон, 96 b. — *346*.
[6] См. 100 a 6—7. — *346*.
[7] См. прим. 4 к гл. 23 «Второй аналитики» I. — *346*.

ТОПИКА

Topika. — Самыми ранними комментариями к «Топике» являются комментарии римского стоика Сотиона (I в. до н. э.) и старшего современника Александра Афродисийского — Гермина (I—II вв. н. э.) (*M. Wallies*. Die griechischen Ausleger der aristotelischen Topik. Berlin, 1891, S. 4). Далее следует упомянуть комментарии Александра Афродисийского (CAG II, 2) (см. также: *P. Moraux*. Alexandre d'Aphrodise, exégète de la noétique d'Aristote. Liège, 1942). Рукописный комментарий к «Топике» оставил Иоанн Итал (вторая половина XI в.), трактующий предмет этой книги как учение о нахождении доказательств по любому вопросу.

Западноевропейские ученые в 1128 г. получили возможность ознакомиться с «Топикой» в латинском переводе Якова из Венеции. Идеи аристотелевской «Топики» всегда занимали солидное место в схоластическом учении «об обязательствах» (de obligationis) как руководстве к проведению диспутов. Иногда, правда, схоластики шли по пути максимального увеличения числа «топов» (loci communes). Тенденция к сокращению наметилась у Джордано Бруно и Пьера де ла Раме. Последний различал пять первичных и восемь вторичных «мест изобретения».

На Западе в Новое время интерес к «топической» проблематике оживился только недавно. Советские исследователи проявляют к ней немалое внимание, выясняя, в частности, имеющиеся в «Топике» диалектические элементы. Речь идет здесь при этом о диалектических моментах не только в аристотелевском, но и в нашем, марксистском, понимании термина «диалектика». Стагирит считал содержание «Топики» собственно «диалектическим» потому, что материал в ней сгруппирован по условно выделенным «топам», что особенно полезно для исследования, оценки и опровержения утверждений, высказываемых оппонентом в устном или письменном споре. С другой стороны, Аристотель понимал «диалектическое» и шире — как силлогистическое рассуждение, исходящее не из безусловно истинных начальных посылок, но из общепринятых мнений, т. е. как знание вероятное, но не аподиктическое (см. *В. Ф. Асмус.* Античная философия, стр. 317—320; «История античной диалектики». М., 1972, стр. 202—203, 316).

И. С. Нарский и Н. И. Стяжкин

На русском языке «Топика» публикуется впервые. Перевод М. И. Иткина. В основу перевода положен греческий текст издания У. Д. Росса («Aristotelis Topica et Sophistici Elenchi», rec. W. D. Ross. Oxonii, 1958). Сверка перевода осуществлена Л. А. Фрейберг.

Книга первая

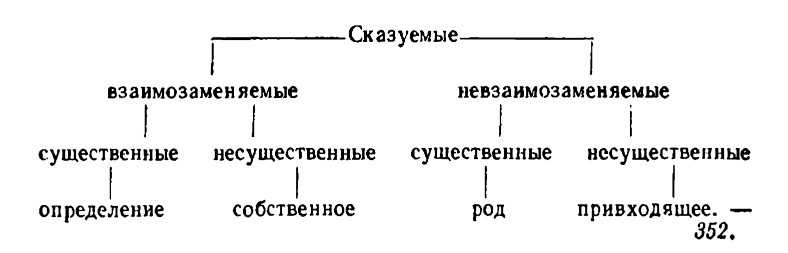
Глава первая

[1] Syllogismos. Ср. «Первая аналитика», 24 b 18; «О софистических опровержениях», 165 a 1; «Риторика», 1356 b 15. — *349.*

[2] К соотношению между аподиктикой и диалектикой см. «Топика», 155 b 7—16; «Первая аналитика», 24 a 22 — b 12; 46 a 8—10; 65 a 35—37; «Вторая аналитика», 74 b 21—25; 81 b 18—23. Ср. «О софистических опровержениях», гл. 2. — *349.*

[3] Эристические умозаключения делятся на собственно эристические — корректно умозаключающие из посылок, кажущихся правдоподобными, — и софистические — некорректно умозаключающие. См. «О софистических опровержениях», 165 b 7—8; 171 b 8—9, 20, 29; «Риторика», 1355 b 17—19. — *350.*

[1] Перечислены т. н. предикабилии, т. е. классы определительности (horika, 102 a 9) сказуемых. Под определительностью Аристотель разумеет некоторое свойство сказуемого, обусловливающее его пригодность (соответственно непригодность) для определения данного подлежащего (см. 102 a 3—17, b 27—35). Так что определительным (horikon, 102 a 5) является не только само определение, точнее, definiens, но и род, собственное и даже привходящее, ибо если, например, установлено, что в данном определении за определяющее понятие взято привходящее, «то определение будет нами оспорено» (102 b 33). Классы определительности выделяются комбинациями следующих двух признаков и их отрицаний: (а) взаимозаменяемости (т. е. простой обратимости) сказуемого с подлежащим и (б) существенности сказуемого для подлежащего. Существуют, стало быть, в точности четыре класса определительности сказуемых, а именно (1) класс невзаимозаменяемых с подлежащим и несущественных для подлежащего сказуемых, т. е. привходящее, изучаемое в кн. II и III «Топики»; (2) класс невзаимозаменяемых с подлежащим, но существенных для подлежащего сказуемых, т. е. род, изучаемый в кн. IV; (3) класс взаимозаменяемых с подлежащим, но несущественных для подлежащего сказуемых, т. е. собственное, изучаемое в кн. V, и (4) класс взаимозаменяемых с подлежащим и существенных для подлежащего сказуемых, т. е. definiens, изучаемый в кн. VI и VII «Топики».

352.

[2] Диалектическое положение (protasis, посылка) и диалектическая проблема, будучи правдоподобными вопросами (104 a 8) или задачами (104 b 1), отличаются друг от друга только тем, что, в то время как в диалектической проблеме явно сформулированы обе альтернативы, в диалектическом положении одна из альтернатив лишь подразумевается. «Диалектическое положение (соответственно диалектическая проблема. — *З. М.*) — это такое (это такой вопрос. — *З. М.*), на которое можно отвечать да или нет» (158 a 16—17). Между тем «силлогистический вопрос и посылка» («Вторая аналитика», 77 a 35—36) имеют иную природу: на такие вопросы, как «что такое человек?» или «в скольких значениях говорится о благе?» «так ответить (ответить «да» или «нет». — *З. М.*) нельзя. Поэтому такие вопросы не диалектические» (158 a 14—18). Ср. «Об истолковании», 20 b 22—30; «Первая аналитика», 24 a 22—25. — *352.*

Глава пятая

[1] Определяемое (definiendum) может быть и простым термином, и сложным выражением. — *353.*

[2] См. *Платон.* Теэтет, 163 а. — *353.*

[3] Ср. «Метафизика», 1057 b 37—38. — *354.*

[4] Символически: (Mp и M ¬ p). «Привходящее», стало быть, означает то же, что «возможное» в смысле «Первой аналитики», 32 а 18—20 и «Об истолковании», 13, или «случайное» в смысле «Об истолковании», 9. Ср. «Метафизика», 1027 а 16—17, а также прим. 2 и 4 к гл. 2 и прим. 9 к гл. 10 «Категорий». — *354.*

Глава шестая

[1] В гл. 5 о собственном, роде и привходящем. — *355.*

[2] См. прим. 1 к гл. 4. — *355.*

[3] Для каждого класса определительности (т. е. для каждой из четырех предикабилий) имеется особый способ исследования. Диалектика тем и отличается от аналитики, что она исследует рассуждения (умозаключения) с интенсиональной точки зрения, а именно с учетом существования определенных классов сказуемых. Аналитика же может игнорировать это обстоятельство (см. «Первая аналитика», 24 а 25—28). — *355.*

[4] См. 101 а 18—24. — *355.*

Глава седьмая

[1] См. «Категории», 4 а 10—19; «Метафизика», 1018 а 6—9, 13; 1021 а 11; 1054 а 32 — b 1; «Физика» V, 4, а также 242 а 33, b 4. — *356.*

[2] Ср. «Метафизика», 1006 b 25—26; «Физика», 185 b 19—20. — *356.*

[3] См. «Метафизика», 1018 а 15—17; 1021 а 11—12; 1054 b 3—13. — *356.*

Глава восьмая

[1] См. 103 а 7—9. — *357.*

[2] Т. е. при помощи изучения всех отдельных случаев. См. «Первая аналитика», 68 b 28—29. — *357.*

[3] И стало быть, оно либо существенно для подлежащего, либо нет. — *357.*

[4] Ср. 143 а 15—28; «Метафизика», 1037 b 29—30. — *357.*

Глава девятая

[1] В «Категориях» (1 b 26) вместо категории «что именно есть», т. е. категории «сути», названа категория сущности, под которую подпадают как первые сущности, т. е. единичные вещи, или определенные нечто, так и вторые сущности, т. е. виды и роды (2 а 11—19). Между тем очевидно, что категории сути отвечает лишь понятие второй сущности. См. «Метафизика»,

1028 a 16—18. Ср. «Категории», 2 b 8—14, а также прим. 5 и 9 к гл. 5 этого трактата. — *358*.

[2] Аристотель, разумеется, не утверждает здесь, что сами понятия привходящего, рода, собственного и определения подпадают под те или иные категории. Классификации сказуемых по категориям и по предикабилиям независимы друг от друга; каждая из них является, по Аристотелю, исчерпывающей, и, стало быть, каждое сказуемое обладает в одно и то же время как категориальной, так и предикабилиальной квалификацией. Вместе с тем классификация по категориям имеет абсолютный характер: она независима от того, в каком аспекте изучается данное сказуемое. Например, категориальная характеристика цвета заключается в том, что цвет есть качество (см. 121 a 9), и характеристика эта единственна. Между тем по отношению к белому цвет — род (см. 121 a 6—9), а по отношению к человеку — привходящее (см. «Вторая аналитика», 83 a 27—28). — *358*.

Глава десятая

[1] Если правдоподобно р, то правдоподобно и $\neg\neg p$. — *359*.

[2] См. 112 b 27 — 113 a 19. Ср. «Об истолковании», 14. — *360*.

Глава одиннадцатая

[1] См. 101 b 14—37; 104 a 8—11; 104 b 1—5. — *361*.

[2] См. «Метафизика», 1024 b 32—34. — *361*.

[3] См. *Платон*. Кратил, 402 a. — *361*.

[4] См. Мелисс, фр. 8 (по А. Маковельскому, ч. II, стр. 105—106). — *361*.

[5] См. «Метафизика», 1026 b 15—20; 1064 b 23—28. — *361*.

Глава двенадцатая

[1] См. 100 a 25—27. — *362*.

[2] Определено понятие неполной индукции. Ср. «Первая аналитика» II, 23; «Вторая аналитика» I, 18; «Вторая аналитика», 91 b 15; 92 a 34 — b 3. — *362*.

Глава тринадцатая

[1] См. гл. 4 и 8. — *362*.

[2] Organa, т. е. логических средств. — *362*.

Глава четырнадцатая

[1] См. 104 a 13—14, 20—33. — *363*.

[2] Имеется в виду теория восприятия Эмпедокла. См. *А. Маковельский*. Досократики, II, стр. 165—167. Там же, фр. 84 (стр. 207—209), а также *Платон*. Менон, 76 с — d. — *363*.

[3] См. «Метафизика», 984 a 8—11. — *363*.

[4] Ср. деление философии на этику, физику и логику у Ксенократа, перипатетиков и в особенности у стоиков. См. Диоген Лаэрций VII, 39; *Секст Эмпирик.* Против ученых, VII, 16—22. — *363.*

[5] Первый органон, таким образом, (1) выбирает как можно более общие положения и проблемы четырех видов (104 a 8—15), касающиеся нравственности, природы и рассуждения (105 b 20—21), и (2) составляет из каждого из них много частных положений путем деления входящих в него общих терминов до терминов более неделимых. — *364.*

Глава пятнадцатая

[1] Oxys означает не только «острый», но и «высокий» (например, звук). — *365.*

[2] Barys означает не только «низкий» (звук), но и «тяжелый». — *365.*

[3] Kalos — не только «прекрасный», «красивый», но и «годный», «удобный». — *365.*

[4] Leykos — не только «белый», «бледный», но и «светлый», «чистый», «яркий». Melas — «черный» и «тусклый». — *365.*

[5] Дословно: падежи (ptōseis). — *366.*

[6] Ср. «Метафизика», 1003 a 34—36. — *367.*

[7] Категории качества и действия. — *367.*

[8] Пифагорейцы. — *367.*

[9] Категории соотнесенного и качества. — *367.*

[10] Onos означает и «осел» и «ворот». Ср. «Механика», 853 b 12. — *367.*

[11] См. «Категории», 1 b 10—12, 22; 2 b 20; 3 a 38—39. — *368.*

[12] Chrōma — «цвет», а также «оттенок», «модуляция». — *369.*

[13] См. «Метафизика», 1057 b 8—10; *Платон.* Тимей, 67 d — e и 45 b — e. — *369.*

[14] Второй органон, таким образом, (1) устанавливает различные значения данного слова, (2) находит основание этого различия, (3) выясняет тем самым, употребляется ли данное выражение соименно, и, стало быть, (4) заботится о том, чтобы в положения, выбираемые первым органоном, не прокрались двусмысленности. См. прим. 4 к гл. 18. — *369.*

Глава шестнадцатая

[1] К роду добродетели (aretē). — *369.*

[2] Третий органон (1) выявляет неочевидные в той или иной мере различия между терминами и, стало быть, (2) ответствен за правильность деления положений, осуществляемого первым органоном. См. прим. 5 к гл. 18. — *370.*

Глава семнадцатая

[1] Ср. «Никомахова этика», 1096 b 28—29. — *370.*

[2] Ср. «Метафизика», 1043 a 21—23. — *370.*

[3] Четвертый органон выявляет (1) сходство в предметах, относящихся к разным родам, (2) тождество в предметах, отно-

сящихся к одному и тому же роду, тем самым (3) способствует правильному пониманию смысла терминов, входящих в положения, выбираемые первым органоном, и, стало быть, обеспечивает корректность умозаключений, составленных из этих положений. — *370.*

Глава восемнадцатая

[1] Защищающий тезис. — *370.*

[2] Возражающий против тезиса. — *370.*

[3] Но свойствен эристике или софистике. — *371.*

[4] С помощью второго органона мы (1) уточняем значения слов, (2) избегаем спора о словах и тем самым обманчивых умозаключений. Таким образом, второй органон гарантирует корректность умозаключений, «касающихся самого предмета» (108 a 21), т. е. его определения. — *371.*

[5] Будучи полезным для построения умозаключений о тождественном и различном, третий органон является необходимым средством для познания сути предмета (108 b 1, 4—6) и, значит, его определения. — *371.*

[6] Т. е. из посылок, признаваемых собеседником. В «Аналитиках» термин «предположение» употребляется в ином смысле (см. 40 b 26; 41 a 38; 50 a 16). — *371.*

[7] Четвертый органон полезен (1) для индуктивного умозаключения, ибо с его помощью мы постигаем общее в разном, (2) для умозаключения из предположения, ибо о сходном мы ведаем на основании сопоставления разных предметов, и, наконец, (3) для определения, ибо знание общего есть необходимое условие для усмотрения истинного рода для разных предметов. — *372.*

Книга вторая

Глава первая

[1] Символически: если $\vdash AxP(x)$, то $\vdash ExP(x)$. Ср. 119 a 34 и 120 a 15. — *373.*

[2] Символически: если $\vdash Ax \neg P(x)$, то $\vdash \neg AxP(x)$. Ср. 119 a 36 и 120 a 8. — *373.*

[3] «Обращение» здесь употребляется в смысле преобразования высказываний вида «А присуще Б» в высказывания вида «Б есть (вообще) А». Однако если А присуще Б лишь в некотором отношении, то ложно, что Б есть вообще А. Ср. прим. 4 к гл. 2 «Категорий» и прим. 2 к гл. 2 «Первой аналитики» I. — *373.*

Глава вторая

[1] Ср. «Никомахова этика», 1134 a 1. — *374.*

[2] Символически: $[AxP(x)$ или $Ex \neg P(x)]$. — *375.*

[3] Ср. «Никомахова этика», 1108 b 1—3. — *376.*

[4] Посредством деления. — *376.*

Глава третья

[1] Символически: если $\vdash P(a)$, то $\vdash \neg Ax \neg P(x)$. — *377*.
[2] Символически: из $\vdash P(a)$ не следует $\vdash AxP(x)$. — *377*.

Глава четвертая

[1] Polypragmosynē — philopragmosynē. См. *Платон*. Государство, 549 с. — *379*.
[2] Если А есть либо Б, либо В и С $\subseteq$ А, то С есть либо Б, либо В. — *379*.
[3] См. «О душе», 424 а 5—6; 426 b 8—11; 432 а 15—16. — *379*.
[4] Символически: $А \subseteq Б \Longrightarrow Ax [А(x) \Longrightarrow Б(x)]$. — *379*.
[5] Неверно, что из $С \subseteq А$ следует $Ax [А(x) \Longrightarrow С(x)]$. — *380*.
[6] Символически: $А \subseteq Б \Longrightarrow Ax [\neg Б(x) \Longrightarrow \neg А(x)]$. — *380*.
[7] Неверно, что из $С \subseteq А$ следует $Ax [\neg С(x) \Longrightarrow \neg А(x)]$. — *380*.
[8] Символически: $А(x) \Longrightarrow ЕБ [Б \subseteq А$ и $Б(x)]$. — *380*.
[9] Ср. «О душе», 406 а 12—14. — *380*.
[10] Символически: $\neg ЕБ [Б(x)$ и $Б \subseteq А] \Longrightarrow \neg А(x)$. — *380*.
[11] Символически: $ЕБ [Б(x)$ и $Б \subseteq А] \Longrightarrow А(x)$. — *380*.
[12] Если $А \Longrightarrow Б$ и $\vdash А$, то $\vdash Б$. — *381*.
[13] Если $А \Longrightarrow Б$ и $\vdash \neg Б$, то $\vdash \neg А$. — *381*.
[14] См. *Платон*. Менон, 86 b. Ср. «Первая аналитика», 67 а 21. — *381*.

Глава пятая

[1] Т. е. формально некорректными. — *382*.
[2] Если $А \vdash Б_1, \ldots, Б_к$ и $\vdash \neg Б_i$, то $\vdash \neg А$. — *382*.

Глава шестая

[1] (1) Либо А (x) либо Б (x), $А(x) \vdash \neg Б(x)$. (2) Либо А (x) либо Б (x), $Б(x) \vdash \neg А(x)$. — *383*.
[2] (3) Либо А (x) либо Б (x), $\neg Б(x) \vdash А(x)$. (4) Либо А (x) либо Б (x), $\neg А(x) \vdash Б(x)$. — *383*.
[3] *Ксенократ* из Халкидона (390—314), ученик Платона, глава Академии после Спевсиппа. Ср. 141 а 6; 152 а 7, 27. — *383*.
[4] Ср. «Первая аналитика», 32 b 5—13; «Об истолковании», 9. — *383*.
[5] *Продик* Кеосский (V в. до н. э.) — старший софист, создатель синонимики. — *384*.

Глава седьмая

[1] А именно (1) (А ρ Б и ⫤ А ρ ⫤ Б), (2) (А ρ ⫤ Б и ⫤ А ρ Б), (3) (А ρ Б и А ρ ⫤ Б), (4) (⫤ А ρ Б и ⫤ А ρ ⫤ Б), (5) (А ρ Б и ⫤ А ρ Б), (6) (А ρ ⫤ Б и ⫤ А ρ ⫤ Б). — *384*.

[2] Ср. «Никомахова этика», 1108 b 11—13. — *385.*
[3] В тезисе. — *385.*
[4] Ср. 112 a 24—25; «Категории», 14 a 10—14; «Об истолковании», 17 b 23; «Метафизика», 1011 b 13—14. — *385.*
[5] Если А $\vdash$ (Б и $\Dashv$ Б), то $\vdash \neg$ А. — *385.*
[6] Это рассуждение (113 b 7—14) основано на определении привходящего, данного в 102 b 6—7. Ср. прим. 4 к гл. 5 кн. I. — *386.*

Глава восьмая

[1] А $\subseteq$ Б $\Longrightarrow$ (не-Б $\subseteq$ не-А). — *387.*
[2] $\neg$ (не-Б $\subseteq$ не-А) $\Longrightarrow \neg$ (А $\subseteq$ Б). — *387.*
[3] (Не-Б $\subseteq$ не-А) $\Longrightarrow$ (А $\subseteq$ Б). — *387.*
[4] А $\subseteq$ Б $\Longleftrightarrow$ (не-Б $\subseteq$ не-А). — *387.*
[5] Если А $\Longrightarrow$ Б, то спрашивается, имеет ли место ($\Dashv$ А $\Longrightarrow$ $\Dashv$ Б) (прямое следование) или ($\Dashv$ Б $\Longrightarrow$ $\Dashv$ А) (обратное следование). — *387.*
[6] $(P \subseteq R) \Longrightarrow (\breve{P} \subseteq \breve{R})$, где «P» и «R» — некоторые бинарные отношения. Ср. «Метафизика», 1020 b 27—28. — *388.*

Глава девятая

[1] Точка зрения Сократа и Платона. — *389.*
[2] См. 113 b 27 — 114 a 6. — *389.*

Глава одиннадцатая

[1] «Вторая аналитика», 87 a 35—37; «Метафизика», 1077 b 10—11. — *391.*
[2] Ср. «Категории», 3 b 33—39. — *392.*
[3] Фракийское племя, жившее у р. Дуная. — *392.*

Книга третья

Глава первая

[1] В третьей книге излагается учение Аристотеля об отношении предпочтения с элементами логики предпочтения. Ср. «Первая аналитика», 68 a 25 — b 7. — *394.*
[2] Ср. «Риторика», 1362 a 21—23. — *394.*
[3] Ср. *Платон.* Филеб, 20 d. — *394.*
[4] Ср. «Никомахова этика», 1143 b 6. — *396.*
[5] Перечислены атрибуты четырех элементов Эмпедокла, а именно соответственно воды, земли, огня и воздуха. — *396.*

Глава третья

[1] Сформулировано свойство транзитивности отношения предпочтения. — *401.*

Глава четвертая

[1] В гл. 1—3. — *402.*

Глава пятая

[1] Обобщение достигается, стало быть, заменой вхождений конкретных терминов, таких, как «хорошо», «достойно», «значимо» и т. п., в формулировки топов вхождениями слова «таково», играющего роль переменного по подобным терминам. — *403.*

Глава шестая

[1] Т. е. все предыдущие топы из кн. II и III. — *404.*

[2] Символически: Ax ¬ P (x) ⇒ ¬ ExP (x). — *404.*

[3] Т. е. в равной мере правдоподобны положения: «АаБ ⇒ ⇒ ⫤ Аа ⫤ Б» и «E!x [А(x) и Б (x)] ⇒ E!x [⫤ А(x) и ⫤ Б(x)]». Или, быть может, вместо второго положения нужно было бы брать следующее: «AiБ ⇒ ⫤ Ai ⫤ Б». — *404.*

[4] Правдоподобно: АоБ ⇒ не-Ао но-Б. — *404.*

[5] Правдоподобно: Ai не-Б ⇒ ⫤ AiБ. — *404.*

[6] Правдоподобно: ⫤ AiБ ⇒ Ai не-Б. — *404.*

[7] Но необязательно истинны. — *405.*

[8] См. прим. 11 к гл. 4 «Первой аналитики» I. — *406.*

[9] Ср. прим. 2. — *406.*

[10] Символически: если ⊢ AxP (x), то ⊢ ¬ Ex ¬ P (x). — *406.*

[11] Из ⊢ Ex ¬ P (x) не следует ⊢ ¬ ExP (x), а также из ⊢ ExP (x) не следует ⊢ ¬ Ex ¬ P (x). — *406.*

[12] Т. е. явно квантифицированный, причем к кванторам здесь причислены и т. н. численные кванторы: «одно», «только одно», «больше чем одно» (см. 120 а 20 — 27 в разных местах, а также прим. 3). — *406.*

[13] Выражение «одна только» не есть квантор (в отличие от выражения «только одна»); оно выражает эквивалентность двух терминов, например «рассудительности» и «знания». — *407.*

[14] См. 109 b 15 — 16. — *407.*

[15] Намек на учение Ксенократа, согласно которому «душа есть число, движущее само себя». Ср. «О душе», 404 b 29 — 30; 408 b 32 — 33. — *407.*

Книга четвертая

Глава первая

[1] См. *Платон.* Федр, 245 с—е. — *408.*

[2] Ср. прим. 1, 2 к гл. 9 кн. I. — *408.*

[3] Т. е. категории. — *409.*

[4] Платоновский термин «причастность» употребляется Аристотелем в смысле «подпадает под», что выражает отношение вида к роду. — *409.*

[5] Ср. 127 a 26 — 38; «Метафизика», 998 b 14 — 28. — *409.*

[6] Сказуемое Б есть род для сказуемого А тогда и только тогда, когда объем сказуемого А есть собственная часть объема сказуемого Б. — *410.*

Глава вторая

[1] Т. е. из [Б (x) и А ⊆ Б] не следует А (x). — *412.*

[2] Т. е. делению на ближайшие виды. — *412.*

[3] Из положения «то, что причастно роду, необходимо причастно какому-нибудь виду» (см. прим. 8 к гл. 4 кн. II) доказуемо положение: «если Б = А ∪ $В_1$ ∪ ... ∪ $В_к$ и ¬ $В_i$, для всех i, то из Б (x) вытекает А (x)». — *412.*

[4] «Нечетное» есть качество, а не сущность. Число же — сущность. Ср. 120 b 36 — 37. — *413.*

[5] Ср. «Метафизика», 1069 a 10 — 11 и прим. 1 к гл. 6 «Категорий». — *413.*

[6] См. *Платон.* Теэтет, 181 d. Ср. «Физика», 226 a 32. — *414.*

[7] См. *Платон.* Филеб, 37 c. — *415.*

Глава третья

[1] Ср. 106 a 9 — 22. — *415.*

[2] Ср. «Категории», 14 a 19 — 20. — *416.*

[3] Ср. «Категории», 12 a 20 — 25. — *416.*

[4] Ср. «Никомахова этика» II, 5. — *417.*

Глава четвертая

[1] См. 113 b 15. — *419.*

[2] Ср. «Категории», 6 b 16. — *419.*

[3] Ср. «Категории», 6 b 27 — 36. — *420.*

[4] Ср. «Вторая аналитика», 100 a 3 — 8. — *422.*

Глава пятая

[1] Ср. «Никомахова этика» III, 15. — *424.*

[2] Эмпедокл, фр. 81 (по А. Маковельскому, ч. II, стр. 207). — *426.*

Глава шестая

[1] Ср. «Категории», 2 a 29 — 34 и прим. 3 к гл. 2 этого трактата. — *427.*

[2] См. топы из отрывка 122 b 37 — 123 a 19. — *428.*

[3] Защищающий тезис. — *429.*

Книга пятая

Глава первая

[1] См. 128 b 22 — 23. — *431.*

Глава вторая

[1] См. 129 b 5 — 7. — *434.*

Глава третья

[1] Ср. «Вторая аналитика», 71 b 33 — 72 a 5; «Метафизика», 1018 b 30 — 32; 1035 b 11 — 14; 1077 b 1 — 4; «Физика», 184 a 16. — *437.*

[2] См. «Категории», 13. — *437.*

[3] Ср. «Метафизика», 1017 b 21 — 22. — *440.*

Глава четвертая

[1] Если, например, кто-то еще, кроме человека, способен овладевать знаниями, то имя «человек» не подходит (неправильно) для всего способного овладевать знаниями. — *441.*

Глава пятая

[1] Имя «поверхность» не подходит (неправильно) для всего окрашенного, ибо тело окрашено, но не есть поверхность. «Быть окрашенным» подходит и для поверхности, и для тела. Ср. прим. 1 к гл. 4. — *446.*

Глава шестая

[1] Т. е. соподчиненных. Ср. 143 a 34 — b 5; «Категории», 4 b 33 — 35. — *452.*

Глава седьмая

[1] См. 114 b 6 — 15. — *453.*

Глава восьмая

[1] Ср. «Категории», 3 b 33 — 34, а также 115 b 9. — *456.*

[2] Ср. 136 b 33 — 35. — *460.*

[3] Ср. 138 a 30. — *460.*

Книга шестая

Глава первая

[1] В смысле definiens. Ср. «Вторая аналитика» II, 10. — *462.*

[2] См. 101 b 19 — 22. — *462.*

Глава вторая

[1] Ср. «Вторая аналитика», 97 b 37 — 39. — *463.*

[2] Не философ Платон, а староаттический комедиограф (V — IV вв. до н. э.). — *464.*

[3] См. «Поэтика», 1 — 3. — *464.*

Глава третья

[1] Ср. прим. 15 к гл. 6 кн. III. — *465*.
[2] См. *Платон*. Федр, 245 с — е. Ср. «О душе», 408 b 32 — 409 a 10. — *465*.
[3] См. «Метафизика», 1022 b 22 — 31. — *467*.
[4] Ср. «Никомахова этика» V, 14; VI, 11. — *467*.

Глава четвертая

[1] Ср. «Вторая аналитика», 71 а 1 — 11. — *467*.
[2] Ср. «Метафизика», 1062 b 12 — 15; 1018 b 37 — 1019 а 1. — *468*.
[3] Ср. «Метафизика», 1039 а 12. — *468*.
[4] Ср. «Поэтика», 1456 b 34 — 36. — *468*.
[5] Платон и его последователи. — *469*.
[6] См. 141 а 26 — b 2. — *469*.
[7] Ср. «Метафизика», 1055 а 31 — 32; 1059 а 21 — 22; 1061 а 18 — 19. — *470*.
[8] См. «Категории», 8 а 31 — 32. — *470*.
[9] См. *Платон*. Определения, 411А. — *470*.

Глава пятая

[1] См. 139 b 3 — 5. — *472*.
[2] Ср. «Вторая аналитика», 97 а 23 — b 6. — *472*.

Глава шестая

[1] Ср. «Об истолковании», 18 а 37; «Метафизика», 1011 b 23; 1012 b 10. — *473*.
[2] Ср. «Категории», 1 b 16 — 17. — *475*.
[3] Ср. 157 а 10 — 11; «Метафизика», 1025 b 25. — *476*.
[4] См. *Аристофан*. Женщины на празднике фесмофорий, 556. — *477*.

Глава седьмая

[1] См. *Платон*. Гиппий больший, 297 е; 299 с. — *479*.

Глава восьмая

[1] См. прим. 8 к гл. 4. — *480*.
[2] Ср. «Никомахова этика», 1094 а 1 — 6. — *480*.

Глава девятая

[1] См. «Топика» II, 7 — 9; IV, 3, 4; V, 6. — *482*.
[2] И тем самым допущено idem per idem. — *483*.
[3] Ср. «Вторая аналитика», 79 b 23 — 24. — *484*.

Глава десятая

[1] Ср. 113 a 27 — 28. — *485.*
[2] Об этом софисте ничего определенного не известно. — *485.*

Глава двенадцатая

[1] Среднее четного и среднее нечетного не определяются одинаковым образом. Среднее нечетного есть единица, ибо нечетное всегда разлагается так: $k + 1 + k$, где k—натуральное число. — *488.*
[2] Ср. «Риторика», 1355 b 10; 1356 b 36. — *489.*

Глава тринадцатая

[1] Ср. «Метафизика» VII, 10, 11. — *490.*
[2] Ср. «Метафизика», 1043 a 4 — 9. — *492.*
[3] См. все предыдущие топы в этой главе. — *492.*

Глава четырнадцатая

[1] Ср. «О душе», 410 a 1 — 2. — *493.*

Книга седьмая

Глава первая

[1] См. 103 a 23 — 24. — *495.*
[2] Ср. «Никомахова этика» X, 7 — 9. — *496.*
[3] $(x = z$ и $y \neq z) \Longrightarrow (x \neq y)$. — *496.*
[4] $(x = y) \Longleftrightarrow AP\,[P\,(x) \Longleftrightarrow P\,(y)]$. — *496.*
[5] $(P = R) \Longleftrightarrow Ax\,[P\,(x) \Longleftrightarrow R\,(x)]$. — *496.*
[6] (1) $\neg\, AP\,[P\,(x) \Longleftrightarrow P\,(y)] \Longleftrightarrow (x \neq y)$. (2) $\neg\, Ax\,[P\,(x) \Longleftrightarrow R\,(x)] \Longleftrightarrow (P \neq R)$. — *496.*
[7] $(x + z \neq y + z) \Longrightarrow (x \neq y)$. — *497.*
[8] $(x - z \neq y - z) \Longrightarrow (x \neq y)$. — *497.*
[9] Из тезиса о тождестве чего-то с чем-то. — *497.*
[10] Adynaton. Тем самым опровергается тезис согласно правилу приведения к невозможному. — *497.*
[11] Символически: $\neg A, Б \vdash \neg (A \Longleftrightarrow Б)$. — *497.*
[12] Ср. прим. 4 — 6. — *497.*
[13] $EK\,[x \in K$ и $\neg\,(y \in K)] \Longleftrightarrow (x \neq y)$. — *498.*

Глава вторая

[1] См. 102 a 11 — 13. — *498.*
[2] Т. е. недостаточно объемное совпадение определяющего и определяемого. Необходимо, чтобы определяющее выражало суть бытия определяемого. Ср. 139 a 32 — 34. — *498.*
[3] Ср. 139 a 24 — 35. — *498.*

Глава третья

[1] См. «Вторая аналитика» II, 3 — 13. — *498.*
[2] Ср. «Вторая аналитика», 93 b 29. — *498.*
[3] Диалектическое, но не аподиктическое (доказывающее). — *499.*

[4] См. «Вторая аналитика» II, 13; «Метафизика» VII, 17. — *499*.

[5] См. «Топика» VI, 9 — 10. — *499*.

[6] Ср. 107 b 28 — 29. — *499*.

[7] О противоположных вещах могут сказываться (1) один и тот же род и одно и то же видовое отличие, (2) один и тот же род и противоположные видовые отличия, (3) противоположные роды и одно и то же видовое отличие и, наконец, (4) противоположные роды и противоположные видовые отличия. — *500*.

Глава четвертая

[1] См. 109 b 13 — 29. — *501*.

[2] См. 148 a 14 — 22. — *501*.

Глава пятая

[1] См. прим. 3 к гл. 3. — *502*.

[2] А именно с родом. Ср. 132 a 10 — 12. — *503*.

[3] См. 154 b 10 — 12. — *503*.

Книга восьмая

Глава первая

[1] Сформулированы предписания вопрошающему, относящиеся к преддискуссионному этапу. — *506*.

[2] В смысле рассуждающего доказательно (аподиктически), а не диалектически. — *506*.

[3] Ср. «Первая аналитика», 24 a 30 — b 1; «Вторая аналитика», 71 b 19 — 72 a 8. — *506*.

[4] См. «Топика» II — VII. — *506*.

[5] Добавление произвольных, не необходимых посылок не делает вывод некорректным. Ср. прим. 1 к гл. 11 «Второй аналитики» I. — *506*.

[6] Т. е. не необходимые. Ср. 155 b 21 — 28 и прим. 5. — *507*.

[7] Ибо, если вопрошающий будет пользоваться только необходимыми посылками, отвечающий легко сумеет раскрыть заключение, вытекающее из них. Чтобы завуалировать вывод, требуется «расширить» (155 b 25) круг посылок и перетасовать необходимые посылки с не необходимыми, но «нужными ради спора» (155 b 26). — *507*.

[8] Т. е. представить дело так, как будто все использованные посылки являются необходимыми. — *507*.

[9] А именно промежуточное заключение просиллогизма, являющееся одной из посылок во всем доказательстве. — *507*.

[10] Для этого отвечающему нужно было бы знать, какие из посылок, использованных вопрошающим, суть необходимые и какие нет. — *508*.

[11] Т. е. одну из альтернатив, составляющих проблему. Ср. прим. 2 к гл. 4 кн. I. — *509*.

[12] Ср. «Вторая аналитика», 69 a 13 — 19; «Риторика», 1357 b 27 — 30. — *509*.

[13] Ниже до конца главы перечислены тактические приемы, адресованные вопрошающему, для сокрытия намерений (семь приемов), для украшения (два приема) и ясности (два приема) рассуждений. — *509.*

[14] Ср. «Риторика», 1408 а 14; «Поэтика», 1457 b 2; 1458 а 33.— *510.*

[15] Ср. «О душе», 402 а 1 — 3. — *510.*

[16] См. прим. 3 к гл. 6 кн. VI. — *510.*

[17] *Херилл* из Самоса (470 — 400) — эпик. Ср. «Риторика», 1415 а 4. — *510.*

Глава вторая

[1] См. 105 а 16 — 19. — *510.*

[2] Ср. 160 b 10 — 11; «Первая аналитика», 69 а 37; «Вторая аналитика», 71 а 21; 91 b 34; «Риторика», 1402 а 34. — *511.*

[3] Возражение делается в виде частного высказывания, опровергающего общее положение, или единичного высказывания, опровергающего единичное же положение. — *511.*

[4] Ср. «Вторая аналитика», 74 b 32 — 39. — *512.*

[5] Ниже до конца главы сформулированы четыре предписания вопрошающему, касающиеся выдвигаемых им положений (первое, третье и четвертое предписания) и формы представления заключений (второе предписание). — *513.*

[6] Имеются в виду не соучастники дискуссии, а присутствующие на ней. — *513.*

Глава третья

[1] «Предположение» употреблено здесь в смысле проблемы. — *514.*

[2] Речь идет о наиболее достоверных и очевидных началах. Ср. «Метафизика», 1005 b 5 — 34. — *514.*

[3] «Определение» означает здесь, по-видимому, «разъяснение смысла». — *514.*

[4] Т. е. менее достоверные и менее известные положения. — *515.*

Глава четвертая

[1] Т. е. делать некорректные выводы и, значит, рассуждать софистически. — *516.*

Глава пятая

[1] Т. е. у тех, кто применяет «препирательские» доводы в споре. Ср. «О софистических опровержениях», 165 b 11 — 13. — *516.*

[2] Ср. «О софистических опровержениях», 183 b 34 — 36. — *516.*

[3] Аналитически вытекающему из положений, выставленных вопрошающим и принятых отвечающим. — *517.*

[4] Гераклит, фр. 58 (по А. Маковельскому, ч. I, стр. 158). — *518.*

Глава шестая

[1] Т. е. софистически. — *519*.

Глава седьмая

[1] А не только «да» или «нет». Ср. 158 а 16 — 17; 160 а 33 — 34. — *519*.

Глава восьмая

[1] Зенон, фр. 4 (по А. Маковельскому, ч. II, стр. 87). См. «Физика», 233 а 21 — 23; 239 b 33 — 240 а 1. — *520*.

Глава девятая

[1] Следуя учению Гераклита или учению Парменида. —*521*.

Глава десятая

[1] По modus ponens. — *521*.

[2] Ложность антецедента импликации не фальсифицирует импликацию. — *521*.

[3] Импликация ложна, если только ее антецедент истинен, а консеквент ложен. — *521*.

Глава одиннадцатая

[1] Доводы ad hominem, а не ad rem. — *522*.

[2] См. «Первая аналитика», 53 b 7 — 8; 57 а 36 — 40. — *522*.

[3] См. 100 а 29 — 30. — *523*.

Глава двенадцатая

[1] Ср. «Вторая аналитика», 76 b 16 — 21. — *526*.

[2] Ср. «Первая аналитика», 65 а 38 — b 3. — *526*.

[3] См. 162 а 10 — 12. — *526*.

[4] Т. е. умозаключают ли корректно. — *527*.

[5] В качестве диалектического довода. — *527*.

Глава тринадцатая

[1] Речь идет о petitio principii и petitio contrariorum. — *527*.

[2] См. «Первая аналитика», 41 b 11; 64 b 28; «Вторая аналитика», 76 b 31. Ср. «О софистических опровержениях», 167 а 36; 168 b 22. — *527*.

[3] Этот способ чаще встречается в индуктивных рассуждениях. — *527*.

[1] Если $A_1, \ldots, A_k \vdash Б$, то $A_1, \ldots, A_{j-1}, A_{j+1}, \ldots, A_k, \neg Б \vdash \vdash \neg A_j$. Ср. «Первая аналитика», 59 b 3 — 5. — *529.*

[2] Т. е. положений, относительно которых ведутся диалектические дискуссии. — *529.*

[3] См. «Риторика», 1356 b 1 — 4; «Первая аналитика», 70 a 10 — 11. — *530.*

[4] Ср. «Первая аналитика», 41 b 6. — *530.*

О СОФИСТИЧЕСКИХ ОПРОВЕРЖЕНИЯХ

Peri sophistikōn elenchōn. — Название этого труда двусмысленно, и оба смысла в определенной мере отвечают его содержанию. С одной стороны, здесь речь идет о том, как софисты строят свои рассуждения, имея целью, в частности, опровергнуть логически безупречный ход мыслей своих противников. С другой стороны, Аристотель здесь излагает свою критику этих рассуждений, выявляя их логическую некорректность и прямую несостоятельность. Поэтому в логической литературе имеют хождение различные варианты перевода греческого названия: буквальный (например, в немецкой литературе — «Sophistische Widerlegungen», в английской — «On Sophistical Refutations»), «О софистических уловках» (впервые такой вариант был предложен Д. Скотом), «О том, как софисты опровергают своих противников» (Т. Котарбиньский), «Об опровержениях софистических доказательств» (В. Ф. Асмус) и др.

Некоторые исследователи рассматривают данный трактат как заключительную (девятую) книгу «Топики».

Работа «О софистических опровержениях» посвящена изучению, классификации и преодолению (разрешению) не только обманных приемов рассуждения софистов, но и логических ошибок и парадоксов. Особое значение с современной нам точки зрения имеет приведенный в этой работе анализ Эвбулидова парадокса «Лжец» («О софистических опровержениях», 180 a 35 — b 7), фактически стимулировавший возникновение в средние века логических трактатов на тему «de insolubiliis» (о неразрешимых предложениях), в которых первоначально рассматривалась проблема семантических антиномий.

Первый известный нам комментарий к рассматриваемому труду принадлежит Александру Афродисийскому (CAG II, 1). Средневековый Запад ознакомился с аристотелевским текстом в латинском переводе Якова из Венеции (1128 г.). В 1202 — 1208 гг. преподаватель Оксфордского университета Эдмунд из Эбингтона впервые включил в свой курс логики изложение содержания этого сочинения (*D. Callus.* Introduction of Aristotelian Learning to Oxford. — «Proceedings of the British Academy», v. 29 (1943)).

Аристотелевская классификация софизмов и паралогизмов тщательно изучалась в средние века и почти полностью вошла в учение традиционной логики о т. н. логических ошибках (см. *В. Ф. Асмус.* Учение логики о доказательстве и опровержении. М., 1954). Термин «паралогизм» для обозначения логически не-

корректного вывода широко применял в VI в. н. э. Кассиодор (см. *C. Prantl*. Geschichte der Logik im Abendlande. Bd. 1. Leipzig, 1855, S. 724). Исходя из Аристотеля, Буридан формулирует парадокс «Лжец» в следующей логически корректной форме: «Предложение, записанное на данном листе бумаги, ложно» («Johannis Buridani Quaestiones». Parisiis, 1518, VI, qu. 7), причем на упомянутом листе больше ничего (nullam alio) не записано (соблюдается условие единственности). В своем труде «Sophismata» Буридан развивал много весьма утонченных «вариаций» на тему аристотелевского «Лжеца». Его примеру следовали Альберт Саксонский (XIV в.), Пьер д'Альи (вторая половина XIV в. — начало XV в.) и другие логики. (Обзор предложений схоластиков для разрешения антиномии «Лжец» см., например, в работе: *Н. И. Стяжкин*. Формирование математической логики, стр. 173 — 180.) Антиномия этого типа играет большую роль в современной математической логике и теории множеств, породив обширную литературу вопроса, и, в частности, она фигурирует в доказательстве знаменитой теоремы К. Гёделя о формально неразрешимых предложениях, обнаруженных им в книге Б. Рассела и А. Н. Уайтхеда «Principia Mathematica» (см. *K. Gödel*. Über formal unentscheidbare Sätze der *Principia Mathematica* und verwandter Systeme. — «Monatsheft für Mathematik und Physik». Bd. 38 (1931), S. 173—198). Обсуждение антиномии «Лжец» находилось также у истоков современной логической семантики в классических исследованиях А. Тарского (см. обзор в кн.: *W. Stegmüller*. Das Wahrheitsproblem und die Idee der Semantik. Wien, 1957, и последующие его работы).

И. С. Нарский и *Н. И. Стяжкин*

На русском языке сочинение «О софистических опровержениях» публикуется впервые, в переводе М. И. Иткина. Сверка перевода произведена Л. А. Фрейберг.

Глава первая

[1] Т. е. те, которые в предыдущем абзаце названы «первыми» (164 а 22). — *535*.

[2] Пусть «Д (p)» означает «только кажется, что имеет место p». Пусть, кроме того, «$a =_P c$» означает «a и c сходны по свойству P» («Топика», 103 а 14 — 23). Все приведенные выше примеры можно описать так: [Д (P (a)) и P (c)] $\Longrightarrow$ Д ($a =_P c$). Заметим, что из Д (p) следует $\neg$ p. — *535*.

[3] Ср. «Топика», 100 а 25; «Первая аналитика», 24 b 18; «Риторика», 1356 b 15. — *535*.

[4] Ибо тот, кому только кажется, что P (a), и кто вместе с тем правильно полагает, что P (c), разумеется, считает, что a и c сходны по свойству P и что у них одно и то же общее имя «P» (ср. прим. 6). — *536*.

[5] Сформулирован один из основных принципов семантики. — *536*.

[6] Указана одна из основных причин наличия в языках многозначных слов и общих имен (наряду с именами собственными). — *536*.

[7] Ср. 171 b 28, 33; «Метафизика», 1004 b 26, а также *Платон*. Пир, 203 d; Протагор, 313 c; Софист, 233 c. — *536*.

Глава вторая

[1] Ср. «Топика», 101 a 34; «Вторая аналитика» I, 10; «Риторика», 1355 a 25 — 29. — *537*.

[2] См. «Топика», 159 a 25. — *537*.

[3] В «Топике». — *537*.

Глава четвертая

[1] Омонимия — двусмысленность отдельных слов во фразах. См. гл. 19. — *538*.

[2] Амфиболия — двусмысленность предложения, вызванная неоднозначной идентифицируемостью его подлежащего и дополнения (в греческом языке порядок слов в предложении отличается большой свободой). См. гл. 19. — *538*.

[3] Synthesis — словосочетания, правильно построенные синтаксически, но не семантически. См. гл. 20. — *538*.

[4] Diairesis — двусмысленность сочинительного союза «и», используемого для связывания слов. См. гл. 20. — *538*.

[5] Prosōdia — неоднозначная интерпретируемость написанного, вызванная неправильно поставленным знаком придыхания во входящем в него слове. См. гл. 21. — *538*.

[6] Schēma lexeōs — ошибочное заключение о категориальной квалификации слова на основе его грамматической формы. См. гл. 22. — *538*.

[7] $P(a, t) =_{OM} P(a, t + k)$, где «t» обозначает некоторый момент времени, «$=_{OM}$» — равенство по омонимии, $k \neq 0$, а «$P(a, t)$» читается: «свойство P присуще вещи a в момент времени t». — *538*.

[8] К 166 a 6 — 10: $R_c(a) =_{OM} R_a(c)$, где «$R_c(a)$» есть сокращение для «$R(a, c)$», а «R» обозначает произвольное бинарное отношение, например «желает захватить», «знает», «видит». Заметим, что, вообще говоря, верно лишь: $R_c(a) =_{OM} \breve{R}_a(c)$, где «$\breve{R}$» обозначает конверс отношения R. — *538*.

[9] $\Gamma(a, x, P(x)) =_{OM} \Gamma(a, a, P(a))$, где «$\Gamma(a, x, P(x))$» обозначает «a говорит об x, что x обладает свойством P» (например, что «x есть камень»). — *539*.

[10] $[\Gamma(a, x)$ и $P(x)] =_{OM} [\Gamma(a, x)$ и $P(a)]$, где «$\Gamma(a, x)$» читается: «a говорит об x». — *539*.

[11] Aetos — «орел» и «фронтон»; kyōn — «собака», «чудовище», «киник-философ». — *539*.

[12] См. *Платон*. Эвтидем, 276 e — 277 c. — *539*.

[13] Но не в один прием, не сразу. — *539*.

[14] В этом умозаключении кроются две ошибки: (1) арифметическое действие сложения отождествлено с сочинительным союзом «и» и (2) на основании того, что вещи находятся в данном отношении, выводится, что в том же отношении находятся их свойства: $[R(a, c)$ и $P(a)$ и $Q(c)] \Rightarrow R(P, Q)$. — *539*.

[15] «Я сделал тебя, раба, свободным» — «Я сделал тебя, свободного, рабом» — «Я сделал тебя свободным рабом». — *539*.

[16] «Славный Ахилл оставил [на поле боя] пятьдесят мужей из ста» — «Славный Ахилл оставил [на поле боя] сто мужей из пятидесяти». — *539*.

[17] См. *Гомер*. Илиада XXIII, 328: «Сосна сухая иль дуб, под дождями не скоро гниющий» (перевод Н. И. Гнедича). Ср. «Поэтика», 1461 а 23. — *540*.

[18] См. *Гомер*. Илиада XXI, 297: «Дадим мы тебе вожделенную славу» (перевод Н. И. Гнедича). Однако произносит эту фразу не Зевс, а Посейдон. Ср. «Поэтика», 1461 а 22 — 23. — *540*.

[19] См. «Топика» I, 9. — *540*.

[20] Accidentis — см. гл. 5: 166 b 28 — 36, и гл. 24. — *540*.

[21] Secundum quid ad simpliciter — см. гл. 5: 166 b 37 — 167 а 20, и гл. 25. — *540*.

[22] Ignoratio elenchi — см. гл. 5: 167 а 21 — 35, и гл. 26. — *540*.

[23] Consequentis — см. гл. 5: 167 b 1 — 20, и гл. 28. — *540*.

[24] Petitio principii — см. гл. 5: 167 а 36 — 39, и гл. 27. — *540*.

[25] Non causa pro causa — см. гл. 5: 167 b 21 — 36, и гл. 29. — *540*.

[26] Plurium interrogationum ut unius — см. гл. 5: 167 b 37 — 168 а 16, и гл. 30. — *540*.

Глава пятая

[1] $[R_a (x)$ и $P (a)] \Longrightarrow R_P (x)$, где R_a (соответственно R_P) — привходящее свойство, а P — произвольное свойство. — *540*.

[2] «Не то же, что а» — пример привходящего свойства R_a. — *541*.

[3] Аристотель различает два варианта этой ошибки: (1) $R_a(x) \vdash Ay R_y (x)$ (167 а 1 — 6) и (2) $R_a (x), \Dashv R_c (x) \vdash Ay [R_y (x)$ и $\Dashv R_y (x)]$ (167 а 7 — 20). — *541*.

[4] См. прим. 3, (2). — *541*.

[5] Аристотель различает три варианта этой ошибки — замены предмета опровержения: (1) вместо $R_a (x)$ опровергают $R (x)$, полагая последнее эквивалентным выражению $Ay R_y (x)$, указанием на выполнимость $\Dashv R_c (x)$ с $c \neq a$ и применением софизма 3, (2) (см. прим. 3). (2) Вместо $R^P_a (x)$ опровергают $R (x)$, полагая последнее эквивалентным $AXR^X_a (x)$, указанием на выполнимость $\Dashv R^Q_a (x)$ с $Q \neq P$ и применением следующего софизма: $R^P_a (x), \Dashv R^Q_a (x) \vdash AX [R^X_a (x)$ и $\Dashv R^X_a (x)]$. (3) Вместо $R^P_a (x, t)$ опровергают $R (x)$, полагая последнее эквивалентным выражению $At R^P_a (x, t)$, указанием на выполнимость $\Dashv R^P_a (x, t + k)$ с $k \neq 0$ и применением софизма: $R^P_a (x, t), \Dashv R^P_a (x, t + k) \vdash At [R^P_a (x, t)$ и $\Dashv R^P_a (x, t)]$, где «$R^X_y (x, t)$» означает «x находится к y в отношении R по свойству P в момент времени t». Ср. 167 а 26 — 27. К варианту (1) см. пример в 167 а 29 — 30. К варианту (2) см. пример в 167 а 31 — 33. К варианту (3) см. пример в 167 а 33 — 34. Во всех случаях имеется «изъян в определении» выражения «R (x)». — *542*.

[6] Вследствие двусмысленности выражения «R (x)». См. прим. 5. — *542*.

[7] Т. е. простое обращение необратимого просто. Ср. прим. 2 к гл. 2 «Первой аналитики» I. — *542*.

[8] Отбрасывается соотношение: $А \Longrightarrow Б \vdash Б \Longrightarrow А$. — *542*.

[9] См. Мелисс, фр. 1 — 3 (по А. Маковельскому, ч. II, стр. 103 — 104). Ср. 168 b 35; 181 a 27; «Физика», 185 a 32. — *543*.

[10] Заключение опровергается путем опровержения некоторого утверждения, не являющегося какой-либо из необходимых посылок (т. е. причин, см. «Вторая аналитика», 71 b 22), из которых следует данное заключение. — *543*.

[11] Ибо предполагается, что душа не есть не только возникновение, но и уничтожение. — *543*.

[12] «Да» или «нет». — *544*.

[13] (1) Неверно: $\neg P(x) \Longrightarrow P(x)$. (2) Неверно: $P(x) \Longrightarrow \neg P(x)$. — *544*.

Глава шестая

[1] Т. е. свести к ignoratio elenchi. — *544*.

[2] Отбрасывается соотношение: $[((А \text{ и } Б) \Longrightarrow В) \text{ и } P(В)] \Longrightarrow [(А \text{ и } Б) \Longrightarrow P(В)]$. Ср. прим. 14 к гл. 4. —*545*.

[3] Ср. «Вторая аналитика» I, 5 и прим. 5 к этой главе. — *545*.

[4] См. 167 a 21 — 35. — *546*.

[5] Ср. «Первая аналитика», 24 b 20 — 21. — *546*.

[6] Поскольку следствие, вообще говоря, не взаимозаменяемо с тем, следствием чего оно является, и свойство вещи, выражаемое следствием, необязательно есть его существенное свойство, даже если свойство, выражаемое основанием этого следствия, относится к его существенным свойствам. См. прим. 3 к гл. 1 кн. II, прим. 1 к гл. 4 кн. I «Топики». — *546*.

[7] Утверждения «если нечто есть мед, то оно желтое» и «если нечто есть лебедь, то оно белое» необратимы, причем желтое и белое — привходящие свойства, а именно желтое — для того, что есть мед, и белое — для того, что есть белое. Ср. прим. 6, а также прим. 8 к гл. 5. — *546*.

[8] Неверно: $(a =_P c) \Longleftrightarrow AQ\,[Q(a) \Longleftrightarrow Q(c)]$. — *546*.

[9] Ср. прим. 8. Выражение «принимать одну и ту же величину» здесь означает «приобретать одно и то же свойство». — *546*.

[10] (1) Верно: $AQ\,[Q(a) \Longleftrightarrow Q(c)] \Longrightarrow (a =_P c)$. (2) Неверно обратное: $(a =_P c) \Longrightarrow AQ\,[Q(a) \Longleftrightarrow Q(c)]$. — *547*.

[11] См. гл. 24, 28. — *547*.

[12] Ибо определение выражает суть бытия вещи. Ср. «Топика», 139 a 33 — 36. — *547*.

[13] Ср. «Вторая аналитика», 77 a 36 — 37. — *547*.

Глава седьмая

[1] В действительности же это, по Аристотелю, неверное мнение. См. «Категории», 2 b 15 — 17; «Метафизика», 1040 b 26 — 27. — *548*.

[2] Все это рассуждение (169 a 29 — b 1), имеющее определенную номиналистическую окраску, явно направлено против гипостазирования общего. Ср. прим. 1. — *548.*

[3] Т. е. привходящее есть род для следствия. См. 168 b 28, а также прим. 6 к гл. 6. — *548.*

Глава восьмая

[1] А именно доводами относительно слова и смысла (170 b 12 — 40), а не сути дела. — *549.*

Глава десятая

[1] Однако следует различать доводы, касающиеся слова и смысла, и доводы, касающиеся сути дела. Ср. 167 a 23 — 24; 177 a 31 — 32; 178 a 26 — 27; «Топика», 146 a 6 — 7. — *552.*

[2] См. Зенон, фр. 2 (по А. Маковельскому, ч. II, стр. 86). Ср. 182 b 25 — 26. — *552.*

[3] Имеется в виду эпический цикл (кикл). Многие поэмы, входящие в этот цикл, эллинская традиция приписывала Гомеру. — *553.*

[4] См. 170 b 40. — *553.*

[5] То как единые (в некотором смысле) объекты, то как состоящие из единиц (в абсолютном смысле). См. коммент. 1, 2 к кн. VII «Начал Евклида» (стр. 257 — 259). — *554.*

Глава одиннадцатая

[1] Заключение может быть фактически истинным, но не следовать из данных посылок (причин — см. «Вторая аналитика», 71 b 22). — *555.*

[2] См. «Начала Евклида», коммент. 1 к кн. XII (стр. 204 — 206); «Первая аналитика», 69 a 30 — 34. Ср. 172 a 3. — *555.*

[3] О способе превращения круга в квадрат, примененном Брисоном, см. *Г. Г. Цейтен.* История математики в древности и средние века. М.—Л., 1938, стр. 58. Ср. 172 a 4; «Вторая аналитика», 75 b 40 — 41. — *555.*

[4] См. 165 a 22. — *555.*

[5] О способе превращения круга в квадрат, примененном Антифонтом, см. *Б. Л. ван дер Варден.* Пробуждающаяся наука. М., 1959, стр. 183. Ср. «Физика», 185 a 17. — *556.*

[6] См. «Физика» VI, 9. Ср. 179 b 20 — 21. — *556.*

[7] Ср. 171 b 6 — 7; «Вторая аналитика», 77 a 31 — 32. — *556.*

[8] См. «Метафизика», 998 b 22 — 28; «Вторая аналитика», 77 a 33. — *556.*

[9] Ср. «Вторая аналитика», 76 a 37 — 40; 76 b 3 — 4. — *557.*

Глава двенадцатая

[1] «Топика» II, 5. — *558.*

[2] См. *Платон.* Горгий, 482 е. — *559.*

[3] См. *Платон.* Теэтет, 172 а; Государство, 339 е. — *559.*

[4] См. *Платон.* Горгий, 470 е. — *560.*

Глава тринадцатая

[1] См. 165 b 16. — *560.*
[2] Речь идет о некорректной замене во фразе определяемого определяющим. — *560.*
[3] См. прим. 1 к гл. 12 кн. VI «Топики». — *560.*
[4] Ср. 181 b 38 — 182 a 6. — *560.*

Глава четырнадцатая

[1] См. 165 b 20. — *561.*

Глава пятнадцатая

[1] См. «Топика» VIII, 1. — *562.*
[2] Предположительно диалог Спевсиппа. О Клеофонте см. «Поэтика», 1458 a 20. — *564.*
[3] *Ликофрон* — софист, ученик Горгия. — *565.*

Глава шестнадцатая

[1] См. гл. 4 — 11, 15. — *565.*

Глава семнадцатая

[1] См. 160 a 23 — 34. — *568.*
[2] См. 1 64 a23 — 24; 169 b 20 — 23. — *568.*
[3] Следствие неявно содержится в том, следствием чего оно является. — *569.*
[4] См. 168 a 17 — 21. — *569.*
[5] Ср. 167 b 2 — 3 и прим. 8 к гл. 5. — *570.*

Глава восемнадцатая

[1] См. 176 b 36 — 177 a 2. — *571.*

Глава девятнадцатая

[1] См. *Платон.* Эвтидем, 300 b — d. Ср. 166 a 12 — 14; 177 a 25 — 26, а также прим. 10 к гл. 4. — *571.*
[2] См. 177 a 27 — 30. — *571.*

Глава двадцатая

[1] Палкой — глазами. — *572.*

[2] Ορος (oros — со знаком тонкого придыхания) — «гора», ὅρος (horos — со знаком густого придыхания) — «граница». — *573.*
[3] Ср. «Риторика», 1401 a 27. — *573.*
[4] Человеком. — *573.*

Глава двадцать вторая

[1] Ср. 179 а 21 — 22. — *575.*

[2] См. 177 b 33 — 34 и прим. 1 к гл. 11 кн. VIII «Топики». — *576.*

[3] Ср. «Метафизика», 990 b 16 — 17; 1039 а 2 — 3; 1079 а 11 — 13. Ср. *Платон.* Парменид, 132 d — 133 а. — *577.*

[4] Т. е. «третьего человека» создает не отвлечение, а гипостазирование. Ср. 169 а 29 — b 1 и прим. 2 к гл. 7. — *577.*

Глава двадцать четвертая

[1] См. *Платон.* Эвтидем, 298 а — е. Ср. 179 b 14 — 16. — *579.*

[2] См. 177 b 32. — *579.*

[3] *Гомер.* Илиада I, 1. Ср. «Риторика», 1415 а 15 — 16. —*581.*

Глава двадцать пятая

[1] К 180 b 2 — 7: разобран один из вариантов парадокса «Лжец». — *582.*

Глава двадцать шестая

[1] См. 167 а 21 — 35. — *584.*

Глава двадцать восьмая

[1] Если нечто есть человек, то оно есть живое существо. — *585.*

[2] См. прим. 4, 5 к гл. 8 кн. II и прим. 3 к гл. 6 кн. III «Топики». — *585.*

Глава тридцать вторая

[1] См. гл. 14. — *587.*

Глава тридцать третья

[1] Archō — управлять; eyarchos — легко управляемый, покорный; apollyō — губить. — *589.*

[2] См. Зенон, фр. 2; *Парменид.* О природе VIII, 3 (АМФ I, стр. 295). — *590.*

Глава тридцать четвертая

[1] У Bekker'а и Ross'а — syllogismos. Soloikismos («погрешность в речи») — конъектура Пация. — *591.*

[2] См. 165 а 19 — 27. — *592.*

[3] См. 183 а 28. — *592.*

[4] *Тисий* из Сиракуз (V в. до н. э.) — ритор, учитель Исократа. *Фрасимах* из Халкедона — младший софист (см. *Платон.* Государство, 336 b). *Теодор* — ритор. — *592.*

[5] *Горгий* из Леонтин (V — IV вв. до н. э.) — оратор. — *593.*

СПИСОК ОБОЗНАЧЕНИЙ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Строчные буквы «p», «q», «r» латинского алфавита используются в качестве пропозициональных (высказывательных) букв, т. е. букв, обозначающих события.

Прописные буквы «P», «Q», «R» латинского алфавита используются в качестве предикатных букв — букв, обозначающих атрибуты (свойства или отношения).

В выражениях, обозначающих применение атрибута к единичным вещам (первым субстанциям), т. е. в выражениях вида «P (x)», «P (a)», «Q (x, y)», «Q (a, x)», «R (x, c, y)» и т. п., строчные буквы конца латинского алфавита «x», «y», «z» используются в качестве предметных (индивидных) переменных, а строчные буквы начала латинского алфавита «a», «b», «c» — в качестве предметных (индивидных) констант, т. е. в качестве имен единичных вещей (первых субстанций).

Следуя Аристотелю, прописные буквы русского (у Аристотеля, разумеется, греческого) алфавита используются в качестве букв, обозначающих свойства или классы. Но иногда они используются и в качестве пропозициональных букв. Обозначает ли данная прописная буква русского алфавита класс, свойство или событие, — это легко можно установить по контексту.

Буква «и» в символических или полусимволических записях обозначает конъюнкцию.

Слово «или» в символических или полусимволических записях обозначает включительную (неразделительную) дизъюнкцию.

Слово «либо» в символических или полусимволических записях обозначает исключающую (разделительную) дизъюнкцию.

«$\Rightarrow$» обозначает импликацию (материальную или строгую, смотря по контексту).

«$\Leftrightarrow$» обозначает эквивалентность (материальную или строгую, смотря по контексту).

«$\neg$» обозначает контрадикторное отрицание.

«$\overline{\neg}$» обозначает оппозиционное отрицание, переводящее контрарные выражения друг в друга и субконтрарные выражения друг в друга.

«Ax» обозначает квантор общности по переменной x.

«Ex» обозначает квантор существования по переменной x.

«$\vdash$» означает «выводимо», «доказуемо».

«$\models$» означает «следует», «вытекает».

«$\in$» обозначает отношение членства.

«$\subseteq$» обозначает теоретико-множественное отношение включения.

«$\cup$» обозначает теоретико-множественную операцию объединения.

«$\cap$» обозначает теоретико-множественную операцию пересечения.

«—» обозначает теоретико-множественную разность.

«{x: —}» обозначает оператор абстракции.

«$a =_P b$» означает «a равно (сходно с) b по свойству P».

«$\breve{R}$» обозначает конверс отношения R.

«$R_a^Q (x)$» есть сокращение для «R (x, a, Q)».

«$Ax^У Б$» обозначает произвольную силлогистическую посылку, где «x» пробегает по силлогистическим константам «a», «e», «i», «o», а «y» — по модальным операторам. Так что при отсутствии вхождения переменной «y» в это выражение оно обозначает произвольную ассерторическую силлогистическую посылку; в противном же случае — произвольную модальную силлогистическую посылку.

«M» обозначает безусловную (простую) возможность.

«L» определяется как «$\neg M \neg$» и обозначает безусловную (простую) необходимость.

«U» определяется как «$\neg M$» и обозначает безусловную (простую) невозможность.

«Qp» определяется как «(Mp и $M \neg p$)».

«Np» определяется как «$\neg Q \neg p$», т. е. как «(Lp или $L \neg p$)».

«$Aa^T Б$» определяется как «($Aa^M Б$ и $Ae^M Б$)».

«$Ae^T Б$» определяется как «$Aa^T Б$».

«Пp» определяется как «$\rightleftharpoons T \rightleftharpoons p$».

«$Ai^K Б$» определяется как «($Ai^M Б$ и $Ao^M Б$)».

«$Ao^K Б$» определяется как «$Ai^K Б$».

«Дp» определяется как «$\rightleftharpoons K \rightleftharpoons p$».

«$\Diamond$» используется в качестве переменной по M, T, Q, K.

«$\Box$» используется в качестве переменной по L, П, N, Д.

«o» определяется как либо «$\neg \Diamond$», либо «$\rightleftharpoons \Diamond$».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Аристотель

A81 Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. З. Н. Микеладзе. М., «Мысль», 1978.

687 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие)

Во второй том Собрания сочинений Аристотеля входит «Органон» — все логические трактаты античного философа.

А $\frac{10501\text{-}064}{004(01)\text{-}78}$ **Подписное** **1Ф**

ИБ № 67

АРИСТОТЕЛЬ

СОЧИНЕНИЯ В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

Том 2

Заведующая редакцией *З. М. Павлова*
Редактор *М. И. Иткин*
Младший редактор *А. В. Генералова*
Оформление серии художника *В. В. Максина*
Художественный редактор *С. М. Полесицкая*
Технический редактор *А. В. Ларина*
Корректор *Ч. А. Скруль*

Сдано в набор 28.04.77. Подписано в печать 25.11.77. Формат 84×108[1]/[32]. Бумага тип. № 1. Усл. печатных листов 36,12. Учетно-издательских листов 37,32. Тираж 220 000 (1-й завод 1—100 000) экз. Заказ 1264. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Отпечатано с матриц ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени ленинградского производственно-технического объединения «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул. 26, в типографии № 6 ЛПО «Техническая книга», Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193144, Ленинград, С-144, ул. Моисеенко, 10. Зак. 888.

ОПЕЧАТКИ:

7-ю строку сверху на стр. 231 следует читать:

то истинно, что оно присуще не всем Б. И если предпо-

6-ю строку снизу на стр. 617 следует читать:

предметов. Начертания $|\bar{x}|$ и $|\overline{x|}$ рассматриваются как существен-

Зак. 888

2 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»